

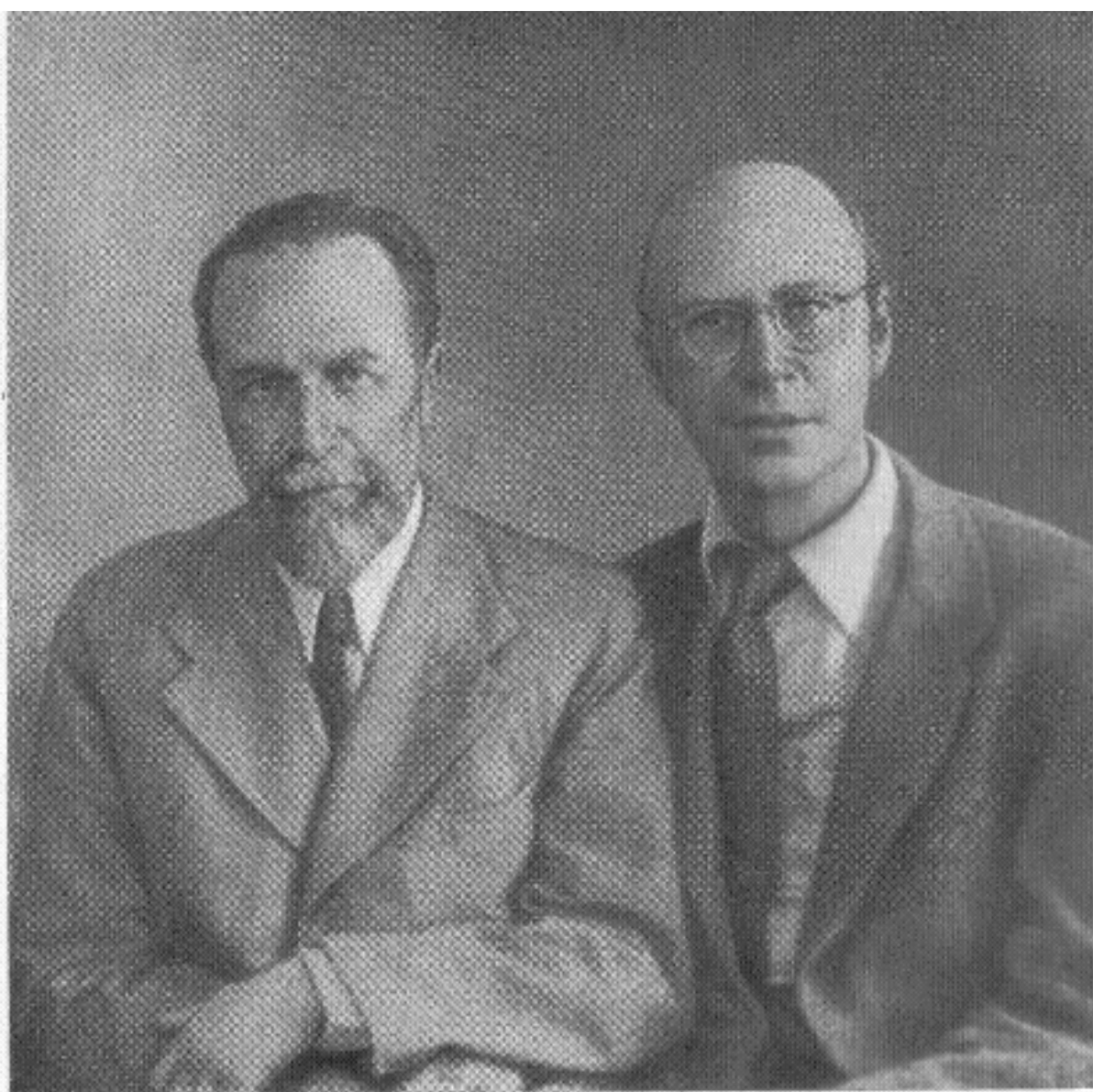
С. С. ПРОКОФЬЕВ
И
Н. Я. МЯСКОВСКИЙ

Перепуска

**С. С. ПРОКОФЬЕВ
И
Н. Я. МЯСКОВСКИЙ**

Переписка

ВСЕСОЮЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР»
Москва 1977

Н. Я. Мясковский и С. С. Прокофьев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Д. Б. КАБАЛЕВСКИЙ (ответственный редактор)
А. И. ХАЧАТУРЯН
Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

Вступительная статья
Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО

Составление и подготовка текста
М. Г. КОЗЛОВОЙ и Н. Р. ЯЦЕНКО
Комментарии
В. Л. КИСЕЛЕВА

Предисловие и указатели
М. Г. КОЗЛОВОЙ

В $\frac{90103 - 233}{082(02) - 77} 467 - 76$

© Издательство «Советский композитора, 1977

ЧУДЕСНАЯ ДРУЖБА

Трудно назвать двух других музыкантов, которые были бы связаны такой же глубокой и длительной дружбой, какой были связаны Николай Яковлевич Мясковский и Сергей Сергеевич Прокофьев, и которые были бы при этом так же не похожи друг на друга, как, почти во всех отношениях, не похожи были эти два замечательных музыканта нашего времени.

И самом деле, пути их складывались и развивались удивительно по-разному, а порой даже прямо противоположно, начиная чуть ли не с самых ранних лет жизни, с самых первых шагов в искусстве. Даже контуры их биографий показывают эти различия очень наглядно.

Мясковскому лишь около двадцати лет удалось приблизиться к своей заветной цели и начать серьезные занятия музыкой. Семейные традиции повели его с детства по чуждому его натуре пути. Воспитанник кадетского корпуса, затем слушатель военно-инженерного училища, он, прежде чем посвятить себя музыке, должен был стать офицером саперной службы. Занятия музыкой в те годы превращались почти в «подпольную» деятельность и, по словам самого Мясковского, требовали от него «феноменальной изворотливости».

Прокофьеву, напротив, ничто и никогда не мешало в его продвижении по пути искусства. С самых ранних детских лет родители его делали все возможное, чтобы развить в мальчике рано проявившееся дарование и любовь к музыке. На одной из ранних фотографий девятилетний Прокофьев сидит за пианино, на пюпитре которого стоят ноты с ошеломляющей надписью: «Опера «Великан». Сочинение Сережи Прокофьева»...

Мясковскому удалось поступить в консерваторию лишь в двадцатипятилетнем возрасте. Оставив дома казенный китель с офицерскими погонами, он явился на экзамен в штатском платье и больше всего, кажется, боялся не задач по гармонии и контрапункту, а того, как бы не обнаружилось, что он окончил высшее военное учебное заведение

<стр. 4>

и не вышел еще в отставку. Узнай об этом комиссия — рухнули бы все мечты о музыке.

Если экзаменаторов мог удивить слишком солидный вид Мясковского, подчеркнутый аккуратно подстриженной бородкой, то поступавший в ту же Петербургскую консерваторию двумя годами раньше Прокофьев тем более не был похож на обычных консерваторских абитуриентов. Светловолосый мальчик в скромном детском костюмчике выложил на стол перед комиссией такое огромное количество сочинений, что оставалось только поражаться необычайной плодовитости тринадцатилетнего композитора.

В стенах консерватории, в классах прославленных русских композиторов-педагогов Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова и зародилась сердечная, глубоко содержательная дружба двух музыкантов, сыгравшая большую роль в их жизни и оборвавшаяся лишь в тот печальный день, когда

смерть унесла одного из них...

Более сорока лет продолжалась эта чудесная дружба, с особой яркостью и полнотой запечатленная в их переписке, по содержанию своему представляющей исключительно интересное явление в мировой эпистолярной литературе.

Возникла эта переписка вскоре после того, как Мясковский и Прокофьев сблизились на почве общеконсерваторских интересов и, особенно, на почве общего для обоих повышенного интереса к новой музыке. Но не только это послужило поводом для начала переписки.

Молодые друзья решили отдавать друг другу на строгий и нелицеприятный суд каждое свое новое сочинение. И вот начался регулярный обмен своеобразными «письмами-рецензиями» или «письмами-отчетами» о своей работе, которые и составляют основу всей переписки, продолжавшейся сорок три года и состоящей более чем из 450 писем. Лишь как дополнение к этой основной теме встречаем мы в письмах и некоторые «побочные» темы. Это — впечатления от музыки других композиторов и от встреч с другими музыкантами, сообщения об издании и исполнении тех или иных сочинений, либо, что занимает в письмах вовсе небольшое место, — описания разного рода жизненных событий, непосредственно с музыкой не связанных. Но прежде всего и главным образом, повторяю, переписка Мясковского с Прокофьевым посвящена взаимному критическому или самокритическому разбору их собственных сочинений. Быть может, в этом ее известная ограниченность, но в то же время и ее чрезвычайная ценность как важнейшего источника при изучении их творческих биографий и самого их творчества.

Читая и вновь перечитывая эти письма, невозможно не восхищаться их глубокой содержательностью и человечностью, блеском литературного стиля, которым в равной мере владели и Мясковский, и Прокофьев.

Но есть в этой переписке еще одно важнейшее качество, далеко выходящее за пределы жизни и творчества лишь двух, хотя бы и выдающихся людей. Это качество — огромная этическая сила, которая

<стр. 5>

окрашивает всю переписку, делая ее великолепным примером для каждого из нас, особенно для молодежи, примером того, какими должны и могут быть настоящие отношения между людьми искусства, да и не только, конечно, искусства.

В критических высказываниях Прокофьева и Мясковского много смелого, колючего, непримиримого не только к музыке друг друга, но и к музыке многих их современников. Следует ли этому удивляться? Если они были такими обнаженно-резкими в отношениях друг с другом, укрепляя этим взаимную любовь и веру друг в друга, то почему бы им не оставаться самими собой, зачем менять свои принципы и даже стиль выражения своих мыслей, когда речь заходила о музыке других композиторов?!..

И было бы неверно думать, что они прямо и резко высказывались о своих коллегах лишь «за глаза», в интимной переписке друг с другом. Вовсе

нет! Вот лишь несколько примеров, сохранившихся, возможно, в памяти их современников.

После первого исполнения Фортепианного квинтета Шостаковича Прокофьев в присутствии автора резко раскритиковал это, явно не понравившееся ему произведение и, заодно, обрушился на всех, кто его хвалил. Помню, как «досталось» Веприку от Мясковского при обсуждении только что написанной им «Траурной песни», за «изъяны построения» этого сочинения. Не могу не вспомнить и о том, как бескомпромиссно-требовательно относился Николай Яковлевич к творчеству своих учеников, не раз вызывая в них желание пересочинять казалось бы уже завершённые произведения.

Безжалостно резкие слова написал Прокофьев о Сергее Рахманинове: «...будто в его иссохшем мозгу...» Слова эти могут показаться даже грубыми. Но вспомним, что сказаны они были почти в то же самое время, когда сам Рахманинов с глубокой тоской признавался: «У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желаний творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний»¹. У меня нет сомнений, что совсем иные чувства испытывал Прокофьев к Рахманинову (при всей чуждости ему стиля и характера рахманиновской музыки) после того, как услышал его Третью симфонию и Симфонические танцы — плод преодоления мучительного для самого Рахманинова творческого кризиса.

Мясковский высказывает в письмах к Прокофьеву ряд критических суждений о музыке Шостаковича, которая внутренне была ему, вероятно, не слишком близка. Но никогда я не забуду слов Николая Яковлевича, сказанных им после сочинения одной из лучших своих — Двадцать седьмой симфонии: «Каким все это кажется детским, наивным рядом с симфонизмом Шостаковича». А вот, когда дело дошло

¹ Рахманинов С. В. Композитор как интерпретатор.— «Советская музыка», 1955, № 2, с. 80.

<стр. 6>

до балета «Светлый ручей»,—тут уж Мясковский был бескомпромиссен в своей негативной оценке этой музыки...

Прокофьеву, судя по его высказываниям, была не по душе музыка С. Е. Фейнберга и Ан. Н. Александрова, и это нашло отражение в некоторых его письмах. Однако Мясковский посылал сочинения этих композиторов, к таланту и мастерству которых относился с глубоким уважением, Прокофьеву для пропаганды за границей. И Прокофьев делал все возможное, чтобы наилучшим образом выполнить поручение Николая Яковлевича, оставляя в стороне свои личные вкусы.

«Достается» от Мясковского и Прокофьева многим дирижерам, в том числе дирижерам безусловно отличным и даже выдающимся. Но надо понять, что за присущей им обоим остротой критики скрываются причины вовсе не

личного характера. В те годы еще лишь начинали складываться традиции исполнения музыки обоих композиторов. Интонационное своеобразие и необычность оркестрового стиля Прокофьева, равно как особо плотный гармонический и полифонический язык Мясковского и некоторая «вязкость» его партитур, вели к тому, что их сочинения не всегда (особенно при первом исполнении) понимались дирижерами и слишком часто звучали более чем несовершенно. Отсюда — вечное недовольство дирижерами.

Особенно это относится к Мясковскому. Но, действительно, безупречное исполнение своих симфонических партитур он слышал далеко не часто. Я сохранил воспоминания о первых исполнениях почти всех симфоний Мясковского, начиная с Третьей и кончая посмертной премьерой Двадцать седьмой. Как грустно сознавать, что именно эту премьеру, состоявшуюся в Колонном зале Дома Союзов под управлением А. В. Гаука, Мясковский уже не слышал. Я уверен, что если бы он был среди слушателей этого превосходного исполнения — он стал бы добрее судить о дирижерах, в частности об А. В. Гауке, в исполнительской жизни которого — Двадцать седьмая симфония Мясковского стала вершинным его достижением. Увы, не слышал Мясковский и звучания своих симфоний в великолепном исполнении дирижеров нового поколения, особенно Евгения Светланова и Кирилла Кондрашина...

Еще на одно обстоятельство, связанное с перепиской Мясковского с Прокофьевым, я хотел бы обратить внимание. Всякая переписка неизбежно содержит вызванные различными причинами пропуски, пробелы, создающие иногда одностороннее, даже неверное представление об отношении корреспондентов к тем или иным явлениям жизни и отдельным лицам, упоминание о которых попало лишь в одно письмо, да и то не по самому важному поводу, отразило лишь одну какую-нибудь сторону того или иного факта.

Подходя с этих позиций к переписке Мясковского и Прокофьева, нельзя не пожалеть о том, что она почти вовсе прекратилась после возвращения Сергея Сергеевича из-за границы и потому последние два десятилетия их дружбы нашли более чем скромное отражение в переписке.

<стр. 7>

Но пробелы и пропуски встречались, естественно, и в прежние годы. Так, например, в письмах Мясковского встречается лишь одно, сочувственное, но очень краткое упоминание о А. И. Хачатуряне — о его юношеском Трио. Более поздние сочинения Хачатуряна — «Танцевальная сюита» и, особенно, Скрипичный концерт, которые Николай Яковлевич оценивал очень высоко, остались за пределами переписки.

То же можно высказать и по отношению к ряду других имен, упоминаемых (и не упоминаемых!) в письмах Мясковского и Прокофьева.

Словом, читая переписку этих замечательных музыкантов, невзирая на всю ее масштабность, содержательность и глубину, надо, как при чтении любой переписки, смотреть на нее, как на один из фрагментов целого, как на серию снимков отдельных частей огромного пейзажа, не претендующую на

охват всего пейзажа в целом. Личность «фотографа» (в данном случае даже двух «фотографов») вырисовывается очень рельефно и многогранно; то, что они видели — зафиксировано далеко не полно...

И тут нельзя не обобщить все эти отдельные замечания мыслью о том, что отношения Мясковского и Прокофьева строились на глубокой человеческой искренности, откровенности и правдивости; на убежденности в том, что обидеть человека может только неискреннее к нему отношение и что в искусстве неискренность еще более нетерпима, чем в житейских делах. Они были убеждены, что обидеться на их критику, как бы сурова и колюча она ни была, — никто не может. Ведь они-то сами друг на друга не обижались, а уж суровости и колючести в их взаимной критике было более, чем достаточно...

Для того, чтобы увидеть, как зарождались такие отношения между Мясковским и Прокофьевым, достаточно перелистать страницы писем раннего периода, в которых затрагивается одно из первых сочинений Прокофьева — Симфоньетта ля мажор, ор. 5/48, написанная в 1909 году и затем дважды автором переработанная — в 1914 и 1929 годах.

3 июня 1909 года Прокофьев посылает Мясковскому одну из частей интермеццо) еще не завершённой Симфоньетты: «Осмотрите ее и через три дня отправьте домой».

Уже 8 июня Мясковский отвечает обстоятельным критическим разбором новой музыки своего юного друга. Она ему явно не понравилась: «...я ожидал значительно большего — простота — это одно, а бедность — это несколько иное, к сожалению, Ваша пьеса именно бедна, в ней нет ни изобретения, ни фантазии». Жестоко разбранив эту музыку, Мясковский объясняет свой «критический пыл» словами, очень точно характеризующими его отношение к творчеству Прокофьева уже в те ранние годы их дружбы: «...если написал Вам свой искренний отзыв, то только потому, что слишком люблю Ваш талант и заложенные в Вас возможности и не хотел бы, чтобы Вы сделались чем-то Зибелиуса».

Прокофьев оставляет без ответа этот, вероятно, первый в его жизни серьезный критический отзыв о своей музыке. Мясковский обеспо-

<стр. 8>

коен: «Драгоценность моя, что это от Вас ни слуху, ни духу, неужели Вы на меня дуетесь за придирки к интермеццо?» (письмо от 25 июня).

И вот, наконец, приходит ответ от Прокофьева, датированный 6 июля. Ответ задиристый, колючий, сразу же раскрывающий разницу в характерах двух друзей:

«Lieber Kola. Я ни минуты на Вас не «дулся» за Ваш гнусный поступок касательно моей симфоньетты. Я отлично понял Ваше невменяемое состояние, Ваше отвращение от всего и ко всему — и ни чуточки не обиделся. Я только решил до времени переждать и Вас не трогать, пока Вы не отойдете. А теперь позвольте объяснить Вам, что, принято называть интермеццом».

И возникает острый, интереснейший творческий спор. Мясковский «наступает», Прокофьев упорно «обороняется», а нередко сам переходит в

активное «наступление». С огромным интересом следишь за всеми перипетиями этого спора, занимающего изрядное количество страниц девяти больших писем. Письма эти настолько содержательны, значение их так далеко выходит за пределы одного лишь юношеского сочинения Прокофьева, что их смело можно изъять из всей переписки и читать отдельно, как увлекательную эпистолярно-критическую новеллу.

Этической кульминацией этой своеобразной новеллы можно назвать последнее письмо Мясковского (от 9 августа 1909 года), в котором с необычайной рельефностью обнаруживается самая глубинная основа, взрастившая дружбу двух замечательных музыкантов: взаимное доверие, полнейшая откровенность и принципиальность, без чего нет места и взаимному уважению.

«Дорогой Серж, — пишет Мясковский, — [...]. Какой Вы, однако, оказались лукавый; после того, как я разобрал Вашу «Интермеццу» (что, впрочем, все же в некоторой части вполне справедливо), Вы мне писали, что это Вам сошло как с гуся вода, а теперь проговорились о каком-то отчаянии. Последнее меня очень удручило; неужели Вы такой слабый, неуравновешенный и малоталантливый (в своем мнении) музыкант, что Вам нельзя ничего сказать неодобрительного, а надо лишь все огулом выхвалять, как я поступаю, например с Саминским и Кобылянским. Зная мое отношение к Вашей Музе, Вы могли бы с меньшим огорчением относиться к моим на Вас нападениям, потому что в основе их лежит не пустое критиканство и (о, удивление!) даже не профессиональная зависть, а исключительно желание видеть в Вас по меньшей мере русского Вагнера (по общему его значению), а для этого Вам нужно многого остерегаться — пуще всего малодуманья (пока —потом у Вас при работе образуется привычка с к о р о и много думать), а этот недостаток часто у Вас проскальзывает —больше в мелочах или в таких нарочных простотах, которые нередко попадают в Вашей п о з а к а з у п р о с т о й музыке, но отнюдь не «веселенькой», к которой Вы так же, быть может, способны, как и к другой, хотя, конечно, Ваша сила в большом. Относительно сухости и бесцветности

<стр. 9>

для музыки, я полагаю, что это синонимы, ибо результат воздействия на чувства один и тот же — безразличие, а в большом количестве — скука».

Здесь, в этом великолепном отрывке, что ни фраза—то мысль, причем мысль не отвлеченная, не сухая, но согретая глубоким чувством любви и уважения к своему юному другу. Здесь также обнаруживается важная и интересная особенность, характеризующая отношения между Мясковским и Прокофьевым едва ли не на протяжении всех лет их дружбы.

Я хочу напомнить, что Мясковский был ровно на десять лет старше Прокофьева — разница довольно ощутимая, особенно когда одному было 25 лет, а другому 15. При такой разнице не удивительно, конечно, что Прокофьев частенько обращался к старшему другу с самыми разнообразными, иногда совсем «детскими» вопросами: как пишется слово «симфоньетта» — через

одно «т» или через два; какие низкие ноты можно писать для тромбона; какую из бетховенских сонат лучше выбрать для разучивания и почему одна из них называется «Авророй» и т. д.

Но дело было не только в разнице возрастов. Мясковский выделялся своим общим и музыкальным развитием среди большинства товарищей по консерватории, и разница эта по отношению к Прокофьеву в те годы была, конечно, особенно заметной. Именно тогда уже проявлялось значительное различие их натур и в человеческом, и в творческом отношении — с юности зрелый интеллектуализм Мясковского и не исчезнувшая с годами юношеская непосредственность и эмоциональность Прокофьева. Быть может, именно это различие в большой мере и скрепляло их дружбу...

Для Мясковского музыка Прокофьева всегда была источником не только радости и художественного наслаждения — в ней он черпал творческую и жизненную энергию, она заражала его своим духом молодости, бодрости и оптимизма. «Еще стоит жить на свете, пока сочиняется такая музыка!» — пишет он Прокофьеву 18 апреля 1928 года и признается, что состояние его после проигрывания прокофьевской музыки «всега яснее выражается двумя словами: хочется жить».

Прокофьев тоже искренне и сердечно любил музыку Мясковского и, несмотря на всю отдаленность по стилю и характеру от собственной музыки, всегда хорошо понимал ее. «Вы по-прежнему здорово разбираетесь даже в мало Вам близкой музыке», — писал ему Мясковский 15 января 1923 года в ответ на критический разбор некоторых своих сочинений. Прокофьев, высказывая свои суждения почти о каждом произведении Мясковского, не уступал ему в прямоте и резкости критики.

Несмотря на разницу в возрасте и даже в музыкальном развитии, когда оба они еще были студентами консерватории, Прокофьев так, например, высказался о присланных Мясковским темах задуманной им симфонии (письмо от 11 июля 1908 г.): «Очень хороша главная партия финала, свежо и бодро. Только побочная партия, верно, испортит дело:

<стр. 10>

откуда на нее ни взгляни — все неинтересно: перемените, — ничего не проиграете, так как все равно хуже не сочините при всем желании».

Но в еще большей мере Прокофьев всю жизнь испытывал непреодолимое влечение к Мясковскому, как к выдающейся личности, большому художнику, который знал его музыку так, как, может быть, никто ее еще тогда не знал, любил ее, понимал и при этом не щадил в своих критических суждениях — всегда умных, проницательных. Уже в самом первом письме, открывающем переписку, от 26 июня 1907 года звучит трогательно-уважительная нотка Прокофьева, обращающегося к своему старшему другу: «Конечно, на различные тонкости, разбираться в которых очень любите, Вы мне сделаете самые точные указания».

И всю жизнь, завоевав уже славу одного из первых композиторов своего времени, Прокофьев, едва только заканчивал последний такт очередного

нового сочинения, как тотчас же показывал его Мясковскому, чье мнение было для него необычайно важно и дорого. И, пожалуй, Мясковский был единственным, чьи критические замечания заставляли Прокофьева иной раз переделывать свою музыку, и даже весьма основательно, как было, например, с Первым виолончельным концертом (ор. 58), в партитуру которого Прокофьев под влиянием суровой критики Мясковского внес очень серьезные изменения. Да и в отношении Симфоньеты будущее показало, что придирчивые замечания Мясковского, высказанные им в свое время, не пропали зря. Своего рода «кодой» к новелле об этой Симфоньете, могут послужить слова самого Прокофьева, написанные им уже в начале 40-х годов в «Краткой автобиографии»: «Симфоньета представляла собой попытку сделать прозрачную вещь для малого оркестра; попытка не особенно удалась — для прозрачного письма не хватало мастерства, и лишь через много лет, после двух переработок, Симфоньета приняла приличный вид»¹. И своей последней редакции Симфоньета — эта очаровательная родная сестра Классической симфонии — вызывала у Мясковского одно лишь восхищение...

После ознакомления с оперой «Огненный ангел» Мясковский утверждал, что Прокофьев встал «во весь рост как музыкант и художник», что он созрел «до полной гениальности» (письмо от 30 мая 1928 года). Но гораздо раньше, еще в консерваторские годы, с каждым новым сочинением Прокофьева он все больше утверждался в мысли, что по силе таланта и ярчайшей самобытности никто из композиторов той поры не мог с ним равняться и что рядом с прокофьевской музыкой бледнела всякая другая музыка.

Отсюда, возможно, и появилась у Мясковского, оставшаяся на всю жизнь, привычка говорить с Прокофьевым о своей музыке в шутливо ироническом тоне: «Длинная штука вышла и нудная» (о «Молчании», 1909).; «Мое бедное, толстое и нудное детище» (Первая фортепианная соната, 1911); «Старая сентиментальщина» («Мадригал», 1924) и т. д.

¹ С. С. Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания. Изд. 2-е. М. 1961, с 143.

<стр. 11>

«Я Вам не верю, — написал ему как-то Прокофьев,—у Вас черта, противоположная Вагнеру —быть вечно недовольным собой (если это не кокетство)» (письмо от 4 августа 1908 года). Нет, это не было кокетством. Была здесь и связанная с необыкновенной требовательностью к себе вечная неудовлетворенность, не дававшая Мясковскому покоя всю жизнь, но было также, можно сказать, преклонение перед гением Прокофьева, приводившее к болезненно-щепетильной боязни поставить свою музыку в один ряд с прокофьевской. Это чувствуется и в шутливой фразе, написанной уже зрелым Мясковским зрелому Прокофьеву после того, как Прокофьев похвалил его «Причуды». «Я радуюсь, хоть и удивлен, что Вам понравились мои фортепианные щеночки (не смею назвать собачками¹, думая о Ваших)» (письмо от 15 января 1923 года).

Прокофьев окончил композиторский класс консерватории в 1909 году, в

возрасте восемнадцати лет, Мясковский в 1911 году, когда ему исполнилось тридцать лет. Несмотря на различие творческих индивидуальностей, оба они оказались для тогдашней консерватории равно непонятными, слишком дерзкими в своих творческих исканиях. И оба закончили свой курс достаточно скромно. По словам самого Мясковского, он «тихо кончил»² свои занятия в классе сочинения у А. К. Лядова, а у Прокофьева, по собственному признанию, эти занятия как-то не клеились и после второго урока прекратились»³.

Но Прокофьев не ограничился занятиями по композиции. Продлив свое пребывание в консерватории еще на пять лет, он покинул ее стены, став также умелым дирижером и блестящим пианистом, удостоенным даже почетной премии имени Рубинштейна.

Мясковский же, потеряв столько бесценных лет на овладение нелюбимым и ненужным ему военно-инженерным делом, уже лишен был возможности серьезно взяться за музыкальное исполнительство, о чем не переставал сожалеть всю свою жизнь.

Еще за три года до окончания консерватории Мясковский стал давать уроки теории музыки. И он занимался педагогической деятельностью до последних дней своей жизни, прославив себя, как педагог, достойный стоять в одном ряду с лучшими русскими композиторами педагогами Римским-Корсаковым и Танеевым. Несколько поколений композиторов воспитал он за тридцать с лишним лет своего профессорства в Московской консерватории.

Прокофьев всю жизнь избегал педагогической работы. Однажды он попытался заняться ею в качестве консультанта в семинаре для

¹ В юные годы Прокофьев называл «собачками» свои фортепианные пьесы («Они немножко кусались...»),

² Мясковский Н. Я. Автобиографические заметки о творческом пути. — В кн.: Н. Я. Мясковский. Собрание материалов, т. 2. М., 1964, с. 13.

³ С. Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания. Цит. изд., с. 142.

<стр. 12>

молодых композиторов при Московском союзе композиторов, но опыт этот продолжался недолго и никто не может рассказать о нем, кроме Антонио Спадавекия, кажется, единственного композитора, кому посчастливилось воспользоваться консультациями Прокофьева.

В 1911 году в московском еженедельнике «Музыка» появилась первая критическая статья Мясковского «Летопись провинции» (о концертах в Павловске). В 1913 году там же была напечатана первая Критическая статья Прокофьева «А. Станчинский. Эскизы для фортепиано». Оба начинающих автора обнаружили выдающийся литературный критический дар — остроту и точность критической мысли, обоснованность и принципиальность эстетических позиций, превосходный литературный стиль — более спокойный у Мясковского, более «колючий» у Прокофьева.

Однако и в этой области они проявили себя достаточно по-разному. Наибольшее количество литературных выступлений Прокофьева падает на

поздний период его деятельности — примерно с середины 30-х годов, и писал он преимущественно на музыкально-общественные темы, нередко о своем творчестве и очень мало — о творчестве других композиторов, Мясковский почти все свои статьи написал в ранние годы, и статьей о творчестве Ан. Александрова в 1925 году эта деятельность его в сущности закончилась, если не считать написанной в начале 40-х годов рецензии на исполнение в Ереване Седьмой симфонии Д. Шостаковича.

Писал он, главным образом, статьи-разборы, посвященные отдельным произведениям или отдельным композиторам. На первом месте среди этих статей, вне всяких сомнений должна быть названа выдающаяся работа «Бетховен и Чайковский» — великолепная вершина музыкально-критической деятельности Мясковского.

О себе и своей музыке писал мало — несколько аннотаций и в высшей степени содержательные «Автобиографические заметки о творческом пути».

Стремительно стали расходиться жизненные пути Прокофьева и Мясковского сразу же после начала первой мировой войны. Всего лишь четыре предвоенных года Мясковскому удалось целиком посвятить себя музыке. Эти годы показали, насколько прав был он в своем стремлении стать композитором. За короткий срок его признали и музыканты, и любители музыки, признали как одного из талантливейших русских композиторов нового поколения.

И Прокофьев прославился за эти годы. Его музыка — смелая, самобытная, полная неукротимой молодой энергии, — вызывала бурные восторги у одних и негодование у других. Его имя стало известным за пределами России. Им заинтересовался Дягилев и сразу же решил привлечь к участию в своих парижских оперно-балетных сезонах. Похоже было, что Прокофьев становится мировой знаменитостью.

И вот наступил 1914 год. Военная буря разразилась над Европой. И первые же месяцы войны Мясковского мобилизуют в армию, и, вновь

<стр. 12>

надев военную форму, он отправляется на австрийский фронт. Два года, почти без перерыва, находится он на передовых позициях, несколько раз чудом избегает гибели, добросовестно выполняет свой воинский долг, хотя и испытывает органическое отвращение к войне, ко всяческой «военщине». О сочинении музыки он и не помышляет. К ранее созданным произведениям не добавляется ни одной ноты — лишь записи народных и собственных тем — «заготовок» для будущих симфоний.

Прокофьев — единственный сын в семье — освобождается по тогдашним законам от призыва в армию. На протяжении всех военных лет он ни на день не прекращает интенсивной творческой работы и даже ухитряется съездить в Италию для переговоров с Дягилевым о будущем своем балете. Невероятно контрастны по содержанию и по всему характеру их письма военной поры. Это не просто переписка друзей, это словно общение двух миров, связанных, кажется, лишь одним — взаимным тяготением.

Письма этих лет могли бы составить еще одну самостоятельную

эпистолярную новеллу, ничуть, однако, не похожую на новеллу о Симфоньетте, о которой шла речь в начале этой статьи. Там — все интересы, все внимание друзей сосредоточено на одной конкретной и сравнительно не такой уж большой по своему объективному значению, точке: на одном, к тому же, еще незавершенном сочинении Прокофьева. Теперь — все иное. Переписка военных лет охватывает события огромного общественного значения. Фронт, с постоянной опасностью гибели, висевшей над головой Мясковского и далекие от военных забот и тягот интересы живущего почти мирной жизнью в Петрограде Прокофьева; трагическое отступление наших войск в Карпатах и словно другой эпохой рожденные, идущие из Италии идеи Дягилева о написании Прокофьевым балета «из русской жизни и очень веселого»... Почти «Война и мир», сжатые до нескольких страниц торопливо написанных писем — тонкой нити, поддерживавшей связь между друзьями, брошенными судьбой в разные плоскости сложной жизни той поры.

Последний год войны Мясковский проводит в Ревеле (Таллине), на строительстве морской крепости. Близость к Петрограду, к друзьям, да и вся изменившаяся обстановка жизни все больше и больше возвращали его к музыкальным интересам. Он начинает даже помышлять о новых сочинениях. «У меня тоже сюжет хорош, но надо много думать, а времени нет», — пишет он Прокофьеву 17 марта 1916 года о неосуществленном замысле оперы «Идиот» по Достоевскому.

А атмосфера русской жизни накалялась все больше и больше. Над страной сгустились грозные тучи. Война зашла в тягостный тупик. Все явственнее ощущалось дыхание приближающейся революции. Наступил февраль 1917 года. За ним — Октябрь.

В пламени великой освободительной борьбы родилась новая, советская Россия. Перед всеми, перед каждым встал вопрос о его пути, о его месте в жизни молодого государства.

<стр. 14>

Мясковский возвращается в Петербург, потом навсегда перебирается в Москву. И хотя не сразу удастся ему снять с себя военную форму, он уже совмещает службу в Красной Армии (в военно-морском штабе) с творческой работой. А после демобилизации погружается в бурную и многообразную музыкально-общественную жизнь, становится в ряды активнейших строителей новой, социалистической культуры.

Иначе решает свою судьбу в этот ответственный момент Прокофьев. Слишком далек он был тогда от каких-либо проявлений общественно-политической жизни. С детства он привык к мысли, что живет только музыкой и только для музыки. События мировой войны, сыгравшие такую большую роль в формировании мировоззрения Мясковского, прошли как-то мимо его сознания. Пожалуй, дыхание войны он ощутил лишь однажды, когда военные действия затруднили его вторичную поездку в Италию к Дягилеву.

Поддавшись настроениям, господствовавшим в кругах, к которым Прокофьев был тогда близок, он готов был приветствовать Февральскую

революцию, но Великий Октябрь его озадачил. Это не было внутренним протестом, не было даже неверием или сомнением политического характера. Это проявилась та жизненная наивность, которая была в большой мере присуща Прокофьеву и которая породила тогда в нем (впоследствии самого его удивлявшее) опасение, что будто бы теперь в России не до музыки вообще, а до новой, прокофьевской в частности, тем более.

И вот, в те дни 1918 года, когда Мясковский строил обширные планы своей музыкальной деятельности в Советской России, Прокофьев, погрузившись в чтение истории Древнего Вавилона, совершает длинный и трудный путь от Петрограда через всю Сибирь и Дальний Восток, через Японию, через Великий океан — в Сан-Франциско.

Но в США он приезжает не эмигрантом, а советским гражданином, с советским паспортом и командировкой, подписанной наркомом Луначарским. Он так уверен в своем скором возвращении на Родину, что отказывается от самых заманчивых договоров, которые сразу же предлагают ему заправилы американской музыкальной жизни: слишком длинными кажутся ему сроки этих договоров — два—три года!..

Много лет спустя, один из французских друзей Прокофьева, музыкальный деятель Серж Морё так изложил слова Сергея Сергеевича, сказанные им незадолго до возвращения в Советский Союз: «...воздух чужбины не идет впрок моему вдохновению, потому что я русский, а самое неподходящее для такого человека, как я, — это жить в изгнании, оставаться в духовном климате, который не соответствует м о е й н а ц и и . [...] Я должен вернуться. Я должен снова вжиться в атмосферу родной земли. Я должен снова видеть настоящие зимы и весну, вспыхивающую мгновенно. В ушах моих должна звучать русская речь, я должен говорить с людьми моей плоти и крови, чтобы они вернули мне то, чего мне здесь недостает: свои песни, мои песни. Здесь я ли-

<стр. 15>

шаюсь сил. Мне грозит опасность погибнуть от академизма. Да, друг мой, я возвращаюсь...»¹

Что можно добавить к этим словам, которые не раз слышали от Прокофьева его зарубежные друзья до возвращения на Родину и мы — уже здесь, когда он окончательно обосновался в Москве! Как сближают эти слова Прокофьева со многими великими русскими писателями, музыкантами, художниками, которые, даже ненадолго уезжая за границу, очень скоро начинали тосковать по Родине, чувствуя, что только у себя, в России они могли найти источник подлинного творческого вдохновения.

Но все же жизнь в США, а потом в Европе затягивает Прокофьева бесконечными концертами, театральными постановками и, в конце концов, паутиной всяческих договоров и контрактов. Даже после того, как он внутренне осознал необходимость покончить со своими заграничными скитаниями, не так легко удалось ему осуществить это решение и разорвать эту опутывавшую его паутину.

Через несколько лет после отъезда Прокофьева за границу ему удастся разыскать Мясковского и возобновить переписку с ним. «Я ужасно рад вновь нащупать Вас, ибо очень Вас люблю. Я уже давно, но безрезультатно искал Ваших следов», — пишет он в 1923 году.

Открывается новая глава в переписке друзей. По-прежнему они пишут друг другу о своих новых сочинениях (и даже новых замыслах), а за ознакомлением с присланными нотами следует по-прежнему любовно-доброжелательная, но неумолимо строгая критика.

При посредстве Мясковского Прокофьев прилагает немало усилий для пропаганды советской музыки в странах Европы и Америки. Отвечая на его запросы, Мясковский горячо рекомендует и посылает для исполнения ноты выдвинувшихся в 20-е годы композиторов: Ан. Александрова, С. Фейнберга, Гр. Крейна, В. Щербачева. Позже к этим именам добавляются имена В. Шебалина, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, Л. Книппера, Г. Попова, Б. Шехтера, Л. Шварца, Л. Половинкина, А. Мосолова и других. Много, очень много сделал Прокофьев для пропаганды за границей музыки самого Мясковского. Он часто играет в своих концертах цикл его фортепианных пьес «Причуды», ведет переговоры и добивается исполнения симфоний Мясковского крупнейшими дирижерами мира.

«Генри Вуд оценил «Аластора» и решил его играть»; «Я хочу заинтересовать Вашей симфонией Брюссельское симфоническое общество»; «Относительно 8-й имел «серьезный разговор» (с Кусевицким)» и т. д., и т. д. Это один из лейтмотивов, пронизывающий письма Прокофьева из-за границы в те годы.

С 1924 года Прокофьев настойчиво уговаривает Мясковского приехать к нему в гости в Париж. Сам Прокофьев, впервые побывав

¹ Морё С. Глазами друга.— В кн.: Сергей Прокофьев. Статьи и материалы. Изд. 2-е, М., 1965, с. 377—378.

<стр. 16>

за границей еще в юношеские годы, впоследствии изъездил вдоль и поперек всю Европу и Америку, а однажды очередное концертное турне забросило его даже в Африку, что в ту пору было событием достаточно необычным. И он любил эти путешествия, обычно связанные с концертами или постановками его опер и балетов.

Мясковский за всю свою жизнь совершил только две короткие поездки за границу (обе в 20-е годы): в Варшаву на торжества открытия памятника Шопену и в Вену для переговоров от имени нашего музыкального издательства с венским «Универсальным издательством». Он никогда не скрывал своей острой антипатии ко всякого рода путешествиям, особенно за границу.

Прокофьев настаивал, соблазнял его то лекциями о советской музыке, которые Мясковский должен прочитать в Париже, то необычайной причудливостью снятого им на лето под Парижем старинного замка, то

перспективой познакомиться с высшим музыкальным светом, то, наоборот, возможностью отдохнуть от людей и предаться беззаботному безделью на лоне природы, на полном его попечении; соблазнял даже разнообразными французскими кушаньями и «целой гаммой вин, начиная с 1830 года».

Мясковский был неумолим. «Иногда я мечтал съездить за границу, — писал он Прокофьеву 14 декабря 1925 года, — правда, чтобы только почувствовать пульс музыкальной жизни и услышать Вас в надлежащем виде, но берет жуть и какое-то почти отвращение, еще усугубляемое после рассказов наших путешественников».

Чрезвычайный интерес представляет собой обмен мнениями между Прокофьевым и Мясковским о современном зарубежной музыке, за которой они оба продолжали внимательно следить, не упуская ни одного заметного нового имени, ни одного нового яркого сочинения. За ничтожно редкими исключениями их мнения о новой западной музыке сходились.

Они видели, что буржуазное искусство переживает тяжелый кризис, мельчает, деградирует в погоне за модой, за сенсацией. Особенно определенно выражал этот взгляд Мясковский.

Очень уж у меня сложилась дурная картина современного европейского творчества. Легковесность и банальность французов и итальянцев [...], невероятная сухость и грубость немцев [...] или аморфно-протоплазмическая бескровность лукавомудрствующего Шёнберга и его выводка — прямо не знаешь, куда сунуться» (из письма от 16 августа 1925 года). «У меня такое впечатление, что на «Западе» разучились писать настоящую музыку, а делают только побрякушки» (из письма от 4 апреля 1932 года).

Наибольшее внимание в этой части переписки уделяется творчеству Стравинского, чьи ранние сочинения вызвали в свое время живой интерес и у Прокофьева, и у Мяковского. Мясковский почти безоговорочно восхищался «Жар-птицей» и, особенно, «Петрушкой»: «Вышла из печати «Жар-птица» Стравинского — чудесно!» (23 июня 1911 года).

<стр. 17>

«Напрасно Вы удрали так стремительно: [...] упустили «Петрушку», который оказался еще более восхитительным, чем в партитуре» (26 января 1913 года).

Прокофьев же, признавая в письме из Лондона, что «Петрушка» до последней степени забавен, жив, весел, остроумен и интересен», утверждал в то же время, что музыка балета слишком иллюстративна, что Стравинский «...в самых интересных моментах, в самых живых местах сцены пишет не музыку, а нечто, что могло бы блестяще иллюстрировать момент». И со свойственной ему, особенно в те юные годы, задиристостью делает решительный вывод: «...раз он в самых ответственных местах не может сочинить музыки, а затыкает их чем попало, то он музыкальный банкрот» (11/24 июня 1913 года).

И Прокофьев, и Мясковский резко отрицательно отнеслись к разрыву Стравинского с традициями русской музыки, к повороту его в сторону неоклассицизма. Манеру, в которой Стравинский сочиняет сонату и концерт

для фортепиано, Прокофьев язвительно называет «общарапанным Бахом», «Бахом, изъеденным оспой».

Мясковский жестоко критиковал эклектизм Стравинского. А узнав, что Стравинский заявил в одном из своих интервью, «что ему рано ехать в Россию, она-де недостаточно еще подготовлена к приятию его музыки, — Мясковский зло и с великолепной гордостью пишет. — Он прав: у нас еще слишком много музыкантов, знающих литературу, мы все еще не такие дикари, как европейская публика, которая ничего не хочет знать, в особенности русского, и не может судить об источниках его вдохновения» (10 августа 1927 года).

Как видно, мнения друзей в отношении музыки Стравинского в значительной мере совпадали, хотя, надо сказать, что в письмах Прокофьева чаще проглядывал профессиональный интерес к внешней стороне, к форме сочинений Стравинского — «много интересного, но вообще жестко и трудно» (о «Персефоне»); «много выступенных, друг на друга насакивающих нот, но в общем очень интересно» (о Концерте для двух фортепиано); «Конечно, как во всех вещах Стравинского, в нем была тьма интересного, и в то же время на душе оставалась пустота и досада от отсутствия материала или неразборчивости на него» (о Скрипичном концерте) и т. д.

Этот интерес к внешней форме сочинений, прежде всего к формальной новизне, характеризует Прокофьева в тот период не только как критика, но сказывается также и на его собственном творчестве. На него самого начинает влиять мертвящая атмосфера буржуазно-декадентской культуры, в которой ему приходится жить и творить. Стремление к усложненности письма стало порой приводить к таким результатам, перед которыми сам Прокофьев останавливался в недоумении: «Когда послушал, то сам не разобрал, что за штука вышла, [...] так намудрил, что и сам, слушая, не всюду до сути добрался, с этих же нечего и требовать» (о Второй симфонии, 4 августа 1925 года).

<стр. 18>

Не удивительно, что, познакомившись с Пятой симфонией Мяковского именно в этот период, Прокофьев не ощутил свежего дыхания этого сочинения, его глубокой человечности, яркой жизненности его образов, но осудил за внешнюю простоту господствующих в ней приемов выражения: «...я, говоря прямо, не только не в восторге от нее, но от многого просто в ужасе. [...] бледно, неуклюже, старо, и без малейшего вожделения к звуку, без малейшей любви к оркестру, без всякой попытки вызвать его к краске, жизни и звучанию. А начало второй части — как можно терпеть 12 медленных, бесконечных тактов тремоло в таком голом, схематичном виде?! [...] А начало финала — боже, какой беспросветный Глазунов! Какое пренебрежение к инструментровке! Точно никогда не было ни Стравинского, ни Равеля [...], ни даже Р[имского] -Корсакова. Даже Чайковский, наверное, придумал бы какое-нибудь противопоставление групп и тембров. [...] Я счастлив прочесть в Вашем последнем письме, что Вы чувствуете себя без почвы под ногами: это значит, что Вы в глубине переживаете что-то близкое к тому, что и я

почувствовал, глядя на пятую симфонию» (3 января 1924 года).

Мясковский, действительно, переживал в то время серьезные творческие трудности. Да и не он один, конечно. Вспомним, что это были годы наступления западничества на советскую музыку, годы активизации деятельности Ассоциации современной музыки, годы, когда многие советские композиторы на собственном опыте стали испытывать влияние буржуазно-декадентских течений, затруднявших решение больших идейно-художественных задач, стоявших перед советским искусством.

Мясковский (возможно, не без влияния и прокофьевской критики) начинает сомневаться в правильности и плодотворности пути, по которому шло его творческое развитие: «...должен откровенно сказать, у меня такое сейчас ощущение, что я совсем обездарен — потерял почву под ногами» (23 декабря 1923 года); «...с этим стилем музыки — эмоционально-нагнетательной с академическим уклоном—надо раз навсегда покончить» (25 июля 1923 года); «...я, ей-ей, начинаю сомневаться, что моя музыка достаточно нова — и уж во всяком случае, не на западный образец» (16 марта 1925 года).

В уже цитированном письме от 3 января 1924 года Прокофьев со своих позиций той поры, то есть с позиций преимущественного интереса к внешней новизне формы, пытается ответить Мясковскому на его сомнения и раздумья. «Куда идти? — пишет он. — А вот куда: сочинить, пока не думая о музыке (музыку Вы всегда пишете хорошую, и не здесь опасность), а заботясь о создании новых приемов, новой техники, новой оркестровки; ломать себе голову в этом направлении, изощрять свою изобретательность, добиваться во что бы то ни стало хорошей и свежей звучности, отрешившись от петербургских и московских школ, как от угрюмого дьявола, — и Вы сразу почувствуете не только почву под ногами, но и крылья за спиной, и главное — цель впереди».

<стр. 19>

В этих словах, мне думается, Прокофьев прежде всего дал ключ к пониманию тех эстетических предпосылок, из которых возникли замыслы некоторых его собственных произведений «зарубежного периода», в которых основное внимание композитора действительно было сосредоточено на «новых приемах», на «новой технике» и, несомненно, в ущерб музыке, ее внутреннему содержанию.

Мясковского не удовлетворила такая «творческая программа». Он не склонен вступать в спор о своей Пятой симфонии, готов признать в ней кучу недостатков и слабостей (хотя и замечает, что «симфония, здесь при исполнении, всегда производит отличное впечатление»), он даже принимает обвинение в «нелюбви» к оркестру, объясняя это своим «невладением» оркестром, но по главному вопросу отвечает весьма решительно, хотя и необычайно скромно и спокойно: «...меня звучность, как таковая, очень мало увлекает, я настолько бываю поглощен выражением мысли». Соглашаясь, однако, с Прокофьевым, что невнимание к оркестру есть «небрежность», которая «в конце концов приводит к искажению мысли и ее

оплощению», Мясковский добавляет: «...буду пытаться ближе следовать Вашему совету» (12—16 января 1924 года).

После первого исполнения Восьмой симфонии, в письме от 27 мая 1926 года Мясковский пишет: «...убедился, что так инструментовать лучше, чем раньше, — более индивидуально-инструментально и более полифонично, хотя и прозрачнее [...]. Надеюсь за лето все дефекты устранить, и тогда это будет наиболее живописная и прилично звучащая из моих симфоний».

Конец 20-х и начало 30-х годов отмечены в творчестве Мясковского еще большим обострением противоречий, нарастанием сомнений и самых противоположных по характеру исканий. Сочиняя три оркестровые пьесы ор. 32 — «Серенаду», «Симфоньетту» и «Лирическое концертино», он писал Прокофьеву: «Главное старание направляю в сторону без-ходности, без-формальности и наибольшей мелодической текучести» (21 января 1929 года). Эти пьесы, так же как и последовавший за ними превосходный цикл из четырех струнных квартетов, были несомненной реакцией на формальную переусложненность и психологическую перенапряженность Десятой симфонии, про главную тему которой сам Мясковский писал: «...совершенно не понимаю, как я ее сочинил — ведь это ужасная шёнберговщина!» (14 октября 1927 года).

Но еще большая противоречивость в творчестве Мясковского тех лет обнаруживается при сопоставлении двух смежных симфоний — Двенадцатой и Тринадцатой. «Я совершенно, оказывается, не умею сочинять с «заранее обдуманном намерением», — в этих словах Мясковского (в письме от 24 декабря 1931 года) явственно звучит указание на основную трудность, которую он испытывал, сочиняя Двенадцатую симфонию, — на программность сочинения.

Дело было, конечно, не только в программности самой по себе, но
<стр. 20>

прежде всего в новизне и сложности этой программы. Возникшие при этом трудности были преодолены Мясковским далеко не в полной мере, что понимал и сам композитор. Он пишет: «Октябрьская» — 12-я, конечно, несколько банальна, но иначе и быть не могло, когда ищешь и знаешь наверно, что еще не находишь искомое» (из письма от 4 апреля 1932 года). И все же в этой симфонии Мясковский обогатил свою творческую палитру некоторыми более светлыми и жизненными красками, которые заметно сказались в его дальнейшем творчестве.

А вот Тринадцатая, написанная вскоре, оказалась настолько «замкнутым в себе», субъективистским и притом пессимистическим произведением, что сам Мясковский был словно удивлен ее появлением на свет. В своей обычной иронической манере он писал Прокофьеву: «...не знаю, что это такое; быть может, просто чепуха или, в лучшем случае, претенциозно-глубокомысленная канитель с потугами на оригинальность» (29 августа 1933 года). Но уже без всякой иронии, с присущей ему внутренней ответственностью и честностью, отвечает Мясковский на просьбу Прокофьева прислать ему симфонию для

исполнения ее в Париже в концерте советской музыки под управлением Дезормьера: «Вы пишете о поддержке концерта рабочими организациями, ежели же предложить такую симфонию, может выйти милое недоразумение. Я-то со своей физиономией буду выглядеть правдоподобно, но лицо советской музыки может оказаться несколько искаженным» (1 января 1934 года).

Это были годы, когда Прокофьев, уже не раз побывав в Советском Союзе, готовился к окончательному возвращению на Родину, остро ощущая, что в атмосфере западной буржуазной культуры его искусство начинает задыхаться. Именно в это время, при все крепнущей личной дружбе с Мясковским, отчетливо обозначаются некоторые обострения противоречий в их творческих воззрениях. Прокофьев все чаще упрекает Мясковского в «чрезмерной простоте», «обыкновенности приемов», «ученичестве» и т. д. Он старается вызвать в нем интерес к современному направлению западноевропейского искусства, тому самому направлению, против которого скоро восстанет сам всей силой своего могучего гения, заново оплодотворенного родной почвой, на которую он возвратится теперь уже навсегда.

Мясковский долго продолжал восхищаться каждым новым произведением Прокофьева, критикуя лишь отдельные частности. Восхищался «Стальным скоком», находя в нем «что-то гигантское» и в концепции, и в формах ее воплощения (30 мая 1928 года). Восхищался Второй симфонией, считая, что «это та музыка, которая нужна всегда — вдохновенная и мастерская» (6 декабря 1928 года). Но постепенно в нем, видимо, накапливалась неудовлетворенность тем направлением, которое четко обрисовалось в музыке Прокофьева к началу 30-х годов. И вот, в письме от 7 сентября 1932 года, он дает лаконичную, но обдуманную, прочувствованную и, надо отдать ему справедливость, чрезвычайно тонкую характеристику стиля прокофьевской музыки этих лет:

<стр. 21>

«Если суммировать, я бы сказал, что стиль Вашей музыки стал более интеллектуальным, Вы менее отдаетесь творческому потоку, нежели сознательно направляет его в определенное и иногда, на первый взгляд, более узкое русло. В Вашем творчестве словно появился элемент оглядки, что особенно бросается в глаза в концовках новейших Ваших сочинений, в частности в сонатинах — где я иногда чувствую нарочитость. [...] мне кажется, я не очень ошибаюсь, когда думаю, что [если] раньше у Вас могло быть намерение ошеломить, то теперь, скорее — удивить, заинтересовать. А это действует не так непосредственно». Я думаю, что это была самая ранняя и, пожалуй, самая точная характеристика прокофьевской музыки конца «зарубежного периода».

Но вот этот период заканчивается. Все больше времени Прокофьев проводит в Советском Союзе и, наконец, окончательно обосновывается в Москве. Начинается последняя глава переписки, последний период чудесной

дружбы.

Обмен письмами происходит лишь во время концертных поездок Прокофьева за границу. Почтовые штемпеля на его письмах по-прежнему отмечают чуть ли не все европейские столицы, города США и даже... Карфаген! Но тональность этих писем уже иная. За границей Прокофьев, прежде всего и почти исключительно, — исполнитель дирижер и пианист. Композитором он по-настоящему чувствует себя уже только в Советском Союзе. Да и творческие интересы его теперь связаны с Москвой, отчасти с Ленинградом. Для ленинградской кино студии он пишет музыку к кинофильму «Поручик Кизе», для московского Камерного театра — музыку к «Египетским ночам», позже — к «Евгению Онегину», для Большого театра — «Ромео и Джульетту», на конкурс «Правды» — цикл массовых песен, для Центрального детского театра — «Петю и волка», для Мосфильма — «Пиковую даму», для В. Э. Мейерхольда — «Бориса Годунова»... Кроме того, Второй скрипичный концерт, фортепианные пьесы, в том числе чудесный цикл «Детская музыка», «Русскую увертюру», романсы, смелую по замыслу и грандиозную по выполнению Кантату к 20-летию Октября и другие сочинения.

И все это за какие-нибудь три года! Какой невероятный приток творческой энергии! Какой при этом великолепный расцвет таланта и мастерства!

Вернувшись на Родину, Прокофьев отдает ей все, что имеет, всего себя целиком — свой талант и мастерство, свой опыт и темперамент, свою юношески неиссякаемую энергию, любовь к жизни, к искусству, к человеку. Прокофьев работает так, словно хочет как можно скорее наверстать упущенное, как можно полнее вернуть своему народу то, что «задолжал» ему в годы скитаний на чужбине. И уже не в личной переписке, а в открытых выступлениях, обращенных к самым широким кругам читателей и слушателей, высказывает он свои суждения о жизни, об искусстве, суждения большого советского художника...

<стр. 22>

Переписка с Мясковским постепенно сокращается. Зато никогда еще, после консерваторских лет, они не встречались так часто, как сейчас. Трудный, противоречивый период кончился и в жизни Мясковского. Его творчество вместе со всем советским искусством той поры переживает новый подъем, новый расцвет, ясно обозначившийся уже поэтичной лирической Пятнадцатой и мужественно-оптимистической героической Шестнадцатой симфонии. Теперь уже не в письмах, а в личных беседах обсуждают они новые свои сочинения. А письма по-прежнему показывают взаимно заботливое и внимательное отношение друг к другу.

Из этих писем мы узнаем, что Прокофьев пишет для зарубежной печати статью о Мясковском и по-прежнему хлопочет об исполнении его сочинений за рубежом; Мясковский — то перекладывает прокофьевские сочинения в четыре руки, то редактирует, то корректирует их, и меняя автора во время его концертных поездок...

В эту пору жизненные пути Мясковского и Прокофьева наконец сходятся совсем близко. Их творческие и общественно-музыкальные интересы также сближаются, хотя некоторые расхождения во взглядах остаются такими же, какими были они и в самые первые годы их дружбы. Достаточно вспомнить их отношение к театру и театральности в более широком смысле этого слова. Начиная с детской забавы — оперы «Великан», Прокофьев всю жизнь тяготел к театру, с театром связаны лучшие плоды его вдохновения. Это оперный и балетный театр, театр драматический, это и кино, и своеобразная театральность таких произведений, как «Петя и волк», «Зимний костер», «На страже мира» и т. п.

Мясковский трижды в жизни задумывался о театре — в молодые годы это был замысел оперы «Идиот» по Достоевскому, в зрелые годы — план оперы «Первая девушка» по повести Богданова и смутные намерения относительно шекспировского «Короля Лира». Ни одному из этих замыслов не суждено было осуществиться и, без сомнения, по одной лишь причине, которую сам Мясковский раскрыл в «Автобиографических заметках»: «Театр никогда меня к себе не привлекал ни в опере, ни в балете»¹.

По-прежнему расходились Мясковский и Прокофьев во взглядах на программность. Мясковский хоть и создал ряд программных произведений, начиная с ранних симфонических поэм «Молчание» и «Аластор» и кончая Двадцать второй симфонией-балладой, посвященной событиям Великой Отечественной войны, но все же свободнее чувствовал себя в так называемой «чистой музыке». Еще в 1907 году он писал Прокофьеву: «Я вообще не поклонник всяческих названий». И позже, в «Автобиографических заметках» подтверждал, что даже в оперной музыке «всегда предпочитаю то, что несет в себе наибольшее количество черт «чистой музыки» и симфонической жизни»². Проко-

¹ Н. Я. Мясковский. Собрание материалов, т. 2, с. 13.

² Там же.

<стр. 23>

фьев, напротив, уже в семнадцатилетнем возрасте отчетливо осознавал программность как основу своего творчества: «...скучно писать длинную беспрограммную музыку, тогда как любишь программную» (письмо от 12 августа 1908 года).

Но такого рода расхождения во взглядах уже нельзя ставить в один ряд с тем обострением различий в важнейших творческих воззрениях, какие возникли у Мясковского и Прокофьева к началу 30-х годов.

Их дружба становится одновременно и интимнее, и глубже. В центре ее по-прежнему творчество, но сейчас она уже простирается на широчайшем диапазоне — от совместного активного участия в общественно-музыкальной жизни страны до страстно любимых обоими многочасовых «походов за грибами» в живописные Никологорские леса. Они видятся теперь так часто и так много, что потребность в переписке постепенно исчезает, и в марте 1938

года она вовсе прекращается на четыре года с тем, чтобы возобновиться лишь в трудную военную пору, когда они вновь окажутся далеко друг от друга.

Великая Отечественная война заставила Мясковского и Прокофьева покинуть Москву и обрекла их на нелегкую жизнь в условиях эвакуации — сперва на Кавказе, потом — в Средней Азии. Но какими бы подчас тяжелыми — в моральном и материальном отношении — ни оказывались эти условия, оба композитора ни на один день не снижали высочайшего градуса напряжения своей творческой работы. Народный гнев и народное горе, разлившиеся по стране, величие духа советских людей, героика и трагизм небывалой по напряжению борьбы — все это наложило отпечаток на творчество Мясковского и Прокофьева, как и на все советское искусство военных лет. Количество музыки, сочиненной ими за эти годы, поистине поразительно.

И как настоящие художники-патриоты, каждый из них по-своему воплощает в своих произведениях образы и темы, рожденные войной. Прокофьев пишет симфоническую сюиту «1941 год», эпическую Пятую симфонию, грандиозную по замыслу народно-патриотическую оперу «Война и мир». Мясковский обращается и к симфонии (Симфония-баллада № 22), и к совершенно новому для него жанру вокально-симфонической музыки — кантате «Киров с нами». Оба они пишут массовые песни и военные марши, оба с любовью воспроизводят в своих сочинениях мелодии народов Северного Кавказа, где проводят первые месяцы эвакуации (Второй квартет Прокофьева и Двадцать третья симфония Мясковского).

Летом 1942 года Мясковский еще остается в Тбилиси, а Прокофьев переезжает в Алма-Ату. По возобновившейся между ними переписке мы сразу же узнаем старых друзей, но, глядя на даты написания этих писем, мы воспринимаем их в какой-то особой сурово-мужественной тональности: «Я оркестровал все что можно в «Войне и мире», то есть все картины, кроме трех народных. [...]. Как Ваша Увертюра? Кончили? Не начали? Взялись за что-нибудь другое?» (Прокофьев, 29 июня

<стр. 24>

1942 года из Алма-Аты). «Свою работу я кончил, даже оркестровал увертюру» (Мясковский, 14 июля 1942 года из Тбилиси).

«Я, кроме фильмов, пишу небольшую драматическую кантатку и выпросил у Москвы заказ на сонату для флейты и фортепиано. [...] Вашими последними симфониями интересовался Госоркестр» (Прокофьев, 3 октября 1942 года из Алма-Аты).

Как Вы много насочиняли, ужас! Что это за драматическая кантата? Напишите подробнее о своих работах» (Мясковский, 21 октября 1942 года из Фрунзе). «В смысле работы я пока сделал меньше, чем рассчитывал, так как вмешалось выключение электричества» (Прокофьев, 27 февраля 1943 года из Алма-Аты). «21-го бетховенцы немного наспех сыграли 8-й квартет, который произвел некоторое впечатление. Та часть, которая не нравилась Вам (Adagio), несмотря на «крайнюю выразительность», не понравилась и мне самому;

оказывается, я в ней не узнал самого себя. Это довольно красиво, но «не мое». [...] Зачем Вы выбросили в Московской картине «В[ойны] и мира» песенки французов? Это для «оперы» очень было необходимое пятно» (Мясковский, 23 марта 1943 года, уже из Москвы). «Очень тронут Вашим согласием прокорректировать сонату и пьесы» (Прокофьев, 9 мая 1943 года из Алматы).

Осенью 1943 года Прокофьев вернулся в Москву, и возобновившиеся личные встречи с Мясковским вновь влекут за собой прекращение переписки. Лишь несколькими предельно лаконичными письмами, точнее сказать — записками, обмениваются они за шесть последующих лет. Последняя из них подписана: «Ваш Сережа» и на ней стоит дата — 9 августа 1950 года. Но адресована она уже не Николаю Яковлевичу Мясковскому, а его сестре. «Дорогая Валентина Яковлевна. Каждую минуту сейчас я, конечно, с Вами. К великому сожалению, мне нельзя приехать проводить Колечку. Пожалуйста, приезжайте, дорогая, на Николину Гору. Обнимаю от всей души Вас и Евгению Яковлевну. Ваш Сережа». Записка эта была написана на следующий день после кончины Мяковского. Прокофьев был тяжело болен и не мог приехать в Москву.

Так оборвалась дружба этих двух замечательных художников, дружба, покоившаяся на глубоком уважении и любви друг к другу, на принципиальном, непримиримо строгом и при этом безгранично доброжелательном, любовном, заинтересованном отношении к творчеству друг друга. Каким огромным счастьем должна была быть эта дружба, сказавшаяся едва ли не во всех проявлениях их жизни и творчества! «Мы с Вами друг на друга взаимоободряюще действуем» — эти слова, написанные Мясковскому еще совсем юным Прокофьевым, с полным, основанием могут быть отнесены ко всем четырем десятилетиям, на протяжении которых, не затухая, горел огонь этой чистой, чудесной дружбы...

Дм. Кабалевский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переписка С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского явление уникальное. Огромное эпистолярное богатство — подлинные письма этой переписки, длившейся более сорока лет (1907—1950) — сохранилось довольно полно, хотя в жизни каждого из адресатов было много сложных жизненных перипетий, частых переездов, что, как известно, не способствует сохранению архивов. Естественно, потери были, но, по отношению к сохранившимся, утраченных писем не много. Правда, не повезло ранним письмам Н. Я. Мясковского: не сохранилось ни одного письма за 1908 год, нет писем зимы 1909—1910 года, да, собственно, за весь 1910 год сохранилось лишь три письма, совсем нет писем 1917 года, а судя по встречным письмам С. С. Прокофьева, они были. В письмах С. С. Прокофьева таких заметных пробелов нет, до нас не дошло, по-видимому, лишь несколько писем.

Все 450 писем (в том числе открытки, записки, телеграммы) из переписки С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского, помещенные в эту книгу, публикуются по подлинникам, хранящимся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Письма Н. Я. Мясковского написаны им собственноручно и сохранились они в архиве С. С. Прокофьева (ЦГАЛИ, фонд № 1929). Черновики Н. Я. Мясковский по писал, копий не оставлял, и все его письма существуют в единственном экземпляре. Исключение составляет письмо, написанное Н. Я. Мясковским 8 июля 1909 года (помещенное в настоящей книге под № 30). По-видимому, письму предшествовал долгий процесс обдумывания, а написав и отослав письмо, автор, вероятно, забыл об этом, и в тот же день, судя по дате, вновь написал и отправил письмо С. С. Прокофьеву. Оба письма одного и того же содержания, настроения, стиля, хотя по изложению, по построению фраз письма не идентичны. И еще одно исключение: письмо Н. Я. Мясковского от 18 марта 1938 года (№ 423) сохранилось в виде машинописной копии. Оно перепечатано С. С. Прокофьевым, имеет пометку его же рукой — «копия» — и так же, как на всех полученных им письмах, отметку о получении — здесь: «30 марта». Можно предположить, что подлинник оказался сильно испорченным, и С. С. Прокофьев, сняв с него копию, поместил ее среди других писем Н. Я. Мясковского на правах подлинника, а испорченный оригинал сохранять не стал.

Писал Н. Я. Мясковский чернилами, чаще черными, иногда фиолетовыми, и только несколько писем — карандашом; почерк у него был очень неразборчивый, и С. С. Прокофьев часто сетует на трудности прочтения его писем.

В орфографии Н. Я. Мясковский строго придерживался правил и безусловно и своевременно подчинялся их изменениям.

Дату написания письма Н. Я. Мясковский, как правило, выставлял.

Недатированными оказались всего 13 писем, о них см. ниже.

Подлинные письма С. С. Прокофьева в большинстве своем — рукописные; частично, особенно после 1923 года — напечатаны на машинке, но эти, последние, всегда имеют подпись-автограф, а часто и правку или постскриптумы, дописанные от руки. Надо отметить, что письма на машинке С. С. Прокофьев печатал сам, и лишь изредка, деловые письма, диктовал секретарю. В отличие от Н. Я. Мяковского С. С. Прокофьев, начиная с 1909 года, писал письма с черновиками, которые тщательно собирал и хранил, а позже, когда стал прибегать к помощи пишущей машинки, писал хотя и без черновиков, но копии (отпуски) собирал и хранил так же тщательно. Все это касается писем, открытки не все писались с черновиками или копиями. Те открытки, что, судя по содержанию, заменяли телефонные разговоры, черновиков и копий не имеют. Естественно, что подлинные письма С. С. Прокофьева сохранились в архиве адресата — Н. Я. Мяковского (ЦГАЛИ, фонд № 2040), а черновики и копии отложились в архиве корреспондента, то есть самого С. С. Прокофьева (ЦГАЛИ, фонд № 1929). В основу публикуемых писем С. С. Прокофьева положены его подлинники из архива Н. Я. Мяковского. Здесь уместно отметить, что тексты беловых и черновых писем абсолютно совпадают, так как если автор и вносил в текст письма какие-либо изменения, то все это находило отражение и в черновике. Только в датировке беловых писем за ранний период, приблизительно до 1912 года, С. С. Прокофьев проявлял своеобразие и оригинальность. Так, в беловых письмах, очень часто, хотя и не всегда, он выставлял лишь год, или только день месяца или только день недели, тогда как в черновике того же письма, обычно вверху справа, указывалась полная дата — то есть число, месяц, год, а иногда и день недели, отмечалось место написания письма, а вверху слева выписывались инициалы, фамилия адресата и место, куда письмо адресовалось (например: Н. Я. Мяковскому, в Ораниенбаум). Более того, если текст письма излагался на открытке, или как было принято в начале века называть на французский манер — *carte-postale*, то в черновике после даты отмечалось так: *откр.* или *с.-р.*, а если была послана видовая открытка, то тут же помечено, что на ней изображено.

Те письма С. С. Прокофьева, подлинники которых не сохранились в архиве Н. Я. Мяковского, печатаются по черновикам. Это, во-первых, письмо от 20 августа 1911 года (№ 71), на котором имеется пометка С. С. Прокофьева — «не послано», а также письма: от 26 августа 1911 года (№ 72), 14 августа 1913 года (№ 99), четыре письма 1914 года — до 6 августа (№ 107), 29 августа (№ 111), 29 ноября (№ 125), 12 декабря (№ 126) и письмо от 18 сентября 1916 года (№ 153). По черновикам воспроизводятся также письма 1923 года — от 23 июля (№ 172) и от 4 декабря (№ 185).

Письма С. С. Прокофьева имеют еще одну отличительную особенность. Письма, помещенные в настоящей книге под номерами: 172, 185, 328, 387, 388, 402, 403, 413, 415 и 422, написаны С. С. Прокофьевым оригинальной, изобретенной им самим скоро-

<стр. 27>

писью — с сокращением в словах многих гласных букв. При подготовке этих писем к публикации они были как бы расшифрованы, то есть все гласные восстановлены, сокращения раскрыты полностью, без каких-либо оговорок. Следует отметить, что такой «прокофьевской» скорописью автор пользуется в зрелые годы, но и в юные годы в текстах его писем встречаются отдельные слова, написанные необычно. Сначала в таких словах, как например — Вам, Ваш, Вас, как, понедельник и др., С. С. Прокофьев прибегает к сокращению

гласных и употреблению титлы, и пишет так: $\widetilde{\text{Вм}}$, $\widetilde{\text{Вш}}$, $\widetilde{\text{Вс}}$, $\widetilde{\text{пндлнк}}$,

также позже титла упраздняется и письма пестрят сокращениями — Вм, Вс, Вш, кк; дни недели: пндлнк, втрнк, чтв и т. п. Все такие сокращенные слова в настоящей публикации выписаны полностью.

С. С. Прокофьев проявлял оригинальность не только в написании отдельных слов, но был весьма изобретателен и в начертании некоторых букв. Это можно увидеть в воспроизводимых в книге фотокопиях страниц его ранних писем. В 1908 году появляется оригинальное начертание букв, про которое позже С. С. Прокофьев так напишет в «Автобиографии»: «Около того времени я начал возню с моим почерком. [...] И вот я начал выдумывать начертание букв, которое должно было быть особенным и твердым.

а * п р р п р ф ш

Я нарочно привожу некоторые, которые, когда дурь повылетела, все-таки более или менее удержались в моем почерке. Отец весьма неодобрительно отнесся к этой выдумке и говорил:

— Что тут хорошего? Не почерк, а сплошная нарочитость. Точно предлагаешь обращать внимание на буквы, а не на содержание, как будто на них все и ушло, а на содержание ничего не осталось.

Но я не слушался, потому что нравилось вводить новые и новые буквы» (Прокофьев С. С. Автобиография. М., 1973, с. 449—450). Это признание можно несколько расширить и проследить, как с течением времени менялась продолжающаяся «возня с почерком», как начертание букв вторгалось в правописание. Так буква з писалась как латинское зет — z, позже, как древнерусское зело, собственно, то же зет, только с хвостиком вниз под строку с закруглением вправо, а к середине 1909 года вернулась к своему обычному написанию. В середине 1909 года букву э С. С. Прокофьев пишет с поворотом в обратную сторону, как бы зеркальное ее отражение, а букву е выписывает как нечто среднее между заглавной буквой русского алфавита и греческим эпсилоном, хотя в это же время употребляет и обычное написание этой буквы, и только к концу 1911 года эксперименты с е прекращаются. Зато в 1913—1915 годах подвергается испытанию буква к — ее С. С. Прокофьев часто пишет, как и э, в обратном повороте, зеркально. Буква а очень долго писалась в печатном начертании, но хотя С. С. Прокофьев и приводит ее в качестве примера, как

сохранившуюся в его почерке, с начала 20-х годов он пишет эту букву обычным прописным образом. Но самый длительный эксперимент претерпела буква *и*. С середины 1908 года С. С. Прокофьев употребляет только *і* (и с точкой), причем пишет эту бук-

<стр. 28>

ву во всех случаях, а не только там, где это предписывалось тогдашними правилами русской грамматики. Такое написание буквы *и* прочно укоренилось в прокофьевском правописании и во всех письмах-автографах употреблено только *і*. Твердый знак — ъ — в конце слов, оканчивающихся на согласную, исчезает из прокофьевских писем уже в 1905 году, еще до реформы старой орфографии, а буква *я* продолжает украшать его письма довольно долго и после реформы.

С 1923 года наряду с рукописными появляются письма, напечатанные на машинке. И здесь наблюдается следующее: черновик написан от руки, сокращенной скорописью, с буквой *і*, но без *я*тей и твердых знаков. В беловом экземпляре того же письма, перепечатанном секретарем, все слова выписаны полностью и с сохранением элементов старой русской грамматики: употребление *и* и *і*, употребление *я*ть и твердого знака в конце слова; если письмо перебелено от руки, то оно отличается от черновика только тем, что все гласные в словах выписаны полностью, то есть как и в черновике нет ни *я*ть, ни твердого знака и употреблено только *і*. В 1925 году уже и черновики некоторых писем С. С. Прокофьев печатает на машинке и в той же манере (поращенного написания слов (без гласных), но в беловом, перепечатанном экземпляре — все, как сказано выше.

И только с 1928 года *і* (*и* с точкой) изгоняется из всех писем окончательно и навсегда, исчезает из машинописных экземпляров *я*ть и твердый знак. Одним словом, в 1928 году С. С. Прокофьев окончил свои эксперименты с буквами русского алфавита и в написании, и в употреблении их подчинился общим правилам. Сохранилась лишь индивидуальная оригинальность почерка — четкого, твердого, ритмичного, очень разборчивого.

Что касается черновиков, то с декабря 1926 года они упраздняются. С этого времени С. С. Прокофьев оставляет себе копии посылаемых писем. Так продолжается, за редким исключением, до начала 40-х годов. Во время войны 1941—1945 годов опять появляются черновики — собственноручные или рукой М. А. Прокофьевой, писавшей под его диктовку, а белой экземпляр перепечатывается на машинке или переписывается им самим.

В настоящей публикации писем С. С. Прокофьева оригинальное начертание и употребление букв, равно как и написание слов без гласных — опущено безоговорочно. И только оригинальная подпись С. С. Прокофьева с опущенными гласными буквами — *С. Пркфв*, — которая стала привычно-знакомой, почти хрестоматийной, воспроизводится так, как она выписана во многих письмах.

С учетом исправлений перечисленных выше особенностей

прокофьевских писем, по всем остальном при подготовке к публикации текстов писем Н. Я. Мясковского» и С. С. Прокофьева соблюдены единые правила, о которых будет сказано несколько ниже.

В настоящую книгу помещены почти все сохранившиеся письма С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского. Опущены лишь некоторые открытки и записки бытового и сугубо личного характера, несколько традиционно-поздравительных телеграмм и незначительных по содержанию писем, не несущих в себе каких-либо музыкальных тем; или биографических и историко-общественных сведений. Купюры (многоточие в квадратных скобках) сделаны, главным образом, по тексту многократно повторяющихся подробностей (издательские переговоры, технические детали пересылки партитур и материалов для исполнений, сведения о гонорах и т. п.), именно повторяющихся, ибо

<стр. 29>

все основные линии по этим вопросам в тексте переписки сохранены, что позволяет подробно проследить историю почти всех изданий и исполнений упоминаемых в переписке произведений обоих композиторов. Опущены и отмечены знаком купюры также некоторые высказывания Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева, которые содержат слишком резкие выражения. Следует подчеркнуть, что таких купюр очень немного.

Отобранные для публикации письма расположены здесь в хронологическом порядке.

Каждому письму предпослан редакторский заголовок, включающий в себя: порядковый номер письма, инициалы и фамилию корреспондента и адресата, дату и место написания письма. Для писем, написанных из-за границы до 2 февраля 1918 года, в заголовках дается двойная дата — по старому и новому стилю.

Авторская дата в письме остается в том неизменном виде и в том месте, как она проставлена автором письма; все недописанное в авторской дате или ее полное отсутствие в тексте письма не восполняется. Недостающие сведения сообщает редакторский заголовок.

Для определения даты, отсутствующей в беловых письмах С. С. Прокофьева 1909 года: 25 марта (№ 27), 3 июня (№ 29), 6 июля (№ 32), 12 июля (№ 34), 18 июля (№ 35), 31 июля (№ 38), 9 сентября (№ 42); 1910 года: 5 августа (№ 57), 19 августа (№ 59), 7 сентября (№ 62) и 1 апреля 1912 года (№ 75) — использованы черновики его писем, где дата проставлена полностью. В беловых письмах С. С. Прокофьева дата, как правило, соответствует дате черновика; исключение составляет письмо, помещенное под № 98: в черновике дата — 3 августа 1913 года, в перебеленном экземпляре — 5 августа 1913 года.

В открытках, где авторы выставляли только год, или только день недели, или только число месяца, для уточнения даты использованы почтовые штемпеля места отправления. Также по почтовому штемпелю дается редакторская дата при полном ее отсутствии у автора. Это письма С. С. Прокофьева: от 28 декабря 1907 года (№ 8); письма 1908 года: от 14 марта (№

9), 24 апреля (№ 10), 31 октября (№ 18), 3 декабря (№ 20); письма 1909 года: от 10 января (№ 21), 24 января (№ 22), 13 февраля (№ 23), 1 марта (№ 25), 5 ноября (№ 44), 9 декабря (№ 45), 31 декабря (№ 46); письма 1910 года: от 16 января (№ 47), 29 января (№ 48), 10 февраля (№ 49), 23 февраля (№ 50), 6 марта (№ 52), 7 марта (№ 53), 25 июня/8 июля (№ 55), 2/15 июля (№ 56), 24 августа (№ 60), 22 ноября (№ 64); от 12 марта 1912 года (№ 73); письма 1913 года: от 3/16 мая (№ 90), 9/22 июля (№ 94), 26 июля (№ 95) 27 июля (№ 96); письмо от 6/19 июня 1914 года (№ 104), телеграмма от 21 ноября 1914 года (№ 123) и письмо от 21 марта/3 апреля 1915 года (№ 132). Некоторые письма Н. Я. Мясковского с отсутствующей авторской датой также датированы по почтовому штемпелю: от 3 сентября 1909 года (№ 41), 6 июля 1912 года (№ 77), 5 мая 1913 года (№ 87); два письма 1914 года: от 9 апреля (№ 101) и 11 апреля (№ 103); письмо от 19 июля 1915 года (№ 141) и телеграмма от 1 января 1950 года (№ 447).

Несколько писем С. С. Прокофьева датированы по содержанию. Так письмо, помещенное под № 54, имеет только год — 1910, спектакль «Гибель богов» в Мариинском театре, о котором говорится в письме, шел 4, 7 и 9 апреля, что позволяет датировать письмо: от 4 до 9 апреля 1910 года; по содержанию (приглашение на концерт

<стр. 30>

и упоминание *Чухонской партитуры*) датируется письмо № 86, хотя на подлиннике к авторской дате — 1913 — сделана позднейшая, ошибочная приписка Н. Я. Мясковского: «Осень»; письма С. С. Прокофьева, помещенные под № 78 и № 107, датируются по содержанию и на основании ответных писем, то есть — до 10 июля 1912 года, и — до 6 августа 1914 года.

На всех полученных письмах С. С. Прокофьев имел обыкновение вверху первого листа делать пометку о получении: обведенный кружочком день и месяц. Эта помета, пополненная годом, который определяется по содержанию ответных писем, служит основанием для датировки следующих писем Н. Я. Мясковского: № 51 — до 26 февраля 1910 года, № 93 — до 5 июля 1913 года, № 191 — до 11 марта 1924 года, № 312 — до 20 сентября 1930 года, № 379 — до 3 октября 1934 года, № 405 — до 6 декабря 1935 года.

На некоторых ранних письмах С. С. Прокофьева имеются приписки Б. С. Захарова (письма № 55, 56) — эти приписки опущены. В письмах, написанных рукой С. С. Прокофьева от собственного имени и от имени Б. С. Захарова, где стоят две подписи — обе подписи воспроизводятся. Письмо С. С. Прокофьева от 21 января 1925 года (№ 204) написано на обороте письма Г. Фительберга Н. Я. Мясковскому, а письмо от 4 апреля 1943 года (№ 439) — на обороте письма М. А. Прокофьевой, которое адресовано В. Я. Меншиковой — сестре Н. Я. Мясковского.

Несколько писем С. С. Прокофьева написано на фирменной бумаге с маркой отелей. Так как С. С. Прокофьев в письмах помечал место написания письма, то для того, чтобы не загружать письма повторяющимися подробностями, бланк отеля, как правило, не воспроизводится, за

исключением письма от 3 декабря 1935 года (№ 404), где данные бланка отеля фигурируют в тексте письма. Письма С. С. Прокофьева — № 224 и № 303 написаны при переезде из Америки в Европу, а № 417 — из Европы в Америку, через Атлантический океан на пароходах, предоставлявших пассажирам фирменную бумагу. Бланк с названием парохода воспроизводится, так как не обозначено место написания письма.

Н. Я. Мясковский всегда писал на почтовой бумаге. Ее форма, цвет и качество, естественно, менялись, но это всегда была почтовая бумага.

Оба корреспондента пользовались также серийными почтовыми открытками, а С. С. Прокофьев иногда писал и на видовых открытках, но чаще всего и С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский писали друг другу закрытые письма. Ни тот, ни другой, к сожалению, не сохраняли конвертов от этих писем.

Все письма публикуются по современной орфографии и пунктуации. Особенности риторской пунктуации сохранены: С. С. Прокофьев чаще обычного употреблял двоеточие, Н. Я. Мясковскому свойственно частое и весьма своеобразное употребление знака тире.

В текстах писем соблюдено авторское написание в обозначении симфоний, сонат, концертов и других произведений, в названия которых вынесен жанровый признак, например: симфония № 2 или 2-я симфония, II симфония, вторая симфония и Вторая симфония, то есть так, как у автора, без унификации. Такое же авторское написание, как правило, сохранено и в обозначении частей, актов, картин, действий и т. п. того или иного сочинения, то есть и словами, и цифрами. Только в очень редких случаях, когда нагромождение цифр затрудняет восприятие текста, цифровые обозначения заменены словесными.

<стр. 31>

Все собственные названия — названия опер, балетов, романсов, спектаклей, кинофильмов, книг, газет, журналов и т. п. выделяются кавычками; названия произведений, где наличествует жанровый признак, даются без кавычек.

Нотные знаки и знаки альтерации, встречающиеся в тексте писем, даны и в условном обозначении и в словесном, то есть сохраняется авторское написание.

Кроме самобытных прокофьевских сокращений, о которых говорилось выше, в письмах обоих корреспондентов встречается много общепринятых сокращений — напр., м.б., м.пр., т.к., т.ч., т.е. — все эти слова и выражения выписаны полностью: например, может быть, между прочим, так как, так что, то есть — независимо от того, как это обозначено в подлиннике. Также полностью выписаны названия инструментов, обозначение жанров произведений, например: ф.п. или ф-но — фортепиано, симф. — симфония, скр. концерт — скрипичный концерт, а также некоторые другие сокращенно написанные слова, прочтение которых в контексте безусловно однозначно.

В тех случаях, когда может быть предложено иное прочтение слова, или

правомерность раскрытия слова (особенно в музыкальных терминах) подвергается сомнению, а также в случаях, когда сокращение подчеркнуто демонстрирует авторскую индивидуальность, всё дописанное составителями заключено в квадратные скобки.

Также с употреблением квадратных скобок выписаны полностью все имена собственные, то есть названия произведений, газет, журналов, издательств, обществ, учреждений, имен, фамилий, если, конечно, это не нарочитые сокращения.

Оба корреспондента часто употребляли придуманные ими названия, которые рождались порой из сокращенно написанного слова, например, Ньетта, Ньеточка, Ньешка от Симфоньетты; или шутивное — Касторка от «Аластора»; или Амалия от a-moll'ной Третьей симфонии Н. Я. Мясковского; а свои симфонии они называли: дочка, дитя, девица, дева, девка. Естественно, что все эти шутивные названия сохранены в авторском написании и без заключения в кавычки, поскольку они прочно укоренились в переписке, так же как и шутивные искажения и образования некоторых фамилий. Так А. И. Зилоти часто именуется: Зизи Лотти, Зилот, Зилошка, Итолиз; А. П. Асланов: Асланиди, Аслашка; С. А. Кусевицкий: Куся, Куськин, Куськин сын, Суковицкий; В. В. Держановский: Держанелли, Держанулькин, Держихвостов; Константин Соломонович Сараджев: Сараджини, Соломон, Соломошка и др.

Все встречающиеся в письмах иностранные фамилии на языке подлинника воспроизводятся без перевода; иностранные фамилии в русской транскрипции, как правило, употреблены корреспондентами в транскрипции принятой и в современной литературе. Только в очень немногих письмах фамилии Кшенек, Мийо, Тайфер, Сенкар, Сток употреблены в написании — Крженек, Мило, Тайлифьер, Сценкар, Шток. Такие случаи единичны, в для соблюдения единообразия в написании этих фамилий допущены поправки; проведена унификация в написании фамилий: Себастьян, Атовмян (в тексте иногда — Себастиан, Атовмьян); так же безоговорочно исправлены явные ошибки или опiski в написании фамилий — Родзинский, Шмитт, Лалиберте и др.

Встречающиеся в письмах иностранные тексты и отдельные слова (за исключением общеизвестных музыкальных терминов и широко распространенных названий, а также адресов) снабжены подстрочными переводами. Под строку вынесены также примечания, поясняющие некоторые особенности текста письма, например: зачеркивания, исправления, авторские комментарии, пометы адресата и т. п. Все подстрочные примечания сделаны составителями.

<стр. 32>

Названия религиозных праздников, дней недели, месяцев везде даются со строчной буквы; так же по правилам современного правописания проведена унификация буквенных наращений при цифрах.

Знаки +, %, № в повествовательном тексте, если они не стоят при цифрах, заменены словами.

Безоговорочно исправлены явные описки, ошибки, несогласованности падежных окончаний и т. п.

Все слова, подчеркнутые автором в тексте письма, даны в разрядку, подчеркнутое адресатом — оговорено в подстрочном примечании.

Буквенные обозначения и слоговые названия звуков в тексте писем выделены курсивом.

Все нотные примеры даются факсимильно. Фотокопии, с которых изготовлялись факсимильные отпечатки, требовали тщательной обработки художника-ретушёра. Такую работу проделал Е. Б. Гордиенко.

Письма С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского снабжены комментариями, которые помещены в конце всей переписки.

Произведения С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского, упоминаемые в книге, вынесены в персональные указатели. Вслед за ними следует общий указатель имен и названий произведений, куда вынесены все лица, упоминаемые в книге, с указанием фамилий, имен, отчеств, годов жизни и рода деятельности, а также названий их произведений (музыкальных, литературных, драматических). Названия произведений того или иного автора даются вслед за его фамилией. Иностранные фамилии в указателе даются в русской транскрипции и в оригинальном написании. Иностранные названия произведений, встречающиеся в текстах писем только на языке подлинника, в указателе помещены в русском алфавите.

Настоящее издание — первая публикация переписки С. С. Прокофьева и Н. Я. Мясковского отдельной книгой. Перечисленные ниже 49 писем этой переписки ранее были опубликованы в двух сборниках, составленных С. И. Шлифштейном: в однотомнике «С. С. Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания», М., 1961, 2-е издание (1-е издание—1956), при ссылках в комментариях это издание именуется — С. С. Прокофьев; в двухтомнике «Н. Я. Мясковский. Собрание материалов», М., 1964, 2-е издание (1-е издание—1960). Письма помещены во втором томе этого издания, которое при ссылках именуется — Н. Я. Мясковский, т. 2.

Письма С. С. Прокофьева от 26 июня 1907 года, 3 июня, 12 и 31 июля, 24 августа 1909 года, 16 мая 1950 года опубликованы в книге: С. С. Прокофьев (с. 262—274). Его же письма от 4 и 23 августа 1907 года; от 11 июля, 4 и 12 августа 1908 года; от 6 июля 1909 года; от 19 августа 1910 года; от 27 мая, 7 августа 1911 года; от 11/24 июня 1913 года; от 12/25 июня, 20 ноября 1914 года; от 25 января, 10 апреля, 29 мая 1915 года опубликованы в книге: Н. Я. Мясковский, т. 2 (с. 273—323).

Письма Н. Я. Мясковского от 12 июля 1907 года; от 23 марта и 28 июля 1909 года; от 4 сентября 1910 года; от 3 июня и 3 августа 1913 года; от 31 января 1916 года и 23 апреля 1950 года опубликованы в книге: С. С. Прокофьев (с. 263—274); письма Н. Я. Мясковского от 26 июля, 10 августа 1907 года; от 8 и 25 июня, 11 июля, 9 августа (а не 9 декабря, как ошибочно датировано в сборнике) 1909 года; от 13 августа 1910 года; от 26

мая, 23 июня, 12 августа 1911 года; от

<стр. 33>

26 января, 5 июля 1913 года; от 19 июня, 1 и 27 ноября 1914 года; от 15 января, 17 мая, 28 июня, 27 декабря 1915 года и 3 ноября 1916 года опубликованы в книге: Н. Я. Мясковский, т. 2, с. 271—326.

Отрывки из своей переписки с Н. Я. Мясковским за 1907—1909 годы С. С. Прокофьев воспроизводит в «Автобиографии», вышедшей в 1973 году в издательстве «Советский композитор»; при ссылках это издание именуется: Автобиография. Это издание следует отличать от «Краткой автобиографии», напечатанной в упомянутом выше сборнике «С. С. Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания» (С. С. Прокофьев).

Ниже приводится список сокращенных названий, употребляемых (иногда) С. С. Прокофьевым и Н. Я. Мясковским в переписке и принятых (как правило) в комментариях:

Акопера	Государственный академический театр оперы и балета (Ленинград)
АМА	Ассоциация московских авторов
АПМ	Ассоциация пролетарских музыкантов
АСМ	Ассоциация современной музыки
ВАПМ	Всероссийская ассоциация пролетарских музыкантов
ВОКС	Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВРК	Всесоюзный радиокомитет
ГИХЛ	Государственное издательство художественной литературы
Главнаука	Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями
Госиздат	Государственное издательство
ГЦММК	Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки (Москва)
ИРМО	Императорское русское музыкальное общество
Малегот	Ленинградский Малый театр оперы и балета
МОДПИК	Московское общество драматических писателей и оперных композиторов
Мосфил	Московская филармония
МССК	Московский союз советских композиторов
Музгиз	Государственное музыкальное издательство
Музсектор	Музыкальный сектор Госиздата
Музфонд	Музыкальный фонд союза советских композиторов
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения РСФСР

Персимфанс	Первый симфонический ансамбль Моссовета
РАПМ	Российская ассоциация пролетарских музыкантов
«РМГ»	«Русская музыкальная газета»
РМИ	Российское музыкальное издательство
РМО	Русское музыкальное общество
Росфил	Российская филармония
ССК	Союз советских композиторов
Софил	Советская филармония
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)

М. Козлова

<стр. 35>

ПИСЬМА

1. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 июня 1907 г., Сонцовка

26 июня 07

Многоуважаемый Николай Яковлевич!
(Ненаглядный Колечка!..)

Посылаю Вам рядом с этим письмом две фортепианные собачки¹, Вам написанные. Когда будете в них разбираться, обратите важное внимание на темпы, которые играют большую роль. Затем подумайте, как их назвать. Особенно вторую: кажется, что ясно выражается в ней мысль, а вот названия никак не придумаешь. Конечно, на различные тонкости, разбираться в которых очень любите, Вы мне сделаете самые точные указания.

Ну что, как Ваша поэма для оркестра на «очень хороший» сюжет?² А я первую часть своей сонаты, которую показывал Вам на экзамене, дописал и, кажется, 2-й, 3-й и 4-й писать не буду³; так и останется à la Miaskowsky, в одной части: и выгодно, и нескучно, и красиво. Недавно случайно как-то написал сонатину о двух частях⁴. Очень интересно ее писать; писал как можно проще, и весело выходило. А пока дописываю тот 4-й акт «Ундины»⁵, что давал Вам в мае.

Напрасно Вы тогда так скоро убежали с нашего последнего экзамена. Мы с Канкаровичем еще подождали минут 5—10 и за это были вознаграждены: попали во внутренность кабинета директора, где Лядов показал задачи и поправки на них. У Вас квинты, действительно, красуются, а остальных грубых ошибок нет, кой-где только шероховатости. А у Захарова октавы; у остальных, перешедших на фугу, 5-й голосный написан гладко. У меня вышел хуже 3-х голосный, хотя ни одной сердитой ошибки нет, а стретта даже хорошо. А в общем по всем правилам перешел только Асафьев, так как для перехода нужно круглую четверку, а ее никто не получил:

<стр. 38>

26 июня, 07

Многоуважаемый
Николай Яковлевич!

(Начальник Канарка!...)

Посылаю Вам редкую от меня
письмочку об этом формальном са-
баке, Вам написанная. Когда бу-
дет в мире разберется, обра-
тит внимание на то, что
каждый из нас должен быть за-
тем подвинулся, как мы надеемся
особенно второму: канарка, что
яко бырается в ней нечего
и вот канарка нечего на пред-
мет. Канарка на раздвинулся
Канарка, разберется в Канарка

Первая страница
первого письма С. С. Прокофьева к Н. Я. Мясковскому
от 26 июня 1907 года

<стр. 39>

	5-и голосный	3-х голосный
Асафьев	4	4
Мясковский	3½	4
Захаров	3½	4
Прокофьев	4	3
Канкарович	3	3½
Саминский	3	3
Элькан		
Чефранов		

Нам пяти вывели четверки (и даже Канкаровичу!..), а остальным трем, видно, сидеть на контрапункте. Ну, пока — всего хорошего.

Жду ответных собачек.

Адрес, конечно, забыли: Екат[еринославская] губ., Бахмутск[им] уезд, почтовое отделение Андреевка.

Уважающий Вас С. Прокофьев

2. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 июля 1907 г., Ораниенбаум

Сердцу моему любезный, Сергей Сергеевич, все ждал, но так и не дождался, возможности достойно ответить как на письмо, так и, конечно, особливо, на Вами присланные собачки. Из всего за сие время мной «созданного» не нашлось ничего, что имело бы хоть малюсенький шансик Вас удовлетворить, а потому решил направить к Вам просто пустопорожнее письмо безо всякого сопровождения, чем, конечно, плачу Вам чернеющею неблагодарностью, но, что ж делать... Вашей присылке я обрадовался до умопомрачения; в ней наряду с Вашими отвратительными царапаньями (не для меня, конечно) по всяким самым ужасающим сочетаниям (преимущественно во 2-й) есть моменты достаточно убедительные, а общий склад, подчиняющая пылкость и крайне мной в Вас любимая колкость, если так можно выразиться, в них настолько ярки, что, несомненно, покрывают их недостатки. Попервоначалу я, конечно, разозлился, что мне в каждой руке приходится брать только по одной ноте, да еще чуть не на разных концах клавиатуры, но, когда я их разыграл в темпе (конечно, равном половине Вашего), достаточном для уразумения общего склада, я получил полное удовлетворение, особенно 1-й пьесой; во 2 и больше грязи и она как-то менее прикрыта. Относительно названия 2-й, ничего не могу сказать, я вообще не поклонник всяческих названий и потому сразу удовлетворился пьесой и так, без всякого названия. К первой — «Карнавал» — подходит — в ней много бесшабашности. 2-я тоже, пожалуй, из каких-либо карнавальных фигур — начало ее на-

<стр. 40>

проигрывать безмысленнейшие модуляции и выслушивать вперемешку сердцещипательные романсы и игривые отрывки из оперетки; вот наслаждение!

На днях еду утешаться к Асафьеву, а от Вас жду сонатину и сонату (ту, которую...).

До свидания.

Ваш *Н. Мясковский*

12/VII 07. Ораниенбаум

З. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 июля 1907 г., Сонцовка

22 июля 07

Бесконечно прекрасный Николай Яковлевич!

Очень мил! страшно мил! «Плачу Вам чернеющею неблагодарностью, что не посылаю ответных собачек»..., а теперь отвяжитесь и собачек не просите! Нет, папочка, Вы про себя выражаетесь весьма скромно и зело деликатно, а, по-моему, так это не «чернеющая неблагодарность», а нечто значительно большее! Помилуйте! в его амбарах лежат груды «обрывков» и романсов (положим, романсов мне не надо), которых он пишет по 7 штук в неделю, то есть не только пишет, но сочиняет, творит, создает, а для меня некогда переписать один-дру-

<стр. 42>

гой обрывок. А Ваши обрывки мне очень хотелось бы посмотреть; меня заинтриговало одно словечко, именно, что некоторые из них «очень рискованны». Если они Вам сейчас не нравятся, и Вам страшно их посылать, то это ничего; когда я Вам отправлял мои собачки, то они были совсем тепленькие, и мне очень не нравились, но, так как я обещал, то я слово держу (!!) и, переписав, упек в Ораниенбаум, а пока они путешествовали, мне взяли и понравились. Кстати, насчет прав собственности: если на собаке написано à Mr. Miaskowsky, то, стало быть, она написана à Mr. Miaskowsky, посвящена à Mr. Miaskowsky, и принадлежит à Mr. Miaskowsky, и разговоров быть никаких не может.

У меня есть одна ничего себе собачка, которую хочу Вам послать и переписываю, но отправлю не раньше, как получу от вас обрывки, а если их не получу, то с горя пошлю Захарочке, он просит.

С дорогим Александром Николаевичем заниматься, понимаю, очень приятно; он уже давно отличается квинтоманией и лепит до десяти квинт включительно в хорал средней величины. Из его сочинений я слышал несколько романсов и несколько отрывков. Довольно мил романс, кажется, за номером седьмым, если не вру: «Распустилась ветка черемухи»¹.

Я пишу теперь «Ундину» (начал новую картину), да иногда-иногда собачки для клавикордов. Сонатину — так финал и не дописал.

Захаров пишет, что Асафьев начинает вторую детскую оперу². Это

называется: охота пуще неволи! Одно несчастье, как эти младенцы пишат его контрапункты и тому подобные штуки в опере³. Горе! Я бы ни за что не написал.

Ну, всего лучшего. Жду письма, но еще больше обрывков.

Ваше письмо, написанное высокопериодическою речью и азиатским почерком, тщетно старался разобрать; пришлось писать с него перевод ни русский язык, причем каждое слово разбирал и немедленно записывал на бумажку. После этого его уразумел и сейчас же пишу утвет*.

Уважающий Вас *С. Прокофьев*

4. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

28 июля 1907 г., Ораниенбаум

26/VII 07. Ораниенбаум

Свет очей моих,
если Вы так уж жаждете получить мою дребедень, то я ее вышлю в самом непродолжительном времени. К сожалению, а впрочем, быть может, и нет, она у меня в одном экземпляре и так останется; ей-ей, нет сил переписывать, вследствие этого Вы, может быть, не лишите меня навеки этих, по-Вашему, «созданий» и, привезя с собой осенью,

* утвет — так в подлиннике.

<стр. 43>

дадите переписать или даже вообще вернете, так как я ни в коем случае не считаю их достойными Вас. Рискованные моменты есть только в двух. Жаль, что Вы не обещаете выслать мне сонату и сонатину — я особенно жаден к такого рода музыке; уж Вы как-нибудь их того, упакуйте да адресуйте ко мне. Я тут с отчаяния, что не клеится ничего достойного моих потомков, опять ударился в сонату, но на сей раз помельче формой, то есть, с Вашего позволения, в сонатину, но зато, как бы в насмешку над моими предыдущими quasi-сонатами, в 4-х частях¹, из которых в настоящую минуту испечено три, причем попадаются бездонно *passionat*'ное *Largo*, дико размашистое скерцо, одним словом, все по положению для сонаты. Теперь бьюсь над финалом и, кажется, по Вашему примеру не кончу, судя по крайней мере по тому, что я его начинал 5 раз, и все ничто не выходило, только сегодня придумал нечто, на чем остановился, но зато дальше чудится такая дребедень, что я, кажется, опять плюну.

Напрасно Вы отказываетесь от моих романсов. Среди них есть пресладкие, впрочем, я их по этой самой причине подарил Асафьеву. Кстати, этот несчастный молодой человек (конечно, только с точки зрения приверженности к детским операм) не только начал свою вторую оперу, но уже почти кончает; по крайней мере, когда я у него был недели полторы тому назад, было уже готово 3 картины из шести, что составляло 160 страниц

музыки; я как увидел, так ахнул. Но, в конце концов, это печально, что он столько сил посвящает на то, что в лучшем случае не будет ценнее какой-нибудь «Аскольдовой могилы», независимо от его способностей, но исключительно вследствие узости задачи. Плохо еще то, что он из-за этого никогда не выбьется из своих примитивных гармоний и наивных мелодий, а это крайне необходимо именно ему, так как то, что он пишет теперь для «больших», части нестерпимо банально (он мне показывал один романс такой²). А что Вам пишет Захаров? Делает он что-либо или нет? Это довольно интересно, так как иногда среди своих простушек он вдруг ошарашивал то яркой гармонией, то красивым мелодическим извивом. Он Вам, вероятно, присылает что-нибудь, со мной же, видимо, не хочет иметь сношений.

Да, мне пришло в голову, что Вашу 2-ю «вещицу» можно назвать *Tristesse** или как у Берлиоза *Tristia***, в ней этого много, а средняя возбужденность еще лучше оттеняет общий печально-сосредоточенный колорит. Она мне теперь очень нравится. Хорошо будет, если Вы мне пришлете обе сонаты и собачку.

Между прочим, я так-таки окончательно не понял, что эти господа Самин[ский], Элькан и Чефранов переведены на контрапункт или также и на фугу? Вот будет ужас, если Чефранов с Эльканом будут на фуге. Очаровательный м-сье Кобылянский последний раз довел меня

* Печаль (*франц.*).

** Скорбные песни (*лат.*)

<стр. 44>

до остервения: в маленьком хоральчике не было ни одного такта без 5 или 8 — всего штук 20—25 — это превзошло все мои ожидания; и такой господин имеет стипендию в классе теории, каково?!

Однако, я Вас замучил, хотя старался писать, если не совсем по-европейски, то хоть по-американски.

Не сердитесь, ангелок. До свидания.

Н. Мясковский

5. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 августа 1907 г., Сонцовка

4 августа 07

Счастье мое, Николай Яковлевич!

Был безумно счастлив, получив Ваши архикупавые собачки¹, но ожидал так много и так скоро, а потому прошу еще! Что касается этих, то я в них разобрался, и вот мое мнение о каждой из них (пожалуйста, сидите и не ругайтесь!). 1-я — симпатичная, но не больше, нехорош конец, во всяком случае, Вы можете писать гораздо лучше. 2-я мне не нравится; просто не нравится и больше ничего; кроме того, много подражания разным композиторам, особенно Римскому-Корсакову, что Вам вообще не свойственно.

3-я — очень милый Вальс à la Шопен — Скрябин, самая невинная из всех собачек, но, повторяю, очень милая; в 5-ом такте я посоветовал бы взять в басу квинту *fa# — do#*, чтобы бас 4-го такта влился, а то резко *do#* 4-го такта в мелодии, что не соответствует остальному. 4-я (Колыбельная) очень хороша, и мне страшно понравилась с самого начала; натянут у нее конец и портит впечатление; хоть она и в *mi*-миноре, но его в ней настолько мало, что Вы даже *fa#* в ключе не поставили. 5-я мне не нравится, хотя сама тема (первые 4 такта) и хороша, но что за охота выбирать для музыки такие низкие сюжеты! Я понимаю, «Он рвет и мечет», а то «Он сидит на стуле и ворчит», — удивляюсь. Может, с точки зрения «Il est mécontent»* выражено и «картинно». 6-я, «Aux champs»**, хотя и простая, но очень красивая. Только не *molto lento* надо, а *allegretto*, а то уж очень тягуче. 7-я мне не нравится, не люблю я этот род гармонизации; только последние 4 такта хороши. 8-я хороша сначала, вторая же половина какая-то странная и только конец ничего. Марш в русском стиле очень хорош; когда его играешь, то невольно является мысль о побочной партии Вашей *e-moll*'ной сонаты. Особенно мне нравится после повторения. Контрапункт в Марше à la Римск[ий]-Корсаков. А что если последние [4] такта сделать на органном пункте *re* малой октавы? или очень уж по-римски выйдет? 10-я — премилая вплоть до повторения. Дальше Вы очень удачно под-

* Он недоволен» (франц.).

* «В полях» (франц.).

<стр. 45>

ражаете крику птиц и воробьев; но что в этом крике может быть музыкального? Согласитесь с этим. 11-я, Баркарола, очень, очень хороша. Прекрасна и очень неожиданна перестановка контрапункта с мелодией, то вверху, то внизу. Несколько жидко звучат 5-й, 6-й и 7-й такты. 12-я — Скерцо — мне понравилась, даже когда я ее смотрел и еще не играл. Очень яркая и оригинальная вещь. Не нравится мне конец (или я его играть не умею) да еще к длинной эпистоле в конце я по советувал бы прибавить «*senza replica*», а то слишком много повторений одного и того же. А общее мнение о всем вместе, что очень много хорошего, хотя некоторые написаны слишком скоро и необдуманно Вальс, Колыбельную, «Aux champs», Марш, Баркаролу и Скерцо я считаю наилучшими, равными Вашим сонатам. Простите меня за слишком откровенное и дерзкое суждение и, если Вам не нравится, сожгите и забудьте. Но ради бога, об одном молю Вас, пришлите одну из новых сонат (лучше ту, что о четырех частях). Ваш Flofion (что значит?) берегу под 7-ю замками и осенью с благодарностью возврату наравне с сонатой, которую, надеюсь, пришлете на просмотр. Рядом с письмом посылаю свою сонату и собачку до осени. В сонате обратите внимание на постоянное чередование двух темпов. Кстати, темпы очень быстрые (см. метроном), а без них многие страницы покажутся скучными. Сонатину не посылаю, так как она годится больше для Асафьева. Относительно *si*-минорной собачки, я не согласен ее «Печалью» назвать. Имейте в виду, что темп значит *Furioso ma lento*. Это надо понимать,

что медленный темп охлаждает нетерпеливые нападки «мимовской» темы. Это справедливо, что она на Миме похожа; я это знал, но допустил ввиду большого различия в цели и характере. О «molto più mosso» в Карнавале я тоже думал написать вдвое скорее, как Вы и предлагаете, но при том темпе, как я играю предыдущее, это невозможно. С Захаровым начал переписываться, но теперь за ним очередь. и он, лентяй, вот уже месяц не пишет.

Так жду сонаты! Придумайте, пожалуйста, название к es-moll'ной собачке, которую посылаю с моей сонатой. Чефранов и Элькан на фугу не перейдут, хотя бы потому, что слишком мало музыкально образованы. Саминский, верно, тоже.

Ваш С. Прокофьев

6. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

10 августа 1907 г., Ораниенбаум

10 августа 1907

Ораниенбаум

Дорогой Сергей Сергеевич,
пожалуй, сонаты Вам я вышлю, так как я их вовсе не играю, не говоря о недавно испеченной, но даже и предшествующая мне еще претит. Но, во всяком случае, 1-я¹, если отбросить неудавшуюся фугу, все же

<стр. 46>

несколько лучше второй²; эта последняя крайне эклектична, часто сделана сплеча, а финал, несмотря на то, что он пятый, все же ни к черту не годится, и что еще хуже, он плохо вяжется с предыдущим из-за своей минорности. Хотя в конце и появляется Si-mag[gior]e, но и поздно, и мало, да и явление это небывалое, чтобы 1-я часть была в мажоре, а финал в миноре, я поэтому и думаю перекрестить всю штуку в Sonate-Fantasia. 1-я соната и цельнее и выпуклее. С Вашими замечаниями на Flofion (дурная мелодия — и...) я, вероятно, соглашусь, когда увижу их вновь, теперь же, я что-то плохо припоминаю, я ведь их пёк. Все же должен дать кое к чему пояснения. Berceuse* и следующая штука связаны между собой единством действующего лица, чем оправдывается нарочитая нелепость окончания первой из них и именно воркотня, а не что-либо иное, второй (впрочем, сама эта вторая — дрянь); в них Monstre — урод, чудище, одним словом, нечто несуразное. «Aux champs» нельзя играть allegretto, ибо от нее тогда ничего не останется, а впечатление должно быть такое, как если бы слышать пение в поле — затяжное, с замираниями. «Уныние», «безнадежность» выигрывает, если ее играть варварски медленно-нудно. 10-я штука — чушь — я хотел воспроизвести хоть приблизительно пение какой-то пичуги из наших ораниенбаумских «лесов». Неужели на Вас произвела впечатление Barcarolle? Я, говоря откровенно, над ней ни минуты даже не вдумывался, имея в виду только № 11. Что дикое Скерцо Вам Понравилось, это меня радует, так как и мне оно больше всего нравится; относительно senza replica Вы правы, я только

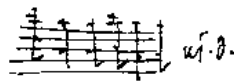
забыл это написать. Конец пропадает потому, что он на другой странице, так как он должен быть уже заранее подготовлен с того самого момента, как возвращается 1-й мотив; вся штука должна идти в большом *morendo*, но отнюдь не *ritard[ando]*, как какое-либо удаляющееся видение беснующейся нечисти. Кстати, 2-я соната не в *e-moll*, а в *G-dur*³. В настоящее время я хотел было заняться отдохновением, но не тут-то было, хотя флюфончиков больше не пеку, зато уселся за квартет⁴ — жадность к нему огромная, а идет плохо, и темы как-то не удались, и разработка их какая-то вялая, И, главное, не могу понять, в чем суть этой бестолочи: с одной стороны, сама техника нова: как-то новичком себя чувствую, а с другой стороны, жидкость получающегося звука вызывает и недоумение (должно ли это так быть и не кажется ли мне это тусклым лишь после звучности фортепианных пьес?) и какую-то апатию, ибо, когда я обдумываю, оно звучит втрое ярче, нежели тогда, когда написано. Черт знает, что такое, но бросать все же не хочу, так как отмечены уже и скерцо и финал, нет только *adagio*, но за ним дело не станет, если выйдут все эти чертовы *allegro*ы.

Так, Затрону Вашу *quasi*-кащеевщину; ей можно дать бесконечно много прозвищ и простых и не простых, и самых старых и самых архиновых, но все они должны блуждать в сфере ночи (по внешнему коло-

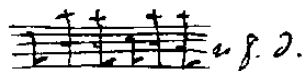
* Колыбельная (*франц.*).

<стр. 47>

риту) и трагедии (по содержанию), например: *Nocturne* — *Notturmo*, *Nachtstück*, *Tragödie*, *Mystère*, еще что-нибудь *lugubre** и т.д., и т.п. в самых смелых сочетаниях, например: *Messe nocturne*. В общем, пьеса мне сильно нравится, хотя начало лучше (и много) середины. Соната Ваша⁵ производит впечатление и при не совсем верных движениях, но скажу, что все, начиная с разработки, лучше, нежели предыдущее (впрочем, побочная партия и тут недурна, а главное пресвежа); возмутительный эпизод в начале Вы так-таки оставили, но, слава богу, в репризе его не оказалось, что меня необычайно обрадовало. Меня не вполне удовлетворяют часто ненужно-грязные фигурации, с л у ч а й н а я разбросанность голосоведения, иногда неловкие фигуры, например: заключительная партия аккомпанемента

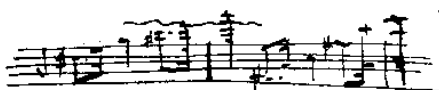
лучше было бы написать так:

безо всякого ущерба для дела, затем Ваши полеты кверху иногда не мешало бы дополнить октавами:

сделать хотя бы так:

ибо иначе в *cresc[endo]* эти штуки звучат уж слишком жидко и с ущербом крикливо. В заключение замечу, что хотя Вы и изобрели в изложении побочной партии имитацию, но она совершенно не звучит так, а выглядит просто как цельная мелодия. Особенно мне нравится, как Вы сделали репризу: весело, ярко и свежо. Coda тоже недурно и за-

* мрачное, угрюмое (*франц.*).

<стр. 48>

ключительное *pp*, несмотря на всю простоту эффекта, действует прямо ошеломляюще приятно. В моих новых сонатах Вы ничего подобного не встретите, там все по-немецки дубово и крепко сшито. Все-таки, сэр, и очень сожалею, что Вы меня не удостоили сонатины; у меня есть очень большое расположение к такой музыке, и, не займись я в настоящее время квинтетом, я бы обязательно навалил бы сонатинку, да гак, чтобы в каждой руке не было бы одновременно более одной ноты, а гармония не вылезала бы из тоники и доминанты. Жаль, что мечта моя не осуществилась. Жаль также, что Вы не имеете определенного мнения о разнообразии и иногда непостижимой крайности моих вкусов; теперь я уж до осени на Вашу сонатину не рассчитываю, но считаю, что Вы передо мною в долгу.

Анфэн (*enfin**), до свидания в близком будущем; я, вероятно, буду зайти в консерваторию так числа 8-го—9—10 сентября.

Ваш *Н. Мясковский*

Неправда ли, я стал лучше (чётче) писать? Все для Вас. Да, кстати, 25 августа я, вероятно, вернусь в город: Суворовский проспект, д. 47, кв. 10.

7. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 августа 1907 г., Сонцовка

23 авг. 07 г.
Сонцовка

Купавый Николай Яковлевич!

Сонаты получил и сейчас же проглотил. Вопреки Вашему приказанию начал с *H-dur'*ной, и теперь ее уже вполне рассмаковал ¹. Другую еще не вполне. (Кстати: Ваша гедурная соната действительно в *G-dur'*е, а не в *e-moll'*е). Во-первых, относительно того, кем 2-й сонате быть: фантазией ли,

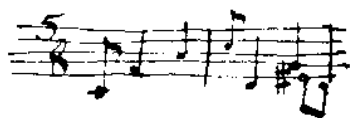
сонатой или сонатиной? По-моему, назовите ее просто сонатой: она достаточно правильна по форме, чтобы избежать «фантазии»; что же касается сонатины, то, кроме главной партии à la Моцарт, в ней ничего сонатинистого нет. Мне не нравится, как построена разработка: никакого развития тем в ней нет, контрапунктов нет, а тем не менее она страшно, а если не страшно, то довольно длинная. Заключительной партии нет; положим, она не особенно просится, но ее можно было с успехом построить на органном пункте на до[#]е. Очень хороша в первой части побочная партия (хотя я не вполне согласен с ее сере-

* наконец (*франц.*).

<стр. 49>

Ее можно было бы сделать на $\frac{5}{8}$:

но настаивать на этом не буду, так как от этого она может потерять часть своей оригинальности. Особенно она хороша в миноре (в разработке). А в заключение скажу, что первая часть, несмотря на разнообразие ритмов, очень однообразна. А причина та, что разработка сделана неинтересно. Да и реприза ничем от экспозиции не отличается. По нравится также переход от разработки к репризе: как-то неожиданно, вдруг. Я не говорю, чтобы делать такие ферматы, как в моих сонатах, но все же на доминанте следовало побыть подольше. Вторая часть производит впечатление, но далеко не свежая. Во-первых, начинается каватиной Кончаковны из «Игоря»:

Далее 1-я тема (бетховенская) очень хороша, жаль, что ее мало до F-mag[gio]re. 2-я (F-dur'ная) тема — романсная. Какой романс она напоминает — сказать не могу, так как она напоминает несколько сразу. Вы ее повторили 4 раза, причем все 4 раза она проходит целиком; это уже слишком! Вообще F-мажор сильно растянут. Реприза и самый кончик очень хороши. Третья и четвертая части стоят значительно выше двух первых, — они яркие и оригинальны. Относительно аккордов в скерцо, то я посоветовал бы написать те, которые не помечены литером «А», прямо октавой ниже: и красивей и

удобней. Очень изящно сделано после первого повторения

Трио тоже хорошее. Не поставлю Вам в вину, что по ритму и рисунку оно напоминает «Журавля» из 2-й симфонии Чайковского (финал).

<стр. 50>

В Cod'e я посоветовал бы не брать аккорда после октав перед заключительным пассажем

прямо с октав повернуть на него. О 4-й части говорить подробно не буду, так как недостаточно с ней знаком. Очень она оригинальная и темы тоже. Побочная только партия не особенно нравится, хотя сальто-мортальный аккомпанемент и мил. D-moll'ную сонату смотрел пока мало. Главная партия чрезвычайно сильная и вообще эта соната — одна из лучших. Извините за уродскую критику и не ушибите меня за нее до смерти. А что соната моя Вам нравится — очень рад. Что касается до середины в es-moll'ной пьесе, то она мне нравится и, по-моему, ничуть не хуже начала.

Скерцо в F-dur'e становится все лучше, а остальные начинают надоедать. Говорите, что Баркаролу не любите? а сам берет заключительный пассаж разбитыми квинтами в 1-ю часть своей сонаты!

В Петербург явлюсь в конце августа. Если будете в городе — забегу к Вам, а если будете еще в милом Ораниенбауме, то, наезжая на Петербург, непременно загляните ко мне, Садовая, 90, кв. 3. (У Покрова).

Говорят, какого-то Захарова в Финляндии повесили... Не нашего ли? а то нет ни слуху, ни духу.

Уважающий Вас *С. Прокофьев*

Почерк Ваш ничуть не лучше, но привычка выше нас дана, и я, с божьей помощью, теперь читаю Ваши письма в подлиннике (то есть без предварительного перевода на русский язык).

8. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 декабря 1907 г., Петербург

Прелесть моя!

Говорят, что в субботу будет концерт Шредера¹, и Вы там бываете. Правда или нет? Отвечайте поскорей, будете ли Вы в субботу дома.

Ваш С. Прокофьев

28-го

(Написал «Снег» и «Осеннее»²).

<стр. 51>

9. С. С. ПРОКОФЬЕВ—Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

14 марта 1908 г., Петербург

Пятница

Дорогой Николай Яковлевич, пожалуйста, привезите с собой в субботу в консерваторию «Grand duo» Шуберта, а то хочется что-нибудь к понедельнику наинструментировать¹.

Ваш С. Прокофьев

10. С. С. ПРОКОФЬЕВ —Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 апреля 1908 г., Петербург

Четверг, 24-го

Хотите меня слушать на экзамене¹, — завтра ровно в 10 часов утра.

С. Прокофьев

11. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 мая 1908 г., Зверево

Ст. Зверево, Юго-Восточной ж. д.

20 мая 08

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень жаль, что так случилось, что мы еще раз не повидались и расстались бог весть как.

Об экзамене не могу сообщить ничего особенного¹, так как после моей просьбы они смиростивились и проверили мою фугу раньше, после чего я немедленно удрал на поезд. Сам просил Акименку сообщить в Сухум, кто сколько получил, так как знаю только одну свою отметку, а этого мне мало. Очень, очень извиняюсь, что не могу сообщить отметки Саминского. Пишите мне в Сухум, Кутаисской губ., дача Смецких. Это, если соберетесь числа до 1-го, 2 июня, а после — по-старому: Екатеринос[авская] губ., Бахмутск[ий] уезд, почтовое отделение Андреевка.

Непременно присылайте свои сочинения (заказной бандеролью). Я со своей стороны не заставляю себя ждать. Придумал тему для симфонии². Как Ваша? Непременно пишите ее³, а не поганый квартет.

Желаю Вам всего хорошего, жду в Сухум письмо и еще раз, дорогой Николай Яковлевич, извиняюсь, что не могу сообщить саминскую отметку.

Любящий Вас С. Прокофьев

Р. С. Прилагаю марку на Ваше ответное письмо.

<стр. 52>

12. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 мая 1908 г., Сухум

Сухум. 31 мая 08

Многообожжаемый Николай Яковлевич.

По скудным сведениям, кои я имею из Петербурга, могу сообщить, что Вы получили 5, а я 4½. Вообще же, кажется, весь класс отличился и сдал экзамен прекрасно. Что касается формы, то я попробовал молвить полслова с Глазуновым, но тот довольно безапелляционно сказал, что теперь, окончив фугу, переходят на форму, кую проходят весьма подробно. Я это знал и раньше, но, вероятно, придется-таки ее проходить.

Как Ваше здравие? Мерзнете, пишете? А у нас здесь адское пекло, так что целый день дома сидим. Я тоже ничего не делаю, только с радостью учу концерт Корсакова, посвящая ему до двух часов в день. Здесь великолепный Бехштейн. На нем очень хорошо исполнять Вагнера, но сочинять нет никакой возможности, — черт его знает почему. Поэтому симфонию уже откладываю до деревни, хотя и очень хочется сочинять.

Хорошо делаете, что улегчаете свои сонаты, только, пожалуйста, присылайте кого-нибудь: ну, не будет фортепьяшек, пришлите романс.

Пишите мне в Екатеринославскую губернию.

Ваш С. Прокофьев

13. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 июня 1908 г., Сонцовка

Сонцовка. 27 июня 08

Дорогой Николай Яковлевич.

Вы меня прямо озадачили своими 120-ю страницами¹. Я всего полторы недели как вернулся сюда и написал пока до половины побочной партии². Время терпит, сочиняю медленно, всласть, даже, пожалуй, чересчур лениво.

Меня очень печалят Ваши, как Вы пишете, длинноты и 120 страниц. Ведь, что может быть хуже длинной симфонии? По-моему, идеал величины симфонии — 20, максимум 30 минут, и свою стараюсь писать елико возможно сжатей: всякие мало-мальски разглагольствования крещу карандашом самым беспощадным образом.

Мишу, по возможности, просто, инструментовка тоже, вероятно, будет простая, — одним словом, шаг назад во всех отношениях, но я очень доволен. Посылаю Вам кусочки главной, побочной партии и хода, которые, замечу, звучат в этой редакции ниже всякой критики, так что Вы что-нибудь, пожалуйста, подыгрывайте, да напишите, не своровано ли что.

<стр. 53>

По форме будет довольно правильная, но с некоторыми странностями: после андантного вступления (которого еще нет), следует крадущаяся главная тема, затем спокойный ход, который ни с того ни с сего останавливается на ноте *si* (симфония в *e-moll'*) и превращается в органнй пункт. Этот органнй пункт подготавливает побочную партию и только В последнем такте неожиданно через терцквартаккорд обрушивается в *Sol-mag[giore]* на счастливую побочную партию, *tutti* и *фортиссимо*.

В Вашем симпатичном эпизодике никаких квинт нет. На 2-й же четверти совершенно другая гармония. Если же Вы и слышите квинты, то, вероятно, потому, что на 3-й четверти не ударяете тянущуюся терцию, и получается пустота, что обманывает слух.

Жду от Вас слуху и духу.

Ваш С. Прокофьев

Главная партия

Ход

<стр. 54>

Побочная партия

(Конечно, это еще очень неполный эскиз).

14. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 июля 1908 г., Сонцовка

Сонцовка. 11 июля. 08

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень рад, что мы с Вами друг на друга взаимоободряюще действуем. Я после Ваших писем обыкновенно тоже начинаю бодрее сочинять. Так случилось и теперь. Ну, поздравляю Вас с окончанием Первой симфонии, так как Вы, вероятно, к получению этого письма уже доведете ее до края. Спасибо за присланные темки. Очень хороша главная партия финала, свежо и бодро. Только побочная партия, верно, и портит дело: откуда на нее ни взгляни — все неинтересно: перемените, — ничего не проиграете, так как все равно хуже не сочините при

<стр. 55>

всем желании. Заключительная должна хорошо поддержать настроение, а ход («А») не хорош. «Б» куда лучше. Вот Вы ругали мою главную партию в скрипичной сонате¹

а сами же написали (и очень удачно) нечто по характеру близкое. Теперь о первой части. С серьезной главной партией я еще не вполне сошелся, хотя мне что-то кажется, что она должна понравиться. А вот побочная партия очень хороша. Первую заключительную выкиньте — скверно. Больше ничего о ней и не могу сказать. 2-я заключительная очень хороша, только не понимаю, почему она ритмически — точная копия с побочной. А в общем, я доволен. Голубчик, урежьте, что можно! Ну, право же, скучно, когда длинная симфония. Теперь пришлите мне какие-нибудь кусочки из середины, например, с

интересными гармониями. Да, кстати, Ваше соединение тем в финале привело меня в ярость. Все в меру, — ведь Вы симфонию пишете! Приятно соединение двух тем, например, ну, хоть в «Мейстерзингерах»² что ли, но 4 темы, для кого это? Уж не для Лядова ли? А поручусь, оно губительно отозвалось на красоте самих тем в отдельности, что гораздо важнее, чем каких-то четыре такта, которых никто не поймет и не оценит. Вспомните-ка финал 7-й симфонии³, который Вы сами так любите!

Ну, ладно.

Посылаю Вам еще несколько тем. Финалом не доволен. Много шансов, что буду писать его заново, благо еще не кончен. В 1-й части начал репризу. Хотя Вы пишете, что темы 1-й части вкусны, но зато они совсем неудобоваримы: тяжелы, негибки, и никак не устраиваются в разработке.

По поводу моей симфонии на меня часто нападают уныния, и только Ваши письма да самолюбивая мысль, что я к осени не напишу симфонии, подбадривают меня.

Но никогда в жизни не стану еще писать подобную вещь!

Преданный Вам *С. Прокофьев*

Первая часть.

Заключительная партия «А»:

<стр. 56>

Заключительная партия «В»:

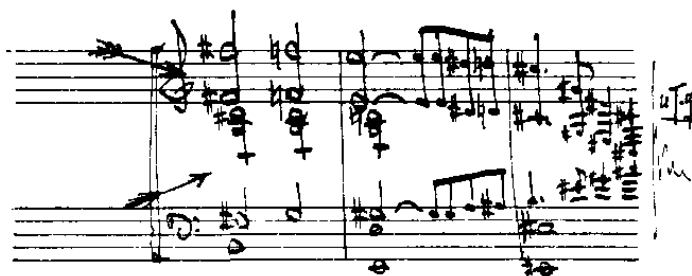

вторая часть:

<стр. 57>

И несколько дальше я чуть изменяю себе:

15. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 августа 1908 г., Сонцовка

Сонцовка, 4 авг. 08

Дорогой Николай Яковлевич.

Извиняюсь, что я краток, но если сейчас Вам не напишу, то целую неделю не напишу.

Меня печалит очень Ваше плачевное настроение после написаний симфонии. Положим, если она действительно такая, какой Вы характеризуете, то есть чего прийти в ужас. Непонятно, если человек, умеющий писать весьма красивые вещи, пишет, так сказать, для первого своего дебюта «голую пустыню». Положим, я Вам не верю — у Вас черта, противоположная Вагнеру, — быть вечно недовольным собой (если это не кокетство), но все же я Вас не одобряю и Вами не доволен.

Моя симфония близится к концу. Инструментована четвертая часть. Шлю несколько тем. Финал удивительно лаконичен:

главная партия	13 тактов
ход	10
побочная партия	20
заключение	8

Но будет порядочная кода, куда взойдут темы всех 3-х частей.

1-ю тему второй части я очень люблю: она отнюдь не холодна, хотя и несколько важна по характеру.

Кстати, есть ли тут параллельные квинты (это не из симфонии?)

<стр. 58>

В Вашем аккорде с закрытыми валторнами я дал бы внизу тромбон и тубу: они подойдут к закрытым.

Ну, всех благ.

Ваш С. Прокофьев

В Петербург приеду в 1/2 сентября.

16. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 августа 1908 г., Сонцовка

Сонцовка. 12 авг. 08

Дорогой Николай Яковлевич.

Вообразите, забыл вложить в последнее письмо свои приготовленные темки. Только что случайно их нашел, как получаю Ваше письмо 7 августа, которое страшно меня тронуло заботливостью о моем младенце.

Я его бросать отнюдь не собираюсь, и, конечно, доведу к осени до края. Теперь все темы уже сочинены — остается репризу да коду и финале подписать, вторую часть кончить да сынструментировать. Только что одолел место, где 5—6 тем соединяются воедино. Черт их ведает, как это они у меня соединились, но только никакого контрапунктического мастерства тут нет, а потому построение на фоне расширенной 2-й заключительной звучит с большим подъемом.

Вы, говорят, пришли в ужас, что я стану фортепианным композитором? Успокойтесь. Я рассердился на симфонию потому, что скучно писать длинную беспрограммную музыку, тогда как любишь программную. Нот и все. А теперь, когда эта душечка уже почти готова, я на нее и сердиться перестал.

Относительно показания симфонии, то меня прямо удивляет Ваш вопрос о Лядове. На кой ляд станем мы ему показывать? Просто, возьмемся под ручку, встретим где-нибудь в коридоре Глазунова и скажем, что вот, мол, написали... позвольте показать... Он будет приятно удивлен.

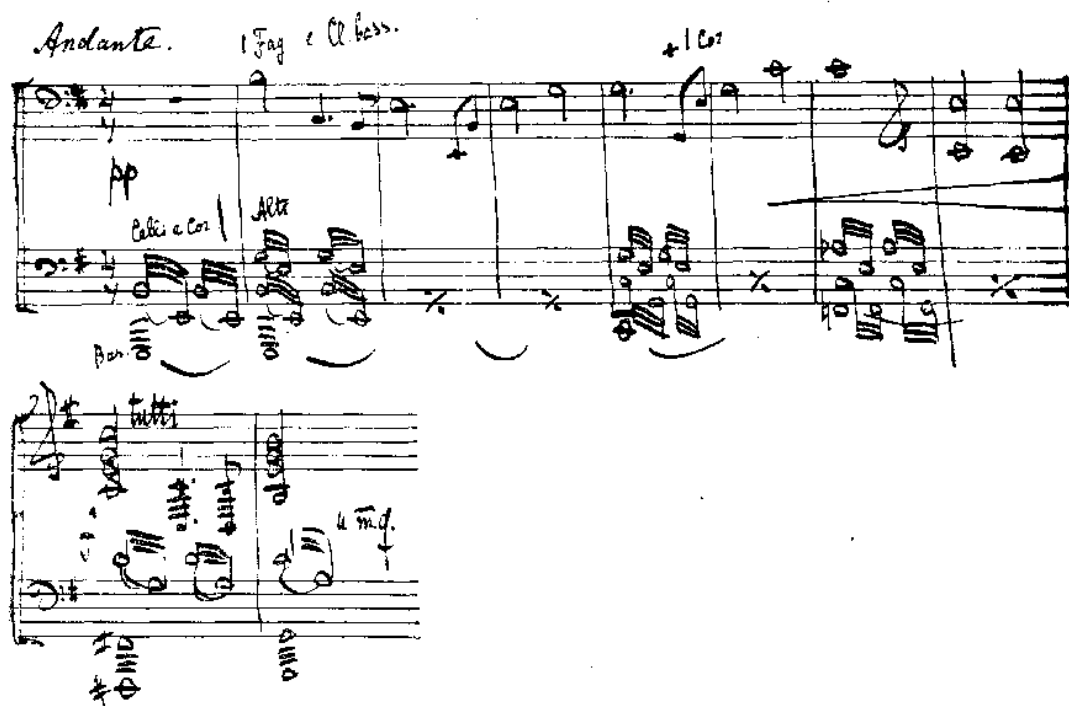
Ваше Largo меня в остервенение не привело: оно мне очень нравится. Оно только наводит тихую грусть, что могло бы быть еще лучше, если бы оно было свободно, если бы оно не одревенялось кандалами, которые Лядову удалось наложить и на Вас.

Получили ли мое письмо от 4 августа? Пишу, что в Петербург приеду в ½ сентября.

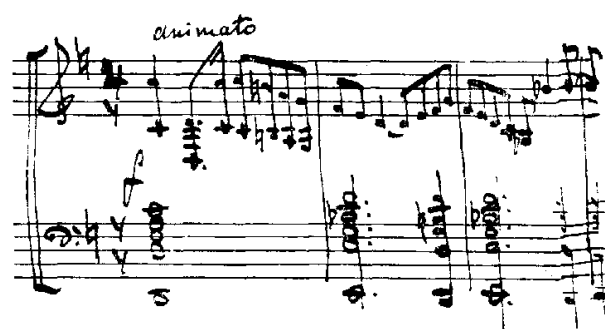
Преданный Вам С. Прокофьев

<стр. 59>

Первая часть. Короткое вступление (17 тактов):

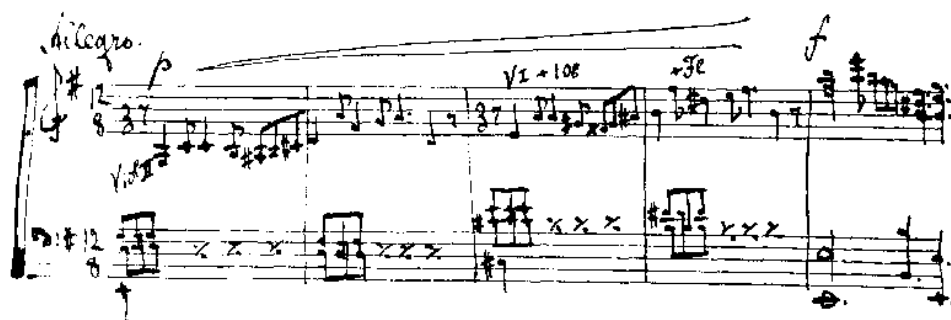

Из Andante 2-я тема:

<стр. 60>

Финал, главная партия:

Ход:

Побочная партия (общий смысл такой):

В этой редакции (за недостатком места) эта тема звучит слишком жалостно.

<стр. 61>

17. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 сентября 1908 г., Сонцовка

Сонцовка. 15 септ. 08

Дорогой Николай Яковлевич.

Сегодня кончил свою симфонию. Вышла 131 страница (57+19+55), а музыки на 28 минут, то есть немного больше, чем я хотел. По случаю холеры мы немного запаздываем с приездом. Наши боятся ее и выедут, как только она начнет слабеть. Кончили ли Вы свою симфонию? Если нет, то кончайте, если да, то не показывайте, подождите меня. А Лядову и не заикайтесь, потому что смысла нет ему показывать. Глазунов может устроить нам исполнение, а Лядов?... только изругать!

Если у Вас еще сильная холера, то значит мы еще не выедем, а потому тогда черкните.

Ваш С. П-в

18. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 октября 1908 г., Петербург

Волею судеб завтра (суббота) вечером я свободен, дома и совсем один. Можете или не можете, — пожалуйста, непременно приходите буду счастлив без конца. Приносите:

- 1) Мясковский, квартет,
- 2) Вагнер, «Фауст»,
- 3) Глазунов, V, и что еще хотите.

Ваш С. П-в

19. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 декабря 1908 г., Петербург

Also*

19 дек. 1908

Начну с того, что г-жа Емцова тоже забелела, а потому 7 номера не было, Вы, стало быть, очутились в конце¹. Аккомпанировал Вам Каратыгин, и, надо отдать ему справедливость, аккомпанировал пре-

* Итак (нем.).

<стр. 62>

красно, особенно два последних. Демидова пела тоже вполне прилично. «Луну и туман» они взяли, по-моему, несколько скоро; впрочем, я убедился теперь, что романс немного длинноват и при более медленном темпе был бы скучен. Затем, аккомпанировать бы надо было малость понежней, «потуманней». «Противоречие» я знаю хуже и не могу так удить. Скажу только, что мне очень понравился конец, а публика осталась в некотором недоумении и в течение нескольких секунд не аплодировала, ожидая, очевидно, продолжения. «Кровь» они исполнили прекрасно, я прямо слушал с наслаждением. Но публике, насколько мне удалось понять, он понравился меньше других. Впрочем, после каждого она изрыгала аплодисменты. Сообщу Вам еще мнение певицы. Она сказала, что Ваши романсы сочинены так, будто они написаны для машины, а не для певицы.

О себе могу сказать, что играл я гораздо лучше, чем дома, так что понравился как исполнитель и современникам и Винклеру. При моем появлении на эстраду мне захлопали, хлопали после каждой вещи (окромя «Снежка») и вполне прилично в конце. Больше понравились «Воспоминания», «Отчаяние» и «Наваждение». Одним словом, будем теперь слушать ругань критиков, коих было, кажется, 6 человек². Ну, выздоравливайте! Страшно жалею, что Ваша болезнь, как Вы пишете, заразительна, и мне нельзя к Вам.

Ваш С. Прокофьев

Из авторов был только Чесноков.

20. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

30 декабря 1908 г., Петербург

Вторник. 1908

Дорогой.

Сегодня я в Малом театре, куда билеты взяты уже давно. 1-го — четверг, в е р о я т н о , соберутся современники, да, кроме того, придется делать днем массу визитов — вечером буду всмятку. 2-го — 6-го все вечера заняты, а между тем, очень хочется Вас повидать. Нельзя ли, например, 4-го днем? А во всяком случае, приходите завтра в 4 часа в консерваторию на генеральную репетицию концерта Шереметева¹. Никаких контрамарок не надо. Симфония Лембы, что-то Штейнберга и Николаева. Дирижирует Глазунов. Вашим 2-м романсом страшно доволен. А пока — до завтра.

Ваш С. П-в

<стр. 63>

21. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 января 1909 г., Петербург

Субб., 09

Смею надеяться, дорогой Николай Яковлевич, что Вы мне не откажете посвятить один вечерок и быть у меня завтра, часов в 8. V симфонию играть не будем. Несите, что хотите; захватите VI *¹.

До завтра!

С. П-в

22. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 января 1909 г., Петербург

Суббота

Дорогой Николай Яковлевич. Лучше в воскресенье не приходите, а порауйте меня во вторник вечером. Не правда ли, так будет лучше?

В «Экстазе» разбираться немыслимо... голова болит.

Ваш С. П-в

23. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

13 февраля 1909 г., Петербург

Пятница

Дорогой мой, может Ваша милость завтра не заглянет ли ко мне вечером, захватив с собой VI и VII (V и VIII у меня есть)¹, а то больно уж я соскучился без Вас и без четырех рук. Буду беспрдельно счастлив и жду непременно. Коли написали что-либо Витолю (хоть кусочек), — захватите. Да не придумаете ли оперной сцены для меня², а то не знаю, за кого взяться, ведь не за Апухтина же?

Ваш С. П-в

24. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 февраля 1909 г., Петербург

Дорогой monsieur Прохоров (такая фамилия красуется на некоторых партиях), так как Вы больны, то в среду около 7½ часов я заеду к Вам с готовыми партиями и хвостом партитуры¹. В случае, если Вы

* после слов «захватите VI» рукой Н. Я. Мясковского приписано — вероятно Глазунова».

<стр. 64>

паче чаяния, окажетесь здоровы и не будете дома, я попрошу Вас о следующем: 1) — приготовьте начало партитуры (отдать мне) первую и вторую части, если Вы, конечно, кончили проверять свои партии, если же не кончили, то дайте мне проверенные уже партии, а я Вам оставлю свои. Таким образом, на Вашу долю придется все, что касается первых двух частей, на мою — финал. 2) — мои, ненужные уже Вам, романсишки. Все это будет мною забрано.

Должен сказать, что корректура не обременительна, ибо переписчик, видимо, ловкий, местами поправлял даже Ваши опечатки, и, насколько мне удалось проверить, — все верно.

Желаю Вам скорей поздороветь.

Так не забудьте приготовить 2 вещи.

Ваш Н. Мясковский

16/II 09

25. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 марта 1909 г., Петербург

Во вторник, в 8, непременно прибегайте под Покров пресвятыя богородицы¹. На VI Глаз[унова] надеяться не смею, — захватите Штрауса и

еще что-нибудь пикантненького. Вчера играли с Захаровым «Лямер» *² — гадость.

Ваш С. П-в

26. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 марта 1909 г., Петербург

Дорогой Серж, с Вашего отъезда ровно ничего не произошло и не изменилось¹. Так как с завтрашнего дня (сегодня понедельник — 23-е) — я начинаю свои вакации, то, вероятно, скоро дойдет очередь до reduction à 4 mains** Вашего мрачного adagio². У меня появилась изумительная нотная бумага и потому все, что вызывает необходимость на ней писать, крайне привлекательно.

Вышла на днях любопытнейшая книга Р[имского]-Корсакова «Летопись моей музыкальной жизни»; много интересного о способе его сочинения и вообще.

Моя несчастная оперная сцена, по-видимому, совершенно заглохнет³: в голову приходят темы одна хуже и пошлее другой. Посмотрите-ка, сколько я Вам написал, хотя решительно не о чем было. Примите мой праздничный привет.

Н. Мясковский

* После слова «Лямер» рукой Н. Я. Мясковского приписано: «Чей? неужели Дебюсси? скорей Глазунова».

** переложение в 4 руки (*франц.*).

<стр. 65>

27. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 марта 1909 г., Сонцовка

Прошу принять уверения в совершенном моем почтении, а также *хе* и *ве*¹ с соответствующими пожеланиями.

Занимаюсь здесь, главным образом, развитием себя в эстетическом отношении, что есть очень скучная история. Погода здесь гадкая, сад — это «нечто в сером», словом, все великолепно. Часто играю свой «Пир», который мне нравится весьма; пробую сочинять материал для симфоньетты²; жду писем. В четверг вернусь в столицу, дабы в пятницу разрядиться эстетическими познаниями; далее еще история музыки сидит³.

А что моя симфония? Вы ее хоть поиграйте, она — ничего. Добыли ли Шелли?⁴

Досвишвеции.

28. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 мая 1909 г., Москва

Дорогой мой! Ступайте к Жюржансону и возьмите пятого Скрябина¹. Насколько я успел увидеть, замечательно интересно. И что ново для Скр[ябина], это то, что в ней совсем мало скрябинщины. На первых 3-х страницах ее совсем нет. Зато чувствуется влияние французов с их мягкой фальшью, особенно в «полете» и в теме на 3-й странице. Великолепна уж чисто скрябинская тема

хотя все-таки эту сонату в концерте играть нельзя.

Что моя симфония? Начали ли², — давно пора, дорогой.

Москва, 21 мая 09

Ваш С.

П-в

29. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3 июня 1909 г., Сонцовка

Lieber Kola *.

Отправляю Вам одну из пяти частей моей симфоньеты¹. Осмотрите ее и через три дня отправьте домой, надо ее еще пересмотреть, переписать и отправить в Воронеж. Кстати, надо переписывать или нет?

* Милый Коля (нем.).

<стр. 66>

Теперь примусь за скерцо (это было интермеццо) и первую тему дам всю пиццикато. Только боюсь, что плохо и медленно заиграют виолончели, особенно в таких местах:

Получили ли мой циркуляр из Москвы с указанием явиться к Юргенсону за Скрябиным? Соната мне нравится, только уж слишком болезненна. Хочу выучить наизусть.

Сонату Глазунова учить не буду, хотя играю с приятностью². Скажите, в

какое это блаженное настроение он впал на 37 странице?

Захаров доехал до Италии и уже прислал мне три (!) письма подряд. Что-то мало на него похоже; видно, климат влияет.

Ну, писать мне больше нечего; пишите, что Вы делаете. Неужели — о, счастье, — мое старшее дите вернется ко мне на четырех руках вместе с младшим?!³

Ваш П-в

Какую сонату Бетховена мне выбрать для Есиповой? ⁴

30. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

8 июня 1909 г., Петербург

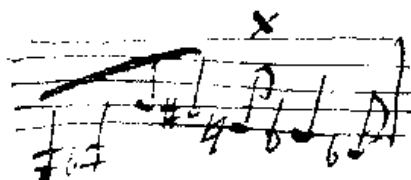
8/VI 09

Дорогой Серж,

должен Вам, наконец, написать совершенно разочаровательное письмушко. До сих пор еще моя полная апатия и даже хуже — отвращение к музыке и звукам, не прошло, и потому я вовсе не притрагиваюсь к роялю вот уже около двух или полутора недель. Только недавнее получение Ваших манускриптов заставило вновь побренчать. Прежде всего начну с разочарования — Ваша e-moll все еще лежит на краю стола не на 4-х руках, и сбудется это не ранее, нежели я верну себе все музыкальное расположение от игры до сочинения включительно, тогда у меня хватит и времени и желания для Вашей штуки. Теперь перейду к новым. Романс¹ мне, несмотря на многочисленные старания, не слишком понравился: в вокальном смысле он не годится — совершенно необдуманная и необработанная декламация; в музыкальном — недурно только *agitato*, остальное так примитивно, что впору только Ребикову. Неудачен самый замысел — делать капризную гармонически мелодию на выдержанной квинте, тут необходима совершенно полная гармония,

<стр. 67>

иначе эти мелодические выкрики совершенно нелепы; особенно странен и ни с чем не вяжется ход:

главным образом *mi* ♯. «О, для чего» — недурно, хотя квинты в аккомпанементе некрасивы (в басу, последний раз). Относительно третьей части [симфоньетты] * скажу следующее: я ожидал значительно большего — простота — это одно, а бедность — это несколько иное, к сожалению, Ваша пьеса именно бедна, в ней нет ни изобретения, ни фантазии. Этого мало даже для интермеццо. Кое-какие неприятности и странности я отметил в партитуре, очень мягко. Очень мне не понравилось место C—A—C—A², невероятно

плохая мелодия, и уж очень однообразная инструментовка — этот недостаток относится ко всей пьесе: колыханье вечно у альтов, начальная фигурка вечно у деревянных — это скучно. В общем, я не могу ей отказать в свежести, в хорошенькой главной партии, очень недурном ходе (которым пьеса также кончается), но я никак не могу отвязаться от мысли, что это не более как оркестровая импровизация, нежели настоящее сочинение. Вы мне, конечно, скажете, что я с первого раза никогда не разбираюсь, но тогда я обыкновенно только говорю, понравилось или нет, и не решаюсь на детальный разбор, в настоящую же минуту я твердо убежден, что вполне разобрался и, если написал Вам свой искренний отзыв, то только потому, что слишком люблю Ваш талант и заложенные в Вас возможности и не хотел бы, чтобы Вы сделались чем-то вроде Зибелиуса. Откажитесь лучше от смешных и ненужных попыток писать просто, а пишите лучше как всегда сложно, но хорошо — это убедительнее даже для Лядова. Я всегда отдаю предпочтение таким сочинениям как Ваша сильная оперная сцена³, нежели скромным, но мало вкусным пьесам, вроде интермеццо. Не сердитесь на меня слишком долго и присылайте следующее чадо.

Ваш Н. Мясковский

31. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

25 июня 1909 г., Петербург

25/VI—09

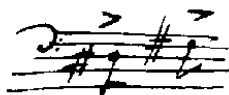
Драгоценность моя, что это о Вас ни слуху, ни духу, неужели Им на меня дуется за придирки к интермеццо? Если да, то совершенно напрасно, хотя мое мнение и вполне искренно, что мелодия середины

* Слово «симфоньетты» вписано позже рукой Н. Я. Мясковского.

<стр. 68>

с—а—с—а портит пьесу, но из этого не следует, что Ваша музыка меня не увлекает, не виноват же я, право, что больше люблю Ваши сложности нежели простоты, так как в первых проявляется не только Ваш жгучий темперамент, но и чисто внешние технические достоинства, без которых для меня музыка имеет лишь половину ценности. Я все же надеждой буду поджидать новых Ваших присылок и, уж, во всяком случае, эпистолю.

К тому времени, когда я получил Ваше письмо, я еще не занимался музыкой и только недавно, всего недели полторы тому назад вернулся к ней; теперь же приобрел сонату Скрябина и нахожу ее чрезвычайно увлекательной и, наконец, настояще скрябинской, вроде «Экстаза», от Вагнера, слава богу, следов больше не осталось. Самое начало и последние такты мне не нравятся, они не вяжутся с остальным, музыкальную мысль этого места я, кажется, понял, но выполнение ее мне мало по душе, да и трудно сыграть так, чтобы была понятна нить, а смысл, по-моему:

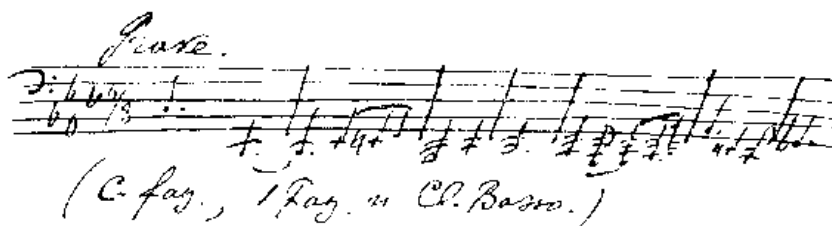

и т. д.,

то есть как бы кадансовая кварта. Какие зато превосходные страницы в конце разработки. Если Вы еще не начали учить сонату для Есиповой, то возьмите последнюю do-min[ore], первая часть ее с большой бойкостью написана, а последняя — очень благодарные вариации, а не то большую C-dur, op. 53¹. Но, драгоценный мой ангел, я все же жду от Вас писем и даже присылок. Скоро наступит очередь Вашей e-moll, так как я уже принялся за сочинение музыки и вхожу в колею работы. К сожалению, не могу ничего Вам послать, так как opus мой обещает быть опять массивным и, главное, я над ним буду нескончаемо долго сидеть. Сочинение это — оркестровая сказка «Молчание» Э. По², однажды неосмотрительно рекомендованная мною Вам, к счастью, безрезультатно. Я неимоверно увлечен этим сюжетом. План его уже вполне готов; все темы налицо; музыки сочинено (без отделки) половина, что дает уже страниц 40—50 партитуры нормального размера. Состав оркестра будет очень большой, не менее тройного в деревянных, вероятно, лишняя пара валторн, арфы и, как кажется, мужской хор. Боюсь, что к осени не кончу. Для Лядова не пишу ничего.

Темы мои таковы:

I — Дьявол:

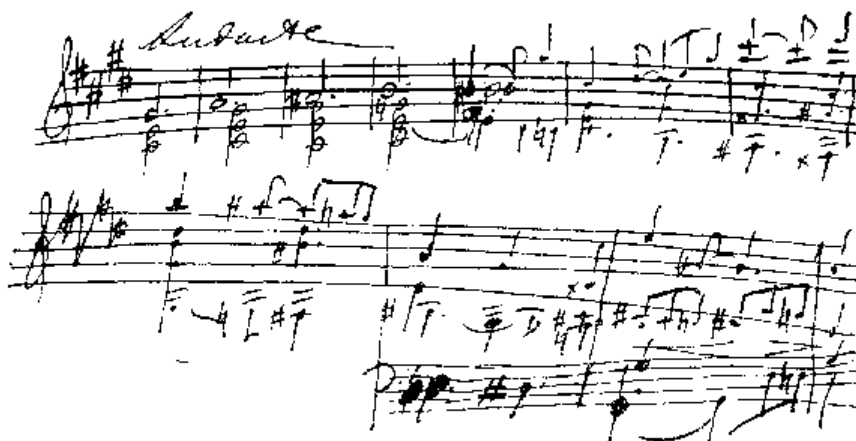

<стр. 69>

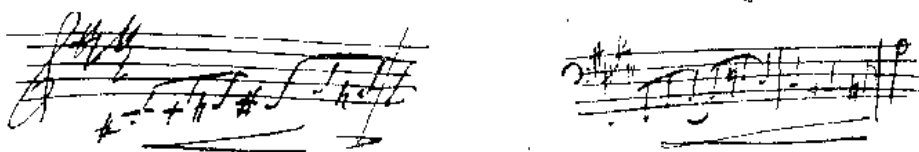
тут же небольшой сопровождающий мотив:

2 — Человек:

важные фразки:

Это почти весь мой мелодический материал; в музыке я доехал до заклятий Дьявола; сейчас на сцену выезжает рычащее зверье, затем ураган, а молчание еще не придумал. Конец тоже намечен. Во всей пьесе не будет ни одной светлой ноты — Мрак и Ужас. Что получится не знаю, пока довольно однообразно и уныло. Очень прошу меня побаловать каким-нибудь манускриптом.

Ваш Н. Мясковский

Завет мой Вам: пишите сложно, это Ваша стихия.

<стр. 70>

32. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

6 июля 1909 г., Сонцовка

Lieber Kola.

Я ни минуты на Вас не «дулся» за Ваш гнусный поступок касательно моей симфоньетты. Я отлично понял Ваше невменяемое состояние, Ваше отвращение от всего и ко всему — и ни чуточки не обиделся. Я только решил до времени переждать и Вас не трогать, пока Вы не отойдете. А теперь позвольте объяснить Вам, что принято называть интермеццом. Интермеццо — это отрывок для отдыха, а потому оно должно быть, во-первых, просто, а во-вторых, не длинно и не пестро, чтобы не заставлять слушателя напрягать внимание, чтобы он мог отдохнуть; особенно, когда интермеццо попадает между такими двумя частями, какими будут мое скерцо и мое анданте. Этого я,

кажется, и достиг. Что же касается до кусочка ц-а-ц-а, то эта самая цаца мне так нравится, что я ее целиком помещу в финал; если не два раза.

Моя первая часть вышла очень хорошенькая и даже тонкая, вторая и четвертая части написаны до половины и с большим риском, но с красивой партитурой, а финал будет измененной первой частью. Всего будет около 110 страниц партитуры.

V сонату Скрябина (=совершенствованную IV) я очень люблю. Я даже хочу ее выучить наизусть. Но только ее сплошная болезненность в течение 19 страниц, в конце концов, утомляет и приедается, мне кажется, соната слишком растянута и теряет форму. Конец разработки очень хорош, но высшее место по подъему — исступление последней страницы, *estatico*. Напечатали ли «Экстаз»?

Вы решили начать Ваше «Молчание»? — Что ж, молчите. Тема не хороша, но темы хороши, особенно человека и улитка

Дьявольское урчание в басу я не понимаю. По-моему, все подобные урчания одинаковы.

Впрочем, последнее мнение поверхностно.

Пожалуйста, немедленно вышлите партитуру моей симфонии. Мне надо ее просмотреть и поправить на случай Воронежа¹. Рецепт упаковки такой: симфония кладется между двумя листами толстого картона, который со всех 4-х сторон превосходит ее на один сантиметр, и затем переклеивается бандеролькой. Скатывать в трубку безусловно воспрещается. Интермеццо Вы так укатали, что оно теперь положительно ни на что не похоже. Меня бросает в слезы при виде его. Ну, не сердитесь, дуся, желаю успеха в обете молчания, до свидания.

Преданный Вам Свободный Художник П-в

1909

О, пишите!

<стр. 71>

33. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

11 июля 1909 г., Петербург

1909—11/VII

Дорогой Серж, очень жалею, что в упаковке Вашего Intermezzo

последовал Вашему же примеру, Впрочем, я был уверен, что Вы его перепишите. С Вашими доводами о простоте и необременительности согласен, Впрочем, мне вся пьеса и теперь и тогда нравилась своей идилличностью и ясностью, но с пристрастием Вашим к эпизодам «цаца», как Вы его величаете, я никак не могу согласиться, по-моему, это просто плохая музыка и очень грубая, и я убежден, что если Вы за нее держитесь, то только потому, что в ней необычайно новая и смелая (по-Вашему) гармония, а по-моему, это не более как клякс в характере самых неприличных пошлостей безумного Рихарда¹. И что Вы желаете это поместить в финал — не делает Вам чести, ибо даст мне повод ядовито обвинить Вас в отсутствии фантазии, или мягче — в недостатке ее. Я уступаю Вам — пусть Intermezzo имеет скверный эпизод, но заклинаю всеми красотами Скрябина, не портите финала. Теперь жду от Вас всего, что уже написано, но чтобы не было злостных обвинений, присылайте сами по хорошему способу. Очень жажду Andante и Скерцо.

Я не могу никак вспомнить, о каких дьявольских урчаниях Вы пишете, если только это не главная тема, которая проходит через всю пьесу, то это просто вода, которой я разбавляю кое-какие промежутки и действительно бесцветно. Я опять недели с полторы ничего не пишу — не клеится, хотя дошел до фужистой бури, так что осталось, собственно, не много, но как-то надоело: не могу писать в городе — скучно. Посмотрите, хорошо ли я изобразил вопли болотного зверя:

— все это закрытыми тромбонами и трубами — кажется мерзко?

Симфонию вышлю немедля — как скоро достану картон (задали задачу!). Нет ли у Вас какой мелочи? Пришлите. Кстати, проглядывая ноты, увидел Брамса — и сгорел от угрызений совести. Чтобы впредь не

<стр. 72>

испытывать гнета, вышлю свой долг в Вашу Сонцовку, так что не удивляйтесь и не обижайтесь за подобную щепетильность. У меня голова стала совсем дырявой. Жду.

Ваш Н. Мясковский

34. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 июля 1909 г., Сонцовка

Через сколько т пишется симфоньетта? Я упорно пишу ее через одно т,

но все ж меня начинает брать сомнение.

Можно ли тромбону давать ? Ведь обыкновенно партию басового тромбона играет тромбон теноровый, который этого *ми-бемоля* играть не умеет. Тема Andante:

Сегодня попались темки из Вашей симфонии. Мне они ужасно понравились. Осенью начну переключивать симфонию на 4 руки¹. Впрочем... знаете, переложите Вы к осени хоть первую часть Вашего детища, только первую часть! Мне ужасно хочется поиграть ее в 4 руки.

П.

Немного помирился даже с 1-й заключительной партией, а 2-я ..заключительная партия — великолепная.
1909

35. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

18 июля 1909 г., Сонцовка

Lieber Kola.

На днях Абрашка прислал письмо¹, что разругался со своим антрепренером и уехал из Воронежа. Извольте радоваться!

С одной стороны будто и хорошо, потому что теперь не надо сломя

<стр. 73>

голову досочинять симфоньетту, но с другой стороны неизвестно, когда я теперь услышу лепет моей милой девочки. Во всяком случае, пользуясь случаем, я ее теперь отложил в сторону и уже неделю, как ей не занимаюсь. Сочиняю разные мазурчики да этюды для Винклера².

Посылаю первую часть симфоньетты. Верните обратно. Писать на партитуре строго воспрещается, разве в особо важных местах и то не более двух слов.

Ваше зверское рыканье,— в музыкальном отношении ничего не представляет, но, когда я воображаю инструментовку и настроение, оно мне чрезвычайно нравится.

Брамса, пожалуйста, сюда не присылайте. С этим капиталом мне здесь нечего делать, и придется везти его обратно в Петербург.

А Цаца в финале все-таки будет. Право же, в угоду Вам, я очень хочу

найти ее скверной, но все мои старания напрасны — Цаца мне нравится еще больше.

Кстати, безумный страус приедет зимой в Москау и будет махать своими тварями³. Может, заглянет и к нам?

Ваш П-в

1909

36. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

20 июля 1909 г., Петербург

Міо Саго*, симфоньетта — всегда почему-то обозначалась именно так, как и всякие галльские уменьшительные, так что уж снизойдите до двух т. Я рад, что Вы, наконец, оценили хоть что-нибудь в моем бедном обездоленном детище, так много мною любимом. Но насчет разыгрывания в четыре руки и не помышляйте — это подготовить выше моих сил. Кстати о *mi*. Сколько мне известно, 3-й тромбон всегда басовый, причем это можно иногда даже встретить в партитурах (то есть обозначение): я их теперь играю во множестве. Если же опасаетесь, напишите так:

[	=====	2 Trombone
	=====	Tr. basso e Tuba

и все будет ясно, и все опасности устранятся.

Мое «Молчание» меня погубит; дошел до молчания и оказалось, что все проекты ни к черту не годятся. Почти все остальное потом. Будет около 150 страниц партитуры. Опять неумеренно много. Я очень жалею, что Вы бросили самую 1-ю тему *andante* — она была чудесная.

Н. Мясковский

* Мой дорогой (*итал.*).

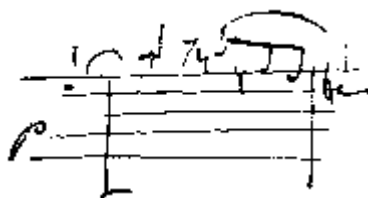
<стр. 74>

37. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

28 июля 1909 г., Петербург

28/VII 09

Обожаемый Серж, получил Вашу симфоньетточку и спешу выболтать свои впечатления¹. Общее впечатление от этой части самое приятное: свежо, весело, грациозно, местами даже пикантно, слушаться должно легко и с приятностью; если финал будет такой же, то я опять жалею, что в него войдет цаца (саса). Из частных мне нравятся следующие: 1) — первая тема до параллельных трезвучий (тут, мне кажется, что нисходящая гамма могла быть В а м и гармонизована интереснее); 2) — кусочки из второй темы:

и все этому подобные; 3) — все заключение до разработки; 4) — в разработке мне нравится все начало вплоть до кусочка 2-й темы — «росо animando» и местечка:

обращенная тема очень мило звучит; к сожалению, конец разработки довольно бесцветен, он приходится на такую музыку, в которой нет ни пафоса, ни *tañtun*'а веселья, а только пустые трезвучия — это жаль, ибо страдает форма, из которой выбивается *гвоздь*, самый подход к началу приятен. Из недостатков отмечу следующие (конечно, нужно считать, что я сужу с нарочитой строгостью, ибо иначе мое мнение не имеет никакого значения): 1 — недостаточный, чисто музыкальный интерес уже упомянутых трезвучий, кроме того, начало 2-й темы — это последнее — бесцветно; 2 — отсутствие хорошей вершины в разработке — от этого страдает форма; 3 — некоторую неряшливость голосоведения — это относится больше всего к бесконечным сплетениям в разработке; дополняющие голоса там в значительной степени и иногда досадно случайны. Вы знаете, такие штуки очень неприятны — для просто слушателя они, конечно, незаметны, но для специалиста, который в силах разобрать и отличить случайное от сознательно и хорошо обдуманное, такие промахи имеют то последствие, что лишают вещь обаяния артистичности. Это особенно важно в отношении такой вещи, как Ваша Симфоньетта, ибо она рассчитана на малые средства и классический

<стр. 75>

оркестр, а потому и требования к ней — классической чистоты и тонкости работы. В партитуре я кое-где отметил знаком ведение септимы вверх, когда, по-моему, это не только не вызывается необходимостью, но, мне кажется, даже вредит впечатлению, так как септима, будучи подчеркнута задержанием квинты, очень привлекает внимание не только к себе, но и к разрешению. Я, по крайней мере, всегда разрешаю этот аккорд так:

или так:

Последнее как раз и представляет Ваш случай, и, насколько я рассмотрел, ничто не мешает разрешить именно так.

Кое-где в партитуре я все же осмелился сделать пометки, ибо Вы многое можете прозевать при обведении чернилами. Старался я, по возможности, выписывать на отдельные листочки, которые Вы найдете в партитуре. В общем, я все же скажу, что эта штука мне очень нравится, и я с удовольствием готовлюсь ее послушать. К мазурке Вашей² надо привыкнуть, она очень мила, хотя кварты совсем не новы, я знаю такой же вальс у киевского Яновского. Требование об исполнении довольно для меня трудно выполнимое, но все же я разобрался.

Всего лучшего.

Ваш *Н. Мясковский*

Штучку возвращу скоро, хочу еще поиграть.

38. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 июля 1909 г., Сонцовка

Lieber Kola.

Был крайне обласкан Вашей похвалой симфоньетточке. Когда Вы бестактно-искренне изругали мою бедную интермеццу, я совсем в себе разочаровался, хотел бросить писать всякую «веселенькую» музыку и,

<стр. 76>

следуя Вашему завету, остановиться на одной громоздкой, к которой Вы заблагорассудили найти меня способным. И только зная, что Ваше первое мнение всегда неосновательно, я ограничился лишь тем, что несколько дней пробыл в отчаянии, а затем снова принялся за свое.

Касательно Цацы, Вы несправедливы. И откуда у Вас набралось, столько злобы, что Вы даже изменяете себе и пускаетесь в неприличные остроты!

В первой части Вы правильно заметили, что вершины в ней нет. Но теряет ли она от этого? Благодаря своему характеру и величине, она, мне кажется, может быть как полоска кружев — ровной, без бугров и без вершин.

Нисходящие квинты должны в оркестре ползти очень мило. Я не думаю, чтобы это место представляло пустоту. Начало побочной партии суховато, но отнюдь не бесцветно. Вы к нему еще привыкнете.

Спасибо за Брамса, напрасно его прислали. Да на каком основании Вы прислали 5 рублей, если он стоит 4? Не будете ли добры сообщить, по сколько процентов Вы присчитали?

Недавно откопал сонату № 2 (f-moll)¹. Соната очень мила. Я ее

переработаю и осенью покажу Ляде.

Ваши темы продолжают нравиться. Приехав в Петербург, обязательно переложу первую часть на 4 руки². Мне хочется хоть чем-нибудь отблагодарить Вас за то, что Вы так любезно и, главное, так охотно» переложили мою бедную емольку³.

А что Ваше «Молчание»? Неужели Вы и впрямь... замолчали?

Прощайте, завтра уезжаю дней на 10 в Ессентуки, где моя маменька лечит свой ревматизм.

Ваш *Пркфв*

Пишет ли Вам что-нибудь Захария?

1909

39. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

9 августа 1909 г., Петербург

9/VIII 09

Дорогой Серж, не писал Вам давно, надо думать потому, что заленился в некоторых отношениях, сегодня же заленился пуще, а потому развлекаюсь писанием писем.

Какой Вы, однако, оказались лукавый; после того, как я разобрал Вашу «Интермеццу» (что, впрочем, все же в некоторой части вполне справедливо), Вы мне писали, что это Вам сошло как с гуся вода, а теперь проговорились о каком-то отчаянии. Последнее меня очень удручило; неужели же Вы такой слабый, неуравновешенный и малоталантливый (в своем мнении) музыкант, что Вам нельзя ничего

<стр. 77>

сказать неодобрительного, а надо лишь все огулом выхваливать, как я поступаю, например, с Саминским и Кобылянским. Зная мое отношение к Вашей Музе, Вы могли бы с меньшим огорчением относиться к моим на Вас нападениям, потому что в основе их лежит не пустое критиканство и (о удивление!) даже не профессиональная зависть, а исключительно желание видеть в Вас, по меньшей мере, русского Вагнера (по общему его значению), а для этого Вам нужно многого остерегаться — пуще всего малодуманья (пока — потом у Вас, при работе, образуется привычка с к о р о и много думать), а этот недостаток часто у Вас проскальзывает — больше в мелочах или в таких нарочных простотах, которые нередко попадают в Вашей по з а к а з у п р о с т о й музыке, но отнюдь не «веселенькой», к которой Вы так же, быть может, способны как и к другой, хотя, конечно, Ваша сила в большом. Относительно сухости и бесцветности для музыки, я полагаю, что это синонимы, ибо результат воздействия на чувства один и тот же — безразличие, а в большом количестве — скука.

Расчет Брамса следующий: 4.80 — стоимость, 20 копеек на чай привозчику, а ежели пожадничали, то считаю Вас должником (а небольшой — всего 4).

Вашу неблагородную колкость насчет емошки отклоняю, Вы не должны были ее от меня требовать — к осени она была бы готова. За мою же семольку заранее превозношу Ваше мужество и неустрашимость — она очень скучна, хотя и мое любимое дитя. Наброски «Молчания» я кончил еще в июле, теперь же отделяваю детально — черепашьям шагом: по 5 тактов в день — иначе с оркестровкой просижу до Нового года. Длинная штука вышла и нудная, хотя теперь всеми силами сокращаю.

Веселитесь и пишите.

Ваш *Н. Мясковский*

Б[орис] Степанович] З[ахаров] — сгинул.

40. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 августа 1909 г., Сонцовка

Н. Я. Мясковскому, Пбг.

24 авг. 09

Lieber Kola.

Оказывается, что я прокавказился гораздо дольше, чем предполагал. Когда я приехал, Ваша уважаемая письмография уже ждала меня. Симфоньетта тоже. Зачем Вы зачеркнули джюокозу? Это даст мне повод подумать, что Вы совсем не поняли духа пьесы. С остальными же Вашими достопримечаниями, вероятно, соглашусь. После поездки я не то обленился, не то отвык от симфоньетты, но только она пока не движется вперед, и лень даже поиграть написанное. Заканчиваю переделку

<стр. 78>

Первой части ефмольной сонаты. Получается великолепная соната, которую я даже думаю пустить по миру под оп. 1.

Вы, композитор, очень нелюбезны относительно своих творений. За все лето Вы не прислали мне ни единой ноты, и Ваше «Молчание» остается для меня загадкой. Если Вы не хотите присылать кусочков «Молчания», то, наверное, есть какая-нибудь мелочь. А я недавно вспоминал Ваш последний романс, где кому-то очень хочется спать, но тем не менее он предпочитает окаменеть, с шикарным каноном посередине и шикарными аккордами в конце¹.

Не откажите побывать в консерватории и основательно разузнать, когда Есипова намерена начать свои занятия. Мне это очень важно, ибо от этого зависит день моего возвращения в Петербург. Я надеялся на Боречку, но его, видно, проглотили средиземные итальянки.

Addio*.

1909

П-в

41. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 сентября 1909 г., Петербург

Дорогой Серж, был в консерватории и видел Есипову — на экзамене, а Ахрона в коридоре; последний сообщил, что занятия у Есиповой начнутся 10-го. Верно это или нет, не сумею Вам сказать. Больше никого не видел, ни

Захарова, ни Виноградова, так что проверить Ахрона не мог. Занятия у Лядова начнутся, вероятно, не ранее 23-го (последний теоретический экзамен).

Теперь о жиокозе. Я зачеркнул не все слово, а лишь то, что из выписанного слова делало джиокозу вместо жиокозы.

Не знаю, с какими примечаниями Вы согласились, но думаю, что, по обыкновению, только меня обнадежили.

Приезжайте скорее.

Н. Мясковский

42. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 сентября 1909 г., Сонцовка

Lieber Kola.

Вы, по обыкновению, делаете любезность до половины. Вашим сообщением о том, что Есипова начнет 10-го, Вы меня перебудоражили вдребезги, но оперли этот слух на слова Ахрона, а всем известно, что

* Прощайте (*итал.*).

<стр. 79>

такое Ахрон. Есиповой я послал письмо¹, сам приеду 22-го, а семья 30-го. Все это из-за поганой Вашей писульки, за которую я все-таки очень Вас благодарю. Если успеете до 19-го, то черкните мне разок, лучше открыткой. Адью! Скоро приеду. За лето сделал, кажется, очень мало. Дай бог, к отъезду кончить 4 части симфоньеты и 4 этюда Винклера².

Ваш *Пркфв*
1909

43. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

13 сентября 1909 г., Петербург

Очень жаль, что Вы так поняли мое сообщение, lieber Serghen*: если я и спросил Ахрона, то только потому, что он все время вертелся около Есиповой и, следовательно, кое-что знать наверное мог. 10-го я заходил в консерваторию и видел Захарова и других учеников маститой профессорши и узнал, что и она была также. Так что Ваши упреки — злая напраслина, и я, вследствие этого, очень скучаю без Вашего общества. Всего лучшего, а также легких угрызений совести.

Ваш *Н. Мясковский*

44. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 ноября 1909 г., Петербург

1909

Lieber Kola, если Вы интересуетесь пластикой, то можете насладиться в

пятницу вечером в Малом зале, в 8 часов: «Оберон», «Рогдана и симфония Шуберта под управлением Канкаровича, Штеймана, Прокофьева и Орлова¹.

До свидания. Я кончил вторую часть симфоньеты, чего и Вам желаю.

45. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

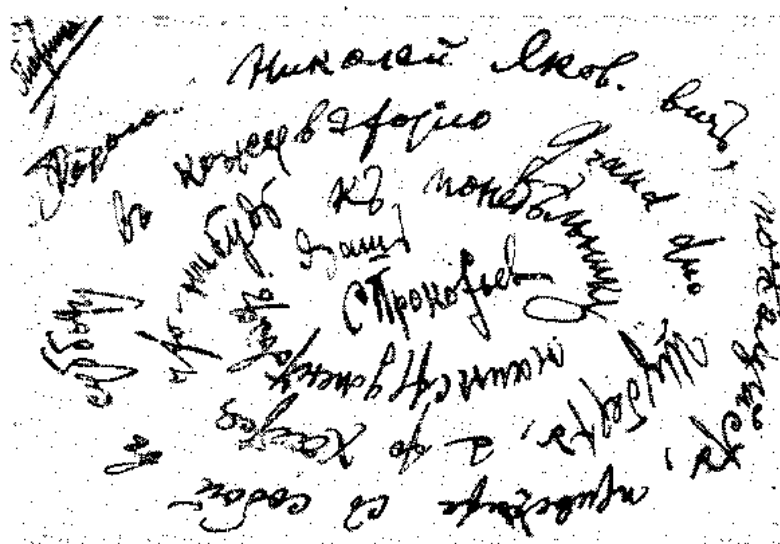
9 декабря 1909 г., Петербург

Lieber Kola, пожалуйста, не забудьте о среде. Захватите 7-ю Глазунова, Дюка, бурлески и еще чего-нибудь вкусенького¹. Жду также слова для хора². У меня кроме Пушкина да Апухтина ничего нету.

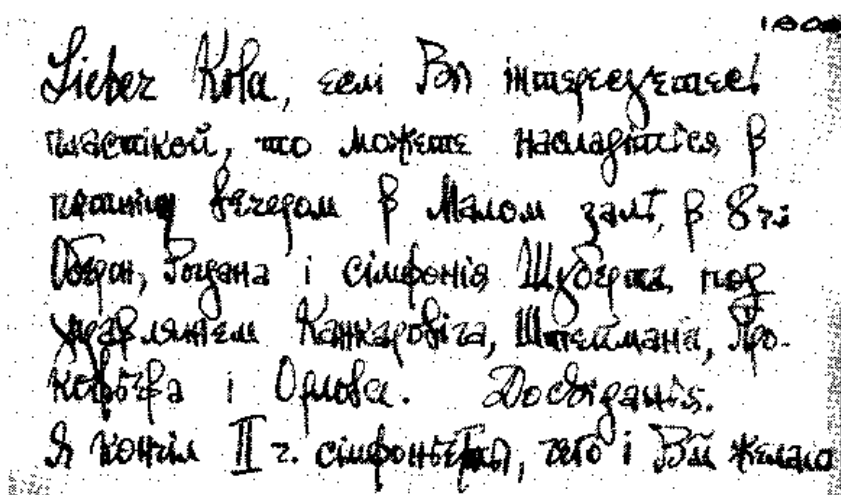
Ваш *Serge*

* милый Сереженька (нем.).

<стр. 80>

Открытка С. С. Прокофьева от 14 марта 1908 года

Открытка С. С. Прокофьева от 5 ноября 1909 года

<стр. 81>

46. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 декабря 1909 г., Петербург

Lieber Kola, вместо того, чтобы писать, что Вам он «очень нужен». Вы могли б объяснить, почему именно он Вам нужен, ибо это меня очень интересует, — и объяснение я считаю за Вами. Адрес его: Стремянная, № 19 или 20, словом, если идти от Владимирского, то по правой стороне. Далее во двор, в левый угол¹.

Кончаю фоньетту². Пока не кончу, не буду встречать Нового года. Вышло 160 страниц.

Ваш П-в
1909

47. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

16 января 1910 г., Петербург

Lieber Kola, не заглянете ли Вы ко мне в понедельник вечерком поиграть в 4 руки? Обещал быть Николаев, Захаров, кажется, надувает. Прихватите III симфонию Глазунова, Доместику¹ и еще что-нибудь вроде симфоньетты Регера — дать поиграть Николаюшке.

Кек живет там, где я говорил, но пьян.

Всего хорошего!

Прокофьев

48. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 января 1910 г., Петербург

Ангелочек, ввиду того, что я пишу еще хор, то меня очень интересуют те слова, о которых Вы как-то упомянули. Второй хор должен быть в более живых темпах¹.

П-в

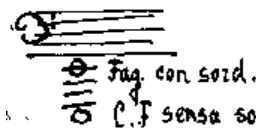
Где Вы были вчера?

49. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 февраля 1910 г., Петербург

Lieber Kola, фаготист сказал: сурдины на контрафаготе не

употребляются, но звучит пиано и без того. Октава² будет звучать хорошо и достаточно пиано.

Addio. Счастливой дороги, Serge!

С. П-в

Коль будет свободная минутка, вспомните о хоре, дружок!

<стр. 82>

50. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 февраля 1910 г., Петербург

Lieber Kola. Вернулся из М[осквы]⁴, постаравшись сделать все возможное для Вашего «Мадригала»². Обещали спеть его на апрельской выставке. Большое Вам спасибо и за Ваше внимание ко мне (только, вероятно, настройщик перепутал адрес и попал в чью-нибудь другую квартиру, но не мою...). А пока — привет Вам.

П-в

1910

51. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 26 февраля 1910 г., Петербург

Дорогой Серж,
быть может, я Вами возмущен еще более, нежели настройщиком. Приехать 4 дня тому назад и ни разу не мелькнуть перед моими жадными очами — это, по меньшей мере, бессовестно. Я до сих пор не имею никаких положительных сведений о Вашем выступлении. В течение трех дней покупал московские газеты и только в одной нашел отчет, да и та Кашкина (правда, благоприятный, но невероятно старческий, прилагаю его)¹. Надеюсь, что Вы покажетесь на моем горизонте, хоть тогда, когда окончите Ваш хор.

В настройщике я не виноват, так как заходил к Бернгарду, оставил Наш адрес с соответствующими инструкциями, но так как настройщик мне был назначен определенный, то когда этот заболел, они не решились послать другого. Теперь же я у них больше не был, так как предположил, что Вы уже настроили Ваши клавикорды.

Желаю всего лучшего.

Когда Вы мне дадите Скерцо из симфоньеты — я скоро смогу его переложить, а потом Adagio.

Ваш Н. Мясковский

52. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

6 марта 1910 г., Петербург

Lieber Kola, приходите в воскресенье вечером постучать на пианофорте. Обещали быть еще некоторые приятели из разряда надувал, но... Не надувайте же Вы.

П-в

1910

<стр. 83>

53. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 марта 1910 г., Петербург

Lieber Kola, если Вы еще не ушли, то захватите с собой II симфонию Скрябина, симфонию Танеева и еще что-нибудь интересное. Если же Вы ушли уже, то не надо.

1910

П-в

54. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

От 4 до 9 апреля 1910 г., Петербург

Ненаглядный Колечка, пойдемте сегодня на «Гибель богов»¹ — это великолепнейшая опера. Умоляю Вас, не откажите мне в этом удовольствии. Кресло № 401, в 15 ряду, начало в 7½ часов. Если Вы не пойдете, то глубоко меня опечалите. А «Гибель богов», право, стоит послушать, Вы ведь давно не были на Вагнере. Чудесные горны и прекрасный конец.

Итак, значит идем; отказ не принимается.

1910

Весь Ваш *С. Пркфв*

55. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 июня/8 июля 1910 г., Териоки

Дорогому Колечке привет из Териок. Сиверский адрес утерян. «Сны» кончены¹, но к великому огорчению они совершенно не имеют времени съездить на Сиверскую². Обнимаю Вас нежно и крепко.

П-в

56. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2/15 июля 1910 г., Териоки

Дорогой цыпленочек, 8 июля я буду в Петербурге, а 9-го вернусь в Териоки. Черкните мне на Бронницкую и поедemте вместе девятого, только не очень поздно. Я так не сомневаюсь, что Вы приедете и искренне этому рад.

Итак, до 9-го! «Сны» пойдут в Москве под управлением Купера¹. А за неписание II симфонии² Вам еще нагорит при свидании.

П-в

<стр. 84>

57. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 августа 1910 г., Сонцовка

Lieber Kola, как Вам, вероятно, уже известно из «Нового времени», отец мой скончался 23 июля. 27 июля был похоронен, 30-го я еще раз заглянул в Териоки, 1 августа мы выехали из Петербурга, а 3-го приехали сюда. Новостей пока никаких нету, кроме разве того, что мне телефониовал Боречка за несколько минут до моего отъезда из Петербурга: Зилоти прислал мои «Сны» и в сопроводительном письме¹ говорит, что очень интересуется последующими

моими сочинениями, считает меня очень талантливым и пр., и пр., — но «Сны» играть, конечно, не будет. И дурак! Теперь я усиленно налег на Купера, а Борюся начал переложение «Снов» в 4 руки².

Шлю искренний привет.

Пишите!

Ваш С. Пркфв

Почтовое отделение Андреевка, Ек[атеринославская] губ.
1910

58. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

13 августа 1910 г., Петербург

13/VIII—10. С. Петербург

Дорогой Сереженька,
очень был обрадован, получив Ваше письмо, и такое свежее.

О кончине Вашего отца узнал совсем случайно, когда вернулся в Петербург 3 августа, до этого у меня не было в руках ни одной газеты; Вы знаете, что я Вас всей душой люблю и потому мне нет смысла говорить о моем сочувствии в Вашем горе, Вы и так должны быть в нем уверены.

Последние дни надеялся увидеться с Боречкой, телеграфировал ему на дом, но он на Рубинштейновский конкурс не приехал¹, так что я теряю надежду его увидеть и играть с ним Ваши «Сны». Зилоти я теперь понял — ему нужна рекламная новинка, а вовсе не хорошая или интересная музыка. «Пляска поганых», «Танец амазонки»² и тому подобные крикливые безделки — вот его пища, и я отчасти рад, что услышу «Сны» не у Зилоти, в том, что я их услышу, я ни минуты не сомневаюсь. На мое письмо он мне ответил³, как я считаю, дерзостью. Сказал, что рад будет играть следующие opus'ы, но с этим надо повременить, так как, если я сам нахожу в нем недостатки (которые я считаю устранимыми!), следовательно, вещь не может за себя постоять, а первое впечатление самое главное, то он не хочет портить мои первые шаги. Забота похвальная, но не слишком ли назойливая, мне, слава богу, не

<стр. 85>

12—15 лет, когда меня можно было бы водить на помочах. В конце концов, я его оправдываю, так как его дело коммерческое, но дерзостей во всяком случае не прощу.

На этих днях я совсем прикончил свой кватуар⁴, финальная fuga вышла с многочисленными фокусами — каноны, каноны и каноны, по, к сожалению, бесцветно по модуляции и не вполне законченно, хотя последнее может быть и обманчиво, так как я ее ни разу не играл вполне связно. Квартет, в общем, получился ретроградный, так что надо приниматься за симфонию⁵ и немножко себя реабилитировать. Я рад толі. ко, что сделал кое-какие технические приобретения.

Ну, дорогой друг мой, желаю Вам всего лучшего, кончайте скорей Ваш концерт⁶, уж я о нем разблаговестил.

Ваш *Н. Мясковский*

Не попробуете ли со «Снами» к Кусевицкому? Как только приедет отец, я постараюсь сойтись с Крейцером, быть может, тут тоже что-нибудь выгорит, к тому времени переложение, надо думать, будет готово.

59. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 августа 1910 г., Сонцовка

Lieber Kola, на днях намерен окончить и прислать Вам партитуру новой моей пьесы, величиной со «Сны», но с более скромной партитурой¹. Уж не знаю, понравится ли Вам она или нет, но только сама по себе она такова, что не имеет претензии кому-либо нравиться. Названия ей еще пока не совсем придумано; что скажете Вы? О моем концерте Вы напрасно растрезвонили (или как Вы там говорите: разблаговестили). Пока я ровно ничего не сделал, и чего доброго по окончании оркестровой пьесы сяду за какую-нибудь мерзость, а концерт отложу до осени. От меня всего можно ожидать.

С Кусевицким Вы, пожалуйста, сцепитесь: он нужен не только как игратель, но и как издатель.

Очень рад, что Вы кончили с квартетами и приметесь за оркестровую музыку. Только, знаете, Вы напрасно посылаете все три квартет па конкурс²: те два и без того возьмут премию. А Эдварда поберегли бы до будущего года³.

1 сентября уеду на Кавказ (адрес: Сухум, дача Смецких), но Вы мне постарайтесь написать еще сюда, а уж рецензию на «штуку» шлите туда.

Крепко обнимаю Вас. Борюся был на конкурсе четыре дня — видно, Вы не были.

Ваш *С. П.*

Учу Бетховена «Аврору». Почему она «Аврора»? ⁴

1910

<стр. 86>

«Осеннее», ор. 6 *.

60. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 августа 1910 г., Никополь

Lieber Kola, совершенно неожиданно уехал на 5 дней в Никополь, к сеньору, которому посвящена соната ор. 1¹, а посему оркестровая пьеса несколько запоздает к Вам. Обнимаю и винюсь, но пьеска премоулейшая — утешит Вас.

С. П.

* «Осеннее», ор. 6.— позднейшая приписка рукой Н. Я. Мясковскаго.

<стр. 87>

61. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

4 сентября 1910 г., Петербург

4 сентября 1910 г.

С. Петербург

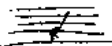
Дорогой Сержинька,
получил сегодня Вашу пьесу; играл раза три; за мной переложение в 4 руки, если Вы не настаите, чтобы делал его Ваш обожаемый Борюся¹. Кроме шуток, я пребываю в большом удовольствии; по тем наброскам, которые Вы мне

раньше прислали, я составил о пьесе не очень выгодное мнение: показалось грязно и черство и... несвежо. Сегодняшнее впечатление совсем противоположное во всем, что не касается грязи — место с 6-аккордами в середине довольно беззастенчивое, не думаю, что оно будет очень плохо звучать, но что немножко покакофонит, это наверное (вроде начала «Фейерверка»²). Я не говорю, что мне не нравится, а только констатирую факт. В общем же и в частности эта пьеса мне нравится, пожалуй, даже больше «Снов»; безнадежный холодно-печальный колорит выдержан изумительно. Начало превосходно, дальше колыхания — ползучие с вкрапленными духовыми фразками грязновато, но чудесно; середина ползучая тоже хороша, 6-аккорды так себе, хотя неплохи, *Largamente* — пышно и хорошо, дальше опять все хорошо. Относительно самого конца, хочу Вам посоветовать следующее:

отмеченный звездой аккорд попробуйте сделать так:

а то очень неприятно после долгого B-dur'а сразу ми минор; впечатление не то, что Вы сделали нарочно так, а будто просто не выпутались из затруднения. В этом же такте и следующем бас-кларнет имеет по письму , а не так ли:

<стр. 88>

Зилоти объявил программу концертов — ни абонементы, ни экстренные не интересны, немного интереснее камерные. С моими квартетами вышла чепуха; помните срок был 15 октября? Сегодня мне сообщили, что срок 1 сентября, хорошо еще, что 2 квартета у меня были дома, я сейчас же их водворил на место — они приняли, так как это произошло по их ошибке; ну, а третий — только что начал расписываться на партии и выйдет по Вашему, что он

пролежит до будущего года, хотя это жаль, так как он поспел бы и к 1 сентября и шансы его наибольшие: вариации везде имеют успех, что и надо было ожидать, так как это типичная школьно-сладостная дрянь. Пьесу Вам не верну, так как Вы должны скоро приехать. Как только набросаю 1-ю часть симфошки, сейчас же переложу Вашу штуку.

Инструментовку Вашей пьесы я посмотрел еще недостаточно пристально, так что очень увесистого мнения не составил.

Всего лучшего. Глазунов написал фортепианный концерт!

Н. Мясковский

62. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 сентября 1910 г., Долинская

Lieber Kola, сообщаю Вам «радостную» весть: РМИ вернуло мне сонату и этюды¹ с соответствующим печатным бланком, которых у них заготовлено сотни. Но если они хотели поразить меня в сердце, то, безусловно, ошиблись точкой: я только что продал велосипед и фотографию, и по приезде в Петербург немедленно издаю оба опуса, помимо всяких Иваныванычей². Выехал в Сухум. Что редко пишете: пришло от Нас всего одно письмо. Узнайте, ангелок, немедленно в консерватории об А[нне] Н[иколаевне] Е[сиповой] и напишите. Вообще же собираюсь приехать 26-го.

Ваш С. П-в

63. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 сентября 1910 г., Сухум

Сухум-Кале. 12 сентября

Lieber Kola, спасибо, что похвалили и обласкали новую мою пьесу. Я был очень польщен этой похвалой, хотя до некоторой степени и рассчитывал, что пьеса Вам понравится. Когда переложите в четыре руки, поблагодарю Вас еще раз.

26-го собираюсь быть в Питере. День пробуду в Москве, а потому, так числа 22-го, упакуйте мою пьесу, а также и «Сны», которые Вам

<стр. 89>

должен доставить Борюся, и пошлите их в Москву: надо будет кой-кому показать¹.

Адресуйте так: Москва, почтаamt, до востребования, мне. Я предъявлю паспорт и получу.

Очень прошу Вас об этом.

Как Вы думаете об названии пьесы?²

До скорого свидания.

Желаю успеха в симфонии. Новостей музыкальных никаких нет. Лениво пописываю концерт. Глазуновским концертом крайне заинтригован; гораздо больше, чем Вы могли бы предположить.

1910

Ваш S.P.

64. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 ноября 1910 г., Петербург

Lieber Kola, прилагаемый обгрызок называется контрамаркой. Едва достал три штуки. 18-й ряд № 400, начало в 8½ часов. Не забудьте захватить свисток для сонаты ¹. Прощайте.

1910

S.P.

65. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

26 мая 1911 г., Москва

Дорогой Сереженька, обстоятельства сложились так, что я не вернусь в Петербург ранее четверга; нельзя ли все же с Вами увидеться, поезд Ваш идет, наверное, не очень рано, а до часу или двух я буду сидеть дома. «Сказку» пришлось отложить на вторник, 31 мая, так как оказались не готовыми партии¹. Дирижер Сараджев прекрасный, отличный музыкант, хорошая техника, большой темперамент и превосходная музыкальность. Так что я очень жалею, что Ваши пьесы здесь не пойдут. У них программа составлена действительно очень полно и плотно, и я воочию убедился, насколько трудно делать какие-либо изменения, а, главное, Сараджев так весь расхвачан, что у него вовсе нет времени для просмотра и учения чего-либо не приготовленного заранее. Но так как я обладаю изумительным красноречием, как только речь заходит о Вас, то я его заставил страшно жалеть, что он слишком поспешно согласился вернуть Вам ноты по требованию Глиэровой тещи². И если бы Вы могли их прислать еще раз теперь, покуда я здесь (то есть до среды 1 июня), то я ручаюсь, что они пойдут, конечно, только не симфоньетта, а 2 ма-

<стр. 90>

леньких штучки. Ведь у Вас есть партии «Снов», а для «Осеннего» потребуется не так много времени, чтобы расписать, я так Вас расписал, что Вы, мол, самая семейшая наша надежда, и они теперь все тут (то есть Сараджев, Держановский и еще иные) жаждут Вас слушать и играть. Если бы Вы прислали «Сны» и «Осеннее» пока я здесь, я бы dokonчил свою миссию, и они бы пошли во что бы то ни стало³. Оркестр у него превосходный и с Сараджевым в прекрасных отношениях. Рассчитываю увидеться с Вами в четверг.

Н. Мясковский
Москва, 26/V 1911

Остоженка, Штатный, 1, Конст[антин] Соломонов[ич] Сараджев.

66. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 мая 1911 г., Петербург

27 мая 1911

Lieber Kola, не могу Вам передать, каким ароматом повеяло от Вашего письма... Тем специфическим ароматом, который совершенно непроизвольно издает композитор в те моменты, когда его нотные фолианты воплощаются в звуки. Настолько, что меня так и шатнуло по направлению к Москве, — я едва не поддался обольстительному искушению выехать в понедельник и провести в Москве вторник. Но если я даже в полночь выеду обратно в Питер, то — вернуться в среду, а в четверг тронуться в Сухум, было бы дико, — ждать же мою мать в Москве до пятницы совсем смешно: и мне пришлось убедиться в невозможности услышать Вашу «Сказку». А услышать ее мне гораздо интересней, чем Вы могли бы это предположить.

Ваши заботы о моем потомстве не только умилительны, но прямо-таки изумительны. Такого рвения я не ожидал даже от Вас! Посылаю «Осеннее» и «Сны». Надеюсь, что в моем отсутствии, но под Вашим светлым руководством, г. Сараджев разберется в них без труда. Коль он разобрался в «Сказке», то мои простушки он сыграет одним пальцем.

Пока прощайте; до четверга. Еще раз спасибо за заботы. Желаю Нам услышать в «Сказке» все, что в ней написано — и получить полное удовлетворение от Вашей вещи.

Ваш С. Пркфв

Примечание.

Если, паче чаяния, мои вещи ублагонавозятся в этот сезон, то для меня самое удобное время: 2—5 июля. Сообщаю это на всякий случай.

<стр. 91>

67. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 июня 1911 г., Сухум

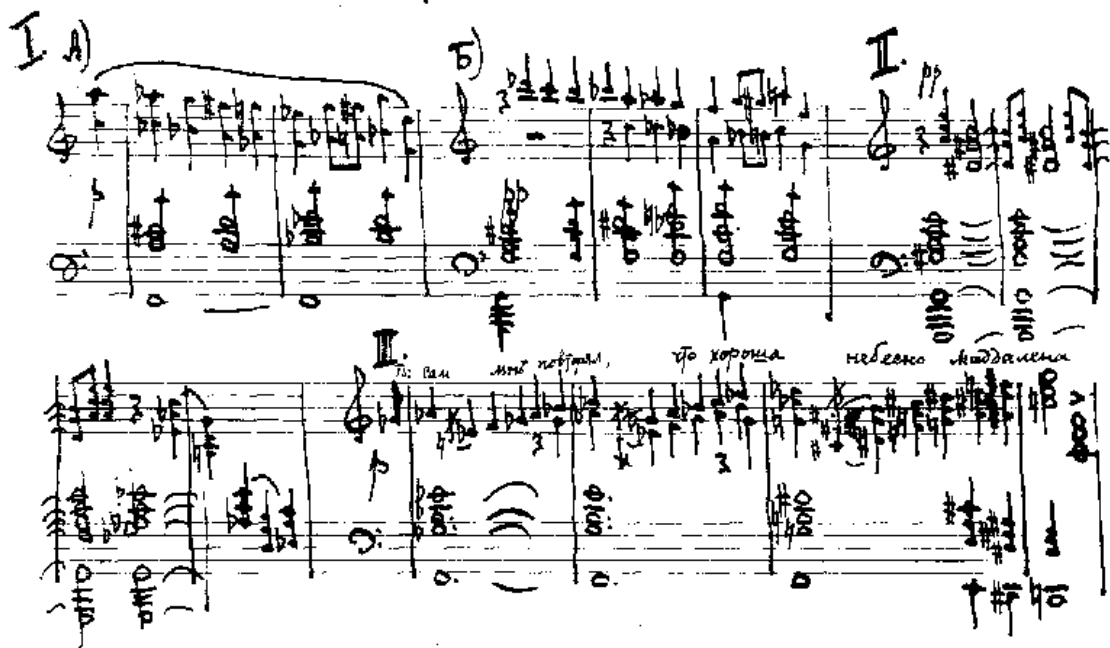
Lieber Kola, сижу в Сухуме и старательно сочиняю «Маддалену»¹. Работа идет быстро и легко, а прилежание мое не имеет границ: каждый день я не менее пяти часов сижу над «Маддаленой».

Проездом через Москву, послал Сараджеву партии «Снов» и письмо, где благодарил его за любезное согласие играть мои «Сны» 29-го, соглашался с 29-м и добавлял, что если ему безразлично, то для меня удобней время от 10 до 20 июля. На мою настоятельную просьбу отместить мне в Сухум, письма еще не последовало. Впрочем, сюда мне до сих пор ни одна душа не написала; очень уж далеко. От Канкаровича тоже ни звука. Так что, буду ли я среди лета на Севере или нет не знаю.

А пока, всего хорошего. Пишите о Ваших делах. Прилагаю темы.

Ваш С. П.

11 июня 1911
Маддалена

<стр. 92>
Дженаро.

68. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 июня 1911 г., Петербург

23/VI-1911. СПб.

Дорогой Сереженька, извините, что не писал, несмотря на полученную

от Вас музыку. Все время с лихорадочностью сидел над 2-й симфошечкой, даже остался из-за нее на лишнюю неделю в городе; вчера, наконец, поставил точку, а завтра уезжаю в трущобу. Штучка вышла на славу — главным образом финал, *adagio* послабее, даже много, но и в этом есть 2 недурных места. Все 2 месяца деревни уйдут на оркестровку симфоньетты¹ и отделку, а может быть, и инструментовку симфонии. Что значит Москва! В полторы недели я сделал то, чего не мог высидеть 6—7 месяцев, причем получилось вовсе не поверхностно, как 1-я часть, а как следует. Кстати, о Москве: отзывы были очень благоприятные², слегка выругали, но только под соусом «отметил недостатки в надежде и т. д.» Лучше всех написал Л. Сабанеев в «Голосе Москвы». Разругал здорово, особенно за несоответствие с сюжетом и петербургские приемы письма, но все очень дельно. Не посылаю Вам, так как единственные, бывшие у меня экземпляры послал своему зятю³, а больше из Москвы, несмотря на обещание, не получил. Когда будете в Москве, поприветствуйте от меня Сараджева, Держановских.

В присланных Вами темах я не нашел одного, но очень, на мой взгляд, существенного — вокальных тем; неужели Ваши персонажи будут все время речитативить — ведь это уже устарело! Я считаю идеалом оперного письма Корсакова в Февронии, если только в Вашей штуке есть тенденция, то она другая — это жаль. Затем меня поразило, что

<стр. 93>

почти все темы поступенного склада (диа и хрома) — мало гибкости. Больше мне нравятся обе вторые и Маддалена и Дженаро. Впрочем, сейчас по отрывкам судить трудно, можно быть уверенным, что выйдет нечто сильное, но также, наверное, непрактичное, для чего консерваторская сцена будет несомненно закрыта. Если бы Вы знали, дружочек, как я рад, что кончил консерваторию⁴, только теперь почувствовал, какой гнет с меня спал, а уж, кажется, я ни от кого там не зависел — психология. До свидания, дружочек, желаю Вам веселиться вчетвером с Вашими кровавыми героями. Если вздумаете написать о Москве, и «Снах», и «Осеннем», пишите в деревню, я там буду до 20 августа: ст. Сиверская, Варш[авская] ж. д., деревня Батово, дача М. Аксеновой etc.

Ваш *Н. Мясковский*

Вышла из печати «Жар-птица» Стравинского — чудесно!

Конец симфонии

<стр. 94>

Все, кому я играл коду в целом, находят, что прибавить ничего» нельзя, вполне заключительно. Играл сестре, Крыжановскому и Боречке Захарову!

69. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 августа 1911 г., Кисловодск

Кисловодск. 7 авг. 1911

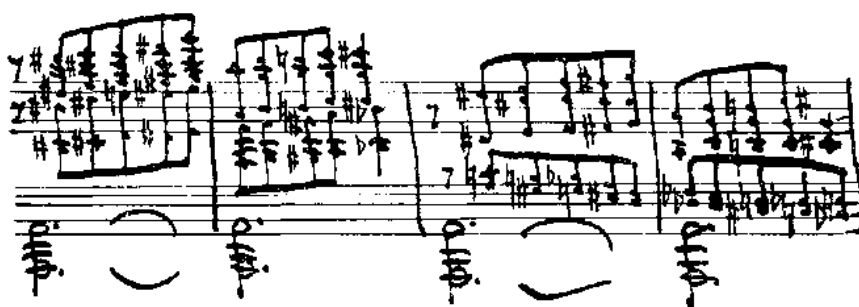
Lieber Kola, в Вашей сонате¹ я разобрался. Это — очень хорошая вещь, которую я выучу и включу в мой концертный репертуар. Я уже и теперь играю ее довольно бегло. Безусловно в ней есть такие места, под которыми я на Вашем месте не решился бы поставить свое авторское имя, но тем не менее общее впечатление от вещи прекрасное. Она вполне фортепианна (за исключением некоторых мест в финале) и в этом отношении представляет последующий шаг в глазуновском способе фортепианного письма. Недостатками сонаты я считаю: 1 — невероятную перегруженность всей вещи

и 2 — злоупотребление низкими регистрами (большой и малой октавами). И то и другое особенно назойливо в финале, вследствие чего он становится прямо-таки неприятным.

Теперь о некоторых частностях. Первая и вторая части вполне корректны. Желательно несколько переделать связующий их эпизод, начиная от

следующим образом:

<стр. 95>

Далее пять тактов по-старому и затем:

В третьей части мне не особенно нравятся сладковатые начало и подход к репризе. Эта часть по материалу слабей остальных. Кроме того, недостатком придется, пожалуй, считать однообразие движения во всей части *ми*. В финале главную партию я сделал бы так:

выкинув *re* и *fa* в басу. Далее, место

звучит прескверно. Гораздо лучше, как оно у Вас, кажется, раньше. Например, так:

Затем: плохо звучит в медленном и неисполнимо в быстром темпе:

<стр. 96>

Тактом поздней не будет звучать ясной имитацией триолька:

Не особенно нравятся мне пассажи:

Зато чрезвычайно хорош и фортепианен органный пункт на до в конце хода. Форма разработки мне не нравится; она состоит из двухкратного повторения длинного эпизода. Кому это нужно? — длинно и скучно. Далее в разработке, вместо:

надо:

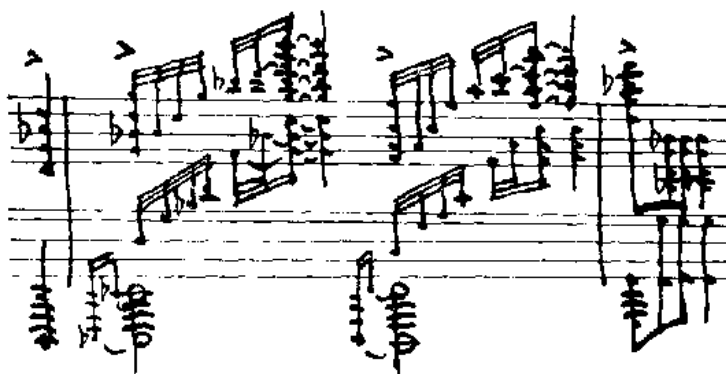

и еще дальше, место:

<стр. 97>

можно сделать пышнее:

Финальный ре мажор очень пышен, но совершенно не подготовлен.

По мере изучения сонаты, накаплиются еще кой-какие мелкие предложения об изменениях. Но об них при свидании.

Недалеко от нас — в Пятигорске — поселился С. И. Танеев, Я довольно часто с ним вижусь. На днях намерен сыграть ему Вашу сонату. Фугу² я уже показывал между делом, и она была одобрена.

Всех благ.

Ваш С. П.

Ребровая балка. Дача Ушаковых.

70. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 августа 1911 г., Батово

12/VIII—1911—Батово

Милое заботливое создание с Ребровой балки, чрезвычайно признателен Вам за Ваши невероятные хлопоты с моим бедным толстым и нудным детищем; рассмотрев Ваши точные и тщательные замечания, я не могу с уверенностью сказать, многими ли из них воспользуюсь: надо сперва выслушать; у меня сейчас нет в руках черновика, так что я не могу примерить Ваши варианты, но на первый взгляд мне показалось следующее: 1 — связующий эпизод по Вашему рецепту может оказаться нестильным, особенно с нисходящими терциями; 2 — расширение замирания там же, имеет *raison d'être**, хотя это мелочь, которая проходит незамеченной; 3 — облегчение главной темы финала едва ли приемлемо, так как изменит характер темы, мое представление — таинственно-зловещее предостережение (*p* — *pesante*); 4 — разбитые аккорды я слышал звучащими не очень скверно, мне такой рисунок кажется интереснее, хотя звучность больше нравится того *var[iante]*, который Вы предлагаете и который был раньше. Я думаю, что и это может выйти, если уверенно и сильно акцентировать глав-

* право на существование (*франц.*).

<стр. 98>

ную ноту и быть осторожным с педалью; 5 — место хода, неисполнимое в быстром темпе, исполнимо в среднем, как и нужно, и все имитации выходят, через некоторое время Вы это услышите сами; 6 — в ненравящихся Вам пассажах обратите внимание на оттенки силы — очень важно, а на музыку не обращайтесь, я знаю сам, что это дешево; 7 — разбитые аккорды в разработке подходят под пункт 4; 8 — перед концом разработки одно опышнение мне по вкусу, хотя я сыграть его сносно не могу; 9 — перед кодой сделайте огромное *Largamente* с огромной силой, тогда не будет очень неожиданно. Общие замечания Ваши очень ценны и, кажется, верны; хотя я знаю, что финал несмотря на свою перегруженность и «низменность» на слушателей производит лучшее впечатление из всех частей; я сам не слышал, судить не могу, но от 5 человек слышал это. И вообще, я его ценю выше всего прочего, несмотря на некоторую квадратность разработки. Между прочим, когда будете его играть, подложите в этом месте побольше жару (то есть треску и скорости), тогда ничего — это я пробовал. А в общем, дружок мой, я Вас лобызаю в припадке благодарственной чувствительности, но (о, неблагодарный!) все же немного дуюсь. Где отчет об исполнении «Осеннего»; на этой дурацкой Сиверской я не мог достать ни одной московской газеты; в «Музыке» захлебываются от необычайной деятельности Сараджева, но никак не пишут о музыке без кавычек. Ну, и Вы должны понимать, что я огорчен, ничего не зная об «Осеннем», которое моей чувствительной душе дороже «Снов». Итак, я жду.

После 9 июля я никаких не имею известий также о Борюсе, но это в его

стиле, так что я не волнуюсь. На этих днях я прикончил оркестровку своего Дивертисмента ¹ — кажется, вышло звонко, хотя немного пестро; кое в чем не уверен, например:

могут ли Celli играть это pizz[icato] в очень быстром темпе и хорошо ли это. Вообще буду с Вами совещаться, уж не обессудьте. Теперь впопыхах соорудил небольшую виолончельную сонату (2 части) ², хотя от первой части (Andante) имеется только вступление и тема, но дня через 3 кончу все. А по приезде в город отделаю, так как теперь успеваю делать только наброски, ибо еще попутно учу Танеевский гори-

<стр. 99>

зонтально-подвижной контрапункт ³, вертикальный я немного проштудировал в прошлом сезоне. Осенью буду серьезно еще раз работать и Вам советую тоже — и пикантно и чрезвычайно полезно; да не только полезно, а прямо необходимо.

Получили ли Вы мое сухумское письмо? Мне интересно, что Вы думаете о финале моего финала.

Addio, mio caro! *

Всего приятного.

Ваш Н. Мясковский

18 августа я уже в городе. За Танеева на Вас дуюсь!

71. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 августа 1911 г., Кисловодск

Н. Я. Мясковскому
в Пбг.

Кисловодск
20 августа 1911

Lieber Kola, полученные мною Ваши возражения на мои замечания о Вашей, посвященной мне, сонате ¹, весьма любопытны. Часть вполне основательна, другую часть я отношу насчет отсутствия черновика. Подробно поговорим при свидании, тем более, что накопилась еще уйма мелких замечаний, которые я позволяю себе нотабенировать карандашными крестиками на полях.

Конец Вашей симфонии ² я довольно много играл, но не могу еще сказать о нем мнения: с одной стороны, будто он и вполне заключителен, но с другой стороны — страшно заканчивать длинную вещь неопределенным аккордом.

72. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 августа 1911 г., Кисловодск

Н. Я. Мясковскому
в СПб.

26 авг. 1911

Lieber Kola, не писал Вам об «Осеннем»¹, потому что совсем забыл о том. — «Осеннее» прошло во всех отношениях удовлетворительно. Рецензий сам не видал. В течение недели заканчиваю милую «Маддаленочку» и еду в Петербург.

До скорого свидания.
1911

П.

* Прощайте, мой дорогой! (*итал.*).

<стр. 100>

73. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 марта 1912 г., Петербург

Lieber Kola, если я до сих пор ничего не узнал о «Карнавале»¹, то по той причине, что все это время лежу в инфлуэнце.

Если будете писать в Москву, то наметните им, что было бы недурно сыграть мою симфоньетту². Желаю Вам всего хорошего, и боже избави Вас от инфлуэнцы!

S. P.
1912

74. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

31 марта 1912 г., Петербург

31/III 1912

Дорогой Сережа, извините, что не отвечал долго; ждал ответа москвичей. Они ответили ни два, ни полтора, то есть, что хотя играть симфоньетту затруднительно по причине малости места (у них меньше концертных дней, чем в прошлом году), но если материал будет под рукой, это будет легче сделать; другими словами, хотят, чтобы Вы симфоньетту прислали, но категорически исполнения не обещают. Если Вы на другое что-либо не рассчитываете, то пошлите материалы, когда же я буду в Москве, я на них лично воздействую еще, и, надеюсь, что мне повезет. Относительно же сроков нужно будет выбрать что-нибудь в июне-июле и августе; в мае у них все уже набито. Кстати, они просят тематический анализ концерта¹, и, вероятно, понадобится и симфоньетты. Как Шуман?² Если будете в консерватории, не

узнаете ли, приехал ли Штейнберг. Черкните мне.

Ваш *Н. Мясковский*

75. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 апреля 1912 г., Петербург

Lieber Kola, я все еще вожусь с проклятым плевритом и про Шумана могу узнать во второй половине недели, когда, надеюсь, меня выпустят из дому. Благодарю Вас за хлопоты с неудачливой Ньетточкой¹, посылать ее в Москву пока не буду, а темы концерта пришлю В а м на днях.

Занимаюсь сочинением токкаты² и пересочинением «Снов».

Обнимаю Вас.

С. П.

1912

<стр. 101>

76. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 июня 1912 г., Ессентуки

Ессентуки. 15 июня 1912

Милый Колечка, сегодня Вы, по-видимому, выехали или приехали в Москву, с чем Вас и поздравляю.

Я занимаюсь партитурой «Маддалены», пишу не особенно торопливо, четыре прозрачных странички в день, но зато с истинным наслаждением: не партитура — а прелесть, конфетка шоколадная, да еще с дорогим ликером внутри. Зато клавиш — размерзейший. Во-первых, его никаким образом не сыграешь, даже при участии носа и хвоста; во-вторых, он не звучит: то слишком резко, то наоборот тупо; в-третьих, у меня особенные чернила, которые расползаются в кляксы и изводят меня до черта.

Концерт учу¹. На моем ессентучном пианино не хватает *В Н С*, так что пару пассажей при всем желании выучить нельзя. Впрочем, это ерунда. А 25 июля я играю вполне определенно, и ни в какой другой день, кроме этого; доложите, пожалуйста, их превосходительствам, что я, во-первых, кланяюсь им, а во-вторых, то, что выше сказано. Жду от Вас сперва короткой писульки, а затем длинного письмища (после симфонии) по адресу: Е[ссентуки], Вокзальная, дача Кирш. В ожидании же обнимаю Вас нежно.

Serge

77. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 июля 1912 г., Москва

Дорогой Сережа, извиняюсь за позднюю короткую писульку. Сижу без передышки над проклятыми партиями: пишу, проверяю. Здесь, конечно, за 3 месяца ничего не успели сделать. Мораль — все делать самому. Хорошо, что Ваши партии делаются не здесь. Симфония пойдет 11-го¹. Вы играете 25-го, но

К. С. Сараджеву все же хочется посмотреть партитуру Вашу.
Приветствую.

Ваш *Н. Мясковский*

78. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

До 10 июля 1912 г., Ессентуки

Милый Колечка, спасибо, что наконец откликнулись и решили плюнуть мне открыткой. Я сейчас в таком же положении, как Вы, когда Вы мне писали: корректуры 1200 страниц: концерт и симфоньет-

<стр. 102>

та. Чистое горе! Через пять дней вышлю Константину] С[оломонови]чу партитуру и партии концерта. Я писал позавчера Вл[адимиру] В[зладимировичу]¹ с просьбой протелеграфировать мне крайний день, и который я должен явиться в Москву. Спросите его, получил ли он и ответил ли. Желаю Вам восхищаться цисмолечкой и жду подробностей о ней. Сообщите, как зовут Асланова по имени и по отцу.

Ваш *С. П.*

За эти полтора месяца ровнешенько ничего музыкального не сделал.
Плачьте надо мной!
1912

79. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

10 июля 1912 г., Москва

10/VII 1912

Дорогой Сережа, беру на себя смелость сообщить, что первая репетиция к концерту 25 июля¹ произойдет в понедельник 23-го. Сомневаюсь, чтобы в этот день пробовали Ваше концертино. Еще будут играть симфонию m-me Вейсберг. Асланова зовут Александром Петровичем. Да, всего репетиций 3: понедельник, вторник и среда. Симфонии моя звучит местами складно. Заключительный аккорд хорошо расположен и довольно убедителен.

До скорого свидания.

Ваш *Н. Мясковский*

80. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 июля 1912 г., Ессентуки

Ессентуки. 15.7.1912

Миленький безысходно-одинокий Колечка, сегодня я из-за Вас разорился на 22 копейки. Отрадno, что мой титулованный одноименец оказался таким вдумчивым понимаемелем Ваших Schoerpfung'ов*. Сабанеев же вновь оказался

идиотом; я уже предвкушаю его чирикания обо мне.

Собираюсь на Север; голова разламывается пополам от корректуры. Впрочем, сегодня кончаю эту мразь и вместе с партитурой посылаю представителям концертов в «maison publique»².

Догадались ли Вы уже послать мне длинное письмо?

Жду его с чрезвычайностью. Прощайте.

S.

* Произведений (нем.).

<стр. 103>

81. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 августа 1912 г., Харцызск

12/VIII 1912

Привет милому Колечке с (из?) Харцызска. Ваш «Аластор»¹ довольно беззастенчиво пристает ко мне всю дорогу. Хорошая тема.

S.

82. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

17 августа 1912 г., Кисловодск

17 авг. 1912

Милый Колечка! здесь, в Кисловодске, очень ничего: тепло и светло. Каждое утро хожу в аптеку и занимаюсь. Пианино приличное, комната уютная, никто не мешает и лекарствами не пахнет. По части сочинительства мой выбор пал на «Сонату ор. 14»¹, сочиняется бойко и даже прирастает пятая часть. Для того, чтобы вернее получить от Вас ответ, избираю насильственный способ переписки. Пишите же!

Serge

83. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

20 августа 1912 г., Петербург

20/VIII

Милая Сережа, к чему такие сильные приемы? Я и так хотел черкнуть, но Вы забываете одно — бездну впечатлений у Вас и безотрадную пустыню здесь. До сих пор не получил от Асланова нот; напишите мне его¹ адрес. О Вашей сонате ор. 14 я уже начал чуточку благовестить, но пока осторожно без особых фактических данных. Что Вы работаете именно над ней, меня всего более утешает. Проторчав некоторое время в Петергофе, я, наконец, тоже засел

и, кажется, сдвинул «Аластора» с мертвой точки, сделав на одну из его тем десятки контрапунктических упражнений, которыми кстати и не воспользовался! Главная партия готова. Побочная вытанцовывается.

Всего хорошего.

Ваш Н. Мясковский

<стр. 104>

84. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 августа 1912 г., Кисловодск

28.8.1912

Милое Коло, имею честь поставить Вас в известность, что соната ор. 14 сегодня закончена; 2½ части даже переписаны начисто.

В Петербург приеду 9 сентября утром. Если хотите еще раз написать мне, то адресуйте: Кисловодск, Российская, 10, кв. Рузских. Мне.

85. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

26 января 1913 г., Петербург

Очень был рад получить от Вас, милый дружочек, весточку. Против обыкновения отвечаю. Напрасно Вы удрали так стремительно: во-первых, упустили «Петрушку»¹, который оказался еще более восхитительным, чем в партитуре, а еще — потеряли такое незаменимое удовольствие, как слушание Метнера. Я пришел к убеждению, что это колоссальный талант и самой крепкой и дорогой марки. Его последняя соната (e-moll)² — шедевр; одно из наиболее содержательных и выдающихся сочинений современности. «Аластор» родился и готовится к мерному — четверорукому³ крещению. Всего лучшего.

Ваш Н. Мясковский

26/I 1913

86. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

До 10 марта 1913 г., Петербург

Миленькому Колечке имею честь почтительнейше препроводить сей билет в надежде видеть его (Колечку) на концерте¹. Кажется, у меня есть лишняя Чухонская партитура; если хотите, она будет к Вашим услугам.

S. P.

1913

<стр. 105>

87. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

5 мая 1913 г., Петербург

Дорогая Сережа, будете Вы у меня в среду 8-го или нет — немножко терзаться? Не позвоните ли мне откуда-нибудь для осведомления, чтобы я мог осведомить и г-на Асланиди. Я не знаю, есть ли у Вас телефон, так как номер нигде у меня не записан. Потрудитесь чуточку, ангелок! Всего лучшего. Между прочим — подсунул Юргенсонщику свою виолончельную сонату ¹.

Ваш *Н. Мясковский*

88. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 мая 1913 г., Вержболово

Вержболово. 31.5.1913

Переезжая границу российскую, шлю Вам, мой ангел, прощальный привет¹. Был в Павловске, мучился, слушая глазенгофскую «Саломею» и вспоминал Вас, следя за формой его VI симфонии². Показывал толстому Шуренку мои концерты: 1-й и нечетные части 2-го³. Наконец-то их степенство кое-кто оценили: логику и технику и то, чего сами не имеют («живость темперамента»), но ужасающе диссонирующая музыка осталась им по-прежнему невдомек, хотя и изволили вызваться приехать в Павловск 2 августа⁴. О Беляевских концертах Сашка сказал, что, во-первых, он больше не председатель, во-вторых, надо представлять партитуру в сентябре в Совет, в-третьих, он предупреждает, что он, Сашка, самый левый в Совете, так что...

Словом, было когда-то передовое учреждение, а теперь — Митрофаньевское кладбище!⁵

РМИ сообщило мне, что очень интересуется моими дальнейшими сочинениями, а потому «Сны» и баллада⁶ поехали со мной в Париж.

Мой адрес:

Paris, 156. Boulevard Malesherbes. M-me Guyonnet. Prière de remettre à Mr. S. Prokofiew.

Асланов играет Вас 25 июня и просит Вас приехать на репетиции. Юрасович будет 28-го⁷, а «Сны» — 2 августа.

Обнимаю Вас и жду писем.

Ваш *Сергуся*

<стр. 106>

89. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 июня 1913 г., Шмецке

Дорогой Сережа, спасибо за письмушки; одно из них меня ждало, когда я еще только собирался ехать на дачу, задержавшись Стравинскими бреднями,

другое же я получил в самый разгар дичайшей скуки, вызванной сумасшедшим холодом, которым были разукрашены первые дни моего пребывания в благословенном комарином болоте Шмецке. Так Вы пролили бальзам в мою угнетенную душу в наполовину съеденном обиталище. В настоящее время я напропалую хвастаюсь Вашим Митрофаньевским кладбищем, не выдавая, впрочем, себя за автора. Если верить тому, что мне говорили о Беляевском жюри весной, быть может, не лишено будет смысла, если Вы пошлете в сентябре в их совет какую-нибудь партитуру? Худо, что Российцы опять корчат из себя какую-то невинность, а одновременно с самой торгашеской развязностью печатают «священную белиберду» Стравинского (не с моей точки зрения, — по-моему, это просто несколько бедно по изобретению, изрядно дико, но местами и совсем недурно) и его же японские романы¹, которые декламированы с такой восхитительной прямолинейностью, что слова можно спеть с правильными ударениями, только если всю историю передвинуть на 1/8 влево. Вообще, все это довольно забавно, но если напечатано, то только в соображении больших доходов, так как противоречит даже самым снисходительным принципам. Между прочим, на днях получил письмо от Яворского², где он оповещает, что если у меня или у Вас есть что-нибудь камерное, что нигде не предполагает сыгаться в Москве, то он предлагает прислать это ему. Думаю, что Вы можете направить к нему виолончельную балладу. Теперь могу Вас немного облегчить: если вздумаете еще пописать мне, пишите только Эстл[яндская] губ., так как Петербургская осталась как раз за рекой Наровой. Жаль, что я здесь не буду в августе, а то я бы Вас сюда затащил, в общем, здесь недурно, хотя людно и комарино. Вы меня очень огорчили сообщением, что симфония пойдет 25-го, придется раньше уезжать.

Всего хорошего. Желаю веселиться.

Ваш Н. Мясковский.

3/VI 1913. Шмецке

90. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3/16 июня 1913 г., Париж

1913

Милый Колечка, сегодня я приехал в Париж и пребываю от него и большом удовольствии. До сих пор он мне представлялся либо в виде точки на географической карте Европы, либо в виде города, по-

<стр. 107>

среди которого стоит Эйфелева башня. На самом деле он много интереснее.

Привет.

СП.

Открытка куплена в Германии, где по поводу XXV-летнего юбилея императора продают Вильгельмов на каждом углу.

91. С. С. ПРОКОФЬЕВ—Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11/24 июня 1913 г., Лондон

Лондон. 11/24 июня 1913

Милый Колечка, был я в Париже в дягилевских балетах¹, и вот Вам мое мнение. «Петрушка» до последней степени забавен, жив, весел, остроумен и интересен. Музыка — с массой движения и выкриков — отлично иллюстрирует малейшие детали сцены (точно так же как и на сцене очень удачно иллюстрируют мельчайшие фразки оркестра). Инструментовка прекрасная, а где надо препотешная. Но теперь о главном: есть в балете музыка или ее нет? Чтобы сказать да — так нет; чтобы сказать нет — так да. Несомненно, что в балете не одно место, где музыка прямо хорошая, но огромная часть его — современный рамплиссаж. Однако в каких случаях он пользуется рамплиссажем? Вообще, когда допустим рамплиссаж? (если вообще он допустим). Мне кажется — в местах служебных или скучных, вызванных неудачным сценарием. А Стравинский? Он в самых интересных моментах, в самых живых местах сцены пишет не музыку, а нечто, что могло бы блестяще иллюстрировать момент. Это нечто есть не что иное, как рамплиссаж. Но раз он в самых ответственных местах не может сочинить музыки, а затыкает их чем попало, то он музыкальный банкрот. И если можно согласиться, что Стравинский пробивает новую дверь, то пробивает он ее маленьким, очень острым ножичком злободневности, а не большим топором, который дал бы ему право на звание титана.

«Жар-птицу» и «Нарцисса» я не слышал. «Дафнис» скучен и водянист, снотворен, когда дело касается поэзии, и смешон, когда дело доходит до драмы или движения. Если он имеет успех, то благодари прелестно поставленной сценической части. Флоран Шмитт со своею «Трагедией Саломеи» просто безвкусен. «Шехеразада» поставлена пышно и в удачном соответствии с музыкой. Постановка «Карнавала» скучновата и неизобретательна. Инструментовка производит забавное впечатление, вообще удалось недурно, кроме мест мелкой фортепьянной техники. Половецкие танцы из «Игоря» всегда приятно послушать.

Ну, вот, мой ангел. Я на пять дней в Лондоне — посмотреть великобританскую столицу. Очень был рад Вашему письму. Очевидно,

<стр. 108>

мои письма в «комариное болото» все-таки доходят, а то я хотел уже писать по садовому адресу. Концертом — позор, тоска! — еще не занимаюсь, но с будущей недели засяду рьяно².

Всего хорошего, пишите на бульвар Malesherbes.

Ваш СП.

92. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 июня/3 июля 1913 г., Руая

Royat. 20 июня 1913

Миленький Колечка, Вы получите это письмо в период исполнения Вашей симфонии¹. Опять она исполняется в конце [и]юня, опять я нахожусь на другом конце света и должен довольствоваться отзвуками исполнения, а не самим исполнением. Очень жалею о том, и прошу подробно сообщить, как она прошла, и как отнеслись публика и пресса. Я теперь застрял в Руая, достал пианино и погрузился в g-moll'ный концерт, решив выучить его залпом. Кажется это удастся, потому что я сижу над ним не менее 4-х часов в день, и скачки уже начинают выходить.

У меня к Вам большущая просьба: мой ангел! по дороге в Павловск или из Павловска зайдите к моему швейцару (I рота, 4, подъезд Глазной лечебницы), спросите у него, нет ли мне или маме писем, заберите их, положите в конверт и пошлите мне сюда, чем премного обяжете Вашего покорного слугу. (Если будут какие-нибудь печатные объявления, которые часто присылают всякие магазины, то их конечно, пересылать не надо).

Мой адрес: France. Auvergne. Royat. Grand Hôtel des Sources.

Получили ли из Лондона мое «особое мнение» о балетах, слышанных мною в Париже? Если Вы писали мне на m-me Guyonnet, то не смущайтесь, что я оттуда уехал; она мне перешлет.

Обнимаю Вас и извиняюсь, что моею навязчивою просьбой заставляю Вас модулировать из поэтичного cis-moll'а в прозаичную глазную лечебницу.

Ваш С. Пркфв

93. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ-С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 5 июля 1913 г., Петербург

Дорогой Серж, на Вас обижен г-н Держановский, за то, что быв в Париже на разных спектаклях, Вы не желаете своими пикантными впечатлениями поделиться с соотечественниками в достаточно публич-

<стр. 109>

ной форме¹. Что Вы об этом думаете?! При письме сем посылаю Вам все, что удалось найти у Ваших швейцарцев; как видите, тут более всего «Музыки». Ежели желаете знать об исполнении моей симфошки², то читайте дальше. На первых репетициях это был сумбур, на последней начали разучивать, во время концерта все позабыли, и была такая чепуха и фальшь, что не приведи бог. У Асланова вообще очень слабы струнные, но когда они притом еще не знали музыки и не понимали ее, то, конечно, в итоге ничегошеньки не вышло, хотя по темпам все шло бойко и остановок не было. Успех был крошечный, но

гораздо больше, чем в Москве³. Газетчики — прелестны. Глубокомысленны и смехотворны, особенно мил Бернштейн, так мило состривший о «безумии» Вашего концерта в прошлом году⁴. Про меня он написал следующее⁵: после 50-минутной трескотни и пальбы в оркестре, заключительный удар в барабан (sic!) знаменовал собою, вероятно, самоубийство героя пьесы! Чудесно, правда?! Милее всего, что никак они все не могли стовориться о моем происхождении: я и москвич, и ученик Лядова, и, наконец, «польский модернист»! Вообще все это было бы забавно, если бы не такое противное исполнение.

Ну, всего хорошего, мой ангел; спасибо, что пописывали; продолжайте в том же духе, а то я теперь в городе очень один. Поклон Марии Григорьевне. Всего лучшего.

Ваш *Н. Мясковский*

Между прочим, я хочу Вашу «Маддалену» демонстрировать в Москве. Держановский говорит, что надо что-нибудь с ней попробовать сделать. Вы мне ее дадите?

94. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9/22 июля 1913 г., Женева

Женева. 9/VII

Миленький Коленька, утомленный непосильными занятиями, черпаю отдохновение и силы в недельном путешествии по прекрасной Гельвеции. Скоро буду на 1-й роте и прижму Вас к моему сердцу.

СП.

95. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 июля 1913 г., Москва

Миленький Колечка, Держанов[ский] говорит о камерном вечере¹ как о деле решенном и хочет, чтобы Баллада и Ваша чельная соната были посланы на август в Кисловодск (до востребования Евсею Яков-

<стр. 110>

[левичу] Белоусову). Взваливаю это действие на Вас и прошу маму вручить Вам Балладу. Держанов[ский] ждет Вас в Москву и, по-видимому, к себе в пустую квартиру; на мою петербургскую сплетню о дорогих костюмах и отсутствии денег для проживания в Москве, он ответил, что деньги для этого и не нужны, хватило бы на проезд. «Мадд[алена]» имела успех у Д[ержаиовского], С[араджев] отсутствовал, страдая спазмами в животе.

Просил моих переписчиков обращаться к Вам. Один — Гурьев принесет партии скрипок и альтов² (всего 6). Другой — Васильев: 2 флейты, 2 гобоя, 2 фагота, 4 валторны, 2 трубы, 4 тромбона, литавру, 2 виолончели и 2 контрабаса. Кларнеты я переписал сам. Партитуру желает иметь А с л а н о в

(Тарасов пер., 4, кв. 4). Кажется, адрес верен.
Обнимаю Вас и жду письма в Гурзуф.

С.П.

96. С. С. ПРОКОФЬЕВ—Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 июля 1913 г., Ялта

1913

Приветствую милого Кукулечку из Ялты, куда сегодня прибыл в полном здравии и чрезвычайном довольствии. Сейчас сажусь на катер «Гитания» для следования в Гурзуф.

С.П.

97. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ —С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 3 августа 1913 г., Петербург

Мой милый друг, имею честь сообщить Вам следующее: партии концерта переписаны и лежат у меня; по-моему, Вы слишком мало заказали струнных партий, не будет ли жиденько звучать Павловский оркестр. Итак, партии получены и оплачены. Далее, похитив Вашу балладу, которую я должен был послать в Кисловодск, я усмотрел в ней отсутствие отдельной виолончельной партии, затем получил письмо от Держановского¹ с категорическим приказанием (не от Вас ли идущим?) отдать балладу в переписку, переписанное послать Белоусову, а оригинал привезти в Москву. Благо подвернулся переписчик, я так поступил. Переписка обойдется, вероятно, рубля 3—4, причем, если окажется, что расход произведен мной против Вашего желания, потеря будет возмещена. Партитура концерта будет мной сдана Асланову, я этого не сделал сразу, так как думал проверить партии, но оказалось, что времени как раз теперь нет: асафьевский балет² ужасно много отнимает, да и финал мой собственный тоже³. Но зато партитуру Вашу я все же успел проглядеть и, сознаюсь, пришел в дикое восхищение от концерта как в целом, так и в частностях; если мне не отказывает

<стр. 111>

мое чутье, думаю, что и звучать будет почти все прекрасно, и лучик всего скерцо. Но есть штуки, о которых мы с Вами еще поговорим (их очень мало). В общем же, по-моему, это классический концерт по ясности форм, сжатости мысли, и определенности, выпуклости изложения. Темы превосходные; финальную мелодию я, несмотря на дырявость своей головы, зазубрил наизусть. Вообще, когда я вчера ночью Ваш концерт читал (уже лежа), я все время бесновался от восторга, вскакивал, кричал, и, вероятно, если бы имел соседей, сочтен был бы за сумасшедшего. Вы просто ангел! Как только я хорошо поумнею, сейчас напишу об Вас — вообще огромную статью.

Теперь, если Вам понадобится меня о чем осведомить или так просто, то

я буду в Москве с 7 августа. Остоженка, Троицкий, 5. Ну, я, кажется, о деле сообщил все, и восторг излил. Всего хорошего.

Ваш *Н. Мясковский*

Асланов, по-моему, Вас нагло надул: 2-го у него концерт⁴ с такой программой, что едва ли легче, нежели Ваш концерт: 5 симфония Глазунова, «Макбет», «Розенкавалер» и кусок из «Фёйерснот» Р. Штрауса!

Партии обошлись 6—60+11 = 17 р. 60 к.

Виолончельную сонату я считаю так:

5 листов по 60 к. (партитура) = 3 р.

2 листа по 25 к. (партия) = 50 к.

3 р. 50 к.

Примерно всего: 21 р. 10 к.

Итого остаток: 8 р. 90 к.

98. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 августа 1913 г., Гурзуф

Миленький Колечка, спасибо Вам за Ваши радения о моих тварях и за классические похвалы концерту. Последние так меня ободрили, что я удвоил мои занятия им. (Вместо получаса, 1 час в сутки). Пианин стоит в проходной и огалделой комнате, а потому «Маддалену» я не делаю, иногда лишь вынимаю из чемодана, с вожделением смотрю на нее, черчу пару умных поправок и откладываю удовольствие до сентября. Купаюсь в море и солнечных лучах, играю в теннис и бильярд, очень доволен моим безделием. Оно продолжится до 15–17, после чего, не останавливаясь в Москве, проринусь в Петербург. А в Гурзуф Вы должны мне еще раз выплюнуть писульку. Прошу Вас поклониться Вл[адимиру] Владим[ировичу] и Константину] Соломоновичу.

Вас обожающий *СП*

5 августа 1913

<стр. 112>

99. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

14 августа 1913 г., Гурзуф

Н. Я. Мясковскому,
авг. 1913
в Москву.

Гурзуф. 14

Милый Колечка, не отвечаю Вл[адимиру] Владимировичу¹, а адресуюсь к Вам, по причине боязни, что он не передаст нижеследующего: выезжайте-ка из Москвы не 19-го, а 18-го (вместе со мной), ибо 19-го Вы мне смертельно нужны в Петербурге, в доме Шредера. Я еду с севастопольским курьерским,

отходящим от Курск[ого] вокзала в 11-55 вечера по петербургскому времени. Так как часть крымской публики следует до Москвы, то плацкарты можно достать всегда, особенно, если пораньше встать в хвост. Вл[адимиру] Владимировичу передайте мою благодарность за честь и объясните ему, что качество моей игры будет обратно пропорционально количеству. Во имя предстоящих авторских страданий, Вы должны объяснить последнее особенно красноречиво. Отчего бы все-таки первое отделение не вручить Захарову: аккомпанировать он умеет, а 2-ю сонату² Вы ему посвящали уж, конечно, не как ценителю современной музыки.

Итак: 18-го в 11-55 вечера на Курском вокзале, непременно, а за сим да примет Ваш триумвират мой самый сердечный привет.

С. Пркфв

100. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

2 января 1914 г., Петербург

Дорогой Сережа, во-первых, позвольте пожелать Вам всего приятного в наступившем году, а во-вторых, позвольте передать не столь для нас приятную просьбу В. В. Держановского составить краткий тематический очерк Вашей сонаты (№ 2)¹: крошечную литературу и темки; сии последние он просит приспособить так, чтобы они подошли к формату «Музыки», то есть длина нотной строчки (с цифрами и т. п.) не должна превышать прилагаемой линии:

Приветствую!

Ваш *Н. Мясковский*
2/1 1914

<стр. 113>

101. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

9 апреля 1914 г., Петербург

Дорогой Сереженька, заклинаю Вас еще раз во имя Вашей баллады¹, не оставляйте двойного нисхождения! Я еще раз об этом думал, представляя в идеальном исполнении, и твердо убедился, что нельзя его оставить: во-первых, исчезает форма, так как переходное становится чуть не главным, во-вторых, теряется очарование колорита и характера, ибо первый момент идет в несливающихся регистрах (и не дополняющих контрастом — слишком разобщенных), а второй уже не имеет той сумрачного, зловещего спокойствия, в-третьих, новая редакция не находится в плане общего диапазона баллады — своей высотой слишком выскакивает, в-четвертых и главных, — так скучновато.

Вы меня ошеломили сообщением об Российском] издательстве. Найти нечто среднее между Чайков[ским] и Рахманиновым] вообще довольно

неблагодарная задача, поставить туда мою Cis'ку², значит, не иметь понятия ни о Чайковск[ом], ни о Рахманинове], если она все же действительно там, неужели в 8 месяцев об этом нельзя было догадаться; какой должен быть дурень этот Струве, хотя я начинаю подозревать, не Оссовский ли это, просто выслуживающийся немного перед Каратыгиным, хотя, впрочем, это сомнительно. Во всяком случае ясно, что в «совете» никто ничего не значит, кроме Струве, и он, собственно, за всех ворочает делами. Черт знает что такое. Но — пощадите балладу!

Ваш Н. Мясковский

102. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 апреля 1914 г., Петербург

Миленкий Колюнчикек, после Вашего ухода я от многих (Медем, теоретики) слышал не порицания, а похвалы новому ходу в балладе. Звучность, преломившаяся в Ваших ушах в плохую, была найдена преинтересной. Но «скучноватость» меня уязвила, и я тут же в зале содрал наклейку, возвратив нисходящему эпизоду первоначальный вид. В таковом виде баллада завтра уезжает в Москву. Я полагаю, что помещение россиянами Вашей циски между Ч[айковским] и Р[ахманиновым] следует понимать не в прямом смысле (иначе это вышло бы слишком нелепо), а в смысле гиперболическом. Это сравнение подчеркивает (забудьте о датах сочинения) значительную консервативность симфонии по сравнению с новыми романсами¹. Употреблены же фамилии Ч[айковского] и Р[ахманинова], а не какие-нибудь иные, по причине некоторого родства Вашей симфонии со вторым автором по сумрачному настроению и с первым по ритмике (V симфония). Что ка-

<стр. 114>

сается до всемогущего Струве, то для выяснения его личности я приму меры (через Мещерских, у которых и я, и его брат бывают за своего человека. Брат служит на заводе и ничего в музыке не понимает). Сегодня последовательный Шуренок Зилоти вернул мне концерт², интересуясь тем временем, когда я, «наконец, найду себя». Неужели я так прыгаю во 2-м концерте от одной крайности к другой, что не найти моей физиономии? Или же у него самого прыгает в глазах от чрезмерного обжорства пустозвучными французскими пряностями? В настоящее время концерт у меня выветривается для следования к Нашим друзьям на Кузнецкий мост.

Обнимаю Вас, Колечка, и желаю всего хорошего.

Ваш С. Прокфв
10.IV.1914

103. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

11 апреля 1914 г., Петербург

Дорогой Сереженька, во-первых, — примите мои gratulacii ко дню

рождения, во-вторых, с приговором Медемов-теоретиков не согласен, так как беря момент в отдельности, он, быть может, и интересен по звучности (но и только), но не лежит в диапазоне баллады и несомненно длинен, а сам по себе, взятый без связи с балладой он, конечно, весьма мил, в-третьих, — Зилоти несомненный и абсолютный дурак и глухарь, в-четвертых, (повод письма) — у меня завтра (то есть и субботу) будет Асланов и хочет послушать все, что я ему предложу, не зайдете ли? Он будет между 6—7; смущает, что это Ваше обеденное время, если не сможете, потелефоньте сегодня или завтра утром, я попробую вытащить Асафьева.

Всего хорошего.

Ваш *Н. Мясковский*.

Мне хочется задеть Зилоти¹, можно?

104. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

6/19 июня 1914 г., Христиания

1914

Миленький Нямочка, я проехал Стокгольм, Готский канал, Трольхетенский водопад и прибыл в Христианию. Григова родина и его компатриоты мне очень нравятся. Завтра пересекаю хребет и плыву в Англию¹. Сутки не будем видеть земли.

Обнимаю Вас.

S.

<стр. 115>

105. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

19 июня 1914 г., Петербург

Сережа, сидя в Лондоне нечего ждать писем из России, тем более от одуревшего от службы, жары и беспрестанного строчения партитуры¹ чиновника. Человек находится в центре всяческих сенсаций и не желает даже поделиться хоть крохами своих впечатлений! Извольте мне дать отчет о «Соловье», «Петушке»² и ином интересном. Много ли раз успели облапошить Капабланку?³ С Вашего отъезда я решительно ничего не сделал благопристойного — мой ежедневный кошмар — партитура. Дошло до того, что вижу и слышу ее во сне, цапаюсь из-за нее со всякими музикусами (вчера, например, почему-то с Винклером, С коим я во сне чуть не подрался за то, что он без разрешения залез в партитуру и что-то там высмеял! Вот чушь!). Не удастся даже уехать на дачу раньше 25-го, и, естественно, придется принимать у себя maestro Юрасовского. Вы знаете, что он играет в Москве 10 июля?⁴ Он уверен, что все исполняемые авторы будут, сиречь я, Вы, Шеншин, вот-то заблуждается! Разве Вы ему обещали? Я, по крайности, категорически отказался.

Можете себе представить, какая канашка этот Захарий — после нашего

совместного свидания бесследно исчез, так что я не могу вручить ему, с обворожительной любезностью присланный мне Грегуаром Юргенсоном, оттиск посвященной чучеле сонаты⁵.

Как последнюю (для сего письма) новость сообщу Вам, что ко мне сюда приезжал Сараджини; мы беседовали усердно о «Маддалене» и решили, что, если она не будет готова хоть к ноябрю — это будет с Вашей стороны жестокое свинство. Ах, еще — Глиэр директор Киевской консерватории⁶ и полон планов, весьма имеющих касательство ко всяческим молодым русским композиторам. На днях приезжает сюда. Если до моего исчезновения на дачу, то постараюсь понять его планы.

Так как Вы, наверно, утратили мой дачный адрес, если просто не забыли его записать, то вот он: ст. Вайвара, Балтийск[ой] железной дороги, местечко Перьяс, дача Корбе.

Всего хорошего. Жду хорошего отчета.

Ваш *Н. Мясковский*

1914. 19/VI СПб.

Довольно бессодержательно, но я вчера слушал балладу Глазунова⁷ и заразился. Содержательного жду от Вас.

Н. М.

<стр. 116>

106. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12/25 июня 1914 г., Лондон

Лондон. 25. июнь. 1914

Миленький Нямуся, Вы меня изъязвляете понапрасну, — я не писал, потому что до 9-го ехал, первую неделю ничего не успел повидать и ни с кем познакомиться, и только в течение второй кое-что накопилось, что и изливаю Вам.

Новость будущего дягилевского сезона: два балета: «Свадьба» Стравинского¹ и мой балет². Дягилева, очевидно, натаскали современники. Когда теперь меня с ним познакомил Нувель, то он прямо завел речь о балете. Я пробовал перевести на оперу и на «Игрока»³, но из этого ничего не вышло. В «Маддалене» не понравился сюжет. Итак: до августа включительно я занимаюсь симфоньеттой⁴, а мне делают русский балетный сюжет. В конце ноября я должен представить клавир (приблизительный), а в марте партитуру. Но Нижинский, который будет ставить балет, может уехать на рождество в Америку, — тогда он не успеет поставить и разучить с артистами. Поэтому есть вариант отложить новый балет до сезона 1916, а в 1915 поставить балет из сюиты моих фортепианных пьес, которые я за зиму сынструментую. Наконец, вариант третий, специфически дягилевский, — поставить мой 2-й концерт, который его приводит в восторг. Но подобрать к нему сцену мудрено. В крайнем случае, я готов и на третий вариант, ибо он

мне делает отличную пианистическую карьеру. На днях сюда приедет Нижинский, и мы втроем будем вырешать дело. Благодаря этим переговорам, я имею вход на все спектакли, которые идут с огромным успехом и на которые иначе трудно достать место.

«Петушок»⁵. Иногда бывает полная иллюзия (слово и жест), но стоит посмотреть на певца (в красных кафтанах по бокам сцены), как иллюзия надолго пропадает и никак одно с другим не свяжешь. Балет введен на каждом шагу (мамки во время сна Додона, свита Шемаханской царицы во время ее арии, много в III акте). Может, это и неплохо, потому что, если Додон будет просто лежать, а царица просто стоять, то выйдет скучнее. Костюмы нарядны, но шествие поставлено позорно бедно. Что до музыки, то вся сцена обольщения до крайности скучна, холодна и неизобретательна; Карсавина все время пляшет, выделяет чудеса, но не может восторгнуть засыпающего слушателя. Очень хорошо воет хор в конце. Вообще же впечатление на четверку с минусом.

«Мидас» (один акт)⁶. Инструментовка интересная, музыка честная, сюжет солидный, Карсавина в роли нимфы очаровательна. Если «Мидас» сгорит или потеряется, или просто перестанет даваться, то никто этого не заметит. Он создан, чтобы оценить «Жар-птицу» и «Петрушку»⁷. Как ослепительны их краски в оркестре, какая изобретательность во всех заковырках и гримасах, как искренна эта изобретательность

<стр. 117>

и как живо все это выходит! Я ни на минуту не поддавался обаянию самой музыки. Какая там музыка! — одна труха. Но это так интересно, что я непременно пойду опять. Не удался Стравинскому конец «Жар-птицы»: грубо, не торжественно и даже не очень звучит. Пляс поганых поставлен забавно: пока одни носятся, другие сидят на корточках и выделяют какие-то неприличные движения.

О «Нарциссе», «Соловье» и «Иосифе»⁸ в следующем письме. Хотя последние два я слышал из-за кулис, но урывками. Музыка «Иосифа», кроме всего прочего, написана, очевидно, наспех и до смешного бессодержательна. Автор дирижирует самолично. Это высокий, красивый, седой господин. Мясин — тихий, молчаливый юноша, случайно попавший в эту сутолоку.

Я каждое утро занимаюсь: пишу заново Ньетту, но не кончил еще первой части. Благодаря рекомендации Черепнина, получил отличное помещение для занятий у Брейт[копфа] и Гертеля. Все сочинения Ваши и мои имеются в этом магазине полностью. Я в большой дружбе с его директором Клингом.

Спасибо Вам за заботы о «Маддалене»; о да, она в Ваших руках, от них зависит дать ей жизнь. Ах Вы бедный, замученный родитель, ну, поздравляю Вас, если кончили симфонию. Она у меня отлично осталась в памяти, и я о ней высокого мнения. Это не комплимент. Отличная вещь.

Ну вот, Нямошка, пока прощайте и пишите.

Если захотите делиться моими сведениями с Держановским, то опубликовать что-либо о моих переговорах с Дягилевым в о с п р е щ а е т с я .

Ваш С. Пркфв

Очень рад, что вышла Ваша вторая соната.

107. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

До 6 августа 1914 г., Кисловодск

Н. Я. Мясковскому
СПб.

Миленький Колечка, писал Вам из Лондона заказным, из Остенде простым, из Петербурга звонил по телефону, но все с одинаковым результатом или вернее — без него.

Где Вы? Я даже волнуюсь. Сражаетесь или пишете 4-ю симфонию? Я жду от Вас вестей в Кисловодске на пострестанте *.

Ваш Серж

* poste restante (франц.) — до востребования.

<стр. 118>

108. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 августа 1914 г., Петербург

Обворожительный Сережа, по возвращении Вашем в Питер, не ищите меня здесь, я, увы, вне досягаемости — в городе Боровичи Новгородской губернии, во 2-й ополченской саперной полуроте, где состою в чине поручика. Вашего письма из Остенде я не получил, а все ждал продолжения из Лондона о «Соловье» и прочем. Купил себе «Соловья» и «Мидаса», и 2-ю сонату Рахманинова¹, нашел все это скучным, нудным, до непристойности придуманным. Лучше всего все-таки «Соловей», но и убог же он по изобретению! Ежели надумаете мне черкнуть слово, направляйте его уже в Боровичи, ибо я туда выезжаю в четверг 7-го. Всех благ.

Ваш Н. Мясковский
6 авг. 1914. СПб.

109. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

13 августа 1914 г., Кисловодск

Кисловодск. 13 авг. 1914

Дорогой мой поручик, Вы не можете себе представить, до каких степеней я обрадовался, получив Вашу постантку. Я уж было взволновался о Вашей участи и стал запрашивать всех подряд — куда Вы девались: Вашу сестру, Борюсю и прочих. Надолго ли Вы застрянете в Боровичах и пошлют ли Вас с Вашими ополченцами на запад? У нас тут бегал по Кисловодску обезумевший от страха Белоуска, которого забрали в солдаты. Но дело, по-

видимому, окончится к общему удовольствию, и его защита родины ограничится игрою на виолончели в пятигорском военном оркестре.

Из Остенде я Вам писал ерунду, а из Лондона действительно собирался отписать второе большое письмо, но запоздал и решил объясниться лично. Так как сие откладывается, то сообщаю, что помню, вкратце. «Иосиф», как балет, нескладен, а порою нелеп; как музыка — необычайно импровизационен, при полном отсутствии счастливых находок и при большом количестве всем надоевших приемов и эффектов. (Примечание: сие мнение составлено до объявления войны). «Нарцис» на сцене очень мил. Искренность и поэтичность привлекают настолько, что почти заставляют простить многочисленные грехи (за исключением грубой вакханалии). «Соловья» я слышал один раз и этого, конечно, мало¹. По-моему, все же много нарочитых царапаний, никому не нужных и обесценивающих те моменты, когда царапанья действительно нужны. Второй недостаток (по сравнению, например, с «Петруш-

<стр. 119>

кой») — бледность юмора и меньшая живость. Кстати будь сказано, заграничные музыканты много левей наших, и среди них немало, которые приемлют Стравинского и весьма подробно разбираются в нем. Дягилев со мною простился словами, что он обязательно желает мой балет² в будущем сезоне. Во время проезда моего через Петербург меня познакомили с Городецким, который, по-видимому, довольно живо заинтересовался идеей написать балет и обещал сделать либретто в ближайшие две недели. Я не знаю, будут ли дягилевские сезоны в будущем году, вообще, останется ли что-нибудь от Европы, но война войной, а если Городевич пришлет мне хорошее либретто (общие принципы которого мы уже совместно обдумали), то я балет напишу, и весьма заковыристый. Пока же пообсасываю Ньетту, а кое-что, например, в *Intermezzo* делаю и вовсе заново, с изменением материала на 67%.

Буду страшно рад получить, а еще лучше — получать от Вас вести. В Кисловодске пробуду, во всяком случае, до начала сентября. Я продолжаю расхваливать Вашу III симфонию. Кроме Вас должен похвалить Захаркина, который, хотя и продолжает осьмой год играть один и тот же концерт Рахманинова³, но приобрел некоторую мягкость, а что еще важнее — естественность.

Обнимаю Вас, милый воин.

Пишите же.

Серж

110. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 августа 1914 г., Боровичи

17 августа 1914 г. Боровичи

Миленький мой Сержинька, решительно не могу вспомнить, откуда я Вам последний раз писал — из Петербурга, Боровичей? — не помню. Ваше письмо привело меня в состояние блаженства, ибо с тех пор, как я в

Боровичах, я не знаю ничего, кроме солдат, занятий, команд, бумаг, отчетов и тому подобной ерунды. Хотя, собственно, ничего не делаю, ибо преимущественно «торчу» и стараюсь понять, как нам надо формировать наше войско — в этом отношении царит полная неразбериха. неизвестно ни что нужно, ни сколько дадут денег, ни на что их дадут, одним словом, чепуха, которая тем не менее отнимает почти весь день целиком. Можете Вы, к примеру, вообразить себе меня встающим в 6½ часов утра?! Однако, мне это приходится проделывать ежедневно, не исключая праздников; с 7½ — 8 часов я должен быть уже на месте и руководить обучением, вести какие-то списки и т. п.; от 12 или позже до 2-х я обедаю, а затем опять предаюсь прежнему не менее как до 6—7 часов, часто до 8—9. Так весь день и ухлопывается неизвестно на что, причем еле остается времени прочесть газету, написать письмо и

<стр. 120>

тому подобные развлечения. О музыке я уже и не помышляю. Послал свою 3-ю симфонию, «Аластора» в Москву¹ и уже забыл об них.

Перед самым отъездом чуточку пригладил симфошку, так что в ней теперь, кажется, нет ни одного места, в техническом отношении, которое вызывало бы во мне угрызения совести; стоило мне это 6 страниц партитуры вовсе выброшенных, но зато я теперь спокоен, если есть за что ругать, то только за музыку, то есть за мои личные свойства, но не за технические промахи.

Читали — умер Лядов? Интересно, какое оставил музыкальное наследство, готова ли «Лейла» — хоть². Что же теперь осталось в консерватории? — все цветистое умерло, недостает только Ауэра. Имеете Вы какие-нибудь сведения о «Музыке», выходит она или заглохла³. В конце лета я послал туда толстую пачку рецензий (между прочим, Вы ужасно метко и точно характеризуете, напишите впечатления о «Соловье» и «Иосифе» в «Музыку») чуть не обо всей музыкальной литературе последних дней — попало и Вашему Des'ному концерту и асафьевской «Лилии»⁴. Когда будете в Питере, пришлите мне программы новых Зилотьевских и Кусевичских концертов — интересно, как у них там обернется.

Не знаю, сколько времени просидим мы в Боровичах, но, несомненно, не всегда; должны уйти на 33-й день мобилизации, то есть числа 28 августа. Куда — неизвестно. Боровичи — огромная деревня. Я живу у старушки и плачу решительно за все: чай, обед (весьма фантастический), комнату — 30 рублей в месяц! Ну-ка, устройтесь за такую сумму в Питере.

Сообщайте мне о Ваших делах и о всем, что делается в музыке.

Адрес: или прежний, или такой — угол Сиверской и Некрасовской, дом Рогожиной (пахнет «Идиотом»), Н. Я. М[ясковскому]. Всего лучшего.

Ваш Н. Мясковский

111. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 августа 1914 г., Кисловодск

Н. Я. Мясковскому,
29 авг. 1914
в Боровичи

Кисловодск,

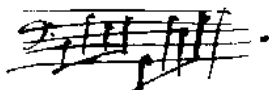
Милый Нямуся, сегодня я получил целую кипу «Музыки» с мая по август. А то я считал ее покойницей. До Ваших рецензий еще не доехал, ибо честно читаю все подряд.

Очень сочувствую Вашим мытарствам, тем более, что Вы ни к черту не годный воин, но вижу плюс в том, что, во-первых, разогнуть спину на свежем воздухе далеко не бесполезно для Вашего здоровья, а во-вторых, такое насильственное воздержание разъярит Вас к работе

<стр. 121>

и Вы, немного отвыкнув сочинять и в то же время наголодавшись, непременно напишете что-нибудь совершенно свежее. Я кончил три части Ньешки¹, с удовольствием упорядочиваю шкерцо и недоумеваю, что делать с финалом, ибо он жидок, растрепан и напрашивается на часто применяемую фразу: «автор выдохся к последней части». Придется при сочинить какую-нибудь тему, а остальное развинтить и собрать заново. Городевич² балета не шлет: либо сотворяет «чего-нибудь особенного», либо вместо пера обнажил меч и ушел, как собирался, на поле брани Я пробуду здесь до 8 сентября и жду от Вас письма. Если к тому времени не поспеете, то пишите в Петроград.

В конце июля один Юргенсон прислал мне корректуру баллады, другой — 40 страниц партитуры концерта³. Погибла ли остальная часть концерта в почтовой сутолоке или еще режется — не знаю. Белоуска⁴ обрил голову и в солдатской рубаше играет первую виолончель в садовой раковине. Мы иногда ходим смотреть, как он в какой-нибудь польке быстро щиплет басовый голос, и покатываемся со смеху, когда ему с потом на челе приходится раз 40 повторять такт

Я познакомился с многочисленной сафоновской семьей. «Сам» слушал мои сонаты, похвалив вторую и потребовав экземпляр для более подробного ознакомления. Музыкальные новости до Кислых доходят туго.

Обнимаю Вас, голубеночек.

Пишите.

Serge

112. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 сентября 1914 г., Петроград

Миленький Колечка, с тех пор как я 29 августа послал Вам письмо из Кисловодска, никаких известий от Вас не воспоследовало. Откликнитесь и порадуйте. Я несколько дней как в Петрограде. Из музыкальной области пока ни с чем не соприкасался, если не считать Черепнина, Николаева да Борюси, баллотирующегося в консерваторские учителя. Делаю корректуру 12-го опуса¹, жду, когда мне Шредер пришлет рояль, и собираюсь приниматься за V часть симфоньеты. Обнимаю Вас и жду письма.

Ваш *Сережа*

Петроград, 1-я рота, 4.

15 сентября 1914

<стр. 122>

113. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 сентября 1914 г., Петроград

Милый Колечка, я Вам дважды писал в Боровичи, но молчание было ответом. Пользуюсь теперь новым адресом, сообщенным Юрасовичем. Сей муж едет санитаром на войну и по сему поводу околачивается в Петрограде. Он сообщил о предстоящем московском исполнении Вашей [симфонии] № 3, что привело меня в восторг и — будут у меня деньги — я поеду ее слушать. А мой Зилошка отменил свои концерты по поводу раненых, ввозимых в Дв[орянское] собрание¹. Я сочиняю романс на «Гадкого утенка» Андерсена², да бесплодно ишу по Петрограду Городецкого для создания балета. Обнимаю Вас и жду письма.

Ваш *Сережа*
22/IX

1-я рота, 4
1914

114. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

27 сентября 1914 г., Капитолово

Дорогой Сережа, еле письма Ваши до меня добрались — сегодня получил обе Ваши открытки с 1-й роты. Каких-либо других не получал. Объясняю тем, что после Боровнчей мы ёрзнули в Красное село, а оттуда уже попали в новое место. Новое же место это так расположено, что поблизости нет ни одного почтового отделения, нет ни телеграфа, ни телефона. В настоящую минуту мы проводим позиционный телефон, так что, быть может, удастся соединиться и с городом. Находимся мы всего лишь от Питера в 20 верстах, но сидя даже от шоссе в 3 верстах, имеем вид отрезанных от мира. Газет не получаем, письма доходят с оказией, одним словом, сидя под самым Питером, чувствуешь себя точно в самом захудалом медвежьем углу. В общем,

если бы только не отсутствие связи с внешним миром, я чувствую себя недурно. О музыке, конечно, и не помышляю, мне даже странна мысль, что у меня есть какие-то симфонии, одна из которых будто бы собирается исполниться и т. п. С 7 часов утра с небольшим перерывом на обед до 6 часов вечера я торчу на наших живописных позициях; что-то строю, чем-то руковожу, делаю вид, что все это весьма знаменательно, одним словом, разыгрываю из себя «руководителя работ по укреплению позиций на участке таком-то». Участок мой имеет протяжение около 3—4 верст, работает на нем сотни три народу. Расположен он на холмах; в ногах довольно миловидная долина речки Охты; по холмам этим я шмыгаю верхом на собственном сером коньке, пугаю тетеревов, зайцев, куропаток, с озера вспугиваю диких уток, гусей; в общем

<стр. 123>

наслаждаюсь природой, хотя занят — ничего не делаю, и нахожу, что если бы не отсутствие некоторых удобств, можно было бы вполне наслаждаться жизнью. Так как бывают дни, что я несколько более свободен, то я рассчитываю как-нибудь побывать в Питере, тогда я к Вам позвоню по телефону. Между прочим, о симфонии № 3. Исполнение ее в Москве — слух или же твердо установленный (хотя бы в проекте) факт? Было об этом объявление, или же это лишь досужие разговоры? Черкните мне по сему поводу, и вообще, пару строк, придерживаясь такого адреса: в Действующую] армию, Штаб инспектора I инженерной части Петрогр[адского] военного округа, 2-я ополченск[ая] сап[ерная] пол[урота], мне.

Всего хорошего. Кланяйтесь Борюсе.

Вышла моя 2-я соната?

Ваш *Н. Мясковский*

27 сентября 1914

д. Капитолово

115. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 октября 1914 г., Петроград

1 октября 1914

Милый Колюся, мы с Борюсей намерены навестить Капитоловку и обдумываем способы: на велосипеде? верхом! в таратайке? Верней последнее. Затем: прямо ли из Петрограда или от станции Левашово, от которого, судя по моей карте, верст 10 пути по проселочным дорогам. Принимаете ли Вы и от какого часу до какого? Про 3-ю симфонию Юрасович сказал мне в такой форме: «А в РМО Купер-то дирижирует 3-ю симфонию Мясковского!» Теперь Юрасович сгинул, и я не знаю, как узнать, — Держихвостов¹, вообще, меня знать не хочет и даже своего листка не присылает. Третьего дня Борюся сунулся в лавку за Вашей II сонатой, но его отшили, ее-де еще нет.

Обнимаю Вас. Лыщу себя радостью вскоре Вас увидеть.

Сережа

116. С. С. ПРОКОФЬЕВ - Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 октября 1914 г., Петроград

10 окт. 1914

Милый Колечка, я был страшно обрадован, прочтя на заборе об исполнении Кусевицким «Аластора» 12 ноября в Малом театре¹. Ведь это совсем скоро. 3-я симфония в Москве официально объявлена в

<стр. 124>

третьем концерте². Ваша популярность не имеет границ! Получили ли Вы мое предыдущее письмо? Согласно оному мы с Захарычем собираемся быть в Капитоловке; напишите, можно ли Вас увидеть и в котором часу. Меня петроградское ИРМО пригласило играть 1-й концерт 24 января³. Я до сих пор не могу понять, что их дернуло обратиться ко мне. Я принимаюсь за балет⁴: IX век, идола, быки на небе и пр.

Будьте здоровы, дусеночек.

Ваш С. Прокфв

117. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 октября 1914 г., Капитолово

Золотой Сережа, письмо Ваше от I октября получил вчера, то есть 11-го. Судите сами, в какой я, следовательно, живу глуши. Обещание (собственно, намерение) посетить меня с Боречкой весьма меня порадовало, но решительно не знаю, как Вам посоветовать его осуществить. Дело в том, что с 7 до 11 я околачиваюсь на портимых нами холмах верстах в 2-3-4 от деревни, то же и с 2 до 5. Вечером ехать от нас плохо, здесь остановиться еще хуже. (Вы себе вообразить не сумеете обстановки в нашей жизни!—это нечто в высокой степени мало привлекательное). Лучше всего было бы выбрать праздник, но по воскресеньям мы работаем, следовательно, надо ждать двенадцатого. Обдумайте все окончательно и сообщите так: здесь, Лесной, Старо-Парголовск[ий] проспект, д. 35, его высокопревосходительству Якову Констант[иновичу] Мясковскому — мне. Ехать лучше из Питера, но от Лесного 17 верст (15 по шоссе, 2 по прямой дороге от Каменного ручья); лучше всего в таратайке, на извозчике и т. п. Через Левашово дальше, от него до нас 12 верст или 15.

Появлению 3-й симфонии в московском ИРМО я обязан Держановскому; благодаря ему же Кусевицкий хочет сыграть там и у нас в Питере «Аластора». Выйдет ли что — не знаю. «Музыка» не выходит, естественно, что ее Вам не высылают. Если Борюся хочет иметь мою 2-ю сонату, пусть пока возьмет в нижнем ящике бюро корректурный оттиск — он сделан для него.

Всех благ.

Ваш Н. Мясковский

12/X 1914

Впрочем, приезжайте, когда хотите, как-нибудь устроимся. На автомобиле 1½ часа езды; дорога удовлетворительная. Я буду только рад; норовите часам к 11½ !

<стр. 125>

118. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

16 октября 1914 г., Петроград

16 октября 1914

Дуся Мякуся, мы с Захаропуповым решили заложить жен и детей, сложиться пополам, нанять автомобиль и 22-го в 11½ часов дня приехать смотреть на Вас. Надеюсь, что нам удастся выполнить сие.

Я в настоящее время с остервенением работаю над балетом, пообещав Дягилеву приготовить клавир всех пяти картин через 5 недель.

Обнимаю Вас. До скорого.

(«Руку!» — как пишет нижний чин Юрасович).

Ваш С. Пркфв

119. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 октября 1914 г., Капитолово

Милейший Сергушок, я опять в Капитолове. Ежели будете осведомлять о своих делах и умопомрачающих успехах, адресуйте опять и Лесной. При малейших признаках санного пути загребайте в охапку Бориса-блестящего и жарьте сюда. Как бы это узнать, будет Суковицкий репетировать в Питере мое детище или нет?¹ Ведь, в сущности, имеет прямой смысл попасть на репетицию. Всех благ. Боречке при нот и прочее.

Ваш Н. Мясковский
24/X 1914

120. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

30 октября 1914 г., Петроград

30 октября 1914

Дорогой Колюня, Кусевицка сделал платную генеральную накануне 1-го концерта¹, так как на концерт все билеты проданы. По-видимому, то же произойдет и 11 ноября². Относительно же черновых репетиций постараюсь узнать и уведомить Вас. Захаров приглашен и феврале играть Вашу 2-ю сонату на одном из концертов фирмы Вейсберг, Р[имский]-Корс[аков], Сувчинский и

К^{о3}. Я вожусь с балетом и обществе лентяя Городецкого и балетмейстера Романова, которому вручены бразды постановки. Вчера слушал парафразу для 2-х форте-

<стр. 126>

пиано Глазунова на дружественные гимны⁴, — увесисто и тускло, может, вследствие весьма отвратительного исполнения Лембы и Кимонт. Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

121. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 ноября 1914 г., Петроград

Дорогой Сережа, не ищите меня больше ни в Капитолове, ни в каких либо иных местах — в воскресенье 2-го уходим к Перемышлю. Мой адрес будет: «Действующая армия, 26 саперный батальон, поручику Н. Я. М[ясковскому]». Относительно номера сперва справьтесь у нас дома, так как точно я его еще не знаю. Будете на «Аласторе» — сообщите свое впечатление; можете и выругать, но немного, ибо как-никак, а «Касторка» посвящена Вам.

Кланяйтесь Борюсе, сообщите ему о моем уходе и пожелайте благ и успехов. Всего доброго. Все-таки за Вами «Маддалена»!

1 ноября 1914 г.
Мясковский
Питер.

Ваш Н.

122. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 ноября 1914 г., Петроград

20 ноября 1914

Милый ангелочек, слушал «Аластора» дважды. Главный его недостаток — недостаточная компактность, причем в горизонтальном отношении это выражается некоторыми длиннотами, а в вертикальном — обилием мест недостаточно наполненных музыкой. Достоинства: очень хорошая музыка и отличная инструментовка, доходящая местами до замечательного блеска. Со стороны исполнения вредно повлияли: акустика театра, сведшая *ff* до степени *mf* (оркестр на сцене хотя с потолком, но с горизонтальным, а не наклонным, как у раковины), и экзaggerированно * медленные темпы г. Кусевицки.

Итак: контрабасы начали очень *p* и таинственно, духовые ответили интересно. Взрыв главной партии крайне скромн, я бы так не сделал, по это, конечно, Ваше дело. Затем, с легким оттенком скуки я начал ждать, что все это повторится. Фугато в басах сначала приковывает внимание, но вскоре все эти неясные басовые хрипения утомляют и

* преувеличенно — производное от exagérer (франц.).

<стр. 127>

вызывают чувство недоумения. Нехорошо. Побочные партии все хороши. Ход на дециму скользит прелестно. Я не знаю, почему 1-я побочная звучит несколько прозаично — не потому ли, что она построена на одних трезвучиях? Зато, что восхитительно, это 3-я побочная (гобой на тремоло), очень хватаяще. Далее, трезвучие тромбонов с пиццикатирующими басами, запрятанными Кусевицкой куда-то чуть ни за кулисы, таинственны до необычайности. Дальше все хорошо. Буря — кульминационный пункт пьесы, звучит ошеломляюще. В репризе 1-я побочная звучит лучше и тоньше, чем в экспозиции. Конец скуки в нем мало чистой музыки, а для импрессионизма не стоит так широко размазывать. Терция челесты и флейт звучит менее поэтично, чем хочется. Педаль на верхнем тремоло очень хороша. Резюме: длинно, но очень хорошо.

Я, кажется, поеду слушать Вашу 3-ю симфонию. Обнимаю Вас и радуюсь, что Вы во Львове и, стало быть, относительно спокойны. У меня новостей никаких. Пишите.

Ваш Серж

Если Вы вынесете из этого письма впечатление, что я ругаю пьесу, то очень ошибетесь; я ругаю некоторые подробности, а сама пьеса мне чрезвычайно по душе.

123. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 ноября 1914 г., Петроград

«Аластор» превосходен. Звучность изумительна. Мы наслаждались. Поздравляем, обнимаем.

Борюся, Сергуся

124. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

27 ноября 1914 г., Сокольники

Милый Сережа, если Вы думаете, что я вынес впечатление⁴, что Вам «Аластор» не понравился, то Вы жестоко ошибаетесь. Из Вашей реяции я вынес даже больше, чем Вы имели выразить. Самое существенное — растянутость и надоедливость многого мною весьма само уверенно и нахально объясняется лишь несоответственностью темпов. Назойливая возня в фугато должна пропасть, ибо прецедент (фугато в «Заратустре») тоже бывает надоедлив... при неудачном исполнении. Главная тема Вам улыбается с тромпетами, я же, верно, прибавлю

<стр. 128>

только... виолончели. 1-я побочная, увы, просто прозаична сама по себе, а я не

сумел ее сдобрить оркестровкой. В общем же, Вы своим более похвальным отзывом меня и удивили и обрадовали — Вы ведь несносная привередница, так что и т. д.; тем более, что Каратыгин меня весьма незамаскированно и скучно выругал¹ — небеса простят ему маленькую передержку о моем головокружительном эволюционировании от пьесы к пьесе — ведь он после «Молчания» ничего не слышал! Но я кое-что хочу от Вас знать обстоятельно: как звучал рожок во 2-й побочной (e-moll), звучали ли сложные гармонии в разработке после 3-й побочной — там групповая оркестровка (без наслоений), как выходит стремительное начало большой разработки (на рваных аккордах), очень ли резкие секстаккорды на $\frac{1}{2}$ тона в конце Бури, есть ли экзотика в гаммах на e-moll'ном секстаккорде там же, выходит ли переход к журчанию. Вот сколько мне надо! Ну, о музыке довольно. Впрочем,— как Ваш балет?

Я сейчас не во Львове, а около него верстах в пяти к югу. Село ищется Сокольники, польское, очень живописное, без конца здесь молятся, в костеле орган, прихожане воют — своеобразно, пожалуй, недурно. Я здесь один, копаюсь в глине, промачиваю ноги в тающем снеге, ковыляю по вечерам, при лунном свете, верхом по соседям, дышу превосходным воздухом, днем греюсь на солнце, ибо здесь весьма постоянно чистое небо. Львов город прелестный, холмистый, с красивыми, то старыми, то новыми постройками, говорят, похож на Варшаву и Киев вместе, немножко только маленький и тесноватый. Каково население, не поймешь — евреи и поляки. Зато в деревнях такая ярочь нарядов, такие миловидные мордашки, что приятно смотреть.

Что, «Музыка» выходит?² Пишите мне хотя бы во Львов, *poste restante* или по адресу Любовь Павловны Августовской — дома, верно, знают. Здесь я пробуду, верно, недели 3, если наши бесполезные работы кому-нибудь не надоедят раньше.

Всего хорошего. Кланяйтесь Борюсе и если кого увидите из моих приятелей.

Ваш *Н. Мясковский*

27/XI 1914, с. Сокольники

125. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 ноября 1914 г., Петроград

Н. Я. Мясковскому,
ноября 1914
в Львов

29

Милый Нямуся, «Аластор» продолжает быть темой для пересудов, споров и газетных статей. Даже «Русская музыкашка» встрепенулась¹. А Игорь Глебов так восторгнулся концом «Аластора»², что меня со-

<стр. 129>

весть взяла, как это я моими грубыми руками музыканта-ремесленника опачкал «трепетности» и «озаренности» бесконечного финального тремола. Но

как-никак, я Вами доволен. Вы, вообще, становитесь популярностью: Ваша демолька, например, украшает пюпитры красных и белых роялей светских салонов (и, что удивительней всего, очень нравится); Мариинский театр слушается Вас и ставит цикл Корсаковских опер³ и т. д.

Очень жаль, что Вы мне ничегошеньки не пишете, хотя кой-что я все же про Вас знаю через любезное содействие четы Яковлевых. Сегодня я на вечере «Современника» разыгрываю мою 2-ю сонату и мелкотунчики⁴. Балет помалости ползет. Вчера приходили его слушать Нурок и Нувель, по-видимому, ничего не поняли, поговорили о декорациях и о стремительности и, похвалив дешеровское скерцо⁵, ушли.

В Петрограде упорно трещат про призыв второразрядного ополчения. Называют даже 8 декабря. Так что где-нибудь при взятии Дрездена мы с Вами встретимся.

Обнимаю Вас, моя прелесть. Пишите.

Ваш С. Пркфв

126. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 декабря 1914 г., Петроград

Н. Я. Мясковскому, в Львов

12 дек.

1914

Миленький Нямуся, я несколько сконфужен, что давно не отвечаю Вам, но Вы мне задали такие вопросы о подробностях «Аластора», что я не решаюсь на них давать ответы, ибо ответы ценны, когда вполне точны, а между тем у меня многое слилось в памяти, а некоторые опрашиваемые места я даже не ясно представляю. Так что на сей раз извините.

Музыкальная жизнь идет скромной рысцой. Оживленно проходят вечера «Современника». Я там подвизался и имел успех как пианист (!!). Черепнин сочиняет балет¹. В консерватории дали «Русалку»². Аккомпанировавший мне весною концерт — Дранишников становится дирижерской знаменитостью. Я почувствовал оркестровые краски и, не дописав балета, принялся за инструментровку, наслаждаясь всякими комбинациями.

Обнимаю.

С. П.

<стр. 130>

127. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 декабря 1914 г., Петроград

25 декабря 1914

Миленький Нямуся, сегодня вернувшийся из Галиции Андреев рассказывал о встрече с Вами во Львовском театре и порадовал меня Вашим

бойким видом. Поздравляю Вас с праздниками, желаю Вам и впредь быть таким же. Я занимаюсь учением II концерта для 24 января¹, лениво инструментую балет и медленно ползу вперед. Вообще, петроградская музыкальная жизнь замерла и не знаешь, чего Вам сообщить из этой области. Дягилев, интересуясь моим балетом, просит, чтобы я приехал в Италию. Благо расходы на его счет, я, может быть, в конце января отправлюсь, если путь через Бухарест — Салоники будет открыт. В солдаты нашего брата пока брать не желают. Обнимаю Вас, дружок. Буду рад получить писульку.

Ваш С. П.

128. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

После 25 декабря 1914 г., Петроград

Миленький НЯМочка, собравшись вместе с Борюсей для рассмотрения «Азбуки» и «Рыбки» Черепнина¹, вспоминаем нашего воинственною друга и нежно его приветствуем.

*Борюся
Сергуся*

129. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 января 1915 г., Действующая армия

15/I 1915

Милый Сергуша, получил Вашу совместную с Борюсей открытку уже далеко не во Львове, а до некоторой степени на кое-каких передовых позициях. Обстановка несколько более пикантная, но, откровенно говоря, несколько не менее скучная, — ей-ей, я стар для военных предприятий. Единственное, что несколько развлекает — это чрезвычайно красивые здесь места, необходимость ходить по почти неведомым тропам в густом, покрытом глубокой снежной пеленой еловом лесу на крутосклонных горах; изредка возбуждает ружейная перестрелка (ей-ей, самого тянет пострелять!) да получение известий из родных краев. А то пусто, скучно и в то же время нет почти свободной минуты. Не-

<стр. 131>

приятно действует и артиллерийский огонь: я сегодня случайно попал в окоп, находившийся под непрерывным и настойчивым орудийным обстрелом — ощущение поганое, какая-то муть в душе и сознание полной беспомощности — чуешь приближающийся снаряд и решительно не знаешь, куда податься. Я пробыл там минут 15—20, около и высоко над головой разорвалось штук 5 шрапнелей, невдалеке какой-то тяжелый снаряд, которым убило лошадь, а очень близко — шагах в 10 сзади наповал убило солдата-пехотинца. Из саперов своих потерял за вчера двоих — одного убило, другого ранило, — что очень много, так как они рассеяны по 2—3 человека на роту, то есть 200—250 человек. Ну, одним словом, я не очень в восторге, но бегаю без конца — завтра,

если не будет идти снег, постараюсь обозначить на плане расположение укреплений австрийцев, для чего придется посидеть с биноклем на самых передовых постах нашей охраны.

Всего хорошего, прелесть моя ясная. Очень устал и дико .хочу спать. Кланяйтесь и благодарите Борюсю за воспоминание. Позвоните к нашим и скажите, что я жив и здоров, но не во Львове, мне, видимо, сегодня им написать не удастся, так что письмо к Вам дойдет раньше. Всех благ.

Ваш *Н. Мясковский*

130. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 января 1915 г., Петроград

Петроград. 25 января 1915

Миленький Нямуся, страшно рад был получить Ваше письмо и картинное описание Вашего жития. От всей души сочувствую Вам во всех невзгодах — внимая им, даже стыдно писать Вам о наших мирных делишках. Вчера я в ИРМО играл 2-й концерт, который имел большой успех, хотя иные все же не воздержались и пошикали. Малько продирижировал прилично, а я добросовестно выучил мою партию, и если кто расстраивался музыкой, то утешался пианистом. Среди неожиданных приверженцев концерта оказались: Ауэр, Арцибушев, Фительберг, Зилоти. Последний еще не забыл мизантропического пинка¹ и довольно беззастенчиво доказывал, что теперешняя его похвала логически вытекает из предыдущего хаянья. Милый Глазунов вслух ругался довольно неприличными словами. Неделю назад на «Современнике» Л. Г. Жеребцова очень недурно спела «Утенка»², который вызвал разнообразные мнения. Вечера «Современника»³ проходят все бойчее и оживленнее: зал полон и много музыкантов. В следующий вечер Ваша соната, которую тут многие весьма ждут.

Я на днях уезжаю в Палермо, куда меня выписывает Дягилев (за его счет). Это любопытно как поездка и необходимо для балета, хотя

<стр. 132>

бы в смысле обеспечения его постановки в первую голову. Еду с каким-то консулом, что облегчит всякие дорожные формальности. К концу марта рассчитываю быть дома.

Обнимаю Вас, дусенька, будьте здоровы и поскорее раскокайте презренных потомков Шуберта.

Ваш *Сережа*

Получили ли нашу вкусную коллективную посылку? ⁴

131. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1/14 марта 1915 г., Неаполь

1/14 марта 1915

Дорогой Колечка, я, право, мало надеюсь, что мои письма отсюда доскачат до Вас. Неделю тому назад я в римском Августеуме успешно сыграл мой II концерт¹. Теперь нахожусь в Неаполе и с Дягилевым перекрамсываю мой балет. Отсюда отправляюсь в Швейцарию к Стравинскому², который приглашает меня к себе, а затем надеюсь вернуться в Россию. Обнимаю Вас, ангелок. Напишите мне в Петроград.

132. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 марта/3 апреля 1915 г., Милан

1915

Миленький Колечка, примите мои нежности по поводу праздников, каковые я встречаю в Милане в обществе Стравинского, Дягилева и прочих. На днях собираюсь в Петроград, где жду Ваших писем. Со Стр[авинским] я очень подружился и на взаимных сочинительских симпатиях, и так. Его новые «Прибаутки» с оркестром превосходны. Он и Дягилев очень заинтересованы Вами и желают познакомиться с Вашими сочинениями, вообще же Петроград ругают на чем стоит свет. Обнимаю Вас.

С. П.

133. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

7 апреля 1915 г., Действующая армия

Милый Сережа, вообразите — обе Ваши открытки получил — и греческую, и итальянскую. Весьма обрадован Вашими блестящими успехами — только... неужели Вы протаранили итальянцев Вашим 2-м концертом? Интересно, как это Вы кромсали свое новое детище да еще

<стр. 133>

под указку Дягилева. Что поделявает Стравинский, что он еще куролесит нового? Я Вас не благодарил за посылку, так как Вас в то время не было дома, но я был весьма даже тронут и обрадован. Теперь я занимаюсь чинкой дорог и мостов — приходится много метаться верхом. Живем омерзительно в грязных избах с печами без труб — курных. Гадко. Всех благ.

Ваш Н. Мясковский
7/IV 1915 г

Поздравляю с днем рождения!

134. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 апреля 1915 г., Петроград

Миленький Колюнечка, вчера я вернулся из Италии восояси вполне благополучно и даже не без удобств, совершив десятидневным путем через Бриндизи — Салоники — Ниш — и Софию. Сегодня репетировал с Варлихом

мой II концерт, который играю 13-го в обществе сочинений Петрова-Бояринова, Гартмана, но также и Стравинского (Фант[астическое] скерцо и «Фавн») ¹. Варлих говорит о Ваших II симфонии и о «Молчании» ² с глазами горящими безумным огнем восторга. С Дягилевым я подписал контракт на новый балет ³ (старый отложили пока в сторону) из русской жизни и очень веселый. Я должен сделать клавир к августу и партитуру к марту, а первое представление и мае 1916 в Париже (если Вы к тому времени победите врагов). Летом я снова, по-видимому, уеду в Италию, причем обещал Дягилеву, который крайне заинтересован Вами, привезти что-нибудь Ваше. Напишите что: может, кроме печатного доверите мне рукопись? Самое передовое течение, которое исповедуют и Стравинский с Дягилевым, теперь такое: долой патетизм, долой пафос, долой интернационализм. Из меня делают самого что ни на есть русского композитора.

Обнимаю Вас, миленький.

Очень хочется устроить, чтобы Вы были не так далеко.

Ваш Серж

Петроград. 10 апреля 1915

135. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 апреля 1915 г., Петроград

29 апр. 1915

Миленький Нямушеночек, мы о Вас тут часто вспоминаем и очень сочувствуем Вашим мытарствам. Вашу d-moll'ную сонату я в будущем сезоне играю на концерте «Современника». Возможно, что целый кон-

<стр. 134>

церт будет посвящен Вашим сочинениям, но это еще не решено ¹. Я занимаюсь, но меньше, чем следовало бы. Кончил переделывать симфоньетту; от старого осталось мало, но вышло, по моему скромному мнению, блестяще. Теперь гнию над корректурой партий концерта, увы, все еще первого. С наслаждением играю X сонату Скрябина. У нас тут говорят, что его рукописи забрал приводить в порядок Рахманинов ². Но знаю, верно ли, но хорошо бы, если так. Все-таки — композитор, остальные же все мразь. Ваши романсы пели ученицы Ирецкой на выпускном экзамене. Рояли (2) в этом году получили Рая Лившиц и ученица Ляпуна ³ — Шандаровская. Довольно справедливо. Обнимаю.

Штембер от экзаменовки воздержался.

С. П.

Привет по поводу наступающего дня ангела.

136. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11/24 мая 1915 г., Териоки

11.V. 1915

Миленький Нямуся, приехали в Терьоки, гульнули, игранули на рояле, вспомянули Вас и жальнули, что Вы не с нами. Доколачивайте немцев и приезжайте к нам.

Сергуся. Борюся

137. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 мая 1915 г., Липино

Милейший Сереженька, извините, что я Вас угощал до сих пор единичными открытками (да и то редкими), а теперь пытаюсь хотя написать письмо, но вперед ручаюсь, что толку из этого большого не произойдет — очень уж я за все это время измотался и физически и психически. По газетам Вы, конечно, ничего себе представить не могли, но с 23 апреля по 10 мая мы находились в состоянии неудержимого, лихорадочного бегства под напором немчуры. Было это нечто кошмарное: пушки, аэропланы, пулеметы, разрывные пули, бессонные ночи и ходьба, ходьба, ходьба! 1 мая мы несколько задержались под Ярославом и с тех нор топчемся в 15 верстах от него. Время это было чрезвычайно тяжелое, бои шли невероятно упорные с огромными потерями (особенно у нас) и каждый кончался какой-нибудь случайностью, выбывавшей неблагоприятный исход. Сейчас мы уже дня 4 сидим на одной и той же позиции и держимся лишь чудом каким-то, так как

<стр. 135>

войска тают как весенний снег: в один день от полка в три с лишним тысячи человек остается человек — 600—700! Невероятные потери от немецкого артиллерийского огня — эти бестии тяжелыми снарядами буквально молотят наши окопы и когда затем идут в атаку, их никто уж более не в состоянии встретить. Что царит в армии вообще — какая путаница, верхоглядство, неосведомленность, неспособность считаться с силами войск (под Ярославом войска около пяти суток не спали и были случаи, что сдавались от полного бессилия — изнеможенные), неумение вести операции — кошмар! Как удалось нам (нашему батальону) до известной степени уцелеть — богу известно. Сейчас мы живем полуспокойно, но вот уже слышны громыхания тяжелых немецких пушек — видимо, опять завязывается серьезное предприятие — не пришлось бы удирать дальше! Свежих войск, подкреплений, нигде не видно. Если взглянете на карту, найдете наше пристанище недалеко от города Лобачева, местечко Олешнице. Я с ротой работаю на позиции и потому нахожусь еще верстах в 5—6 к западу. Ну, довольно.

Насчет Дягилева скажу так: так как мне свойственны и пафос, и патетизм, и все прочее, что теперь не в моде, то показывать ему мои сочинения незачем. То, что Вы увлеклись балетоманией, мне хотя вовсе не нравится, но все же не удручает, так как Вы достаточно плодовиты, чтобы кроме прикладной музыки писать еще и другую — каковая будет мне в большое утешение. Имею сведения, что 2-й концерт свой в Придворном оркестре Вы играли, таща на своих плечах Варлиховский оркестр¹. Какая досада, что мне

никак не удастся услышать этот концерт в соответствующем виде! Милый мой, я полагаю, что недели через четыре, если ничего не случится, я буду гостить в Питере и его окрестностях. Неужели я Вас не увижу?! Если увидите Асланова, передайте ему мой привет и сообщите о приезде, быть может, он приурочит к тому времени исполнение 3-й симфонии, которую я ему давно обещал дать и насчет которой дал распоряжение Бор[ису] Влад[имировичу] Асафьеву (Моховая, 10, кв. 8).

Ну, всех благ. Привет Борюсе, Марье Григорьевне обязательно

Ваш *Н. Мясковский*
17/V 1915 г., д. Липино

138. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 мая 1915 г., Петроград

Петроград. 29 мая 1915

Дорогой Колечка, Асланов с радостью изъявил желание играть Вашу III симфонию в ближайшем после Вашего приезда концерте ¹. Когда прибудете, известите его. Партитуру Вам придется вытребовать из Выборга, куда ее увез на лето г. Итолиз, чтобы изучить. «Сказку»

<стр. 136>

собирается играть в Сестрорецке Малько, но наверное ли и когда, не знаю. Третьего дня я с ним играл II концерт, также были «Сны»². В «Снах» кое-что ввали, да не было шести валторн и двух арф, но звучало ничего; я ведь вторую редакцию слышу в первый раз. Концерт же стал такой заигранной вещью, что мы с дирижером играли, не глядя друг на друга: рояль стоял так, что мы были один к другому спиной.

Большое Вам спасибо за длинное письмо. Читая его, я пережил все написанное. Над моим новым балетом, пожалуйста, не ехидничайте: он начинает преинтересно выходить. Вторичный заграничный вояж пока откладываю вследствие целой совокупности причин. Июнь, по-видимому, пробуду в городе и его соседствах. Буду дико рад обнять Вас. Сонаты Ваши прочно украшают мой попир. Я, пожалуй, выучу и вторую.

Я начал понемногу знакомить народ с моим последним опусом — «Сарказмами»³ (всех 5, наиболее удались два последних). Народ хватается за голову; одни — чтобы заткнуть уши, другие — чтобы выразить восторг, третьи — чтобы пожалеть бедного автора, когда-то много обещавшего.

Обнимаю Вас нежно. Приезжайте.

Serge

Мама Вам шлет свой душевный привет.

139. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 июня 1915 г., Петроград

Петроград. 15 июня 1915

Дорогой Колюша, Вы — автор двух превосходных сонат, из которых первую я почти умею, а вторую восхищаюсь да ругаю тупого Борюсю, который ее не выучил и, по-видимому, весьма недопонял. Она, положительно, превосходна, хотя немилосердно трудна, благодаря * хроматически-контрапунктического построения.

Я нахожусь еще в столице и останусь в пределах ее и ее окрестностей до середины [и]юля, ибо 7 июля¹ и еще какого-то около этого играю в Павловске оба концерта (я, видите ли, в моде и должен играть и с одним дирижером и с другим), «Сны» и «Осеннее». Играть в Павловске симфоньетту запретил Зилоти². «Осеннее» я недавно переделал наново и нахожусь в периоде теплой нежности к нему. Асланов справляется о Вас и будет играть III симфонию, как только Вы приедете в Петроград. Слыхали ли Вы о Российском] муз[ыкальном]

* Слово «благодаря» зачеркнуто Н. Я. Мясковским и поверх него надписано «вследствие».

<стр. 137>

издательстве? Оно не уныло, печатается у русских граверов, переделало способ приема рукописей и, отменив присылку в жюри, само приглашает композиторов³. Ваше имя было поставлено на обсуждение, по пока не решено, так как одни нашли, что Вы пишете много хороших, но также и много плохих вещей, а другие возразили, что так поступает всякий порядочный композитор.

Обнимаю Вас, Коленька, и жажду увидеть.

Ваш С. Пркфв

Как искренно жаль славного Сергея Ивановича!⁴

140. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

28 июня 1915 г., Действующая армия

Драгоценный Сережа, в оценке моих сонат Вы радикально разошлись с жюри Российского] муз[ыкального] издательства], которое несомненно сочло их одними из моих «многих плохих сочинении». Эти бестии также отвергли и мои последние романсы¹, которые я, со свойственной многим авторам скромностью, считаю лучшим своим сочинением, даже в ряду оркестровых. Видите, как у меня много шансов быть среди «избранных»? Но я не унываю. Если уцелею в сей довольно-таки дикой войне, то буду гордо отворачиваться от всяких денежных тузов и хвастливо позвякивать в собственном кармане. Вы себе представить не можете, сколько здесь почему-то остается неиспользованных денег. Хотя я получаю в месяц не многим больше 200

рублей плюс гражданское жалование (всего около 300), но у меня дома уже есть более 1½ тысяч. Судите сами — что мне Юргенсон или Кусевицкий! Из этого, конечно, не следует, что я буду отказываться от предложений — надо же оказать честь! Одним из таковых актов будет, видимо, и мое благосклонное разрешение на исполнение господином Итолиз'ом моей Амалии². Муж сей боится только не удовлетворить меня своим дирижерством и не знает, что предпринять. Я хочу, чтобы мои душеприказчики (Бор[ис] Влад[имирович] Асафьев и Держ[ановский]) настаивали на приглашении Сараджева. Кажется, они уже и делают «шаги». Теперь ведь трудно угнаться за событиями — пока об них узнаешь, уже две недели как текут другие. Мои дела, в общем, складываются отчаянно Во-первых, я окончательно команду ротой. Во-вторых, отпуск мои перенесся на более отдаленный срок — не ранее августа, так что я не услышу ни Ваших концертов, ни «Снов», ни «Осеннего» (а это моя мечта), ни увижу Вас самого. В-третьих, мой «Ревел» — тью-тью. Командир, на обращенный к нему запрос о препятствиях, ответил, что не согласен, так как у него нет офицеров. Я бы согласился и на насильственный перевод, так как превыше всего ставлю свою близость к му-

<стр. 138>

зыке, а не военным предприятиям, но для этого надо иметь «силы воздействия», каковые по летнему сезону, конечно, отсутствуют. Вот-с. Да, с Аслановым теперь, конечно, не выйдет, так как Зилоти едва ли согласится на такое упреждение событий. Придется, в случае моего приезда, послушать Амашку в Москве.

Если Вы человек наблюдательный (в военном смысле), то несомненно чувствуете, что я уже в России. Весьма опасаясь за летнее (или зимнее?) пристанище нашего знаменитого Igor Strawinsky, так как события происходят и у этих мест³. Как поживает Ваше новое «преинтересное» балетное чадо?⁴ Где будут печататься «Сарказмы»?⁵ — Неужели же Вы тоже будете не из избранных?! В конце концов, кто же останется избранником? Метнер, Катуар, Гедике; Кат[уар], Мет[нер], Гед[ике]; Гед[ике], Мет[нер], Кат[уар] и т. д.? Удивительное Издательство. Всех приятностей. Привет коварно-ленивому Борюсе.

Марье Григорьевне мой почтительный поклон.

Ваш постоянно и вечно

Н. Мясковский

28/VI 1915 г.

141. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

19 июля 1915 г., Петроград

Сережа, быть может, Вы рано встаете — тогда забежите ко мне около 9 часов. Или около 1 часа дня. Впрочем, я рассчитываю быть дома и после 6 часов вечера. Пробуду я в Питере понедельник и вторник, затем уеду на дачу и вернусь числа 26—27. Но жажду Вас видеть сейчас. Прочел, что во вторник Вы играете в Павловске 2-ю сонату¹, быть может, приеду послушать, но не

хотел бы встречаться с Асланиди, так как симфонии нет в руках.

До скорейшего свидания.

Ваш *Н. Мясковский*

142. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

4 ноября 1915 г., Действующая армия

Золотой Сережа, Вы меня забыли! Симфоньетты, скифские сюиты, достоевщина¹, все это, видимо, совсем затуманило Вашу память. Но мне от этого не легче. В Ревеле меня еще нет и буду я там не ранее будущей недели, но крайне буду заинтересован получить сведения об исполнении Вами симфоньетты². Из газет я видел лишь «Нов[ое]

<стр. 139>

вр[емя]» и «День». В «Дне» ничего не нашел, а в «Н[овом] вр[емени]» ерунду. И вообще, что Вы поделяваете? Как обстоит дело с ополчением 2-го разряда? Проезжая через Питер, я постараюсь черкнуть Вам свой ревельский адрес, а пока приветствую!

Ваш *Н. Мясковский*

4/XI 1915 г.

143. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

27 декабря 1915 г., Действующая армия

27/XII 1915

Сережа, пишу по самому странному поводу — умиление от 1-й симфонии! Эта е-молька Ваша прелестное, очаровательное дитя и имела бы все права на мятежное (эстрадное) существование, но... к сожалению, непозволительно инструментована: в самых бедовых местах не только не может, но и не должно ничего выходить. Ах, если бы Вы знали, как я от сего рыдаю. Хуже всего — Вам нельзя дать ее в руки для переделки — испортите фокусами — надо только переоркестровать. Ах, как хотелось бы быть 16-го!¹

С Новым наступающим годом. Марье Григорьевне — почтительный привет.

Ваш *Н. Мясковский*

144. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 декабря 1915 г., Петроград

31 декабря 1915

Дорогой Нямуля, спасибо за нежные кровоизлияния по адресу моей е-молл'ной престарелости. Она — ничего себе и отдать ее в мои руки можно,

фокусничать не буду, но подумайте, сыне, что на душе моей лежит сынструментовать две оперы и один балет¹. Я и без симфонии повергнут в тихий ужас. Кроме того, важное обстоятельство: для нее нет свободного опуса.

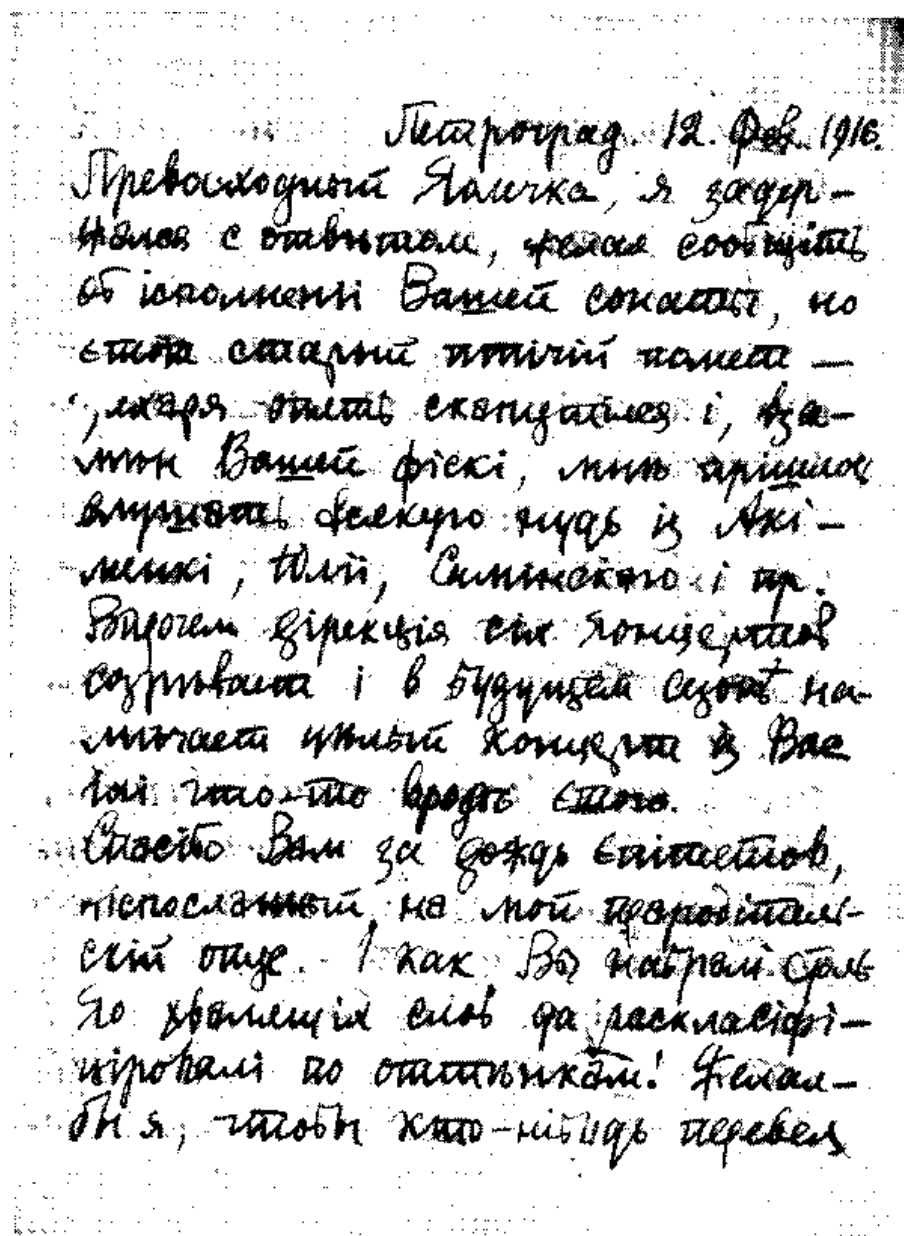
Я все фэты * гнию над корректушками аховых «Аловых» партий², а чуть ли не с 7-го приступим к репетициям. Зизи Лотти делает широкий жест и собирается раскошелиться на 9 репетиций.

Примите мои новогодние ласкания. Пишите, а лучше будьте умником и приезжайте 16-го.

Serge

* la fête (франц.) — праздник.

<стр. 140>

Ленинград. 12. Фев. 1916.
Превосходный Яашка, я задерживаю с отбыванием, фелая сообщит об исполнении Вашей сонасты, но стала старини птвиги камее — , жара отиты сконцатиез і, фазити Вашей фіскі, мнѣ аришное влуривае фекуро чурз из Аки-миски, твиги, Симмискою і пр. Впрогем дирекція етх концертаов соуртвала і в будучеи сурот на-мталеи чтиый Концерт из Вае-тай ттоттотт вродѣ еттого. Спасибо Вам за дождь вайтаетов, непослаивий на мой превройдитан-сий отце. І как Во нагрэй сурѣ го хваненция етѣ да расклавіфі-гировали во отаттвникѣм! Фелая-он я, ттоттотт кто-нѣтѣр перебен

Страница письма С. С. Прокофьева
от 12 февраля 1916 года

<стр. 141>

145. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

9 января 1916 г., Ревель

Дорогой Сережа, надежда, что 16-го я буду в Питере¹, весьма прочна, а посему во что бы то ни стало раздобудьте мне место на концерт. На репетиции быть не могу, так как выеду крайне лишь 15-го. Так-то-с!

Всех благ!

Ваш *Н. Мясковский*

9/1 1916 г.

146. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

31 января 1916 г., Сак

31/1 1916 г., м. Сак

Ну-с, миленький Сережа, страсти, разбушевавшиеся по милости Вашей прекрасной «Алы», все еще, кажется, не улеглись? Черкните, что и как. Сколько мне удалось еще в концерте поговорить, наиболее свежие люди очень удовлетворены. Что касается меня, то я жалею лишь об одном, — что не мог быть на репетициях, тогда, быть может, все Ваши пленительно-ошеломляющие картины ярче бы запечатлелись у меня в мозгу. Теперь же я, вспоминая отдельные поразительные моменты, часто не отдаю себе отчета, в какой из пьес они фигурили. Но общее впечатление у меня огромное: ярко и цепко по мыслям, выпукло, сильно по выражению, порой крайне утонченно, гармонически грязнеощутимо и крайне свежо, захватывающе-лаконично, поэтично, образно, наконец, просто, на мой взгляд, красиво и чудесно-своеобразно оркестровано. Одним словом — роскошно, значительно и с а м о д о в л е ю щ е - ц е н н о . Не знаю, но, кажется, одно из лучших Ваших сочинений.

Ну-с, всех благ. Приветствую сердечно.

Ваш *Н. Мясковский*

Черкните строчку.

147. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 февраля 1916 г., Петроград

Петроград. 12 фев. 1916

Превосходный Колечка, я задержался с ответом, желая сообщить об исполнении Вашей сонаты, но этот старый птичий помет — Захария опять скапутился и, взамен Вашей фиски, мне пришлось слушать всякую нудь из Акименки, Юлии, Саминского и пр. Впрочем, дирекция

<стр. 142>

сих концертов созревает и в будущем сезоне намечает целый концерт из Вас ¹ или что-то вроде этого.

Спасибо Вам за дождь эпитетов, ниспосланный на мой прародительский опус. И как Вы набрали столько хвалящих слов да расклассифицировали по оттенкам! Желал бы я, чтобы кто-нибудь перевел Вашу открытку на французский язык: ничего ведь не выйдет. Но кинув шутки в сторону, я крайне польщен Вашей похвалой.

В прессе было три обстоятельных статьи: Каратыгина, Андрея Корсакова и Коломийцова²; последний хвалил, но в промежутках злоехидничал. Теперь все улеглось, а Зизи Лотти собирается устраивать мне камерный вечер³. Пока ничего еще не сдвинулось, ибо предположенные исполнители (Попова, Алчевский и Пресс) болтаются вне Петрограда; кроме того, Малый зал расхвачан чуть ли не до мая. Я же смиренно сижу над «Игроком» и строчу III акт. Дягилевич прислал мне депешу на тему о получении им рукописи балета и с вопросом, в какой стадии партитура. А она ни в какой не в стадии. Кроме того, высылают из Чикаго деньги за балет, — это по крайней мере умно. Зизи снял на будущий сезон 10 мариинских суббот, из них 8 будут абонементными, а что с остальными двумя — не знаю, спрошу. Если какие-нибудь юбилейные или поминальные концерты, то хуже; если же общедоступные, то лучше, ибо на них предположены Ваша труязем * и моя «Ала»⁴.

Колюня, я Вас нежно обнимаю. Черкните — обрадуете.

Ваш *Серж*

148. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 марта 1916 г., Петроград

Петроград. 9 марта 1916

Колюся, что это никто про Вас ничего не слышит? Асланчиков хотел на лето иметь Вашу III симфонию¹, писал Вам, но не получил ответа. Я тоже, после Вашей милой открытки об «Але», послал Вам толстое письмо², но не с лучшим, чем Асланий, результатом. У меня сегодня скрючило поясницу (причина: гимнастика или сквозняк) — сижу и пишу письма. Вообще же, кончаю III акт «Игрока» и параллельно устраиваю судьбу этого джентльмена, и то и другое успешно. Зизи перенес мой камерный вечер на осень³. Слушал я в авторском исполнении новую сонату Метнера⁴: хорошо, но очень не ново и крайне метнероподобно.

Что Вы, ангелок, поделяваете? Задушены ли службой или удосужились что-нибудь писнуть?

Обнимаю Вас.

Serge

Ответьте Асланчикову, непосредственно или через меня.

* troisième (франц.) — третья.

<стр. 143>

149. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 марта 1916 г., Ревель

17/III 1916

Милейший Сергуша, Ваше письмо меня крайне удивило. Дело и том, что я уже более 2-3 недель, если не целый месяц, тому назад писал и Вам и Асланиди. Вам — с просьбой справиться у Зизи по телефону, будет он играть Амашку или нет, а Асланиди с уведомлением, что если Зилоти и т. д. и т. п., то, конечно, я со всем удовольствием, и что уже отдаю расписывать партии. В случае если же Зилоти согласен, то я ему предлагал «Касторку» и симфоньетту¹. Из предприятий моих ничего не вышло, так как здесь переписчиков совершенно нет, в Питер я попасть не могу и, кроме того, ни от кого я не имел ответа. Теперь выяснилось, что ни Вы, ни Асл[анов] писем моих не получили, но положение не облегчилось, так как переписчиков здесь все-таки нет. Амалию я очень желал бы слышать, но теперь не знаю, как сделать. Быть может, Асл[анов] попросит из Моск[овского] Р[усского] Муз[ыкального] Общ[ества] партии, а я внесу поправки?

Скучаю здесь адски. Работы мало, забот — уйма. Всего лучшего. Писните как-нибудь. У меня тоже сюжет хорош², но надо много думать, а времени нет.

Ваш Н. Мясковский

150. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 марта 1916 г., Петроград

29 мар. 1916

Колюся, Зизи до сих пор не знает, сколько он получит залов и будут ли у него общедоступности. Если да, то он уже имеет согласие Купера дирижировать Вашу III. Против исполнений в Павловске ни чего не имеет. Асланов хочет играть Вашу III 17 мая на открытии симфонических концертов и, по-видимому, не отказался бы сыграть в тот же день Вашу симфоньетту (а посередине мой концерт). На получение партий из Москвы не надеется, а мое мнение: Вы помрете, внося в них поправки. Лучше всего пришлите немедленно партитуры III и Ньетты. Асланов обещает переписать дешево и сердито, за Ваш, конечно, кошт. Затем: тот же Асланчиков будет дирижировать концертом в Сокольниках, просит навести справку о материале Вашей II¹. Я получил на осень два приглашения в Москву: «Алу» к Кусевицкому и камерный вечер из меня — от «Муз[ыкального] современника»¹.

Обнимаю Вас.

Ваш С. Прокофьев

Мама приветствует Вас.

<стр. 144>

151. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 апреля 1916 г., Ревель

4/IV1916 г.

Спасибо, ангел, за извещение. Завтра высылаю партитуры на Ваше имя, так как адрес Асланиди забыл. Пусть отдаст переписывать. Жаль, что симфоньетту, а не «Касторку»! ¹ Хочу попытаться на несколько пасхальных дней побывать в Питере и с Вами видиться. 2-я симфония лежит дома или в придвошке. Но хорошая партитура у Соломона ². Поклон Марье Григорьевне. Всего лучшего. Пишу на открытке своего логова.

Ваш Н. Мясковский

152. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 апреля 1916 г., Петроград

7 апр. 1916

Колюся, клеенка с драгоценными рукописями получена, и рукописи вручены Лашке¹ для переписки. Исполнение III [симфонии] переложено на 3 июня (не по художественным соображениям, а по железнодорожным); Ньетта будет сыграна позднее. Еще позднее будет исполнена в Павловске и Москве II². Буду рад Вас видеть на пасхе, а если не приедете, то где фирхендиш* III симфонии? (Для демонстрации Лашке). Зизи получил вместо 13 суббот только 10, но это еще не исключает двух общедоступностей. Обнимаю Вас.

Серж.

153. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

8 сентября 1916 г., Петроград

Н. Я. Мясковскому,
1916
в Ревель.

8 сен.

Размиленький Нямочка, по поводу неурядиц внутри куперовского живота, Ваша амолуся отложена на канун моего камерного вечера, то есть на 26 ноября¹. Посему не разлетитесь случайно 24 сентября. Вообще же царапните мне, как живете, а про II симфонию я, за ее длинноты, буду иметь с Вами суровый разговор.

Пока обнимаю Вас. Я лично утопаю в партитуре III акта² и играю ногами

на взятой напрокат ножной клавиатуре.

Ваш С. Прокофьев

* четырехручное (от vierhändig — нем.) переложение для фортепиано.

<стр. 145>

154. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

25 сентября 1916 г., Петроград

Дорогой Сергунчик,

я безумно опечален, что не мог Вас лично отприветствовать по случаю дня Вашего ангела. Лелеял сию мысль, но судьба-злодейка оказалась против меня — мне сегодня так занездоровилось, что приходится безвыходно сидеть дома и в жалком состоянии полной прострации ожидать момента отправки на вокзал. Не сердитесь, ангел, на мою кажущуюся гнусность, а примите мои искреннейшие и жарчайшие поздравления и пожелания самых ошеломляющих успехов как в ближайшем, так и отдаленном будущем. Мой почтительнейший привет — Марии Григорьевне. Я не получил одного из Ваших писем — верен ли был адрес? — Крепостной Саперный батальон морской крепости имп. Петра Вел[икого], штабс-капитану Н. Мясковскому.

Жду от Вас небольшой реляции о моем любимом «Осеннем»¹. 27 ноября должен быть!

25/IX 1916

Ваш

Н.

Мясковский

155. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 октября 1916 г., Петроград

23 октября 1916

Нямуля, если я Вам столь долго не строчу, то это еще не значит, что я все время не стремлюсь этого сделать. Но вчера у Зилоти четыре русские «надежды» навели на меня такую серую тоску, что я спешу упасть Вам на плечо. Имена четырех злодеев: Щербачевич, Базилевич, Гнесевич и Вейсбергович. И, собственно, никто из них по-настоящему не плох. И звучит у крайних двух если не нарядно, то занятно. Урчание с-moll'ного аккорда, начинающего щербатую симфонию, обещало прелестное продолжение. Но, кроме нескольких искажений, скраденных у Вашей милости тем, ничего хорошего не воспоследовало. Все радостно отдыхали на Воскресной увертюре Корсаньки¹. Вот и играйте после этого молодых авторов!

Я винюсь, что не сделал Вам доклада про «Осеннее». Сыграно оно было почти недурно и звучало мило, грустненько так и задумчиво. Публика приняла со сдержанным одобрением, никто не шикал. Отдельные индивидуумы были в восторге (Коутс, Кусевицкий; оба также и от дирижирования, а Вы говорите!).

Другие разочарованы, что все так просто. Критики писали² о мелком дожде, опадающих листьях, цитировали стихи, но ни один не догадался, что тут мир внутренний, а не внешний, и что такое «Осеннее» может быть и весной, и летом.

Обнимаю Вас страстно. Напишите, как дела с 26-м и 27-м. Я Вас жду. 18-го концертирую Des-dur'ом в Киевке³.

Ваш С. Пркфв

<стр. 146>

156. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 ноября 1916 г., Ревель

Божественный Сережа, Ваше сообщение о грустненьком и задумчивом «Осеннем» подействовало на меня весьма тоскливо — всплыли сожаления о невозвратно минувшем, мимоскользавшем и т. д. Ничего-то я не слыхал из интересующего меня — ни Симфоньеты, ни «Осеннего»! Скучно и нудно. Ваш плач о «надеждах» меня чуть изумил. Ведь как раз о Щербачеве и особенно о Базилевском ходили слухи как о свежих дарованиях. В Щербачева я не очень-то верю, что-то он мне подозрителен. Но неужели и Базилевский нуден? Может быть, им надо бросить писать «модерн»? — Не в коня корм? Не может же быть, что так усердно выдвигаемые молодые люди настолько лишены дарования, что уже кажутся стариками с остывшей кровью и старыми мыслями. Жаль!

Не помню, где попало мне сообщение о первой «читке» «Игрока»¹. Идет уже разучивание, выходит что-нибудь из этого, скоро ли воплотится сей продукт Вашей музыки? Не черкнете ли пару строк по сему животрепещущему поводу — я ведь волнуюсь!

Мои дела сейчас до отвращения скучны. Через два дня в третий хожу на тоскливые ночные работы; мерзну, дрогну, не сплю и потом на восстановление бодрости теряю целый день. Не помышляю ни о чем, как только о конце концов. В промежутках верчу столы и вопрошаю «духов», каковые плетут мне невероятную чушь.

26 и 27 ноября я все-таки попаду в Питер, правдой или неправдой. Вы не знаете, когда будут репетиции и можно ли мне заехать на одну из них, кроме генеральной, которая меня меньше интересует? О выздоровлении Купера уже точно известно? Юргенсон сообщил, что мои «Зинки»², новые, уже награвированы, но не знает, куда выслать мне корректуры. Пока что не видел их. Вашей фамилии нет в перечне «Музыкального современника» — личные счета? Смешные люди.

Всех удовольствий и блаженствий, сердце мое!

Ваш Н. Мясковский.

3/XI 1916

157. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 февраля 1917 г.

1 февраля 1917 г.

Миленький Нямуленька, приветствую Вас по пути в Саратов, где произойдет мой клавирабенд¹, для какового я выучил все, что мог, начиная с 1-го опуса до последнего (но не собачки). «Игрок» уже репетировался с оркестром². Инструментовочка ничего себе, все удалось, особенно пассажи. Пойдет на пасхе. Обнимаю Вас.

Ваш С.

<стр. 147>

158. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 мая 1917 г., Петроград

4 мая 1917

Очень миленький Нямурочка, я более чем сверхъестественно виноват пред Вами за долгое молчание. Простите же великодушно и примите мои наинежнейшие чисто ангельские поздравления. Кончив 20 «Мимолетностей»¹ и набросав «концертный скрипич»², я ныне скис и, купив телескоп, смотрю на звезды. Очень этим занятием увлекаюсь. «Игрок» отложился до осени. Клавиры у меня осталось два³: и то один взял клавираусцугер*, другой очень жалко посылать Вам: неровен час пропадет. Целую в губки.

159. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 мая 1917 г., Чердынь

29 мая 1917

Миленький Нямочка, приветствую Вас из Чердыни¹, но так как Ваши географические познания слишком зачаточны, чтобы знать где это, то делаю Вам справку: это на притоке Камы, в 1300 верстах от устья. Здесь Кама дика, девственна и чрезвычайно красива синими красными гористыми берегами с темной сибирской хвоей. Я инструментую мой «концертный скрипич» и собираюсь кончить симфошку², прозванную Вами уличной. По Волге ехал в обществе Асланова, до противности в Вас влюбленного и все продолжающего торжествовать победу над Купером в III симфонии³. Черкните мне в Петроград, если не очень сердитесь, что редко пишу.

С.

160. С. С. ПРОКОФЬЕВ-Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 июля 1917 г., Харьков

24 июля 1917

Миленький Нямочка, меня довольно прилично освободили от всяких скучных обязанностей¹, и я отправился в Ессентуки². Примите мой сердечный дорожный привет и передайте еще раз мое восхищение той, которая первая во второй тетради. А за название, подобное «Суете»³, я Вас не уважаю.

С.

* выписывающий партии из клавиров — производное от der Klavierauszug (нем.).

<стр. 148>

161. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 октября 1917 г., Кисловодск

Кисловодск. 27 окт. 1917

Прелестный калафатик, Ваш наглющий восклицашка против Классической симфонии свидетельствует, как Вы далеки от истинных образцов родного классицизма. Но, к сожалению, Зизи отложился, и разубеждать Вас мне придется лишь 9 декабря, если, конечно, Вы с неизменной Вашей благосклонностью украсите концертный зал Вашей изящной фигуркой. Я думаю прожить в Кисловодске до 4 ноября. Зачем у меня клавишки: 9-го в Москве и 15-го и 19-го в Петрограде¹. Черкните по петроградскому адресу. Целую Вас.

СП.

162. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 мая 1918 г., Архара

20 мая 1918 н. с. Милый Нямочка, пишу Вам из А р х а р ы, замечательной тем, что она родит всех архаровцев (и куда только не занесет судьба по пути в эту Америку!). Завтра приезжаем в Хабаровск, а через 30 часов после того во Владивосток¹. Нежно обнимаю Вас и поздравляю с ангелом, желаю успеха в инструментовках и в сочинении оркестровых морсо *².

Ваш С. П.

163. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 января 1923 г., Этталь

Этталь, 4 января 1923

Дорогой Колечка Мясковский!

Нежно быю Вам в пояс за присылку шести «Причуд», которые мне пришлось и по душе и по вкусу. Кстати, ведь Вы когда-то хотели присвоить это название серии оркестровых морсо? Были ли эти оркестровые морсо, в конце концов, написаны? Или именно потому, что не бы-

les morceaux (франц.)—пьес.

<стр. 149>

ли, название перекочевало к фортепьяшкам? Еще вопрос: как разрешите перевести «Причуды»¹ на какой-нибудь иноземный язык? «Les Pritschouÿdhy»?

Из этой шестерки мне больше всего нравятся первая и четвертая (беготливая). Именно их я, вероятно, наиграю на машинку и буду играть в концертах, словом, сейчас зубрю, — а с беготливой зубрежки порядочно. Меньше нравятся (или, по совести, вовсе не нравятся): вторая, со слишком гвоздящей, чересчур прямолинейной темой под Василенку (Козел), и последняя, *c-moll*, слишком киндербальзамистая. Если бы эти две выбросить и на их место подсыпать пару других, то что бы Вы сказали о напечатании их в Берлине у Гутхейля? Гутхейльцы теперь открыли отделения в Париже, Брюсселе и Лондоне и имеют ходы в Испанию и Нью-Йорк, так что хорошо распространяют вещи. Условия у них со мною такие: при печатании ничего не платят, по покрытии же продажею гравировочных расходов дают 50% с последующей продажи. На экземпляре пишут: «*propriété de l'auteur et de l'editeur*»*.

Если хотите, то я поговорю об этом с Кусевицким, конечно, не от Вашего имени, а от своего. За успех не ручаюсь, но думаю, что он охотно напечатает².

Мой ор. 23³ приехал в Этталь. Прошу Вас передать кому следует мою благодарность за щедрую присылку авторских экземпляров. Издано превосходно. Ошибок не видно. Но в «Семерых»⁴ кое-какие выудил. «Аластор»⁵ уже у Вуда. Если в ближайшие месяцы он его не исполнит, то я сам увижусь с ним 10 марта в Лондоне за моим третьим концертом. Тогда поговорю и сообщу Вам о его намерениях.

Вообще же я ужасно рад вновь нащупать Вас, ибо очень Вас люблю. Я уже давно, но безрезультатно, искал Ваших следов.

В Монреале у Вас есть поклонник: профессор музыки Лалиберте, который заставляет своих учениц играть Ваши сонаты. В нью-йоркской «Musical America» от 25 февраля 1922 был отлично воспроизведен Ваш портрет в связи со статьей Игоря Глебова. В Токио в 1918 году я диктовал о Вас статью; диктовал по-французски, напечатана была по-японски. Кошиц пела Ваши романсы в Нью-Йорке. Пианист Серетти очень хочет играть Ваши сочинения в Буэнос-Айресе. Вот разные международные мелочи о Вас, которые пришли сейчас на память.

Напишите мне, миленький. Пока же крепко обнимаю Вас.

Любящий Вас С. Прокофьев

Ваш «Полный месяц»⁶ частенько поигрываю и таю над ним. Жаль, что романс без конца, ибо последнюю страницу я отрезал и сжег. Не сердитесь: от избытка чувства!

* собственность автора и издателя (франц.).

<стр. 150>

164. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 января 1923 г., Москва

15/I 1923 Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, я был чрезвычайно рад получить Ваше письмо. Сам писать собирался Вам уже давно, еще когда узнал от Держановских Ваш адрес и он показал мне кое-какие Ваши письма — в том числе и Вашу проборку моим романсовым бредням¹. Но как-то так выходило, что за возней с учениками и над инструментовкой очень для меня трудной 7-й симфонии² все не выкраивалось свободное время для спокойного письма. Сейчас я прервал работу, так как надо мной нависла гора в виде оркестровки 6-й симфонии³ — бесконечно длинной и ужасно напряженной. Все оттягиваю — ибо если начну — заруюсь месяца на четыре. Я радуюсь, хоть и удивлен, что Вам понравились мои фортепианные щеночки (не смею назвать собачками, думая о Ваших). Там я только две и ценю — a-moll'ную languend'ную* и es-moll'ную, такую же. Беготливая же — это так себе. В василенковской — я просто ошибся, я думал, что Вы в то время отметили и ее, мне же она вовсе не нравится, кроме середины; c-moll'ная тоже ерунда. Попробую Вам послать две другие — просто для замены и чтобы не выходить m счета. Насчет издания я бы, конечно, ничего не имел [против], но должен предварительно поговорить с Павлом Александровичем Ламмом, заведующим нашим Муз[ыкальным] издательством, который слишком много делает для всех здешних композиторов, особенно передовых, чтобы я мог не предложить «мелочь» сперва ему. Впрочем, Ваше мнение по этому поводу будет для меня иметь очень большое значение, так как, кроме Вашего несомненного практического опыта, я Вам доверяю вообще очень, в особенности после Ваших отзывов о моих детёнышах, которые доказали мне, что Вы по-прежнему здорово разбираетесь даже в мало Вам близкой музыке и очень цепко хватаете самую суть. Ваш отзыв о недостатках 3-й сонаты⁴ бьет в самую цель — это то же, что и я в ней не люблю, но от чего не мог избавиться, так как сочинял ее с трудом, урывками, между службой, колкой дров, тасканием пайков и тому подобной дребеденью. Романсы блоковские⁵ сочинялись тоже очень нудно — с специальной целью написать удобно для баритона с маленьким диапазоном, не очень гибким голосом и воспитанном на классиках (Шумане, Шуберте, Р[имском]-Корсакове и т. п.). Конец первого у меня просто не вышел, но возвращаться к нему я не собираюсь. Там более близки мне только позднейшие — № 2 («Холод вечеров») и № 6, который я ценю больше других,

ибо выразил в нем то, что хотел. Не знаю, послал Вам Держановский по-

* как бы изнемогающе-томную — от languendo (*итал.*).

<стр. 151>

следние мои изделия: 3 горошины на слова Тютчева⁶ (№ 2 и 3 — м моих любимых) и стряпню из моего старья «На грани» — 9 Зинок⁷. Если не послал — пошлю. Я очень удовлетворен, что в ор. 23 нет ошибок, и издание Вас удовлетворило, — я передал Ваше благодарствие Павлу Алекс[андровичу] Ламм[у], — и он очень рад, так как чрезвычайно ценит внимание к его стараниям — действительно невероятным. А я доволен, так как ввиду Вашего отсутствия корректура Ваших сочинений, естественно, легла на меня, а при моей теперешней утомляемости быть вполне уверенным в качестве своей работы я не всегда могу. Оказывается, я кое-чего там не знал — и бальмонтовского и веринского — очаровательные штуки. Очень жаль, что есть недоразумения в «Семерых», но я их корректировал в санатории и притом без Вашей рукописи⁸. Уже когда все корректуры были сделаны, мне удалось от Арт[ура] Сергеевича] Лурье получить на очень короткий срок Вашу рукопись для того, чтобы самому себе выяснить некоторые недоумения — но, к сожалению, это оказалось тоже бесполезным, так как в этих роковых местах у Вас оказались описки, которые мне при шлось на свой страх в печати исправить — я думаю, что, взглянув свою рукопись, она у Лурье, который теперь за границей, Вы легко найдете мои карандашные пометки и не обвините меня в современно музыкальном безграмотстве. Недоразумение вышло только с заглавием Вашей пьесы, так как в рукописи у Вас не было никаких указаний, а наша редакционная часть требовала конкретных и определенных номенклатур.

Теперь, к счастью, наступили такие условия, что можно получать ноты из-за границы — я очень обрадовался, получив Ваш скрипичный концерт⁹, который мне в целом очень понравился, несмотря на невероятную уснащенность техническими трудностями. Ваши 4 пьесы (Danza и гавот — волнуют очень многих), «Сказки старой бабушки»¹⁰ (там есть очаровательные штуки), Песни без слов¹¹ — все это действует на меня по-прежнему неотразимо. Не могу добиться, чтобы доехали до меня Ваши: «Шут», «Любовь» и Евр[ейская] увертюра¹². Отрывки из «Любви» я как-то даже приспособился играть и иногда производил впечатление, что у меня что-то выходит. Между прочим, куда девался Ваш 2-й концерт¹³, — где он, почему до сих пор не напечатан?

Здесь есть отличный пианист, который превосходно может играть Ваши сочинения — С. Фейнберг. Конечно, Вам бы кое-что в его исполнении не понравилось, он вносит элементы Вам несколько чуждые — подчеркнутую изысканность и нервичность, но его энтузиазм, темперамент, и превосходная техника делают свое, и исполнение выходит своеобразным, но убедительным. Мне нравится одно из его замечаний по поводу четвертой сонаты¹⁴ и еще кое-чего — он находит, что после Листа только Вы делаете новые открытия и завоевания в фортепианной технике и колорите, даже Скрябин, с его точки

зрения, не внес новизны в отношение к фортепиано.

<стр. 152>

Когда получите мои последние две пьески, выбросьте, что Вам не понравилось, из прежних и черкните пару строк.

«Причуды»? — только потому, что пьески глупые — никакого другого названия не приспособишь. По-немецки это «Grillen» — как иначе, не знаю. А оркестровые причуды еще не оставлены, хотя частично вошли в 7-ю симфонию.

Жму лапу.
Мясковский

Ваш Н.

165. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

6 февраля 1923 г., Этталь

Этталь, 6 февраля 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

Ужасно был рад Вашему письму, даже несмотря на его чуточку искусственный гжечно*-комплиментный тон, напомнивший мне письма Чайковского к Направнику. Но Ваше известие о том, что Вы готовы зарыться месяца на четыре в инструментовку Вашей шестой симфонии, свидетельствует, что Вы остались прежним Мясковским, и это вселяет в меня радость. Я завтра уезжаю в турне в самые разнообразные страны¹, — это, конечно, очень развлекательно, но все же мне завидно Вашему зарыванию, ибо такое зарывание в конце концов, вероятно, самая увлекательная вещь на свете.

Только что мне подали пакет с Вашими романсами и парой дополнительных щеночков. Пока успел просмотреть Тютчева (превосходно!), остальные же забираю с собою в дорогу. Что касается печатания собачек у Гутхейля, то Госиздат не может на Вас обижаться: Вы достаточно передавали ему мелких портативных вещей в лице романсов. Напечататься же за границей Вам потому важно, что госиздатские печатания пока сюда совсем не просачиваются, Гутхейль же имеет отделения и в Испании, и во Франции, и в Англии, и в Бельгии, и в Берлине. Весь вопрос, сможет ли он немедленно напечатать. Теперь у них тягучка, мои романсы², принятые в октябре, еще и резать не начинали, а потому, если они скажут, что раньше полгода или года нельзя, то я не смею настаивать; если же они сделают это скоро, то я Вам советовал бы согласиться на Гутхейля. Через три недели я увижу Кусевицкого и директора издательства Эберга и тогда напишу Вам все в точности.

Генри Вуд оценил «Аластора» и решил его играть³, возможно даже в весеннем сезоне, о чем и уведомил меня.

Партитура моего второго концерта погибла вместе с разграбленной обстановкой моей петербургской квартиры, ибо та сволочь, кото-

* grzecznie (польск.) — любезно.

<стр. 153>

рую Вы так куртуазно называете Артуром Сергеевичем, в свое время не

выдала Асафьеву соответствующих грамот для изъятия из квартиры на хранение моих рукописей. В результате вселенные в квартиру люди истопили концертом печь. Будущим летом думаю приступить к восстановлению концерта.

Передайте Держановскому, что брюссельский магазин, заказавший ему 5 экземпляров моей виолончельной баллады, заказывает еще по 5 экземпляров моих второй и третьей сонат и токкаты⁴. Сопрановые зинки, которые заказал я, должны быть те, в которых «Петухи»⁵.

Ну, целую Вас, дорогой, и прошу писать. Если я не вернусь еще из турне, то мне Ваше письмо перешлют.

Успеха в зарывании.

Любящий Вас *С. Прокофьев*

166. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 февраля 1923 г., Генуя

Генуя, 12 февраля 1923

Дорогой Колечка Мясковский, по дороге в Испанию обнимаю Вас, желаю успеха в инструментации Шестой. Привет семейству Держановскому¹. На днях писал Вам заказным. Целую.

С. П.

167. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 февраля 1923 г., Париж

Париж, 24 февраля 1923

Дорогой Коленька,

Российское] муз[ыкальное] издательство официально поручило мне передать Вам их предложение напечатать 6 «Причуд». Оно желает их в собственность за 500 французских франков (то есть à la Jurgenson, без процентов в будущем). Напечатать можно немедленно.

Если Вы согласны, то сообщите: 1) которые шесть; 2) как все-таки название («Причуды» — «Grillen»?); 3) куда Вам и как перевести деньги? Если хотите, то пришлите мне доверенность на подписание контракта: так дело будет скорее.

Гонорар не очень велик, но, если позволите, я буду Вам советовать согласиться, — дабы толкнуть Ваши сочинения по загранице.

Пишу Вам из Парижа, но для верности пересылаю через Этталь. Туда мне и ответьте.

Пока же крепко обнимаю Вас.

Любящий Вас *С. Прокофьев*

22 марта 1923 г., Москва

Москва

22/III 1923

Дорогой Сергей Сергеевич, я на днях только получил Ваше деловитое письмо. Искренно благодарю за содействие по напечатанию моих пьес в Европе. Издание «Причуд»¹ на сообщаемых Вами условиях меня вполне устраивает, так как хотя предлагаемый издательством гонорар и скромнен (здесь Государственное издательство, по существующему тарифу композиторов, давало мне больше процентов на 30, по теперешнему курсу французского франка), но так как за границей мое имя пустой звук, то я и не упрямлюсь. Относительно названия я ничего придумать не могу: по-русски — «Причуды» — 6 штрихов (или набросков, — если Вам первое покажется слишком фокусным, не соответствующим скромному облику пьес) для фортепиано соч. 25, по-немецки «Grillen» — 6 Skizzen für Klavier; по-французски!? Есть у других Ч такие предположения: «Des Bizarreries» — 6 esquisses pour piano, но мне это мало нравится, хорошо было бы сохранить мое давнее прозвище всем такого рода моим изделиям «Flofion», — но, к сожалению, я забыл, что это значит, и нигде больше не могу найти, ни в одном итальянском словаре, быть может, Вам посчастливится? — если да и название окажется в той же мере саркастичным, как оно мне представлялось тогда, когда я им впервые воспользовался — сохраните, и тогда долой всякие «Grillen», но по-русски «Причуды» оставьте. Порядок такой: 1 — a-moll (Andantino), 2 — h-moll (Allegro fantastico e tenebroso), 3 — Larghetto (унисонная), только лучше было бы несколько упростить письмо (там слишком много дублей $b\flat$) кое-где, 4 — a-moll (Quietto), 5 — «беготливая», 6 — многоголосная на 5/4. Василенкина и c-moll'ная выбрасываются навсегда. Вот все, что касается технической стороны дела. Теперь принципиальная. Гонорар, если можно, пусть останется за границей в каком-нибудь банке по Вашему решению (не лучше ли в Лондоне?), так как пересылать эти гроши сюда бессмыслица — на наши деньги это выходит около 1½ миллиардов, а я получаю жалованье на службе в издательстве и в консерватории, где я, к моему отчаянию, состою профессором, до 3-х миллиардов рублей. Что касается доверенности на заключение Вами контракта за меня, то если издательство сочтет возможным отнести к настоящему письму моему как к такому документу (в известной, конечно, мере), то это было бы лучше всего, так как нотариальное оформление доверенности по нашим условиям стоит столько, что поглотит почти весь предлагаемый мне гонорар, согласитесь, что игра не стоит свеч! Во всяком случае, издательство имеет известные основания относиться к моим словам и действиям с доверием, так как, несмотря на полные возможности, я до сих пор по отношению к изданным ими моим сочинениям не нарушил здесь их прав.

Впрочем, если Вы не захотите дать издательству это письмо, прилагаю маленький листок доверительного характера, но, правда, m-оформленный по указанным причинам. В этом письме ограничиваюсь только одним делом.

Послание с упреками по поводу недоверия к моим восторгам и с новыми восторгами отлагаю, ибо бегу сейчас в консерваторию.

Передайте мой привет, если увидите, С. А. Кусевицкому.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

169. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

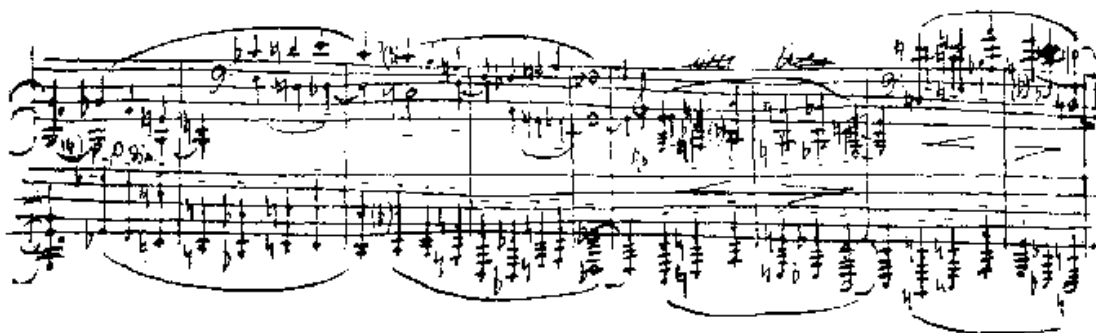
25 мая 1923 г., Москва

25/V 1923

кв. 11

Москва, Арбат, Денежный пер., д. 7,

Дорогой Сергей Сергеевич, я все не мог Вам писать, очень уж гадко жилось, даже работу свою забросил и почти полтора месяца ничего не делал, потом эти мучительные предэкзаменные и экзаменные времена в консерватории, где я с величайшим отвращением внедряю в разные неподатливые души контрапункты и фуги, и иную скучную материю. Сейчас, с установившейся весной, я, кажется, начинаю чувствовать себя лучше. В симфонии добрался до финала — сегодня поеду дальше. Я, по правде говоря, немного раскаялся, что сдал в печать мои фортепианные пьески, очень уж это все бедно. Во всяком случае, обязательно, я думаю, надо упразднить опусцаль*, и потом мне очень бы хотелось чуть запачкать № 3 (Largo pesante). Быть может, Вы найдете возможность переслать по надлежащему адресу такое исправление двух строк (предпоследних), если они еще не награвированы ¹:

Так все-таки несколько сгладится ее монотонность, вообще-то, она мной приписана только, чтобы связать 2-й (h-moll) с 4-м (a-moll), иначе я бы ее выбросил.

* Die Opuszahl (нем.) — обозначение опуса.

<стр. 156>

В Вашем письме Вы почему-то усумнились в искренности моих удовольствий по адресу Ваших сочинений. Почему это? Правда, Вы всегда

утверждали, что я туго доходил до их настоящей оценки, но ведь Вы должны сознаться, что от первого момента смутного понимания, граничившего с непониманием, до вполне достаточного понимания и тогда уже восторгов и пр. я всегда пробегал очень быстро. Но теперь, уверяю Вас, я значительно повзрослел, и даже, несмотря на надвигающуюся старость, еще не одеревенел, так что воспринимаю быстро и вполне удовлетворительно. Правда, я стал капризнее и к дряни всякого рода отношусь менее терпимо, но с тем большими восторгами к действительно аппетитному. Тогда, когда я Вам писал, Я не знал еще ни Увертюры на еврейские темы, ни «Трех апельсинов», а «Шута» только одним глазом видел. Теперь я имею большинство, а «Любовь» лежит у Держановских. В Увертюре меня определенно пленила свежесть подхода к темам и очень их выпуклое и без всякой доморощенной экзотики изложение, особенно меня поразившее во 2-й теме; Ваш обычный лаконизм и в то же время полная законченность формы, отличная и четкая инструментальность изложения. Между «Шутом» и «Апельсинами» я колеблюсь — в «Шуте» есть ритмическое и тематическое однообразие (главная тема для частых повторов имеет слишком ущемленный облик), в «Апельсинах» не такие яркие, в чисто музыкальном смысле, тематические элементы; зато первый адски изыскан, как-то магически тонко и интересно сделан и творчески насыщен, «Любовь» — очень контрастна, широка, размашиста и ярко действенна и образно выпукла; в ней есть что-то соприкасающее Вас с действенной силой мусоргщины — великолепная интонационность. Как жаль, что ее нельзя поставить у нас — можно думать, что она специально для нас написана, так она ярко современно скомпонована, но, к сожалению, не в стиле наших оперных театров, каковые все в прошлом, а в драматических (Камерный театр, Мейерхольд, Студии). Да, кстати, что тех денег, что мне обещает издательство, хватит, чтобы оплатить Ваш 3-й концерт и партитуру Скифской сюиты² или мало? Если бы хватило, мне бы очень было бы приятно получить эти ноты. Боюсь только одного, цензурных и таможенных затруднений. Между прочим, очень скоро в Берлин приедет один мой здешний немецко-русский приятель Макс[им] Григорьевич Губе, быть может, можно будет через него прислать? Я ему дам Ваш адрес. Кстати, о цензуре — у нас есть течение запретить ввоз русской музыки, напечатанной со старой орфографией, — быть может, можно будет мои пьесы выпустить без твердого знака и «ять»?

Не имеете ли Вы сведений — где Фительберг? Он у меня увез партитуру 3-й симфонии³ с некоторыми полномочиями — я надеялся, что ему удастся ее дать Кусевицкому для печати, но оказывается, там печатать чуть [ли] не труднее, чем здесь; а здесь она была бы уже напечатана. Если Вы знаете, где он, не черкнете ли ему пару строк с запросом от моего имени. Если симфония ему там не нужна и прист-

<стр. 157>

роить ее в печать определенно нельзя, пусть вернет ее мне, хотя бы через Польское консульство. Как жаль, что о Вас все-таки до нас мало доходит вестей.

Ну, всего лучшего.

Ваш *Н. Мясковский*
Пишите!!!

170. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 июня 1923 г., Этталь

Этталь, 4 июня 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень был рад получить Ваше письмо. Фительбергу немедленно написал все, как Вы хотели, про 3-ю симфонию. Его адрес: Варшава, Zlota, 16. Таков, по крайней мере, был адрес в феврале. Третью симфонию Кусевицкий в настоящее время действительно едва ли способен напечатать: издательство стонет, напрягается и печатает те лишь вещи, которые имеют немедленный сбыт за границей, особенно в валютных странах заграницы. По этим причинам, например, Метнера они совсем прекратили печатать. Однако Вашей музыкой как объектом для исполнения, Кусевицкий заинтересован и узнав, что Ваша пятая симфония¹ гравировается, очень просил доставить ему экземпляр. Хорошо бы это сделать еще в течение лета, чтобы он мог с нею ознакомиться во время каникул, а потому, буде симфония еще не напечатана, не пошлете ли Вы ему корректурный экземпляр? Кусевицкий теперь необычайно моден в Европе, и если он сыграет, то это даже лучше, чем Вуд или антверпенский оркестр. Адрес его:

или:

M. Serge Koussewitzky (personnellement).
Musique Russe
3, rue de Moscou
Paris, VIII

или:

Mr. S. Koussewitzky (personal)
c/o Russian Music Agency
34 Percy Street
London, W. I.

Выберите тот адрес из двух, по которому лучше ходит почта из России. «Аластора» Кусевицкий не хочет играть, находя его слишком медлительным для своего темперамента.

Заплатку в «Причуду» № 3 наклею, так как «Причуды» еще не награвированы. Ваша доверенность оказалась all right* — хотя они выйдут не у Гутхейля, а в Российском музыкальном издательстве, но

* тем, что надо (англ.).

<стр. 158>

это не важно, так как оба издательства принадлежат тому же лицу. Однако с печатанием оказалась маленькая задержка, потому что некоторые пункты присланного мне контракта я не одобрил и отослал его обратно. На этой неделе я получу его исправленным и тогда отошлю рукопись в Берлин.

Твердые знаки и яти уберу, но на опусе настаиваю, ибо Вы Вашего шаловливого ребенка просто недооцениваете. В связи с предстоящим исполнением за границей Вашей симфонии, их появление будет как раз кстати. Жаль, что наигрывание их на фонолу отложилось до будущего сезона, однако, этот вопрос зафиксирован с американской дирекцией, и наигрывание — только вопрос времени.

Кстати, чтобы Вы не очень хвастались получением в России гонораров, превосходящих причудные на 30%, Ваш гонорар за «Причуды» с 500 франков будет повышен до 650. С деньгами будет поступлено согласно Вашему указанию.

Мой третий концерт стоит 10 франков; а Скифская сюита (партитура карманного формата), кажется, около пяти. Так что, как видите, Вашего гонорара, пожалуй, на них и хватило бы. Но Вы, по-видимому, окончательно потеряли всякую совесть, предлагая мне торговые сделки на те ноты, которые я до сих пор не презентовал Вам только по причине трудности пересылки. Ведь у меня же есть авторские экземпляры, и как только я получу письмо от М. Г. Губе, я немедленно перешлю ему обе вещи с респектуозными омажами*, написанными на обложке. Если же чрез М. Г. Губе Вы найдете почему-либо неудобным, то сообщите, нельзя ли выслать просто заказною бандеролью. Я хочу сказать, не будет ли это Вам слишком обременительно, с точки зрения пошлины и русских формальностей? С германскими мы справимся.

Благодарю за критику «Апельсинов», «Шута» и Увертюры. Она очень образна и попадает в самую точку. Мне особенно приятна похвала за и-н-т-о-н-а-ц-и-о-н-н-о-с-т-ь (господи, прости Вас за это слово!). Без нее многое, особенно в первом акте, теряет свое *raison d'être*. Для тощей главной темы «Шута» есть смягчающее обстоятельство в лице инструментовки: движение первых четырех тактов *un poco andante* — сохранено все время, и звучит оно в оркестре довольно забавно (см. эшантион **).

Увертюре на еврейские темы я не придаю значения: сочинил я ее в 1½ дня (инструментовал неделю) и даже не хотел ставить опуса. Звучит она действительно бойко, как будто играют не 6 человек, а больше: с музыкальной же точки зрения — стоящая в ней только, пожалуй, заключительная партия, и то, я так думаю, вероятно, вследствие моей слабости к диатонизму.

* выражениями признательности — от *l'hommage* (франц.).

** *l'échantillon* (франц.) — образец, здесь — прилагаемый нотный пример.

<стр. 159>

Крепко Вас целую, дорогой. Жду писем и желаю успеха в окончании финала. Я все лето остаюсь в Эттале. Сейчас пишу пятую сонату.

Любящий Вас С. Прокофьев

Вы в Вашем письме упоминаете про Мейерхольда. Видел ли он клавир «Трех апельсинов»?³ Мне чрезвычайно интересно его мнение, так как это он порекомендовал мне этот сюжет перед моим отъездом из России.

Как поживает Яворский?

«Шут».

171. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 июня 1923 г., Москва

18/VI 1923. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
пишу Вам наспех между двумя поездами — только что прочел Ваше письмо и о делах думаю так: на пьесах пусть ор. 25 стоит; что денег они дали больше, это доказывает, что у издательства есть коммерческий гонор, деньги эти пусть положат пока в какой-нибудь банк Лондона или Парижа, как Вы найдете более благопристойным; ежели Губе не напишет Вам письма, что на него, впрочем, не похоже, то шлите бандеролью прямо ко мне домой Ваши ноты. Мне очень жаль, что приходится давать Кусевицкому 5-ю симфонию — уж очень она примитивна и немного вульгарна (кроме моего любимого Andante), жаль, что нельзя ничего устроить с рукописями, — я бы, пожалуй, понатужился и переписал 7-ю, так как она у меня теперь совсем гото-

<стр. 160>

ва, и симфония эта очень миниатюрна — идет всего не больше 20 минут (2 части!) — очень стремительна и до отвращения фальшива, так что Вашему «диатоническому» вкусу будет явно не по душе, но зато я ее решительно предпочитаю если не всем — 6-я, кажется, лучше, хотя безумно длинна и несколько проще по материалу, но безмерно сложнее по концепции, — то во всяком случае 5-й.

Не Вам ли я обязан включением моей 3-й сонаты на Зальцбургские концерты интернациональных музыкантов?¹ Очень уж она паршиво напечатана! Если Вы вообще будете рекомендовать каких-нибудь авторов, то из нашей братии называйте немногих, а именно: А н а т [о л и я] А л е к с а н д р о в а (4 сонаты, романсы, «Алекс[андрийские] песни» — 2 серии, из которых замечательна 2-я, фортепианные пьесы)², С а м [у и л а] Ф е й н б е р г а — 2 фантазии, прелюдии, сюита, 5 сонат (напечатаны: 1-я, 2-я, 4-я)³, затем можете называть, если уж очень нужно, Г р и г [о р и я] К р е й н а (струнный квартет, скрипичная соната)⁴ и Н и к [о л а я] Р о с л а в ц а — этот Вам ближе уже известен, мня, по-моему, его музыка весьма рассудочна; быть может, скоро еще выпишется С е р г [е й] Е в с е е в (фортепианное трио)⁵. Вот и довольно Петербургского Влад[имира] Щербачева Вы сами, кажется, знаете.

Буду с диким нетерпением ждать Вашего 3-го концерта.

Пишите. Я сейчас в деревне и больше гуляю, чем пишу, но оркестровка финала все же тихонько движется. Ну, всего лучшего.

Спасибо за хлопоты по моим делам.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

172. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 июня 1923 г., Этталь

Н. Я. Мясковск[ому]
1923

Эт[таль]. 23 июня

Дорогой Ник[олай] Яковлевич,

Генри Вуд очень просит прислать ему (поскорее) партитуру Вашей 5-й симфонии, пока без голосов. Пошлите ему прямо в Лондон или даровой экземпляр или, если это Вам в малейшей мере стеснительно, приложите счет, указав, как произвести расплату. Платить они могут, ибо это делает не Вуд, а концертное общество.

Адресовать надо так: Sir Henry Wood, c/o Goodwin & Tabl, 34 Percy Str., London, W. I.

«Аластора» Вуд играет в начале осени.

Обнимаю Вас. Писал Вам 4 июня.

Ваш *С. П.*

<стр. 161>

173. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 июля 1923 г., Этталь

Этталь, 23 июля 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

Фительберг пишет, что Вашу третью симфонию он играл в Варшаве. Рукопись перешлет Вам, как только приедет в Париж, в конце августа. Почему пошлет Вам из Парижа, а не из Латвии, где он сей час, — не объясняет. Адрес его: Maiorenhof bei Riga, Victoria Str., 4.

Держановский Вам, вероятно, уже передал все, что касается пятой симфонии: я ему писал подробно дней 10 тому назад¹. Что касается седьмой, то, несмотря на мой диатонизм, я ею чрезвычайно заинтересован, однако советовать Вам собственноручно переписать ее прямо не поднимается язык: это какое-то безумие! Поэтому я рекомендовал бы Вам послать Кусевицкому пятую, тем более, что он ее помнит и хвалит. Кроме того, всякие напечатанные произведения гораздо больше вразумляют дирижерское отродье, чем рукописные. Если же у Вас стечением тех или иных обстоятельств окажется в руках копия седьмой (но, ради бога, не собственными руками!), то пришли те ее мне: я приму меры, чтобы эта присылка не оказалась втуне. [...]

К Зальцбургским фестивалям* я никакого касания не имею и в исполнении Вашей сонаты не повинен; может быть, лишь случайно: я дал присланный Вами экземпляр Прюньеру, издателю «Revue Musicale»², а он, как оказывается, принимал в организации фестивалей какое-то участие. Возможно, что соната таким образом попала в жюри. Само жюри состояло из четырех человек: дягилевского дирижера Ансерме (швейцарца), франкфуртского дирижера Шерхена, какого-то француза и еще австрийца. Как попала в программу моя увертюра, я тоже не знаю. Однако на днях вышел странный казус: я получил из Лондона телеграмму, приглашающую меня играть в Зальцбурге Вашу третью сонату, а также фортепианную партию в моей увертюре. Конечно, выучить Вашу сонату в две недели и подумать нельзя, поэтому я, с болью в сердце, послал им отказ, одновременно рекомендуя им Орлова и добавляя, что если он не умеет третью, то, во всяком случае, умеет вторую. Чем все это кончится, не знаю, но боюсь, что при такой организационной нескладке нас обоих спишут с программы.

За сведения о молодых, стоящих русских композиторах большое спасибо. Самое лучшее, если они пришлют мне свои напечатанные сочинения: в октябре я буду в Париже и там постараюсь дать им ход. В Германии я с музыкальным миром касания не имею. То, что я знал из сочинений Щербачева и Григ[ория] Крейна, — было весьма средственно. Александровым и Фейнбергом очень интересуюсь.

* праздникам — от *das Fest* (нем.).

<стр. 162>

От Губе получил письмо, отправленное им перед отъездом из Берлина. Передайте ему мою благодарность за него. Прочел с волнением. Напишите мне про мой третий концерт и про Скифскую³. Месяца через два выйдет партитура большой сюиты из «Шута»⁴; тогда пришлю Вам.

Крепко целую Вас, дорогой.

Ваш С. Прокофьев

174. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

25 июля 1923 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
с величайшим наслаждением сегодня, по возвращении из глухой деревни, получил Ваши штучки. 3-й концерт я, конечно, уже успел профильтровать раньше, во время своих молниеносных наездов из деревни, так как благодаря отменной работе мр. Держановского интересные ноты начали к нам приходить весьма торопливо¹. Надо сознаться, что он меня весьма воодушевил, и я жалею, что бросил музлитературщину*, а то бы, наверно, разразился целым трактатом по его адресу. Меня всегда поражала и продолжает удивлять до сих пор Ваша изумительная способность при такой массе тематических элементов суметь влить их в такую цепкую и сжатую форму; благодаря этому получается постоянный интерес и невероятная сила воздействия совершенно независимо от качества воспринимающего. Стилль Ваш всегда был законченный, а теперь становится отменным (да не становится, а стал). Два только места вызвали у меня вопрос: в первой части пассаж 21 из хода 3-й сонаты (случайно?) и длина Cis-dur'ного эпизода в финале — не производит ли впечатление человека с толстым брюшком и коротенькими ручками и ножками? Вы, конечно, уже меня выругали за обычную тупость. Музыка этого эпизода мне весьма нравится, хотя сделан он анафемски трудно. В конце пассажи Вы ловко выдумали, но ведь для них нужно иметь железные пальцы! Кроме Вас никто не сыграет. В «Алу и Лоллия» успел только сунуть нос. Здорово Вы вырисовываете всякие оркестролы — шикарно выглядит и, главное, — все замыслы точно на ладони — необыкновенно рельефно. Между прочим, мне показали какой-то проспект, где Вы будто бы играете мою 3-ю сонату — я, по правде говоря, изумился и не поверил, так как полагаю, что Вы едва ли бы от меня это стали скрывать. Оказалось, конечно, что это чепуха и весьма российского, видимо, оттенка. Мои приятели здесь очень огорчены, но я никогда не обольщался мечтой прельстить Вас этой сонатой, которую и сам не очень люблю, потому огорченным не могу и быть. Сегодня посылаю через издательство

<стр. 163>

корректуру 5-й симфонии С. А. Кусевицкому, но без всякой надписи, так как стесняюсь делать ее на корректуре, а на покупку для него экземпляра партитуры пока нет денег. Если будете писать ему, напишите, что это я посылаю ноты, а не издательство.

Между прочим, знаете ли Вы кое-что о судьбе Ваших рукописей? Партитура «Снов» находится у Фиттельберга, партии он оставил у меня. Чемодан с письмами и рукописями в полной исправности хранится в издательстве³, и его оттуда, пожалуй, можно было бы взять, так как теперь в издательстве сидят другие люди, которые, быть может, не всегда захотят очень

церемониться с Вашим добром. Знаете ли Вы точно его содержимое? Мне и Серг[ею] Серг[еевичу] Попову в свое время было поручено составить опись этого содержимого, что и было нами сделано с полным сохранением Ваших интимных интересов, то есть письма Ваши и дневники были описаны и сосчитаны только извне, ноты же, конечно, со счетом страниц и т. д. Не будет ли предусмотрительно, чтобы Вы прислали мне доверительное письмо на этот чемодан для всякого случая? Хотя, откровенно говоря, я не думаю, чтобы ему что-нибудь угрожало, особенно, если принять во внимание, что сейчас у нас современную музыку печатать перестали вовсе, а там у вас ходкого товара нет. Я мечтал все же увидеть Ваши два хора в печати.

На этих днях мы (у нас есть небольшая группа) пробовали прочесть в 8 рук мою 6-ю симфонию (1-ю часть) ⁴. Ничего — в смысле концепции — получилось, хотя и очень длинно, но я определенно чувствую, что с этим стилем музыки — эмоционально-нагнетательной с академическим уклоном — надо раз навсегда покончить. Первый робкий опыт этого я делаю в 7-й симфонии, где мне определенно несколько моментов удалось — в разработке 1-й части и вся 2-я часть; я полагаю, что мне придется музыку начать сызнова и счет симфоний с 7-й (=1-й), несмотря на определенно нарождающуюся у нас популярность 5-й. Впрочем, там будет видно. [...]

Однако, до свидания. Спасибо за все Ваши хлопоты и за бесценные ноты.

Всегда Ваш *Н. Мясковский*

25/VII 1923. Москва

175. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 августа 1923 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
сперва о делишках. Пусть издательство шлет мне деньги сюда [...]. Кусевицкому корректуру 5-й симфонии послал через наше издательство, но это не от них, а от меня, иначе было бы вовсе неприлично, черкните ему об этом одну строку. В Лондон ноты посланы, Антверпен о

<стр. 164>

нотах извещен. Но самая главная беда не в этом, а в том, что наше издательство не желает печатать голосов, и у меня они в единственном экземпляре, и нельзя сказать, чтобы безукоризненного качества. Боюсь, что дело кончится так себе. Зальцбург, — как я Вам уже писал, не волнует меня.

Откуда это Вы взяли газетную вырезку? Я об этом, конечно, представления никакого не имею и посылать рукописные симфонии Шнеефогту едва ли стану. За Фителя большое спасибо. Относительно исполнения моей симфонии в Варшаве он, деликатно выражаясь, врет, так как в Варшаве живут мои очень близкие друзья, которые мне об этом неизбежно

бы сообщили, кроме того, у него нет голосов. Я с отвращением думаю об этом деле, так как если партитура не будет мне прислана, мне придется ее восстанавливать по партиям, так как я ее обязан представить в издательство. Я сейчас уже целую неделю живу безвыгодно в Москве, но здесь такая сутолока, что до сих пор не могу влезть и Вашу «Скифию», но, как я Вам уже намекивал, вид у нее обольстительный, не мог только ясно восстановить в своей памяти звучности конца последней части, когда трубы беспокойно возятся вверх, точно не могут найти себе удобного места, а тромбоны напролом прут куда-то внизу — здорово сделано, но трудно слышимо глазами. О концерте я Вам в прошлом письме написал какую-то чепуху. На днях мы пробовали его поковырять на двух роялях и в такой впали все раж, что только охали и ахали. Несмотря на огромные трудности, все звучит изумительно выпукло и блестяще и, главное, пианисты говорят, очень удобно. Что особенно в нем ценно — это, что очень трудно отдать предпочтение какой бы то ни было части, каждая имеет кучу ей свойственных красот: в первой какая-то причудливая неустойчивость элементов, друг друга сменяющих и друг из друга неожиданно вытекающих, — это какой-то павлиний хвост по яркости, причудливости и, в то же время, цельности сверкания. Вторая часть с темой чуть ли не генделевской совершенно изумительна. Меня особенно волнует медленная вариация, и тех, конечно, ошеломляет, как заключительная тема вдруг вырывается из-под движения последней вариации. Финал мне показался несоразмеренным, но это оказалось ерундой — он другой не мог быть, если попомнить, что до появления *Cis-dur'*ной музыки в чистом виде совершенно не было *andant'*ности. Хотя это не то, но момент лирический в нем достаточно силен, и после упорной стремительности основных элементов финала это дает неизбежно необходимый момент лирического восторга. Завораживающая сердинка на 4/4 неподражаемо уместна и совершенно необъяснимо звучит. Вообще этот концерт, пожалуй, одно из наиболее удачных по яркости вдохновения, блеску изобретения и сжатости мысли Ваших сочинений. Между прочим, он ближе к первому концерту, чем ко второму. Ваш первый концерт и другие Ваши сочинения (4-ю сонату, последние *Danz'*ы и многое иное) отлично играет С. Фейнберг и считает, что после Листа настоящие открытия в фортепианном стиле, звучности, вообще в фортепианной магии делаете Вы.

<стр. 165>

Он это шикарно иллюстрировал кусками то из 4-й сонаты, то Вальсом из *Danz'*ов, который до того был никому совершенно непонятен, то из 1-го концерта. К сожалению, у нас тут такая концертная болотность, что даже такого пустяка не могли сделать, как сыграть Ваш 1-й концерт. Все из-за того, что «оркестру без дирижера»¹ за это взяться лень, а с дирижером вроде Сараджева (!) они играть не хотят — недостаточно знаменит! Мы (когда я говорю «мы» — это значит: я, П. А. Ламм, Ан. Александров, Сам. Фейнберг, С. С. Попов, А. Шеншин, К. Сараджев, Жилиев, А. Ф. Гедике — этого последнего мы тоже приучили к Вам, несмотря на его метнерьянство, В. М. Беляев и еще кое-кто) заставим выучить Ваш 3-й концерт если не Фейнберга (у него не

очень сильные физические данные, и потому многое выходит не так, как должно), то, быть может, Нейгауза. А можно будет достать нотный материал?

Если я Вам что-то раньше писал о наших композиторах, то это, отчасти, было не вполне искренно: я считаю настоящими дарованиями из молодых — Анат[олия] Александрова и С. Фейнберга и позволяю себе многого ждать от Серг[ея] Евсеева. Остальное для меня, откровенно говоря, совсем не существует — в большом, конечно, масштабе, потому что я не могу отрицать дарования в Г. Крейне, Д. Мелких, Шеншине, Евг[ении] Павлове, но это еще в большинстве будут, а то — есть и уже теперь крупно, хотя Вам вряд ли многое понравится.

Александрова надо брать — романсы на слова Баратынского, В. Александрова и «Александрийские песни» (особенно 2-я тетрадь) и сонаты №№ 2, 3 и 4. Лучшая 5-я еще не напечатана². Характер письма его несколько сдержанный, рассудительный, но точный и часто пленительно-изящный при отличном стиле. Мало, пожалуй, четкости и полета. Фейнберг — в другом роде — он своеобразнее по языку, но очень запутан и нервичен в выражении при недостаточно ярких темах и преувеличенно замысловатом изложении. Но всегда непосредственность и подлинность эмоций. Очень ярко все его вокальное, из фортепианных — 1-я, 2-я, 4-я сонаты, 2-я фантазия, сюита (ор. 11 — с прекрасными вещами)³. Я заставлю обоих послать Вам ноты. Ну, вот.

Я никак не могу снюхаться с Мейерхольдом — нет никаких соприкосновений, а он, говорят, стал ужасно подозрителен. Подожду, когда больше народу съедется — сейчас у нас затишье полное.

Не имеете сведений, когда выйдут мои фортепианные пустышки?

Относительно переписки 7-й симфонии — подумаю. Сам, конечно, не стану возиться — так как опять делаюсь занятым без передышки.

Всех прелестей жизни!

Всего хорошего, дорогой мой!

Ваш *Н. Мясковский*

Если прочтете что про Зальцбург, черкните.

I/VIII 1923. Москва

<стр. 166>

176. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3 августа 1923 г., Этталь

Этталь, 3 августа 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

Вы так захвалили третий концерт, что даже переконфузили автора. Пассаж цифры 21 действительно похож на третью сонату, даже более — это два варианта одной и той же идеи, причем один попал в одну вещь, а другой в другую, ибо я переделывал третью сонату (в первой, детской, редакции этого пассажа нет) и делал наброски третьего концерта одновременно, весною 1917

года. Замечание о толстом брюшке при коротеньких рожках и ножках, кажется, правильно, но я не столько огорчился репримандом* общему телосложению, сколько обрадовался похвале брюшка, так как в Париже меня довольно настойчиво глодали за дешевый лиризм, а по выражению иных, за пошлятину, одним словом, рахманиновщину, этого самого брюшка. Я же, как концертант, который во время брюшка и его пальцевой техники рад отдохнуть от скачки остального концерта, всячески старался его защитить и теперь рад, что нашел в Вас союзника. В Скифской сюите мне по-детски нравится ее карманное издание (большой формат — хуже), сама же фактура — за исключением нескольких любимых мною эпизодов, как Восход солнца, бурности в Ночи, флажолетные синкопы в Пляске — крайне груба, что я особенно мучительно чувствовал во время медлительной корректуры, когда такты все одного и того же аккомпанеента тянулись через десятки страниц. В этом отношении сюита из «Шута» выглядит много лучше.

Кусевицкому про высылку Вами корректуры пятой симфонии напишу. Что за поворот у Вашего творчества в седьмой? Вы сообщаете лишь то, от чего Вы отреклись, но что вплели нового, не говорите. Печатают ли ее? Исполняли ли или когда будут исполнять?¹ Я вызубрил несколько «Причуд» и поставил их в программу моего осеннего концерта в Париже². Вероятно, Вам скоро пришлют корректуру, так умоляю Вас — подчистите вторую «Причуду» (кажется, это вторая: начинается аккомпанементом в басу, *fantastico*), она ужасно мусоргская, а между тем несколькими штрихами ее можно в значительной мере от этой мусоргщины очистить.

Спасибо за сведения про мой чемодан, а то Держановский написал гак, что ничего нельзя понять. Я, например, не знал, что замок таки изломали. Во всяком случае, очень рад, что опись составляли именно Вы, а то было бы очень обидно, если письма и дневники попали бы в нескромные руки. Ноты, содержащиеся в этом чемодане, я не хотел бы печатать: хоры, особенно второй, надо основательно переделать, партитуру симфоньетты весьма полезно перед печатанием проглядеть и подчистить, а переложение в 4 руки³ я вообще еще не проигрывал. Слоном, я прилагаю письмо к Музиздату с просьбой передать все это Вам,

* выговором — от *la réprimande* (франц.).

<стр. 167>

а Вас прошу поступить по Вашему усмотрению, то есть взять или сейчас или тогда, когда Вы найдете это нужным. Подпись засвидетельствована бургомистром. Если форма письма не правильна — сообщите, я пришлю другое.

Затем многократно обнимаю Вас и жду Вашего ответа на мое письмо от 23 июля со многими деловыми вопросами. Кстати, я Вас как-то спрашивал про Яворского, а также про Мейерхольда, видел ли последний мои «Апельсины», а если нет, то нельзя ли ему их как-нибудь показать?

Целую Вас.

Ваш С. Пркфв

177. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 августа 1923 г., Москва

Москва. 12/VIII 1923

Дорогой Сергей Сергеевич,
спешу Вам написать на письмо 3 августа, так как там есть пункты, которые лучше предупредить. Дело в том, что Вы пишете о скором получении мной корректур. Как это ни странно, но лучше их мне не посылать, а обойтись немецкими корректорами, которые, по-моему (сколько я помню по Российскому] муз[ыкальному] издательству), очень благопристойны. Пьесы мои настолько просты, что недоразумений особых я никаких не жду, а [...] слишком изысканная корректура этих пьес не необходима настоятельно.

Что касается изменений в № 2, то мне очень трудно делать их с той точки зрения, с какой Вы предлагаете — увильнуть от мусоргщины. Дело в том, что я этого не чувствую и потому могу к этому подойти только формально, то есть несколько исказить фигуру аккомпанемента, оказавшуюся одинаковой с буйной песней Варлаама из «Бориса». Прилагаю Вам поэтому попытку внести в этот басовый фон некоторое разнообразие, что значительно утруднит пьесу, лишив аккомпанирующую возню механической монотонности. Впрочем, если Вы этого не апробируете, то пускай остается, как было, а если Вы эту пьесу будете играть, то можете делать любые штрихи, какие захотите. В этой пьесе я очень боюсь за 3-й голос, ёрзающий взад и вперед между выбиваемыми октавами в среднем эпизоде, — кажется, это очень трудно.

Вы задаете мне вопрос о 7-й симфонии в разных формах. Мне трудно ответить. Что в ней нового? Известная свобода формы, сжатость изложения, наконец, местами оторванность от прочных басов и вообще фонов — она местами очень приятно повисает в воздухе. Но это исключительно мои завоевания для себя, а не вообще, нового в этой симфонии, пожалуй, только ее характер — так как никому не удалось в ней отметить влияний, заимствований и тому подобной ерунды. Печатать, исполнять!! Нет, дорогой мой, Вы неясно представляете себе наши

<стр. 168>

условия. Теперь, когда все увлечены идеей о доходности предприятий, а оркестры предпочитают играть без дирижера, о такой роскоши, как печатание или исполнение, хотя бы даже такой крошечной симфонии, как моя 7-я, и речи быть не может. У меня до сих пор не играна даже 4-я симфония¹. Благодаря счастливому случаю и настойчивости Н. А. Малько, пошла в ход — и самый неудержимый — моя 5-я дама, остальное же добро, наверное, будет без конца валяться у меня под роялем. Хорошо еще, что нам удастся играть их на 2-х роялях в 8 рук в переложении П. А. Ламма². Недавно мы в этом ансамбле поразили московскую публику таким исполнением 6-й моей махины, что у меня в партитуре даже осталась чья-то слеза! Ну, да все это ерунда, к счастью,

я больше думаю о приобщении к уделу Цинцинната³, чем о том, чтобы завоевывать положение в музыкальном мире своими симфониями.

Вы меня спрашиваете об Яворском и Мейерхольде. С последним у меня, к сожалению, нет совершенно никаких точек соприкосновения, и, как я ни ищу, не могу найти, а непосредственно обращаться не хочу по разным московским соображениям. Яворский у нас главный руководитель музыкального образования по всей Республике, заведует Музыкальным отделом в Главном управлении профессионального образования. Встречаюсь я с ним очень редко, и за что-то он на меня сердит, за какие-то мои действия (или бездействия!) в консерватории,— не знаю. Во всяком случае, если его увижу, буду ему от Вас кланяться, хоть и не имею полномочий. Он все время окружен молодыми прозелитами, вещает и... неудержимо много стал говорить в самом обывательском роде.

Я говорил Ан. Александрову и Фейнбергу, чтобы они послали Вам свои opus'ы — Ан. Александров это уже сделал, а Фейнберг что-то стесняется. Александров будет с одним новообразовавшимся у нас русским квартетом играть Вашу еврейскую увертюру, от которой все в восторге. Фейнберг в своих концертах будет играть Вашу 4-ю сонату и ряд мелких вещей, из которых он совершенно волшебным в звуковом отношении играет Вальс из последних. Г. Нейгауз (знаете Вы его или нет?) играет Вашу 2-ю сонату, и очень многие пианисты играют 3-ю, но хорошо играл только Г. Бик (теперь где-то за границей). Когда заведующим Муз[ыкальным] издательством был П. А. Ламм, у нас было обыкновение для всех приобретаемых оркестровых произведений немедленно заказывать оркестровые голоса, поэтому такие имеются и для Ваших «Семерых», и уже почти налаживался концерт, где они были бы сыграны, к сожалению, подоспели известные Вам недоразумения, и теперь мы вообще даже не печатаем современную музыку⁴.

Чемодан Ваш я еще не взял, так как только вчера получил Ваше письмо; только мне казалось, что он не был взломан, так как Федор Иванович Гришин, под чьим бдительным оком он до сих пор хранился, дал нам ключ, которым и открыл чемодан. [...] Ну, всего хорошего. Жду «Шута».

Ваш всегда *Н. Мясковский*

<стр. 169>

178. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 сентября 1923 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, мне не хотелось писать Вам по столь малозначительному поводу, но настойчиво пристаёт Н. А. Малько с голосами 5-й симфонии¹, и мне до известной степени нужно выяснить положение, — понадобятся они за границей вообще или нет и, если понадобятся, могу ли я ими располагать до 1-го—15-го хотя бы ноября, или же предпочтительнее, чтобы я их отправил в

Европу раньше? Быть может, у Вас есть на этот счет какие-нибудь сведения? Малько перебрался сейчас на постоянное жительство в столицу Украины — Харьков и желает играть всякого рода современную музыку, и, хотя из своих симфоний я ему более настойчиво предлагал 4-ю, он, как естественно всякому дирижеру, больше склоняется к 5-й,— в которой есть выигрышные номера. Между прочим он очень интересуется, нет ли у нас полностью какого-нибудь из Ваших сочинений, но кроме 1-го концерта ничего не обнаружил, ибо: «Сны» только в партиях, «Осеннее» и Симфоньетта — только в партитуре — все это находится у меня, и без Вашего разрешения я никому не дам. Кажется, где-то есть голоса Симфоньетты, но я не могу выяснить где — не помните ли Вы? Жаль, нет 3-го концерта — он скоро будет выучен Фейнбергом². «Семеро их» по плечу только Большому театру, кончит хотя дает концерты, но очень робко и с теми дирижерами, которые и его распоряжении имеются — Сук, Голованов, Пазовский — конечно, за такую задачу взяться не смог бы³. А когда выйдет сюита из «Шута», она будет с оркестровыми голосами? Можно будет ее у нас играть? Сейчас «Шут» не сходит у меня с рояля — непрерывно лакомлюсь им — превосходная вещь, пестрая, затейливая, цепкая, с невероятно яркими и западающими основными элементами, — но ее можно брать только небольшими дозами — слишком изысканно. Я должен сознаться, что пользуюсь Вашей музыкой даже с гигиенической целью: когда наглотаешься всех этих Бартоков, Веллешей, Кшенеков, Пуленков, Грошей, Хиндемитов и др., — просто потребность является выйти подышать чистым и здоровым воздухом Ваших угодий. Что-то мне из всей заграницы кроме маститого Шёнберга и отчасти Honegger'a никто особенно не нравится. Даже Равелевская Violino-cello соната⁴ как-то не очень пришлась по душе — назойливый финал.

На выставке Русско-германского общества «Книга»⁵, на его нотном отделе Держановским затеваются небольшие концерты для ознакомления с современной музыкой — кроме перечисленных имен плюс Шимановский, будут изображены все 4 Ваши сонаты, вероятно, 3-й концерт и, если понравится Ан. Александров, еврейская увертюра.

Всего лучшего.

Кланяется Вам Яворский, наконец увидел его. Жилиев, который над Вами безумствует, — тоже приветствует.

15/IX 1923. Москва
Мясковский

Ваш Н.

<стр. 170>

179. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 сентября 1923 г., Этталь

Этталь, 21 сентября 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

Обо многом хочется Вам написать, но пока — два слова, чтобы немедленно ответить на Вашу лүфт*-почту. Пятая объявлена в Лондоне, что явствует из прилагаемой вырезки¹. Одновременно с этим я пишу туда, спрашивая: 1) дату, 2) по какому материалу состоится исполнение — перепишут ли они сами или хотят Ваш (за прокат которого Вы можете требовать 2—3 фунта). По получении ответа немедленно извещу Вас, думаю — через неделю.

От Кусевицкого про Вашу симфонию вестей не имею, но едва ли материал сможет ему понадобиться ранее 1 декабря. Антверпен был необычно очарователен в прошлом году, а теперь я оттуда ничего не добьюсь, ни для Вас, ни для себя. Кажется, в Бельгии вышли большие затруднения с оркестрами, которые накнули плату. «Аластор» объявлен в Променадных концертах в Лондоне², осенью. Материал они переписали сами.

Материал Симфоньеты и «Осеннего» был в нотной библиотеке Зилоти. Что случилось с его библиотекой? Материал сюиты из «Шута» будет отлитографирован к ноябрю в 6 комплектах и будет сдаваться напрокат. Насколько я мог понять, в делах с Россией они намерены брать, кроме арендной платы, еще денежный залог. То же со «скифским» материалом, который — не помню, писал ли я Вам — уже давно готов.

Крепко обнимаю Вас. По получении ответа из Англии, напишу тотчас же.

Ваш С. Пркфв

180. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 октября 1923 г., Этталь

Этталь, 5 октября 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

В дополнение к моему заказному от 21 сентября, сообщаю Вам, что сегодня я получил из Лондона письмо, гласящее, что Ваша Пятая назначена на 8 марта и что материал они желали бы иметь от Вас к 10 февралю, так как уже тогда может произойти первая читка. Советую Вам, не откладывая особенно, написать в Лондон заведующему потной частью этих концертов, F. Laurence, c/o Coodwin & Tabl, 34

* воздушную — от die Luft (нем.).

<стр. 171>

Percy Str., London, W. I, по-английски или по-немецки, от Вашего имени или от имени соответствующего учреждения, и сговориться о цене за наем материала. 2 фунта они заплатят наверное, но, может быть, и 3. Что касается Кусевицкого, то через неделю я еду в Париж, где увижу его, и тогда сообщу Вам о его вождениях.

«Аластор» был исполнен в Лондоне 2 октября. Я абонировался на прессу и перешлю ее Вам, как только получу сам. «Аластор» шел во второстепенных

концертах, типа Павловских или Сестрорецких, впрочем очень серьезно посещаемых, как и последние, критикой, музыкантами и приличной публикой. Как он был принят — пока известий не имею. Пятая же пойдет в очень солидных зимних концертах. В той же серии я играю третий концерт, но 24 ноября¹.

Получил корректуру «Причуд». Награвированные они выглядят очень приятно. К сожалению, мне прислали корректуру без рукописи, а выписывать рукопись некогда, не успеть получить, так как через неделю я уезжаю. Поэтому мое корректирование будет не так основательно: ищу ошибок без рукописи (кое-что все-таки нашел), остальное же на совести немецкого корректора. Flofion ни в одном словаре не нашел, ни во французском, ни в итальянском. Зато во Французском энциклопедическом Ларусса отыскал не Flofion, а Flonflon: «refrain de chanson de vaudeville, et musique que s'y rapporte»*. В связи со всем этим я не решился поставить Flofion, хотя мне это и очень хотелось по воспоминаниям о нашей молодости, и написал Bizarreries, что все же лучше, чем Caprices, как талантливо перевело издательство. В общем хорошо, что «Причуды» вовремя проскочили, теперь в Германии так взлетели цены, что Кусевицкий временно прекратил печатание: сюиту «Шута» оттиснут всего лишь в нескольких экземплярах для сдачи партитуры и голосов в наем, маленькие партитуры пока делать не будут, а гравировку Классической симфонии² и вовсе отложили.

Должен я Вам написать про мои впечатления от сочинений Александрова. Несмотря на то, что я подошел к ним с априорной симпатией, я был ими огорчен. Боюсь я, что родился новый Штейнберг, но из колена Метнерова, вместо колена Р[имского]-Корсакова—Глазуновского. Если угодно математическую формулу, то:

$$\frac{PK+Г}{2} : Ш = М : А$$

Вы, современные москвичи, по возрасту лежащие между Метнером и Александровым, также склонны «потрафлять» ему, как петербуржцы, родившиеся между Р[имским]-Корсаковым и Штейнбергом (Зилоти, Каратыгин и пр.), были в свое время склонны одобрять Штейнберга. Тут влияние кружка и годов. Не спорю, Александрова очень приятно играть, он, как говорят, «симпатичное» дарование, и даже иногда ре-

* припев водевильного куплета и музыка к нему (*франц.*).

<стр. 172>

шается на крошечные открытия. Но, боже мой! и Штейнберг был совсем приятен и тоже делал открытия (прошу вспомнить рожек в низких регистрах одной из плясок «Метаморфоз», или партия второй тубы во 2-й симфонии), однако этого мало и это все-таки второразрядно. И Вы ни разу не воскликните: ах, черт возьми! А кроме того, есть у Александрова и злейшие промахи против хорошего вкуса: я ничего не имею против нонаккорда в цепи гармонической последовательности. Но нельзя же вливаться ему в губы, замирая от

блаженства, как это часто делает он; я люблю трезвучие, но невозможно закатывать ликующие концы на бесконечном трезвучии (4-я соната, стр. 22; «Александрийские песни», стр. 11)! Таким концом уже блеснул Рихард Штраус в «Иосифе Прекрасном», от чего я в свое время убежал из театра.

Очень хочу надеяться, что я не прав или, во всяком случае, не совсем прав, и что за пнями я не вижу зеленого леса. Я ведь в сущности, за исключением последнего замечания, не ругаюсь, а только злюсь, что не могу достаточно похвалить. Очень желал бы видеть его пятую сонату, а также сочинения Фейнберга, эти же заберу с собою в Париж и покажу кому следует.

Крепко Вас целую. Прошу писать на Этталь, — мне перешлют.

Любящий Вас *С. Пркфв*

181. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

14 октября 1923 г., Этталь

Этталь, 14 октября 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

Посылаю Вам три рецензии¹ на «Аластора». В конечном счете Вас пробрали, хотя, не скрою, меня после «Шута»² пробрали вдвое больше и жестче. Станный народ лондонцы! И нельзя сказать, что Лондон — деревня или что там не интересуются новой музыкой, а между тем их черепа иногда неимоверно утолщаются. Есть там один критик, который меня особенно ругал; но я ему мстил тем, что целовался с его женой.

На днях получил от кого-то из Москвы толстый пакет: сочинения Фейнберга, № 3 «Новых берегов»³ и шикарную ботаническую книгу. Кто бы мог прислать такой букет? Держановский? Издательство? И что это: в подарок, на просмотр, или как? К сожалению, по случаю сборов и заканчивания всяких делишек (сегодня уезжаю во Францию), успел только поверхностно поглядеть сонаты Фейнберга. Кажется, Вы правы: тематическая изобретательность не ярка, но инструментовано (для фортепиано) здорово. Интересны топтания то правой, то левой руками на стр. 16—17 в четвертой сонате. Скучно только, что все время приходится делать математические выкладки, чтобы понять счет. Фейнберга, Александрова и, конечно, Вас забираю в Париж и буду показывать.

От души обнимаю Вас. Пишите на Этталь.

Ваш *С. Пркфв*

<стр. 173>

182. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

22 октября 1923 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
искреннейше благодарю Вас за сообщение мне многих необходимейших

сведений. Голоса 5-й симфонии, я надеюсь, будут издательством подготовлены вовремя и в Лондон своевременно отправлены. Сегодня получил от Вас «аласторические» вырезки — ничего не понял, но раз Вы пишете, что мне попало, то и стараться понять не буду — мне теперь так везет на всяческую ругань, что я в высокой степени обтерпелся и перестал интересоваться какими бы то ни было о себе писаниями. Мне очень досадно, что Вы тратили время на корректуру моих щенков, но, конечно, я Вам только безгранично признателен. Между прочим, не сможете ли Вы мне сообщить те опечатки, которые Вы нашли в «Семерых», это мне нужно, чтобы выправить оркестровые голоса, комплект которых нами все же изготавливается. У нас сейчас происходит выставка акционерного общества «Книга»; воспользовавшись этим, Держановский в своем нотном отделе устроил целый ряд концертов-выставок, при чем из Ваших вещей были сыграны: 4-я соната (Фейнбергом — очень недурно), 1-я соната (не им — слабо), баллада виолончельная (тоже неважно), «Бабушкины сказки» (Игумновым — отменно, дважды), скрипичный концерт (почти хорошо — очень даровитым скрипачом Мильштейном)¹; несмотря на несовершенное исполнение этого концерта, исполненный после него с большим блеском тем же скрипачом очень занимательный и вычурный концерт Шимановского, несмотря на весь его о б ы ч н ы й виртуозный шик, по музыке явно потускнел, что было отмечено не только музыкантами — поклонниками Вашей музыки, но и просто публикой (публика, правда, исключительно музыканты), у которой Ваш концерт имел определенно большой успех. Скрипачи и некоторые тупицы злились, что там играть нечего, что все трудности идут как-то мимо существа скрипки (!), все это, мол, только экстравагантности и т. д., а главное, что это не концерт, а соната, и потому, мол, это нонсенс, и черт знает еще чего не наболтали. А мне это всего больше и понравилось, что в концерте совершенно нет той эстрадной пустотности, а если так можно выразиться, — одно сплошное содержание. Единственно, что мне меньше понравилось, это 2-я тема финала, но когда она в конце идет на скрипичных гаммах, это очень здорово. ЕСТЬ он в партитурном виде? В ближайшую среду (24-го) последняя «выставка»² — где идут Ваши: ев[рейская] увертюра (с Розановым и Игумновым), 2-я, 3-я сонаты и «Мимолетности» (В. Шор — очень виртуозный пианист — молодой), несколько песен из последних «изумительных» бальмонтских романсов (Копосова и Ламм) и, наконец, 3-й концерт (Миронов — solo и Игумнов — оркестр). Видите, мы Вас не забываем.

<стр. 174>

Жаль, что безвременно кончился наш журнал³. Из-за этого мы никак не сможем «прессировать» бывшие концерты. Но, по правде говоря, Вам пресса у нас мало нужна, ибо Ваших нот в лавках прямо не напасешься.

Теперь несколько слов о Фейнберге, Александрове и т. д. Дело в том, что Вам издаека, конечно, не все видно, и потому Вы убедились бы, что особых преувеличений по отношению к творчеству Александрова у нас нет. Мы отчетливо видим его приверженность к московскому кумиру, но не в этом

ощущаем его ценность, а в той значительной доле искренности, хорошего вкуса и все же несомненном стремлении к новизне, которое мы за ним знаем. Это талант склада — повествовательного, рассуждающий, но рассуждающий умно и весьма часто горячо, а для меня, кроме того, и явно, порой, по-своему. Мы не падаем перед ним ниц, как это казалось в Петербурге перед Штейнбергом, а просто любим его и ждем от него больше того, что он дал, и, думаю, мы не ошибемся, хотя особых откровений и «ах, черт возьми» и не будет; но интимно нужное, для души и ума от него всегда останется; из того, что Вам послано, я больше всего люблю 2-ю сонату, 3-ю (за исключением некоторых местечек), совершенно метнерическое Анданте из 4-й (где определенно хороша разработка 1-й части) и 3 последние «Александрийские песни», в особенности же 4-я⁴.

Фейнберг — по нашему общему мнению, значительно даровитее и своеобразнее, он уже теперь дал много такого, чего до него вовсе не было, он, так сказать, уже сделал какой-то исторический вклад, главным образом, конечно, гармонико-психологического характера. У него один крупный недостаток — истеричность, этот недостаток в нем настолько органичен, что проникает и [в] исполнение его в такой мере, что, пожалуй, очень многое из Ваших сочинений в его интерпретации Вы бы вовсе не узнали, как я с трудом различаю порой контуры своих сонат под его руками, и, тем не менее, должен признать, что он играет в «конечном итоге» верно и, главное, очень «одержимо». 4-я соната его, это, быть может, одно из самых загадочных сочинений и, кроме того, еще кошмарное по замыслу. 2-я фантазия и сюита в этюдном роде ярче и проще, но не знаю еще, что лучше. Ноты его посланы, конечно, через «Книгу» мной, а все приложения Держановским.

Ну, вот. Желаю Вам оглушительных успехов. Между прочим, я сделал себе копию 7-й симфонии, быть может, удосужусь на переложение — послать Вам просто для знакомства, или Вы и так заняты, чтобы просматривать всякие партитуры? Можете быть вполне откровенны.

Не знаете ли, между прочим, получу ли я хоть пару авторских экземпляров «собачек», и послали они мне за них деньги через Рос[сийский] коммерческий банк или все еще раскачиваются? Я знаю несколько своих знакомых, которые очень исправно получают заграничную валюту за свои литературные работы в заграничных музыкальных журналах.

<стр. 175>

Если увидите в Париже Фительберга, напомните ему его намерение прислать мне партитуру Амалии № 3.

Всего лучшего.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

22/X 1923. Москва

183. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

13 ноября 1923 г., Париж

Париж, 13 нояб. 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

На днях играл в Париже 3 «Причуды»¹, которые были приняты очень хорошо. Эберг полагает, что они будут отлично расходиться в продаже. № 6 не успел выучить, так как в печати долго держали ноты, — но буду играть ее при следующем случае. №№ 2 и 3 я не очень люблю и играть, вероятно, не буду.

Приехав в Париж, с гневом узнал, что Ваш гонорар почему-то до сих пор не был Вам переведен. На днях он будет выслан Вам в фунтах из Лондона.

С 5-й симфонией тоже тут наглумили: почему-то продержали в издательстве и не передали Кусевицкому. Теперь он уехал в Шотландию, но я перед отъездом успел сыграть ему «Причуды», ч р е з в ы ч а й н о понравившиеся ему, и очень основательно поговорить о Ваших симфониях: 5-й и 7-й.

Пятую он недурно помнит (Вы играли ее ему в России), и она нравится: седьмой он был крайне заинтересован. Результат: он обещает сыграть одну в Париже в мае, другую в Америке будущей осенью (он подписал контракт в Бостон). Вследствие этого, очень хорошо бы, чтобы я получил фирхендиш 5-й к концу декабря. Нет ли у Вас хотя бы корректурного экземпляра? В конце декабря и Кус[евицкий], и я будем в Париже, тогда бы я ему поиграл — для пущего вразумления.

Вообще, если бы у меня было четырехручное переложение, я поиграл бы и другим дирижерам: им ведь надо вдалбливать — самим некогда.

Что касается 7-й, то постарайтесь создать копию партитуры и пришлите ее тоже в Париж. Но, ради бога, не переписывайте сами. С другой стороны, посылать, не имея дубликата, — безумие.

Адресовать все ноты следует:

Мне, Musique Russe, 3, rue de Moscou, Paris, 8^e. Пока унимаюсь. Писал Вам в начале октября из Ettal'я. С тех пор от Вас ни духу. Напишите мне к 1 декабря в Ettal.

Крепко целую Вас.

Ваш С. Пркфв

<стр. 176>

184. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

22 ноября 1923 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
был и обрадован и огорчен, получив Ваше письмо aus Paris,—значит, Вы не получили моего довольно основательного письма, пущенного к Вам около конца октября.

Там я писал Вам о разных вещах, между прочим, об исполнении полого ряда Ваших опусов на выставках общества «Книга», устраивавшихся Держановским. Для сведения повторю, что игралось: «Бабушкины сказки» — дважды (Игумнов), 1-я соната, 2-я и 3-я сонаты, 4-я соната, виолончельная

баллада, скрипичный концерт (очень недурно, неким Мильштейном; после этого значительно потускнел тут же сыгранный эффектный концерт Шимановского). «Мимолетности», новые бальмонтские — совершенно гениальные — романсы (Колосова и Ламм) и, наконец, 3-й концерт (Миронов — молодой и Игумнов), ах, еще — 4 танцевальные пьески (Нейгауз), — но это было сыграно уже несколько позже, еще забыл — еврейская увертюра (Игумнов, С. В. Розанов и молодой русский квартет) — дважды. Вот, кажется, и все. Популярность Ваша прямо непристойна, — Вы забили даже московских кумиров — Рахман[инова], Метнера. Игумнов бредит Вашими изделиями, даже Гольденвейзер начал воспринимать, ну, а про молодежь я, конечно, и не говорю. Но зато в другом месте Вам не повезло — сидящая в издательстве цензура, неизвестно точно из каких побуждений, вероятно, из страха религиозной пропаганды, наложила запрет на продажу «Семеро их» — не совратились бы мы в идолопоклонство! Немножко смехотворно, но все же очень неприятно, так как мы готовили голоса и думали протолкнуть где-нибудь их исполнение. Держановский все же надеется устроить небольшое суррогатное исполнение на закрытых выставках — с солистом и хором, но под 2 фортепиано. Мне это мало улыбается, но лучше как-нибудь, чем никак. Между прочим, не могли бы Вы сообщить мне найденные Вами в них опечатки (я попрошу внести поправки в доски и выверю партии).

Недавно пробовали играть в 8 рук «Алу и Лоллия» — здорово выходит, но, к сожалению, В. М. Беляев сделал пока только 1 ½ части¹. Сообщение Ваше об исполнении щеночков очень меня порадовало — в особенности, если это Вам, действительно, нравится, с чем я никак не могу примириться. Из них я люблю только 1-ю, Quiet'у и последнюю Fis-dur'ную, но ценю только последнюю. Пришлют мне хоть сколько-нибудь авторских? — Если соблаговолят — то прямо бандеролью на дом.

О четверорукой 5-й симфонии я уже сказал Держановскому — он возьмет из магазина и пошлет, но только я проглядел, что Вы дали парижский адрес, и боюсь, что ноты уже укатили в Этталь. Если нет — исправлю. Партитуру 7-й мне уже скопировали. Я сейчас сижу над корректурой. Могу послать ее Вам — тоже в Париж? Я в ней что-то разо-

<стр. 177>

чаровался — немного нудно изложена побочная партия в 1-й части, очень вязко гармонически и густо и неподвижно инструментально. Попытаюсь сделать четырехручку, хотя у меня очень как-то мало остается времени после учеников, обязательных концертов и издательской канители, которой я все еще принужден заниматься.

Между прочим, если Кусевицкому понадобится вполне внешне приличный экземпляр партитуры моей 5-й, он ведь может его получить из берлинского магазина «Книги» — там это должно быть. Мои здешние благоприятели больше всего увлекаются моей 6-й канителью и, пожалуй, в смысле возможности внешнего успеха, они могут оказаться правы — в ней есть некоторая внутренняя убедительность и даже эффектность, но мне как-то

она уже чужда стала и совершенно нет желания ее пропагандировать, хотя для того же Кусевицкого она, быть может, куда выигрышнее, чем 7-я, которая, в конце концов, все же производит экстравагантное впечатление, несмотря даже на скромность и робость моих приемов. Впрочем, если действительно Кус[евиц кий] серьезно может сыграть 7-ю, то, конечно, я с восхищением приму это, так как здесь мне ничего не удастся добиться — до сих пор не сыграна даже 4-я², которую я ценю, во всяком случае, больше, чем общедоступную 5-ю!

Пока всего лучшего. Да, восстановили Вы партитуру Вашу 2-го концерта? Есть ли партитура и голоса скрипичного концерта для исполнения? А 3-й концерт имеется в прокатном виде? Я полагаю, что наша молодежь — Мильштейн и Миронов смогут быть двинуты на симфоническую эстраду.

Ну, всех благ и успехов.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

22/XI 1923. Москва

185. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 декабря 1923 г., Обераммергау

Н. Я. Мясковск[ому],

Oberammergau

Москва

4 дек. 1923

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич]

и

дорогой Влад[имир] Владимир[ович].

Получил: клавир 5-й симфонии и Балладу, 2 письма от В[ладимира] В[ладимировича] и два от Н[иколая] Я[ковлевича]. За все очень благодарю. Вернулся в Баварию для того, чтобы съезжать из дома в Эттале, в котором мы прожили почти два года и который ныне продан, — в

<стр. 178>

связи с этим масса глупейших хлопот; кроме того, серьезно больна мама, и, наконец, завтра надо ехать в Женеву играть с Ансерме 3-й концерт¹. Поэтому прошу извинить меня, что отвечаю обоим совместно, и буду в моем ответе схематичен.

Очень прошу Н[иколая] Я[ковлевича] выслать партитуру 7-й мне и Париж. Лучше, если и клавир, но буде последнее трудно, то не надо. 24 ноября я играл 3-й концерт в Лондоне², там ждут материал 5-й симфонии и согласны платить 3 ф[унта стерлингов] за прокат. Желают иметь его как можно раньше. Если этот материал после 8 марта, то есть после исполнения в Лондоне, не имеет иного высшего предначертания, то сопроводите его приказом переслать его затем в Париж для того, чтобы Кусев[ицкий] тоже имел его заранее. Если такого сопроводительного приказа не будет, то из Лондона его вернут в Росс[ию] и получится ерунда. Кусев[ицкий], конечно, тоже заплатит за прокат, хотя и меньше. Кстати, обидно, что клавир 5-й напечатан на двух страницах³;

куда яснее печатать партитурно, как, например, «Петрушка».

Партитура «Семеро их» расписывается на голоса в Лейпциге, поэтому я, к сожалению, не могу указать опечатки, найденные в ней. Между прочим, одна из неприятнейших не в орк[естре], а в хоре: при начальных восклицаниях «Тэлал!» тенора должны хватать *фа* первой октавы, а не малой. Я сделал клавир для двух рук, который отвратителен и пригоден только для занятий с хором и солистом. Партитура и материал моего 3-го концерта будут размножены, кажется, фотографическим путем и поступят в продажу (не в наем) к весне. Затем то же сделают со скрипичным концертом. К сведению джентльменов, считающих последний мало концертным, сообщаю, что в Париже имел успех не столько самый концерт, сколько его исполнитель⁴, который до тех пор был в абсолютной неизвестности, а сыграв мой концерт у Кусевицкого, получил приглашения исполнить его в Париже еще 3 раза в течение сезона, не считая приглашений в провинцию. К сведению же мудрого Соломона: при исполнении с оркестром лучше всего звучали заключительные 6/8 первой части и понтичелло второй. Пусть он пойдет и поцелуется с Ауэром, испепелившим в свое время концерт Чайкина!⁵ Второй концерт для фортепиано я весь пересочинил наново, вышло что-то вроде четвертого. Очень польщен новыми концертными планами В[ладимира] Владимировича], но предков моих не ведаю и куда иду не интересуюсь, поэтому ни на один его вопрос ответить не могу. Е[катерине] В[асильевне] сердечная благодарность за лишение невинности «Столбов»⁶ (кажется); жаль, что никто мне не написал подробнее о том, что думают в Москве об ор. 36, он мне очень близок. Физиономию пришлю с крайним удовольствием. Перед погружением «Берегов» в пучину, вышел ли № 4?⁷ Если да, — пришлите.

Мой адрес для писем: Serge Prokofieff, c/o Am[erican] Ex[press].

Для нот и тяжелых пакетов: Musique Russe.

Н[иколай] Я[ковлевич] должен иметь 5 экземпляров «Причуд». Я не знаю, вышли ли они среди вихря немецкой дороговизны, но незави-

<стр. 179>

симо от этого напомню издательству о высылке Н[иколаю] Я[ковлевичу] пяти штук. Получен ли гонорар? За ботанику большое «русское мерси», — читаю с удовольствием.

Лучшие пожелания и крепкие пожатия всех четырех рук и сорока пальцев (и на ногах включительно).

Ваш С. П.

186. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 декабря 1923 г., Мюнхен

5 декабря 1923

Дорогой Николай Яковлевич.

В дополнение к моему вчерашнему заказному, — пожалуйста, если можно, пришлите мне в Париж Вашу чельную сонату: кажется, мне

удастся сыграть ее там¹.

Обнимаю Вас.

Ваш *С. Прокофьев*

187. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 декабря 1923 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
пишу Вам, не зная точно, где Вы сие послание будете читать. Оно, конечно, подойдет около праздников, или сзади вернее.

В ответ на Ваше последнее карточное извещение, соната была мной немедленно послана через «Книгу», также с ней вместе и 7-я симфония в партитурном, копияно-проверенном, виде. Над переложением еще сижу — оно хоть и не очень замысловатое, но все-таки неудобопишущее. Во всяком случае, месяца через полтора я к Вам его направлю, чтобы раньше — не думаю, так как придется дать переписать, а каши переписчики сейчас завалены работой по изготовлению партий моей 5-й и солитерообразной 6-й, которая, быть может, пойдет здесь в концертах Большого театра, и партий и партитуры танеевского «Псалма» Сам же я на каникулах думаю сесть за сочинение музыки, а не за переписку переложений. Хотя должен откровенно сказать, у меня таков сейчас ощущение, что я совсем обездарен — потерял почву под ногами, Писать с той идеологией, то есть, строго говоря, вовсе ни о чем не думая, больше не могу, так как, очевидно, вся эта ранняя канитель никому не нужна. Писать так, чтобы было нужно у нас, — трудно, так как придется опроститься до райского состояния, а я все-таки слишком от

<стр. 180>

этой безоблачности и бескостюмности далеко уехал. Одним словом — сижу между двух стульев, и, конечно, в состоянии полного бесплодия. Но по поводу некоторых ламентаций* Вашего письма, скажу следующее: Вы, видно, промахнулись одно место моего длинного письма, где я определил одним словом мое отношение к Вашим последним романсам² — гениально, обмолвился я там, и не думаю ни секунды отступаться от первоначального определения. Какой лучше? — С трудом могу судить, так как каждый бывает лучше, когда его слушаешь, но все-таки «Столбы», пожалуй, все покрывают, еще есть один невероятный — с остиной темой. Но беда в том, что их во всей Москве — 2 экземпляра, потому не могу дойти как следует до всех. Колосова пела про «Птиц» — чудесный — и «Столбы». Во всех романсах замечается явная склонность к belcanto, что особенно занимательно при изысканности вокальных и гармонических нюансов. Очень хорошо в них — отсутствие лишних нот, невероятная прозрачность письма. Что касается концерта скрипичного, то, конечно, при исполнении, на мой взгляд, всякие Соломоновы экивоки были опровергнуты, хотя и не совсем, так как скрипач, хотя и хорошо играл, но явно недоученно.

Изредка развлекаемся Вашей «Алой» — к сожалению, еще не всей, так как Беляев переложил только пока 2 части³. Но то, — что мы играем — мы

воспроизводим с упоением.

Теперь поздравлю Вас с праздником и пожелаю величайших успехов в наступающем году. Пишут, что Вы разрешились «Огненным ангелом»⁴. Это что-то уж слишком «божественно». А 5-я соната?⁵

Что касается Российского] муз[ыкального] изд[ательства], то они, конечно, денег мне еще не прислали, а было бы совсем не безвредно сделать мне через Коммерческий банк такой «перевод» (это лучше, чем «чек», так как выдают валютой).

Между прочим, Беляев все долбит меня, что я ничего не хочу сделать для Интернационального общества⁶ и пристаёт, чтобы я заставил Фительберга послать в Цюрих, где у них концертное бюро, партитуру моей Амалии (3-й дочери); но я безнадежно потерял его (Фителя) адрес, да и не знаю, где он обретается. Мне он партитуру, конечно, не прислал. Мне очень не хочется Вас обременять этим делом, но если бы случилось, что Вы этого немолодого человека где-нибудь увидите или услышите, скажите ему, что я настоятельнейшим образом прошу его послать от моего имени (или нашей Московской секции Интернационального] общества) партитуру 3-й симфонии по следующему адресу: Suisse, Zürich, 8, Florastrasse, 52. Herr H. W. Draber; сему лицу.

Кажется, что-то пишет Беляев.

Всех благ. Пишите.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

23/XII 1923. Москва

* сетований — от lamentatio (лат.).

<стр. 181>

188. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3 января 1924 г., Сэвр

Сэвр, 3 января 1924

Дорогой Николай Яковлевич.

На днях Боровский и я, предварительно срепетировавший, играли в четыре руки Вашу пятую симфонию Кусевицкому, который следил по партитуре. Насколько горячо Кусевицкий отнесся к «Причудам», настолько холодно он принял симфонию, находя, что ее совсем не следует играть в Париже. Ни для кого не секрет, что на вкус Кусевицкого полагаться нельзя, однако в н ю х е ему отказывать не приходится: еще в России он выявлял недурной нюх и теперь, в Париже, отлично осведомлен о том, что делается с музыкой. Он не пытается в е с т и музыку, как это во что бы то ни стало хочет Стравинский, он не пытается суммировать и подхлестывать всех ведущих ее, как Дягилев, и превосходно знает, кто куда зашел и как к чему относятся те или иные круги слушателей и ценителей, а потому его отношение к пятой симфонии не приходится принимать лишь как случайный отказ одного из

дирижеров, но как отражение мнения довольно значительного круга.

Конечно, с его впечатлением от пятой я горячо спорил, но теперь, оставаясь с Вами с глазу на глаз, я должен на Вас обрушиться, ибо я, говоря прямо, не только не в восторге от нее, но от многого просто в ужасе. Да! в этой симфонии нескладное, мертвящее влияние Глазунова! Как объяснить влияние этого кадавра? Отчужденностью России? Ореолом, который ему удалось сохранить в пределах четырех стен Петрограда? Ведь известно, что Глазунов не классик — ибо классик есть смельчак, открывший новые законы, принятые затем его последователями. Глазунов же собрал хорошие рецепты и сделал из них добрую поваренную книгу. Он в своих приемах и инструментовке — безличное собирательное место, и потому от тех страниц, где Вы подпадаете под его влияние, веет бессилием и тленью. [...] Глазунов мог суммировать в себе несколько старых рецептов и даже привлечь к себе некоторые сердца «новизною от смеси двух старин», — но его влияние бесплодно и рождает только тлен¹.

Нападая так на Вас, я ни слова не говорю про музыку пятой симфонии, я говорю только про приемы письма и оркестровку. Возьмем 5 или 6 (я не касаюсь ни ритма, ни музыки, а только оркестровки и манеры воплощать мысль): это бледно, неуклюже, старо, и без малейшего вожделения к звуку, без малейшей любви к оркестру, без всякой попытки вызвать его к краске, жизни и звучанию. А начало второй части, — как можно терпеть 12 медленных, бесконечных тактом тремоло в таком голом, схематичном виде?! — Даже в клавире лучше, так как в нем трель освежает бесцветность тремола. Я уверен, если подумать, то эту страницу можно наполнить целой туманностью шорохов, шелестов, недосказанностей, намеков и сделать из нее какой-то таинственный мир, целый оазис в симфонии! Я не сомневаюсь, если Вам

<стр. 182>

задать задачу: дать эту страницу в качестве голой схемы и предложить разработать ее, создав из нее интереснейший цветущий уголок (хотя и целомудренный), — то Вы сами увлечетесь такою работой — и какую бездну открытий сделаете во время нее!

А начало финала — боже, какой беспросветный Глазунов! Какое пренебрежение к инструментовке! Точно никогда не было ни Стравинского, ни Равеля (ведь он юлою вился, инструментуя «Картинки» Мусоргского, и стараясь создавать что-то в оркестровке, — иногда срывался, но иногда достигал изумительных звучностей), ни даже Р[имского]-Корсакова. Даже Чайковский, наверное, придумал бы какое-нибудь противопоставление групп и тембров. А заключительные страницы — неужели хоть на прощание нельзя поднести какое-нибудь яркое тутти, вместо схематических столбов из белых нот? Что это, презрение к оркестру? Но ведь Вы же носились с мыслью написать «Причуды для оркестра»! Тогда что же? — признание глазуновских приемов надежнейшими, за которые и переступать не стоит? [...]

Я счастлив прочесть в Вашем последнем письме, что Вы чувствуете себя

без почвы под ногами: это значит, что Вы в глубине переживаете что-то близкое к тому, что и я почувствовал, глядя на пятую симфонию. Куда идти? А вот куда: сочинять, пока не думая о музыке (музыку Вы всегда пишете хорошую, и не здесь опасность), а заботясь о создании новых приемов, новой техники, новой оркестровки; ломать себе голову в этом направлении, изоцрять свою изобретательность, добиваться во что бы то ни стало хорошей и свежей звучности, отрешившись от петербургских и московских школ, как от угрюмого дьявола, — и Вы сразу почувствуете не только почву под ногами, но и крылья за спиной, и главное — цель впереди. Я не сомневаюсь, что Александров и Фейнберг и остальные — дивные ребята, но эти метнеровские осколки висят на Вас как камни и невидимо тянут Вас в теплое, уютное болото. Болотному жителю в болоте — рай; у Вас же, человека свежего, невольно вырывается крик ужаса при погружении: «спасите, подо мной нет твердой почвы!» Еще бы, где ж в болоте да твердая почва! Разве что на дне.

Должен ли я у Вас извиняться за это письмо? Мне кажется — нет. Ибо мною руководит не только горячая любовь к Вам, но и такая же вера в Вас, — и я не хочу думать, чтобы Вы могли понять меня как-нибудь иначе.

Я знаю, Вы мне скажете, что после пятой есть и шестая, и седьмая и что эта, на народные темы, сделана в популярном, «народном» стиле. Верно. Я не знаю ни шестой, ни седьмой, но знаю последнюю сонату и не раз восхищался, с какою ловкостью Вы, например, уходите в ней от квадратности ($4 + 4$), весьма частой в пятой симфонии. И все-таки даже в народной вещи нельзя обращаться к Глазунову [...]

Несколько слов о текущих делах. «Причуды» напечатаны, но Эберг вдруг спохватился, что обложки — по новой орфографии, и взвыл. По этому вопросу были разные переговоры, но теперь он улаживается. От-

<стр. 183>

тяжка с посылкой гонорара не имеет имени. Оказывается, Эберг не решился его переводить, так как банк взимал порядочный процент. На прошлой неделе я имел с ним бурный разговор, и он клялся, что им шлет незамедлительно. Во всяком случае, пока я около Парижа, я буду висеть у него над душой и извещу Вас о высылке дополнительно. Адрес Фительберга: Варшава, Złota, 16. О посылке третьей симфонии в Цюрих я уже написал ему. В «Огненном ангеле» божественного мало, но оргиастического тьма. Когда я все это соркеструю — аллах ведает. Пятую сонату, наконец, пристукнул и учу ее наизусть. Также подучиваю шестую «Причуду», так как думаю повторить их в следующем парижском клавирабенде.

Я окончательно перебрался из Германии во Францию и отныне прошу писать в Париж, на «Американский Экспресс». Впрочем, если что-нибудь послали на Баварию, то оно не пропадет; там еще моя мать, которая мне переправит.

Крепко Вас обнимаю и целую.

Любящий Вас *С. Прокофьев*

Кусевицкий продолжает интересоваться Вашей седьмой симфонией и очень просил познакомить его с нею, как только придут ноты.

189. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12—16 января 1924 г., Москва

12/1 1924

Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
сейчас получил Ваше письмо, очень рад. Вся Ваша ругань по адресу 5-й нисколько меня не обидела и не взволновала. Вы совершенно правы, и Кусевицкий тоже прав — ее, конечно, нельзя играть в Париже с точки зрения музыканта, то есть с настоящей художественной. В ней бездна Глазунова, в ней бездна плоских звучностей и, вообще, она для меня не представляет собой ничего объективно ценного, а 1-я тема финала даже просто отвратительна. Но, субъективно, я в ней люблю кое-что — редкую для меня текучесть музыки, в особенности в двух средних частях. Инструментовка ее, я повторяю, ординарна, а местами (1-я часть — 2-я тема, финал) очень плоска. Тем не менее симфония здесь, при исполнении, всегда производит отличное впечатление, а заключительные белые ноты финала именно так и должны быть — это просто хорал — гимн, и звучит заражающе оглушительно, хотя и провинциально. Впрочем, о ней довольно. Я удивляюсь, что Вы не получили еще партитуры 7-й симфонии — она послана уже давно. Но думаю, что с инструментальной стороны она Вам тоже не понравится. Там масса

<стр. 184>

трафарета, а кое-что (2-я тема 1-й части) не выходило иначе как грузно и очень назойливо (басы и средние голоса) насыщено. Вообще я в пси разочаровался. Хотя, конечно, это лучше 5-й симфонии, написанной после голода войны (хотя 4-я, написанная тогда же, все же острее и лучше), но также имеет на себе отпечаток другого голода. Хуже всего, что и 7-я, и 6-я (инструментованная позже) — все носят на себе отпечаток: во-первых, моего невладения оркестром вообще, а во-вторых, невероятного интеллектуального голода, в котором мы эти годы жили, да и сейчас живем ¹. Ведь ноты из-за границы начали получаться только недавно, и этот импульс только сейчас начал действовать, но и этого мало — ведь здесь теперь совершенно нельзя услышать оркестрового исполнения — очень редки концерты в Большом театре по совершенно избитой программе — вот и все. Хуже всего, конечно, что не слышишь себя в оркестре и ничего современного. Вероятно, я буду еще работать, и работать иначе, чем до сих пор, — но рекомендуемая мне Вами почва находится почти что на другой планете. Хотя, во всяком случае, те эскизы для 8-й ², которые я сейчас делаю, дают мне кое-какие надежды, но удастся ли это осуществить, не знаю. Я очень боюсь опуститься новее. Спасибо за Ваше письмо. Хорошо, что 5-я не пойдет в Париже, но для него у меня все-таки ничего нет. Я не писал ничего о божественном в «Огненном ангеле», но приписал лишь **Вам** некие

божественные функции, раз Вы разрешились «ангелом» да еще «Огненным».

Всего лучшего.

Пишите — только от Вас бодрюсь!

Ваш всегда *Н. Мясковский*

Переложение 7-й в 4 руки сделал. Но перепишу только, когда получу деньги из Парижа. [...]

Думал по поводу пары фраз из Вашего письма: что я не люблю оркестра и о том, чтобы делать какой-то оазис в начале второй части 5-й девки. Оазис, конечно, был бы ни к селу, ни к городу при общей ординарности других звучаний, но это начало, какое есть, не так уж медленно, как Вы думаете (*Lento* в клавире, в партитуре изменено на *Quasi Andante*). А о «не любви» — Вы не то, что правы, а близки к сущности: нельзя любить того, — что не знаешь, исполнить свое сочинение раз в 2 года, да и то кое-как, ведь это ничего не дает, кроме мимолетных ощущений; знания и любовь при этом приобрести очень трудно. Кроме того, как это сейчас ни странно, меня звучность, как таковая, очень мало увлекает, я настолько бываю поглощен выражением мысли. Но, конечно, эта небрежность в конце концов приводит к искажению мысли и ее оплощению. Потому, естественно, я этот метод (то есть отсутствие метода) брошу и буду пытаться ближе следовать Вашему совету.

Ваша 5-я соната большая? Еще раз всех благ.

14/1

Ваш

Н.

Мясковский

<стр. 185>

16/1. Никак не умудрюсь отправить это письмо. Хочу просить Вас вернуть мне партитуру 7-й, так как я внес в нее массу изменений, которые очень трудно указать в письме: прибавил ударных, кое-где медные блики, сильно облегчил басы и массу мелочей!

Держановские — приветствуют.

Н. М.

190. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 января 1924 г., Париж

Париж, 22 января 1924

Дорогой Николай Яковлевич.

Седьмую симфонию и чельную сонату получил — симфония приятно глянула фа мажором на си мажоре...

Пишу Вам на бумаге одного нового концертного общества, начавшего свое существование в Париже с сего января, и в котором, между прочим, я буду играть мой третий концерт. Дирижирует у них Вольф, бывший дирижер нью-йоркского Метрополитена и парижской Опера-Комик. Так вот, я ему играл Вашу пятую, содержанием каковой он остался премного доволен и каковую решил исполнить в Париже 28 марта¹. Пожалуйста, дайте

немедленно распоряжение в Лондон, чтобы после 8 марта материал симфонии был выслан в Париж по адресу, что наверху листа (так как наверху листа много лишнего, то лучше адресовать так: Direction des Grands Concerts Modernes, Théâtre и Cora Laparcerie, 25, rue Magador, Paris, IX-e), а мне сообщите, что делать с этим материалом после 28 марта. За прокат материала здесь заплатят 100 франков, то есть нормальную парижскую цену за прокат симфонии.

Написали ли Вы Фителю (Варшава, Zlota, 16), чтобы он послал Вашу третью в Цюрих? Я ему уже писал об этом, но хорошо бы, чтобы Вы повторили. Я только что играл в Лондоне мой первый концерт с Гуссенсом² и говорил ему про эту симфонию: он один из членом жюри и едет в Цюрих на заседание жюристов в конце февраля.

Крепко обнимаю Вас и поздравляю с предстоящим исполнением 5-й в Париже, о каковом напишу Вам подробно, так как рассчитываю конец марта провести здесь. Я, конечно, предпочел бы, чтобы шла 7 я, но это труднее, ибо для нее надо не только желание дирижера, но и деньги на создание материала.

Лапочку жму и прошу писать мне в Париж.

Ваш С. Пркфв

<стр. 186>

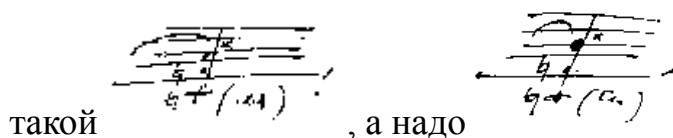
191. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 11 марта 1924 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич.

[...] На этих днях был концерт, где играли мою 5-ю симфонию и Ваш 1-й концерт¹. Отлично играл С. Фейнберг, хотя для каденцы ему не хватило свободы и уверенности. Как изменилось мое звукозерцание! — Я наслаждался оркестровой звучностью концерта, а как я, в свое время, морщил нос. Дирижировал Купер, — правда, не отменно. Я надеюсь, что этот концерт можно будет поставить без дирижера, — тогда может получиться «что-нибудь совсем особенное», так как наш «Ансамбль» аккомпанирует изумительно гибко, а звучность самого оркестра (так сказать, материальная) совершенно необыкновенная². Получили Вы мое письмо с ответом на ругань 5-й? Неужели пропало! Я, кроме того, просил мне вернуть партитуру 7-й, так как я сделал в ней массу изменений — в сторону большей подвижности и более ярких акцентов.

Между прочим, об опечатках в «Причудах» — там несколько мелких, которые нельзя сыграть неправильно, а одна очень существенная: и № 2, стр. 5, последний такт 1-й строки аккорд

остальные все совершенные пустяки, незамеченные и пропущенные 9-ы и 1-

и.

Сейчас я дорвался до Ваших бальмонтов³ (между прочим, не пришлете ли мне один экземпляр бандеролью, так как я боюсь, что через «Книгу» мы не получим, — в тексте их есть мистика, бог и т. п.) и прихожу в совершенный восторг от всех. Пока меньшее впечатление производит «Бабочка», но я думаю, что и это исправится. Против Вас совершено небольшое преступление, которое Вы можете немедленно пресечь, — хотим устроить «Маддалену», переложение на фортепиано 1-й сцены уже сделано, теперь делаются партии, и уже заручились содействием Сараджева, который ректорствует в Институте театрального искусства (бывшее Филармонич[еское]), ведет там оперный класс. Хотим поставить в концертах Ассоциации современной музыки⁴. Когда будут готовы оркестровые голоса каких-нибудь из Ваших новых сочинений— сообщите, а то здесь жаждут играть и не могут. Всех благ. [...]

Ваш Н. Мясковский

<стр. 187>

192. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 марта 1924 г., Марсель

21 мар. 1924

Дорогой Николай Яковлевич, обнимаю Вас из Марселя, сегодня даю здесь концерт, играю, между прочим, «Причуды». [...]

Ваш С. П.

Голоса 5-й симфонии у меня.

193. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 марта 1924 г., Париж

Париж, 25 марта 1924

Дорогой Николай Яковлевич.

[...] Посылаю Вам две программы моих концертов, в которых и играл «Причуды»¹. Встречены они были со сдержанным одобрением, так же как и моя пятая соната. Ваша пятая симфония почему то и Лондоне сыграна не была, кажется, они перекромсали все последние программы. Я написал Буду, спрашивая его о причинах и прося сообщить, когда теперь он намерен играть эту симфонию. Ответ его, по получении, немедленно сообщу Вам. Не знаю, дошло ли до Вас мое письмо о том, что ее же хотели играть в Париже в марте или апреле, под управлением французского дирижера Вольфа. На этом основании я вытребовал голоса симфонии сюда в Париж из Лондона и получил их. На днях я увижу Вольфа и тогда напишу Вам, каков будет его окончательный ответ. Впрочем, он «окончательно» обещал играть симфонию еще месяца два назад, так что теперь, по-видимому, вопрос за датой². Вашу

виолончельную сонату хочет играть в Женеве русский швейцарский виолончелист Морель. Я ему не дал экземпляра, который Вы мне прислали, так как сам думаю играть эту сонату, но советовал обратиться в московскую «Книгу». Однако, если Вы найдете для него более удобный способ получить сонату, или же у Вас есть под рукой свободный экземпляр, то вот его адрес: Alfred Morel, 33 bis, Chemin Miremont, Genève.

Партитуру 7-й симфонии вышлю Вам завтра. Извиняюсь, что не сделал этого раньше, но Кусевицкий возил ее с собой в Испанию, чтобы просмотреть на свободе, и, конечно, свободного времени не нашел. Поэтому настаиваю, чтобы Вы как можно скорее прислали мне четырехручное переложение. Если к дирижеру (Кусевицкому или другому) не явишься с клавиром и, посадив его в кресло, не сыграешь ему, то ноты будут валяться без конца и без всякого толку. «Причуды» взяли на выучку Боровский и Орлов.

<стр. 188>

Перед Вашими возражениями на ругань мою пятой симфонии — опускаются руки и охватывает отчаяние, что Вам приходится работать при таких условиях. Но все же умоляю Вас изобретать не только в области инструментовки, но и в области способа изложения («фактуры»). Глухой Бетховен еще меньше слышал свои последние вещи, чем Вы, и все же — среди массы промахов — находил открытия в области звучности! Между прочим, за последнее время здесь мода на ансамбли духовых инструментов, например, 6 деревянных, 2 медных, иногда плюс контрабас и ударные. Стравинский, молодые французы — все пишут; мне тоже хочется, но никак не удосужусь³.

Очень польщен вниманием к старушке «Магдалене», только совсем не помню, в приличном ли она виде. Боюсь, что голосовые партии весьма шершавы. Под одно или два фортепиано будете пытаться ее ставить? Если это состоится, то напишите, как все обойдется. Когда-нибудь в будущем я вычищу ее и соркеструю, чтобы она даром не занимала опус.

Из моих новых партитур напечатана только сюита из «Шута», в которую вошло три четверти балета, и сделаны 4 материала, сдаваемых в наем (для России — под залог). Маленькие партитуры из-за немецкой дороговизны еще не сделаны. Месяца через два выйдут печатаемые и Париже партитура и материал третьего концерта, тогда я Вам пришлю партитуру. Для сведения желающих исполнять: и партитура, и голоса его поступят в продажу, не в наем. Партитура и материал Классической симфонии и скрипичного концерта будут напечатаны в течение лета. Пятая соната — до-мажорная, приличная, в трех частях, идет минут 15. Романсы на Бальмонта пришлю с удовольствием. [...]

Крепко Вас целую. Как восьмая? И все-таки, черт возьми, умоляю, стройте ее оркестрально и «новофактурально»!

Ваш *С. Прокофьев*

Мой адрес: до 10—15 июня: 5, rue Charles Dickens, Paris XVI.

Привет Держановским.

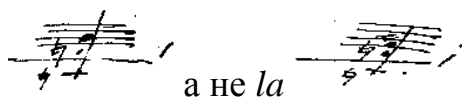
194. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

7 апреля 1924 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получил с величайшим наслаждением Ваш голос из Европы. [...]

Чтобы кончить с «Причудами» — немного об опечатках. *Re* или *Re #* ? — конечно — *Re*, это моя описка; а существенно еще только: стр. 5, такт 5, последняя четверть *si*:

<стр. 189>

все остальное — очевидные пропуски бекаров (во 2-й пьесе) и бемолей (в 5-й), которые нельзя сыграть неверно. Здесь эти пьесы до сих пор не получены. [...]

Вы меня ужасно конфузите частым разыгрыванием моих безделок — я до сих пор не могу примириться с мыслью, что их можно играть публично, и проблеск такой мысли у меня появляется только изредка, когда мне попадаются на глаза изделия Пуленков, Тайфер, Алекс[андров] Черепнинных и даже Мийо, но все это все же меня не оправдывает в моих глазах. А Боровский, Орлов — неужели они тоже попали на Вашу удочку! Я все это объясняю только тем, что Вы теперь просто чертовски играете. А Орлову больше бы пристало выучить 3-ю сонату, которая, правда, вполне платонически, но была ему посвящена.

Меня удивили темпы Вашей новой сонаты — сплошная сдержанность! Скоро она будет напечатана? Ведь это прямой расчет для издательства поскорей печатать ее — у нас Ваши сочинения имеют непрерывный сбыт, по крайней мере, по свидетельству Держановского. Вашу 4-ю сонату учит даже Игумнов¹, который, впрочем, вообще Вами увлекся и еще недавно отлично играл Еврейскую увертюру² с Розановым и молодым русским (действительно!) квартетом. Насчет «Маддалены» я еще не знаю, как это будет. Пока Беляев переложил для фортепиано 1-ю сцену, которая у Вас была в партитуре только, и даны в расписку роли. Но концерты нашей Ассоциации современной музыки возобновятся не ранее середины мая, так как до тех пор Держановский занят опять Музыкальными выставками в «Книге». Что у Вас под ор. 37? Опера? А в каком виде 2-й концерт?

Немножко опять к моим делам. Виолончельную сонату Морелю постараюсь найти в «Книге» и послать. Что касается 5-й симфонии, то я уже знал, что она в Лондоне не пошла, но также, если не ошибаюсь, в издательство сообщили, что и в Париже в ней надобность миновала. Все это мне непонятно, но несколько не волнует, так как я продолжаю быть одного с Вами мнения о ее неподходящести для заграницы главное, конечно, для Парижа; в Лондоне-то проглотили бы, но дело в том, что я убедился, что ее можно извратить так, что от нее не остается никакого смысла (Купер), — в чем, конечно, моя вина, так

как я не проставил метронома, — из-за этого получается скачка с препятствием в 1-й части, нудная канитель в Andante и какой-то танец верблюдов вместо скерцо, которое тем лучше выходит, чем скорее идет, а финал просто разваливается. Теперь на эту симфонию все же целится Зилоти из Америки, не сам, впрочем, а для какого-то дирижера Филадельфийского оркестра Стоковского³. Ему будет послана парти-

<стр. 190>

тура с errat'ой * и метрономами отсюда, а Вас я попрошу уступить ему оркестровые голоса, конечно, на время. Эти голоса, что у Вас, я взял и свою собственность, а свои здешние отдал издательству. Зилоти Вам, наверно, напишет, — так что я беспокоиться об этом больше не буду. Что же касается до разных других исполнений, то лучше всего будет поставить их уже в зависимости от американского, а не наоборот, так как после двукратной уклончивости нет, собственно, оснований рассчитывать больше на Европу. В Интернац[иональном] обществе ничего не вышло, так как Фитель 3-ю не прислал, а 4-я опоздала. Ну, да 4-я, верно, пойдет здесь без дирижера (что далеко не плохо)⁴. В воскресенье 13-го, вероятно, пойдет 6-я⁵ — вот будет, верно, фиаско! Уж спилком много надежд на нее возлагают мои приятели.

Как-нибудь, на досуге, объясните мне Стравинского — почти ничего не понимаю, хотя кое-что иной раз ощущаю, но очень смутно. Смотрел «Солдата», «Renard'a», «Свадебку»⁶ и массу мелочей. Что-то колкое и аскетическое.

Всего лучшего. Восьмая — спит.

Ваш *Н. Мясковский*

7/1V 1924. Москва

195. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 мая 1924 г., Париж

Париж, 4 мая 1924

Дорогой Николай Яковлевич.

Будет очень хорошо, если Стоковский сыграет Вашу Пятку. Стоковский — талантливый австрийский¹, американизировавшийся дирижер, занимающий теперь в Америке одно из самых первых мест, а потому, если он сыграет, на симфонию сразу обратят внимание. Я написал Зилоти, сообщая ему о том, что материал у меня — и к его услугам, и прося уведомить о дате, как только таковая будет известна, дабы все же не ставить креста на Европе, как Вы это поторопились сделать. Старуха, конечно, виновата, пообещавшись и провравшись дважды, но вот объяснения: парижское концертное общество по молодости лет и недостатку средств не свело концов с концами и не дотащило сезона до конца. Мой скрипичный концерт тоже не пошел. А Генри Вуд на мой запрос ответил, что он должен был отложить симфонию, так как у него были урезаны репетиции, но что ему эта пещь нравится и он намерен сыграть ее в начале будущего сезона. Я хочу еще заинтересовать Вашей симфонией

брюссельское симфоническое общество, где дирижер Рюльман год тому назад очень хорошо и с огромным увлечением исполнил Скифскую сюиту².
Посылаю Вам

* errata (*лат.*) — перечень ошибок и опечаток.

<стр. 191>

программу моего концерта в Лионе³, которому предшествовало несколько слов директора-устроителя о тех вещах, которые исполнялись. Про Вас было сказано по моей заметке. «Причуды» были приняты хорошо, и в Парижском отделении нашего издательства говорят, что порядочное количество экземпляров затребовано в провинцию. Напишите мне подробно, как прошло исполнение 6-й симфонии и какое Вы от нее вынесли впечатление. Состоялось исполнение 4-й без дирижера? Я помню, как Вы играли ее наброски, которые мне очень понравились, за исключением одной длинной последовательности из увеличенных трезвучий.

Мой ор. 37 — «Огненный ангел». Второй концерт⁴, сильно переделанный и почти превращенный в № 4, я буду играть здесь с Кусевицким через три дня. Это такой бесовской трудности вещь, что я уже два месяца ничего не сочиняю, только учу его на фортепиано. Пятую сонату еще не печатают, потому что я вперед проталкиваю Классическую симфонию. Мне кажется, Держановский преувеличивает успешность продажи моих сочинений в Москве: по сведениям нашего Берлинского отделения, туда совсем не так много экземпляров уходит. Романсы Бальмонта вышлю Вам на днях, извиняюсь, что до сих пор не сделал этого. Было бы хорошо, кабы Орлов выучил Вашу третью сонату, хотя мало надеюсь на то, он больше шмыгает по гостиным да прохаживается насчет Шопена. [...]

Стравинского чрезвычайно трудно разбирать по нотам — надо слушать. Из названных Вами вещей я слышал только «Солдата»: в первый раз он мне понравился и многим поразил, во второй — меньше. Во всяком случае, Вы очень метко определили, что это аскетично и в то же время колко. Тайфер — ерунда, «Променады» Пуленка тоже плоховаты, но все хвалят его балет, написанный для Дягилева⁵. В конце месяца он будет дан здесь, тогда напишу Вам о моих впечатлениях

Крепко обнимаю Вас. Разбудите 8-ю. Недавно видел Захарова, на пути из Америки, где Ганзен имела хороший успех и куда возвращаемся осенью.

Пишите.

Ваш С. Прокофьев

196. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

11 мая 1924 г., Москва

Москва, 11 мая 1924

Дорогой Сергей Сергеевич,
наконец, получил Ваше письмо — я отчаянно начал за Вас беспокоиться,

так как со времени получения мной партитуры 7-й прошло не меньше месяца, а обещанного от Вас письма все не было; до меня доходили слухи о болезни Вашей матушки, и, естественно, я за Вас очень волно-

<стр. 192>

вался. Бодрый тон письма Вашего и сведения о мучительстве 2-го концерта несколько меня успокоили. Большое спасибо за все сведения и за пропаганду моей жалкой Музы. В последнем я окончательно убедился после исполнения 6-й монструозы. В концерте она произвела «потрясающее» впечатление как на музыкантов, так и на «просто» публику, индивидуумы с расшатанной нервной системой проливали слезы.

Все это я приписываю парочке ловко состряпанных кодов, в особенности в финале, где мне помощью действительно великолепного по музыке русского духовного стиха (о расставании души с телом), с удивившей меня самого прямо-таки вердиевской ловкостью, удалось ребяческими средствами — введением хора — достичь необходимого впечатления. Но я сам был вконец разочарован. Не говоря о том, что симфония написана все в той же манере 5-й симфонии, то есть трафаретно и ординарно как по фактуре, так и, в особенности, по инструментовке (последняя оказалась местами из рук вон плоха), она еще оказалась сверхсильно трудна для оркестра, — я не умею писать легких и удобных фигурации, а в этой симфонии у меня совсем мало «тремол», — главное, она в ужасно трудных тональностях: es-moll, Fis-dur, gis-moll, H-dur, f-moll, b-moll и т. п. Теперь работы над ее переработкой (инструментовка, главным образом) столько, что у меня волосы встают дыбом. После такого фиаско (для меня) придется совершенно заново пересмотреть и 7-ю. К счастью, я еще не работаю над 8-й, — теперь всегда буду думать о Ваших сакраментальных словах: «оркестр надо вызывать к жизни», ибо убедился, что, если этого не делать, он жестоко наказывает.

Я, правда, знаю, что симфония была сыграна технически отвратительно — безумно грязно (с 3-х неполных репетиций, на пасхальной неделе, при длительности симфонии 1 час 5 минут), но я все-таки отдаю себе отчет, что от них и что от меня. Вы в Лондоне должны были видаться с скрипачом Сигети, который должен играть Ваш концерт¹, он был на концерте и, будучи отличным музыкантом, мог Вам дать некоторое представление об этом моем блестяще-позорном случае. Сейчас, после всех этих обстоятельств, я совершенно истрепан нервами и с ужасом думаю не только о своей музыке, которой не занимаюсь уже больше 2-х месяцев, но и о музыке вообще, тем более, что на днях начинаются экзамены в консерватории, что меня повергает в совершеннейший транс.

Между прочим, на экзамене одного из наших скрипачей (В. Ширинский) будет играть Ваш скрипичный концерт². Вы пишете, что по сведениям Берлинского отделения издательства не видно, будто Ваши вещи очень у нас идут. Вы забываете, что до 4-й сонаты включительно все напечатано в России. Но последние романсы Ваши, как бессловесные³, так и бальмонтские, действительно, мало идут — первые потому, что их трудно петь, и они еще

публично не исполнялись, а вторые — так как их у нас нет, не знаю по каким причинам, быть

<стр. 193>

может, в тексте слишком часто встречаются боги или мистика какая-нибудь.

Что Вы у нас пользуетесь популярностью, ясно хотя бы из того, что наше издательство просило меня, настоятельно, к Вам обратиться, чтобы Вы уступили ему какое-нибудь новое Ваше произведение, например, 2-й концерт (о нем шла речь), 5-ю сонату. По правде говоря, я не очень охотно взялся за это поручение, так как мне казалось, что Вы на наше издательство обижены за какую-то некорректность с «Семеро их» — я точно не помню. Во всяком случае, я Вам об этом сообщаю и лично от себя прибавлю, что мне, конечно, было бы в высочайшей степени приятно приложить руку к печатанию здесь какого-нибудь из Ваших детищ, тем более, что вскоре мы будем иметь возможность отлично печатать. [...]

Что касается меня лично, то я нахожусь в таком положении, что печататься здесь, будучи консультантом по современной русской художественной музыке и регулируя вопросы очереди печатания (так как мы очень стеснены пока), я, конечно, поставлен в такое положение, что свои сочинения мне очень трудно здесь продвигать в издание; это было возможно, когда я не был активным сотрудником издательства и все подобные вопросы решались почти единолично П. А. Ламмом, бывшим тогда во главе издательства, но теперь я ищу другие выходы. На этих днях директор Universal Edition через Держановского изъявил готовность печатать все мои новые сочинения⁴ на условиях уплаты 15% с проданного экземпляра (прибавляет, что может давать аванс), причем обязуется, в течение предстоящего лета, все принятое напечатать. Не знаю, как Вы на это посмотрите — Вам известна репутация за границей Universal'a. Меня это устраивает в том смысле, как я писал — я никому здесь не перебиваю дороги, — но, правда, не обольщаюсь насчет того, что, давая туда только крупные сочинения, которые только сейчас у меня есть, я не получаю от их издания никаких выгод; правда, он еще пишет что-то о танъемах за исполнения, но ведь здесь мне тоже обольщаться нечем. Хорошо еще будет, что если возьмутся печатать, то и оркестровый материал, и постараюсь добиться также переложения и т. п., кроме того, это очень юркая и энергичная фирма — она сделает все, что можно для рекламы.

Ну, одним словом, мне все же интересно знать Ваше мнение. Сейчас мне очень много удастся видеть новой заграничной музыки — ох, до чего все это однообразно и, в итоге, скучно. В конце концов, кроме тузов — все остальные пока только бирюльки какие-то.

Понравился было Казелла, — но... довольно одного сочинения, остальное все то же и ужасно манерно, хоть и бойко. Мне больше нравится Онеггер и из германцев Барток. А все эти Мийо, Пуленки, Тайфер, Хиндемиты, Гуссенсы, Баксы и др. — ужасающая чепуха и, главное, банально.

Пока что буду ждать Ваших «бальмонтов».

<стр. 194>

Всего лучшего. Большое спасибо за все хлопоты — и деловые и, особенно, артистические. «Причуды» здесь, к счастью, еще не играли⁵. Я их все-таки не люблю.

Всегда Ваш *Н. Мясковский*
11/V-1924. Москва

197. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 июня 1924 г., Париж

Париж, 1 июня 1924

Дорогой Николай Яковлевич.

Почти одновременно пришло Ваше описание исполнения шестой симфонии и, посланный безымянным благодетелем, тематический анализ ее¹. В последнем я нашел много интересного, особенно мне нравится ход первой части, он же — средний эпизод второй. Прочтя, что Вы разрабатываете эту тему канонически, я, гуляючи, изобретал каноны и остался очень доволен следующим:

Применили ли Вы его? От *Dies Irae* я в некотором утомлении и к пользованию этой темой не отношусь особенно сочувственно, но, по-видимому, с песенкой «Ah, ça ira, ça ira, ça ira!» она составит весьма пикантный контраст, а в уменьшении в третьей части — совсем увлекательно гармонизована. Видел Сигети. Он инкриминирует Вам, во-первых, чрезмерную длительность (1 час 15 минут — Вы, действительно, что-то уж больно ахнули!), затем — отсутствие единства (об этом я не могу судить, да и не вполне уверен, имеет ли он право судить об этом), наконец, вялую инструментовку, в чем признаетесь Вы сами. Хотя винящегося не корят, мне все-таки еще раз хочется укусить Вас за ногу: Вы говорите, виной тому музыкальный голод. Ну, а «Весна священная», написанная за 5 лет до наступления этого голода? Ну, а, наконец (простите за неуместную цитату), моя не особенно складная «Скифская сюита»? Пускай она — две первые части, во всяком случае, — сделана так топорно, что противно смотреть в партитуру, но все-таки она как-то звучит и выдерживает самые международные натиски! Между прочим, о трудных фигурациях: я как раз занят теперь этим вопросом и даже хочу на лето купить разные школы фаготов, гобоев и пр., чтобы выучиться писать для каждого инструмента легко. Ибо

<стр. 195>

трудные фигурации в 9 исполнениях из 10 остаются платоникой, грязью и

бессилием. Недавно исполнявшийся «Пасифик» Онеггера², вещь незначительная по содержанию, но очень волевая и блистательно инструментованная, оттого производит такое ошеломляющее впечатление, что всякий инструмент играет самые естественные и «приятные» для него вещи. По свидетельству Кусевицкого, дирижировавшего этой вещью, ему понадобилась минимальная затрата времени на репетиции («Пасифик» — одна из наиболее обративших на себя внимание новинок; изображает бег канадского транс-пасифического паровоза, но не столько механическую сторону бега, сколько аллегория его устремленности; меня лично интересовало, конечно, не то, что он хотел изобразить, а техника звуковая, весьма меня поразившая.)

Ваше вступление в Универсальное издательство очень приветствую, особенно, если оно в ближайший год возьмется выпустить в свет две Ваши симфонии (что лучше поставить в контракт). Издательство большое и энергичное; недавно оно завязало отношения с издательством Кусевицкого — будет представлять нас в Вене, а мы его в Париже. [...] Главное, сейчас же всучите им, например, 4-ю симфонию. Напечатав, они немедленно рассуют всяким европейским и американским дирижерам и будут заботиться о ее распространении.

Передайте мою благодарность Государственному издательству за предложение напечатать 2-й концерт. Если я отказываюсь, то, конечно, не из-за истории с «Семеро их», а оттого, что мне неудобно уходить от Кусевицкого. Во-вторых, в настоящее время мои сочинения продаются главным образом за границей, а не в России, Государственное же издательство пока очень мало налажено на заграницу. Наконец, в-третьих, нелепо мне есть хлеб ждущих очередь московских композиторов, когда есть возможность печататься в ином месте.

Из новинок, кроме «Пасифика», слышал балет «Les Biches» Пуленка, данный Дягилевым³ и очень меня огорчивший: мне все казалось, что Пуленк недурной композитор, а «Биши» оказались ерундой. Понять не могу, почему Стравинский все-таки их хвалит и даже на меня обиделся, когда я заподозрил его в неискренности. Фортепианный концерт Стравинского⁴ сделан под Баха и Генделя, и это мне не слишком нравится. Однако сшит он крепко, сделан бодро и звучит сурово, главным образом, из-за медного аккомпанемента, — струнных нет, кроме контрабасов, деревянные играют меньшую роль, чем медные. Кое-где появляются современные танцевально-синкопированные ритмы, что очень освежает общарапанного Баха. (Оговариваюсь: я люблю старика Себастьяна, но не люблю подделки под него.) Сыграл Стравинский сам, и весьма недурно; волновался смертельно и клал партитуру рядом с собой на табуретке. Однако инцидентов не было. Из моих вещей шли 2-й концерт и «Семеро их»⁵. 2-й концерт был принят сдержанно. По-видимому, мне, несмотря на переделку, не удалось достаточно развить оркестровое сопровождение. Зато «Семеро их» имели бурный успех, и действительно, эта вещь, кажется, мне удалась.

Пожалуйста, пришлите мне экземпляр «Сарказмов» и сообщите, сколько они стоят в долларах или франках: я Вам вложу эти деньги в следующее письмо. Получил письмо от Зилоти. Стоковский подтвердил ему свое намерение исполнить Вашу 5-ю в будущем сезоне. Вольф тоже будет играть ее в Париже в будущем сезоне и исполнит ее в лучших условиях, чем мог бы сделать в этом. Мои романсы на Бальмонта послал Вам уже давно. Сейчас занят корректурой 3-го концерта (партитуры). Из-за зубрежки 2-го и исполнения «Семеро их», я задержал эту корректуру на два месяца. Получил от Оссовского приглашение играть в будущем году в Ленинградской филармонии⁶, но еще не дал согласия, так как может быть, уеду в Америку. [...]

Крепко обнимаю Вас.

Ваш *С.Пркфв*

Мой адрес от 10 июня до половины октября: Villa Béthanie, St. Gilles-sur-Vie, Vendée, France.

198. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

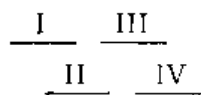
10 июня 1924 г., Москва

Ангел, получил Ваше письмо с полным удовольствием. Чрезвычайно рад успеху «Семерых», — когда я делал их корректуру, я все время ими воодушевлялся (может быть, оттого и наврал!); сдержанное одобрение 2-му концерту мне отчасти понятно — он всегда мне казался трудно сразу постижимым, но полагаю, что его содержательность и пленительность многих моментов не могла ослабнуть, и потому, думаю, что его полный успех только вопрос времени. Я до сих пор помню свое волнение от первой части, восхищение скерцом и роскошную тему финала. Меня очень обрадовал один пункт Вашего письма — это о приглашении Оссовского — я понял, что Вы непрочь приехать! Ах, как я буду рад Вас видеть и слышать!

Ваше одобрение «Универсальным» комбинациям мне приятно. Я решил им дать следующее: «Молчание», сюиту для голоса и фортепиано на Бальмонта (старая сентиментальщина) и 6-ю симфонию. Конечно, последнее рискованно из-за ее колоссальных размеров, но все-таки она из моих последних сочинений, и, быть может, имеющих шансы на успех, тем более, что я ее основательно переоркестровал — совершенно заново почти всю первую часть, которая действительно звучала вяло и вязко, — но теперь, полагаю, будет ярко и хорошо. Сигети в своем отзыве и прав, и не прав — инструментовка действительно была вяла, — но только в 1-й части и местами в финале, — это все устранено. Что же касается отсутствия единства, то впечатление его обманчиво и проистекло не от существа музыки, которую именно и отмечают как очень цельную и органичную (да она и построена у меня

<стр. 197>

так: к примеру, все части имеют такого рода графическую — тематически — общность

причем объединяющие элементы есть и общие для всех частей), но от звучности 2-й части, которая по своей тенебозности (к тому же очень неуверенно и не чисто разыгранной) несколько в этом концерте выскочила из ряда — получился провал, дыра, которая, естественно, создала впечатление отсутствия единства во всей симфонии. У меня такое впечатление тоже создалось, но при первом же фортепианном исполнении это впечатление опять погасло, а инструментовка у меня везде одного характера; кроме того, там была несколько скомканная кода, которая теперь мной тоже развита. Во всяком случае, я считаю, что начать печатание в Универсале с нового сочинения лучше, нежели со старого. Я хотел дать 3-ю, — но так и не знаю, что с ней сделалось, и даст ли ее Фитель, да и не пропала ли она, а то, конечно, было бы самое простое, если бы он взял эту партитуру и отправил бы в Универсаль, тем более, что сам он, кажется, там издавался, но я все не удосужусь ему написать.

4-я симфония, как и 7-я, еще не игрались, и потому я их еще не могу печатать.

Теперь, после исполнения 6-й симфонии, когда я очень отчетливо восстановил, для себя, индивидуально, звучность оркестра (чужие партитуры, слушание чужой музыки мне очень мало всегда давало не знаю почему, потому Ваш укус для меня не очень болезнен, тем более еще, что я писал меньше о голоде музыкальном, чем о физическом, когда мозги обескровливаются, да и партитуры и «Весны», и «Скифской» я ведь увидел только этой зимой, когда у меня все уже было готово), и когда я почувствовал, что действительно нужно моей музыке (6-я симфония, между прочим, очень по музыке простая, без всяких экстравагантностей), мне удалось установить и окончательный (до исполнения, конечно) вид и 7-й. Сейчас последняя расписывается на голоса, и думаю, что осенью будет сыграна.

Ваших бальмонтов не получил и подозреваю таможенную цензуру, — что-нибудь не понравилось, у нас ведь в ходу строгий стиль. Насчет «Сарказмов» скажу Держанелли или сам распоряжусь.

Посылаю Вам листочек Общества муз[ыкальных] и драмат[ических] писателей; оно очень просит Вас и Стравинского заполнить такой листок и прислать сюда (для Стравинского листка не посылаю, так как думаю, что, по Вашему образцу, он сможет себе сам изготовить), Это общество теперь решило собирать тантьему не только за сценические сочинения, но и за концертные, а так как и Вы, и Стравинский часто исполняе[т]есь, они хотят взять на себя заботы. Вступительный взнос =

<стр. 198>

10 червонных (золотых) рублей, которые, впрочем, могут быть погашены из сборов, — если Вы захотите так.

Теперь, связавшись с Универсалом, я думаю, мне бы не мешало также сделаться членом какого-нибудь заграничного охранительного Общества, — не

знаете ли Вы, как это делается? Я попытаюсь это выяснить Держановским через тот же Универсаль, но не уверен, что они пожелают мне в этом помочь, потому, если Вы что-нибудь конкретно об этом знаете, черкните мне.

Ну вот, пока все. Сведения об успехе «Семерых» сейчас же мной были сообщены в редакцию журнала (нового) «Муз[ыкальная] культура»¹ и Н. С. Жилияеву; сей Ваш бурный поклонник потребовал немедленного сообщения Вам своего поздравления, поклона etc. Он же, как и я, конечно, интересуется, в чем существенные отличия 2-го концерта старого от нового. Почему 5-я соната в таких сдержанных темпах? — Это уже мой вопрос.

Сердечно приветствую.

10/VI 1924. Москва
Мясковский

Ваш Н.

Кланяется Яворский.

Между прочим, «Семеро их» попало к нам в порядке национализации, но если Кусев[ицкий] Вам за них гонорар не платил, Гос[ударственное] издательство] непременно Вам заплатит, но..., вероятно, по нашему тарифу².

199. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 июля 1924 г., С.-Жиль

Villa Béthaine St. Gilles-sur-Vie,
Vendee, France.
15.VII.1924

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень затянул я мой ответ, а, между тем, мне хотелось поговорить с Вами о некоторой неосторожности, которую Вы сотворяете с Универсальным издательством. Именно: зачем Вы хотите дать им в первую голову «Молчание»? Во-первых, это старая вещь, во-вторых, она написана, если не ошибаюсь, для увеличенного оркестра. Приняв во внимание, что другая вещь, идущая в издательство, есть 6-я симфония, тяжелая в смысле длины, получается впечатление, будто Вы нарочно делаете все возможное для затруднения распространения Ваших вещей по Европе, сваливая наименее «практичные» (извините за рыночное слово) из Ваших сочинений на плечи того учреждения, которое берет на себя пуссирование* их в белый свет. Однако 6-я, как Ваше млад-

* проталкивание — от pousser (франц.).

<стр. 199>

шее дитя, конечно, даже несмотря на свою длину, имеет право идти первым номером, хотя бы потому, что с технической стороны она должна быть наиболее совершенной. Но в пару к ней я предложил бы не «Молчание», а 3-ю, 4-ю, или 7-ю симфонию. Если последние еще не готовы к печати, дали бы для

начала 6-ю, а пока они ее напечатают, у Вас, может быть, сыграется 7-я или 4-я, и Вы сможете послать одну из них. А 3-я? Я имею сообщить Вам, что Фительберг лично передал ее Драберу. Кто этот Драбер, я не знаю (может, Вы знаете лучше меня), но, судя по тому, что письмо Фителя датировано 31 маем и Прагой, то есть временем и местом интернациональных фестивалей, то полагаю, что это кто-нибудь из комитета и что Владимир Владимирович сможет установить до точности его личность. Вот и послали бы 3-ю в Универсальное издательство. Кстати, и романсы: отчего такие старые? Нельзя ли было бы как-нибудь понатужиться и написать несколько новых, на вступление в новое издательство, а затем уж послать стариков Бальмонтов!

Затем вот идея Стравинского, к которой я горячо присоединяюсь: клавиры непременно надо делать самому. Он считает, что делания клавира тоже вид творчества или, во всяком случае, «оркестровки для фортепиано» (помните, Лист позволял себе даже большие вольности для достижения лучшей звучности), и только сам автор, работая над ними любовно и в то же время имея право на полную свободу манипуляций, может создать настоящий клавир. Мои клавиры скрипичного концерта и «Шута» довольно дрянные, но в «Апельсинах» и особенно в «Огненном ангеле» наклеваются некоторые достижения.

Во Франции имеется следующее общество, собирающее для авторов танъему за исполнение их вещей в концертах: Société des Auteurs, Compositeurs et Editeurs de Musique, 10, Rue Chaptal, Paris, IX — в каковом я и состою членом. Оно довольно недурно собирает за исполнение во Франции, но лишь какие-то гроши вне ее. Я не знаю, можно ли вступать в него заочно, не находясь в Париже. С удовольствием разужнаю для Вас и, если можно, сделаю демарши для принятия Вас членом, но смогу это сделать не раньше ноября, то есть по моем возвращении в Париж. Справляться же у них письменно не хочу, ибо во Франции очень часто официально, по переписке, откажут, а лично, по знакомству, сделают с удовольствием. Относительно того, какие общества существуют в германских странах, я не знаю, так как до сих пор мои сочинения очень мало там исполнялись, и я этим вопросом не занимался. Большое спасибо за вступительный листок в Московское общество композиторов. Возвращаю его Вам подписанным. Десять вступительных целковых пусть, если можно, отсчитают из предстоящих поступлений. Со Стравинским я не в переписке и не знаю, где он, поэтому предъявление ему такого бланка откладываю до встречи в Париже.

Вопрос о моей поездке в Россию находится в очень неопределенной стадии¹. Одна из главных причин та, что у меня предвидится мно-

<стр. 200>

го композиторских работ, от которых я не хотел бы отрываться, между тем, такая поездка оторвет на долгое время, хотя бы по эмоциональным причинам. Из Ленинграда пишут, что в Мариинском театре собираются ставить «Шута»².

Композиторские же планы мои такие: сейчас пишу небольшой балет для Б. Романова, бывшего балетмейстера Мариинского театра, который будет

ставить его в ноябре в Париже. Оркеструю его для пяти инструментов и вообще рассматриваю его как квинтет, ибо он состоит из 6 совершенно отдельных и оформленных частей³. Затем немедленно сяду за симфонию, для которой уже намечен материал и которую Кусевицкий будет исполнять весною в Америке и Париже. Для пущего к самому себе уважения решил назвать ее 2-й симфонией⁴, приняв, таким образом, Классическую за первую. А затем хочу соркестровать «Огненного ангела», во-первых, потому что пора его прикончить, а во-вторых, объявился некоторый спрос на его постановку, Кусевицкий же взялся немедленно перевести на языки и напечатать. Как видите, работы тьма, и, собственно, благоразумнее запереться и никуда не разъезжать!

Мне трудно определить сущность переделки второго концерта. Тематический материал оставлен целиком, контрапунктическая ткань слегка усложнена, форма сделана стройнее, менее квадратной, а затем я работал над улучшением как фортепианной партии, так и оркестровой. Надеюсь, что его напечатают до Нового года, тогда немедленно вышлю Вам. Замедленные темпы 5-й сонаты связаны с плохим самочувствием прошлым летом, когда я задумывал сонату: не в порядке было сердце, как последствие скарлатины, случившейся у меня 5 лет назад. Но теперь здоровье наладилось, и я в квинтете вернулся ко всяческого рода аллеграм.

Стоковский, кажется, сейчас в Париже. Я просил Эберга узнать у него точно, когда он будет играть Вашу 5-ю в Америке, дабы поступим, с материалом соответственно. Вольф будет играть ее в Париже. В предстоящем сезоне он станет во главе очень хороших концертов.

Обнимаю Вас. Привет Держановским и Жилияеву.

Ваш С. Прокофьев

200. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 августа 1924 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, конечно, Вы правы, что в «Универсал» надо было бы дать что-нибудь и поновее, и попрacticalнее, но... я думаю, что дело дойдет и до этого, а пока я просто очень хотел напечатать «Молчание», — хотя совсем не обольщаюсь его совершенствами и т. п.; я питаю к нему нежность и не

<стр. 201>

напечатал его здесь раньше «Аластора» только потому, что в первом все время были кое-какие для меня неясности, которые только недавно мне раскрылись окончательно и тогда устранились. Из романсов это единственный «о п у с» оставшийся не напечатанным¹ (остальное, что осталось, а этого тоже довольно много, таково, что «о п у с а» не имеет и, верно, иметь не будет), а нового я писать совершенно не мог, так как, когда урывалось время для сочинения музыки, я немедленно упирался в симфонию, а к романсам у меня последнее время, вообще, как-то не лежит сердце. Во всяком случае, дело уже сделано, и я жду на днях корректуры романсов, а к ноябрю корректуры «Молчания». 6-я

симфония тоже уже там.

Вы говорите дать 3-ю, 4-ю, 7-ю. 3-ю не могу, так как я ее уже запродал здесь и потому так и хлопочу получить партитуру, которая у меня неожиданно оказалась в одном экземпляре (Драбер мне известен — это член Комитета, сидящий в Цюрихе).

Дальше — 4-ю я тоже обещал здесь, ну, а 7-я хоть и не сосватана, но я ее как-то боюсь, думаю, что и после исполнения будет уйма возни с ней, а кроме того, и самое существенное — нет абсолютно никаких видов на исполнение. Вообще, я, кажется, решил перейти на Kammermusik*. Сегодня закончил предварительные эскизы 8-й симфонии — зиму доработаю ее, а затем с симфониями на время распрощусь, ибо здесь это совсем ненужный вид музыки. И в то же время, как-то жаль, ибо для 9-й у меня отличные идеи². Ну да ничего не поделаешь. Я очень рад, что развязался с 8-й, она меня душила: терпеть не мог работать над чужими темами, а там их у меня на каждую часть чуть не по паре, а всего вышло 4 части — одна суше другой, и хуже всего, притом все изрядно фальшиво.

Большое спасибо за обещание насчет «Французского общества». Наше Общество очень обрадовалось получением Вашего заявления. На днях через наше же Общество я получил целую кучу бумажек (анкет и т. д.) от одного Французского же общества, которое предложило русским авторам в него вступить, но по ближайшем рассмотрении это оказалось не та Société**, о которой Вы писали, а только для театральных деятелей — «Auteurs et Compositeurs dramatiques» — потому я решил подождать зимы и потом поступить согласно Вашим указаниям, тем более, что едва ли где-нибудь до того будут меня разыгрывать.

Буду теперь с нетерпением ждать Вашей 5-й сонаты. Идея 2-й симфонии привела меня в упоение — люблю этот род музыки, ничего с собой поделатъ не могу. Какие планы — одночастные или многочастные? Неужели так-таки я ничего из Ваших новых сочинений не услышу!? Тут представлялась возможность мне съездить за границу, но в Австрию. Думая, что никого из прежних знакомых и друзей там не увижу, я как-то вяло к этому отнесся и не знаю, воспользуюсь ли.

* камерную музыку (нем.).

** Общество (франц.).

<стр. 202>

возможность еще не потеряна, в связи с Музыкальным конгрессом в Вене³. Но думаю, что пусть лучше скачет В. М. Беляев, а я сбегаяю в Крым и там передохну, ибо этим летом мне как-то не повезло, и я почти все время, за исключением пары недель, провел в городе.

Между прочим, хорошо, что вспомнилось, — Ваши «Семеро» у нас находятся под запретом из-за своего мистического текста, так что я полагаю, что Вам прямой смысл печатать их вновь за границей, — так как едва ли мы их будем даже экспортировать; кстати, устранили гнусную опечатку вначале и кантатную номенклатуру.

Насчет «Шута» мне Асафьев что-то ничего не писал, не утка ли это? — ведь он состоит в «Совете» театра.

Пока всего лучшего. Приветствую всем сердцем.

Ваш *Н. Мясковский*

18 августа 1924. Москва

201. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 октября 1924 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, потерял всякое почти представление о Вас, не слыша уже бог знает сколько времени Вашего письменного голоса. Имею подозрение, что Вы не получили одного из моих летних писем, где я писал Вам всякие штуки, попутно отбрыкиваясь от упреков за сдачу в Универсалку старого хлама и новой циклопичности. Все это, по-видимому, оказалось блефом, ибо фирма эта, не то испугавшись моей нагрузки, не то действительно заинтересовавшись, но, конечно, по-акульему, предложила мне заключить с ней договор на пять лет, причем без всяких обязательств сочинения мои принимать, но и без всякого же обязательства платить авансом за оркестровые изделия. Торговля наша еще не кончилась, но думаю, что 6-ю симфонию они мне, во всяком случае, назад пришлют. Получил, наконец, письмо от Фителя с сообщением о судьбе 3-й симфонии. Он действительно утверждает, что играл ее в Варшаве и даже, будто бы, с успехом. Ну, это на его совести. Что меня касается, то я пребываю в полной меланхолии, ибо решительно не могу найти времени для сочинения, так меня завалили всякой консерваторщиной, издательством и разными советами, что крою свободные минуты, только когда не приходят ученики, а что это за глупые минуты, Вы, вероятно, не ясно себе и представляете. Иногда начинаю жалеть, что не подучился дирижировать, — может быть, хоть тут открылись бы кое-какие перспективы.

8-ю симфонию в эскизе кончил давно, но за оркестровку не могу приняться¹, особенно памятуя Ваш завет — «вызывать оркестр к жизни». Боюсь, что запутаюсь. Тем более, что и симфония получилась

<стр. 203>

какая-то несуразная — с простыми темами и с какой-то почти сплошь шершавой гармонией, притом все 4 части разного характера. Особенно боюсь скерцо, которое все идет в стремительном темпе, но на 7/4 (2 + 3 + 2), с паузами и синкопами. Каша будет невообразимая, тем более, что и гармонии в среднем абзаце имеют, как теперь говорят, «политональный» уклон (я считаю, что это просто расширение тембрового начала). Написав заключительные аккорды финала, я впервые понял так меня порой смущавшие Ваши концы — с одновременными вспомогательными нотами, я думал, что это зачастую только каприз Ваш, оказывается нет — в этом есть еще какая-то, быть может, неосознанная, закономерность.

У нас пошел в ход Ваш скрипичный концерт. Я думаю, что он будет один из излюбленных концертов. Прошлым годом его играли дважды — раз

плохо, некто Мильштейн (вообще, хороший скрипун) затем ученик консерватории В. Ширинский. Наконец, прошлое воскресенье (19 октября) — Сигети, уже, конечно, с оркестром². Сигети играл почти отменно, если принять во внимание, что оркестр ему деятельно мешал, ибо играли они всего лишь с одной репетиции, притом дирижировал Хессин, который отличается крайней неповоротливостью. Но большинство музыкантов пришло в восторженный раж, хотя и ругаются, особенно, конечно, попадает скерцозному «ponticello», хотя никто не отрицает, что это предельно фантастично и демонично, особенно с той градацией, какую Вы провели: без сурдин, пассажи, с сурдиной, пассажи = сногшибательно! Еще, конечно, обратило на себя внимание употребление тубы в финале, особенно, в последнем каноне (в обращении) с трубой. По правде говоря, и мне все это показалось несколько парижским — кислых щей как-будто захотелось Вам после всяких деликатесов. В общем, мне как и концерт, так и его оркестровка, очень понравились, кроме пары мест вызвавших во мне что-то вроде смущения, например: тема у альтов в начале (C) как-то одиноко исчезает, когда ее перенимает (Des) гобой, ибо дальнейший контрапункт альтов как-то совсем стушевывается за гобоем. Затем установка фона к побочной теме:

весь ход этот у виолончелей показался мне каким-то деревянным, и рисовалась необходимость какого-то деления (б); но это могло произойти от грубого исполнения. Не очень удовлетворила звучности накопления аккорда перед концом (где еще *cis*), деревянная ли это роль? Зато потом рулады флейт и кларнетов — восхитительны (почему их нет в переложении?!), скерцо — все отлично, кроме конца, который

<стр. 204>

из-за трудности (по-видимому) для солиста, — слишком короткое глиссандо, да еще к флажолетам, — несколько комкается; Сигети скерцо повторил, но впечатление осталось то же. В финале мне не очень нравится 2-я тема, а упражнения с тубой в конце показались несколько вычурными (дуэт бегемота с козой). Но, в целом, опять же великолепно и возвращение к 1-й части восхитительно, хотя играли и плохо. Совершенно необыкновенно звучит в 1-й части — после скрипичного двухголосия (у Сигети отлично выходит: голоса очень убедительно сливаются в *si*) — возвращение к началу, что у Вас там, кроме альтов? Очень хорошо также и все, что относится к 1-й теме финала. В общем же, замечательный концерт.

У нас его хотят играть «бездирижерники» с одним из своих присяжных солистов Д. Цыгановым³, отличным скрипачом, который, несмотря на свою молодость, может, я полагаю, сыграть не хуже Сигети, только вопрос в голосах, — можно их уже получить? Надо очень экстренно. [...]

Теперь жду Ваших новых нот — сонату! Как квинтет? Романсы так и не получил — слопала таможня, вероятно.

Пишите. Жму лапку.

Ваш *Н. Мясковский*

Москва, 24/X 1924

Еще что у Вас в концерте хорошо — это арфа, где-то наверху, шестнадцатыми — просто и восхитительно, вообще использована мастерски.

202. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 ноября 1924 г., Бельвю

54, Route des Gardes, Bellevue, Seine et Oise, France.

9.XI.1924

Дорогой Николай Яковлевич.

Ваше письмо от 24 октября получил, равно как и предыдущее, от 18 августа. Винюсь за долгое молчание и признаюсь, что причиной его была самая низкая профессиональная зависть: в Вашем августовском письме Вы так сочно описали окончание эскизов Вашей восьмульки, что мне захотелось в свою очередь похвастаться окончанием эскизов моей второй¹. Увы, это случилось лишь совсем недавно, после злейшей возни. Теперь отделяваю эскизы, и в декабре надеюсь взяться за оркестровку. Столько возни, а вся симфошка всего в двух частях: первая — сердитое аллегро, *allegro ben articolato*, вторая — тема с вариациями. В последнюю из них введены темы первой части, для более крепкой спайки и заключения. Очень обидно, что ученики душат Вашу работу.

<стр. 205>

Моя мечта вытащить Вас в Париж, но пока мне не удастся найти возможность для этого.

Меня беспокоит участь партитуры и материала Вашей 5-й симфонии. И то и другое гниет у меня без дела, отчасти оттого, что Вы велели мне беречь их для исполнения Стоковским в Америке. Я в свое время написал об этом Зилоти, и тот ответил мне утвердительно, прибавляя, что о высылке материала он сообщит мне дополнительно, но до сих пор ничего не сообщил. Когда летом я был в деревне, Стоковский приезжал в Париж. Узнав об этом, я написал Эбергу, прося его справиться у Стоковского о Вашей симфонии. Эберг ответил, что Стоковский уже уехал в Москву², «где, вероятно, лично увидит Мясковского». На этом я успокоился, однако из Вашего последнего письма совсем не явствует, что Вы виделись со Стоковским. Во всяком случае, одновременно с этим письмом я пишу Зилоти в Нью-Йорк с просьбой на месте разузнать, как обстоит дело. Через неделю я еду в Брюссель, где буду играть 3-й концерт и слушать в первый раз сюиту из «Шута» (до сих пор ее нигде не играли)³. Захвачу с собой Вашу пятую. Брюссельский дирижер Рюльман — чуткий человек, я уверен, она ему понравится.

Правильно ли я понял из Вашего письма, что Универсаль предлагает Вам

пятилетний контракт без всякого обязательства печатать все, что Вы пришлете, или, по крайней мере, известного количества в год? Если так, то ведь это же крысиная ловушка! Если Ваша первая партитура не будет иметь хорошего сбыта (а Ваши сочинения, наверное, не пойдут как «Веселая вдова»), то он за эти 5 лет может так-таки ничего и не напечатать! Насчет аванса я не знаю, надо ли Вам настаивать, но что очень важно, это выговорить хорошие проценты с проката материала: это самая доходная статья с симфонических вещей. Я думаю, Вам надо требовать процентов 20 и, в крайнем случае, соглашаться на 15. Гутхейль мне платит 25, но едва ли Вы получите столько с Универсалия. За те сочинения, за которые я получил гонорар, Гутхейль платит мне 10 процентов.

Благодарю Вас за сообщение Ваших чрезвычайно для меня интересных впечатлений от оркестрового исполнения моего скрипичного концерта. В моей заносчивости я думаю, что многие из Ваших упреков надо отнести все-таки на счет недостаточной срепетованности оркестра и второсортности дирижера. Вылезаящая туба, козящая труба, исчезающие альты — все это симптомы одной болезни: недостаточной эквилиброванности оркестра. Этот концерт так инструментован, что, если не уравновесить звучность отдельных групп, то получается черт знает что. Кусевицкий этого достиг, — у него и альты доканчивали тему, и трубы звучали издали, и туба выглядела симпатичным увальнем. Когда же я услышал тот же концерт у французского дирижера, то чуть не убежал из зала. Взял партитуру, просмотрел ее всю — и не нашел никаких поправок, которые были бы необходимы. Впрочем, сделал одну, о которой Вы упоминаете в Вашем письме: в конце прибавил

<стр. 206>

пассажи кларнета и флейты, а то без какого-нибудь дивертисмента уж больно звучало под увертюру из «Лоэнгрина»! Клавир к тому времени уже был напечатан, поэтому пассажи эти так и останутся сюрпризом для знакомящихся с концертом по клавиру. [...]

Ваши дирижерские замыслы необходимо привести в исполнение. Ведь в сущности страшен только первый шаг. И Рахманинов и Стравинский при своих дирижерских дебютах сели в глубочайшие калоши, что, однако, не помешало им сделаться отличными исполнителями своих вещей. Ваша скромная задача для первого раза — это постараться как можно уменьшить глубину этой калоши, ни на минуту при этом не упуская из памяти, что она вполне традиционна и никакого влияния на дальнейшее оказывать не может. Вот Стравинский, который вдруг взял и сделался пианистом, — это храбро! Черепнин всю жизнь мечтает сыграть свой концерт, да так до сих пор и не собрался, а Стравинский засел на полтора года за экзерсисы, а затем вдруг выступил. Зато и ангажементов у него теперь больше моих!

Недавно я купил в Париже Ваши «Круги»⁴, и, хотя неприлично хвалить автору его старые сочинения, должен признаться, что прямо упивался этой изумительной вещью. *On revient toujours à ses premiers amours**.

Крепко обнимаю Вас. Не заражайтесь моим долгим молчанием, я,

кажется, искупил его неудержимой болтливостью этого письма! Обратите внимание на мой новый адрес; Бельвю в 15 минутах от Парижа.

Любящий Вас С. Прокофьев

203. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

19 ноября 1924 г., Москва

19 ноября, Москва, 1924 к

Дорогой Сергей Сергеевич,

Ваше письмо последнее меня упоило. Но... что за глазуновский вымысел — вариации, — из которых последняя пожирает темы другой части! На это, конечно, Вы возразите — да, но я покажу, как это надо делать. Надеюсь, что Вы будете правы. Появление на свет новой Вашей симфонии меня совершенно взбудоражило — какой ужас, что ничего этого нельзя здесь услышать будет. Не говоря о том, что некому играть, — нет у нас дирижеров, — я даже боюсь, что и Сараджев разучится играть — здесь ему не дают никакого ходу, — но и оркестры наши до того опоганились, что трудно их слушать бывает. Единственный оркестр, играющий чисто (!) и с превосходным звуком (зато часто не вместе и неуравновешенно), это оркестр без дирижера, — но что он

* Всегда возвращаются к своим первым привязанностям (*франц.*).

<стр. 207>

может играть? Только старье, или что-нибудь ему почти наизусть известное. Недавно они играли такой пустячок как Фант[астическое] скерцо Стравинского, — так сдохнуть можно было от скуки, а Ваш 1-й концерт сопровождал Фейнбергу, — буквально вися на нем.

Жаль, что Вы не знаете кого-нибудь из немецких дирижеров, которые к нам шмыгают, хотя из них бы кто-нибудь что-нибудь сыграл; сейчас у нас был Отто Клемперер — будет опять в феврале, потом, кажется, будет какой-то Абендрот или Фуртвенглер¹ — вот бы подбить! А то — Малер, Бетховен и чуть-чуть Шёнберга. Стоковского у нас не было и что-то не слышно, что будет. Я думаю, что голоса моей 5-м симфонии лучше всего дать первому, кто подвернется в конце концов. Впрочем, Вам там виднее. Я же что-то к своим сочинениям и исполнениям совершенно остыл. С Universal что-то затихло. [...]

Вы можете себе представить степень моего маразмического состояния, если уже два месяца спустя после окончания эскизов 8-й девы, я до сих пор не принимаюсь за ее отделку — до того как-то — все равно.

С невероятным трудом и душевной пустотой пишу какую-то никчемную фортепианную сонату² — какую-то смесь бескровной бесцветной мути с этюдностью. Написал 1-ю часть, пишу финал (3) в токкатном роде, а для середины (2) переработаю одну из тех же 18 пьесок (последнюю в es-moll, сарабандную, которую Вы едва ли, впрочем, помните), из которых выжал «причудки».

В своих перечислениях оркестрового материала разных сочинении Вы почему-то не упомянули вовсе о Класс[ической] симфонии — разве она не печатается. И вообще, когда, наконец, попадут сюда Ваши сочинения? Романсов бальмонтовских я никогда не могу получить, так как их всегда бывает в таком количестве, что я не успеваю их ухватить. А 5-я соната?

Ваш скрипичный концерт хотят играть бездирижерники с отличным молодым скрипачом Цыгановым — они, конечно, не надуют, но... у них нет и денег, чтобы заплатить за материал. [...]

Вспоминая исполнение скрипичного концерта Вашего, я допускаю вполне, что многое было виной именно плохой срепетовки (оркестр имел одну репетицию на 3 концерта!), ну и Хессина, конечно, тоже, ибо как он не изливал своих восторгов, все же музыка эта ему трудна. Ах, до чего он мало талантлив.

В январе или позже мы (Ассоц[иация] современной] музыки), хотя бы через силу, думаем устроить нечто симфоническое и сыграть 3-й концерт. Фейнберг его уже почти выучил³. Но материал будет добывать Держановский. Я думаю так, — если Фейнберг сыграет в Ассоц[иации] совр[емной] музыки, то, наверное, сможет повторить с оркестром без дирижера, и очень возможно, что его пригласят в Питер, — вот 3 исполнения и гарантированы⁴. Мне очень, между прочим, жаль, что Вы поверхностно и невнимательно отнеслись к сочинениям Фейнберга — это ни в какой мере не Метнер, а нечто вполне самобытное, разве чуть-чуть Скрябин из последнего этапа. Это очень сильная

<стр. 208>

индивидуальность и яркий стилист. Сонаты у него — чем дальше, тем лучше. В Universal'е печатается 6-я. Посмотрите еще раз. Всего лучшего.

Ваш Н. Мясковский

204. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 января 1925 г., Варшава

Варшава, 21 янв. 1925

Дорогой Н[иколай] Я[ковлевич], Фительберг хочет играть Вашу 5-ю. Очень хорошо, если бы Вам удалось прислать ему материал, если не 5-й, то какой-нибудь другой. Имевшийся у меня материал 5-й я отослал в Америку — Зилоти для Стоковского, предварительно увеличив струнные голоса до 9—8—7—6—5, так как у Сток[овского] большой оркестр. Исполнение предвидится в феврале — марте, поэтому этот материал, вероятно, завязнет там до конца сезона (в случае успеха, может быть, сыграют еще раз в Америке). Ваша 5-я принципиально принята к исполнению в будущем сезоне в Брюсселе, но я должен буду еще проиграть ее дирижеру и директору. Пока не мог этого сделать, так как скотина Шлецер, которому я дал клавираусцуг на просмотр, мне его не возвращает. Я уже ему сделал по этому поводу скандал и, по возвращении из Варшавы, сделаю второй, публичный. Исполнение этой

симфонии в Париже Вольфом, — лопнуло, ибо лопнуло все предприятие, — из-за какой-то глупой бабской истории. Косвенно пострадал и я, так как они хотели ставить «Огн[енного] ангела». Но больше всех пострадал сам Вольф: он ангажировал ряд артистов и, не будучи в состоянии выполнить контракты, должен был покинуть пределы Франции.

Крепко обнимаю Вас. Варшава приняла меня очень хорошо (3-й концерт и клавирабенд из моих сочинений), я думаю и Ваша симфония будет иметь большой успех, поэтому не премините немедленно вступить в переписку с Фит[ельбергом]¹. Пишите мне в Bellevue.

Ваш С. Прокофьев

205. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 февраля 1925 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
невероятно обрадовался Вашему варшавскому письму — мне начало казаться, что Вы чего-то от меня ждете и вроде как бы сердитесь; у меня же еще сложилось впечатление, что Вы не получили одного из

<стр. 209>

моих писем, адресованных в Бельвю. Не помню точно, когда писал, но, кажется, в середине декабря. Что писал, теперь, конечно, тоже не помню, да это и не важно. Во всяком случае, письмо Ваше пришло очень кстати, чтобы рассеять мое беспокойство. Фителю я все уже послал, даже метроном выставил в партитуре, чтобы не было глупостей á la Купер¹, который так затянул Andante и скерцо, что вышла скука, а скерцо показалось куцом. Если Стоковский еще не играл симфонии, быть может, Вы напишете Зилоти открытку с такими (важнейшими) цифрами

Экспозиция

I часть — 48—54—60, разработка — 96.
реприза

II—Lento 50—52, Andante 60—66.
III — 160. IV — неважно, но можно 126—132;
а середина 81—mosso (нет в партитуре) 144—152.
Самое важное — две средние цифры.

Не помню писал ли я Вам, что окончательно продан в Universal. Мелочь — на 5 лет всю (без выбора с их стороны), а оркестровые еще не отдал. Пока печатается 6-я симфония (выйдет в маленькой партитуре в «Philharmonischer Verlag», и в большой фотографической — это дрянь) и «Молчание». Пишут, что уже организуют исполнение в сезон 1925—1926 в Вене и Берлине. Послал недавно новую фортепианную сонату — 3-х частную. В воскресенье 8 февраля сыграем здесь 4-ю и 7-ю симфонии²; правда, с

плохим оркестром, но зато с Сараджевым. Осенью думаем организовать парочку концертов уже отменных — для чего постараюсь кончить 8-ю симфонию, над инструментовкой которой сейчас мучаюсь (слишком как-то по камерному делаю), и добыть от Вас какое-нибудь неигранное здесь (быть может, сюита из «Шута»?), и заставить Фейнберга доучить Ваш 3-й концерт, который он хотя и играет, но не вполне до конца. Вас теперь без конца разыгрывают у нас в консерватории на экзаменах: скрипичный концерт играли дважды, 3-й концерт тоже, и все очень недурно.

Недавно смотрел фортепианный концерт Стравинского. Что-то не нравится мне. Это — не то ворона в павлиньих перьях, не то наоборот. Во всяком случае, какие-то комбинации, от которых как-то тошно делается, несмотря на выпирающую силу... чего только? Потом не понимаю я этой революции от сочинения к сочинению, прямо дамский портной какой-то, законодательствующий.

С гораздо большим нетерпением я ждал и теперь жду Вашу 5-ю сонату, — почему ее нет до сих пор? Наконец, напишите — прошла

<стр. 210>

ли Ваша опера в Кельне, готова ли симфония, шел ли квартет (или квинтет)?

Вообще, сведения Ваши о себе поражают скудостью необходимых данных; необходимых просто так — даже для души.

Пишите.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

3/II 1925. Москва

206. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 марта 1925 г., Бельвю

Бельвю, 5 марта 1925

Очень дорогой Николай Яковлевич.

С нетерпением жду от Вас двух вещей: 1) описания, как прошло исполнение Ваших 4-й и 7-й и Вашего впечатления от них, и 2) Ваших впечатлений от моей 5-й сонаты, которую отправил Вам 9 февраля заказною бандеролью. Чем подробнее Вы осветите оба эти пункта, тем больше доставите мне удовольствия. Вчера я получил от Держановско-го тематический разбор Ваших симфоний¹; благодаря этому, мне легче будет следить за Вашими описаниями. Кстати, вместе с благодарностями, передайте Вл[адимиру] Владимировичу, что теперь уже поздно посылать ему анализы моего 3-го концерта, чему я, между нами, конечно, рад, иначе мне опять пришлось бы егозить, объяснять, что анализировать я делать не умею, статьи писать не люблю, — и, вообще, пришлось бы всячески отписываться. А вот узнать, как прошло исполнение 3-го концерта Фейнбергом², мне очень хотелось бы, и я надеюсь, Вы не преминете мне написать об этом. Кстати, Вы очень хорошо сделали, что в одном из предыдущих писем продернули меня за недостаточное внимание к сочинениям Фейнберга. Вы правы, тогда, огорченный сонатами

Александрова, я как-то поверхностно перелистал сонаты Фейнберга. Теперь постараюсь вернуться к ним, а также слежу за выходом его 1-й сонаты в Универсале. Если у него будет свободный авторский экземпляр, попросите его прислать мне.

Метрономические обозначения 5-й симфонии переслал Зилоти для передачи Стоковскому немедленно по получении Вашего письма от 3 февраля, а также внес их в имеющуюся у меня партитуру (не помню, писал ли Вам, что у Зилоти есть своя партитура, а потому в Америку я отослал только голоса).

Партитура и голоса Классической симфонии сейчас в работе, летом они выйдут, а потому лучше всего, если в программу осенних концертов Вы поставите именно ее. Наше издательство обладает только четырьмя материалами сюиты из «Шута», из которых один в Америке, а потому оно неохотно даст его в Россию; материалов же Классической будет множество. Кроме того «Шута» через месяц привозит в Москву

<стр. 211>

Monteux. Ему издательство дает, потому что через две недели он обязуется привезти обратно. Кроме «Шута» Монте сыграет в Москве «Песню соловья» Стравинского³. Хотел сначала «Скифскую» и «Весну», но не понадеялся на четверной состав. Я ему много говорил про Вас, и он очень хотел бы познакомиться с Вашими симфониями. Непременно сделайте это. Monteux — хороший музыкант и не боится нового; я уверен, он захочет привезти одну из Ваших симфоний на Запад.

С немецкими дирижерами я, действительно, никак еще не завелу знакомства. Боровский играл мой 3-й концерт с Абендротом⁴, однако Абендрот весь в прошлом, был корректен, но враждебен. Премьера «Апельсинов» в Кельне 14 марта⁵, и через несколько дней я туда уезжаю. В симфонии, после отчаяннейшей возни, я закончил оркестровку первой части⁶. Вышло около ста страниц, заполненных сверху донизу. По возвращении из Кельна примусь за оркестровку вариаций. Надо торопиться: при такой вознище еле-еле кончу к маю. Квинтет еще не играли, он ведь должен пойти с балетом Романова, а это произойдет, вероятно, не раньше мая. В Париже такой фасон, что все новинки приурочиваются к этому месяцу.

Относительно концерта Стравинского у меня впечатление двойственное. Что касается стиля и модного портного, то тут Стравинский вдруг проявил некоторую устойчивость: бахоподобность этого стиля предчувствуется в октете, а теперь за концертом последовала соната опять-таки в том же стиле⁷. Сам Стравинский утверждает, что этим он создает новую эпоху, и что только так и следует писать. Мне лично «Весна» и «Свадебка» дороже.

Крепко обнимаю Вас, пишите мне в Бельвю.

Любящий Вас *С. Прокофьев*

Читал в английских газетах о камерном вечере из сочинений Ширинского, Александрова, Крейна и Ваших. Первых трех выругали, а Вашу

сонату нашли эффектной, написанной с эрудицией и в классических линиях.

207. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ —С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 марта 1925 г., Москва

16/III 1925. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
у меня уже больше недели лежало написанное Вам письмо, но из-за некоторых держановских соображений я его не отправил, хотя теперь и жалею. Но ничего. Зато теперь получил Ваше письмо, и моя эпистолия изменится соответственно. Оказывается Вы уже знаете о факте исполнения моих дев и, кроме того, пишете о стадии Вашей работы над симфонией, то есть вычеркиваете $\frac{1}{4}$ моего старого письма. 5-ю сонату

<стр. 212>

Вашу я получил недели 2 тому назад и со стороны все же до сих пор не слышал — немного очень чувствительно наигрывал Фейнберг из 2-й части, но целиком я ее еще не смаковал. В моем ковырянии ничего путного не получается, но как общее впечатление меня подкупает в ней интимность, теплота и какая-то особенно приятная полифоничность, хотя общее выражение ее — сдержанное. Какая часть лучше, — не умею сказать, — все по-своему лучше. Жаль, что Вы не ставите метроном хоть на основные моменты, от этого многое не сразу укладывается; я, например, до сих пор не могу, несмотря на все усилия, перенестись в Вашу манеру игры, ясно себе представить 2-ю тему первой части (Narrante) —не выходит да и только, и потому мне пока ближе 1-я тема, разработка и кода. 2-я часть, несмотря на скупость средств, производит очень цепкое впечатление своей изнеженной и, в то же время, почти саркастичной мелодичностью. Финал я тоже очень люблю и, в частности, коду его. По характеру в нем есть что-то общее с «Шутом» —больше всего, как это и не странно, во 2-й теме. Пианисты уже накинулись на сонату, но... что-то пока не проявляются с нею, словно притаились.

Меня ужаснуло Ваше сообщение об оркестровке 2-й симфонии. Это, должно быть, совершенно мучительно писать такую партитуру. Интересно было бы взглянуть, что Вы туда насовали, — почему у Вас такая гущина. Не пришлете ли мне хоть темки какие-нибудь? У меня в оркестровке теперь, напротив, какое-то совсем иное направление: 8-ю симфонию, которую я делаю очень лениво (не сделал даже 1-й части, а только до репризы), я излагаю как-то, словно, по-камерному. Что из этого получится, трудно сказать, но думаю, что опыт слушания двух симфоний, да еще с неважным оркестром, кое-что мне дал. 4-я симфония, вообще, звучала лучше, чем 7-я¹, но кое-какие наивности приходится исправлять, например, начало с гобоем — звучало отвратительно (даю флейте), в Andante—аккорды (8) — очень слабо контрастировали струнные — придется изменить расположение аккордов, но, в общем, было хоть и грязно (трудные пассажи у струнных), но складно и напряженно. 7-ю я переоркестровал почти всю заново и ужасно радовался, что она не добралась

до европейских эстрад, — она была полна наивностей и непрактичностей совершенно непростительных даже с глазуновского подхода. Масса лишних фигураций, дикий рев и возня меди, однообразие инструментального изложения, неубедительный конец, и так без конца. Я написал 50 новых страниц партитуры (1/3) и почти ни одной из остальных не оставил без ретуши. Надеюсь, что теперь в этой деве есть смысл. На концерте хороший успех имела 4-я, 7-я же прошла слабее из-за падучего припадка с сараджевским сыном; Сараджини как-то еле-еле домахал. Но музыканты настоящие большие одобряют 7-ю, что и понятно, ибо в ней гораздо больше натиска, да и материал несколько острее. Ну, вот Вам отчет.

Насчет Монте я сомневаюсь, — Вы говорите он хороший музыкант и новую музыку воспринимает, но я, ей-ей, начинаю сомневаться, что

<стр. 213>

моя музыка достаточно нова — и уж, во всяком случае, не на западный образец. Смешно, что Монте не надеется на четверной состав у нас — да хоть шестерной и то найдется, ведь играли же «Альпийскую» дребедень Штрауса². Отговаривать его, конечно, не стоит, так как и «Скифскую» и «Весну» слышал, а «Шута» и «Соловья» нет. Между прочим, мне очень не нравятся партитуры Ваших концертов — на редкость не наглядны, то широко, то тесно, а соло написано тем же шрифтом, что и остальные! Это нечто вроде литографии? Так же, верно, будет напечатана большая партитура моей 6-й — мало аппетитно. Зато маленькая партитурка 6-й будет, по-видимому, изящна, — я сделал корректуру нескольких десятков первых страниц — очень недурно: четко, чисто. Буду просить Универсалку, чтобы сейчас же, по выходе, экземпляр поскакал к Вам. Вчера получил первую корректуру 4-й сонаты своей. Награвировали молниеносно — не больше двух недоль, и не плохо. Думаю, что в апреле выйдет, если не дадут второй корректуры. Интересно, какими словами будете браниться? Очень уж там незатейливый финал и гниловатое Intermezzo.

Обнимаю Вас. Сообщите о Кельне. Кто там хозяин? — Абендрот? Он мне показался весьма вульгарным, мало подвижным и наивным в интерпретациях тевтоном.

Искренне любящий Вас *Н. Мясковский*

Будут делать карманные партитуры Ваших концертов? Почему бы не поручить тому же Wiener Philharmonischer Verlag? Они делают, кажется, и чужие издания? Моя 6-я у них же выйдет.

208. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

4 апреля 1925 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
пишу Вам только пару слов, чтобы выразить свое восхищение Вашим 3-м

концертом¹.

Сыграли его с опозданием на неделю, отчего исполнение немного выиграло, ибо была лишняя репетиция. Оркестр, в меру своих сил (надо сознаться, слабых довольно), старался. Сараджев тоже из кожи лез, чтобы вышло как следует, Фейнберг играл почти превосходно (в минус ему ставлю излишнюю торопливость в быстрых темпах, отчего оркестр за ним часто не поспевал, а он, в свою очередь, словно не хотел ни йотой поступиться, и второе — несколько сентиментальное исполнение 2-й части; тут я немного виню Вас, так как Вы не ставите метроном, и потому все мои и Сараджева споры с Фейнбергом не привели ни к чему, он уперся и, по-моему, испортил как тему, так и возвращение к ней, которое меня восхищало именно своей неожидан-

<стр. 214>

ностью, а он еще последний такт быстрой вариации, где вступает мелодия, делал rit[enuto], чем делал это вливание обычным переходом; когда я с ним с пеной у рта об этом спорил, он говорил, что если бы здесь не нужно было делать rall[etando], автор мог указать — senza rall[etando]. Ну, одним словом, мы с ним чуть не разругались; а в общем, он играл очень хорошо, горячо, ясно, технически законченно и очень тонко. Я восхищен решительно всем: и концепцией, и темами, и невероятным мастерством рисунка, тонкостью и продуманностью ансамбля (это настоящий симфонический концерт), и остроумием, меткостью и яркостью инструментровки. В этом отношении у Вас выработалось отменное мастерство — все наверняка и притом изумительно ново и свежо, даже кастаньеты. Успех был отличный, почти бурный.

На днях получил из Берлина маленькую партитуру сюиты из «Шута», — верно, по Вашему приказу? Большое спасибо. Я еще не успел ее как следует рассмотреть, но, даже мельком взглянув, изумился Вашей оркестровой изобретательности — у Вас оркестр действительно живет — и для всех занимательно, и целое должно сверкать. Пока я сделал себе в клавише соответствующие отметки, чтобы можно было бы играть как сюиту, кое-какие концы тут же переложил, кроме одного перехода к «Фуге», здесь оставил как в «балете».

По балету убеждаюсь, что в искусстве оркестрового орнамента Вы достигли полного мастерства, теперь меня очень интересует, как у Вас мы идет не орнаментальная музыка (думаю, что симфония Ваша «симфонична», как понимает это Асафьев; а тут требуется несколько иной склад оркестровки), и с нетерпением буду ждать симфонию. А 2-й концерт печатается?

Крепко обнимаю Вас.

Как хотелось бы повидать и послушать. Всего лучшего.

Ваш *Н. Мясковский*

Простите, что письмо вышло глупое, — ничего толком не сказал.
4/IV 1925. Москва

209. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 мая 1925 г., Бельвю

Bellevue, 29 мая 1925

Дорогой Николай Яковлевич.

Не гневайтесь на меня, что сто лет не писал Вам. Неделю тому назад закончил симфонию, вышло 212 убористых страниц, 6-го она идет у Куси¹, после чего напишу Вам о моих впечатлениях и вообще напишу подробно. Пока же гоняю по восьми переписчикам и урезониваю их, чтобы поспели вовремя. С 1 июня мой адрес: 32, rue Cassette, Paris VI.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Прокофьев

<стр. 215>

210. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

28 июня 1925 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
дождаться обещанного Вами письма с известиями об исполнении 2-й симфонии я не в силах. Пишу Вам напоминание. Ведь уже почти месяц прошел! Неужели Вы не хотите понять, что все, что Вас касается, особенно, раз вопрос идет о новом чаде — для меня — волнующее событие, чем бы это ни было для других! Я настоятельно требую сведений. Не писал это время Вам отчасти потому, что, как это всегда бывает, со дня на день ждал от Вас письма. Кроме того, последний месяц был очень занят в консерватории, где у меня 15 (!) учеников, и которые только к концу сезона начинают неудержимо ходить на уроки, и, наконец, последние две недели вплотную сел за симфонию и сегодня, наконец, кончил инструментовку шумного и крикливого финала ее¹. В этой симфонии я с усердием пытался следовать Вашему совету смотреть на оркестр, как на нечто живое и индивидуальное и вызывать «к жизни скрытые стремления» (по Скрябину!); не знаю, насколько им мне удалось: мучился я ужасающе и, быть может, только в финале почувствовал некоторую свободу. Первые три части мы уже играли в 8 рук, и кроме очень трудного скерцо (на $\frac{7}{4}$), остальное, пожалуй, выходит, и ни в смысле музыки, ни ее изложения особенно меня не огорчило². Завтра я уеду на месяц в деревню, и, полагаю, ничего не буду делать по музыкальной части, тем более, что я до сих пор не удостоился в свой деревенский pied à terre* раздобыть инструмент. Надеюсь, что и корректур не будет. 4-ю сонату я сделал два раза, 6-ю симфонию хотя и раз, но думаю, что больше не пришлют. Посылаю в Universal также все мои «Зинки», так как они по разным обстоятельствам здесь вышли из оборота. В связи с этим я перетасовываю все свои opus'цы и очень прошу Вас, когда увидите с Эбергом, передать ему мою самую настоятельную просьбу

снабдить opus'ами изданные в Росс[ийском] издательстве романсы (то есть доски и в случи нового выпуска), а именно: «Из Гиппиус» — 3 пьесы — **ор. 4**, 3 наброска на слова Вяч. Иванова — **ор. 8** и, наконец, «Сонет» — Мик[ель] Андж[ело] — **ор. 16**. Хотя все это и не очень правдоподобно, но лучше, чем теперешнее расписание — совсем ерундовое. На всякий случай, прилагаю записочку.

Между прочим, Вы не думаете, что для Вас имело бы смысл напечатать за границей Ваши пять романсов ор. 23 — здесь они остались в каталоге только частично. Кроме того, раз из каталога выброшен и «Семеро», имело бы большой смысл напечатать партитуру у Вас же, запросив (купив) у нас доски или же при помощи фотографического способа. Не помню, писал ли я Вам, что артистам Оперной студии Ху-

* временный дом, жилище (*франц.*).

<стр. 216>

дож[ественного] театра Ваша «Маддалена» очень пришлась по вкусу, и они хотели бы ее поставить (там отличный, хотя и небольшой оркестр и молодые певцы), но ведь оркестрована только одна сцена! Не сделаете ли Вы дальше? Ноты, наверно, можно будет послать через Держановского. Напишите, что Вы по этому поводу думаете. Через месяц я буду опять в городе и к тому времени буду ждать от Вас письма... если Вы будете отвечать сразу. Всего лучшего.

Любящий Вас *Н. Мясковский*

28/VI 1925

211. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 августа 1925 г., Марлотт

Bourron-Marlotte,
Seine et Marne, France
4.VIII.1925

Дорогой Николай Яковлевич.

Ужас как долго не писал Вам, беспардонный срам! Сначала кончал симфонию, хотелось кончить и тогда написать Вам; когда кончил, Куськин сразу взял ее играть, — решил написать Вам послушавши; а когда послушал, то сам не разобрал, что за штука вышла и, смущенный, замолчал, пока не улеглось. Да и у всех других ничего, кроме недоумения, симфония не вызвала: так намудрил, что и сам, слушая, не всюду до сути добрался, с других же нечего и требовать. В общем — Schluss* — теперь не скоро от меня дождутся сложной вещи. Печатание откладываю до будущей весны, пока снова не послушаю. Все же где-то в глубине души есть надежда, что через несколько лет вдруг выяснится, что симфония вовсе порядочная и даже стройная вещь, — неужели же я на старости лет и с высоты всей моей техники так-таки и плюхнулся в калошу, да еще после 9 месяцев бешеной работы?!

После исполнения симфонии, в июне и июле, ничего значительного не делал, — корректировал Классическую симфонию, партитуру и голоса, и клавир второго концерта (тоже цветистость такая вышла, что третий — прямо для детей; нет, довольно! перехожу на трехголосие!). Затем переложил ор. 35, Песни без слов для скрипки и фортепиано¹, — вышло лучше, чем для голоса. Мой арранжмент вальсов Шуберта переложил для двух фортепиано² по заказу Романова, который будет давать их как балет с двумя роялями на сцене, как часть декорации. Перекладывая, не удержался и подсыпал всяких контрапунктиков и украшений. По заказу того же Романова приписал еще два номера к квинтету — для расширения балета³, хотя эти номера, разумеется, не войдут в концертный квинтет. Этот балет и шубертовский Романов

* конец (нем.).

<стр. 217>

повезет осенью по Германии, Швейцарии и Франции, имея уже ангажементов на 6 месяцев. А на днях засяду за новый балет для Дягилева⁴; будет проще «Шута», менее сюжетный и более симфоничный. Декорации будет делать московский Якулов, автор проекта бакинской башни.

Видел в Париже Экскузовича и Б. Б. Касина, оба были стряпню любезны. Экскузович принял «Апельсины» в Мариинский театр и почти в Большой московский⁵. Первый контракт будет подписан в ближайшее время, второй решится в сентябре. Касин звал на 10 концертов, по симфоническому в Москве и Ленинграде и по два клавирбенда в Москве, Ленинграде, Харькове и Ростове. Я бы поехал, но предложение приходит очень уж поздно: мой сезон разобран другими контрактами, да еще этот дягилевский балет надо катать в спешном порядке. Словом, решили, — если я не смогу во второй половине этого сезона, то осенью 1926.

Вышли ли 6-я симфония и 4-я соната? Жду их. Писал ли Вам Зилоти что-либо про 5-ю симфонию? Мне он, выругав мою 5-ю сонату, которую я имел неосторожность ему послать, больше не кажет духа. Стоковский приезжал в Париж на несколько дней, инкогнито, чтобы не приставали. Я не мог его спросить про Вашу 5-ю, так как узнал не о его приезде, а об отъезде. Да и моих сочинений этот сукин сын не играет. Обидно только, что голоса Вашей симфонии завязли теперь в Америке. Напишите Зилоти, будет ли симфония играть в этом сезоне. Его новый адрес: Hotel Ansonia, Broadway and 72 St., New York. Был в Париже Саминский, который, кстати сказать, женился на высокой и тонкой, редко уродливой блондинке. Он дирижировал концертов, поставил в программу «Аластора» — и плакался, что не получил материала. Вашу записку с опусами для романсов передам Эбергу по его возвращении. Кстати, тетрадь Ваших романсов на Вяч. Иванова Эберг дал перевести на английский язык, вероятно, подготавливая новое издание. Я сейчас повторяю «Причуды» — буду поигрывать их зимою в концертах. Зубрю также мой 2-й концерт, который успел забыть с прошлого года: решил играть его во всех симфонических, в которые меня приглашают: в Швеции, Голландии и Америке, куда, кажется, отправлюсь на январь и февраль, — пусть к нему

привыкают.

Из новинок, которые я слышал в весеннем парижском гран-сезоне, самой интересной оказался балет «Зефир и Флора» Дукельского⁶, молодого русского композитора (21 год), бывшего ученика Глиэра. Затем он уехал в Америку, а оттуда год назад попал в Париж, где Дягилев немедленно заказал ему балет. Этот балет отлично сделан и имеет массу очень красивого материала. Середину его занимает тема с вариациями; начало этой темы посылаю Вам. Очень бойкий и развеселый балет «Матросы» сочинил Орик⁷. Успех был больше «Зефира», но, конечно, «Зефир» более настоящая музыка, чем эти «Матросы». Онеггер обмолвился фортепианным концертином⁸, презанятным, хотя для пианиста абсолютно не интересным. Стравинский дописался до ужасаю-

<стр. 218>

щей фортепианной сонаты, которую не без шика исполняет сам⁹. Но по музыке это какой-то Бах, изъеденный оспой. Довольно талантливый композитор появился в Италии: Риети. Если он не свихнется на итальянскую пошлость, то, кажется, из него выйдет человек. Среди всякой германо-французской мертвечины, которою не мало душили этой весной, Риети со своим концерто-гроссо мелькнул весело и занятно¹⁰.

Я не помню, писал ли я Вам про постановку «Апельсинов» в Кёльне¹¹. Дирижировал не Абендрот, который был в оппозиции, а молодой иенгереец Сенкар. Успех был не столько у кельнцев (хотя с марта по май «Апельсины» прошли 6 раз), сколько у берлинской прессы, и в результате «Апельсины» приняты в Штатсопер в Берлине. Заговорили также об «Огненном ангеле» (который никак не соркеструю) и о «Шуте». Спасибо за предложение поставить в Москве «Маддалену», но, увы, это предприятие придется отложить: все-таки надо сначала оркестровать «Ангела», а затем уже поковырять в старых тряпках. А за сколько продал бы Госиздат доски «Семеро их»? Надеюсь, за недорого, раз для них это старый хлам, да еще к тому же доставшийся им без гонорара. Романсы ор. 23 мы переводим на три языка и, вероятно, скоро издадим здесь.

Какие виды на исполнение 8-й симфонии?¹² Что говорят видевшие партитуру и что чувствуете Вы сами, месяц спустя после окончания? В споре с Фейнбергом относительно моего 3-го концерта правы были Вы: во второй части при переходе от последней вариации к возвращающейся теме я делаю не замедление, а ускорение.

Ну, крепко обнимаю Вас. Оттого и редко пишу, что когда сяду, так не могу кончить. Поклон Держановскому. Все письма его, на которые я не ответил, лежат у меня отдельно стопочкой, и как я посмотрю, на сколько вопросов надо ответить, так каждый раз кладу перо обратно. [...]

Пишите мне сюда в Марлотт, до конца октября. Это тихое и живописное местечко в 2 часах от Парижа.

Любящий Вас С. Прокофьев

«Зефир и Флора» Дукельского.

<стр. 219>

212. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 августа 1925 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, наконец, получилось Ваше письмо, а то мы с Держановским совсем растерялись, я даже начал думать, что Вы изменили самому себе. Я был уверен, что Ваше молчание как-то связано с исполнением симфонии, но недоумевал, ибо нигде не мог получить сведений даже об ее исполнении. Спрашивал приехавшего из Парижа Беляева (В. М.), — что он слышал о Вашей симфонии, но он даже не знал о ее исполнении. Только на днях в номере «Courrier Musical» наткнулся на отзыв¹. Тогда начал ломать голову и подумал, неужели Серж изменился и вместо того, чтобы всех обозвать идиотами, которые ничего не поняли в гениальном сочинении, впал в сомнение или во что худшее. К счастью, письмо вовремя поспело, а то уж я хотел было начать лить бальзам на Ваши раны — воображаю, что бы получилось! Из французского отзыва и Ваших недоумений я понял один, что симфония оказалась не по французским зубам (или желудкам?), и, видимо, дает Вас такого, какой Вы, наверно, в полной глубине и ш и р и н е Вашей сущности, то есть по концепционному захвату она, очевидно, гораздо больше, нежели привычные и излюбленные публикой стороны Вашего дарования, отсюда, вероятно, смехотворное обвинение в отсутствии в этой симфонии Вашей «персоналите»*. Но ничего, теперь я успокоен, Вы, видимо, в глубине души также уверены в достоинстве симфонии, как и я, — несмотря на свою отдаленность. Жаль, что Вы не могли приехать в этом сезоне, — поставили бы здесь, у нас оркестр иногда играет вполне хорошо. А Вы не рискнете дать эту симфонию Сараджеву пока что? Мы твердо надеемся иметь в этом году свои симфонические концерты. Когда я ждал исполнения Вашей симфонии, меня все время угнетала мысль, что это будет не ко двору там. Очень уж у меня сложилась дурная картина современного европейского творчества. Легковесность и банальность французов и итальянцев (Равель, Казелла, Малипьеро, Мийо, Орик, Ал. Черепнин и др., даже Онеггер мне кажется больше мастером на малые дела — см. «Давида»), невероятная сухость и

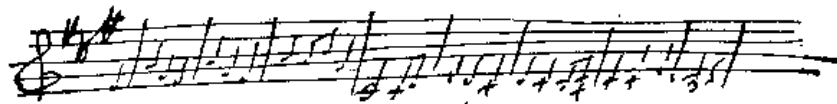
Страница письма Н. Я. Мясковского
от 16 августа 1925 г.

<стр. 221>

жели грядущего Вашего трехголосия, хотя думаю, что Вы и с этим справитесь лучше, чем Стравинский.

Присланная Вами тема Дукельского мила, особенно 2-я часть, но напоминает Вас. Относительно Дукельского здесь уже спор — Яворский приписывает его себе; между прочим, Болеслав сейчас путешествует по Европе, быть может, заедет в Париж, если пустят. Во всяком случае, он всегда требует от меня, чтобы я Вам кланялся. Он также просит сообщить Дукельскому его адрес: Москва, Мал[ая] Полянка, д. 9.

Что касается меня, то, проведя месяц в деревне — очень как-то плохо, и совсем не восстановивши нервов, я сижу сейчас в Москве и перебеляю партитуру 8-й, которую до того писал эскизно. Пока получается ничего себе, довольно разнообразно и цветисто, но, к сожалению, очень много работают струнные. Шикарнее всего должен выйти финал с темой о Стеньке Разине:

Когда я все это кончу, не знаю. В 8 рук мы играли пока только три части, причем, сколько я понял, симфония никому не нравится. Говорят, что русские темы мне не к лицу, хотя на самом деле их там только две — в скерцо (трио) и в финале (который мы не играли), но, видимо, самый характер ее не привычно эмоциональный, мало «импонирует». 4-я соната должна была уже выйти, 6-я симфония ждет еще одной корректуры, которую почему-то до сих пор мне не присылают. Я просил заведующего русским отделом Univers[al] Edit[ion] послать Вам по экземпляру того и другого, как только выйдут, на парижский адрес. Относительно opus'ов я кое-что переменил: «Сонет» — будет вовсе без опуса, а остальное, как я Вам писал. Быть может, не затруднитесь сообщить Эбергу: Гиппиус — ор. 4, В. Иванов — ор. 8, «Сонет» — как был — без. Исчезнувший ор. 22² придется мне чем-нибудь заполнить, не могу только придумать чем. Разве сочинить что на старые темы простенькое? В пандан* к симфоньетте³, которую я этим летом переделал для парного состава — вышло гораздо лучше, чем со всеми контрафаготами, бас-кларнетами и т. д. Теперь хоть играть можно без труда. Всего лучшего.

Между прочим, если в Париже будет Мария Александровна Корчинская (арфа), по мужу Бенкендорф (очень милый человек, бывший граф (!), флейтист, энтузиаст и Ваш уже поклонник), которую Вы, кажется, немного знаете — сделайте для нее все Вам доступное, хотя это такая отменная арфистка, что сможет себе кое-что завоевать без особой помощи, но всегда лучше иметь друзей — для них, — а они могут быть такими и для Вас. Привет!

16/VIII 1925

* pendant (франц.) — в пару.

<стр. 222>

213. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 октября 1925 г., Марлотт

Марлотт, 20 октября 1925

Дорогой Николай Яковлевич.

Давно хочу написать Вам про Вашу четвертую сонату, но все не был уверен, правильно ли я рассуждаю. В этой сонате центр тяжести разумеется в I части. Но эта часть поразительно близка третьей сонате как тематически, так и приемами, хотя у 4-й есть некоторые преимущества: большая строгость изложения, уменьшение метнеровского влияния, меньше патетики, секвенций. Из тем мне больше всего нравятся побочная партия и 3-я главная (я считаю, что у Вас 4 главных партии). Мерная главная мне не нравится — напоминает последнюю сонату Бетховена. Вторую главную (нисходящие аккорды) я тоже не особенно люблю, главным образом, из-за секвенций. За последние годы у меня острая ненависть к секвенциям — приему дешевому и в производимом эффекте необычайно наивному. Третья главная — (16-ми) очень хороша, хоть и родственна главной партии 3-й сонаты. Все, что связано с этой темой, тоже превосходно, особенно *разработка*. Четвертая главная (противусложение к третьей) — очень характерный для Вас прием, но не очень мною любимый: для темы это недостаточно ярко, а для противусложения — слишком выдвинуто. В ходе (*rubato*, *recitando*) я люблю фон, но не речитативы. Побочная партия чрезвычайно хороша, особенно при проведении в репризе. Она родственна побочной из 3-й сонаты. II и III части я назвал бы дополнительными. Они цельны и приятны, хотя, конечно, не решают тех задач, что первая. Финал местами напоминает скерцо из 8-й симфонии Глазунова.

Универсаль прислал мне также сонату Фейнберга¹. В ней, по-моему, Фейнберг пошел дальше по всем своим трем основным направлениям: еще большая виртуозность изложения, еще большая бесцветность материала и еще большая головоломность для исполнителя. Сев ее разбирать, я ничего не мог понять, и только изучив ее глазами, без фортепиано, я понял в чем дело. Если бы не секвенции, то сделана соната мастерски, даже поражаешься, как мог он продержаться на таком незначительном материале. Но не люблю я в сонатах такую пышность изложения! Я вижу сонату не пятиэтажной, а камерной, строгой, почти четырехголосной. Поэтому сонаты Бетховена из I тома мне милее, чем некоторые ходульные размахи из второго. 5-ю сонату Александрова еще не рассмотрел как следует. Но зачем в ней столько дубль-диезов? — по десятку в маленьком такте. Ведь никакой педант не получит удовольствия от

такого правописания. Не собирается ли он написать сонату в ре-дубль-бемоль мажоре?

Посылаю Вам темы моей симфонии. Хотел выписать отрывки из вариаций, но это оказалось невероятной возней. В вариациях я шел путем развития (а не варьирования) тем, а поэтому часто не знаешь, какой кусок привести как пример. Вы пишете, что наши русские лучше

<стр. 223>

поняли бы ее, чем французы. Но в том-то и дело, что на исполнении их было тьма: Стравинский, Сувчинский, Н. Черепнин, Фительберг, Купер, Коутс, Боровский, Дукельский, Н. Обухов, Нувель, Александр Бенуа. Из них только четверо последних нашли, что симфония им «все-таки» понравилась, остальные ни черта не поняли. Передайте Держановскому, что материалы 2-й симфонии и 2-го концерта еще в рукописях, и потому их исполнение в Москве лучше отложить до будущего сезона. Зато в декабре выйдет Классическая, которая уже прошла через все корректуры, — пусть бы пока сыграли ее. Напишите, как примут москвичи «Скифскую»².

Пишите мне: Serge Prokofieff, c/o Guaranty Trust, 3, Rue des Italiens, Paris IX.

Я скоро начну разъезжать, и оттуда мне будут пересылать письма. Поставил «Причуды» (1, 6 и 5) в предстоящие программы Стокгольма, Страсбурга и Амстердама, и из последнего даже получил специальную благодарность, так как они Вас мало слышали, но очень интересуются.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Прокофьев

2-я симфония, ор. 40. I часть.

Главная партия.

<стр. 224>

Ход:

2-я половина хода:

На фоне которой появляется побочная партия, сначала в басу:

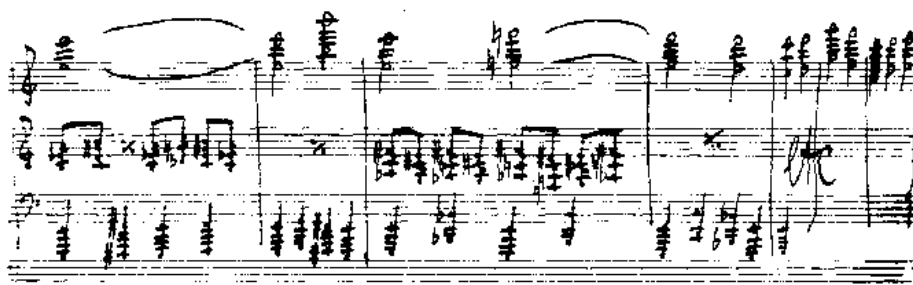

А затем:

<стр. 225>

Заключительная:

II часть (тема и вариации).

Тема:

Хотел выписать вариации, но не хватает терпения, тем более, что это довольно трудно, так как они построены не столько на варьировании темы, сколько на развитии ее.

С. П.

214. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 ноября 1925 г., Москва

3 ноября 1925. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, вернувшись сегодня из Питера, где слушал в исполнении Малько исправленную 7-ю свою симфонию¹, нашел Ваше долгожданное письмо.

<стр. 226>

Темами Вашей симфонии, я, как и следовало ожидать, совершенно восхищен. Вы говорите, — на исполнении симфонии было тьма русских (Вы еще забыли упомянуть Макса Штейнберга!), из которых только четверем «все-таки» что-то понравилось. Но ведь там русских-то только один Сувчинский, да и то я не знаю, что он теперь! А все остальные, да разве это люди с русской психологией? Нет, я совершенно убежден, что и здешних настоящих музыкальных кругах (московских, конечно, и только отчасти в петербургских) Ваша симфония была бы принята совсем иначе. Я представляю себе, что всех отпугнуло. Это, — мне кажется, — ее н е о б ы ч а й н о суровый общий тон, — если, конечно, можно судить по тем отрывкам, что Вы мне показали. Кроме того, я совершенно сомневаюсь в исполнении: т а к у ю с и м ф о н и ю Кусевицкий не мог хорошо играть. Мне чрезвычайно нравятся: главная партия (несколько мне странен только ее 3-й такт — гармонически) — вся для Вас необыкновенно типичная — с Des'ным отклонением и возвращением в е—; 1-я

половина хода хотя и ярка, но мне не очень по душе по некоторой прямолинейности ее гармоний, 2-я половина лучше, а 2-я тема, если она появляется в басу — великолепно; дальше она очень ядовита из-за выдержанных $\frac{5}{6}$ аккорда в середине, — заключительная, с ее канонизмом в уменьшении, превосходна. Темы для вариаций — совершенно обворожительны (си минор в середине — невероятно свеж), но опять же имеет тот же отпечаток суровости, что и все в 1-й части. Я сомневаюсь, чтобы из таких тем у Вас получилась бы плохая стряпня, и потому я совершенно убежден, что симфония эта будет моим любимейшим Вашим сочинением. Какая досада, что мы живем так недосыгаемо далеко.

Жиль, что надо будет играть Классическую раньше 2-й, я ту все-таки уже слышал. Скифскую будут сперва играть персимфанисты. Не думаю, чтобы это было очень хорошо. Завтра в Питере ее играет Дранишников², к сожалению, я не мог остаться хоть на репетицию. Концерт скрипичный играют теперь все скрипачи, но, кроме Сигети, все отвратительно. Последний раз его играли вместе с моей 5-й симфонией в Персимфансе³. Я не был, так как был в Питере, но бывшие говорят, что было снотворно (!). Можете себе представить?!

Ваш отзыв о моей сонате справедлив, кроме одного пункта, того, что Вы называете 2-й главной темой, — природа этого куска не секвентная — это каноническая имитация в малую терцию и имеет характер вертикального накопления с раскачиванием на одном месте (конец = началу), чем и отличается от секвенции — механически переводящей в другие строи. Сходство 1-й темы с Бетховеном, конечно, тоже слишком внешнее, ибо эмоциональная природа совершенно иная (здесь нет терции) и гармония субдоминантовая. Но, конечно, лучшее — это тема в 16-тых (она скорей, собственно, главная, а остальное более в природе вступления) и побочная (сочинена ровно годом позже). Речитативы я не люблю — это слишком убого по мысли, но ничего другого не выходило. Я в первой части больше всего люблю

<стр. 227>

коду. Но вообще, в сонате, собственно, только одна — 1-я часть, остальное я приписал, чтобы не терять es-moll'ную пьеску, а финал (кроме побочной темы) я считаю просто слабым — пустым местом.

Скоро выйдет 6-я симфония. Вам пришлют. Интересно, как Вы к ней отнесетесь. Ее считают моим лучшим сочинением, но я с этим согласен только в эмоциональном плане, технически же она полна трюизмов и наивностей.

Всего доброго. Спасибо за письмо и примеры.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

215. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 ноября 1925 г., Стокгольм

Стокгольм, 9 ноября 1926

Дорогой Н[иколай] Яковлевич], играл здесь «Причуды»¹. Публике они понравились. Критики написали что-то вроде того, что в них приятно отсутствие атональности. В общем, Стокгольм — порядочная деревня, хотя с витрин нотных магазинов приятно улыбается Ваша 4-я соната. Сегодня двигаюсь в Париж, надеюсь там нащупать словечко от Вас Обнимаю крепко.

С. П.

216. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

6 декабря 1925 г., Клямар

Клямар, 6 декабря 1925

Дорогой Николай Яковлевич.

Я очень обрадован Вашими похвалами темам второй симфонии, особенно похвалой побочной партии, которая была принята особенно сухо, Куськин же «по-дружески» рекомендовал вовсе выбросить ее из симфонии. В извинение чрезмерной прямолинейности гармоний первой связующей партии, должен сказать, что она очень хорошо выходит, когда весь квартет играет все время на всех четырех струнах.

Почему Вы ни словом не обмолвились относительно исполнения седьмой в Петербурге? Каково Ваше впечатление от новой редакции? Напишите непременно. Посылаю Вам программу страсбургского концерта¹, которому предшествовала лекция о современной русской музыке, в значительной доле о Вас (материал для лекции поставлял я, поэтому можете быть спокойны). Страсбургцы вели себя молодцом и даже разбушевались, приняв всю программу с явным удовольствием за

<стр. 228>

исключением разве 5-й сонаты, которая положительно сделана не для концертного исполнения.

Передайте, пожалуйста, Фейнбергу мое сожаление о том, что его пребывание в Париже не совпало с моим. Вернувшись из Швеции 12-го, я на другой день получил мою почту в Гарант Тресте, куда она стекается со всех моих многочисленных прошлых адресов: и, найдя открытку Фейнберга, отправился к нему в отель. Там мне сообщили, что он уже уехал. Очень жаль.

Вашей 6-й еще не получил, но Вы, наверно, уже получили мой 2-й концерт, который, говорят, вышел, хотя до меня еще не добрался. Материал Классической, наконец, напечатали, партитура брошюруется. Теперь принялись за симфоническую сюиту из «Апельсинов», которая, однако, раньше лета готова не будет. Недавно ее сыграли в Париже, звучала довольно хлестко², но, разумеется, материала для нее наскоблилось значительно меньше, чем для сюиты из «Шута».

Крепко обнимаю Вас. Пишите мне, как последнее письмо, на Гарант.

Ваш С. Пркофв

217. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

14 декабря 1925 г., Москва

14/XII 1925. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
получил утром Ваше письмо, а вечером слушал целый концерт из Ваших сочинений в Персимфансе¹. Наконец, играли Скифскую! Правда, играли не бог весть как, да, пожалуй, и того меньше, но какое удовольствие было ее слушать даже так. Пляску нечисти, конечно, повторили — медь играла великолепно. Хуже всего вышла, по-моему, Ночь — очень уж блуждали — трудно ведь играть без дирижера! Успех был, естественно, огромный. Вообще, Вы у нас делаете полные сборы, даже в симфонических концертах. Кроме Скифской играл Фейнберг 1-й концерт и играл неважно, как-то не клеилось с оркестром, так что даже, доехав до каденции, он немного заврался. Зачем-то еще устроили опыт с «Увертюрой» (еврейской) и сыграли ее увеличенным квартетом — получилась почти полная чепуха — ни рояль, ни кларнет, ни вторая тема, ни конец — ничего не звучало. У Цейтлина постоянно бывают дикие фантазии. Скифскую обещают повторить в конце сезона с 3-м концертом, но я надеюсь ее услышать в лучшем виде у Малько. Я поражаюсь, что в Париже не понравилась 2-я тема вашей симфонии. Вообще, я убедился, что там просто потеряли всякий смысл, даже не только здравый. Эта борьба с романтизмом, преклонение перед 18 веком и одновременно обожание Мусоргского, а в Германии Малера — мещанскую сентиментальность — это все такая нелепица, которая сама становится романтической. Противно думать. Иногда я мечтал съездить за границу, прав-

<стр. 229>

да, чтобы только почувствовать пульс музыкальной жизни и услышать Вас в надлежащем виде, но берет жуть и какое-то почти отвращение, еще усугубляемое после рассказов наших путешественников.

Я очень радуюсь теперь, что в свое время не игралась у Вас 7-я симфония. Только после генеральных переделок она наконец начала выходить. Думаю, что с хорошим оркестром, с сильными струнными (особенно басами) совсем выйдет, а то как-то смутно еще звучит тема главного *allegro*, несмотря на очень густую линию. Не могу пока понять, в чем секрет, ибо фон вовсе не тяжелый. На этих концертах сделал еще парочку штрихов и теперь пустил симфонию за границу. 24 марта ее будет играть в Винтертуре Шерхен². Если Вы с Купером видаетесь и с ним не плохи, скажите ему, что, если ему нужен материал 7-й для исполнения, пусть обратится в Винтертур к Рейнхарту, у которого этот материал будет постоянно. Я последнему на днях напишу, чтобы он Куперу предоставил материал для игры, по возможности (материал ихний, они сами его делают), бесплатно. Насчет 6-й я просил Держановского написать издателям, чтобы они сами списались с Купером (он изъявлял желание играть и эту дылду, хотя полагаю, что остережется). Не могу понять в чем дело с ее выходом: до сих пор кормят завтраками, хотя с моей стороны все было готово в

августе. Вашего концерта не получал пока. Как с голосами Классической? Вы, помнится, писали, что голоса будут продаваться. Это не изменилось? Я просил наше издательство немедленно послать заказ на Симфонию, так как Ассоциация надеется весной исполнить ее вместе с «Семеро», для чего будет испрашено специальное цензурное разрешение³. Для последнего (не для цензуры, а для исполнения) мне бы очень хотелось, чтобы Вы поручили кому-нибудь прислать мне важнейшие исправления в партитуре. Затем Сараджев хочет поставить два Ваших хорика «Лебедь» и «Волну», — не будете протестовать?

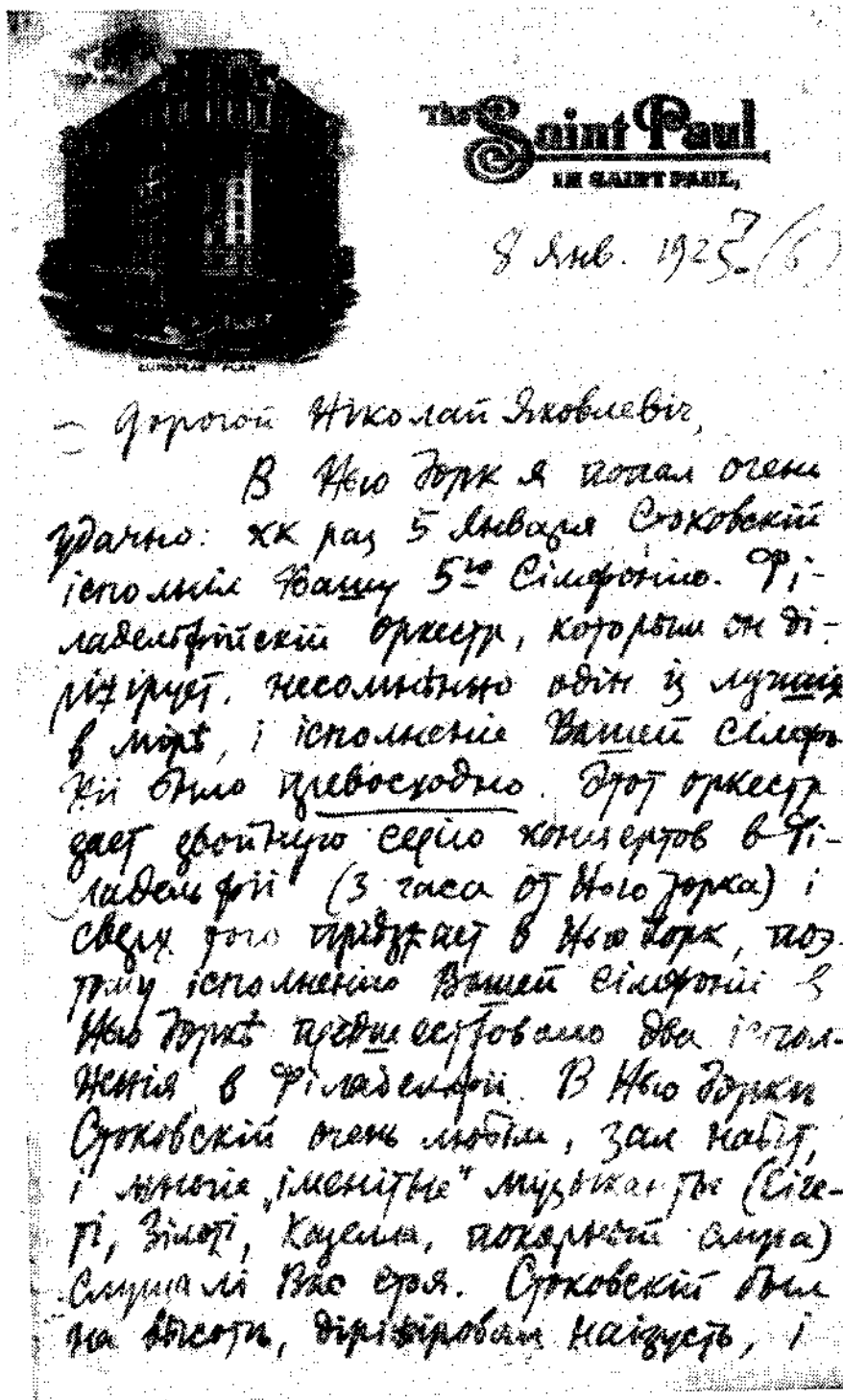
Вы пишете о постоянном неуспехе Вашей 5-й сонаты. Я наблюдаю, что здесь она тоже как-то не может привиться, но для нас объясняю это иначе. Что она не «концертная», это было мне ясно всегда, но что она тем не менее одна из лучших Ваших сонат, это мне тоже ясно. Она, правда, менее эффектна, чем 3-я, но зато тоньше и глубже, — я ее ставлю несколько выше 2-й сонаты, которую очень всегда любил, и почти на уровне анданте из 4-й. У нас она получит свое признание, как только ее сыграет Фейнберг, ибо то, как он ее наигрывал — превосходно страшно гибко и выпукло по фразировке, певуче и необыкновенно свежо по колориту.

Спасибо за моих детенышей. Даже «Круги» попали под Вашу опеку. А этот **ор. 4** — это есть уже в печатных нотах? Я думал, что Эберг еще не удосужился. Вы что-то писали о новом издании «Вяч. Иванова» — при случае попросите, чтобыopus был такой: ор. 8-а, ибо я хочу, чтобы «Сонет» был ор. 8-б. Иначе у меня не выходит.

Всего лучшего. Сердечный привет.

Ваш *Н. Мясковский*

<стр. 230>

Страница письма С. С. Прокофьева
от 8 января 1926 года

<стр. 231>

218. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 декабря 1925 г., Амстердам

Амстердам, 20 дек. 1925

Дорогой Н[иколай] Я[ковлевич], вчера Ваши штучки¹ были здесь отлично приняты, пресса тоже хвалит и требует более крупных вещей. В связи с этим, а также с интригами Шмуллера и моей, Concertgebouw хочет дать на будущий сезон одну из Ваших симфоний.

Monteux, который здесь дирижирует полсезона, будет в Москве в половине февраля (если его поездка опять не сорвется)²; он просит Вас познакомить его с Вашими симфониями. Я через три дня уезжаю в Америку до 11 марта. Напишите мне так: с/o Mr. Haensel, 33 West 42 St. , New York. Если напишете на парижский адрес, то оттуда тоже перешлют. Обнимаю.

С. П.

219. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

8 января 1926 г., Сент-Пол

8 янв. 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

В Нью-Йорк я попал очень удачно: как раз 5 января Стоковский исполнил Вашу 5-ю симфонию. Филадельфийский оркестр, которым он дирижирует, несомненно один из лучших в мире, и исполнение Вашей симфонии было превосходно¹. Этот оркестр дает двойную серию концертов в Филадельфии (3 часа от Нью-Йорка) и сверх того приезжает в Нью-Йорк, поэтому исполнению Вашей симфонии в Нью-Йорке предшествовало два исполнения в Филадельфии. В Нью-Йорке Стоковский очень любим, зал набит и многие «именитые» музыканты (Сигети, Зилоти, Казелла, [Ваш] покорный слуга) слушали Вас стоя. Стоковский был на высоте, дирижировал наизусть, и, пожалуй, единственный грех (грешок), который он сделал, — затянул конец первой части, но и тут я не уверен, он ли виноват, или же Вы сочинили слишком долготное замирание. Зато некоторые места звучали замечательно: побочная партия I части, которая, по моим расчетам, должна была не выйти; вздохи засурдиненных струнных, сопровождающие последнее проведение главной темы во II части; начало III части — контрабасы играли как-то особенно напористо и трещаще; соединение двух тем в финале перед возвращением главной партии. У публики симфония имела успех аплодировал не весь зал (ползала), но очень долго. Критики — для первого исполнения новой вещи в Нью-Йорке — тоже очень недурны; про меня пишут хуже. Сигети, который присутствовал на исполнении в Филадельфии, говорит, что там был такой же успех. Что касается моих впечатлений, то я продолжаю ругать Вас за старые вещи: за глазуновские, местами возмутительно-ученические приемы и за длинноты II ча-

<стр. 232>

сти, которые усугубляются замираниями в конце I. Я бы головотяпнул всю первую половину II части и начал бы ее с фугато. Иначе скерцо

непропорционально коротко. Вообще же исполнение Вашей симфонии было для меня праздником, и специально для него я остался в Нью-Йорке, пишу же Вам по дороге на запад.

В Нью-Йорке успел наиграть на Duo Art четыре «Причуды»: IV с V и I с VI. Duo Art — механическое фортепиано, которое при помощи электричества и сжатого воздуха фиксирует все оттенки исполнения и делает это довольно недурно. В феврале я буду снова в Нью-Йорке и тогда сделаю корректуры наигранных лент. Во время корректуры можно вычистить педаль, точнее установить динамические оттенки, выделение голосов, не говоря о фальшивых нотах; словом все, кроме ошибок во времени. Боюсь, что в коде 5-й причуды я где-то сыграл лишние полтакта — лишнее качание в левой руке!

Ваше письмо от 14 декабря получил перед отъездом из Европы. Материал Классической не будет продаваться, но, как и другие, будет сдаваться в наем. Продажей материалов издательство не может окупить расходов по их изданию, и в таком случае должно было бы отказаться от печатания последующих материалов. Эберг умер, и в настоящий момент наше издательство без директора. Не знаю, кто его (вместит, но могу с уверенностью сказать, что курс в отношении найма материалов не изменится. Приятно слышать об успехе Скифской. Неужели ее так-таки ахнули без дирижера? Я уже в декабре писал Держановскому, прося прислать мне московскую прессу об этом исполнении. Интересно, выйдет ли разрешение поклониться халдейским идолам? Errat'у я смогу прислать только к концу марта, так как партитура осталась в сундуке в Париже. Литературная поправка: «Семеро их» — **з а к л и н а н и е**, а не кантата. Не знаю, стоит ли петь мои женские хоры. Боюсь, что предварительно их надо здорово вычистить, особенно «Волну». Ваши романсы на Вяч. Иванова еще не перепечатаны; вероятно, с директорским междоусобицей дело затянется.

Крепко Вас обнимаю и поздравляю с Новым годом. Пишите мне лучше всего на Guaranty Trust в Париж; оттуда меня разыщут. Вашими симфониями в Америке заинтересовались несколько дирижеров; я пишу в Вену Дзимитровскому, давая их адреса и рекомендуя послать им карманные партитуры 6-й.

Ваш *С. Пркфв*

220. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

8 февраля 1926 г., Москва

8/II 1926. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, все откладывал письмо к Вам в предвкушении сегодняшнего концерта Персимфанса¹, где опять играли целиком Вас, но в лучшей комбинации, чем в ноябре. Сегодня шли:

<стр. 233>

скрипичный концерт, 3-й фортепианный и «Ала и Лоллий», а в виде бесплатного приложения марш из «Апельсинов». Несмотря на очень паскудное исполнение скрипичного концерта (вяло и у солиста и, в особенности, у оркестра) окончательный итог оказался великолепным. 3-й концерт играл опять Фейнберг и на этот раз как-то особенно хорошо — смело, гибко, блестяще, быстро и поэтично; аккомпанировали тоже очень недурно, так что местами ансамбль получался совершенно необыкновенный: середина 1-й части, *adagio* во 2-й и очень многое в финале, но и в общем было хорошо, особенно, когда они сбисировали 2-ю часть. По сжатости формы, яркости мыслей и поэтичности отдельных мест — это, пожалуй, одно из удачнейших Ваших сочинении, я даже боюсь, что он затмит для меня 2-й концерт, который я страшно люблю, в чем я опять убедился проигрывая его теперь. Ну, и труден же!

Скифская шла на этот раз почти вполне уверенно, и я буквально кис то там, то сям, так было хорошо. Даже Ночь вышла почти совсем гладко (кроме, быть может, начала, для которого здесь не очень хороший флейтист — *piccolo*). Сегодня я наслаждался в особенности финалом, который я как-то хуже знаю, даже заключительные узлы перепутанных труб доставляли мне сегодня самое настоящее и очень странное — почти мучительное удовольствие. Успех был опять огромным. В зале, конечно, ни одного места свободного, как и на всех концертах с Вашими сочинениями. Марш был сыгран 3 раза. За 2 недели до этого его играл Фрид² — несколько величественнее и медленнее, но здесь вышло как-то ярче и чуть скорее.

Я удивляюсь, почему Держановский не послал Вам критики, разве только по одному — у нас пишут последнюю в о в с е не музыканты теперь, а форменные невежды.

Что такое Браудо вы, быть может, еще помните—это самый «крупный». Другой — Сабанеев, у него хватило такту не писать вовсе, а сейчас он уже где-то у Вас в Европе — удит, верно, рыбу в мутной воде.

Остальные все — полное ничтожество. Времена Каратыгиных, Энгелей, Кашкиных, Конюсов, Крыжановских давно уже прошли, теперь совсем другая «установка». Но все же, конечно, Ваша музыка у всех на языке и в самых восторженных тонах. Ведь теперь единственный здесь музыкальный писатель и критик — это Иг[орь] Глебов, но он ведь в Питере, так что нашей музыкальной жизни очень мало касается.

Я очень рад, что Вы попали на мою «девицу»; за пару дней перед Вашим письмом я получил письмо из Филадельфии от одного оркестрантов — Фавия Кусевицкого (племянника)³, который там подвизается на контрабасе, — он сообщал о филадельфийском исполнении, успехе, и о том, что после концерта о н от имени автора (то есть моего!) благодарил Стоковского за исполнение!! Кое в чем Вы, верно, правы насчет музыки, но в растяжке конца 1-й части я, ей-ей, не ви-

<стр. 234>

новат; *Adagio*, — правда, длинно, но что же делать, так уж я его задумал; у нас

больше не жалуются — привыкли к нему и слушают спокойно. Мне все-таки продолжает казаться смешным, что заграница начинает знакомиться с моими крупными сочинениями именно по 5-й симфонии, — естественно, что один из н[ью]-йорк[ских] критиков, отпросив эту симфонию к временам Очаковским, туда же, верно, отнесет и меня всего. Слава богу, еще, что Сараджев рискнул пробить брешь в другой части Европы более «моими» сочинениями. Пишут, что и 6-ю и 7-ю симфонии он сыграл в Праге с очень крупным успехом⁴. Я, конечно, не обольщаюсь, ибо далеко не в курсе всяких подоплек. [...]

Насчет «Семеро» я пока ничего не знаю точно, пока нет Сараджева (он только в конце февраля возвращается), но думаю, что исполнение сможет состояться при посредстве Луначарского. Если бы Вы заглянули в «каталоги» (старые), то увидели бы, что там оно везде именуется «Халд[ейским] заклинанием», а не кантатой. Что касается печатных нот, то это вопрос академический, ибо партитуру не продают.

Еще раз большое спасибо за письмо Ваше и за восторги, причиняемые Вашей музыкой!

Всего лучшего.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

221. С. С. ПРОКОФЬЕВ— Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

18 февраля 1926 г., Нью-Йорк

18 фев. 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Писал Вам 8 января. С тех пор играл «Причуды» в St. Paul, Denver, Portland, San Francisco, Kansas-City и Нью-Йорке¹; везде их принимали очень хорошо, лучше, чем в Европе. Кроме меня, их играет здесь Robert Schmitz, хороший французский пианист. Ленты для Duo Art я прокорректировал. Занятно, что хуже удалась простейшая: первая, 4-я, 5-я и 6-я — очень недурно, хотя возможно, что Вы будете меня бранить за рубаты в последней.

Здесь в Нью-Йорке сейчас сборище всех знаменитых дирижеров: Тосканини, Менгельберг, Клемперер, Фуртвенглер, Стоковский, Кусевицкий. Надо отдать справедливость последнему, он с честью выдерживает конкуренции и имеет залы всегда распроданными. Я с ним играл семь раз 3-й концерт, — в Н[ью]-Йорке, Бостоне и других городах². Еще осталось сыграть один раз, и недели через две двинусь обратно во Францию.

Кусевицкий решил играть Вашу 7-ю симфонию в Париже, в одном из своих четырех концертов в Grand Opera, между 15 маем и 15 июнем. Напишите мне немедленно, как достать материал: из Швей-

<стр. 235>

царии ли или от Вас. Мне приходила в голову туманная мысль: не дать ли ему, вместо 7-й, Вашу симфоньетту, которую Вы переделали наново? Но я ведь ее не знаю, лишь когда-то давно Вы прислали ее темы — я помню, некоторые мне очень понравились. Что Вы думаете об этом?

Кстати, я хотел бы выудить от Вас мою собственную симфоньетту, которая уже давно уступлена издательству. Но доверить ее почте и все же боюсь. Не будете ли Вы таким милым, — узнать у переписчика, сколько стоит переписать партитуру? Тогда бы издательство выслало Вам эти деньги, Вы дали бы ее переписать и прислали мне оригинал, а копию сохранили бы на случай гибели оригинала во время пересылки.

Что вышло у Вас с Monteux? Играл ли он «Шута»?³ Повторяли ли Скифскую?⁴ Шли ли «Апельсины» в Ленинграде? Кто их слышал? Что исполнялось из Ваших вещей?

Пишите на парижский адрес.

Крепко обнимаю вас.

Ваш С. Пркфв

222. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

8 марта 1926 г., Москва

8 марта 1926. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, рад был невероятно, получив сейчас Ваше письмо. Так как Вы уже, верно, в Париже, пишу Вам без оттяжки. Как это ни странно, но столь усердно Вами играемые мои щеночки, — здесь у нас были сыграны — и то довольно плохо — всего один раз¹. Никакая конкуренция у нас невозможна с популярностью Вашей музыки!! Концерты из Ваших сочинений бывают набиты битком. Но, правда, бегут больше всего на знакомое. И то хорошо. Монте здесь был и произвел на меня со стороны отличное впечатление, — конечно, это не чета Клемперерам и ему подобным, но зато у него отличный вкус и потому исполнение безукоризненное. Познакомиться мне с ним не пришлось — я был в очень жестокой хандре (пребываю и сейчас) и кроме того, очень неудачно простудил правую руку, — так что не мог ее поднять и, само собою разумеется, и играть ею. В сухую же знакомиться не стоило, кроме того, он здесь был окружен обществом, которое я плохо выношу, и мне очень не понравилось одно из его интервью. Все это, конечно, побочное, главное же, — я был определенно нездоров. Красин дал ему какие-то мои партитуры. Между прочим, нужно ли Вам послать только что напечатанную мою 4-ю симфонию? Если да, то куда?

<стр. 236>

«Шут» в исполнении Монте² произвел на меня впечатление разное. С одной стороны, искреннее удовольствие качеством музыки (даже ссора купца с шутом!), восхищение звучностью, — по-моему, это выпуклее Скифской — как-то гораздо четче и ярче звучат все Ваши намерения, места же просто великолепны — и их так много, что трудно перечислять. Но есть «но». Мне показалось, что как сюита из 12 номеров — это несколько однообразно — ритмически, эмоционально и, наконец, по непрестанной ухищренности оркестрового наряда, потому в концерте хуже всего воспринялась 1-я половина, и только 2-я половина, где есть два адажных момента, смягчила

общесгущенный колорит. Думаю, что тут исполнение не при чем — игралось все очень выпукло и гибко по темпам. Говорят, что в Ленинграде Монте выпустил какие-то части, не шлю, как вышло, пока не имел оттуда писем. Но тянет слушать еще. «Апельсины» шли. Как прошло — ничего не пойму. Я питаюсь только лично ко мне обращенными сведениями, то есть от Асафьева³. А он мне написал так: «Апельсины» прошли, по-моему был определенный успех, театральные же крысы шипят, что — провал». Что Вы поняли из этого? Я — ничего. Писал ему, спрашивал — ответа никакого. Я думаю, что по приезде в Париж Вы получите его собственные реляции. Относительно 2-го исполнения Скифской я Вам писал. 15 апреля ее здесь будет играть Малько в одном концерте с моей 7-й⁴, с чем я последнюю не поздравляю, конечно!

Мои дела очень поправились в Европе (не во Франции, конечно, ибо туда уже проник Сабанев и брызжет своей ядовитой слюной — он меня так же ненавидит, как когда-то Вас; теперь, думается, будет к Вам подъезжать. Для характеристики этого типа Вам нужно прочесть его «Воспоминания о Скрябине»⁵ — постараюсь выслать). А дела мои вот какие: К. Сараджев ездил в Прагу и Вену и дал там 3 концерта с отличным оркестром Филармонии. В одном играл только мои: 7-ю и 6-ю, первую с хорошим успехом (вызвали раз 7), а вторую с громадным (не пускали с эстрады). 6-ю же он сыграл в Вене; как телеграфировал — с таким же успехом, как и в Праге⁶. Какая всему этому цена, и не знаю, но присланная им пресса (пражская), особенно немецкая, очень прилична, гораздо лучше и нью-йоркской, и филадельфийской. Правда, это все меня не выводит из равновесия, ибо я в ужасающей хандре.

Что касается Кусевицкого, то лучше всего получить материал из Швейцарии. Он у Werner Reinhart'a, Rychenberg, Winterthur. Там симфония идет 24 марта, и материал потом будет свободен, тем более, что там очень тщательно сделанная партитура (мною) и партии писанные и Швейцарии — надеюсь, тоже неплохо⁷. Симфоньета хоть и переоркестрована (выброшены «дорогие» инструменты), но по музыке лучше не стала. Я ее не исполняю пока и здесь.

Что до Вашей симфоньеты, то я постараюсь устроить ее расписку в самом спешном порядке, боюсь только, что Вам покажутся дорогими наши цены — у нас гораздо дороже стоит такая работа, чем в Европе

<стр. 237>

Мне помнится, что у нас берут около 1½ рублей за партитуры! Не дешевле!

Во всяком случае, работа будет сделана.

Совершенно не кстати. Вы пишете, что 1-я пьеска моя плохо выходит на «механике». Когда здесь я ее слушал в большом (гулком) помещении, мне показалось нужным ее немного переинструментировать, а именно: там у меня в 3-х местах берется ля в басу, два раза в большой октаве, раз в контроктаве. Я думаю, что в б о л ь ш и х помещениях надо играть иначе, а именно, оба раза, где большая октава — играть контроктаву, причем 1-й раз оставить ее звучать почти на весь следующий такт (½ такта), а там где контроктава, взять,

наоборот, — в большой. Для малых помещений все остается как напечатано. Недавно получил Ваш 2-й концерт, — но он у меня, конечно, уже был.

Вообще, я думаю, что не стоит посылать мне Ваши ноты отдельно, ибо если только будет своевременно извещение о их напечатании, здесь сейчас же выписывают. Из Ваших нот я, единственно, что получил раньше, — это партитуру «Шута». [...]

Всего лучшего. Привет сердечный.

Ваш *Н. Мясковский*

223. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

10 марта 1926 г., Москва

10 марта 1926. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
хотя только на днях отправил Вам письмо, но пишу еще вот по какому поводу. Вчера я отдал Вашу симфоньетту в переписку, но для этого мне пришлось просить кредита у заведующего нашим издательством. [...]

Вам не показался мой отзыв об исполнении «Шута» ворчливым? Я только описывал, как воспринималось, но самым главным считаю все же жажду слышать еще и еще, ибо очень уж здорово сделано — и ярко, и образно по мыслям; а метрическое однообразие я отмечал и раньше.

Вчера издательство послало Вам и сабанеевскую книгу, и мою 4-ю симфонию. Воображаю, как Сабанеев будет перед Вами лебезить — или метнется к Стравинскому? Он здесь писал брошюры то о Стравинском, теперь о Вас. О Стравинском попалась мне на рецензию — это оказался такой наглый и невежественный вздор, что издательство отказалось печатать. Что будет о Вас, не знаю, — взял рецензировать Жилиев, думаю, что чепуху он тоже не пропустит. А может быть, Вам все равно? Иг[орь] Глебов все обещает написать о Вас книгу, да долго раскачивается¹.

Между прочим, «Апельсины» идут все хуже и хуже (по исполнению), публика же принимает отлично. Но разные личности шипят

<стр. 238>

(Штейнберг утверждает, что там только 15% музыки) и, кажется, добьются снятия! Авань, переедет в Москву! Привет.

Ваш *Н. Мясковский*

224. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 марта 1926 г.

Bord s.s. «France»
le 11 mars 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Пишу Вам на пароходе по дороге из Америки во Францию. Накануне отъезда узнал от Зилоти, что деньги за прокат материала Вашей 5-й до сих пор

Вам не посланы. Зилоти почему-то указал передать эти деньги мне, но их мне не передали, я же ничего не знал и узнал слишком поздно, чтобы успеть их стребовать. Поэтому я поручил Зилоти заняться этим. За последнее время он несколько выжил из ума, все советуется с Листом через спиритов, но поручение обещал исполнить в точности, и деньги, надо думать, переведет Вам на днях. Вам причитается 50 долларов за Филадельфию, плюс, вероятно, еще сколько-нибудь за Нью-Йорк.

В Америке я, в общем, мало наработал — наоркестровал страниц 60 нового балета¹, зато дал 14 концертов, покрыл несчетное количество миль в поезде и на пароходе и наиграл и прокорректировал 8 лент для Duo Art.

В Париже рассчитываю найти от Вас толстый письмениш, пока же крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

225. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 марта 1926 г., Франкфурт

Франкфурт, 27 марта 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Возвратившись в Париж, нашел два Ваших письма, тут же подъехало третье, а накануне отъезда из Парижа (я пробыл там неделю) явилась 4-я симфония под ручку с книгой нашего друга о Скрябине. Отвечаю Вам из Франкфурта, где играл вчера и буду играть завтра мои 3-й концерт¹. Здешний дирижер Krauss (говорят, он лучше своего предшественника Шерхена) собирается исполнить Вашу 7-ю в будущем сезоне, я ему дал адрес Reinhart'a для материала. Сам я, в связи с Кусевицким, написал Reinhart'у и жду ответа.

<стр. 239>

Вполне согласен с Вашими замечаниями о сюите «Шут». Я постарался в нее вклеить все, что поддавалось округлению из балета, но исполнять ее лучше с выпусками, о чем даже есть заметка в большой партитуре. Я вдобавок указал Monteux те 4 части, которые следует им бросить. Так он и сделал в Ленинграде, хотя этим и навлек на себя гнев Асафьева. Удивляюсь, как марш из «Апельсинов» просочился в Москву. Он — составная часть шестичастной симфонической сюиты из «Апельсинов», которая выйдет из печати к осени. Играть его отдельно глупо.

Спасибо большое за переписку симфоньетты. [...]

Сабанеева, действительно, кто-то уже видел в Париже. У меня к нему нет никаких чувств ненависти за прошлое, но есть ясное сознание, что это человек, который всю жизнь громко и яростно ошибался и менял свое мнение на обратное каждые несколько лет. Следовательно, он явление вредное, и, в соответствии с этим, с ним надо обращаться. [...]

Посылаю Вам концерт Дукельского². Он очень любопытен, хотя «Зефир и Флора», написанный позднее, лучше. Черепнины, папа и сын, написали каждый по опере³, по прескверной. Моя 2-я симфония пойдет в Париже 6 мая, с другим дирижером⁴, у которого много репетиций. Надеюсь, она предстанет в

более ясном виде. [...]

Крепко обнимаю Вас. Что же это Вы хандрите — даже несмотря на все Ваши успехи! Я считаю, что они в Праге и Вене совершенно выдающиеся. А Вы еще пишете о том, что это Вас ничуть не вывело из равновесия, то есть хандры... Хорошенькое понятие о равновесии! Пишите мне на парижский адрес о том, как пройдет 7-я в Москве и прошли в Винтертуре⁵.

Ваш С. Прокофьев

226. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 апреля 1926 г., Неаполь

Неаполь, 21 апр. 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Несколько слов из Италии, где вчера был мой последний итальянский концерт — шестой: один симфонический в Риме и 5 камерных в Риме, Сиене, Генуе, Флоренции и Неаполе. Хотя из приложенных программ Вы увидите, что я всячески старался быть простым и удобоваримым, но и такая программа оказалась тяжелой для итальянского желудка: и мои и Ваши вещи встречали весьма сдержанно, и только неаполитанцы да, пожалуй, флорентинцы разошлись и орали бис. (Во Флоренции после «Кругов», в Неаполе после ор. 25 № 6.) Вообще же я на это турне смотрел больше, как на повод для приятной поездки, чем как на серьезную музыкальную демонстрацию¹.

<стр. 240>

Кроме солнца, Рафаэлей, Везувия и цветущих апельсинов видел Максима Горького, Вяч[еслава] Иванова и римского папу. Завтра двигаюсь на север, в Париж, где рассчитываю найти от Вас слово.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

227. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 апреля 1926 г., Москва

29/IV 1926. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

я ужасная свинья — давно должен был Вам написать и только сейчас, после неаполитанской цидулы, спохватился. Не следует из этого, что я об Вас бы не думал, ибо волею переписчика сию над корректурой симфоньетты Вашей. Думал, что можно обойтись без, но разочаровался — вранья довольно, кроме того, попутно кое-что находится и в Вашей рукописи, где Вы найдете в сомнительных местах карандашные отмотки, а бесспорные я прямо исправлял чернилами, ибо думаю, что голоса все равно будут корректироваться. [...]

Что до моих дел, то они в полном застое. 8-я симфония в этом секте не

пошла, да я особенно и не жалею, так как почему-то боюсь ее. 7-я в Винтертуре игралась. Письмо от Рейнхарта получил только вчера¹, причем он пишет, что симфония произвела глубокое впечатление, другими словами... не имела никакого успеха. Это возможно, так как трудно немцу играть сочинение чуждого ему уклада, да и без всякого представления о том, как это должно быть. Новой музыки не пишу.

Вышло что-нибудь из Ваших сочинений, что продается? Если вышло, то пришлите, ибо теперь нам выписывать самим долго не удастся ничего — все валюта! «Апельсины» Ваши, несмотря на недоброжелательное отношение администрации театра, идут постоянно с аншлагом². Москвичи, которые слышали, говорят, что впечатление превосходное, независимо даже от качества исполнения: главное — страшно свежо, отлично звучит и предельно театрально.

Привет.

Ваш Н. Мясковский

228. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

14 мая 1926 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, надеюсь, что Вы уже получили симфоньетту. Не сердитесь за разные внутренние пометки — большинство из них вздорные вопросы, само

<стр. 241>

собою разумеющиеся, но я их отметил только, чтобы обратить внимание, — не проскользнуло бы в печатную партитуру. Что мне теперь делать с копией? Тут оказывается нашлись голоса ее (симфоньетты), и есть желающие играть, но без Вашего разрешения я партитуры, конечно, не дам. Это не остановит диригента, ибо он сказал, что сделает партитуру по партиям, но пока я не имею от Вас распоряжения я партитуру все-таки не дам.

У меня же (если Вы это забыли) партитура (Ваша) «Осеннего». Быть может, ее тоже скопировать и Вам послать? Или у Вас есть копия? «Сны» увез Фительберг и у меня остались только голоса. Одним словом, жду дальнейших распоряжений и сообщения о получении симфоньетты.

В моих делах произошел неожиданный сдвиг — на протяжении полутора недель идут обе моих симфонии: 7-я (unter* Малько)¹ и 8-я (наконец, — под Сараджевым)², что из этого произойдет, — боюсь даже загадывать. Никогда у меня не было такого чувства неуверенности и даже страха, как перед 8-й. Больше всего меня смущает в ней этнографичность, — я туда втиснул 4 чужие темы и в соответствующем характере оказались, конечно, и свои; кроме того, и оркестровка тут несколько живописнее (насколько это мне доступно), чем во всех других симфониях моих.

Жду сведений новых об исполнении Вашей симфонии — как она себя показала теперь? Хуже всего, что совершенно не знаешь чьи отзывы можно читать без сомнений. Шлецер — дурак, всегда таким был, а больше к нам как-то как-будто ничего не достигает. Все-таки напишите Ваше собственное

впечатление от исполнения. Почему Вы не хотите дать в Россию 2-й концерт? Фейнберг очень жаждет его сыграть.

Концерт Дукельского получил. Он недурен — в нем есть бойкость, изобретательность и смысл; несколько бледноват материал и надоедает вальсообразность; но сочинение безусловно живое и даже приятное. Если «Зефир» лучше, то это уже много.

Виделись вы с Яворским? Что он Вам сплетничал?! Вот кумушка! хотя, правда, очень милая, но иногда и невыносимая.

Рейнхарт писал мне, что получил от Вас письмо по поводу 7-й симфонии моей и ответил. Но полагаю, Кусевицкий уже ушел на попятный?

От Зилоти я так-таки никаких долларов не получил; верно, он потерял мой адрес? Может быть, Вы ему напомните, если еще не поздно.

Пока всего лучшего. Сердечный привет.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

14/V 1926. Москва

* под (нем.).

<стр. 242>

229. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 мая 1926 г., Париж

Париж, 15 мая 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Симфоньетту получил и сообщил издательству цену переписки, каковую сумму оно немедленно переведет с благодарностью в Музсектор. Ваша любезность с корректурой граничит с безобразием: не стоило терять Ваше драгоценное время на корректуру экземпляра, созданного лишь для того, чтобы служить страховкою на случай пропажи оригинала на почте. Обнимаю Вас и благодарю. Рассматривая симфоньетту, я пережил странное ощущение — знакомства наново с собственным сочинением, целые страницы которого я совершенно забыл.

Кусевицкий приехал, но боюсь, что с Вашей 7-й он пошел на попятную: из его последних слов я не вынес уверенности, что он сыграет ее в Париже. С другой стороны, он уже объявил ее на будущий сезон в своих бостонских программах. Посылаю Вам программу исполнения Вашей 5-й в Чикаго¹, хотя мне не удалось узнать, как оно протекло. А получили ли Вы деньги от Зилоти за Нью-Йорк? Филадельфию? Чикаго? Если нет, то писали ли ему? А если не писали, то сообщите мне, и я возьму это дело на себя. Не забудьте сообщить в следующем письме.

6 мая француз Страрам (не очень талантливый, но аккуратный) сыграл мою 2-ю симфонию. Сделал семь 2-х и 3-х часовых репетиций: первая — одни скрипки, вторая — альты, виолончели и контрабасы и т. д. Словом, вызубрил много лучше Куси, хотя общая линия была все-таки стройнее у последнего. Слушатели, кажется, разобрались немного яснее, чем в прошлый раз, и если

еще не любят, то уже боятся ее. Я решил положить еще несколько заплат на партитуру и затем пустить ее в гравировку. На исполнении был Яворский², который Вам про него, вероятно, доложит по возвращении. Хотя, вообще, он колючий, но со мною был мил, даже моментами прост, очень звал съездить в Россию, куда меня и без того тянет.

Получили ли Вы концерт Дукельского, который я послал Вам? Постараюсь прислать его «Зефира». Новых нот моих из печати не выходило. То есть вышли партитура и голоса Классической симфонии и выходят романсы ор. 23 на четырех языках, но первую наемницу посылать нельзя, а вторые Вам известны.

Так как я страшно занят и в ближайшие дни никак не смогу написать Держановским, то очень прошу Вас передать им: 1) что я очень благодарю их за присылку рецензий и симфоньеты, 2) что Бол[еслав] Леопольдович наотрез отказался брать флаконы, 3) что «Музыку и революцию»³ я не получаю, но очень хотел бы иметь, 4) что адрес мой остается на Guaranty Trust и 5) что я в июне пришлю ему длинное письмо.

Крепко обнимаю Вас. [...]

Ваш С.

Пркфв

<стр. 243>

С Сабанеевым меня все-таки познакомили. Я никогда точно не помнил, как он выглядит, и в момент знакомства не знал, что он есть он. Вид у него жалкий, потный, сгнивший. Он лепетал что-то о том, что изменил взгляды, вероятно, желая быть мне приятным. Да избавит меня судьба от дальнейших встреч!

230. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

27 мая 1926 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
из Вашего последнего письма усмотрел, что Вы еще не читали моего, что и естественно, в котором кое-какие ответы на Ваши вопросы. В вашем есть то же самое. Симфоньету получили; я спокоен, а что до корректуры, то — хотя это и заняло у меня около 3-х дней, но ведь и доставило удовольствия на тот же срок! Мне чрезвычайно захотелось услышать, и потому я все сделаю (вплоть до того, что нарушу Ваше запрещение, — если таковое почему-либо воспоследует), чтобы Малько ее сыграл. Сейчас из Вашей музыки слышу только скерцо и марш из «Апельсинов», которые играют буквально без удержу — при каждом удобном и неудобном случае — и всегда по несколько раз. О 2-й симфонии пока сведений интересных не имею. Болеслав написал Держановскому¹ так: слышал 2-ю симфонию. Дирижер Straram, что по-русски переводится — бездарность. Вот и все! Но что она «дойдет», я нисколько не сомневаюсь, только думаю, что у нас это случилось бы скорее, чем в Париже.

Что касается моих делишек, то они таковы. Малько недурно (хотя и в искаженных темпах, — почему это дирижеры не любят слушать авторских

указаний? Никак не пойму!) сыграл 7-ю симфонию², которая после того подверглась еще кое-каким изменениям, и потому я очень рад, что Кусевицкий ее сейчас не будет играть. Я постараюсь летом внести эти поправки в рейнхартовский экземпляр, и тогда пусть играет кто угодно и сколько хочет, ибо думаю, что больше ничего не потребуется.

8-я прошла хуже³. Внешний успех был очень порядочный, но я полагаю, что это было больше по моему личному адресу, ибо у меня в консерватории среди учеников есть очень много весьма активной публики. Сама же симфония, как мне показалось, не дошла. 1-ю часть проводили с недоумением (хотя она очень легкая и текучая; а, может быть, именно потому, ибо привыкли от меня получать разные «эмоции»), 2-ю также, но она и сыграна была скомканно — $\frac{7}{4}$ не вышли у Сараджева и отчасти из-за грузных нюансов инструментовки, 3-я и 4-я части прошли благополучно, хотя на 3-й публика и поскучала. Оркестр был холоден, хотя и не ворчал, — ибо играть было не скучно. Я лично получил поль-

<стр. 244>

зу: во-первых, убедился, что так инструментовать лучше, чем раньше, — более индивидуально-инструментально и более полифонично, хотя и прозрачнее, во-вторых, некоторые очень трудные политональные моменты и чисто колористические — почти безукоризненно и даже неожиданно вышли, и в-третьих, определил слабые пункты как музыки, так и изложения. Надеюсь, за лето все дефекты устранить, и тогда это будет наиболее живописная и прилично звучащая из моих симфоний. [...]. Всего лучшего.

Ваш Н. Мясковский

Москва. 27 мая 1926

Да, вот еще что. 8-ю симфонию хочет играть зимой в Нью-Йорке Вальт[ер] Дамрош. Что это за птица? Стоит давать? Не лучше ли дать Стоковскому, если последний захочет, тем более, что он сюда приезжает?

231. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 мая 1926 г., Париж

31 мая 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Что это за такой дирижер, который самовольно сделает партитуру по голосам симфоньетты и «все равно» ее сыграет?! К началу революции голоса симфоньетты были в библиотеке Зилоти и, следовательно, в порядке национализации должны были поступить в государственные руки. Поэтому очень прошу Вас, если это возможно, передать кому следует мой энергичный протест против исполнения симфоньетты. Сие по чисто-художественным соображениям, ибо я теперь буду ее отделять наново и не хотел бы, чтобы она игралась в старой редакции.

Кстати, если нашлись голоса симфоньетты, то должны были найтись и

голоса «Осеннего», которые были в той же библиотеке Зилоти. Если это так, то очень прошу Вас прислать мне партитуру заказною бандеролью. Копии снимать не надо, если голоса в верных руках: они будут страховкой на случай пропажи при пересылке.

Куськин сын Вашей 7-й в Париже играть не будет. Сыграет ее зимою в Бостоне и, кроме того, может быть, в New York'e¹. Вместо того он поднес фортепианный концерт поляка Тансмана² и симфоническую пьесу американца Копленда³, во время исполнения которых я подох с тоски. Дягилев тоже обманул меня с постановкой нового моего балета⁴. Вместо него дал балеты Орика («Пастораль»), Риети («Барабао») и Ламберта («Ромео и Джульетта»)⁵. Последний — новый англичанин, весьма дрянной. Два первых тоже довольно слабы, хотя у Орика есть бойкая до-мажорная тема, слегка цирковая. Ею балет будет держаться

<стр. 245>

некоторое время. Мейерхольд появился в Париже, сидел рядом со мной и фыркал от неудовольствия.

Зилоту написал заказным, держа язык энергичный. Это в самом деле свинство, что он до сих пор не прислал Вам денег.

Жду с нетерпением Ваших впечатлений от исполнения 8-й и крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

232. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 июня 1926 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

Вам больше тревожиться не нужно — таинственный дирижер отказался от намерения играть симфоньетту после моего к нему вполне вразумительного письма. Голоса и симфоньетты и «Осеннего» действительно сохранились в Институте истории искусств, так что завтра я передам «Осеннее» Влад[имиру] Влад[имировичу] Держ[ановскому] для отправки Вам.

Вам хочет писать Н. А. Малько, — мечтающий сыграть зимой Классическую симфонию и сюиту «Апельсины»¹. Пока спрашивает меня, как ему получить партитуру того и другого? Естественно, я ему ничего не ответил, так как думаю, будет лучше, если он сам Вас спросит. Насчет Классической не знаю, но «Апельсины» он сыграет хорошо; возможно, что и Класс[ическая] ему удастся, так как он умеет обсосать вещь: он очень хорошо играет мою 5-ю девчонку — лучше всех.

Спасибо за Ваши хлопоты с Зилотом. Благодаря дальности расстояния, меня очень легко оставить при пиковом интересе и даже поднадуть — что охотно, видимо, делает Universal'ная лавочка, которая при этом делает еще и покровительственную рожу, а если намекнёшь — пылает негодующим пафосом! Сейчас они у меня экстренно затребовали 7-ю и 8-ю симфонии, — чтобы немедленно сдать в печать, а... «об остальном сговоримся потом...» (то

есть об условиях) — ловко? А «Молчание» валяется второй год, тоже — целых 19 романсов!! Правда, они очень юрки и 6-ю симфонию мою просунули уже чуть не в десяток мест, но, как ни странно, мне гораздо больше сейчас нужны деньги, чем слава, а на этом пункте, оказывается, мои интересы как раз и расходятся с ними.

Эту неделю я усердно посидел и основательно обработал (думаю, что окончательно) как 7-ю, так и 8-ю симфонии. II часть последней — нечто вроде тяжеловесного скерцо — пришлось почти всю заново написать, авось теперь оно окажется более шпильбар*, а то все мои, так

* играбельной — от *das Spiel* (нем.).

<стр. 246>

называемые теперь, «политональные» фокусы в середине ее оказывались ни к чему, а звучали очень соблазнительно!

Недели через полторы я уеду на месяц в деревню, но если напишете, буду весьма обрадован, — так как наезжать изредка придется.

Жду Болеслава — вот будет интересничать! Наверно, ничего толком от него не выжмешь, а я так пылаю к Вашей 2-й симфонии, что и объяснить Вам не умею.

Сердечный привет! Пишите. Между прочим, когда будут бетховенские поминки? Вы не будете в то время где-нибудь поблизости? Меня, кажется, собираются послать² — вот бы повидаться!

Ваш *Н. Мясковский*

12/VI 1926. Москва

233. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 июня 1926 г., Саморо

Samoreau,
Siene et Marne, France.
28.VI.1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Ваши письма от 27 мая и 12 июня, а также партитуру «Осеннего» с благодарностью получил. С чрезвычайным интересом прочел Ваш отчет об исполнении 8-й. Все мне понравилось, кроме Вашего опасения, что публика поскучала во время анданте... А что Яворский, рассказывал ли он Вам про мою 2-ю, и если да, то что? От меня он отвертелся угрем. Хотя я ему ставил вопросы в упор, он неизменно отвечал от имени Москвы. «Ну, Б[олеслав] Л[еопольдович], скажите прямо, что Вы вынесли от моей симфонии?» — «Я нахожу, что ее непременно надо играть в Москве, там ее, конечно, оценят». Очень лестно и приятно, но твое-то, черт возьми, мнение? Так я ничего и не добился.

От Малько писем не получал. От Держановского знаю, что Вы геройски защищали мой марш от покушений на его честь со стороны Переселенцева¹ — кюс-ди-ханд* за это. Дамрош дирижер плохой, старый, новую музыку не

любящий и ищущий новинки лишь по обязанности, но влиятельный (он уже 40 лет дирижирует в Нью-Йорке) и стоящий во главе отличного оркестра. Так что, право, уж не знаю, советовать Вам или нет. По-моему, дайте более ответственную симфонию Стоковскому, а полегче Дамрошу: оркестр его вывезет, да и пресса по старой памяти дружна с Дамрошем. От Зилоти ни слуху, ни духу, старик выжил из ума. Подожду еще немного и напишу опять, а то его любезности граничат с воровством.

* целую руку — производное от *einen Kuß auf die Hand drücken* (нем.).

<стр. 247>

Самое главное: что за бетховенские торжества, когда, где, и неужели Вы поедете? Я взволнован, так как очень хотел бы Вас повидать. Напишите.

Затем обнимаю Вас. Летом буду доделывать и оркестровать «Огненного ангела» для Берлина², чистить симфонетту и сочинять небольшой ансамбль — увертюру³ для 17 человек, заказ из Нью-Йорка, на открытие нового небоскреба. Сейчас я на даче под Парижем. Новый адрес пригоден до октября.

Ваш С. Пркфв

234. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2 июля 1926 г., Саморо

Samoreau, 2 июля

Дорогой Николай Яковлевич.

Поздравляю Вас с успехом Вашей 4-й сонаты в Цюрихе¹. Посылаю Вам рецензию, которая мне только что попалась. Это — американская газета, которая издается параллельно в Чикаго и Париже. На днях послал Вам более подробное письмо, заказное. Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

235. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

11 июля 1926 г., Тучково

Дорогой Сергей Сергеевич,
получил Ваше письмо в деревне (потому и карандаш, а не перо), где торчу уже недели три без всякого толку как для состояния духа, так и для музыки, ибо рояля здесь не имею, а работать без него вовсе не рискую. В один из наездов в Москву видел Яворского. Пристал к нему, конечно, так, что ему трудно было увильнуть, но — по правде скажу — почти ничего от него не добился. Все какие-то иносказания, вроде того же, что и Вам, но, конечно, в несколько ином плане. Пришлось выслушать целую лекцию о том, как и где какой оркестр играет, с нелестным характеристикой игры парижского — все, мол, играют без малейших нюансов: точно, отчетливо и громко, а дирижер — плохой. Что из этого понять?! Какая же симфония-то!? В конце концов получил только формальные увертки вроде следующих: 1-я часть была сыграна сплошь

одинаково, так что никогда нельзя было сказать где главное, а где не главное, но после нее были сильные аплодисменты... 2-я часть — с какого-то места (которое он Вам точно указал!) начала становиться все эффектнее и эффектнее до самого конца, так что в надлежащем исполнении должна вызвать бурный успех. Вот и все. Что Вы из этого можете извлечь о музыке? Я — почти ничего. Но одно мне становится с течением времени все более понятным. У Болеслава есть личное чутье на крупные явления в музыке, но разбирается он в ней самой непосредственно, по-видимому, неважно, вследствие чего ему приходится интересничать и свое бессилие что-нибудь сказать по существу прятать за более или менее загадочными отговорками. Я за все мое знакомство с ним знаю только одно его мнение, да и то, думается, высказанное по неосторожности — он как-то назвал разработку моей 2-й симфонии плохой, вот и все. Про новый балет Ваш¹ сказал, что он в 12 номерах. Много, не правда ли?! Ну вот. Подарок Ваш, который меня глубоко тронул даже сейчас, когда я его не имею в руках, он мне еще не вручил.

<стр. 248>

Спасибо за сообщение о Дамроше. Я с ним тяну, ибо со мной тянет Univers[al] Edit[ion]. Оно предложило мне издать 7-ю и 8-ю симфонии немедленно, а когда я, тем не менее, поставил свои условия, начало юлить и на меня же обижаться. Пока еще ничего не выяснилось, и, быть может, Дамрош сам собой отпадет. Стоковский должен был приехать сюда, но до сих пор его нет.

Относительно Andante 8-й симфонии — я Вас понимаю: нет ничего ненужнее на свете, как скучная музыка; я этого всегда боюсь и избегаю, сколько умею, но все-таки, мне кажется, что это Andante не из той породы, а скорей — «не всегда удающееся в исполнении», ибо интерес я старался в нем поддерживать до конца.

Бетховенские торжества будут, верно, в Вене весной 1927 года (100 лет со дня смерти) и от нас (СССР) должна быть целая делегация². Но, надеюсь, мы увидимся еще до того!

Желаю всего лучшего. Душевный привет.

Ваш Н. Мясковский

11/VII 1926 г.

Ст. Тучково, Моск[овско]-Брест[ской] ж. д.

236. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 сентября 1926 г., Саморо

Саморо, 1 сентября 1925

Дорогой Николай Яковлевич.

Все это время гряз в работе, и потому не писал Вам. Сочинил увертюру для 17 человек. Это был заказ из Америки, и потому гнал ее к сроку. Оркестр состоит из флейты, гобоя, двух кларнетов, фагота, двух труб, тромбона, ударных, челесты, двух арф, двух фортепиано, внолон-

<стр. 249>

чели и двух контрабасов. Сначала было несколько непривычно орудовать с таким составом, но потом освоился, и дело пошло быстрое более, что музыка, в противоположность второй симфонии, не очень разрабочная. Кроме увертюры, за это время отделил и оркестровал полтора акта «Огненного ангела»¹ — страниц 200 партитуры. Покрывать такое количество страниц мне удалось благодаря изобретенному мною способу диктовки партитуры. Кроме того, когда сидит нанятый человек и ждет диктовки, волей-неволей не теряешь времени. Но не следует думать, что я нанял его из роскошества, скорей наоборот — из коммерческих соображений, ибо если я не замешкаюсь с окончанием «Ангела», его обещают в предстоящем сезоне поставить в Берлине.

И вот теперь, с высоты всей этой кипы измаранной бумаги, разрешите ругнуть Вас за то, что, как Вы сообщаете в июльском письме, Вы предаетесь ничегонеделанию и даже не пытаетесь сочинять без рояля, забывая заветы великого Роберта и великого Гектора! Каюсь, что и я работаю на три четверти за фортепиано, но в свое время сочинил Класс[ическую] симфонию и «Семеро их» совершенно без него.

Получил письмо от Зилоти, каковое пересылаю Вам. Старик стал вял, но не потерял еще совести. Завтра напишу ему, запрашивая про чикагское исполнение. Деньги, видимо, надо выдирать когтями, что я и обещаю Вам продолжать.

Моя поездка в СССР становится, по-видимому, все более и более осязаемой: идет переписка с Персимфансом и Ленинградской филармонией², пересыпаемая игривыми письмами Болеслава. Кстати, очень пикантно: что за подарок Вам передал от меня последний? Ведь сам он поднял бешеный крик, едва я заикнулся, чтобы он захватил с собой какую-то вещь, а тут вдруг привез подарок! Я уверен, что он инсценировал какой-то фокус, а потом наслаждался. [...]

Не берите с меня примера в письменной молчаливости и черкните поскорее. Вы ведь должны оправдаться и по крайней мере сообщить мне, что написали полсимфонии! Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

237. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

9 сентября 1926 г., Москва

9/IX 1926. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
очень был обрадован Вашим письмом, ибо начал даже думать, что Вы не получили моего какого-то письма и, быть может, немножко на меня дуется. Оказывается, Вы занимались делом, — и я еще более рад.

<стр. 250>

Диктовка партитуры!—Мне это кажется чем-то сказочным; интересно, что и как Вы тут изобрели. На Зилоти со Стоковским, в конце концов, придется

плюнуть, — стоит тоже тянуть ерундовую канитель!

Насчет Чикаго я сомневаюсь вот в чем: там дирижировала только передняя половина Стоковского — какой-то Сток, так что могут быть и ноты не те — не зилотиевские. В Нью-Йорке материал 5-й симфонии получила от Госиздата лавочка Univ[ersal] Edit[ion] и весьма возможно, что Сток играл не по моим нотам¹. Сейчас 5-я симфония вообще вышла вторым — весьма исправленным (1926 г.) изданием, и материал налитографирован. Что до Стоковского, то вся моя переписка с ним свелась к моей благодарности за сообщение об исполнении симфонии² и за самый этот факт, освещенный мной ссылкой на Вас, и его ответом на это письмо, что он будет в России и меня увидит. В России он не был и меня не видел, больше же мы не переписывались. Сейчас с моими симфониями назрело новое происшествие. Univ[ersal] Edit[ion] купило у меня 7-ю, причем я их поставил в известность, что надо сделать материал к 1 января 1927 года для Кусевицкого в Бостоне — из этого вытекает, что винтертуровский материал уже пользоваться нельзя, так что, если Вам не трудно продолжать Вашу любезность к этому моему ребенку, скажите при случае Сержу Кусе, чтобы он повелел своим секретарям списаться с Univ[ersal] Edit[ion] о своевременной подаче материала и партитуры. Что касается игры в Нью-Йорке, то Кусе это, верно, придется оставить, так как для первого исполнения 7-й девицы в этом городе ее просил Клемперер³, которого я (между нами, конечно!) ставлю куда выше кого бы то ни было. Что мне привез Яворский? — вот что — чудесную фотографию Вашей супруги с невероятно очаровательным детенышем на руках: чертовски на Вас похожее дитя, и вообще, вся группа приводит меня в дикое восхищение. Насчет 3-й сонаты скажу, но только для ускорения не Юровскому, а Держановскому, ибо я Юровского еще дней 5 не увижу, так как сегодня я в городе последний день из трех, завтра же опять в деревне.

Вы написали увертюру для состава, которым я бы никогда не соблазнился, но мне приятен факт, что Вы написали лишнюю увертюру, то есть хорошую музыку в любимой мной форме.

Я в конце концов вернулся к музыке, хотя, правда, с очень плачевными результатами: давно лелеемое хорошее сочинение все еще не выводит, а пока родилась какая-то «неведомая зверушка», — не то симфония⁴, не то сюита, — сам не понимаю. По манере разработки — симфония (но соната только в скерцо), а по характеру тем и последованию частей что-то более легковесное, но все же не симфоньетта. Делал на $\frac{2}{3}$ без рояля, а для последнего наезжал в город на пару дней каждые 2 недели. Но, конечно, все пока очень эскизно. Желаю Вам всего лучшего. Кончайте «Ангела» скорей. Спасибо за хлопоты.

Душевно Ваш всегда *Н. Мясковский*

238. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 сентября 1926 г., Саморо

Samoreau, 9 сент. 1926

Дорогой Н[иколай] Я[ковлевич].

Видел Кусю перед его отъездом в Амер[ику]. Он обязательно будет играть Вашу 7-ю. Когда я спросил его, договорился ли он с Рейн мартом о материале, Куся сказал, что материал ему взялся доставить Универсаль. Нет ли тут путаницы и не подсовывает ли ему Универсаль другую симфонию? Напишите мне. Я все же считаю, что Кусе лучше дать 7-ю.

Обнимаю С. П.

239. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 декабря 1926 г., Париж

18, rue Troyon, Paris XVII.
1.XII. 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Читал в газетах, что Вы кончили 9-ю симфонию. Значит ли это, что Вы кончили оркестровать Вашу летнюю сюито-симфонию и подвели ее под номер, или же, оставив ее в звании сюиты, сделали новые эскизы новой симфонии? Ваши «Причуды», оказывается, очень бойко распродаются в берлинском отделении нашего издательства; Париж наоборот покупает их довольно туго, но, тем не менее, Г. Г. Пайчадзе, наш новый директор, очень окрылен результатом берлинской торговли и уполномочил меня передать Вам, что он хотел бы иметь другие Ваши фортепианные вещи и прежде всего Вашу 5-ю сонату¹. Я с своей стороны, конечно, всячески присоединяюсь к его предложению, так как мне очень хотелось бы, чтобы Вы были возможно шире представлены в нашем издательстве. Не все же выторговываться в Вену! Напишите, благосклонны ли Вы, проектируете ли 5-ю сонату, когда приблизительно она имеет родиться, и какова продажная цена Вашей будущей дочки.

У меня новостей немного. Печатаю квинтет, партитуру и материал. Последний будет продаваться, а не сдаваться в наем. Ковыряю «Огненного ангела» и хотя сижу на четвертой сотне страниц, но конца нет как нет.

К 20 января собираюсь в Москву, но всякие филы и фансы переплелись в какой-то ребус, и мне, «иностранцу» (как меня обозвала Главнаука), отсюда очень трудно разобраться, как и с кем, в конце концов, состоятся мои концерты. Обратился я было за разъяснениями к дорогому Болеславу², но осторожный лях в нужный момент смолчал.

<стр. 252>

Между прочим, наш друг Сабанеев по трудным временам перешел на переписку нот и время от времени приходит в наше издательство брать работу.

Я умолял Пайчадзе никоим образом не давать ему переписывать мою музыку, а то еще чего доброго припишет какую-нибудь грязь и затем пошлет о ней корреспонденцию. Так что он теперь мнит божественными песнями Гречанинова.

Крепко обнимаю Вас. Обратите внимание на мой новый адрес, хотя и через Гаранты письма будут доходить.

Ваш С. Пркфв

240. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

10 декабря 1926 г., Москва

10/XII 1926. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, наконец Вы вспомнили обо мне. Я рад даже крохотной писулке от Вас. Всего с неделю как я вернулся из-за границы, куда ездил сперва официально — в Варшаву, а потом по своим делам в Вену — в общей сложности покатавшись совместно с паном Болеславом две с половиной недели ¹. Вы спрашиваете про детище зовомое 9-й симфонией? Конечно, ничего еще не оркестровано — времени у меня нет совершенно» по пока это та же штука, в которой я так сомневался. В конце концов, почему ей не быть и симфонией раз в ней куча «симфоничных» частей, хотя кое-что и несколько поверхностно. Во всяком случае, даже если я не напишу другую симфонию, — эта сойдет за 9-ю, так как она уже имеет с 8-й приобретена Univ[ersal] Edit[ion].

Что касается любезных предложений г-на Пайчадзе, то, к сожалению, они очень запоздали, я законтрактован в Univ[ersal] Edit[ion]: на «мелкие» (то есть — до оркестровых) сочинения до 1 декабря 1930 года и, если могу что-либо отдать на сторону, то только с их согласия, которого они, конечно, не дадут ни на мелкие фортепианные сочинения, ни даже на сонату, а скорей только на романсы, которые не нужны, верно, и г-ну Пайчадзе.

Во всяком случае, я очень благодарен за издательское внимание. Может быть, правда, 5-я соната и появится не раньше 1930 года, тогда поговорим.

У меня есть другой сочинительский план, который, быть может, подошел бы к Росс[ийскому] муз[ыкальному] изд[ательству], но пока я не начинал даже его осуществлять (кроме тем, которые все есть): это серия сюит для н е б о л ь ш о г о оркестра (преимущественно струнного) ² с разнообразными «солами», даже групповыми. Так как они выйдут за пределы понятия «камерной» музыки, то, верно, не подойдут под действие общего договора с Univ[ersal] Ed[itio]n, а на оркестровые сочинения я заключаю только отдельные договоры.

<стр. 253>

Но, вообще, я сейчас в «не рабочем» виде и не делаю клавира 8-й симфонии, который тоже мной запродан.

Я очень жду Вас в Москву. Как ни странно, но во всяких «письмах» к Вам чувствуется намек на руку пана Болеслава, так как он сел между двух

стульев (по своей постоянной уклончивости от ясных и быстрых решений), с одной стороны войдя в гнилое болото зовомое Росфилом, а с другой — желая иметь хорошую музыку, чего Росфил никак не может устроить, а другие могут, но их он не любит. Ужасная получается ерунда.

У нас теперь опять затруднения с выпиской нот, — придется Вам, бедняжке, понатужиться и распорядиться высылкой мне всех Ваших новостей: партитуры «Апельсинов» и... что еще?

Пока всего лучшего.

Ваш всегда и полностью *Н. Мясковский*

У меня вышла серия новых романсов на слова Дельвига (ор. 22!)³, но эта такая дрянь, что я не хочу Вам их посылать. Не сердитесь! Клавир 4-й симфонии нужен?

Н. М.

Пишите мне адрес так: Москва 34, Денеж[ный] переулок, 7, кв. 11, а то у меня в Москве завелся однофамилец, близко живущий!

241. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

17 декабря 1926 г., Париж

18, rue Troyon, Paris XVII.
17. XII. 1926

Дорогой Николай Яковлевич.

Дошли ли до Вас уже слухи про триумфальное шествие Вашей 6-й симфонии по Америке? Она была сыграна два раза в Филадельфии, а затем в Нью-Йорке¹. В Филадельфии ею дирижировал Стоковский, перед нью-йоркским концертом он заболел, и его заменил его помощник — Родзинский, который перед тем продирижировал симфонией только на одной репетиции, когда Стоковскому захотелось послушать ее из зала. Тем не менее Родзинский, судя по отзывам, справился с задачей, даже прямо-таки сделал себе на Вашей симфонии карьеру, так как это было его первое выступление в Нью-Йорке. Посылаю Вам пару критик: они не бог знает как умны, но зато доброжелательны, а это уже много для Нью-Йорка. Если достану другие, то вышлю Вам. Вообще, Вам пора бы начать подучиваться или дирижировать или вообще что-нибудь делать на эстраде, дабы иметь возможность, в качестве нового любимца Нью-Йорка, претворить Вашу славу в че-

<стр. 254>

ковую книжку. Тогда не надо будет и продаваться австриякам на энное число лет, чем Вы, кстати, очень огорчили нашего уважаемого Пайчадзе.

Ваши сюиты для малого оркестра интересуют Российское музыкальное издательство. Так как эти сюиты еще не готовы, то мы с Вами возобновим этот разговор при личном свидании, Вы же пока никому их не продавайте. Романсами Пайчадзе интересуется меньше: их печатание связано с расходами, так как их приходится переводить на целый ряд языков. Уступая сюиты, сможете ли Вы также дать их клавираусцуги? Нельзя ли в две

руки?

Партитуру сюиты из «Трех апельсинов» выслать Вам никак не могу, так как к деланию карманных партитур еще не приступили, а большие партитуры сдаются только в наем. Должен сказать, что эту сюиту я ценю не слишком: ее удельный вес несравненно меньше других моих сюит, хотя она и пользуется успехом у дирижеров и публики. Клавир 4-й симфонии отложите для меня в сторону, я заберу его, когда буду в Москве.

Что касается московских концертных дел, то я решил, что самое лучшее держаться за Персимфанс и равнять остальные концерты по нем ²: это, по крайней мере, люди, которые меня много играли и много собираются играть при моем приезде. Явор так-таки ничего до сих пор не ответил, а я-то думал, что на этого потомка Ковенских королей можно было положиться! Напишите, пожалуйста, что, в конце концов, сделалось с Росфилом. Какие вынесли Вы впечатления от поездки в Вену? Про Варшаву не спрашиваю: это мертвый город.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш С. Пркфв

242. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 декабря 1926 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
спасибо за американские известия, я о них знал только, что симфонию играл помощник Стоковского, и его похвалили. Вывести больше я не сумел, но и присланное Вами я принимаю больше на веру Вашим словам, ибо ничего в аглицком диалекте не смыслю и оттуда вычитать что-либо о «триумфальном шествии», конечно, не сумел бы. Из программы усматриваю, что исполнение было без хора, что очень жаль, ибо эффект увеличивается в несколько раз — хор создает отличную и очень чувствительную атмосферу.

Вы говорите — огорчил Пайчадзе! А что же он раньше думал, ведь я пишу почти без передышки? Универсалка же, видимо, скоро что-то

<стр. 255>

учла и не желает выпускать из своих рук даже вовсе им неизвестных (ибо далеко еще не оконченных) сочинений. Я им уступил разные симфонии и прочее вовсе даже не по нужде, а скорей по слабости характера, очень уж они убедительно толковали мне, что им нужны, во-первых, «ассортимент» моих симфоний, так штуки 4, чтобы легче заполнить рынки разных потребностей, и, во-вторых, — мелкие вещи для укрепления финансовой базы. Я, конечно, поверил и сдался, а условия уж вовсе не такие роскошные, если я за две симфонии (8-ю и 9-ю) получаю аванс около двух тысяч рублей, да еще в рассрочку. Но они же и стараются! Ведь за один сезон они приткнули 6-ю и 7-ю симфонии (вкупе) не меньше, чем в 18 мест, а ведь 7-я даже еще не вышла!

Что касается сюит, — то это, разумеется, пока одна лишь проблема, ибо кроме тем (голых!) да плана кое-каких частей еще вовсе ни чего нет, и времени для работы тоже нет. Я сейчас думаю совсем над другим, и таким каким-то

увертистым, что никак не могу сдвинуться с мертвой точки уже месяца два ¹.

Будучи в Вене, мне показалось, что там можно работать; вообще же мне там мало понравилось — очень уж все заняты делами, и как-то мелкотравчато, даже музыку делают больше истово, чем увлекательно, но зато житейские условия, видимо, приноровлены к обывательским удобствам, и можно получить недорого вполне удовлетворительный комфорт, тишину и даже в известной мере изолированность. По крайней мере, мне все это гарантируют, если я соглашусь приехать в Вену надолго.

Варшаву я в будни не видел, [...]. Венские же музыканты меня удивили своим весьма ограниченным представлением о делах своего искусства (скорей об явлениях) дальше собственного болота. Впрочем, может быть, за границей это так принято, — очень мало знать чужое (главным образом, понаслышке), — слишком заняты все?

Теперь жду Вашего приезда. [...] обязательно приезжайте. Боюсь, что не понравится Вам у нас, хотя во внешнем смысле, я за Москву вполне ручаюсь — здесь Вашу музыку безумно любят и много и прескверно играют, за исключением единиц, конечно.

Зачем Вы меня дразните? Ведь это моя самая затаенная мечта — самому научиться махать, но боюсь даже в Москве, хотя меня уверяют, что здесь я себе это не только могу, но и должен позволить. К тому же не знаю с кем позаняться, ибо Соломон до нелепости занят.

Пока всего лучшего. Обнимаю Вас.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

24/ХП 1926. Москва.

Да, есть у Вас праздники? Если да, то сердечно Вас поздравляю и особенно благодарю, что получил письмо как раз сегодня.

<стр. 256>

243. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 апреля 1927 г., Монте-Карло

10 апр. 1927

Дорогой Николай Яковлевич.

Доехали мы отлично, а теперь я уже в Монте-Карло, репетирую с Дягилевым новый балет¹. Видел Стравинского, он пишет «Эдипа», оперу в 2 картинах². Завтра возвращаюсь в Париж: 5, Avenue Frémiet, Paris XVI. Крепко обнимаю Вас, с удовольствием вспоминаю Москву.

Ваш *С. Пркфв*

Привет Вашим сестрицам³ и Держановским.

244. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 мая 1927 г., Москва

12/V 1927. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
рад был получить от Вас открытку. Боюсь, что своим поздним откликом на нее не застаю Вас уже в Париже. Но как-то был все время не в себе. Насел на 10-ю симфонию и только на пасхальной неделе довел ее в эскизе до финиша; стопудовую тяжесть спихнул с себя; боюсь, что опять написал ненужную музыку — эмоционально, романтично, одночастно, то есть длинно и на огромный оркестр — одним словом — никому! Сейчас думаю приняться за оркестровку 9-й, причем начинаю с конца. Провел около недели в деревне, несколько отряхнулся от 10-й и могу заняться тихим делом. Я до сих пор еще рад, что Вы здесь были, так мне во весь охват стало ясно значение Вашей музыки — по-моему — первой в мире (хоть я и очень люблю Стравинского!). Квнтет Ваш произвел на меня самое неизгладимое впечатление¹, я редко получал такое полное и совершенное художественное переживание. После Вашего отъезда Персимфанс сыграл еще раз Классическую², сыграл смехотворно скверно, но я не мог отделаться от впечатления и некоторых тем дня три! Так и зудело в голове. Они играли перед тем 5-ю симфонию Глазунова, 2-й концерт Рахманинова, и я до того был изнеможен, что думал даже уйти не дождавшись Вашей симфонии, но, к счастью, не успел, зато усталость всю как рукой сняло, так сразу стало хорошо, весело и свежо. Немедленно по выходе нот из печати Вы мне их высылаете! Но сколько Вы, оказывается, отравили здесь крови! И все через Метнера!³ Он совершенно провалился, бесит. Не чувствует, что никакая тут виновата ни мода, ни Прокофьев, а просто его скверное и банальное новописанье. Я тут раз пошел еще —

<стр. 257>

проверять впечатление! — ах, как все это плоско. Ну, бог с ним. Напишите, как прошел балет новый. Всего лучшего. Душевный привет Лине Ивановне, — надеюсь, что мы ей не показались слишком дикарями!

Всегда Ваш *Н. Мясковский*

P. S. Если не будет очень трудно, — пошлите мне такие песни Дебюсси: см. приложение *.

245. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

13 мая 1927 г., Париж

5, av. Frémiet, Paris XVI.
13.V.1927

Дорогой Николай Яковлевич.

Все время поджидал от Вас толстого пакета с сочинениями композиторов из Госиздата, но, увы, Вы обо мне забыли и думать. Дзимитровский тоже не обласкал меня Вашими 6-й и 7-й симфониями, потому одновременно с этим письмом пишу ему открытку.

По возвращении из Москвы, я, за исключением поездки в Монте-Карло на репетиции балета и в Германию, где преглупо поставили Дантевский балет на Скифскую сюиту¹ (о, милые немцы!), — нахожусь в Париже и по утрам аккуратно работаю над «Огненным ангелом». Но это окаянное существо окончательно заело меня, пришлось перебраться на бумагу в 36 строк и со скрежетом зубовным ползти по два такта в день. В промежутках поигрываю Вашу 4-ю сонату, в которой мне теперь чрезвычайно понравилась средняя часть, кроме самых последних тактов. Кстати, из пыли прежних присылок вытащил 3-ю сонату Александрова, в которой оказалось много милого, симпатичного, пока он не начинает замирать на нонаккордах. Стравинский разрешился «Царем Эдипом», сценически неподвижной оперой-ораторией в 2-х картинах, которая пойдет у Дягилева концертно 30 мая в Париже. Либреттист француз, текст по-латыни, сюжет греческий, музыка англо-немецкая (под Генделя), представлена будет учреждением Монегаскским и на американские деньги — верх интернациональности! [...]

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет от Лины Ивановны. Ваши портреты обрамлены и украшают нашу гостиную.

Ваш С. Пркфв

* Приложение не сохранилось.

<стр. 258>

246. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

27 мая 1927 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, не сердитесь, миленький! Я не то, что забыл о нотах, но по расейской привычке все откладывал, думаю, что Вы теперь с балетом возитесь» до всяких ли Вам «нот». Я уже пересмотрел кое-какие каталоги, но не кончил еще вокального, а там много вышло дельного за последние два года — каталог же наш старый (1925 год). Дзимитровский мне уже пишет¹, что распорядился Вам послать обе симфошки — получили? Ежели узнаете что об участии моей бедной 7-й дурочки в Америке, — напишите парочку строк; имею косвенные сведения, что Фуртвенглер ее провалил² (он ли бедный виноват!); ну, а как Куся — друг Ваш?

Не помню, писал ли я Вам о здешней постановке «Апельсинов»? ³ Если нет, то вот как было. Я попал два раза. В смысле постановки художественной и режиссерской — отдаю предпочтение Москве. Декоративно сделано очень шикарно, пожалуй, несколько даже перегружено (что отражается на антрактах, длящихся дольше всей оперы! Опера кончается в 12 часов с минутами!);

режиссерская часть тоже лучше почти во всем; яснее, понятнее (хуже: игра в карты — не видно, Смеральдина — за креслом; арест Фаты-Морганы — тоже не понятно, Крыса-человек и темнота — после марша), отлично сделаны празднества (обжоры — даже слишком — заслоняют музыку), чудаки etc. (хотя и на сцене), да вообще все; хуже всего — музыка: почти непрерывный грохот, с заглушением слов, безвкусная акцентизация, часто преувеличенные темпы, так что хор не выговаривает слов, ужасающий нажим на ударные. Певцы почти все плохие — хуже всех Нежданова⁴. Недурный Король — В. Р. Петров, Труффальдино — Барышев, Смеральдина — Штанге, пожалуй, даже Принц — кто, не помню. Успех все время отличный, хотя всех изводят антракты по 50—40 минут! Убедился, что Дранишников молодец, — куда лучше и тоньше ведет, чем Голованов. Немножко здесь больше шаржу, что иногда неприятно резнет, но все-таки не слишком.

Я все же искренно наслаждался и, уехав в деревню, дня три носил в голове всякую апельсиновую музыку. [...]

Будьте веселы и здоровы, кончайте Вашего «Ангела» скорей.

Привет Лине Ивановне.

Ваш неизменно *Н. Мясковский*

27/V 1927. Москва

<стр. 259>

247. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

18 июня 1927 г., Париж

Париж. 18 июня 1927 года

Дорогой Николай Яковлевич.

Об исполнении Вашей 7-й симфонии в Нью-Йорке я никаких подробностей не знаю. Когда Стоковский играл 6-ю¹, я был лучше осведомлен, так как одновременно шла Скифская сюита и добрые друзья прислали мне прессу. Относительно 8-й я имел очень серьезный разговор с Кусей². Он заявил, что будет играть ее зимой в Бостоне и Нью-Йорке, и кроме того, в мае 1928 года в Париже. Хотя ему не всегда свойственно сдерживать свои обещания, но на этот раз, я полагаю, его желание вполне серьезно: во-первых, потому что Вашими симфониями в Америке интересуются; во-вторых, потому что я ему говорил, что слышал Вашу 8-ю и что, по-моему, это самая удачная из Ваших симфоний; и, в-третьих, потому, что если он не возьмет эту симфонию, ее немедленно сыграют другие. Во всяком случае, для закрепления этого разговора, я на днях напишу Дзимитровскому, дабы он вошел в официальные переговоры с Кусевицким относительно материалов. Я помню, Вы мне говорили, что ее будут гравировать еще не сразу, потому, быть может, Вы напишете с Вашей стороны Дзимитровскому, инструктируя его относительно возможности доставить Кусевицкому материалы. Кусевицкий теперь особенно укрепился в Америке, так как его главный соперник, Стоковский, разболелся и

не будет дирижировать в будущем сезоне. Остальные же дирижеры или слабее Кусевицкого, или же хотя и хороши, но приезжают в Америку на месяц или два и в качестве гастролеров не чувствуют себя дома.

Спасибо Вам большое за подробности об «Апельсинах». Мне было особенно интересно услышать это от Вас, так как другие источники менее надежны: Держановский — человек молодой и горячий и потому односторонний, а Асафьев, который тоже писал мне о московской постановке понаслышке, слишком уж предан своему Мариинскому театру.

Мой балет «Стальной скок» прошел в Париже сравнительно благополучно и небезуспешно³, теперь его увезли в Лондон. Слышал я три раза «Эдипа» Стравинского⁴; много интересного, но в целом длинно и скучно. Клавиш вышел; если хотите, я Вам его пришлю. Пока же, во след этому письму, высылаю Вам Дебюсси и партитуру моего квинтета. От Вас же все еще жду Госиздатские ноты.

Крепко Вас обнимаю. Желаю Вам успеха в оркестровке 9-й.

Любящий Вас *С. Пркфв*

Через неделю мы собираемся в деревню, по адресу: Villa «Les Phares», St. Palais-sur-Mer, Charente Inférieure, France. Можно также писать в Париж на Guaranty.

<стр. 260>

248. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 июня 1927 г., Москва

29/VI 1927. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

конечно, пришлите мне «Эдипа», я ведь интересуюсь современной музыкой, хотя и экскурсивной. Что же касается Госиздатских нот, то вышло смешное недоразумение: они Вам посланы 1 июня... но в Америку! Оказывается, Вы оставили какой-то американский адрес, и наша экспедиция, не спросив никого из осведомленных, бухнула все в Нью-Йорк. Быть может, впрочем, Вы получили ноты уже оттуда? Ваших сведений о «Стальном скоке» мне немного мало — подробностей никаких не будет? Видел ли его Луначарский?

Если бы Вы знали, какую Вы тут подняли мусть и злобу своими успехами, в особенности, в части консерваторских кругов [...].

Жду с нетерпением квинтета, потащу его с собой в деревню — буду упиваться им под тенью елей, пожираемый комарями. Работа моя шла очень туго¹, но вчера вдруг всю 3-ю часть (короткое, правда, Анданте) сделал сразу в один день, и, кажется, не плохо. Осталась — трудная 1-я и интересная 2-я. Месяца через полтора сяду за 10-е чудовище, которое, вопреки его немодности, я думаю, все-таки будет моей лучшей пьеской.

Вы пишете, что Держановский — односторонен, а Асафьев —

патриотичен. Но в основе они все-таки правы: постановка «Апельсинов» здесь досадная! Масса сил затрачено и ресурсов, и сделано великолепно, а слушать хочется все-таки в Ленинграде, там все как-то музыкальнее и легче выходит, так что не заслоняется суть никакими аксессуарами, а здесь они-то и выпирают на первый план, и когда идешь лишний раз, то со специальной целью — не смотреть, а слушать, и это не удастся, так как слушать мешают (не спектакль, а именно внешние обстоятельства, — например, фраза Принца, — «ой, отнесите меня в теплую постель», — пропадает за хохотом публики над невероятными «обжорными» фигурами), а антракты таковы, что убивают всякую бодрость физическую. Самый главный недостаток московской постановки — это ее немзыкальность.

Желаю Вам всего лучшего. Привет Лине Ивановне.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

Классическая скоро появится в 4 руки? Сюита из «Апельсинов»? Адски жду!

Н. М.

<стр. 261>

Да, не поблагодарил Вас за Кусю с 8-й симфонией! Не знаю только, дадут ли ему ноты сейчас? Ее хотели показать Фуртвенглеру, который будто обещал поставить ее в Берлине. К 1 октября она должна быть напечатана! Забыл о деньгах. Разрешение на отправку Вам 2000 рублей долларами получено, и на днях деньги Вам едут.

249. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 августа 1927 г., Сен-Пале

«Les Phares», St. Palais s/Mer
Charente Inférieure, France
1 августа 1927 года

Дорогой Николай Яковлевич.

За последние дни тихой С.-Палеской жизни произошло два события: пришли три пакета нот из Америки от Госиздата, и я кончил сочинять «Огненный ангел». Теперь бешено дооркестровываю последний акт, покрывая по 13 страниц в сутки, так что скоро надеюсь окончательно развязаться с этим анималем* и прислать Вам литографированный немецкий клавир. Немецкий, ибо постановка предвидится в Германии. Что касается же нот, то я чрезвычайно доволен, что, наконец, получил их, и, как только пройдет оркестровочный пыл, засяду за просмотр и тогда напишу Вам особо. Пока заметно отсутствие Вашей 1-й сонаты, зато приехал второй экземпляр переложения 4-й симфонии, чему, впрочем, я очень рад, так как при случае постараюсь подсунуть его нужному человеку. Пожалуйста, передайте Госиздату мои лучшие благодарности за широкий жест. Печатаются ли у Вас Мосолов, Щербачев, Дешевов, Попов? Последний играл мне в Ленинграде

свой ансамбль (септет, октет или нонет — не помню), показавшийся мне довольно цветистым¹.

Получили ли Вы Дебюсси, «Эдипа» и квинтет? Все это постепенно посылалось Вам в течение июля нашим издательством. Дзимитровский известил меня, что по поводу материала 8-й симфонии они вступили в сношения с Кусевицким. А в каком состоянии Ваши 9-я и 10-я? Асафьев что-то оттуда слышал и в своих письмах просто захлебывается.

Из Нью-Йорка мне сообщили, что туда на мое имя поступил перевод из Москвы на 770 долларов. Должно быть от Музсектора? Но эта сумма равняется 1500 рублям и, по-видимому, Музсектор решил присоединить 500 рублей к следующей посылке.

Крепко обнимаю Вас. Напишите Ваши впечатления об «Эдипе».

Ваш С. Пркфв

* животным — от l'animal (франц.).

<стр. 262>

250. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 августа 1927 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

Вы, верно, безумно заняты, и потому у меня к Вам нет никаких претензий. Пишу, чтобы поблагодарить за присылку Дебюсси, которого я наконец (!) получил. Но радость моя была отравлена, — в посылке не оказалось квинтета! Неужели он еще не вышел? Послезавтра я уеду и деревню на целый месяц, — и у меня ничего не будет с собой нового — для души. Оказывается, в Париже состоялись исполнения и увертюры, и квинтета¹, о чем узнал я из «Ревю», и, как мне показалось, квинтет нашел настоящую оценку, — впрочем, я не так хорошо понимаю французские тонкости, чтобы судить полно. Хотелось бы слышать Ваше собственное впечатление.

Получили ли Вы, наконец, ноты? Они оказывается были Вам засланы по денежному адресу, а деньги Ваши чуть не поехали по парижскому адресу, — случайно я подвернулся, когда подписывали бумагу об их отправке. Воображаю недоумение нью-йоркских банкиров, получивших ноты вместо денег!

Я неделю тому назад кончил оркестровку 9-й симфонии, — кажется, вышло не так уж плохо, — и в деревне приведу все в полный порядок и намечу оркестровку 10-й. В промежутке сделал несколько фортепианных пьесок² из старья — для Hertzк'и, — большинство которых Вы знаете, а одну даже играли как-то у себя дома, — помните, нечто вроде метели? — тридцать вторыми

секундами:

Отправил в Универсалку, от которой взамен получил корректуру 8-й симфонии. Списались они с Кусевицким? Не ошибаетесь ли Вы, считая 8-ю

симфонию моей лучшей пьесой? Я ее не очень люблю, — в ней много внешнего и есть внутренние шероховатости, — так как она писалась урывками и не всегда с полным напряжением. 6-я симфония, быть может, и не интересна в чисто специальных смыслах и с разными изъятиями тоже, но по воздействию куда сильнее. Она почти всегда «доходит», а 8-я далеко не так. Впрочем, трудно судить мне самому. Желаю Вам всего самого лучшего. Пришлите все-таки квинтет и «Эдипа». Как его разделал в «Честериане» Сабанеев!³ Нашла эта гадина все-таки куда пристроиться! Душевный привет Лине Ивановне!

Ваш сердечно *Н. Мясковский*

3/VIII 1927. Москва

<стр. 263>

251. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

10 августа 1927 г., Москва

10/VIII 1927. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, разве «Огнен[ный] ангел» был еще не кончен? К моему письму Вы, наверно, кончите все, и оркестровку — при той рекордной скорости, какую развиваете; — мне это удавалось очень редко, да и оркестровка моя ведь шаблонная. Во всяком разе, сейчас я Вас от души поздравляю и с нетерпением жду клавира. Пропустят ли только литографию?!

Час назад получил наконец «Эдипа-рекса»* и квинтет. Почему квинтет в таком формате? Играть, правда, будет очень удобно, но на дачу с собой не потащишь, — ведь мне все это на себе надо волочить! С «Эдипом» зайду сегодня к Держановским — посмотрю вместе, пока же проглядел одним глазом и нашел открытие — последование уменьшенных септаккордов, по правде, Стравинский умеет такие вещи преподносить в очень неудобоваримом контексте, так что, может быть, мой восторг и преждевремен. Странно, что Вы не получили мою 1-ю сонату, — я ее отметил. Постараюсь исправить, хотя бы через Держановского. [...]

Завтра же я уезжаю в деревню недели на три безвыездно. Буду перебелять 9-ю симфонию и, быть может, стенографировать оркестровку 10-й. Что касается захлебываний Асафьева, то тут все дело в темпераменте, так как играл я эту штуку безобразно — сплошь фальшиво, но с адским пылом и жаром. Думаю, что Вам она не понравится, чисто музыкальных красот в ней нет вовсе, больше всего шуму и натиска, но скроить все это мне удалось, кажется, не так плохо. Во всяком случае, это не очень длинно (1 часть — 20 минут) и местами может быть эффектно, но музыка мне сейчас настолько мало нравится, что не хочется оркестровать. Кроме того, я в спешке на девятой адски переутомился, а теперь меня еще завалили корректурами: I, II части 8-й и голоса 3-й — совсем одурел, даже голова начала болеть!

Печатаются ли у нас Мосолов и т. д.? Мосолов — печатался, но с отвращением (его терпеть не могут наши цензурные круги, хотя, по-моему, он очень даровит, — он теперь в Univ[ersal] Edit[ion]), Дешевов — тоже

печатается, П о п о в — талантлив, но сырой какой-то, Щ е р б а ч е в — капризуля.

Деньги Вы должны были получить еще раз (всего Вам послами 2 раза — по сколько не знаю). Обнимаю Вас. Большое спасибо за ноты, — хоть ночью сегодня, да заруюсь в квинтет. Искренний привет Лине Ивановне.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

* rex (лат.) — царь.

<стр. 264>

Могу, если Вам интересно, несколько продолжить свое письмо. Просмотрел сейчас «Эдипа» с Держановским. В конечном итоге это сильно и вопреки, быть может, авторскому замыслу — с пафосом и темпераментом. Но, конечно, это почти целиком относится ко второму действию, — можно думать, что его вдохновила Иокаста. Второе действие сильно все, даже Эдип лучше! В первом же действии мне нравится только основной хор (тот же, что и в конце). Остальное скучно и, конечно, должно быть, со сцены длинно. Арии всех этих Креонтов, Тирезиев — только-только выносимы, ну, а Эдипа — ни к черту, странно даже, что Стравинскому пришло на ум писать такую слезливую размазню. Вообще, по-моему, Э д и п — наиболее слабое место во всей опере, тем не менее все в целом мне очень понравилось. Но... здесь появилось его интервью с Сабанеевым, в котором Стравинский говорит, что ему рано ехать в Россию, она-де недостаточно еще подготовлена к приятию его музыки. Он прав: — у нас еще слишком много музыкантов, знающих литературу, мы все еще не такие дикари, как европейская публика, которая ничего не хочет знать, в особенности русского, и не может судить об источниках его вдохновения; к сожалению, пока все это до смешного явно, и все его глинкинства, главным образом, и до неузнаваемости, под старину, искаженные старые знакомцы — Мусоргский, Чайковский и, увы... Рахманинов. Иокаста, Эдип — Рангони («Б[орис Годунов]»), подъячий («Хов[анщина]»), Мазепа, Самозванец — тут же около трется Корсаков («Из Гомера»), а основной хор — это та же «Судьба» Рахманинова. Но, в общем и целом, как у нас говорят, — если преодолеть нудь первого акта, это сильно и даже хорошо. Еще раз всего лучшего. Спасибо.

Ваш сердечно *Н. Мясковский*

10/VIII 1927

252. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 сентября 1927 г., Сен-Пале

«Les Phares», St. Palais s/Mer,
Charente Inférieure, France.
23 сентября 1927 г.

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень много работал это последнее время, оттого не писал Вам. Кончил, на этот раз окончательно, «Огненного ангела» — партитуру и клавиш. Окончательно! — ведь это только иллюзия: не оберешься корректур, проверок

иностранных переводов и прочих шлейфов, тянущихся

<стр. 265>

за, казалось бы, законченным сочинением. Сейчас работаю над «Игроком»¹, которого чищу с крайней основательностью и из которого выйдет, кажется, совсем приличная и аккуратная опера. По крайней мере, старая редакция была накатана очень шероховато, рядом с приличными кусками попадались прескверные. Когда одолею корректуру 2-й симфонии, партитуры и голосов, — подумать страшно.

Вчера получил второй экземпляр Вашей 1-й сонаты, дополнительно выпрошенный мною у Вас. В свое время я Вам писал, что Музсектор прислал мне через Нью-Йорк три пакета своих изданий. Оказалось, что был еще четвертый, который застрял где-то между небом и землей, и добрался до меня с большим опозданием. В нем и оказалась Ваша 1-я соната, также Мосолов, Оборин и прочее². Вообразите, из всех этих присылок мне самое большое удовольствие доставила именно Ваша 1-я соната, которую я с самыми приятными воспоминаниями проиграл, и не раз, себе и другим. У Оборина есть отдельные интересные моменты, но в общем он, несмотря на всякие сложности, еще мыслит как-то элементарно. Разумеется, это тем более бросается в глаза у маленького Крейна, и я пока не решусь сказать, талантлив ли он, или просто так, мальчик, который пишет. С сонатами Шостаковича и Мосолова я познакомился еще во время моего приезда в СССР. Они показались интересными, особенно первая. 6-я соната Александрова полна приятных бледностей, однако местами докучают нонаккордовые образования, от которых, казалось бы, пора ему избавиться. Приятно было также поиграть паукообразности Фейнберга, те, где уж не слишком нагромождений. В этом композиторе всегда поражает потрясающее мелодическое нищенство, соединенное с редким мастерством делать интересные страницы из тематических лохмотьев. Остальные сочинения я пока еще не просмотрел: очень уж мне много приходится возиться с собственной музыкой, после чего хочется не к роялю, а в поле. [...]

Недели две тому назад Дзимитровский прислал мне взволнованное письмо, что что ж, мол, они по моему настоянию спешат с материалом 8-й симфонии для Кусевицкого, а Кусевицкий не дал им еще официального заказа. Это как раз совпало с моим наездом в Париж, где и повидал уезжавшего в Америку Кусю. Он сказал, что тут какое-то недоразумение, ибо он со своей стороны ждет от Универсала известия об окончании материала, так как хочет играть Вашу симфонию в Бостоне в начале сезона. Получив этот ответ, я немедленно отписал Дзимитровскому, и теперь, надеюсь, дело будет улажено к общему удовольствию.

Мне ужасно понравилась главная партия Вашей 10-й симфонии. Она необычайно характерна для Вас. Вступление к побочной Вы так нагрифонировали *, что я мало разобрал его. Побочная приятна по

* написали каракулями — от griffonner (франц.).

<стр. 266>

рисунку, но иметь представление о ней трудно, пока не знаешь ее окружения. Ваш блестящий отзыв об «Эдипе» крайне меток; это не одно мое мнение, но также и тех, кому я передавал его, не раскрывая, впрочем, Вашего авторства, а выдавая его за коллективное мнение московских музыкантов, в чем я, вероятно, не много соврал, так как во время просмотра «Эдипа» у Держановского, к Вам, несомненно, присоединились многие из них. Меня тоже уменьшенные септаккорды извели до черта. Сейчас Стравинский работает над новым балетом для Дягилева³. Дукельский кончил эскизы симфонии⁴. В наше издательство приняли нового молодого композитора — Лопатникова, с довольно интересном сонатиной, которую, впрочем, правильнее назвать сонатой⁵.

Появился еще композитор: Набоков, пишущий оду на Ломоносова, которую Дягилев собирается поставить балетно⁶. Я этого композитора не знаю, но, судя по отзывам, музыка его довольно легковесна, и вся соль в пикантности набоководягилевской затеи. Приезжал ко мне Боровский. Он учит Вашу 2-ю сонату.

Крепко Вас обнимаю.

Ваш *С. Пркфв*

Вам просит передать сердечный привет Петр Петрович. А что делает Асафьев? Он мне писал очень регулярно, а тут вдруг почти трехмесячный молчок.

С. П.

253. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

14 октября 1927 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, редко погрязал я в такой меланхолии как сейчас. Уже почти месяц сижу в Москве и буквально палец о палец не ударяю. Из всей оркестровки 10-й симфонии сделано 6 вступительных тактов (унисон!). [...]

Я очень рад, что тема 10-й симфонии Вам по душе, — мне она тоже как-то по сердцу, хотя совершенно не понимаю, как я ее сочинил, — ведь это ужасная шёнберговщина! 2-я тема, которую я Вам послал в несколько убогом виде, имеет очень мало окружений, — только пьедестал, — так как я ее излагаю простейше — на гармониях — даже без фигурации. Это нечто глубоко скрипичное. Но все равно — инструментовка ни с места, симфония стоит в программе Персимфанса¹, — который, между прочим, в этом году играет еще скучнее, чем когда бы то ни было.

Я почти согласен с Вашим отзывом о разных сочинениях, которые Вам посланы, но счастье — и Мосолов, и Оборин пишут уже гораздо лучше; Мосолов становится все хитрее и ярче, а Оборин законченнее

<стр. 267>

и горячее. Что же касается моей болтовни об «Эдипе» — то это, по правде говоря, только мое мнение, ибо я был у Держановского один. Те же, кто видел

его после меня, — ругают «Эдипа» такими словами, которых у меня даже нет в лексиконе; — преобладающее мнение, — что это предел убожества во всех отношениях. Я все-таки так не думаю.

Почему нет здесь никаких сведений о «Стальном скоке»? Кроме самой миниатюрной заметки о «Стальных шагах» со ссылкой на Лялуа — ничего². Хорошо еще, что Лина Ивановна кое-что описала Держановским!³ Сабанеев, конечно, молчит; он занят всякими подлаживаниями и потому пишет о всякой ерунде⁴, только не о том, что по-настоящему интересно. Да что он, впрочем, может написать! Когда пойдет «Огненный ангел»? В начале или в конце сезона? Я нетерпеливо жду, когда появится клавир (литограф[ированный]!). Несмотря на жуткое состояние духа, квинтет Ваш я все же поигрываю и испытываю не меньшее удовольствие, нежели при первом слушании. Когда выйдет клавир? Желаю Вам всего лучшего. Привет Лине Ивановне. Обнимаю.

Ваш *Н. Мясковский*

14/X 1927. Москва

Очень обрадовался памятьвости Петра Петровича, — передайте ему мой искренний и горячий привет.

Асафьев погряз в старом «Борисе»⁵ и во всяких книгах, которые набрал на срок, а все сроки уже упустил. За все лето имел от него одну открытку, да и ту по делу!

254. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 января 1928 г., Париж

5, Avenue Frémiet, Paris XVI
25 января 1928 года

Дорогой Николай Яковлевич.

Прямо не знаю, с чего начать и как достойно извиниться за мое долгое молчание: ведь я Вам не писал уже четыре месяца, с тех пор как получил Ваше мрачное письмо от 14 сентября, которое сейчас держу в руках. Но, увы, так почти со всеми, и лишь с Асафьевым последнее время перебрасываемся довольно частыми письмами, главным образом, на тему о книгах, которые он просит ему высылать, и об «Игроке», который не то пойдет, не то не пойдет этой весной¹. Переделка его оказалась в сущности полным пересочинением, хотя главный материал и план его остались. Теперь я эту работу надеюсь скоро кон-

<стр. 268>

чить — и, конечно, было бы очень хорошо, если бы Экскузович смог его дать в апреле. Тогда к этому времени я и приехал бы в СССР. От Держановского Вы уже знаете, что я от всяческих концертов отказался, ибо за сочинительской работой совсем отбил от фортепиано. Напишите, какими словами меня ругал за это Держановский. Персимфанцы же, получив мой отказ, начисто замолчали.

Кончили ли Вы 10-ю симфонию, и играл ли ее Персимфанс? Как звучало, как была исполнена, какие Ваши впечатления, впечатления

музыкантов, публики и прессы? Об американской судьбе Вашей Восьмой ничего не знаю. За все время от Кусевицкого, или вернее Наталии Константиновны, было только одно письмо, но в нем о симфонии ни слова, лишь сообщение о том, что «Стальной скок», исполненный концертно², имел лишь сдержанный успех. «Огненного ангела» я кончил, но с изготовлением материала мы опоздали к сроку, и он в настоящем сезоне в Берлине не пойдет. Это, по-моему, свинство со стороны Бруно Вальтера: если не поспел осенью, то мог бы поставить весною. Клавир с немецким текстом все еще литографируется, уж таков темп нашего издательства. Но, кажется, скоро я смогу Вам прислать хотя бы половину оперы, сначала вторую, а потом уж первую. Вообще, буду всячески к Вам подлизываться, во искупление долгого молчания. Из моих сочинений пока нового ничего не вышло. Издательство раскачалось награвировать партитуру и голоса 2-й симфонии, но я задержал всю эту огромную корректуру до окончания «Игрока», чем дал им возможность говорить: «вот видите!»

Из новинок видел рукопись симфонии Дукельского³ — очень бодрая и приятная вещь, с хорошим материалом и ловко сделанная; но сумеет ли он ее достойно оркестровать, в том я не вполне уверен. Видел также клавир новой вещи Стравинского. Это струнный квинтет или секстет, или концерто-гроссо, сочиненное применительно к балетной постановке у Дягилева — что-то насчет Аполлона и Муз⁴. Проиграв клавир однократно, боюсь высказывать мое мнение, так как в этой вещи, кажется, много контрапунктических выдумок, в клавире теряющихся. Тематический материал, конечно, беден; простота еще большая, чем в «Эдипе», — в этом отношении дешифровать одно наслаждение; есть баховские реминисценции, но есть и какие-то более легкие и светлые уклоны; есть места препротивные (слишком голые), но есть другие места, в которых я ничего не понял, это, вероятно, те, в которых контрапунктическая мудрость выступит при появлении партитуры. Но еще раз: все эти суждения очень поверхностные, ибо я проиграл эту штуковину наскоро, в помещении нашего издательства, где ходили и шумели.

Не сердитесь на меня, дорогой, и напишите мне, что Вы делаете, что делается в Москве и, главное, как Ваша Десятая.

Крепко обнимаю Вас, Лина Ивановна шлет Вам сердечный привет.

Любящий Вас *С. Пркфв*

<стр. 269>

255. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

30 января 1928 г., Москва

30/I 1928. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, как меня обрадовало Ваше письмо, и как оно вовремя пришло! Только вчера я, наконец, почувствовал себя до известной степени человеком «an und für sich»*, а то — будто каторжник с ядром на ноге.

4 месяца я не знал буквально ни сна, ни отдыха из-за этих симфоний, корректур и т. п. Интересующую Вас симфонию мою, сиречь 10-ю, я кончил вчера, то есть не только оркестровку, но и переписку набело; вышла маленькая одночастная пьеса в 102 страницы, но полная оглушительного рева 4 труб, 8 валторн и т.н. Те, кто видели, нашли оркестровку удачной и прозрачной, несмотря на нагромождение контрапунктов и большой оркестровый массив. Конечно, играна она быть не могла еще. Откровенно говорю, что в Персимфансе меня влечет только их «индивидуальная» первоклассность, так как мне просто интересно многое проверить, что в оркестре чуть более слабом, быть может, не удастся, хотя бы, например, тема фуги в Presto tempestoso:

которую играет все дерево в 3 этажа; да и многое другое. Конечно, сыграют это они в концерте плохо, ибо с каждым днем играют хуже и хуже, но оркестровую поверку они мне дадут. Кроме всего этого я кончил все корректуры двух симфоний, собственноручно исправил партии 9-й симфонии, которая 15 февраля пойдет у Малько в Ленинграде¹, и, кажется, обещает быть очень миленькой. Из-за всех этих дел Я также гнусно запустил всю свою корреспонденцию. О том, что Вы не приедете к нам, у меня все время было какое-то предчувствие. Держановский, как это ни странно, Вас не ругает! «Игрок», по моим сведениям, в этом сезоне не пойдет, так как отсутствие всего материала не дает работать ни в театре, ни — главное — Мейерхольду. Что «Игрок» не пойдет теперь — это, конечно, жаль, но мне приятнее, так как я едва ли смогу дважды поехать в Ленинград, так как все свои свободные-деньги должен откладывать «под квартиру», которую собираюсь строить², а это мне в один год будет стоить больше трех тысяч, то есть примерно 3-х симфоний. Я даже запродам переработанную 1-ю — до чего пал.

* сам по себе (нем.).

<стр. 270>

Что Вы называете: «ничего не вышло нового» из Ваших сочинений. А сюита из «Апельсинов» (карманная партитура)? А клавир квинтета? Неужели все это еще не вышло?! Досадно. Я очень всего этого жду. Между прочим, что «Стальной скок», — вы его уже обещали своему издательству? Вы не помните разговора с Юровским, где Вы эту партитуру предлагали нам? Юровский только боится Вам напоминать об этом, помня Вашу с ним суровость, но очень мечтает до сих пор, что Вы еще положите гнев на милость и дадите Музыкальному сектору эту вещь. Что Вы на мой запрос скажете? Я думаю, что эти мои вопросы могли бы служить даже как официальный запрос.

Что надо? Клавир, партитуру, голоса? Сколько там страниц? Я думаю, мы бы скоро справились, причем все первые корректуры сделал бы я и еще кто-нибудь из моих друзей. Надеюсь, лучше, чем «Семеро их»!

Я, кстати, очень рад, что Вы собираетесь ко мне подлизываться, значит я смогу рассчитывать, что Вы мне распорядитесь послать следующие вещи: клавир Concertino Стравинского³ (это издание Ганзена), потом его же новую вещь, которую Вы так смачно и жестоко описали, и, о ужас, 3-й квартет Дариуса Мийо!⁴ Последний мне нужен, конечно, только для коллекции. Так как Дукельский Вам нравится, то я надеюсь, что и до меня он дойдет; пока меня в нем раздражают наивные модничанья, но какой-то свой художественный тон у него несомненно есть, а этого слишком достаточно, чтобы развиться, отбросив кое-какую шелуху.

О Москве писать пока нечего. Кроме Персимфанса концертов интересных нет. Сердечный привет Лине Ивановне — непременно!

Любящий Вас *Н. Мясковский*

256. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

17 марта 1928 г., Париж

5, Avenue Frémiet, Paris XVI.
17 марта 1928 года

Дорогой Николай Яковлевич.

В общем мы можем пожать друг другу руки: Вы — с высоты двух симфоний, а я — с высоты «Игрока» (730 страниц партитуры плюс клавир). Как прошла Девятая в Ленинграде и шла ли Десятая в Москве?¹ Моя поездка в Россию все еще качается в воздухе: Акопера телеграфирует, что постановка решена, а контракт не присылает. Если же «Игрок» весною не пойдет, то я не уверен, приедем ли мы, хотя и очень хочется. Одним словом, в ближайшие две недели это должно так или иначе решиться.

Вы меня очень смутили вопросом о том, помню ли я о моем разговоре с Юровским на предмет издания «Стального скока» в Музсекторе². Дорогой мой, хоть убейте, не помню! Или же я сказал что-нибудь очень туманное, что было истолковано Юровским в сильно пре-

<стр. 271>

увеличенном виде. «Стальной скок» еще прошлым летом уступлен издательству Кузевицкого, и они в ближайшее время приступают к гравировке клавира, который я сейчас спешно доперекладываю. Очень прошу Вас передать об этом Юровскому в возможно более мягкой и изысканной форме, ибо он был чрезвычайно корректен с переводом моих гонораров, и я не хочу, чтобы мне был сделан упрек в каких-нибудь недобрых чувствах.

Концертино Стравинского Вы, вероятно, уже получили. Про 3-й квартет Мийо в музыкальных лавках ничего не слыхали. Как только встречу самого гениального композитора, почтительнейше наведу у него справки. «Аполлона Мусагета» Стравинского начинают на днях гравировать, дабы он вышел к премьере, — прошу считать этот клавир за мною. Несколько актов «Огненного ангела» высылаю Вам на адрес Музсектора, на Ваше имя, дабы у цензуры не было никаких сомнений в благонадежности посылаемого.

Получил письмо от Беляева, захлебывающегося своим московским восхождением. Его стараниями «Игрок» принят к постановке в Большом театре в 1930 году³. Это извещение прямо восхитительно! Впрочем, во время моего пребывания в Москве, Беляев был крайне галантен, и я ему напишу в ближайшие дни. Обнимите Держанулю. В своем последнем письме он так натопотал на меня ногами и запугал меня выражениями, вроде «этого я в век вам не забуду», что я боюсь ему писать. Материал моей второй симфонии, вероятно, уже поступил в руки Персимфанса, и если я не приеду в апреле, то справятся ли они с нею?

Мне очень нравится, что Вы строите себе квартиру. Где? Когда будет готова? Сколько комнат? Будет ли Валентина Яковлевна жить с Вами? У меня до сих пор остались приятные воспоминания от исполнения Вашей Первой симфонии в Павловске в 1914 году⁴, а потому я рад, что постройка квартиры заставила Вас вытащить ее из праха.

Крепко обнимаю Вас. Лина Ивановна шлет самый сердечный привет.

Ваш С. Пркфв

257. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 марта 1928 г., Москва

29/III 1928. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
я, кажется, сел в глубокую лужу со своей 10-й симфонией, а также и Персимфансом. 2 апреля она идет, но до сих пор еще буквально не сдвинулась с места, и кто тут виноват — решительно не знаю. Персимфанс ли, к работе которого я не умею приспособиться (у меня решительно нет никакой инициативы), или дефекты вещи и оркестровки, которая вышла безумно грузной. Одним словом, я в отчаянии. Думаю, что Ваша симфония тоже им трудна, и Ваше руководство было бы бо-

<стр. 272>

лее чем уместно. Но так как, очевидно, «Игрок» не пойдет в этом сезоне, то Вы и не приедете, а как симфония Ваша пройдет без Вас — хоть убейте, не представляю себе.

Я думал, что 10-й симфонией я на некоторое время кончил свою фабрикацию и могу заняться чем-нибудь другим. Но нет, видно, придется заняться самореабилитацией и сочинить еще что-нибудь, хоть чуточку лучше, но уж и менее громоздкое.

Концертино Стравинского я получил давно — большое спасибо. Скажите, сколько я Вам должен, и деньги Вам переведет Универсалка, так как мне нужен будет «Ап[оллон] Мусaget», и фортепианное переложение Вашего квинтета, и партитура 2-й симфонии, и карманная партитура «Апельсинов», и напечатанный вид Классической симфонии и т. д.

Между прочим, хотя Вы хотели переделывать Вашу симфоньетту, но

почему бы все-таки ее здесь не сыграть, хотя бы и в старом виде? Мне кажется, она отлично бы вышла в Персимфансе. Разрешите, миленький! Голоса сделаем сами и никому давать не будем. «Ангела» пока еще не получил. Да и не очень уверен, что скоро получу. Жаль, что Вы послали в адрес столь коммерческого учреждения, как Музсектор, гораздо было бы лучше такую вещь «с текстом» послать в адрес Моск[овской] госуд[арственной] консерват[ории], профессору..., ул. Герцена, 13. За ноты, идущие туда, не берут, кажется, даже пошлины, так как они идут в адрес «научного» учреждения. Впрочем, точно не знаю, но «Ангела» пока не имею. Да, впрочем, и лучше, если он придет с небольшим опозданием, то есть после провала 10-й симфонии.

Строиться я буду возле консерватории — замечательное место, между четырьмя «Кисловками», близко от всего и в то же время тихо, так как там не ходят ни трамваи, ни автобусы и даже автомобили редки. Комнат будет, верно, штуки 3.

Ах, если бы Вы все же приехали, ей-ей, боюсь я за Вашу симфонию. Привет Лине Ивановне.

Ваш душевно *Н. Мясковский*

Только что узнал от Цейтлина, что и симфония Ваша сейчас не пойдет, — не успеют выучить к 23 апреля!

258. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 апреля 1928 г., Париж

5, Avenue Frémiet, Paris XVI.
5 апреля 1928 года

Дорогой Николай Яковлевич.

То, что Вы необычайно болезненно воспринимаете всю грязь репетиций, я заметил еще в Ленинграде на репетиции 8-й симфонии¹, а по-

<стр. 273>

тому я надеюсь, что крик отчаяния Вашего последнего письма уменьшится после концерта до степени снисходительного поварчивания. Я прошел ощущения, близкие Вашим, совсем недавно во время репетиций моей 2-й симфонии в Париже². Особенно пакостно выходили все контрапунктические места. И так же, как и Вы, я заявил тогда, что моя следующая симфония будет ясной и прозрачной. Очень прошу Вас подробно написать о Ваших впечатлениях после исполнения Десятой, и, кроме того, попросите написать мне о том же Владимира Владимировича, если он не окончательно проклял меня.

Как глупо, что я послал «Огненного ангела» по столь коммерческому адресу, но я почему-то думал, что адрес государственного учреждения обеспечивает более бережное отношение на почте и в таможне. Недостающий II акт и кончик I пошлю Вам на консерваторию. Во всяком случае, сообщите мне, получили ли Вы первую партию.

Беляев, в отмену предыдущего, сообщил, что «Игрока» хотят ставить в Большом театре в будущем сезоне, и выпросил на эту тему у меня (а я у издателя) клавир. Пожалуйста, потребуйте его себе на просмотр: в новой редакции «Игрок» совсем другая вещь, чем раньше. В симфоньете я уже наметил кое-какие переделки, которые очень поднимут ее достоинство, не разрушая общего облика, поэтому я думаю, что исполнять ее в старой редакции абсолютно не стоит.

Вы мне решительно ничего не должны за концертино Лурье.

Также ничего не должны за вещи, которые я Вам не пришлю (карманные партитуры сюиты из «Апельсинов» и Классической, ибо их пока не собираются делать), равно как и за те, которые я Вам буду постепенно посылать, а именно: клавир «Аполлона» (печатается), клавир «Стального скака» (поступит на днях к граверам), клавир квинтета (будет сделан в течение лета) и карманная партитура 2-й симфонии (сейчас корректирую большую партитуру, а малая будет делаться с нее фотографическим путем). Кроме того, на днях пошлю Вам сонатину Лопатникова ³. Это довольно талантливый молодой композитор, живущий в Карлсруэ. Его недавно приняли в наше издательство. Между прочим, пожалуйста, не забывайте, что издательство Кусевицкого желает иметь Вас у себя и просит Вас не продлять контракта с Универсалом, предварительно не переговорив с нами. Преимущество этого издательства в том, что оно не преследует наживных целей и с родственным чувством печется о своих композиторах.

Крепко обнимаю Вас. Искренний привет от Лины Ивановны.

Ваш С. Прокфв

Поездку в СССР я решил отложить до осени⁴, несмотря на то, что мне очень хотелось катнуть, даже после отмены «Игрока». А что беляевские письма о постановке в Москве — это серьезно, или блеф, чтоб вытянуть клавир?

С. П.

<стр. 274>

259. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 апреля 1928 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, спасибо за утешения! Слава богу, прошла 10-я уже два раза, и я могу наконец успокоиться¹. Было, по совести говоря, очень гадко, особенно на первом концерте, когда оркестр в самом начале фуги (то есть в середине симфонии) разошелся совершенно и затем сходилась только временами. Правда, кончили вместе. Второе исполнение прошло более благополучно чисто внешне, то есть не разошлись явно, но зато как-то вразброд играли всю кодую, и, что хуже всего, от большого спокойствия играли с меньшим нервом и потому гораздо скучнее. Но в общем было ничего себе, я очень много извлек для себя полезного на репетициях и почти тут же не сходя с места многое переделывал, менял и улучшал. Впечатление на очень многих

музыкантов было, несмотря на чепуховое исполнение, сильное. Большинство считает эту штуку за лучшую мою симфонию. В смысле формальном, я, пожалуй, готов согласиться, но оркестровка все-таки не на высоте (хотя кое-что удалось), и общий характер несколько однообразный — исключительно мрачная музыка, без малейших просветов, что все же невыгодно для нее же самой. Убедился в одном, что Вы, впрочем, мне уже говорили как-то, — в оркестре не должно быть ничего б е з р а з л и ч н о г о по замыслу, все должно отвечать определенному намерению и выполняться надлежащими средствами. Как только мне удавалось сделать отдельные партии интереснее — сейчас же улучшалось качество игры, хотя музыка симфонии начала нравиться оркестру только чуть ли не после второго исполнения (я думаю, главным образом потому, что им больше не угрожало третье!). Влад[имиру] Влад[имировичу] симфония, кажется, не понравилась вовсе, так что я его просить писать Вам не буду. Насчет проклятий его по Вашему адресу я что-то не очень осведомлен, — он, по моему впечатлению, довольно спокоен.

«Огненного ангела» я, наконец, получил и вполне благополучно, так что, видно, избранный Вами путь не очень опасен. Пошлите также и остальное, авось, пройдет благополучно, а то чего доброго в консерватории некому будет заплатить пошлину! Смотреть только-только начал, ибо все еще не разделался окончательно с 10-й — шлифую партитуру по горячим следам, а кроме того, начали валить на меня сочинения для Шубертовского конкурса², — хотя и дрянь почти все, но приходится терять д о б р о с о в е с т н о время, а уже получено штук 12 партитур. Либретто Вы скроили ловко, но почему так мрачно кончаете?— Приговором инквизитора, а не естественной смертью Ренаты? Так, на первый взгляд мне показалось, что особенно сильно Вами подчеркнуты все и с т е р и ч е с к и е моменты и впечатление общее будет жутковато. Мне бы очень хотелось скорей получить недостающие акты, чтобы смотреть в ряд. «Не с терпением» жду. Насчет Беляева и «Игрока» мне

<стр. 275>

очень трудно судить. Он как-то там в Большом театре работает, но насколько его «проводки» серьезно принимаются, не берусь судить, так как сам никого из Большого театра не знаю близко и не встречаю. Что все это он Вам пишет для получения клавира только, не думаю. Я полагаю, что он-то все сделал серьезно, но мне д р у г а я с т о р о н а как-то не внушает большого доверия. Что Вы свою поездку откладываете, это и лучше, — не стоит сейчас иметь дело с Персимфансом, они почти разваливаются. Поверите ли, из восьми бывших репетиций моей симфонии только одна (7-я!) шла в п о л н о м составе! Какое же исполнение грозило Вашей симфонии? А она ведь раза в 3—4 труднее моей. Их концерт с Вашими сочинениями будет 29 апреля (Скифская, скрипичный концерт — Сигети и Классическая), сейчас же после моей 9-й симфонии³ (концерт Ассоциации в 12 часов, а Персимфанса в 2 ½ часа). «Стальной скок» еще не получен и потому тоже, верно, выпадет. Еще раз большое Вам спасибо за утешения и за «Ангела». Крепко Вас обнимаю. Душевный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

12/IV 1928. Москва

260. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 апреля 1928 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, не ищите в этом листке ничего — просто не могу удержаться, чтобы не выразить Вам своего экстатического восхищения. Сейчас доиграл до конца «Огненн[ого] анг[ела]» и опять почувствовал, что еще стоит жить на свете, пока сочиняется такая музыка! Как Вы умеете хватать быка за рога, притом как просто и в то же время совсем по-своему и ново! Я не собираюсь Вам писать что и как, это сделаю потом, когда посижу еще и ближе войду, я прост хотел выразить свое «сейчасное» состояние, которое для меня всего яснее выражается двумя словами: «хочется жить». Так было и до сих пор бывает от Квинтета, теперь от «О[гненного] анг[ела]» и... да от всего, что Вы пишете.

Обнимаю Вас крепко.

Всей душой Ваш *Н. Мясковский*

18/IV. 1928

Поздравлял я Вас с праздником?

Вероятно, нет, ну, так примите сейчас и передайте также Лине Ивановне.

<стр. 276>

261. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 апреля 1928 г., Монте-Карло

Монте-Карло, 19 апр. 1928

Дорогой Ник[олай] Яковлевич, из Вашего трагического описания исполнения 10-й я больше всего вынес... желание поскорее ее услышать. Только что получил письмо от Кусевиц[кого], бранящего Универсаль за присылку материала 8-й только к апрелю, поэтому Ваша симфония пойдет только в предпоследнем концерте сезона, то есть, вероятно, на днях. Через 4 дня буду в Париже, жду от Вас впечатлений от «Огн[енного] анг[ела]». Недостающие акты вышлю по возвращении в Париж. Обнимаю.

Ваш *С. П.*

262. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 мая 1928 г., Париж

5, Avenue Frémiet, Paris XVI.

1 мая 1928 года

Дорогой Николай Яковлевич.

Ваше письмо об «Огненном ангеле» пришло как раз утром в день моего рождения и оказалось самым приятным подарком, какой только я мог получить. И в самом деле, «Огненный ангел» писался с 1920 года, несколько раз откладывался, сюжет его начинал раздражать, потом снова брался, ввиду того, что в него было убухано много музыки, и так далее. Словом, кончил я его прошлым летом, едва не через силу, — и по существу никто никогда им как следует не интересовался. Даже Берлинский театр, взявшийся его ставить, воспользовался моим опозданием к сроку и отказался от постановки.

Ваша похвала была для меня таким же воскресением покойника, каким оказалось воскресение другого покойника, квинтета¹, во время его московского исполнения, когда последний вдруг зазвучал, после того, как меня окончательно убедили, что он ни к черту не годится.

В первой редакции я так-таки и кончил «Огненного ангела» смертью Ренаты, но сценически это оказалось очень нудно, да еще вдобавок, при наличии Фауста и Мефистофеля, напоминающим по сцене смерть Маргариты. А так как, несмотря на все мои ухищрения, мне не удалось избежать некоторых неподвижностей и в предыдущих актах, то я уничтожил заключительную сцену (кстати, ничего нового в музыке не дававшую) и решил закончить на бурных выкриках: если кое-где в середине оперы публика вздремнет, то хоть под последний занавес проснется.

<стр. 277>

На днях я на неделю уезжаю в Испанию², откуда вернусь 10-го и тогда вышлю Вам II акт с кончиком I.

Посылаю Вам бостонскую программу с Вашей симфонией³. О том, как она прошла, сведений еще не получил, но сообщу Вам немедленно по получении. В «Жизни искусства» читал, что Ваша Десятая симфония должна была идти в Ленинграде⁴. Ездили ли Вы туда для реабилитации невинной жертвы персимфанских зверств? Во всяком случае, надеюсь на днях получить от Асафьева впечатления от нее. Держановский, ввиду неисполнения Персимфансом «Стального скака», потребовал, чтоб я дал его Ассоциации для концерта 27 мая⁵, чему я смущенно повиновался, хотя боюсь, что дата слишком внесезонна.

Крепко обнимаю Вас. Лучшие приветствия от Лины Ивановны.

Любящий Вас *С. Пркфв*

263. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

14 мая 1928 г., Париж

5, Avenue Frémiet, Paris XVI.

14 мая 1928 года

Дорогой Николай Яковлевич.

Приехавший из Америки Кусевицкий сообщил, что, хотя Ваша симфония была объявлена в программах, она все-таки сыграна не была, что особенно обидно потому, что партитура побывала у него в руках и очень ему

понравилась. Однако подгадила Универсалка. Сначала универсалцы пообещали материал к октябрю, затем стали просить переложить симфонию на вторую половину сезона, далее в феврале прислали материал своему нью-йоркскому представителю, но без флейт, виолончелей и контрабасов; наконец, в марте Кусевицкий получил партитуру и, чтоб успеть хорошенько с ней ознакомиться, назначил исполнение на апрель; когда же пришло время репетировать, то нью-йоркский представитель Универсала известил Кусевицкого, что материал отослан в Вену для следования в Россию. В бешенстве, Кусевицкий изругал Херцку каблогаммой в сорок слов, на что последний, еще более длинной телеграммой, оправдывался и извинялся, прося Кусевицкого исполнить симфонию осенью.

Видя мое негодование и некоторое недоверие к столь, казалось бы, неправдоподобной истории, Кусевицкий предъявил мне в виде оправдательного документа копии со всей переписки, каковые при сем прилагаю, дабы Вы имели документальное основание должным образом обругать сукиных детей из Вены.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

<стр. 278>

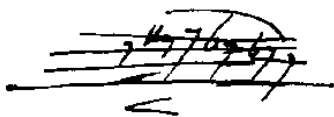
264. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

30 мая 1928 г., Москва

30/V 1928. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, вчера получил остатки «Огн[енного] ангела». К сожалению, вечером ко мне зашел переплетчик, и я поспешил ему все отдать (у меня открылась целая запись на «Анг[ела]»), так что еще не успел посмотреть даже мельком. Сейчас я принялся за него уже второй раз и основательно, и успел проштудировать 1-й и 3-й акты до вчерашнего дня. Хотя продолжение еще будет, но кое-чем хочу с Вами поделиться. В прежнем письме к Вам я впал в восторженную истерику, главным образом, из-за 5-го действия, поразившего меня своей силой в целом и невероятной яркостью отдельных моментов (последний вопль Ренаты, когда солнце!), но остальное я скорей предчувствовал, чем уже ощутил и осознал. Меня несколько сбивали Ваши очень необычно резкие и часто запутанные гармонии и порядочная сложность изложения. Пройдя эту музыку вторично, я изумился, до чего все это уместно и убедительно. Знаете, что меня особенно поражает? — Невероятная, если так можно выразиться, человечность Вашей музыки и восстающих из нее образов. Фигуры Рупрехта и Ренаты — это не театр, еще менее опера, а совершенно живые люди, до того глубоки и подлинны все их интонации. Первый их разговор в комнате, рассказ Ренаты — до чего все это характерно и по существу, а в то же время как закончено по чисто музыкальной структуре и тонко по ткани, какая выразительная, гибкая и притом п р а к т и ч н а я вокальная линия. Не меньшее, если не большее, восхищение,

вызвал во мне весь 3-й акт, такой же сильный по своей внутренней убедительности. Необыкновенно ярко сделана интонационно картина одержимости Ренаты, ее истеричность (то убей Генриха, то не смей убивать), недоумения простого Рупрехта и пр., и весь конец акта! Чисто музыкально меня восхищают все темы: они или лапидарны, как тема Рупрехта (начало), как истерия Ренаты:

или пластичны, богаты и беспредельно выразительны, как тема (любви — что ли?):

<стр. 279>

Потом Мадиеля (или Генриха?), которую Вы так великолепно используете в центре цвишеншпиля* 3-го действия. Это я указал наиболее действенное, а сколько там еще тематических и гармонических штрихов! Я боюсь только одного: исполнение потребует первоклассных артистов не только в вокальном смысле, а еще и в драматическом, кроме того, изложение материала у Вас очень сжатое и плотное, потому неизбежно и безэффектное (в банальном смысле), а приняв во внимание богатство и чисто музыкальную сложность материала, можно ожить и. что опера будет «доходить» очень долго, первое время держась, быть может, на таком боевом акте, как 5-й. Но я все-таки думаю, что не ошибусь, если буду считать «Огн[енного] а[нгела]» сочинением, где Вы встали во весь рост как музыкант и как художник, ибо для того, чтобы дать такие образы, как Рупрехта и Ренаты во всей их глубине и невероятно человеческой сложности, надо созреть до полной гениальности. Ведь Ваша Рената ж и в е т даже на бумаге, ее музыка вызывает ярчайший зрительный образ. Да так и все остальное — и хозяйка, и Глок, и т. д. Теперь дальше. Пойду уже Вас огорчать. «Стальной скок» все же сыграли¹. Под управлением очень способного (у нас говорят гениального) американца Вл. Савича. К сожалению, я не был на репетициях, так как был вне Москвы и не могу судить вполне о качестве исполнения. Успех был средний. Все поголовно — злятся и ворчат. На Вашей стороне только часть старых друзей: я, Держановский. В.В.Яковлев и еще кое-кто из моих учеников и зеленой молодежи (последний пункт меня особенно удивил и обрадовал). Все противники в один голос кричат, что здесь нет ничего нового, что все это уже было, что все слишком шумно, что слишком много «белых клавишей», «слишком уже фальшиво» и т. д. Но у меня такое впечатление, что все разочарованы как раз другим, — что Вы дали слишком много нового, а не дали себя приятного, любезно-хлесткого

и... знакомого; все словно ждали 3-го концерта, марша из «Апельсинов» и т. д. А когда Вы им преподнесли циклопические глыбы, страшные полифонические и гармонические наложения, когда стали забивать свои совершенно небывалых, жутких в своей грандиозности и мощи построек, все растерялись и, услышав все же кое-что знакомое, а от всего прочего заткнув уши, провозгласили, что это старо и неинтересно. Я боюсь, что Вы сделали ошибку, позволив играть балет не полностью². Первый раз его надо было сыграть именно целиком, а потом уж делать отбор, как это было и с «Шутом» (в конце концов, Персимфанс очень хорошо его стабилизировал). А то вышло так, что кроме одного лишь Матроса с браслетом, все остальные номера были грохочущие и несколько однообразные ритмически. Савич еще со страху сократил всю Фабрику, оставив только начало и сразу погнав на Заключение. Не знаю, что из этого полу-

* интермедия — от der Zwischenspiel (нем.).

<стр. 280>

чилось. Лично на меня, если отбросить полученные неприятности от слишком упорного шума меди и ударных, музыка произвела очень сильное впечатление как раз своим своеобразием и совершенно необыкновенной мощью. Что-то гигантское чувствуется как в концепции, так и в гармонической смелости и особенно в тематике, которая меня поразила своей яркостью, выпуклостью, своеобразием оборотов, огромным масштабом мелодических линий, их выразительностью и личной отточенностью. В оркестровке мне показалось тоже много нового и ошеломляющего. Но, правда, судить очень не могу, так как с одного раза все не ухватишь. Откровенно скажу, меня больше всего поразила и как-то целиком захватила мелодика необыкновенным масштабом своих линий и жутким своеобразием изломов, затем уже гармоническая дерзость и общая циклопичность всех замыслов. Уверен, что со сценой это может быть чем-нибудь необыкновенным. Но для меня музыка жива и так. Когда будет клавиш? Вообще, что-то Вы очень уж запустили печатание своих сочинений! Между прочим, Класс[ическая] симфония обязательно должна быть сделана в карманном виде! А где ее клавиш?¹ Одним словом, я жду Ваших нот.

О скандале с 8-й симфонией я знал уже давно, возмутительнее всего, что они меня пытались обвинить, что я будто поздно прислал им материал. Но тут уж я вскипел и пропел им, да еще с документами. К сожалению, у меня нет никаких средств бить их по карману, а так ругань вся только впустую. Писал я Вам об исполнении 9-й симфонии или нет? Совсем не помню. Ее играл Сараджев³ и, сознаюсь, неважно. Сперва я пробовал ему указывать, но от репетиции к репетиции шло все хуже и хуже, я и бросил. Сыграли гладко, но не вкусно, а между тем, могло бы выйти отлично, так как это, кажется, первое мое сочинение, написанное практично и легко для оркестра. Все звучало, притом колоритно и очень приятно для слуха. Хотя музыка этой симфонии очень незатейливая, но я своими «достижениями» остался даже доволен. Повезло мне с 3-й симфонией, — ее экспромтом (вместо 8-й, материал которой

не попал и сюда) сыграл венгерский дирижер Ст. Штрассер — и сыграл очень хорошо: музыкально и эмоционально⁴. Я удивился, что старушка прозвучала еще очень свежо и впечатлительно.

Между прочим, я Вам не писал, что получил Сонатину Лопатникова? Она мне понравилась. В ней есть размах, определенность намерений, приятность, немножко только сразу отталкивает нарочитость, темообразований и приемов, но хлесткость и темперамент потом мирят. Оригинальности не чувствую. В Дукельском больше.

Обнимаю Вас крепко. Извините, если задел как-нибудь описанием «Стального скака». Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

<стр. 281>

265. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 июля 1928 г., Париж

5, Avenue Frémiet, Paris XVI.

9 июля 1928 года

Дорогой Николай Яковлевич.

Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за столь лестные отзывы об «Огненном ангеле». Я страшно рад, что он Вам понравился. Асафьев, которому я послал клавир, тоже хвалит его. Месяц тому назад Кусевицкий исполнил с некоторыми пропусками II акт в Париже¹, имевший большой успех, хотя восприятие здешних слушателей, конечно, было довольно поверхностное — и Ваше мнение мне много ценнее. Дягилевская группа отнеслась к этой вещи враждебно, и к их точке зрения почему-то примкнул Сувчинский. По-видимому, они все еще обеспокоены тем, что надо считать современным, последним и самым последним, между тем «Ангел» задуман в 1920 году. Был и комический случай: ко мне подошли Сабанеев и Гречанинов и начали расхваливать II акт. Тут я сконфузился и решил, что вещь, пожалуй, в самом деле неважная.

Провал «Стального скака» в Москве меня и расстроил, и разозлил. Разозлило, главным образом, то, что Держанулькин подсунул эту партитуру Шавичу², провинциальному дирижеру с весьма скромным горизонтом, который, разумеется, не мог способствовать успеху этой вещи, даже несмотря на то, что москвичи, желая во чтобы-то ни стало быть оригинальными, нашли эту ветряную мельницу «высоко-талантливой». Надеюсь, что в Вашем толковании причин неуспеха Вы окажетесь правы. Мне, по крайней мере, оно показалось очень проницательным (ждали знакомого, а от незнакомого отмахнулись). Во всяком случае, когда я приеду осенью, то надо будет эту вещь как-нибудь реабилитировать. Клавир уже награвирован и прокорректирован. Надеюсь, что в августе или сентябре Вы его получите.

А прислало ли Вам издательство по моей просьбе «Аполлона» Стравинского?³ Я видел и слышал эту вещь в дягилевской постановке и

окончательно в ней разочаровался. Материал абсолютно жалким и к тому же нахватанный из самых зазорных карманов: и Гуно, и Делиб, и Вагнер, и даже Минкус. Все это поднесено с чрезвычайной ловкостью и мастерством, каковое было бы исчерпывающим, если бы Стравинским не проглядел самого главного: ужаснейшей скуки. Впрочем, в одном месте, именно в заключительной странице пьесы, он все-таки блеснул и умудрился даже поганую тему заставить звучать убедительно. Обращаю на это Ваше внимание, потому что, играя по клавиру, легко проглядеть впечатление, получаемое в оркестре от заключительной страницы. Впрочем, Стравинский, если не ошибаюсь, очень доволен своим произведением и уже катает новый балет, кажется, на сказку Андерсена ⁴.

<стр. 282>

В течение мая и июня видел довольно много американских дирижеров и убедился, что Ваше имя котируется в этой стране отлично. Не так давно у меня был Крюгер из Сиэтля (огромный город к северу от Сан-Франциско), которому я показывал Вашу Третью симфонию. Он ею очень заинтересовался и, кажется, будет играть в будущем сезоне. Сначала я обрадовался этому, а потом подумал, что, может быть, не стоит давать ее американскую премьеру хоть большому, но провинциальному городу. Как Вы думаете?

3-й квартет Мийо в продаже не существует. Я спросил у автора, когда же его напечатают?⁵ Он ответил, что это будет *oeuvre posthume**. Симфония Дукельского оказалась очень интересной и совсем недурно звучала в оркестре. Надо бы поинтриговать, чтобы ее зимою сыграли в Москве.

На днях я переезжаю в деревню, а потому следующий раз пишите мне: *Château de Vétraz, par Annemasse, Haute Savoie, France*.

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет от Лины Ивановны.

Ваш С. Пркфв

266. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 июля 1928 г., Москва

Москва
1928

18/VII

Дорогой Сергей Сергеевич, наконец, получил от Вас весточку. А то я начал думать, что Вы на меня сердитесь — за «Стальной скок» что ли? — так я думал, — ну, слава богу, кажется, нет. Я боялся, чтобы Вы не усмотрели за моим многословием желание затушевать действительные мысли. Но «Стальной скок» меня действительно поразил, и хотя я с трудом его слушал (Савич поднял невероятный шум всеми дозволенными ему партитурой средствами, — прием который ему вообще свойственен; я должен сознаться, что как исполнитель той программы, которая была в его руках, он на меня тоже произвел хорошее впечатление, но зато более близкое знакомство вызвало некоторое недоверие, — я думаю, что он на малое только способен и что-то в его характере есть «Малько'вское») — с трудом чисто

физическим — было больно ушам и даже голове, — но диапазон и склад его тем, его невероятная гармоническая смелость, весь музыкальный облик показался мне захватывающе интересным и необычайным. Не думаю, что разочаруюсь при более близком знакомстве. Я невероятно удивился, когда нашел в афише Кусевицкого номер из «Огненного ангела», да еще 2-й акт (с «Агриппой» или без? вероятно, только «ма-

* произведение, изданное после смерти автора (*франц.*).

<стр. 283>

гию»?). Здесь мало кто кроме меня еще видел эту штуку, но на всех «действует». Один из моих бывших учеников, чрезвычайный модник, но с отличным вкусом и пониманием, упрекнув Вас в вагнеризме (отжило!), все же присоединился к моему мнению, что это одно из Ваших лучших произведений. Самое трудное, с моей точки зрения, в «Огненном ангеле» это его общий слишком густой характер и колоссальная музыкальная и эмоциональная (это даже не точно, больше чем эмоциональная, я не могу сейчас подобрать слово) напряженность. Я вполне понимаю дягилевцев и даже почему-то Сувчинского. Дело в том, что к «Ог[ненному] анг[елу]» очень трудно (по-моему) подойти со всякими эстетическими критериями, а тем более вкусовыми и т. п. Это слишком крупное для того явление, в нем есть что-то стихийное. Это вовсе не предмет для любования, для спокойных оценок, сравнений и т. п., как какая-нибудь безделушка, хотя бы и больших размеров, как «Эдип» Стравинского. Не думаю, чтобы такое мерило оценки было бы приложимо, например, к циклону, землетрясению и т. д., и хотя стихия Вашей оперы только «человек», но он и выражен с такой силой, так насыщенно, в таком «мировом» аспекте, что звуковые образы, становясь почти зримыми, подавляют своей значительностью. Для меня «Огн[енный] анг[ел]» больше, чем музыка, и я думаю, что подлинная и необычно едкая «человечность» этого произведения сделают его вечным. Мне ужасно тяжело, что наша разобщенность чисто житейская не позволит мне услышать именно это Ваше сочинение. Я рад зато тому, что Вы, видимо, собираетесь приехать. Конечно, «Скок» нужно будет реабилитировать. И нужно, чтобы Вы лично провели репетиции 2-й симфонии. Вы давно перерастаете ту публику, которая Вас «уже поняла», и она скоро будет видеть только Ваши сапоги, и думать, что Вы беднее и повторяетесь!

Вы пишете насчет симфонии Дукельского. Когда мы с Держановским обсуждали вопрос о симфонических концертах Ассоциации (бывшей — теперь Всерос[сийское] общ[ество] совр[еменной] муз[ыки]) и... Софила, то, рассуждая о программах Ансерме, как раз думали, не попросить ли его сыграть симфонию Дукельского. Если Вы этого дирижера знаете и можете ему что-либо намекнуть насчет программ, то дайте ему эту мысль, указав на наш интерес. Я боюсь, что иначе трудно будет сделать, так как переписка с ним, наверно, пойдет через другие руки.

Что касается моих девиц, то пусть себе их играют, где и кто хочет. Не все ли равно, будет ли премьера в Сиэтле или Бостоне? А как раз 3-я симфония неожиданно в этом году себя оправдала даже в исполнении не такого

первоклассного дирижера, но зато отличного и очень интеллигентного музыканта, как Штрассер. И голоса ее выверены. «Аполлона» Страв[инского] не получил пока. Всего лучшего. Обнимаю Вас. Пишите. Искренний привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

<стр. 284>

267. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3 августа 1928 г., Ветраз

Château de Vétraz,
par Annemasse (Haute Savoie).
3 августа 1928

Дорогой Николай Яковлевич.

Кусевицкий играл II акт «Огненного ангела»¹, выбросив из него, по моему совету, сцены с Глоком и спиритический сеанс. Вышло неплохо, и на публику произвело впечатление, хотя во II картине оркестр и заглушал певцов, так что пришлось сбавить динамические оттенки. Неужели в Москве усмотрели в этой опере влияние Вагнера? Черт возьми, я совсем не имел того в виду и в достаточной мере отошел от этого композитора. Впрочем, Вашему моднику передайте, что другой модник, который почитается даже законодателем мод, в своем «Аполлоне» не прочь иной раз свистнуть из «Мейстерзингеров», а потому, — как бы наш московский друг не «отстал от современности»!

Отчего в Вашем письме Вы ничего не пишете о Ваших летних работах? Мне известно, что Вы собирались обновить первую симфонию, — и это мне было очень приятно, так как с нею связано много юношеских воспоминаний. А затем? Ведь Вы, вероятно, не ограничитесь одной этой работой. Я со времени переезда на дачу переинструментировал для большого оркестра мою столь бесславно провалившуюся в Москве увертюру, и надеюсь, что она теперь будет восприниматься легче, чем в терпком наряде семнадцати инструментов. Сейчас я работаю над несколькими фортепианными пьесами², очень медленно, потому что не хочу накатать их сплеча, и делаю симфоническую сюиту из «Огненного ангела». Вообразите, что выбранный из него материал совершенно неожиданно улегся в форму четырехчастной симфонии!³ Первая часть — с темой Ренаты (стр. 23 клавира I акта) в виде главной партии и любовной темой Рупрехта (стр. 13 III акта) в виде побочной, с боевой темой Рупрехта (стр. 20 II акта) в виде заключительной. Антракт III акта — разработка. Вторая часть — вся отвлеченного характера: начало V акта и Фауст. Скерцо — спиритический сеанс с кое-чем из второй картины III акта для трио. Наконец, финал — это Агриппа, то есть антракт из II акта, расширенный элементами из начала-II акта. Я еще не решился назвать это месиво симфонией, — полетят в мою голову камни, — хотя как-будто выходит стройно и кроме того, не скрою, очень уж меня соблазняет написать «задаром» новую симфонию!

О симфонии Дукельского непременно напишу Ансерме. Получили ли,

наконец, клавир «Аполлона»; я вторично напомнил о нем издательству. Получил письмо от Асафьева из Зальцбурга⁴. Он сияет, как дитя, а я всячески изошряюсь, чтобы заманить его на несколько недель к себе. Персифанс потребовал, чтобы я окончательно согласился на

<стр. 285>

выступление у них между 20 октября и 20 ноября, так что, по-видимому, моя осенняя поездка в СССР на пути к «оформлению».

Крепко жму Вашу лапochку. Лучшие пожелания от Лины Ивановны.

Ваш С. Пркфв

268. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

10 августа 1928 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, Вы меня положительно восхитили! Не успели спустить с плеч две огромные оперы, а уже опять за работой! Но увертюра, конечно, останется и в экзотической редакции? Я должен сознаться, что меньше всего в этой увертюре мне нравилось слишком нарочитое деление на 3 части, — едва ли Вы захотите устранить это в новой ее — оркестровой — редакции. Все же думаю, что в ней так много заложено колористических моментов, что она должна в большом оркестре быть очень интересной. Что касается «Огненной сюиты», то я, конечно, на стороне «симфонии». Какая беда, что она, строго говоря, — «стряпня»? Если Вы об этом не будете очень громко рассказывать и на это напирать, то, быть может, никто этого и не заметит (чем дальше, тем я больше разочаровываюсь в музыкантах — ей-ей, они никогда ничего не помнят и не знают!). Да даже, если и откровенно сказать, то чем «Садко» маленький хуже «Садко» большого?¹ Я же в восторге от осуществления 3-й симфонии, да еще с таким превосходным материалом. Детально неясно себе пока представляю, так как у меня сейчас клавира нет; особенно финал для меня пока туманен. Сделайте обязательно так, чтобы можно было бы в ноябре ее у нас сыграть. Вы потрясающий молодец! И наконец будут новые морсо для фортепиано — это уж давно пора, а то репертуар наших пианистов становится слишком стереотипен. Между прочим, если Вы, по приезде сюда, будете выступать, обязательно сыграйте Ваши этюды ор. 2, а то их никто не играет, между тем, как это увлекательнейшие пьесы, особенно № 3 (с-moll). Как хорошо, что Вы приедете!

Мои дела очень унылы: я ничего не делаю, делать не могу и потому, вероятно, — не хочу. Порылся в старом фортепианном хламе, извлек еще несколько беспомощных пьесок и состряпал из них убогий циклик из 8 номеров², причем один для большей слитности пришлось сочинить, — но как все это вышло жалко! Теперь мои старые запасы все уже использованы, осталось только вовсе неудобоваримое и наивное. Остальное время пошло на приведение в порядок и кое-какие ретуши в 10-й симфонии, от которой я все же остаюсь в некотором недоумении. Не могу понять, верно это сделано, или я чудовищно ошибся. Когда я слушал на репетициях — мне казалось, что я взял

неверный основной оркестровый фон. На концерте о б а р а з а мне казалось, что

<стр. 286>

характер, напротив, как раз тот, какой я себе представлял — очень массивный, монолитный, если так можно выразиться, — чугунный; на мои приятели, ученики и многие музыканты утверждают, что, если облегчить, будет лучше — контрастнее. Я же не чувствую и потому полон сомнений, колебаний и злости на эту штуку. Не хочу даже печатать... да и исполнять вторично тоже. Ну, кто мне ее может сыграть? Если бы нашелся какой-нибудь Штрассер! У нас некому.

Видел, между прочим, проект программ концертов Софила (бывший Росфил) — ерунда ужасная, но Ансерме есть. Сколько помнится — 2 концерта, так что он легко может вставить симфонию Дукельского³. Держановский, кажется, входит, в состав Художественного совета Софила этого, так что, быть может, удастся провести Ваше желание. Хотя вообще я не ободряюсь. [...]

Желаю Вам всего лучшего. Пишите изредка — между двумя фортепианными пьесками — для меня это такая радость следить за Вашим творчеством. Искренний привет Лине Ивановне. Крепко обнимаю.

Ваш *Н. Мясковский*

10/VIII 1928. Москва.

P. S. 1-ю симфонию я давно исправил (правда, главным образом, финал и кое-что сократил в 1-й части), и теперь она уже в гравировке.

269. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2 октября 1928 г., Ветраз

Le château de Vétraz, par Annemasse
(Haute Savoie), France.

2 октября 1928.

Дорогой Николай Яковлевич.

Не изумляйтесь, во-первых, толщине моего письма — это я Вам посылаю опечатки, найденные мною в пяти из моих опусов, изданных Музсектором. Я уже давно проглядел эти пять опусов, но все никак не мог собраться проверить остальные. Потому посылаю Вам пока хоть это, с покорнейшею просьбой, передать кому следует в Музсекторе для исправления на досках. Так как граверы часто по ошибке вкатывают какой-нибудь бемоль в такт по соседству, то было бы хорошо, чтобы кто-нибудь (но не Вы, конечно) проверил потом, так ли сделаны поправки.

Не сердитесь на меня за долгое молчание, но ко мне приехал Асафьев, которому я страшно обрадовался и с которым заболтался, впрочем, часто на тему о Вас и, особенно, о Ваших последних симфониях, которые меня крайне интересуют. А затем мы немного путешествовали по горам, сначала французским, а потом швейцарским, и даже перевалили через Сен-Готард, тоже вспоминая о Вас и жалея, что

<стр. 287>

Вас не было с нами. Необходимо, чтобы Вы будущим летом выбрались проветриться за границу, и чтобы этим проветриванием занялся я. Асафьев был исключительно милым попутчиком, жадно воспринимавшим красоты природы. Ламм был тоже мил, хотя и проявил массу легкомыслия, то сообщая неверный километраж, то призывая на непроезжие дороги. [...]

Ваши настоятельные директивы делать из «Огненного ангела» не сюиту, а третью симфонию, оказались очень вескими: я так и поступил — и чрезвычайно доволен этим. Главное преимущество симфонии заключается в том, что, сочиняя ее, я гораздо тщательнее работал над материалом, чем если бы я стал кромсать из оперы сюиту. Асафьев так и находит, что это не симфония, сострепанная из оперы, а опора и симфония, для которых я пользовался одним и тем же материалом. Словом, третья симфония уже почти готова, осталось дирижировать только полскерцо.

Я в страшном негодовании на Вас, что Вы так мало насочиняли в первую половину лета. Не удалось ли Вам наверстать во второй¹ Ваш Флофион я помню и думаю, что с некоторым отбором и присочинением он сделает пресимпатичный циклик, но, сударь, что Вы сочинили нового?

Через несколько дней мы перебираемся в Париж, где квартиры у нас еще нет, а потому пишите пока на Grandes Editions Musicales, 22, rue d'Anjou, Paris VIII.

Крепко обнимаю Вас. От Лины Ивановны искренний привет.

Ваш С. Пркфв

270. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 декабря 1928 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, не сердитесь очень! Что со мной случилось, почему я Вам больше двух месяцев не писал — ума не приложу. То ждал приездов — Ламма, Асафьева, то — нового адреса Вашего, то просто кис, вероятно, что я делаю всегда, когда не сочиняю, но самое, кажется, главное — надеялся на Ваш скорый приезд сюда. Во всяком случае, поручение Ваше я выполнил и поправки к пяти опусам передал С. С. Попову, который их доставил по назначению. Не спросил его еще, как это выполнено, так как и сам был безумно занят, и он тоже. У меня, как всегда, в это время шли бесчисленные корректуры. 9-я симфония (большая), 8-я симфония (маленькая и клавир), 1-я симфония (ее я хоть и переработал, но без ухищрений, а главное, в смысле формы и большей убедительности финала — этот я вовсе переработал) и, наконец, куча голосов, так как Сараджев пожелал играть 2-ю симфонию, материал которой пропал (третьего дня он ее сыграл¹ —

<стр. 288>

очень недурно, и на сей раз она понравилась даже оркестровым музыкантам!), а я сам заново переделал 10-ю. Теперь я занят тем, что от времени до времени присаживаюсь то к роялю, то к столу и ковыряю маленькую сюитку (из трех

намеченных) ². Получается нечто очень жалкое, бесстильное и неинтересное — на маленький оркестр (2 трубы, 2 валторны и без тромбонов), но твердо решил дописать, чтобы приохотить себя немножко к сочинению.

Зато я непрестанно восхищаюсь Вами. Сделать заново увертюру, написать большие фортепианные пьесы, и, наконец, еще целую симфонию! Во время мимолетного проезда 2-й симфонии через Москву я успел над ней просидеть одну ночь и восхищался как Вашей техникой, так и неистощимой фантазией, — вот это та музыка, которая нужна всегда — вдохновенная и мастерская. И как великолепно вплетены в последнюю вариацию темы 1-й части! 3-ю симфонию только вчера получили, и Держановский взял ее в работу (партии), но я утянул от него на один вечер 2-ю часть и с восхищением ее играл вчера — как это все просто, как будто незатейливо, но действительно; я по письму Вашему никак себе ее не представлял и потому с особенным интересом ждал эту часть. Если меня за эти дни не задушат ученики, постараюсь сделать фортепианную транскрипцию³. Меня очень восхищает в ней также прозрачная и тонкая оркестровка, — как это у Вас здорово теперь выходит. С нетерпением жду остальные две части — в особенности финал, о котором тоже как-то невнятно мое представление. А когда выйдут Ваши сочинения из печати? Неужели Класс[ическая] симфония не удостоится никогда карманного издания!? Какое это чудесное сочинение. [...] И неужели никогда не будут продаваться партитуры концертов Ваших, ведь 3-й теперь знаменит! Вообще, я считаю, что издательство Ваше далеко не на высоте и, со слов Ламма, получил этому много подтверждений. Я ужасно рад, что Ламм с Вами виделся, — он мне рассказывал всласть. Теперь буду ждать приезда Вашего с диким нетерпением — для меня это праздник и музыкальный и личный.

Обнимаю Вас. Сердечный привет мой Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

6/XII 1928. Москва

271. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

21 января 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, я давно Вам не писал. Не поблагодарил даже за «Бэзэ» ¹. Почему-то было ощущение безумной занятости и, кроме того, откладывал до расправы Персимфанса со «Стальным скоком». Прослушал оба раза². Играли так себе. Первый раз лучше, второй хуже. Это у них часто бывает. Во всяком случае, н е и з м е р и -

<стр. 289>

м о лучше, чем это сделал в прошлом году юркий Савич. У того за адским грохотом ударных и неистовым ревом меди с трудом можно было только кое о чем догадываться. У Персимфанса все было очень ясно, но, к сожалению, как всегда не хватало одушевления, — той последней изюминки, которая оживляет вкус и делает предмет цепким. Все же я должен сказать, что было хорошо, и не только мне, но и многим Вашим нелюбцам (но хорошим, конечно,

музыкантам) музыка чрезвычайно понравилась и своей силой, и своеобразием, тематической выпуклостью и яркой образностью оркестровки. Конечно, со сценой воздействие этой музыки вырастет в сто раз; сейчас она еще до всей публики не доходит. [...] Мне все-таки опять было жаль, что Вы разрешили играть куски, тем более, что воспользовавшись Вашим разрешением выпускать, — персимфанщики выпустили кое-что и по своей инициативе. Что не нужно было ничего выпускать, мне ясно стало на втором концерте, когда я, уже вполне собой владея, слушал. Местами явно чувствовался недостаток музыки, невыговоренность ее. Они играли так: Поезд, Матрос, Перемена декораций, Завод, Молоты, Конец. Когда я от Вас получил нотную посылку, я был почему-то уверен, что это «Скок», и с жадностью набросился на нее чуть не разорвав ноты (это было как раз за день до первого концерта, и я весь горел предвкушением)—и какое разочарование — «Бэээ»! Я откровенно сознаюсь, — не понимаю этого композитора. Он что же теперь будет делать, рыскать по «полным собраниям» и писать «инспирации»? Неужели он до того иссяк, что даже приличной темы сам выдумать не может, или просто решил, что не стоит, раз у других есть хорошие запасы. Сделано это месиво, правда, недурно, с темпераментом, ловко по конструкции и мастерски в смысле использования и комбинации материала, так что из последних его изделий это, пожалуй, лучшее (быть может, благодаря темам, которые у Чайковского хороши даже и в слабых сочинениях!), в особенности, по сравнению с глазуновщиной «Аполлона». Все-таки странная фигура!

Я имею очень сторонние сведения, что семейство Ваше недавно выросло³. Поздравляю Вас и в особенности Лину Ивановну. Надеюсь, что у нее все хорошо. Со мной же что-то не совсем ладно, — вероятно, стареюсь. Уже около полутора месяцев болят уши, наконец, поплелся к доктору — обнаружился застарелый катар на почве подагры — нужно длительное лечение. А мне приспичило сочинять. Стряпаю уже 3-ю сюиту (бывшие «концерты») ⁴; правда, только наброски делаю, но все же и это требует от меня теперь каких-то усилий. Главное старание направляю в сторону без-ходности, без-формальности и наибольшей мелодической текучести. Поэтому часто трудно дается форма, так как нельзя делать слишком трафаретно. 1-я вышла для струнного оркестра, но 2 деревянных, 2 валторны и 1 труба (Es-dur); 2-я (h-moll) для струнного оркестра и соло: скрипка, альт и виолончель (не постоянно, а изредка); 3-я (G-dur) — для 1 флейты, 1 кларнета, 1 валторны, 1 фагота, струнного оркестра и арфы (чуть-чуть — для звону). На-

<стр. 290>

звание будет дикое: «Развлечения» — три пучка игр и песен — для оркестра. Все — 3-х частное. Как только кончу последнюю (бьюсь над финалом), сейчас же сяду за транскрипцию Вашей 3-й симфонии. Хотя кое-что там трудно, но думаю, что выйдет! Andante вышло вполне прилично. Желаю Вам всего лучшего. Крепко обнимаю Вас. Приедете в Ленинград на «Игрока»? Если будете там, — постараюсь тоже выбраться туда. Сердечный привет Лине Ивановне.

21/1 1929. Москва

272. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 января 1929 г., Париж

I, Rue Obligado, Paris XVI, France.

21 января 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Если Вы так удовлетворены моей третьей симфонией, то разрешите посвятить ее Вам. Ведь если бы не Ваше столь решительное выступление, то ее, может быть, и не существовало бы, а копошилась вместо того скромная сюитка из оперы. Надеюсь, что финал не разочаровал Вас: он, пожалуй, слишком монолитен и недостаточно симфоничен. Видели ли Вы его у Держановского? Последний попрыгун не счел нужным подтвердить его получение, так что я до сих пор не знаю, дошел ли этот финал или провалился в щель почтового вагона.

Вообще Держановский в переписке со мной проявил массу легкомыслия, заведя сложнейшие переговоры, а когда я совсем стал складывать чемоданы, выяснилось, что основной базы для этих переговоров нет. Между тем, я страшно настроился на Москву. Теперь я несколько утешился тем, что почти закончил новый балет для Дягилева, очень удавшийся по материалу¹. Но незадолго до окончания меня постигло приблизительно то же состояние, на которое Вы жаловались в Вашем последнем письме: оставшиеся номера никак не клеются — талантишку осталось будто у Саминского. Я уж бросил сочинение и соркестровал все написанное, но и это не помогло. Так что теперь отложил временно балет и сел за корректуру партитуры «Стального скака».

Клавир «Скока» выйдет около 1 февраля, и тогда я Вам немедленно его пришлю. Вышли, наконец, партитура и материал второй симфонии; я видел это в издательстве — привезли прямо несколько возов. Один комплект, кажется, уже послан Держановскому. Посмотрите у него на партитуру: она награвирована неплохо и очень тщательно прокорректирована, равно как и весь материал. Вообще, эта корректура съела у меня больше времени, чем сочинение. Зато с партитурой «Стального скака» издательство пожадничало — и теперь передо мною

<стр. 291>

такая грязная корректура, какой я сроду не видывал. На днях идет в гравюру клавир квинтета.

Напишите мне поподробнее о Вашей сюите для малого оркестра и, если не лень, пришлите темки, а то Вы очень уж небрежно на нее наплевали в последнем письме. Между тем, я уверен, что выйдет что-нибудь интересное. Исходит ли она от Вашей симфоньеты, а если нет, то с которым из Ваших опусов она в родстве?

Крепко обнимаю Вас. Получили ли Вы «Поцелуй феи» Стравинского и сонату Дукельского?² Соната на своем протяжении не равна, хотя местами

довольно мила. «Поцелуй феи» разочаровал многих поклонников Стравинского, но, по-моему, он все-таки приятнее «Аполлона»: тут есть хоть материал, пускай и взятый на прокат. Лина Ивановна шлет Вам самый сердечный привет. Она месяц назад сочинила сына ор. 2, и теперь снова становится человеком. Пишите непременно.

Любящий Вас С. Пркфв

273. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 февраля 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, Вы меня особенно тронули посвящением этой симфонии, — все, что связано с «Огненным ангелом» как-то совсем необычно на меня действует. Не отвечал Вам сразу, так как наши письма разошлись, и кое о чем Вы уже получили сведения из предыдущего моего письма. Кроме того, сидел как одержимый над переложением симфонии Вашей. Andante я сделал еще раньше, и оно отлично выходит, финал кончал тогда, когда получил Ваше письмо, ну а над 1-й частью сидел всю эту неделю — уж очень много нот пришлось писать. Финал пробовал играть — почти все получается, но несколько трудно репризное место Агриппиных метафизик — там, где трубы с сурдинками верещат вверх (Ossia — получается неинтересно, как в начале). Первую часть кончил переписывать только сегодня, так что пока не играл ни с кем*; кое-что очень трудно: каноны в разработке с фигурацией сек[унды]—терц[ии] у меди, реприза главной темы (хочу даже выбросить из Primo фигурацию скрипок и дать тему просто в октаву, оставив только альтовые фигуры

Ш 74

* После слов «не играл ни с кем» приписано: «Сыграл уже. Выходит недурно, но кое-что безумно трудно».

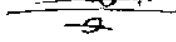
<стр. 292>

< В финале меня смущает не его монолитность и несимфоничность (рапсодичность — Вы подразумеваете?), а несколько куце-оперный конец, словно под занавес. И поскольку там этот 6-аккорд C-dur не смущает, здесь он звучит недоговоренно; кроме того, мне в нем недостает *си*, так как весь конец я воспринимаю скорее в e-moll, несмотря на C-dur'ную постройку

предпоследнего аккорда:

хотя он вполне уместен и в e-moll. Вы, наверное, со мной не согласитесь, но пока меня конец финала не убеждает ни своей краткостью, ни — в этом виде

— заключительным созвучием без *си* (там должно быть:) > *. Такой же излишней краткостью меня смутил конец «Стального скока», — мне в сюите это показалось тоже слишком театральным, но там это, конечно, неустранимо.

Партитуры 2-й симфонии еще здесь нет (печатной), но я успел ее одной ночью проглядеть, и меня она тоже сильно поразила своей силой, фантазией и четкостью материала, так что я с нетерпением буду ждать такой печатной партитуры, которая будет доступна и обывателям.

А печатаются Ваши новые фортепианные пьесы? Я недоволен Вашим издательством, — чего оно так тянет с печатанием Ваших сочинений? Стравинские поделки выходят чуть не моментально. И сколько еще чепухи печатается! — какого-то Феодорова (я не видел ничего более худосочного и бездарного) и др. Дукельскую сонату я получил — спасибо. Чтобы она мне нравилась, — не скажу. Кое-что недурно, но это такая стилистическая крошка, а зачастую совсем плоско и безвкусно (1-я тема), что диву даешься, чего только не делает мода даже с даровитым музыкантом, каким мне казался Дук[ельский] по концерту и «Зефиру».

Вы спрашиваете о темках моих «Развлечений», но я не знаю, стоит ли их показывать «о натюрель»**, очень уж они примитивны; это просто ряд темок плясовых и песенных, вполне диатоничных и даже банальных, но у меня такая стояла задача (для себя все же!) — написать веселую, доступную и незатейливую музыку. О родстве со старыми

* Заключенное в угловые скобки: <> — зачеркнуто Н. Я. Мясковским; поверх зачеркнутого написано: «Дорогой Серг[ей] Сергеевич], все ерунда, сейчас сыграл финал с хорошим музыкантом и в верных темпо, и все вышло очень хорошо и убедительно, я только дольше тяну заключительный секстаккорд. Не сердитесь за ерунду. Н. М.»

** *au naturel* (франц.) — без прикрас, здесь — без оркестровки.

<стр. 293>

опусами нет и речи, хотя там есть и соната, и ронды. Впрочем, судите сами по прилагаемому листку.

У меня к Вам есть пара вопросов в связи с переложением. Я нашел в партитуре некоторые явные описки, которые исправил, и кое какие неясности, — последнее Вы должны осветить. 1) 2 такта перед цифрой 6 виолончель

верно ли это *до*, не *ля* ли, судя по рисунку соседних тактов?

2) цифра 25, такт 5-й, V. II

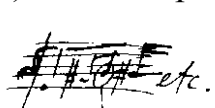

тоже у Ob C.-Alto не *соль* ли # ?

3) Цифра 40, 5-й такт, нет ли ошибки у Вас в рукописи?

C-Fag.

несомненно лишний *b re*.

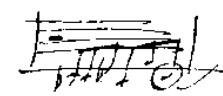
4) 1 такт перед 45 Tr. II и Viole имеют

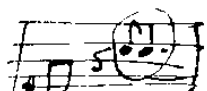
 etc., а у Fl. I. II.
у кого верно?

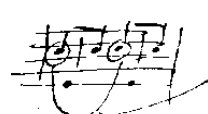
5) 1 такт перед 47 Cl. basso имеет а у всех *re* ; как у Вас в рукописи? Вероятно, просто очень близко и неясно стоит *ff*, что переписчики часто принимают за *#* .

6) 47 Tuba имеет фальшивую ноту:
должен быть *соль*?

<стр. 294>

7) 49 Агра верно *до*?

8) 53 4-й такт Trb-ne III *ми, а не ми #* ?

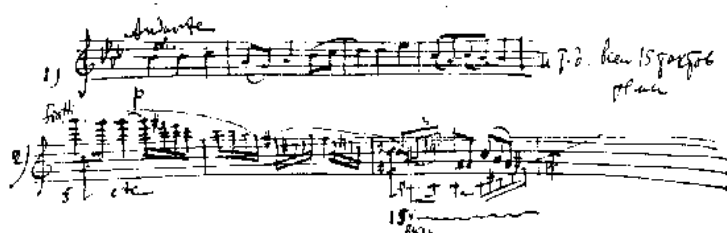
9) 55 5-й такт Cl. I. *до, не си*?

Вот все, что я пока заметил и, как видите, только в первой части; в Andante, кажется, ничего не было, а в финале трудно было бы заметить из-за характера оркестровки (для переложения очень мало что брать пришлось). Держановский очень много партий уже сделал, так что буду ждать от Вас авторитетных разъяснений и внесу куда надо сам.

А вот мои темки: «Развлечение № 1». 1 часть:

II часть:

<стр. 295>

III часть:

Это все для малого оркестра, без тромбонов. (1 tr[omba] и 2 cor[ni]).

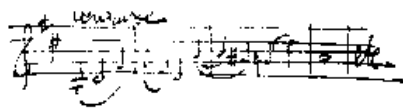
«Развлечение № 2»

I часть:

(Разрабатывается вовсе не так архаично, как выглядит, а скор« I несколько причудливо).

II часть:

(Тема и 4 вариации для V[iolino]-solo, V[ioloncel]l-solo, V[iol]a-solo и Cadenzi).

III часть:

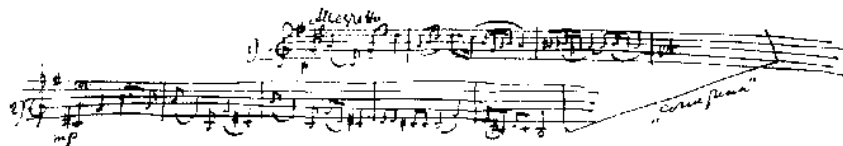

Это — для струнного оркестра с soli — V[ioli]no, V[iol]a, V[ioloncel]l.

<стр. 296>

«Развлечение № 3»

I часть:

II часть: длинное вступление Fag[gotto]-solo (без сопровождения)

(далее канон двухголосный, потом трехголосный, на том же бассо-остинато).

III часть:

Все — для флейты, кларнета, валторны, фагота, арфы и струнного оркестра.

Вот видите, что за материалчик?

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

12/II 1929. Москва.

<стр. 297>

10) Еще вспомнил — в Andante есть не совсем ясное место: в 1-м случае (сопровождение V[ioli]no-solo

фигурация в альтях и виолончелях не совпадает в 4-м такте с ходом басов (последняя нота), а во 2-м случае (у кларнетов) — совпадает. Я первый раз в партитуре не исправил.

274. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 февраля 1929 г., Париж

I, Rue Obligado, Paris XVI, France.

23 февраля 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

В Париже образовался кружок интернационального типа, имеющий целью знакомить дирижеров с последними партитурами композиторов, композиторам же способствовать исполнению их сочинений. Не знаю, сколь это общество окажется значительным, но во всяком случае, идея его очень привлекательна, и потому я охотно взялся сообщить им о моих сочинениях и быть передаточным пунктом в отношении русских композиторов. Посылаю Вам несколько бланков: заполните их сами и передайте некоторым другим композиторам (если бланков не хватит, можно составить дополнительные от руки), но лучше только таким, которые оказались бы приемлемыми для международного вкуса — Мосолову, Шебалину и др. Хотя иные композиторы и не смогут лично продемонстрировать свои сочинения, и едва ли все смогут прислать клавираусцуги, я все же думаю, что и тем полезно заполнить бланки, дабы их фамилии и названия сочинений все-таки фигурировали. Последний срок возвращения бланков 15 марта, то есть отправлять их из Москвы надо не позже 9-го. Относительно ленинградских композиторов пишу Асафьеву.

Я потрясен Вашей храбростью, с которой Вы взялись за переложение третьей симфонии. Но погодите: самая подлость еще впереди, и о размерах ее Вы можете судить по «спиритическому сеансу» из второго акта, являющемуся главной тканью третьей части симфонии. Относительно куцести заключения

финала Вы, вероятно, правы. Собственно говоря, приблизительно так и произошло, как Вы пишете: второй акт заключался хорошо, и я поэтому вообразил, что и симфония за-

<стр. 298>

ключится так же убедительно, но для последней это оказалось недостаточным. Быть может, мне удастся что-нибудь придумать. Пока же последний эпизод на $\frac{3}{4}$ надо играть шире и торжественнее — и тогда должно появиться впечатление большей заключенности. К последнему секстаккорду мне не хочется прибавлять *si*. Обратите внимание, что этот аккорд оркестрован так, что *do* большой октавы звучит по существу сильнее, чем *mi* контроктавы, что должно смягчить его секстаккордность. Как Вы переложили верещание закрытых труб в финале? Вероятно, лучше всего, чтобы их играла правая рука басового партнера. Спасибо большое за выуженные ошибки; о них — на прилагаемом листке.

Очень заинтересован Вашими веселыми пьесками. Из темок мне, пожалуй, больше всего понравилась тема для вариаций из «Развлечения» № 2. Но вообще Вы правы, что судить о них, не зная окружения, очень трудно. Не думаете ли Вы, что было бы хорошо объявить их на при сем прилагаемых бланках?

На днях я рассматривал музыку, присланную Музсектором парижскому Полпредству для распространения. Кто заведует в Москве отбором и посылкой? Ведь это же сушая ерунда: приличные сочинения тонут в мутном океане музыки, совершенно неприемлемой для Парижа [...]. Ведь как только Полпредство пригласит какого-нибудь исполнителя порыться в этих нотах, он трижды проклянет русскую музыку, прежде чем доберется до чего-нибудь, могущего заинтересовать парижан. Между прочим, советник Полпредства хвастался, что он устроил Вашу вторую симфонию у Рене Батона. Я спросил у него: «Вас интересует пропаганда советской музыки, или советского издательства?» Он: «Разумеется, советской музыки». Я: «Тогда необходимо, чтобы из симфоний Мясковского шла в Париже сначала восьмая и, может быть, девятая, но никоим образом не вторая». Он обещал принять это во внимание и даже снести с Универсалом.

Я дописал и дооркестровал мой новый балет и сейчас доделываю клавир, который издательство, вопреки своим дурным привычкам, немедленно возьмет под нож и выпустит к маю, то есть к премьере. Клавир «Стального скока» вышел, и я Вам его послал дней пять тому назад.

Что творится в МОДПИКе? ¹ Ни на какие письма они мне не отвечают, а ведь казалось бы, деловому учреждению надлежит отвечать на деловые письма. Например: я спрашивал их, можно ли что-нибудь сделать с незаконной постановкой балета на музыку сюиты из «Шута» в Киеве², — молчание. Я спрашивал, почему я не получил авторских за 6 концертов из моих сочинений на Украине два года назад (это все-таки несколько сот рублей, которыегодились бы тетке³), — опять молчание.

Крепко обнимаю Вас. Лина Ивановна Вас сердечно приветствует.

Ваш С. Пркфв

<стр. 299>

Описки в III симфонии Прокофьева.

1) 2 такта перед 6 у Celli *do* правильно. (Мне казалось, что *la* затруднило бы технику пассажа).

2) 25 5-й такт: у V. II. и Ob. с.-а. *sol* \sharp .

3) 40 5-й такт: у С. F., конечно *re*, а не *re* \flat .

4) 1 такт перед 45 ошибка у F1. II, верно у T-ba II и V-le.

5) 1 такт перед 47 Cl. bas. имеет *re*, а не *re* \sharp .

6) 47 Tuba на четвертой четверти имеет *sol*, а не *mi*.

7) 49 Агре — *do*, а не *re* (последняя восьмая правой руки).

8) 53 4-й такт T-не III *mi* верно (секунда с другим тромбоном)

9) 55 5-й такт *si*, а не *do*, то есть у Cl., Fag. и Агре должно получиться

(в 5-м такте и в последующих).

10) 4-й такт после 77 у Celli и V-le предпоследняя шестнадцатая, конечно, *la* \sharp .

Merci.

275. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2 марта 1929 г., Париж

Париж, 2 марта 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Только что узнал, что Ваша 8-я шла в Бостоне 30 ноября и 1 декабря¹. Дирижировал не Кусевицкий, бывший в отъезде, а его заместитель Бургин. Симфония имела успех, и оркестр даже вставал кланяться (заместо Вас), но критика, которую при сем прилагаю, довольно смешанная — спасибо, хоть нет наглых выходов, которые так свойственны американским рецензентам.

Обнимаю Вас. Получили ли клavier «Скока» и письмо от 23 февраля?

Ваш С. Пркфв

<стр. 300>

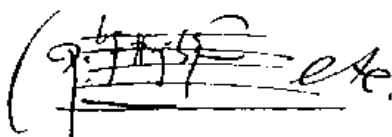
276. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

4 марта 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, спасибо за «Скок». Несмотря на его трудность и ужасающие с первого абцуга * резкости, я его с удовольствием играю и вхожу во вкус даже тех номеров, которые сразу мне меньше

понравились (Комиссары, Оратор, Превращение матроса). Теперь убедился, что все хорошо и что Вы делали колоссальную ошибку, разрешая купюры и, еще хуже, рекомендуя их. Это приводило к тому, что исчезали все контрастирующие номера, кроме Браслета, и весь конец шел при непрерывном гроыхании, то большем, то меньшем (Фабрика), но все-таки — грохоте. И совсем другая картина получается, когда играешь все — и угловатых Комиссаров, и стремительно-вертлявых Папиросников, и, в особенности, Превращение матроса. Единственное, что я мог бы при исполнении опустить, это Комиссары, из-за того, что 2-я половина их лежит на Поезде и потому может показаться однообразной. Но это и все. А в целом — сильная и превосходная вещь с отличными и яркими темами.

Жду теперь 3-ю часть симфонии. Что касается переложения, то оно хоть и трудно, но не до неисполнимости. Труднее всего канон с секстовыми фигурациями (h-moll) в экспозиции 1-й части (сексты пришлось выбросить, так как даже сохраняя их местами, слишком трудно выходило) и кое-что в разработке.

Трубы в финале остались в левой руке правого партнера, так как иначе приходилось слишком раскидывать руки, что получалось совсем неловко. Я облегчил другим способом — орфографией, которую я сделал очень наглядной, хотя и не соответственной кое-где.

Присланные Вами листки я, по мере сил, с разъяснениями роздал (Половинкину, Книппер[у], Шебалин[у], Абрамск[ому], Крюков[у], Мелких, — Мосолова не могу добиться). Сам едва ли пошлю, — не о чем. 10-я симфония игралась и скоро будет печататься¹. Сюитки не оркеструю. (Что Вам больше всего понравилась тема для вариаций, это и понятно, она должна была быть по заданию самой яркой). Говорил в Музсекторе о негодовании Вашем по поводу нот для Парижа. Оказывается, это делал и Юровский, так что я оказался немного сконфужен, когда заикнулся об этом. Что же касается до исполнения моих сочинений в Париже, то, по правде говоря, я не вижу разницы—играть

* отрывка, номера — от der Abzug (нем.).

<стр. 301>

ли 2-ю или 8-ю симфонию. Вопрос только в одном — 2-я темнее, а 8-я ярче оркестрована, а по существу Парижу не нужны ни та, ни другая, а тем более 9-я, которая и здесь встречает лишь снисходительные усмешки, — «она, мол, была бы свидетельством падения таланта, если бы качество 10-й не показывало бы противного». Единственное, что не хорошо во 2-й — это то, что партитура не соответствует голосам, которые сделаны после

п о с л е д н е г о исполнения и устраняют массу дефектов печатной партитуры, но могут вызвать на репетиции недоумение дирижера.

МОДПИК! Я ушел из него еще прошлой весной. По-моему, это главным образом, богадельня для разных бездарных дилетантов, только этим способом могущих существовать. Деловой стороне их я не доверяю. Быть может, Вам лучше всего было бы написать письмо их юрисконсульту лично? Я спрошу у Ламма, кто это, и сообщу Вам. Всего доброго. Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

4/III 1929. Москва

277. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 марта 1929 г., Париж

1, Rue Obligado, Paris XVI.

7 марта 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Извините, что потревожу Вас просьбой: [...] справьтесь, пожалуйста, может ли МОДПИК немедленно послать 150 рублей моей тетке? А если нет, то не наскребется ли каких-либо новых моих гонораров в Музсекторе? Для того и другого учреждения прилагаю Вам по записке.

Относительно «Игрока» Мейерхольд сообщает не очень веселые вести: как будто Акопера никак не достанет четырехсот с чем-то долларов, чтобы внести моему издателю и получить таким образом оркестровый материал. Из-за этого повисает моя весенняя поездка в СССР — к величайшему моему огорчению. «Игрока» же придется слушать в Брюсселе, куда на днях собираюсь поехать на репетицию.

Вообразите, что Вашим советом писать третью симфонию Вы посадили в меня злое семя, — и я теперь в работе над четвертой¹, в которую вошел частично материал из нового балета, частично тот, который сочинялся во время него, но не пригодился, частично же самостоятельный, новый. Словом, сонатное allegro со вступлением уже готовым scherzo тоже (номер, целиком взятый из балета), а над andante и финалом я сейчас работаю и уже вполне вижу их. Симфония будет менее мастодонтистая, чем вторая и третья, но по материалу не уступит. Длина — минут двадцать с небольшим.

Крепко обнимаю Вас и еще раз извиняюсь, что беспокою просьбой.

Ваш *С. Пркофв*

<стр. 302>

278. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 марта 1929 г., Москва

17/III 1929. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, Ваше поручение почти выполнено. Письмо

Ваше я получил только в пятницу 15 марта, и будучи не совсем здоров должен был все справки делать по телефону. В Музсекторе денег Ваших нет (разве Вы заключили новое соглашение?), в МОДПИКе обещали дать справку только в субботу. В субботу туда зашел П. А. Ламм и выяснил, что там Ваших денег 300 с чем-то рублей. Передав бухгалтеру Вашу записку, он условился, что деньги будут немедленно посланы, но так как воскресенье и понедельник праздники, то это «немедленно» произойдет только во вторник. Надеюсь, что никаких проволочек не выйдет, во всяком случае, Пав[ел] Александрович обещал мне позвонить. Спасибо за присланные вырезки о 8-й симфонии. Я, конечно, ничего в них не понял; да и не знаю, нужно ли понимать? Симфония не провалилась — и то ладно. Как я рад Вашей буйной продуктивности! Когда кончите новую симфонию, Вы, наверно, сдадите ее в переписку, — не пришлете ли мне после того, я бы экстренно сделал транскрипцию, но, конечно, не такую, как Вы любите, — в 2 руки, а в 4, как это обожается у нас. Или Вы думаете успеть ее сыграть еще в нынешнем сезоне? Какой Вы счастливый, не имея нужды думать о том, нужно ли кому-нибудь Ваше творчество.

Обнимаю Вас. Искренний привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

279. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 марта 1929 г., Монте-Карло

29 марта 1929

Дорогой Николай Яковлевич, Лина Ив[ановна] и я шлем Вам сердечный привет из Монте-Карло, куда приехали из Парижа на автомобиле, и где я завтра начинаю репетировать новый балет¹. Очень благодарю Вас за письма и за хлопоты в МОДПИКе. Через неделю вернусь в Париж и напишу подробно.

Ваш *С. Пркфв*

<стр. 303>

280. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

30 марта 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получили Вы мое письмо с извещением об исполнении Вашего поручения? [...]. Я слышал через С. Т. Кубацкую, будто Вы собираетесь в апреле сюда. Зачем? Интересного у нас в это время музыкального ничего не будет, а наши «идеологи» находят, Ваша музыка рабочим вредна, или, в лучшем случае, чужда...¹.

Как шел «Игрок» в Брюсселе?² Куда девались клавиры «Игрока», которые Вы сюда присылали? Я ни одного не могу найти и до сих пор не знаю, что эта опера из себя представляет, так как у меня сохранялся (а теперь и его нет) только старый вид последнего действия. Между прочим, в прошлом письме я Вам писал, что я в восхищении от перспективы сделать четверорукую

транскрипцию Вашей новой 4-й симфонии...³.

Небольшое дело. Держановский затевает издание (через Музсектор, конечно) «киноальбомов» и хочет включить туда несколько Ваших пьес⁴ исключительно издания б. Юргенсона, то есть теперь Музсектора. Будете Вы иметь что-нибудь против? [...].

Вот пока все. Я прозябаю и до сих пор не приступал к оркестровке своих безделок.

Всего лучшего; крепко обнимаю Вас. Мой дружеский привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

30/III 1929. Москва

281. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 апреля 1929 г., Париж

1, Rue Obligado, Paris XVI, France

10 апреля 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Держановскому написал¹: пусть себе включает меня в кино. Надеюсь, Вы не обездолите его иногда советом относительно выбора пьес.

Я изумлен, что москвитяне так пакостно отнеслись к Вашей девятой симфонии². Я видел из нее только темы, которые где-то были отпечатаны, кажется в программе, и эти темы показались мне крайне привлекательными, так что я с нетерпением жду возможности ознакомиться со всею симфонией. Как Вы решили окрестить Ваши новые оркестровые циклики? В одном письме Вы называете их безделками (Bagatelles?), в другом — сюитками. Дело в том, что у меня тоже назревает циклик из нескольких довольно веселых оркестровых коротушек, одну

<стр. 304>

из которых Дягилев выпросил вставным номером в «Стальной скок»; под другую балетмейстер Романов плясал мателот; наконец, еще для пары у меня имеется материал. По окончании четвертой симфонии, я проектировал соединить это все вместе в оркестровую пьесу под названием «Дивертисмент»³, но заметил, что в одном из Ваших писем Вы называете Ваши циклики также «Развлечениями», то есть «Дивертисментами», а потому боюсь теперь слизнуть у Вас название.

Я тронут Вашим желанием очетвероручить также и четвертую симфонию. Разумеется, я в восторге. На двоеручных же переложениях настаивает издатель, который с торговым отчетом в руке доказывает, что переложения в две руки расходятся в десять раз больше, чем переложения в четыре руки. Третью симфонию, как более сложную, он, впрочем, готов напечатать в четыре руки (разумеется, партитурно, а не на правой и левой странице); не знаю, что он скажет про более простую четвертую. Вот вторую никто не интересуется!

Вообще же у меня чрезвычайные надежды, что Вы этим летом раскачаетесь и приедете ко мне погостить, на манер того, как Асафьев в прошлом году. Я приложу все усилия, чтобы у Вас были удобные условия для работы. Кроме того, мне хочется с Вами поездить по Франции на автомобиле, для чего Франция особенно пригодна, так как она почти сплошь красива, имеет хорошие дороги и приличные гостиницы. У меня есть проект (не знаю, удастся ли он) проехать все Пиренеи от Атлантического океана до Средиземного моря. Говорят, что это очень интересно. Лина Ивановна тоже чрезвычайно будет рада Вас видеть. Напишите, осуществим ли этот проект.

В СССР я этой весной, к сожалению, окончательно не еду⁴: недели через полторы или две надо будет отправиться в Брюссель, где «Игрок» объявлен на 29 апреля, а числа около 10 мая прибудет в Париж дягилевская труппа и будет заканчивать приготовление «Блудного сына» к 21 мая (в половине июня повезут его в Берлин). Клавир уже награвирован, и как только я получу вторую корректуру, я постараюсь прислать Вам первую, так как мне не терпится узнать Ваше мнение о моем новом балете. Вы спрашиваете, куда делись экземпляры новой редакции «Игрока», появившиеся кое у кого в СССР? Их было три: у Асафьева, Дранишникова и Беляева, но, по существу, они входили в материал, предназначенный для ленинградской Акоперы, и, вероятно, туда уже и попали. Впрочем, может быть, асафьевский экземпляр еще у него задержался. Печататься клавир будет немедленно после премьеры.

Позвольте поблагодарить Вас за заботы о тетке, которая прислала открытку, что деньги получила. Не забудьте сообщить мне имя и адрес юрисконсульта МОДПИКа: я в самом деле напишу ему, а то у них идет бестолочь за бестолочью. Так, например, последний мой отчет они прислали не мне, а моей тетке!

Совершенно не пишет мне теперь Асафьев, хотя я ему послал уже несколько писем. Если он сконфужен за свою Акоперу, тогда это ничего, а если нет, то что же? Напишите, в переписке ли Вы с ним.

<стр. 305>

Крепко обнимаю Вас. Лина Ивановна просит передать Вам ее сердечный привет.

Любящий Вас *С Пркфв*

Напишите непременно, что Вы думаете о моем летнем плане.

282. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 апреля 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, письмо Ваше получил в тот самый миг, как ввалился домой из Ленинграда, куда ездил в качестве спасательного круга для 9-й симфонии моей, игравшейся Малько¹. В итоге: 1) спас симфонию, которая определенно тонула (вышло очень недурно и с хорошим успехом), 2) видел Асафьева, который хотя и сконфужен за «Игрока», но все же Вам совсем

недавно писал и даже не уговаривал Вас приезжать (как и я), 3) похитил у последнего его экземпляра «Игрока». Что же касается лета, то, как Вы знаете, за упразднением у нас божественного промысла, в свое время очень помогавшего разным людским делишкам, рассчитывать сделать такой тур-дефорс *, как выезд на прогулку за границу, при помощи одних лишь человеческих сил, — бесполезно. Об этом не стоит даже думать. Тем более, что мне из всех сил надо копить деньги на переезд в новую квартиру, которая должна быть готова осенью. Впрочем, я стараюсь не огорчаться. Буду этим летом утешаться своими «Развлечениями», оркестровка которых еще не почата, затем буду делать клавир Вашей симфоний 4-й (если не нужно Пайчадзе, — который, конечно, дурак, — то для себя), ... скерцо 3-й... (где оно?!!!). Вы думаете, что 2-й никто не интересуется? Нет, ее боятся, я в том числе. Мне она показалась совсем не изложимой на фортепиано даже в 8 рук. Но я еще раз посмотрю, если удастся достать партитуру. Что касается Вашего «Дивертисмента», то мы с Вами не столкнемся; я на свои «Развлечения» смотрю более легковесно и думаю их переводить через «Amusements» **.

Не сердитесь на меня за следующий пункт письма.

Я хочу Вас попросить позондировать почву в Вашем издательстве: не смогут ли они взяться перегравировать 13 моих романсов на слова Гиппиус, которые я должен был изъять из здешнего издательства. Это я сделал давно и передал все романсы в Univ[ersal] Edit[i]on. Последняя фирма за 3 года выпустила только одну тетрадку в 6 штук², а остальные 2 тетради ор. 2 (8 пьес) и ор. 5 (5 пьес) лежат у них без движения, и они все время кормят меня завтраками. Здесь издание это

* tour de force (*франц.*) — бросок.

** «Забавы» (*франц.*).

<стр. 306>

уже разошлось, а за границей как раз эти пьесы начинают петься (какая-то Нина Карпус, говорят, великолепно поет целую тетрадь из них и т. д.). Мне Univ[ersal] Edit[i]on надоело, я хочу им натянуть нос. Перевод пьес на немецкий мне сделают здесь (добавить надо будет только французский), гравировать будет не трудно, так как не с рукописи, а с печатных экземпляров, хотя и с исправлениями. Я могу за них ничего не взять! Если можно, узнайте это, не откладывая в долгий ящик. Мое письмо Вы получите, верно, уже после возвращения из Брюсселя, поэтому не с терпением буду ждать отчета о впечатлении от «Игрока». А уж «Блудного сына» жду прямо-таки с жадностью. Мне это кажется до нельзя оригинальным и, если не ошибаюсь, для Вас новым, а потому особенно интересным, тем более, что Вы сами находите, что музыка Вам удалась.

Желаю Вам всего лучшего. Обнимаю Вас крепко. Лине Ивановне мой сердечный привет.

Ваш Н. Мясковский

16/IV 1929. Москва

283. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 апреля 1929 г., Париж

1, Rue Obligado, Paris XVI, France.

22 апреля 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Ваше письмо пришло как раз перед самым моим отъездом в Брюссель. Но все-таки выяснить с издательством вопрос о Ваших романсах до отъезда не удалось: поговорю с Пайчадзе, с величайшим удовольствием, немедленно по возвращении, или даже еще раньше, в Брюсселе, куда он приедет на премьеру.

Но вот странность: передо мною Ваша первая соната, на обложке которой написано, что ор. 2 состоит из трех пьес: «Противоречия», «Однообразие» и «Круги», а Вы пишете о восьми пьесах; точно так же ор. 5 состоит из двух пьес («Луна и туманы» и «Кровь»), а по Вашему письму их пять¹. В конце концов, это неважно, так как опусы с тех пор могли припухнуть. Но важно следующее: каким образом три пьесы из ор. 2, изданные в Российском музыкальном издательстве, и красующиеся у них на парижской витрине, были предложены Вами Универсалу? Или просто на обложке первой сонаты показаны неверные опусы, и романсы, о которых Вы говорите, совсем не те? В таком случае, пожалуйста, сообщите мне названия их, а также, — где они были до сих пор изданы: только в Музсекторе, или же достались ему по наследству? В последнем случае, свободны ли они для заграницы? (заграничные права на некоторые издания, например Юргенсона, кажется, были переуступлены до Советской революции, и потому за границей такие сочинения не свободны).

<стр. 307>

Мне очень грустно, что Вы с такою простотой отмахнулись от заграничной прогулки. Но не думайте, что от меня столь легко отделаться. Я считаю, что для осуществления этой поездки Вам надо преодолеть лишь следующее: 1) получить заграничный паспорт и 2) иметь возможность истратить деньги на этот паспорт, на билет от Москвы до Берлина, который можно, кажется, оплатить весь в червонцах, и на обратный билет от польской границы до Москвы. [...] Пребывание же во Франции Вам не будет стоить ни копейки, так как, черт возьми, смею же я, наконец, после двадцатитрехлетней дружбы с Вами пригласить Вас погостить у меня месяц-другой летом в деревне! Если Вам покажется, что это «неловко», то я Вам с бешенством возражу, что в тысячу раз более неловко от этого отказаться. Французскую визу я Вам достану. Подумайте об этом, пожалуйста, и не пытайтесь находить возражения. В деревню мы собираемся переехать в первой половине июля, но не следует, чтобы Вы слишком откладывали хлопоты о заграничном паспорте, а также заявление о французской визе.

Чрезвычайно приятно, что Ваша девятая симфония имела успех в Ленинграде². Мне очень хочется поиграть ее в 4 руки, равно как и Десятую. А

как Вы нашли Асафьева? Письмо, о котором он Вам говорил, я получил, но оно было такое ноющее, что я совершенно растерялся. Вторая корректура «Блудного сына» будет готова к моему возвращению из Брюсселя, то есть к началу мая; тогда я Вам немедленно вышлю первую.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

284. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

7 мая 1929 г., Москва

7/V. 1929. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
напрасно Вы меня дразните! Неужели Вы думаете, что мысль провести лето с Вами, да еще вне нашей суеты и других качеств, меня не прельщает, если не сказать больше. К сожалению, объективные условия таковы, что приехать во Францию этим летом совершенно немыслимо. Конечно, мне трудно сейчас что-нибудь предпринимать, тем более, что я как-то и физически скис. Я эту зиму провел небывало скверно — почти беспрестанно простужался, из-за этого плохо работал и как-то совершенно упустил из виду всякие летние устройства. По всей вероятности, буду опять безвыездно в Москве и оркестровать свои сюитки, к которым меня почему-то вовсе не тянет, несмотря на то, что сочинял я их с большим удовольствием и кое-что в них мне определенно удалось (Andante в 3-й, одна из вариаций во 2-й). Последние дни играл «Игрока» и восхищался чрезвычайной меткостью музыки, необыкновенной ее

<стр. 308>

гибкостью и безупречной и крайне выразительной декламацией. Очень удачно сделано либретто — с хвостиком в каждом действии, хотя за конец очень опасаюсь, — он слишком русско-психологичен и со сцены может не дойти даже у нас (этакая типичная Достоевщина, к которой нужны тома комментариев), но выработано изумительно. Музыка, по-моему, очень ровна и, несмотря на свой в итоге декламационный характер, все же должна хорошо петься и легко играть; явлению Бабуленьки Вам удалось какими-то неуловимыми сразу штрихами придать даже русопятский характер. Одним словом — мастерское произведение. Вы спрашиваете об Асафьеве? Я был с ним очень недолго; после концерта с 9-й симфонией (на который он попал по моему телефонному вызову!) я поехал к нему в Детское и провел вечер. Особенно он не ныл, говорил больше о театре, немного брюзжал, но без тревожных и панических нот, как часто бывало. В общем, ему очень пошла на пользу заграничная поездка, — он поразительно и п р о ч н о посвежел. А ныл он Вам, верно, желая как-нибудь обелиться в «Игроке», хотя объективно думаю, что он тут решительно ни при чем. Мейерхольд, которого я видел сегодня на концерте Ансерме (сей последний что-то мне совсем перестал нравиться: манерен и бестемпераментен — в хорошем, а не зоологическом смысле), сказал, что Вы, наверное, его ругаете за «Игрока», но он его, мол, не

оставит. Я еще буду с ним видаться, буду говорить уже на твердой почве. Теперь о моих романах. Конечно, все мои опускали периодически меняются, так как я иногда выбрасываю то, что мне или цензуре не нравится и заменяю другим. Так было и с Гиппиус. На Вашей обложке есть ор. 22 «На грани», куда как раз и входят нужные мне пьесы ¹. К ним, правда, присоединены еще 4 бывших юргенсоновских, на что (издание за границей) я получил от Б. П. Юрг[енсона] разрешение, правда, лишь словесное. Во всяком случае, я думаю так. Если Российское] м[узыкальное] издательство] боится затруднений с авторским правом, я могу несколько изменить план издания. Для Univ[ersal] Edit[i]on], которое взялось было за печатание этих вещей, мой план заключался в том, чтобы расположить все вещи хронологически. Но поскольку в опусе Р[оссийского] м[узыкального] изд[ательства] этот мотив несколько нарушен, мелкое нарушение можно допустить и здесь. Опус «22» я заменил другим, более современным «Из Дельвига», все же гиппиусовские 1904—1908 я вмещаю в три опуса: 2, 4 и 5. Я хотел так: ор. 2 «На пороге» — восемь пьес: «Пиявки», «Ничего», «В гостинной», «Пауки», «Надпись на книге», «Мгновения», «Страны уныния», «Надпись на конверте», ор. 4, издание Российского] м[узыкального] изд[ательства]—«Противоречия», «Однообразие», «Круги», ор. 5 «Неявное» — «Луна и туман», «Цветы ночи», «Нескорбному учителю», «Пыль», «Кровь» (5 штук), но так как 4 пьесы юргенсоновские (подчеркнутые), то я придумал другое расположение, которое и предлагаю Р[оссийскому] м[узыкальному] изд[ательству], а именно, только ор. 2 «На пороге», девять пьес: «Пиявки», «Ничего», «Пауки» и т. д., как было в ор. 22 «На грани» (можно, пожалуй,

<стр. 309>

сохранить даже старое заглавие, так как пьесы и порядок те же), что касается 4-х выброшенных пьесок, то я буду настаивать в Univ[ersal] Edit[i]on об их напечатании под ор. 5 там. В связи со всем этим я очень попрошу Вас посодействовать, чтобы Пайчадзе дал моим уже напечатанным вещам опусцать на досках, а именно ор. 4 — «Из Гиппиус», ор. 8-а — 3 наброска Вяч. Иванова, ор. 8-б — «Сонет», тогда все будет, наконец, приведено в порядок, и больше я опусы путать не буду. Да, на бывший ор. 22 ни у кого прав нет, так как договор мной официально расторгнут.

Желаю Вам всего лучшего. Напишите про «Игрока» и «Блудного сына», как только последний пройдет. Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

285. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

22 мая 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, несколько времени тому назад я Вам послал довольно жалобное письмо, — получили ли Вы его? Там я, между прочим, писал о тех романах, какие намеревался просить Вас устроить в Р[оссийском]

м[узыкальном] изд[ательстве]. Повторю — это те же (9 штук), что и бывший ор. 22 («На грани»), на которые никто, кроме меня, никаких прав не имеет. В том же письме я просил Вас передать Пайчадзе мою просьбу снабдитьopus'цами то, что и РМИ уже напечатано, то есть «И з Г и п п и у с» ор. 4, «В я ч . И в а н о в» — ор. 8 - а, «С о н е т» — ор. 8 - б. Писал Вам также, что о поездке моей за границу при теперешних нравах и приемах выпуска не может быть и речи. Я сжался и решил вообще никуда не ездить, а сидеть в Москве и работать до одури. Во исполнение сего плана я уже отработал одно из своих «Развлечений» (№ 3) — под названием «Лирическое концертино» для и т. д. Вышло, кажется, очень недурно — весело и довольно разнообразно, а местами, я думаю, тонко.

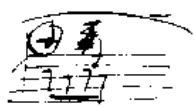
Совсем недавно и очень неожиданно для себя я получил, наконец, Вашего «Сына». [...] Скажу Вам откровенно — сейчас я от этой музыки просто не могу отвязаться — разные темы, обороты, гармонии так и звенят у меня в голове. Но сперва я был как-то ошарашен. Вы помните, что я всегда на Ваши «новые» сочинения не сразу умел реагировать, так и сейчас. Здесь Вы вдруг совсем отскочили в сторону от только что бывшего, особенно после «Стального скака», — и прозрачная фактура, очень ясная полифония, совсем не громоздкие и с редкими резкостями гармонии — все как-то ново, необычно и в то же время ни на кого, кроме Вас, не похоже. Я долго усваивал — раза три проиграл сам, раза три продемонстрировал (когда уже кое-чем овладел) и теперь начинаю думать, что это одно из удачнейших и своеобразнейших Ваших сочине-

<стр. 310>

ний, продолжающих, пожалуй, в каком-то плане линию «Мимолетностей». Теперь я уже не знаю, какому номеру отдать предпочтение, — все один другого лучше. Труднее дается № 5 (Бл[удный] с[ын] и Красавица)—очень уж наслоенный. Меньше мне нравится попуриобразный № 9 (Дележ добычи), да и то относительно, просто я не совсем ухватываю его темп и характер, так как там к основному мотиву все время приплетаются ранние темы, которые прежде были в другом темпе, поэтому мне просто не дается его сыграть убедительно. Вообще, характер тем и музыки у Вас такой, что очень досадно отсутствие метронома. Это в особенности мучительно в таких темпах:

Allegro risoluto, Allegro fastoso, (когда появляется главная тема) , Moderato scherzoso (№ 3), Allegro brasco (№ 4) и Vivo (№ 9). По непосредственной красоте совсем необыкновенна Красавица и весь конец, особенно когда сплетаются три темы. Но и все остальное чрезвычайно выпукло и упруго. Что из этого Вы включили в 4-ю симфонию, Красавицу или Грабеж? Грабеж — наименее связан с остальной музыкой по материалу — его поэтому, казалось бы, легче извлечь, но и Красавица донельзя соблазнительна и закончена. Одним словом, Вас можно поздравить с превосходным опусом, притом при всей своей необычности для Вас — чрезвычайно Вашим. Пожалуйста, пришлите мне клавир, как только он выйдет, а то по этой

корректуре мучительно играть, а я так теперь люблю его разыгрывать, что не упускаю ни малейшего случая, чтобы не покалить кому бы то ни было — и всегда с неизменным результатом — всем правится, а чувствительные музыканты объявляют это чуть ли не лучшим Вашим сочинением. Я с этим не согласен только потому, что для меня вообще не существует ни лучших, ни худших Ваших сочинений, — кое кое имеет свое время и свой момент, когда оно лучшее (но никогда не худшее!). Между прочим, я заметил несколько пропущенных Вами опечаток и довольно серьезных. Надеюсь, что Вы их исправили во второй корректуре. На всякий случай (чтобы исправить в досках, если они остались) сообщаю (только важнейшие — разных пропущенных точек я не упоминаю) :

[41] такт 2, правая рука.

В печати *соль*.

[62] такт 8, правая рука.

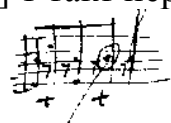
Какая нота до \flat или до \sharp ? Неясно

<стр. 311>

[96] такт 9, правая рука.

Ре \flat или \sharp (Ср[авнить] 1 такт перед 100)

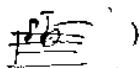

[127] такт 1, левая рука.

Вероятно, *соль*?

[163] Такт 4, левая рука.

Надо, конечно, *фа*, а не *ре*!

(В этом номере пропущено много точек:

Вот все наиболее существенное.

Как прошел «Игрок»? Была ли также премьера «Блудного сына»? Пишите. Всего лучшего. Обнимаю Вас. Душевный привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

22/V 1929. Москва

286. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

30 мая 1929 г., Париж

1, Rue Obligado, Paris XVI, France

30 мая 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Вы совершенно правы, и я страшная свинья, что до сих пор не написал Вам; между тремя моими премьерами я заблудился, как между тремя соснами. Но было и другое — надлежало дожидаться владельца издательства, чтобы договориться об издании Ваших романсов. Дело в том, что наше издательство хотело бы иметь с Вами более тесные соприкосновения и не ограничиться одними романсами, каковую

<стр. 312>

форму, кстати сказать, они считают наименее коммерчески интересной: сейчас на западе романсов почти не покупают. Я предупредил издательство, что Вы до 30-го или до 31-го года связаны с Универсалом, на что мне ответили, что принимая Ваши 9 романсов, они берут с Вас обещание по истечении универсальского запрета дать им несколько фортепианных пьес, нечто вроде сборника «Причуд», только желательно не из старых тетрадей. Также они охотно взяли бы от Вас симфоническую вещь, типа «Развлечений» или не слишком монументальной симфонии, а также ансамбль — квартет или трио. Условия те же, что и для меня, то есть 25% с продажи или с найма материала, если вещь симфоническая. Этот процент они исчисляют иначе, чем Музсектор, то есть Музсектор — с продажной цены, а здесь — с цены фактической: если они скидывают, скажем, 40% нототорговцу, то эти 25% превращаются в 15 (четверть от шестидесяти). Хочется думать, что это Вас устраивает и что Вы пришлете романсы; не забудьте об обещанном немецком тексте. О постановке опусов на Ваши другие романсы я вручу в издательство особую записку.

С Вашим решением махнуть рукой на границу я никоим образом не намерен мириться: в ближайшее время Вы получите приглашение от одного парижского учреждения, с которым я в приятельских отношениях, — предложение прочесть несколько лекций о музыке в СССР. Думаю, что после этого не будет никаких препятствий против Вашей поездки, и тогда дальнейший отказ от нее окажется Вашим собственным капризом. Извините, что я «выражаюсь», но это потому, что мне очень хочется Вас видеть. Уверен, что если бы я был сейчас в Москве, то уговорил бы Вас.

«Игрока» поставили в Брюсселе 29 апреля¹, и притом вовсе неплохо, во всяком случае, с большим увлечением и отличным успехом. Вообразите, что конец оперы вполне дошел до публики. Секрет этого заключается не в том, что публика разобралась или не разобралась в достоевщине, а в том, что на протяжении всей оперы Алексей и Полина виделись урывками, причем им все время мешали разные другие события; даже в первой картине последнего акта, едва начало что-то случаться, Алексей умчался на рулетку. Поэтому за последней картиной публика следит не отрываясь: наконец-то вместе. К тому

же, она проскакивает быстро и полна неожиданностей.

По возвращении из Брюсселя начался период третьей симфонии². [...]. Волновались мы очень, потому что Монте к трем имевшимся у него репетициям заказал две добавочные специально для симфонии, а между тем, мы не знали, будут ли готовы партии к этим репетициям. По счастью — успели. Монте был добросовестен, но тэр-а-тэрен *, из породы Малько. Я между репетициями всячески кромсал скерцо (слава богу, что Вы его еще не переложили), но зато на исполнении оно имело-

* заземлен, лишен полета — от *terre-à-terre* (франц.).

<стр. 313>

больше всего успеха, в том числе у Дягилева и Стравинского. Это, впрочем, не мешает мне продолжать считать первую часть — наиглавнейшею.

Параллельно с симфонией начались репетиции «Блудного сына». Я потрянул стариной и сам взялся за палочку. Оркестр был не первосортный и, несмотря на все старания, ни Грабежа, ни танца на 5 не одолел. Я также недоволен хореографией, плохо вязавшейся с музыкой и не без досадных выдумок, не идущих к сюжету. Впрочем, последний номер был поставлен трогательно, публика смахивала слезы, и успех был чрезвычайный. Вообще, кажется, давно моя вещь не была так единогласно принята всеми партиями, как этот балет. Спасибо большое за ошибки: увы, я их так же проворонил во второй корректуре, как и в первой. Лишь в девятом такте после 96 я оставляю *ре*, а перед 100 = *ре-диез*; колеблясь между обеими версиями, я в одном случае сделал, а в другом смяк.

Четвертая симфония построена следующим образом: вступление и сонатное *allegro* совсем новые, за исключением главной партии, см. 82 в балете. II часть построена на темах 210, 197 и на той же теме, что вступление симфонии. III часть — целиком Красавица. Финал построен на музыке, с которой начинается балет (от начала до 2), и на темах 30 и 44, особенно на 30, которая развивается во многих комбинациях, не нашедших себе применения в балете.

А теперь позвольте передать Вам несколько комплиментов по поводу Вашей Восьмой⁴, комплиментов, несказанно меня обрадовавших вернувшийся из Бостона Кусевицкий рассказывал, что она имела значительно более крупный успех, чем это можно было заключить из прессы: что она создала себе горячих поклонников, считающих ее одной из лучших симфоний современности; что сам Кусевицкий лишь благодаря неудачному сцеплению обстоятельств не дирижировал ею, но очень хочет дать в будущем сезоне Девятую или Десятую. Напишите, может ли он получить право первого исполнения на одну из них, и если да, то не выступите ли Вы в этом смысле перед Вашим издателем?

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет от Лины Ивановны. Мы оба упрямо не теряем надежды увидеть Вас летом, и умоляем Вас потряхнуть Вашу вялую инертность. Вспомните Асафьева: сколько энергии придал ему свежий

воздух. И в Вашем случае, я думаю, впечатления от поездки в значительной мере перевесят отталкивающую скуку формальностей, через которую надо пройти зажмурившись и не обращая внимания на мелкие укусы. Поздравляю Вас с окончанием Лирического концертино — название мне очень нравится.

Ваш С. Пркфв

<стр. 314>

287. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

13 июня 1929 г., Париж

1, Rue Obligado, Paris XVI, France.

13 июня 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Как я предвидел в предыдущем письме, два крупных французских учреждения послали Вам приглашение прочесть доклады о современной советской музыке и музыкантах. Одно из них — Гаво, строители фортепиано, владельцы двух концертных зал, организаторы концертов и лекций. Другое — Ecole Normale de Musique¹, то есть вторая консерватория в Париже, очень серьезное учреждение, в котором среди профессоров такие имена, как Корман и Тибодан. Они также организуют у себя нечто вроде художественного центра, где дирижеры могли бы знакомиться с вновь появляющимися партитурами. Буду несказанно рад, если Вы, наконец, соберетесь во Францию. Жду с нетерпением от Вас вестей об этом.

На днях в Москву поехал Бургин, концертмейстер и второй дирижер Бостонского оркестра. Он исполнял Вашу Восьмую симфонию и теперь горит лично приветствовать Вас и рассказать об этом исполнении. Бургин когда-то был в Ленинградской консерватории, говорит по-русски и очень милый человек. Поэтому не откажите принять его.

Крепко обнимаю Вас и не хочу получать от Вас никаких других писем, кроме известия о том, что Вы собрались в путь-дорогу.

Ваш С. Пркфв

288. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

25 июня 1929 г., Москва

Москва. 25 июня 1929 г.

Дорогой Сергей Сергеевич, хотя Вам это и неприятно, но все же пишу не о том, что Вам желательно. За последнее время очень изменились разные мои обстоятельства, и сейчас я чувствую себя немного в тисках. Свалились на меня — с одной стороны болезни моих родственников, что при их почти полном безденежье влечет за собой известные последствия для меня, не говоря уже о личных беспокойствах. Второе, не столь неприятное, но еще более зажимное, — строящаяся для меня квартира обойдется много дороже, чем было

рассчитано (вместо 8000 — 10 000 рублей), и мне надо добывать экстренно еще около 1000 рублей (45% на разницу!). Все это привело меня в состояние полной финансовой анемии, и я решительно не могу себе позволить малейший лишний расход и даже буду безвыездно сидеть все лето в Москве, хотя моя комната в деревне осталась свободной. Мне жаль, что не

<стр. 315>

удастся увидаться с Вами этим летом, а главное, как следует отдохнуть тем более, что я ужасно устал и вконец испортил себе зрение (на расстоянии 20 шагов у меня уже все троеится в глазах!).

Теперь дело. Конечно, условия Р[оссийского] м[узыкального] изд[ательства] отличные (плохо только, что нет аванса), и я на них вполне п о к а согласен. Что касается романсов ор. 2, то я заказал к ним перевод на немецкий язык, кроме того жду возврата экземпляров, лежащих в Univ[ersal] Edit[ion] так как там есть поправки, которые забыл, и буду делать еще маленькие починки (как ни странно, а буду возвращаться к основной — детской! — редакции). Когда будет готово, пошлю, но куда? Прямо Пайчадзе? В Париж? Берлин? Мне, между прочим, ужасно противна их новая печать (парижская)—это что-то совсем допотопное, чуть не кустарное по виду.

Сейчас я покончил — вполне для себя неожиданно — со всеми своими «Развлечениями»¹, вчера кончил оркестровать последнее. Кажется, получилось ничего себе. Я всем им дал разные прозвища: № 3 — Лирическое концертно (об этом я уже Вам писал), № 2 — Симфоньетта для струнного оркестра, № 1 — Серенада для малого оркестра. Последнюю нужно было бы назвать «Serenade rustique», но по-русски очень уж выходит нарочито — «деревенская»! Хотя вещи эти вовсе лишены эмоций (больших), но писать их было занимательно.

Теперь буду искать новых планов. Что больше всего полезно Вашему издательству? На симфонии меня, к счастью, не тянет вовсе.

Обнимаю Вас крепко. Не сердитесь за летнее разочарование меня большее, чем для Вас. Пришлите вновь напечатанных Ва ш и х нот. Искренний привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

Французам пишу по-русски! Помогите им прочесть!!..

289. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 июня 1929 г., Париж

Париж, 26 июня 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Сегодня ходил в Полпредство и долго беседовал о полезности Вашей поездки во Францию. О Ваших ангажементах я упомянул вскользь, сказав, что не придаю им большого значения, так как, может быть, ввиду Вашего запоздания они даже не состоятся, но важен Ваш общий контакт с западными

музыкантами и дирижерами, которые ждут от Вас не только собственной музыки, но и авторитетного суждения о состоянии музыкальных дел в СССР. В Полпредстве очень тепло отнеслись к идее Вашего приезда и обещали оказать полное содействие: с дипломатической почтой, исходящей из Парижа 28 июня, будет посла-

<стр. 316>

на бумага, выражающая пожелание о Вашей поездке и адресованная заведующему Англо-Романским отделом в Наркоминделе, копия же ее в Главнауку Свидерскому. Советник Полпредства Аренс советует Вам обратиться в оба эти места и спросить, какие дальнейшие шаги должны Вы предпринять на основании этой бумаги.

Кроме того, Аренс объяснил мне, что в Москве больше всего боятся, что советский гражданин разлетится за границу в надежде на перевод ему денег из СССР, а затем сядет на мель — и Полпредство должно будет на свой счет репатриировать его. Поэтому он советовал мне выправить в здешнем Советском консульстве ручательство за Вас, что я и сделал по надлежащей форме и при сем прилагаю Вам для сопровождения Вашего прошения о паспорте. Очень боюсь, что Вы, с Вашей досадной недоверчивостью к моей дружбе, вскинетесь и затопаете — как смел я за Вас ручаться, но умоляю Вас плюнуть на эти формальные мелочи и довести Вашу заграничную поездку до победного конца.

Я снял на лето старинный шато (см. открытку), в центре Франции, близ озера Буржэ. Это — очень красивое и нелепое здание XIV века, перестроенное в XVII. Толстые стены, башни, масса места, нескладная обстановка, не очень удобно, но чудный вид на все стороны. Будет два рояля, которые не слышно, если поставить в разных углах замка. Я буду в диком бешенстве, если Вы, несмотря ни на что, не приедете. В Париж все время приезжают советские граждане. Вам этого из Москвы не видно, а мы постоянно их встречаем, и все они отлично получают паспорта.

Мы в Париже до 5 июля, а с 7-го — шато. Если Ваше решение не последует до 5-го, то, уезжая, я налажу здесь все относительно Вашей французской визы и относительно выдачи Вам ста долларов в берлинском издательстве, так что, по получении от Вас известий, мне не трудно будет привести все это в действие, даже находясь вне Парижа. Кстати: когда Вы пришлете романсы в издательство? (Аванс, впрочем, от этого никак не зависит).

Крепко обнимаю Вас. Проснися, о Фафнер! — и в путь.

Любящий Вас *С. Пркфв*

Приложение к письму 289

В Генеральное Консульство СССР в Париже.

Я нижеподписавшийся, Прокофьев Сергей Сергеевич, проживающий в Париже 1, Rue Obligado, приглашаю к себе во Францию проф. Мясковского

Николая Яковлевича, проживающего в Москве 34, Денежный пер., д. 7. Обязуюсь на все время пребывания его во Франции взять на себя материальную ответственность в случае нужды его в деньгах, а также гарантировать расходы по обратному возвращению в СССР.

Париж, 26 июня 1929.

С. Прокофьев

<стр. 317>

Генеральное Консульство СССР в Париже настоящим удостоверяет подлинность подписи гражданина СССР Сергея Сергеевича Прокофьева, имеющего советский заграничный паспорт, выданный в НКВД за № 126824 рв. 21617 от 16 марта 1927 г.

г. Париж, 26 июня 1929 г., № 549

Генеральный Консул СССР в Париже [подпись]

[Печать Генерального Консульства СССР в Париже.]

290. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 июля 1929 г., Париж

1, Rue Obligado, Paris XVI, France

1 июля 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень грустно узнать, что Ваших близких постигли болезни; надеюсь, по крайней мере, что их здоровье идет теперь к поправке. Что касается Ваших финансовых соображений, то они меня не очень убедили. [...] Вопросом отдыха Вам тоже не надлежит пренебрегать, ибо Ваши же родственники окажутся в пиковом положении, если Вы встретите новый сезон не освеженным и измученным. Что касается до переложения этой поездки на будущее лето, то не будем утешать себя такими туманностями. Возможно, что будущим летом я уеду в Южную Америку, где сезоны обратны северному полушарию, и куда уже намечены кое-какие приглашения. Боровский уезжает туда через неделю. Ваши романсы присылайте в парижское издательство, когда Вам будет это удобно. Гравируют здесь двумя способами: на металле (например, «Поцелуй феи», мой квинтет) или на кальке («Стальной скок», «Зефир»). Второй способ дешевле, но выходит в самом деле довольно первобытно, однако, Вашим романсам он не грозит, так как для калек нет русского шрифта.

Поздравляю Вас с окончанием трех оркестровых пьес. Но ведь это же колоссальный результат, и я горю их услышать. Вы не пишете, что Вы намерены дать Кусевицкому для Бостона. Одну из этих сюит? О том, какая форма сочинения была бы любезнее всего для нашего издательства, я Вам напишу дополнительно, но ведь Вы же сами поговорите об этом с Пайчадзе? Судя по письмам, Асафьев совсем закис в своем Детском, и я чувствую, что если Вы не сделаете усилий и не вырветесь на лето, то Вас постигнет та же участь. Я надеюсь, что бумага от Полпредства устроит паспортную сторону

Вашей поездки; Мои финансовые доводы, по-моему, довольно убедительны; в чем же дело наконец?!

Обнимаю Вас.

Ваш С Пркфв.

<стр. 318>

Если у Вас все-таки не хватит денег, то Вы возьмете у меня. Это меня не затруднит, но я не писал Вам о том, боясь, что Вы раскипаетесь.

Мой летний адрес с 6 июля: Château de la Fléchère, Culoz, Ain, France.

291. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

13 августа 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
я очень виноват перед Вами. После своего финансового краха (в связи с вздорожанием строящейся квартиры) я до такой степени махнул рукой на всякие заграничные, что... оказался полным невежей по отношению к Вам. В конце своего последнего письма Вы пишете, что я раскипачусь на Ваше предложение о денежной субсидии в случае и т. д. ... Нет, до кипения ли тут! После 20-х годов мы все (здешние аборигены) сделали к этим вопросам очень мало чувствительны, так что я ни минуты на Вас бы не обиделся, а напротив, благодарю Вас и теперь, что Вы с такой готовностью идете навстречу моим финансовым затруднениям, буде они приключились бы во время моих заграничных скитаний. Но этих скитаний не предвидится — я не могу преодолеть отвращения к хождению по инстанциям. Сейчас я себя и физически чувствую неважно и, попробовав съездить в деревню, где проводил каждое лето, немедленно вернулся и сижу безвыездно и почти безвыходно в Москве. Зато привел в полный порядок свои новые оркестровые пьески (только сегодня кончил переписку) и придумал каждой название: Серенада (1-я), Симфоньетта (2-я) и уже известное Лирическое концертино (3-я). Общее название «Развлечения» — никому не нравится, и все меня за него ругают, предлагают «Осколки», «Будильник» и тому подобные юмористические воспоминания; я колеблюсь, хотя думаю, что мое название вовсе неплохо. Наконец, окончательно сделал 10-ю симфонию и сдаю ее в печать. Вы спрашиваете, — что я дам Кусевицкому? А не все ли мне равно, ведь он только болтает, а, по существу, до сих пор ни одной моей симфонии нигде не сыграл. Да зачем они ему! У меня не играны в Америке: 9-я и 10-я (из новых). Сейчас обе просматриваются Стоковским. Быть может, он что-нибудь выберет, тогда пусть Кусевицкий возьмет другую. Конечно, Кусевицкому проще 9-я, зато 10-я короче. 9-я уже напечатана, 10-я будет готова только к январю, февралю. Когда получу ответ от Стоковского (он в Париже), я Вам, если позволите, сообщу, для реляции maestro из Бостона. Между прочим, Бургин сюда не приезжал или, если и был, то ко мне не звонил и не заходил. Романсы свои с немецким переводом, поправками и письмом к Пайчадзе (как его, между прочим, зовут?) я послал на адрес Grandes Editions—

так надо было? Кстати, о Пайчадзе. Вы пишете о

<стр. 319>

гравировке нот в Москве и т. д. Это совершенно несбыточно; в этом отношении у нас надвигается кризис — не хватает гравиров. Недавно зашел разговор с Юровским об увеличении печатной продукции наших изданий и оказалось, что весь вопрос упирается только в эту сторону; старые граверы выходят из строя, а новые слабо пополняют реденеющие их ряды; между тем как финансовая возможность расширения издательства полная.

Так как с сегодняшнего дня у меня перерыв в моих музыкальных делах (только осталось докончить переложение финала 1-й симфонии¹ — переделанного), то мне очень не терпится докончить переложение Вашей 3-й симфонии. Или Вы так на меня рассердились за мое байбачество, что не захотите мне прислать недостающую мне спиритическую музыку? Но я все-таки очень надеюсь получить ее, так же как и б е л ы й вид Вашего «Блудного сына», а может быть, и новые фортепианные пьесы? В каком виде вышла 2-я симфония? Можно купить экземпляр партитуры или нет? Сколько это будет стоить? Если можно, то я выпишу ее себе через Universal, — где все еще у меня от время до время накапливаются деньги. Если конец лета я буду страдать творческим бессилием, для чего есть довольно предпосылок, то я, быть может, и рискну заняться транскрипцией Вашей симфонии, хотя многое меня в ней очень страшит (2-я тема).

Итак, желаю Вам всего наилучше-лучшего. Крепко обнимаю Вас. Не сердитесь. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

13/VIII 1929. Москва

292. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 сентября 1929 г., Кюлоз

Château de la Fléchère, Culoz (Ain), France

11 сентября 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

К Вашему неприяезду во Францию у меня двоякое отношение: перед финансовой невозможностью, конечно, опускаются руки; но эта невозможность была преборима и если к ней присовокупилось нежелание преодолеть отвращение к хождению по инстанциям, то тогда я, разумеется, сержусь на Вас, — уж очень благоприятно складывалось лето для проветривания Вас по горам и озерам, кормления разнообразными французскими кушаньями и поения целой гаммой вин, начиная с 1830 года.

Пайчадзе зовут Гавриил Григорьевич. Что могли бы Вы предложить нашему издательству из удобопродаваемых вещей? [...]

Я по-прежнему собираюсь приехать в октябре в СССР¹, хотя на две недели и без концертов. Мои авторские я буду получать с Боль-

<стр. 320>

того театра тоже в червонцах. Первые представления, вероятно, уйдут на расходы по пребыванию в СССР и на тетку. С дальнейших же представлений гонорары, по-видимому, начнут накапливаться — и тогда очень прошу Вас рассчитывать на них для затыкания Ваших квартирных дыр, так как эти деньги все равно будут лежать без дела.

Вы напрасно так холодно относитесь к Кусевицкому: Ваш Стоковский в культурно-музыкальном отношении не выше, но зато меньший работник и больший болтун (оркестр у него, впрочем, изумительный). во всяком случае, буду ждать от Вас известий, которую симфонию, девятую или десятую, предложить Кусевицкому. А может быть, одно из «Развлечений»? Между прочим, я никогда не получал Вашей тетради с мелкими пьесками. На днях написал Дзмитровскому, прося его прислать мне, так как я хотел бы выучить что-нибудь оттуда для зимних концертов.

Третья симфония как раз у гравера, поэтому прислать Вам спиритическую часть мне, к сожалению, пока не удастся. Гравировается, кроме этого, клавир «Игрока». Для двух фортепианных пьес наступит очередь после того, как граверы расправятся с «Игроком» и симфонией. Я только что кончил переделывать старую Симфоньетту²: перевернул ее до корня, но зато получилась совсем милая и вполне стройная старо-новая пьеса. Теперь набросал небольшой оркестровый Дивертисмент в четырех частях³, две части которого уже были намечены раньше. Стравинский играл мне свой новый фортепианный концерт⁴, понравившийся мне больше первого. Ввиду того, что Стравинский уже, вероятно, наслушался упреков за недостаточную виртуозность его первого концерта, он ищет сейчас какое-то иное название, избавляющее от обязанности виртуозничать. Заикнулся было он о «Дивертисменте», но, услышав, что и Вы, и я пишем по таковому, решил обратиться к каким-нибудь другим названиям.

Крепко обнимаю Вас. Привет от Лины Ивановны. Пишите мне сюда.

Ваш С. Пркфв

293. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 сентября 1929 г., Москва

16/IX 29. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, как я обрадовался Вашему письму! А то я начал беспокоиться, что Вы не получили моего и рассердились на меня вовсе. Я все же в конце лета потащился в деревню, прожил там около 2-х недель, померз (по ночам) и только на днях вернулся в Москву. Сразу окунулся в лужу корректур всякого рода и чувствую, что опять уже сдаю. Вот что значит просидеть в Москве почти все лето —

<стр. 321>

в пыли и шуме. Хуже всего, что вовсе не освежил голову и еден плен, по Вашему мудрому предвидению, вполне к сочинению музыки импотентен.

Исходя из этого, — что я могу предложить Пайчадзе? У меня в плане нет — ничего. Принялся было за струнный квартет¹, — но материал оказался неповоротливый, — бросил. Если дать что-нибудь из «Развлечений»? Я их сейчас имею в одном опусе, но можно и разбить, тогда № 2, пожалуй, подошел бы и для издания и для исполнения Кусевицким (это струнная Симфоньетта, с тремя солистами V[iolin]o, V[iol]a, V[ioloncel]l, которые играют немного и легко в 1-й части, много и трудно — сравнительно — во 2-й, в вариациях, и вовсе не играют и финале, где им не поспеть за общим Prestissimo). Остальные два «развлечения» немножко русопяты и грубоваты, кроме того, их мне сейчас расписали на голоса, взяв обещание, что я их дам Музсектору, — пришлось согласиться, так как исполнение вполне на носу — их играет Персимфанс в своем первом концерте 7-го и 14 октября² (не будете ли Вы здесь к этому времени?).

Вы меня упрекаете в холодности к Вашему Кусе. А почему я должен быть к нему тёпел? Ведь он за все годы поставил у себя через силу только одну 8-ю симфонию, да и ту сам не играл³, а в Париже так и вовсе ее не поставил, хотя, сколько помню, вроде того, что обещал. У меня абсолютно нет никаких к нему претензий, в особенности в отношении Парижа, где моя музыка, конечно, не ко двору, но я, естественно, должен быть внимательнее (то есть больше считаться) к Стоковскому, который первый в Америке (благодаря все же Вам) поставил и 5-ю, и 6-ю симфонии⁴, а теперь пришел в восторг (я ему посылал рукопись), (как он сам пишет Дзимитровскому) от труднейшей и мало понятной даже здесь 10-й симфонии, которую и просил ему предоставить для первого исполнения в Америке. Таким образом, я ничего не буду иметь против — дать Кусевицкому 9-ю симфонию, хотя по опыту с Малько убедился, что и эта вещичка, несмотря на свою простоту, не так легка для исполнения (интерпретации), и еще лучше, если бы Симфоньетту из «Развлечений», которая сама течет. Я бы мог вам заказать копию партитуры и послать. Голоса могли бы сделать сами, в особенности, если бы Вы решили, что можно ее и издать в РМИ.

Чтобы закончить о моих делах. Не знаете ли, получил Пайчадзе мои романсы ор. 2 и письмо, которые я ему еще летом отправил по адресу Grandes Editions Musicales? Я беспокоюсь, так как они с подтекстованным переводом и поправками, а у меня ничего этого больше не осталось.

Ужасно мне досадно, что не удастся сделать III часть симфонии Вашей. А может быть, Вы ее захватите с собой при поездке сюда? Я бы успел переложить — ведь я очень быстро работаю. Почему до сих пор не продаются ни партитура 2-й симфонии, ни «Блудный сын», ни клавир Квинтета? Я их так жажду! «Блудный сын» у меня то и дело всплывает в памяти — в самое разное время, в самых разных местах — в нем очень сильные темы.

<стр. 322>

Вы гравируете «Игрока», — а «Огн[енный] ангел» еще лежит? Мне почему-то кажется, что его можно у нас поставить вполне а н т и р е л и г и о з н о , очень уж вызывающе сделана последняя сцена.

Я очень рад за Вашу Симфоньетту, хотя она мне нравилась и в старом виде — как раз третьего дня сидел над ней вечером. А «Сны» и «Осеннее» будут шлифоваться?

Желаю Вам всего лучшего; обнимаю Вас крепко. Сердечный привет Лине Ивановне.

Жду Вас сюда с нетерпением.

Ваш *Н. Мясковский*

294. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 сентября 1929 г., Кюлоз

Кюлоз, 21 сентября 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Только что отправил Вам по адресу Музсектора третью часть III симфонии. Гравер вдруг прислал мне корректуру, а Куся, пользуясь тем, что я теперь занят корректурой клавира «Игрока», увез рукопись в Америку, для исполнения в начале сезона¹. Таким образом, третья часть поступает в Ваше распоряжение приблизительно на полтора месяца. Если будете перекладывать, то не слишком проклинаяте меня за чертовщину. Смысл экспозиции отчасти раскрывается в репризе. Только что получил от Дзимитровского Ваши «Воспоминания», которые с удовольствием разыгрываю. Подробные суждения — в следующем письме.

Обнимаю Вас.

Ваш *С. Пркфв*

295. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 октября 1929 г., Париж

Grandes Editions Musicales,
22, rue d'Anjou, Paris VIII, France.
19 октября 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Извините, что задержал ответ, но мы переезжали из деревни в город, по дороге перевернулись вместе с автомобилем и около недели пролежали. Отделались, впрочем, довольно благополучно.

По получении Вашего письма от 26 сентября*, я немедленно написал Пайчадзе относительно Вашей Симфоньетты. Он ответил, что изда-

* Описка, следует читать — 16 сентября.

<стр. 323>

тельство очень хотело бы иметь ее, и что она интересует его в гораздо большей мере, чем романсы (которые, между прочим, получены). [...] Переложение Симфоньетты желательно иметь непременно двухручное.

Моя поездка в СССР начинает походить на реальность¹ и много шансов,

что в последних числах октября я буду в Ваших объятиях. Во всяком случае, до моего отъезда я увижу Пайчадзе, который в данный момент в отъезде, и тогда запасусь от него всеми необходимыми инструкциями, для того, чтобы кончить дело с Симфоньеттой. Мне ужасно хочется, чтобы она появилась в нашем издательстве.

Надеюсь, что получили бандероли с «Блудным сыном» и с III частью симфонии. Крепко обнимаю Вас. Лина Ивановна приветствует Вас. О дне приезда сообщу дополнительно.

Ваш С. Пркфв

296. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 октября 1929 г., Париж

6, rue Bassano, Paris XVI, France
23 октября 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Выехать из Парижа думаю 27 октября, а в Москву приеду 30-го; если же задержусь в Берлине, то 31-го. Накануне пришлю Вам телеграмму.

Теперь разрешите побеспокоить Вас и попросить задержать мне комнату в Метрополе или другом отеле. Очень извиняюсь, что утруждаю Вас, но мне не хотелось обращаться к Персимфансу или к Большому театру, чтобы не окрашивать мой приезд общением с какой-нибудь отдельной группой. А может, Вы просто попросите от меня Держановского, чтобы он озаботился этим. У него, вероятно, большая техника.

Здесь в издательство пришла от него телеграмма с запросом о моем здоровье. Очевидно, сведения об автомобильной катастрофе достигли Москвы. В общем, от этого приключения остался лишь хвостик в виде выбитого зуба и синяков по всему телу. Да вот еще, пожалуй, неприятность, что, падая, растянул мускулы у левой кисти, так что пока могу играть на рояле все, кроме октав левой руки.

Итак, до скорого и приятного свидания. Ждите от меня телеграмму числа 29-го. Пайчадзе еще не вернулся из Лондона, но я должен увидеть его до отъезда.

Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

<стр. 324>

297. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 октября 1929 г., Варшава

Приеду среду тридцатого, десять пятьдесят утра Белорусский вокзал.

Прокофьев

298. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 декабря 1929 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, надеюсь, мое письмо еще застанет Вас в Париже. Пишу Вам по моим делам — именно о Симфоньетте. Мне пришлось все-таки уступить Юровскому и отдать и ее тоже в Музсектор. С Вами он не был вполне откровенен. Это ничего, хотя мне немного и жаль, что не удалось напечатать эту пьесу в РМИ. Правда, есть у нас и преимущество — она будет свободно продаваться и все-таки я думаю, что по своему стилю Симфоньетта для РМИ, быть может, и не очень подходит. Когда Пайчадзе приступит к печатанию романсов — попросите его не посылать мне при корректуре оригиналов, так как у меня есть наброски. Что касается дальнейших моих связей с издательством, то я думаю, что они будут камерные, — подойдет это?

До Вас, наверное, уже дошли слухи о бешеной атаке на «Стальной скок» со стороны «передовой» нашей музыкальной организации ВАПМ¹. Кажется, они добились изъятия балета из репертуара.

После Вашего отъезда я долго еще был под впечатлением и Симфоньетты, и «Вещей в себе». А теперь жду не дождусь партитуры 2-й симфонии — мы уже как-нибудь ее да переложим с Ламмом. Что касается транскрипции 4-й симфонии, то если только Вы сами не сделаете ее в 2 руки, — делаю ее я, но в 4 руки... — и Дивертисмент².

Желаю Вам приятной прогулки по Америке³. По моему расчету, Вы там должны играть через день! Вот ужас! Обнимаю Вас крепко. Душевный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

Вспомнил — почему Вы не приструнили Сараджева⁴ до сих пор? Он не думает, что Вы о нем забыли.

Н. М

17/XII 1929. Москва

<стр. 325>

299. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 декабря 1929 г.

On board the Cunard, R.M.S. «Berengaria»
28 дек. 1929

Дорогой Николай Яковлевич.

Досадно с Симфоньеттой. Передайте Юровскому мое «ПФЭ!» Издательство очень на нее настроилось и приготовилось лансировать*, для чего Симфоньетта представляла приятный и покладистый материал. Камерные

вещи менее порадуют Пайчадзе: вокруг них труднее сделать шум и будут они продаваться потихоньку, скромно. (Это не для того, чтобы Вас разочаровать, а чтобы колебнуть.)

Досадно и со «Скоком». Гусман мне о снятии еще не писал, наоборот, по его словам «Скок» поставлен на обсуждение какой-то комиссии.

Пайчадзе должен был послать в «Книгу» печатную партитуру 2-й симфонии. Так как он, конечно, забыл, то напоминаю ему одновременно с этим письмом и прошу, кроме того, написать в «Книгу», чтобы выдали Вам партитуру на руки. Недели через две наведите справочку, прибыло ли и то и другое, то есть партитура и разрешение. Мне в высшей степени хотелось бы, чтобы Вы переложили эту симфонию», только, конечно, в 4, а не в 16 рук. 4-я пока не сдвинулась с места, но она за Вами.

Обнимаю Вас крепко. С сараджевскими струнами я опозорился забыл, но теперь это записано всюду, привезу весною. От Лин[ы] Ив[ановны] сердечный привет.

Ваш *С. Пркфв*

Р. S. Корабль везет еще Рахманинова. По вечерам, если не качает, раскладываем с ним пасьянсы. Какая идиллия!

Адрес до 26 марта: Mr. Serge Prokofieff, c/o Haensel & Jones, I 18 West 57, New York, N. Y.

300. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

8 февраля 1930 г., Нью-Йорк

Нью-Йорк, 8 фев. 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Среди ужасающей американской сутолоки редко удастся вырвать момент, чтобы написать письмо, но мы часто вспоминаем о Вас: Лина Ив[ановна] поет «Круги»¹, а я разговариваю о Вас, что Вы увидите из прилагаемого².

* пускать в ход — от lancer (*франц.*).

<стр. 326>

7 симфонических и 4 камерных прошли³, — и сейчас мы трогаемся через весь континент в Калифорнию: 5 дней пути, можно в поезде отдохнуть.

Крепко целую Вас. Привет Вал[ентине] Як[овлевне] и Держановским от нас обоих.

Ваш *С. Пркфв*

Мечтаю написать струнный квартет!⁴

Из трех фотографий, Лелю — Леле⁵, остальные — Вам.

<стр. 326>

301. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 февраля 1930 г.

21 фев. 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Пишу Вам в поезде, по дороге из Калифорнии в Чикаго¹. В Лос-Анджелесе Вы завели себе горячего поклонника среди критиков. Он дал о Вас ряд статей, каковые при сем прилагаю. Другой пакет с рецензиями о Вашей 6-й должен послать Вам Родзинский. Он недавно играл ее с отличным успехом². Родзинский — ставленник Стоковского, интересуется Вами, вообще — приятная личность, если только не слетит за слишком горячую пропаганду современной музыки. Я ему говорил о Ваших «Развлечениях», очень интересующих его. Но как с материалами? Хорошо бы, чтобы Музсектор сразу написал ему (Dr. Arthur Rodzinski, 424 Auditorium, Los Angeles, California, USA), ссылаясь хотя бы на меня и объясняя, когда и как можно получить ноты.

От Вас ни гугушеньки. Может, в Чикаго встретит меня свежая почта. Поездкой я доволен: понемножку в меня здесь, кажется, уверовали. Квартет в самом деле буду писать: принял заказ от Вашингтонской библиотеки (рукопись поступает к ним), как в свое время Стравишкин на «Аполлона».

Крепко обнимаю.

Ваш С. Прокфв

302. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

30 марта 1930 г., Москва

30/III 1930. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, пишу Вам в Париж, так как Вы, наверное, уже покинули кипучую Америку. Как-то не писалось туда — было такое чувство, что нужно догонять Вас в междупланетных прост-

<стр. 327>

ранствах. Получил оба Ваших письма и вырезки из Лос-Анджелеса; а недавно и вырезки от Родзинского. Я не знал, что он там. Он ведь играл 6-ю симфонию в свое время в Филадельфии вместо Стоковского¹, и я думал, что он там же сидит. Нужно ему что-нибудь отвечать — или это вполне бесполезно? У нас здесь дела совсем омертвели. Концертной жизни почти нет. Симфонических концертов не бывает. Персимфанс при последнем издыхании, Софил — так перестраивается, что ему не до концертов; в нем теперь засели Ваши «друзья» — пролетарские музыканты² с Пшибышевским во главе — и современной музыке едва ли дадут ходу (кроме своей, конечно). Про Вас и говорить нечего. В Большом театре тоже все переменилось. Гусман и Александровский ушли и вновь появилась Малиновская. Ее позиция мне еще не известна, но симптоматично, что она возвращает Голованова.

Пока современная музыка оттуда тоже изгнана: «Ст[альной] Скок», «Нос», Хиндемит и еще что-то. Зато ставится «Тоска»! Дирижирует Савич, который вчера полностью показал свою мелкотравчатость —провалив симфонию Франка и др.³. Что будет дальше, трудно себе вообразить. Во всяком случае, хорошей музыке, тем более современной и в особенности русской, — придется пока посторониться.

Я думать о симфониях бросил. В течение же последних 4-х месяцев настряпал два струнных квартета⁴. Один посложнее в 4-х частях, другой — поскромнее в 3-х. Только третьего дня кончил инструментовку их и потому еще не пробовал. Хотя музыка вышла и тухловатая, но, кажется, довольно струнно, а я считаю для себя и это большим достижением. Фокусов никаких не делал.

Из-за этого меня крайне интересует, что это будет у Вас за квартет. Жаль только, что не скоро удастся его увидеть, так как при современной обстановке не думаю, чтобы Вам была нужда сюда ехать, тем более, что, кажется, и Мейерхольд на днях выезжает за границу со своим театром⁵.

Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

303. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2 апреля 1930 г.

S. S. Ile de France.

A bord, le 2 apr. 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Пишу Вам с корабля, на обратном пути из Америки. Прилагаю несколько программ, на которых мелькают Ваши крошки¹. 24 марта в Чикаго видел Стока, Вашего большого адмиратора *. Оказывается,

* l'admirateur (*франц.*) — поклонник.

<стр. 328>

этот умник за последние годы успел сыграть в Чикаго Ваши 4, 5, 6, 7 и 8 симфонии² и очень обрадовался известию о «Развлечениях», которые непременно исполнит в будущем сезоне. Родзинский в Лос-Анджелесе, после 6-й, объявил Вашу 1-ю. Стоковский, если не ошибаюсь, будет исполнять 10-ю в половине апреля, кажется, вместе с моей увертюрой ор. 42, переинструментированной для полного оркестра³.

От Вас, да вообще от москвичей, не получил в Америке ни одной строки, лишь Асафьев из Детского подарил открыткой. Надеюсь, по приезде во Францию найти пачку писем. Тогда же выяснится, приеду ли я в начале мая в Москву, как собирался, или же придется отложить до осени.

Пока обнимаю Вас нежно. Сердечный привет от Лины Ивановны. Пишите мне на Grandes Editions Musicales, 22, rue d'Anjou, Paris VIII.

Ваш *С. Пркфв*

304. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 апреля 1930 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
как давно от Вас нет вестей! Последнее Ваше письмо — с парохода. Очень меня заинтересовали мелькающие в Ваших программах русские песни в обработке Прокофьева¹. Что это такое? Чрезвычайно интригует. Пожалуйста, передайте Лине Ивановне мое благодарное восхищение за пропаганду «Кружочков». Об исполнении 10-й симфонии пока сведений еще никаких не имею. Что Родзинский будет играть 1-ю симфонию — очень полезно, хотя, конечно, лучше было бы взять более оригинальную 2-ю или 3-ю. Тем более, что в партиях 1-й обнаружилась куча зlostнейших ошибок (я сам их корректировал!!). Ну, конечно, теперь уже ничего не поправишь. «Развлечения» только-только начинают печататься, а симфоньетта — до сих пор так и не играна². Я начинаю жалеть, что не отдал ее в РМИ, тем более, что сюда лучше подойдут мои квартеты, из которых один (плохой, конечно) имеет здесь бурный успех (правда, еще до исполнения), и на него организована форменная охота со стороны квартетных ансамблей.

Так как сюда я Вас не жду, то очень озабочен, чтобы Вы мне прислали все, — что только вышло Вашего за это время. Что Ваш «друг» Пайчадзе не хочет мне продать партитуру Вашей 2-й симфонии (а заодно и Класс[ическую] симфонию), я ему никогда не прощу! 3-я тоже, вероятно, не будет в продаже? Удивительная политика, если не сказать, просто глупая! Дюран, — кажется, не в убытке, а он в с е

<стр. 329>

продает. Сейчас я трачу время на сочинение «военных» маршей для военного же оркестра³. Вот скучища!

Обнимаю Вас крепчайше. Привет Лине Ивановне. Где будет Ваше лето?

Ваш Н. Мясковский

29/IV 1930

Месяца через полтора я буду уже в новом доме!

305. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 мая 1930 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

4 мая 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Благодарю Вас за Ваше письмо от 30 марта, оно было чрезвычайно ценно для меня. На днях получил сведения об исполнении Стоковским Вашей X симфонии, которую он дал в начале апреля в Филадельфии, а потом в Нью-Йорке. Шла она в заключение русской программы, отношение к ней было и

хорошее, и плохое, словом, пестрое, но, во всяком случае, гораздо лучшее, чем к моей увертюре ор. 42, которая ей предшествовала. Если интересуетесь прессой, то достану Вам.

О том, что делается в Большом театре, до меня мало что доходит. Гусман замолчал, а Мейерхольд еще не доехал до Парижа. Откуда-то я слышал, что музыкальной частью ныне заведует Кубацкий ¹. Это не тот ли, которого я встретил у Яворского, и который убеждал меня в необходимости дать в Москве ряд симфонических из моих сочинений? В таком случае, придя к власти, сохранил ли он в репертуаре «Апельсины»?

Как это Вы здорово сразу накатали два квартета! Не смею Вас просить, но мне было бы очень интересно поглядеть на их темы. Для моего готов почти весь материал, сочиненный, главным образом, в железнодорожных вагонах. Сейчас я вожусь с финалом IV симфонии и, как только кончу его, примусь как следует за квартет. Будет он в си миноре и в трех частях. А в каком положении четырехручное переложение III симфонии? У меня осталось в памяти, что первая и вторая части вышли у Вас очень здорово, а в финале есть несколько неясностей. Чем же кончилась попытка Шебалина одолеть скерцо?² Что бы Вы сказали, если бы я попросил Вас прислать это переложение сюда? Может быть, Вы позволили бы мне подчистить несколько смущающих меня мест, а затем попытаться и напечатать его.

Поездки в СССР я отложил на осень и пока берегу для нее тот же период, что и в прошлом году. Родзинскому лучше напишите два слова по-французски или по-немецки — он будет очень польщен. Отче-

<стр. 330>

го, в сущности, Вам не поощрить вниманием человека, который с наслаждением разыгрывает Вашу музыку.

Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

Стравинский пишет симфонию с хором³.

5 мая.

Только что подали Ваше [письмо] от 29 апреля. Можно ли снова предложить Вашу симфоньетту в парижское издательство? Там очень жалели, когда Вы отказали. Единственное неудобство: сейчас у них в СССР, кажется, нет денег, и Вам придется подождать несколько месяцев, пока у них появятся червонцы для гонорара, так как переводить из Парижа они не захотят.

Русские песни, гармонизированные Прокофьевым, — весьма малозначащие какашки. Если я вдруг напечатаю их (без опуса), то пришлю Вам. К 1 июня выйдут «Вещи в себе» и клавир квинтета, вышлю немедленно.

Пишите по адресу что на обороте, — это отныне наша постоянная квартира. Дачу еще не искали, а между тем, вероятно, все уже разобрано. Обнимаю.

С. П.

16 мая 1930 г., Москва

16/V 1930. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

Вы меня чрезвычайно обрадовали своим письмом, а то я начал сильно беспокоиться, — что с Вами, где Вы, получили ли мои письма и т. д. Очень рад, что все благополучно, а из одного письма к Держановскому¹ узнал еще, что Вы, не успев ступить на европейскую территорию, опять помчались на какие-то концерты². Надеюсь, что теперь суতোлка Ваша кончилась, и Вы надолго засели за музыку. С нетерпением буду ждать «Вещи», квинтет, а также новинки. Н-moll'ный (вероятно, тональность взята как небывалая?!) квартет меня безумно интересует. Так как Вы заведомо не впадете в Стравинского, то это должно получиться что-нибудь совсем небывалое. А главное, это-то мы наверняка услышим, а не так как симфонии Ваши — совсем нам недоступные, и чем дальше, тем, по-видимому, больше. Сейчас я совсем себе не представляю, как сложится в дальнейшем наша музыкальная жизнь, — но радужных предпосылок нет. Новинки играют почти исключительно по радио (благодаря, конечно, Держановскому), но как — это Вы должны помнить. Ваш концерт был еще блестяще обставлен, но и то, — что можно сделать с акустикой радиотеатра! А когда концерт идет в

<стр. 331>

студии, то, во-первых, туда не попадешь, а во-вторых, там уж акустики вообще нет никакой. Недавно там шла моя струнная симфоньетта³ (наконец-то!), — несмотря на все мое внимание и учет условий я решительно не могу сказать, как она в итоге будет звучать и останутся ли те дефекты, которые мне показались, и при ином исполнении. Все же многое ретушировал, и думаю, что пьеса звучать в хорошем оркестре все же должна убедительно. И 1-я часть, и тема с вариациями, и, в особенности, финал звучали, как было задумано; немного разочаровала лучшая (медленная) вариация, но, кажется, я нашел верную редакцию. Все soli — звучали отлично. Из Ваших вещей там, за отсутствием каких-либо иных нот, играют только отрывки из «Апельсинов», да скрипичный концерт (недавно опять играл тот же Рабинович). Что касается дел Большого театра, то, конечно, Кубацкий никакую хорошую музыку в обиду не даст (он отличный музыкант). «Апельсины» идут. Гусман давно уже ушел.

Недавно в Музсекторе получили программы концертов Стоковского, но отзывов еще нет. Очень забавны в этих программах поиски сюжета 10-й симфонии моей, причем перечислены все ихтиозавры русской литературы до Хераскова и Богдановича (!) включительно, а виновник происшествия — Пушкин — скромно упомянут в конце. Но я нарочно не упоминал о «Медном всаднике», чтобы наши умные критики вместо «душевного смятения» не стали искать одного лишь наводнения, что было бы нетрудно найти при том обилии нот, какое имеется в этой симфонии. У меня же перед глазами был главным

образом рисунок А. Бенуа (помните, быть может? — бегущий Евгений, а за ним скачущий всадник), и всякие лирики и смятенные вопли. Если хотите, я Вам пошлю партитуру (быть может, и вместе с клавиром), из нее будет вполне ясно, что американцам эта симфония едва ли могла быть понятна.

Последнее время я был очень занят (много работы в Музсекторе), кроме того, затеял писать марши для военного оркестра⁴ (настоящие красноармейские, а не просто так), ну и замучился с этой скучнейшей военной оркестровкой, которую решил делать сам. Сегодня, наконец сделал последний марш, и, кажется, вполне соответственно и требованиям, и исполнительским ресурсам. Квартетов до сих пор не удалось попробовать, так как «состав», для которого писал — стреножен (1-я скрипка вышла из строя), а другим он заклинал меня не давать⁵. За один квартет не жалею, так как он очень трудный и будет звучать (если будет, конечно) только после выучки, ну, а другой такой, что и с листа бы пошел, и его мне особенно хотелось бы услышать скорее. Темки я Вам приложу на листке. Ценного материала в них в общем мало, но получилось в целом складно и кое-что небезынтересно.

Сейчас жду возвращения из Туркестана Шебалина. И если он сам не сделает Ваше скерцо, — попытаюсь опять за него приняться⁶. А партитура еще не вышла? Как только все будет готово — вышлю переложение Вам. Конечно, кромсайте его как хотите — ведь это же Ваше

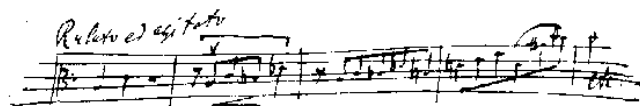
<стр. 332>

детище. Финал меня также не совсем удовлетворяет, и его, наверное, можно сделать проще и доходчивее. Сейчас мне трудно, к сожалению, что-нибудь предпринимать, так как у меня нет партитуры. Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

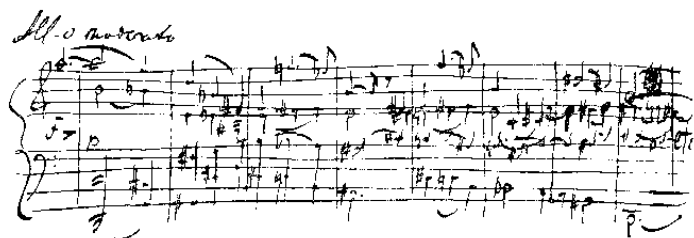
1-й квартет: a-moll

I часть:

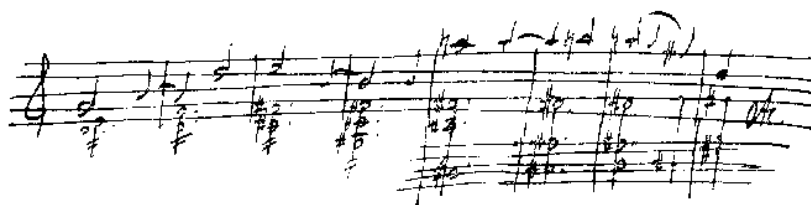

Это вступительная тема, она же связующий фермент везде, где возможно (I — I).

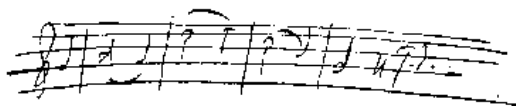
Главная тема:

Побочная тема:

Дальше кое-что еще, но столь же простое:

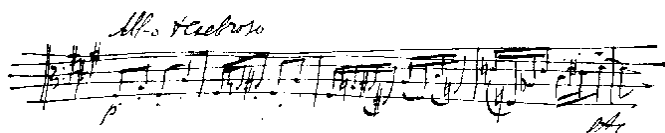

В I части другого материала нет.

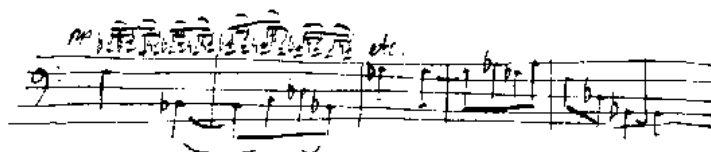
<стр. 333>

II часть — очень трудное скерцо, скорей этюд.

1-я тема:

2-я тема:

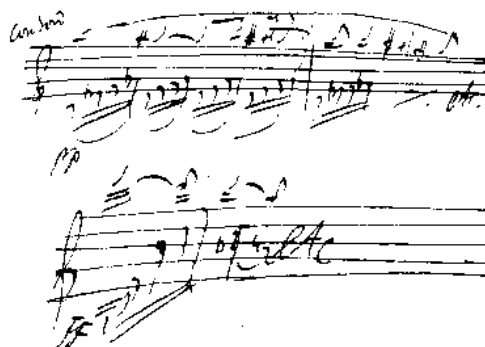
Средняя часть:

III часть — нечто вроде монолога:

Средние мотивчики:

(8 ниже, конечно).

<стр. 334>

IV часть (Рондо):

Главная тема, конечно, иначе изложена (разбито)

2-я немного непристойная темка:

далее зато она очень мило идет на фоне вроде 2-й темы скерцо (шорохи).

3-я тема — с мотивом из 3-й части:

В общем, суховато и длинно.

2-й квартет: c-moll. Этот квартет по темам слабее, но теплее и как-то

более крепко и залихватски вышел. I часть. Лейтаккорды:

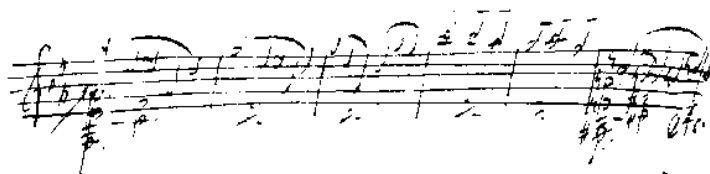

Главная тема:

<стр. 335>

2-я тема:

(есть еще мотивчики, но столь же незначительные).

II часть. 1-я тема:

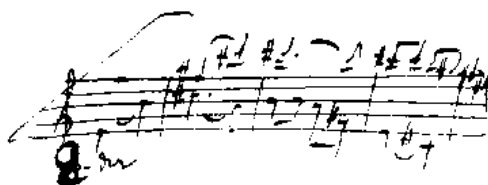
есть еще пара мотивчиков, таких же простоватых, а средняя тема совсем тухлая.

III часть (Rondo).

1-я тема:

2-я тема:

3-я тема:

Это хотя и глазуновски, но очень хлестко вышло.

<стр. 336>

307. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 июля 1930 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

совсем не знал что и думать — 2 месяца от Вас ни слуху ни духу! Вдруг сегодня получил посылку и несказанно обрадовался. Правда, сознаюсь, ожидал лучшего — думал, что квинтет будет, ну, да, так и быть, помирюсь и с «Капричье» Стравинки¹. Еще первая часть туда сюда — нерв есть, Adagio уже хуже, — что-то вроде сонатного, а финал просто непристойность. Это Минкус какой-то; не говоря о том, что это балетность самая неприкрытая, но ведь и пошлость безоглядная! Все Стравинские последние выкрутасы спасает то, что, будучи обсосаны технической выдумкой (так называемым мастерством — по-моему, и в этом небольшим), они зияют отсутствием эмоциональности и благодаря этому — скучны, но не противны. Каприччио же уже скользнуло чуть в эмоцию. Может быть, это лишь мое первое впечатление, тем более, что от предчувствия грозы, я себя сегодня весь день скверно чувствовал, но боюсь, что данных мало для изменения моего мнения.

«Вещи в себе»² по-прежнему тянет играть не раз и не два, хотя они и написаны в очень суровой манере. Вхожу во вкус даже В-dur'ной середины первой!

Получили ли Вы мое письмо с иеремиадами, квартетными темами и т. п.? Может быть, не получили и оттого молчите? Хотя я склонен думать, что молчание Ваше больше связано с работой, и потому мирюсь. Из всей современной музыки только Ваша меня радует, как подлинное творчество и более неожиданное и новое, чем все нарочитые «новости» Стравинского (почему мне в 1-й части его Каприччио чувствуется что-то веберовское?). В каком положении квартет? Я все-таки нашел два квартета in H — один у Н. Афанасьева (ископаемое, того, чья «Волга») и у В. Ширинского (моего

ученика) ³. Какая все-таки свинья Ваш Пайчадзе, что не продает Ваших партитур!

Между прочим, я очень рад, что не послал в РМИ симфоньетту свою. Хотя она и превосходно теперь звучит (недавно ее опять играли) ⁴ и имеет хороший успех, но все же оставляет чувство некоторой досады, что не достаточно смело и ярко (в смысле известного «модернизма») сделана. И это чувство не только у меня, но и у некоторых моих приятелей. Так что я перестал жалеть. Нового ничего не пишу.

Был у Вас в этом году какой-нибудь сезон? Что из Вашего исполнялось? Может быть, пришлете какой-нибудь проспектик. Между прочим, не вышла ли мал[енькая] партитура «Болеро» Равеля — там есть интересные вещи, и мне бы очень хотелось взглянуть. Я сейчас не знаю, как обернется дело с квартирой — быть может, я недели через

<стр. 337>

две перееду, так что пишите мне пока на адрес «Музсектора Госиздата», Неглинный проезд, д. 14. Но все-таки пишите. Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Всегда Ваш *Н. Мясковский*
18/VII 1930. Москва

А потом мой адрес будет: Сивцев Вражек, д. 4, кв. 11.

308. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 июля 1930 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
24 июля 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Вы правы, оба Ваши письма от 16 мая и 18 июля я получил, не отвечал же, увязнув в работе. 12 июля написал несколько слов Держановскому ¹, прося его передать Вам привет и извинения. Зато кончил четвертую симфонию (с финалом пришлось повозиться), переложил в две руки Дивертисмент, а сейчас вот-вот придушу квартет: осталось доделать разработку и репризу первой части, вторая же часть (Скерцо) и третья (Andante) готовы. Центр тяжести в третьей, медленной части, которая и заканчивает квартет. Конечно, пока все это еще эскизы, хотя в большинстве случаев точные. Закончив первую часть, отложу всю вещь в шкаф на несколько месяцев, а затем пересмотрю и напишу партитуру, это будет, вероятно, вопрос недели.

Очень обрадовался, получив от Вас материалы Ваших квартетов. В первом мне больше всего понравились две темки из середины Andante. Меньше понравилась тема вступления и начало скерцо: к последнему рисунку Вы не раз возвращаетесь (пятая симфония, вторая «Причуда»). Во втором квартете Вы напрасно ругаете свой материал: он очень симпатичный, а кадрили из третьей части и вовсе задорная.

В Каприччио Стравинского Вы совершенно верно угадали веберовский

дух: об этом духе мне говорил сам автор, когда сочинял. О маленькой партитурке «Болеро» наведу справку, и если она вышла, или как только выйдет, пришлю. Также скоро пришлю Вам двуручное переложение моего Дивертисмента, которое оказалось очень играбельным. Его, не в пример прошлым вещам, издательство решило напечатать молниеносно. Что касается до переложения квинтета, то оно давно награвировано и прокорректировано, но Пайчадзе забыл его напечатать, вероятно, потому, что не рассчитывает на его продажу.

Ничего интересного в Париже этой весной не играли, так что даже нельзя составить Вам никакого проспектика. А что это все-таки за марши, которые Вы сочинили? Вероятно, выйдут клавиры — непременно-

<стр. 338>

но пришлите. Затем, верно ли я понял, что Вы мне, может быть, пришлете клавиры и партитуру десятой?² Неужели они вышли? Ну, конечно, тогда обязательно пришлите. Си-минорная тональность, вероятно, оттого не свойственна квартету, что тоника находится как раз под толстой струной виолончели и альты, а потому, так сказать, пропадает целая септима для глубины основного тона. Поэтому, сочиняя квартет в си миноре, надо прежде всего задумать его так, чтобы не чувствовалась пропажа этой септимы. В остальных же отношениях тональность такая же удобная, как и самый популярный для струнных вещей ре мажор!

Не берите с меня примера и пишите поскорей. Мы пока еще в городе, но если уедем на дачу, то письма будут пересылаться аккуратно. В половине октября мечтаю приехать в Москву недели на три-четыре и пока оберегаю этот период от заграничных ангажементов. Я все-таки не понял, что Вы сделали со своей симфоньеттой: привели ли ее в окончательный вид, или отложили это до следующего прослушания. Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет от жены.

Ваш С. Пркфв

309. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 августа 1930 г., Москва

1 августа 1930 г. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
письмо Ваше пролило бальзам в мою душу. Я, правда, уже был спокоен, так как Держановский мне что-то в телефон буркнул, но я просто люблю читать Ваши лаконические строки — освежающе действуют. А я в таком освежении весьма нуждался, так как совершенно измучился с подготовкой переезда в новую квартиру. Не говоря уже об укладке нот (150 пакетов!), я сбился с ног в поисках хоть какой-нибудь мебели — ни кроватей, ни столов, ни гардеробов, ни книжных шкафов! Из-за того, что я второе лето сижу в городе, нервы мои пришли в полный упадок, и я абсолютно потерял последние творческие способности. С апреля в голове не шевельнулось ни одной самой жалкой

мыслишки, а заказы могли бы сыпаться со всех сторон, — главным образом, на оперы, конечно. Правда, впрочем, все предлагаемые сюжеты в большинстве — полное надругательство над здравым смыслом, но если самому пошарить, можно было бы что-нибудь найти, — но нет даже на такую подготовительную работу никаких сил и охоты.

Поэтому я только тем и живу, что думаю о чужом творчестве. Правда, наше московское тоже поднадоело, так как, откровенно говоря, мало кто пишет настоящую музыку — все больше «на случай», но зато Ваша продуктивность меня сильно утешает. Я с нетерпением жду и 4-ю симфонию, и квартет, и в полном раже от предвкушения Дивер-

<стр. 339>

тисмента. Думаю, что можно будет посылать уже на новый адрес, так как 5 августа я уже перееду. Это будет так: Москва 19, Сивцев Вражек, д. 4, кв. 11. Сивцев Вражек — значит: овраг речки Сивки, которая там когда-то текла! Так что можно думать, что у меня необыкновенно живописная усадьба, на самом же деле все 4 окна в обе стороны выходят в грязные замусоренные дворы, в одном из которых доживает свое незавидное существование какой-то жалкий тополек. Зато четыре **н а р у ж н ы х** стены (одна на лестницу)! Надеюсь, что через два с половиной месяца увидите мой «Гут»*. Что Вы будете здесь в октябре налаживать? С Мейерхольдом виделись? Интересно, что он Вам рассказывал.

Сегодня распорядился послать Вам 10 симфонию в обоих видах. За клавиры будете ругаться, так как опять его сделали врозь — у нас не умеют гравировать по-дюрановски ¹, очень косные граверы. Марши не пошлю. Это «настоящая» военная музыка, **з а д у м а н н а я** для духового оркестра и под быстрый шаг, — чтобы весело идти было. Один лучший — написан по всем самым трафаретным оборотам-образцам, другой — сделан был очень заковыристо по форме и мне нравился, но оказался сложен — пришлось в переделках совершенно исказить. Оба — онэ опускались **, так как в конечном счете, все же дрянь. Симфоньетту второй раз я не слышал — после переделок, — но вполне в них уверен: облегчил трудный пассаж у соло — альты, и несколько расширил диапазон гармонный в одной из вариаций, сняв также тяжелые басы, кроме того, то там, то сям дал лучшие штрихи. Говорят, что звучала превосходно (в Сокольниках!). Но все-таки для заграницы музыка тухловата. 8 сентября в Кенигсберге Шерхен в радиоконцерте будет играть мое «Concertino lirico» — быть может, послушаете? Я радио не выношу.

Обнимаю Вас. Привет мой и сестрицы моей Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

Как читается название Вашей улицы На́йу?

310. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 августа 1930 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

я, наконец, водворился в своей новой квартире, так что можно мне, если заблагорассудится, писать по домашнему адресу: Москва 19, Сивцев Вражек, д. 4, кв. 11. Достоинство квартиры в том, что мы с

* hut (англ.) — хижина, хата.

** ohne Opuszahl {нем.) — без опуса.

<стр. 340>

сестрой здесь вполне одни — соседей с боков нет и не будет, а только сверху и снизу; пока их нет. Район, к сожалению, более шумный, чем старый, так что летом можно жить только при закрытых окнах, а так как квартира еще должна сохнуть, что возможно лишь при открытых окнах, — естественно, пока жить в ней часто бывает мучительно. Да и удобства все, главным образом, в будущем: электричество случайное, газа еще нет, телефона тоже и т. д. Но жить все же можно, я только невероятно устал с переездом и устройством, так как все делал один, отправив сестру в Ленинград, а отдохнуть не удастся: отпуск через неделю кончается, в консерватории экзамены. Говорят, что на мое имя пришли от Вас ноты, — какие еще не знаю, очень надеюсь, что Дивертисмент. Завтра мне их привезут.

Уехали Вы уже на дачу? Что теперь делаете? Я теперь в таком положении, что могу интересоваться только чужими делами, так как сам совсем обесплодел: отсутствие летнего отдыха сильно сказывается, у меня такое ощущение, словно я никогда никакой музыки и не сочинял. Надеюсь, что Вы получили партитуру и клavier 10-й симфонии; конечно, выругались по поводу последнего. Но ее очень легко смотреть по партитуре — она, в сущности, очень простая. Вы писали о маршах и симфоньете. Марши я Вам, конечно, не пошлю — они вполне «специфичны»; симфоньетту же я сделал окончательно, и хотя второго исполнения не слышал, но уверен, что все было как нужно, так как все переделки были вполне практические. Слышавшие второе исполнение никаких изъяснов указать не могли. Если Вы пользуетесь радио, попытайтесь услышать 8 сентября Кенигсберг — там Шерхен хочет сыграть и радиоконцерте мое «Лирическое концертино». Как меня интересует Ваш квартет!

Пишите мне, а то я на новой квартире скучаю — никак не могу приспособиться к непривычной разбросанности предметов обихода, к иной позе рояля и т. п.

Обнимаю Вас крепко. Привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

24/VIII 1930. Москва

311. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 августа 1930 г., Наз

Villa Stevens, La Naze, par Valmondois,
(Seine-et-Oise), France.

26 августа 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Обрадовался пакету с Вашими симфониями, но радость сместилась хулой по адресу допотопных привычек гравиров в четырехручном переложении. Что значит «не умеют гравировать по-дюрановски»? А квар-

<стр. 341>

теты гравируют же? По-дюрановски! Но в Берлине «Петрушку» уже лет двадцать как так награвировали. И вообще, это делают во всем мире. Попробовал все-таки играть, но, вывихнув глаза, отложил до появления партнера. В партитуре видел отличные места. Все же общее суждение разрешите отложить до следующего послания.

Ваше письмо получил 5 августа, то есть как раз в тот день, на который Вы объявили Ваш переезд на Сивцев Вражек. Поэтому целый день вспоминал Вас, представляя Вас идущим позади воза со 150 пакетами музыки и ловающим сыплющееся через край. Очень сочувствую Вашим мучительным поискам мебели, но во всякой новой квартире есть вопрос, более существенный, чем мебель: это тишина. Обретёте ли Вы ее от соседей, и нет ли в доме «жильца с тромбоном» или хуже — с граммофоном? Мы в нашей новой парижской квартире не вполне убереглись от этого наказания, и нас в значительной степени извели, подумайте чем?... равелевским «Болеро», которое бессъёмно вертелось на граммофоне! (Кстати, получили ли Вы посланную Вам на Музсектор партитуру?) Покупка мебели и у нас не проходит гладко. Не то, чтобы в Париже её не было, наоборот — слишком много, а потому-то и трудно разобраться, где накатывают слишком большую цену, а где подсовывают дрянь. Конечно, это не сравнится с Вашими трудностями, но я хочу сказать, что в любом городе меблировка влечет возню.

Противно, что Вы ничего не сочиняете. В таких случаях приходится утешаться тем, что перерывы освежают будущий материал. Я, кажется, возьму себя в руки и попробую запереть лавочку на полгода. А то, кончив квартет, соблазнился заказом от парижской Grand Opéra на балет¹ и теперь спешно строчу его, так как клавир надо сдать 1 декабря, а партитуру в конце января, для постановки в феврале и в марте. А тут предвидятся еще концерты, да и о поездке в СССР я все еще мечтаю.

Мейерхольда не видал вот уже месяц — он уезжал на воды, но на днях жду его появления, которое он уже анонсировал, — и тогда будет интересно узнать, какие у него новости. Пока он говорил будто «пролетарские композиторы»² до того надоели в Большом театре, что их решили больше туда не пускать.

В прошлом письме, сообщая Вам об отсутствии музыкальных новинок в Париже, я забыл упомянуть об «Оде» для сопрано, хора и малого оркестра Игоря Маркевича³, совсем юного композитора, предсмертного открытия Дягилева. Не могу сказать, чтобы она мне очень понравилась, так как сделана она по штампам, хотя и наипозднейшего образца. Однако о ней много говорили в парижских музыкальных кругах. Самое же забавное, что основная

тема этой «Оды» по своему рисунку чрезвычайно напоминает Ваши обороты. Про этого Игоря Маркевича ходил такой анекдот: сын Стравинского спросил его — «Вероятно, вам очень неприятно быть тоже Игорем?» — на что тот ответил: «Мне кажется, еще неприятнее быть тоже Стравинским».

<стр. 342>

Сердечный привет Вам и сестричке от нас обоих; Держановским также. На мое июльское письмо я еще не получил от него ответа. Мы большую часть этого лета просидели в Париже — задержали всякие дела и проливные дожди — и лишь в половине августа выбрались на дачу в 30 километрах от Парижа, куда и прошу мне писать до 10 октября, по адресу, что наверху. Но и письма, посланные на парижский адрес, будут достигать аккуратно.

Ваш *С. Пркфв*

Выше я пишу Вам, что кончил квартет, — но это еще в эскизах, хотя и подробнейших. Партитуру буду писать позднее, благо сдавать его нужно лишь в январе.

Говорят, Мариинский театр решил возобновить «Апельсины», об этом ведутся переговоры с моим издателем.

312. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 20 сентября 1930 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

Вы меня поражаете Вашим творческим энтузиазмом! Не успеть кончить одну работу и уже сесть за другую, да еще заказную, спешную (3 месяца!) — для этого нужно иметь темперамент героя. Какой сюжет мог Вам предложить театр Grand Opéra? Значит, Вы их совсем покорили! Я рад и... завидую. Не заказу, конечно, здесь заказов хоть отбавляй, но Вашей творческой энергии.

Меня со всех сторон атакуют с требованиями писать оперу, музыку к тонфильму, но я от всего открешиваюсь, так как чувствую полную творческую импотенцию. Я в ужасе даже от необходимости вести класс в консерватории — так я от музыки далек. Новая квартира с ее, так называемой, уединенностью и изолированностью, не восхищает меня ни одной секунды. Сыро, холодно, темно (запад и восток, а кроме того, нет электричества, так как до сих пор мы не соединены с городской сетью), отрезано от «света» — нет телефона — и т. д. Вообще, она меня не «стимулирует», то есть не выполняет главного своего назначения, для которого я ею обзавелся, вложив в нее три симфонии, три «Развлечения» и три квартета!¹ Правда, пока Ваши опасения насчет «жильца с тромбоном» мне не угрожают, но, кажется, наверх приехало пианино. Обещают, что стоять оно будет не над моим кабинетом, но кто знает, что за общая конструкция дома! Мое брэнчанье, кажется, весьма разносится даже на лестнице, хотя комната, где стоит рояль, не ближайшая к двери. Ну, да, авось, привыкну.

Получил партитуру Равеля — спасибо. Нагнетание в ней сделано хорошо, но смысл политональных мест мне остается также неясен, как и при

исполнении — совершенно не вытекает из простого замысла.

<стр. 343>

Раздражают и саксофоны. Вы еще не пользовались этой дрянью? Какая извращенность, что этот вульгарный звук получил такую моду! Ведь это клоун в ряду других инструментов. Между прочим, об издательстве. Мне сегодня очень упрямо ставили на вид, что неестественно не иметь здесь моих «Причуд»; они-де имеют здесь громадный спрос, а удовлетворить его нельзя. Я боюсь, что это затронет интересы Р[оссийского] м[узыкального] издат[ельства], так как из-за полной невозможности выписать эти вещи из-за границы их захотят здесь перепечатать. Между прочим, не знаете ли судьбу лежащих у Пайчадзе девяти моих романсов?

Какое несчастье, что из-за каких-то валютных невзгод нарушена всякая связь в области культурных ценностей. Я жажду Ваших симфоний (1, 2, 3), Дивертисмента и квинтета!

Обнимаю Вас. Привет Вам и Лине Ивановне от моей сестрицы, и Лине Ивановне от меня.

Ваш *Н. Мясковский*

Держановских не видел что-то месяца с два!

313. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 сентября 1930 г., Наз

Villa Stevens, La Naze, par Valmondois.
(Seine-et-Oise), France
25 сентября 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Восемь номеров из двенадцати для балета написал, но дальше дело пошло хуже, и кажется, натянув еще один, придется приняться за оркестровку, а остальные сочинить после. Сюжета Grand Opéra, по счастью, не навязывала; будет мягкий и слегка лиричный. Кончился ли Ваш период пересыхания? По себе знаю, как это скучно, но всерьез его не принимаю. Ведь Вы так же стонали, н а ч и н а я сочинять «развлечения», а между тем, вещи получились первый сорт! Все-таки как ощущение это очень неприятно; Стравинский страдает им, сочиняя каждую свою вещь. А что это за три квартета, которые Вы с прочими вещами вложили в квартиру? Я знал о существовании двух, отчего от меня скрыли о третьем?

Вашу X симфонию смотрел по партитуре и играл в четыре руки, правда, с довольно косноязычным партнером. Все-таки, чтобы охватить ее, надо услышать в оркестре. Очень мне нравится конец; хорошо возвращение к 1-й теме ([37]—[41]); вероятно, хорошо выйдет начало. Возмутительны технические приемы вроде [19] или 3-й—5-й такты после [36]. Непростительная небрежность — сходство первого такта 1-й

<стр. 344>

побочной (или это «предпобочная»? словом, [14]) со «Снегурочкой»; сходство

можно было, по крайней мере, замаскировать. Но все это рассуждения об отдельных вырванных страничках, когда за деревьями не видишь леса. Чувствуется большая линия, и эту-то линию хочется охватить во время исполнения. Если позволите, по возвращении в Париж, я заберу Вашу партитуру в портфель и постараюсь образумить некоторых парижских дирижеров — из самых эгоистических соображений: услышать самому эту вещь. [...]

Клавир Дивертисмента вышел, и вчера я его отправил Вам по домашнему адресу. 15 октября его будут играть в берлинском Радио, вместе с увертюрой ор. 42 и II концертом в моем исполнении¹. Проехать ли из Берлина недели на две-три в Москву, или же вернуться в Париж кончать балет — вопрос, который я еще не решил. Конечно, осторожнее спокойно дописать ответственную вещь, чем откладывать ее напоследок (кроме всего прочего, в первой половине сезона предстоит отыграть 7 концертов в разных городах²). В СССР меня очень тянет, хотя, собственно говоря, никакие официальные учреждения особенно не приглашают. Если в ближайшее время не произойдет каких-либо разъяснений, я, может, в самом деле переложу поездку на январь, а пока постараюсь развязаться с партитурой.

Если скоро соберетесь ответить, то пишите мне сюда. Если же задержитесь, то — на Париж или к 14—15 октября по адресу берлинского отделения издательства.

Valentin Haüy жил 150 лет тому назад и был первым изобретателем грамоты для слепых через прокалывание дырочек на картоне или толстой бумаге. Эта система была усовершенствована Брайлем и в таком виде существует до сих пор. Моя мать перед смертью³ плохо видела и научилась читать по этой системе. Библиотеки и разные другие учреждения для слепых находятся как раз в нашем районе. Произносится таинственная фамилия как три несливаемых гласных, с ударением на последней (А — и — i). Крепко обнимаю Вас. О Ваших девяти романсах справлюсь, когда буду в Париже, но боюсь, что издательство не очень торопится с вокальной музыкой, продаваемость которой самая низкая...

Ваш С. Пркфв

314. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

30 октября 1930 г., Москва

30/X 1930. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
все не мог собраться написать Вам — не то был в сплине, не то чем-то занят, а чем, всерьез и сам не знаю. Во всяком случае, не сочинением музыки. Эта бестия, видимо, надолго со мной распрощалась! Ну,

<стр. 345>

и бес с ней. Ваш Divertimento сперва меня восхищал старыми номерами (1 и 2), даже 2-м, который я находил (и нахожу) растянутым, но тем не менее превкусным. От двух последних пьес все время был в недоумении, пока,

наконец, не взял себя за шиворот и не заставил сыграть их как следует — в темп, с акцентами и с темпераментом. И, о ужас, начали нравиться и даже восхищать, даже простенькие имитации в последней! Середина в этом номере мне сразу показалась восхитительной благодаря гармониям так ловко преобразившим старую тему. Вообще, опус Вам удался. А что такое 4-я симфония в сравнении с этой штучкой?

Как Ваш берлинский радиоконцерт прошел? Хотя, правда, ничего ведь нельзя об этих вещах говорить по-настоящему — он был, верно, без публики? А как судят в конце концов о качестве таких концертов? Пресса что ли следит, или запоздалые голоса из эфирных жертв?

На следующий день после Вашего берлинского концерта в Кенигсберге (тоже по радио) Шерхен играл мое «Концертино», вместе с симфонией Веприка¹ и какой-то пьесой Шостаковича. К сожалению, никаких сведений не имею ниоткуда.

Здесь, в Москве, концертов настоящих нет. Какие-то случайные концерты дает Софил, но интереса в них — никакого. Персимфанс думает возобновить свою деятельность, но отнюдь не обновляя программы — 3-я да 5-я Бетховена и т. д.! Кое-что, но в очень скромном форме, затеяла консерватория: серии камерных и симфонических концертов в М а л о м зале. Из Вас стоит в программе: Евр[ейская] увертюра, Классич[еская] симфония, квинтет² и, кажется, романсы. Хотя дирижируют ученики дирижерского класса, но руководит делом Сараджев. Из моего добра будут трепать опять же «Концертино». Что касается моих новых квартетов, то, связав себя со Страдивариусами³, я тем самым обрек себя на величайший пост, так как юноши эти до сих пор не собирались даже вместе, а один из квартетов просто трудный. Вы спрашиваете о третьем? Так это же старье консерваторское — на тему Грига (вариации); его как-то здесь года три назад сыграли⁴, и он, к моему удивлению, отлично звучал и произвел весьма приличное впечатление, так что я, немного его подравняв, сдал издательству. Вот и все. Ваша критика местечек из 10-й симфонии попадает в цель только однажды — это возле [19]. Я сам знал, что это место очень формально, но так как это два такта, ведущие к вполне сильному месту и им поглощаемые, то они проходят вполне незамеченными, особенно в оркестре. 3 такта в фуге после [36] я слабыми вовсе не считаю, так как, во-первых, это просто интермедия, а, во-вторых, по приему это довольно не просто, ни по технике, ни по ритму (здесь двухдольность делается трехдольностью), а секвентность служит здесь только на пользу, сгущая напряжение к последнему проведению темы. Все это идет, между прочим, в диком темпе. О «Снегурочке» услышал только от Вас! Я даже теперь этого не чувствую — хотя, действительно, ряд нот совпа-

<стр. 346>

дает — настолько здесь главная роль в гармонии и заключительном повороте темы вверх; ведь это же совсем разные миры! Даже М. Штейнберг не услышал сходства, а только был заморожен гармонией h-moll в B-dur'e (или скорей наоборот). Хотя я на вид очень горячо защищаюсь, но на самом деле я не так

ущемлен — ведь эта симфония так теперь от меня далека! Всего доброго. Крепко Вас обнимаю. Как балет Ваш?! Я таю от «Бл[удного] сына».

Ваш *Н. Мясковский*

Р. С. «Межд[ународная] книга», кажется, дышит на ладан.

315. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 ноября 1930 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

9 ноября 1930

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень рад был Вашему письму, а то я уже начал запрашивать Вас открыткой о причинах сморцандо*.

Вполне понятно, что большинство моих придинок по поводу X симфонии не попали в цель; я даже рад этому. Ведь придирался я после очень поверхностного рассмотрения партитуры; но раз Вы признали одно из замечаний, то позвольте на этот раз придраться уже к Вашей системе защиты. Вы пишете: «так как эти два такта ведут к сильному месту, то они проходят вполне незамеченными» или «такие-то три такта я слабыми вовсе не считаю, так как, во-первых, это просто интерлюдия...» Вывод: подходы и интерлюдии можно писать кое-как, авось не заметят. Это — попустительство, с которым надо бороться. Конечно, всякую вещь следует судить по сильным местам, а не по слабым. Но и слабых надо избегать, так как часто они прежде других колют глаза. <Перечел; фу, какая мораль! Глупо.> **

Я никак не думал, что вторую половину Дивертисмента так трудно играть. За 3-ю часть я особенно не стою; ее немного спасает оркестровка, но, в общем, она вместе с 1-й частью сделана на старый материал (а не 2-я и 1-я части, как Вы предположили в Вашем письме). 2-ю часть я, наоборот, считаю наиболее значительной во всем опусе. Не принимайте темп *Larghetto* слишком всерьез и попробуйте сыграть его на границе с *Andantino* — может быть, тогда оно не представится Вам таким растянутым. Я знаю, что растянутым Вам кажется кусок [23] до [28]. Построен он так: основная тема разрублена на куски,

* замирания — от *smorzando* (*итал.*).

** заключенное в скобки — <> — приписка на полях.

<стр. 347>

между которыми вставлены интерлюдии из обрывков второй темы. Может быть, это объяснение прояснит Вам туманный кусок.

Балет я сочинил, кроме одного номера, и оркестровал половину, но, кажется, интереснее будет дать его не в феврале, а в мае¹, так как парижскому сезону свойственно замирать после Нового года и вновь расцветать весной. Так что я, по-видимому, скоро засяду за отделку квартета и за его клавираусцуг.

Был я на концерте Рихарда Штрауса, но композитор махал как дохлая

муха, да и в его музыке было столько несносного, что я не досидел до конца. Видел корректурный оттиск новой псалмопевной симфонии Стравинского: сурово, суховато, интересно технически. Мо родству, пожалуй, ближе всего к «Эдипу», но, слава богу, без уменьшенных септаккордов.

В ближайшие дни я еду в Льеж и Варшаву², вернусь к 25-му и буду поджидать Ваших строк ко дню возвращения. Как Ваша квартира? Обнимаю Вас. Сердечный привет от жены Валентине Яковлевне и Вам.

Ваш С. Пркфв

Как Держанулькин?

316. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 ноября 1930 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получил и открытку Вашу и письмо. Очень обрадовался — каждое письмо Ваше для меня вроде праздника, как бы куцо оно ни было. Фотографии завидные! Младшего Вашего потомка я еще не видел, а старший немного перефасонился—в нем теперь очень много черт Лины Ивановны. Прелесть какие детишки!

Я живу по-прежнему в прозябании — и физически, и морально. Физически — так как квартиру нашу приходится сушить своими костями: у меня и в спальне, и в рабочей комнате все углы и наружные стены сыры почти до плесени (новый дом!). Хорошо, что хоть не холодно пока, так как уже около 2-х недель как топят сравнительно регулярно. Хуже, что до сих пор нет полного света, но зато дали газ и хоть эта сторона урегулировалась.

Но о сочинении до сих пор не помышляю. Настолько зачерствел, что даже музыки к случаю не могу никакой сделать. Кроме того, уже целый месяц мучаюсь фурункулезом — сперва на щеке, потом перебросилось на шею; сопровождается лихорадкой и ужасно-упадочным мироощущением. Глотаю какую-то гомеопатию, но последствий пока не вижу. С Вашей «моралью» я вполне согласен, но дело в том, что нет сочинений, где бы автор чувствовал бы себя постоянно на полной

<стр. 348>

творческой высоте; поэтому часто бывает, что приходится кое-что в сочинении выполнять просто технически, — а тут уж вопрос лежит лишь в плоскости большего или меньшего умения. Вспомните жалобы Чайковского на невладение им формой! Технически это чистый вздор, так как начиная со 2-й симфонии он формой владеет безукоризненно, но именно только технически, а творчески он часто ощущал пробелы из-за вечной спешки и невозможности все течение музыки заполнить одинаково полноценным материалом. Я также против «кое-как», но, к сожалению, часто натыкаешься на такие моменты и препятствия в развитии мысли, которые удается преодолеть только техническим приемом и хорошо еще, если этот последний не слишком уже дешев. То, что Вы в X симфонии ткнули именно в указанные места, доказывает Ваше острое критическое чутье, так как эти места (собственно,

только первое) действительно формальны по мысли, но сделаны они: (и особенности второе) все же не кое-как, а с некоторым ухищрением. Меня удивило, что Вам понравился подход к репризе — я к нему никак не могу отнестись объективно, так как одно воспоминание об этом месте вызывает нечто вроде головной боли. Это была изрядная головоломка сделать 4-х голосное фугатное проведение 2-й темы на остинатной фигурации и чтобы это не было псевдо-фугато, как в «Протее» Мийо¹. В конце мне нравится все кроме последнего аккорда, который мне совершенно не нужен, но без которого ни кто другой не слышит конца. Его раньше не было.

В Дивертисменте Вашем я тоже больше всего и ценю и, пожалуй, даже люблю 2-ю часть, но большая или меньшая скорость, по-моему, не отражается на впечатлении длиннотности. Для внятности я предпочитаю часть с шестнадцатыми играть, напротив, медленнее, — она так даже выигрывает, — но я склонен думать, что дефект (верно [23] — [28] !) скорей именно в некоторой клочковатости мысли, отсутствии в этом отделе ведущего стержня. Но я уже давно с этим помирился и с величайшим удовольствием жую эту прекрасную музыку. Досадно, что здесь нельзя ее достать. Жилиеву Дивертисмент тоже очень нравится. С каким я нетерпением жду Ваш квартет! А для чего клавираусцуг? У нас квартеты так не издаются. Между прочим, наш Страдивариусский ансамбль распался, и я с своими квартетами сел на мель, так они до сих пор не сыграны. Кто будет играть Ваш квартет?! У меня к Вам просьба — только не бранитесь! — мне нужно два последних глазуновских квартетных опуса 105 и 106 («Элегия» и 6-й квартет)² — нельзя, ли их достать в Париже? Отсюда выписать невозможно. Что Штраус — давал что-нибудь новое? Или пережевывал старье? Почему Вы ничего не написали, как прошел берлинский Ваш концерт?³

Сердечный привет Лине Ивановне всенепременно и от нас обоих. Обнимаю Вас крепко.

Ваш *Н. Мясковский*

15/XI 1930. Москва

<стр. 349>

317. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

6 января 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

6 января 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Извините молчаливую свинину, которая совсем разучилась стучать своим копытцем. Впрочем, «Элегию» обожаемого Вами Глазунова я послал Вам вот уж месяц, а другого требуемого Вами опуса еще нет в продаже, как мне здесь сообщили. Моя письменная неаккуратность произошла частично от концертных поездок, которые сгустились в декабре. Из прилагаемых программ

Вы увидите, что я поигрывал и Ваши вещи, правда в ламентабельном* количестве¹. Но эта чайная ложка «симпатичного» Мясковского производила на публику крайне приятное впечатление. Восклицали: «Как, мы думали, это автор сложных сорокаминутных симфоний, а тут... так мило, так коротко, так мелодично!» Дирижерам, боящимся сорокаминутности, я говорил о Ваших симфоньеттах, но не мог в точности сказать, напечатаны ли материалы и от кого надлежит их выписывать. Будьте добры сообщить мне об этом подробно.

Среди поездок сочинял мало, но все же удалось окончательно отделать и закончить квартет, который на днях уезжает в Вашингтон, где пойдет в первый раз 24 апреля², а появится из печати в октябре. Кроме того, сделал двуручное переложение Классической симфонии; издательство обещает выпустить его без задержки. Постановка нового балета состоится весной, поэтому я временно отложил работу над ним осталось, впрочем, немного.

IV симфонию играл Кусевицкий в Бостоне в ноябре³, а Монте в Париже 18 декабря, в концерте из моих сочинений. И там, и там она была встречена скорее сдержанно: по-видимому, публике полюбились получать по физиономии; когда же композитор идет вглубь, то они теряют из виду его движение. Немало и в прессе было высказано сожалений— и даже: какой пример для молодежи, если и Прокофьев, и Стравинский упорствуют в бледной простоте! Нашлись и горячие поклонники вроде Пети, Набокова, Риети и пр. Я лично хочу отретушировать немного финал, остальное же, по-моему, настолько просто и ясно, что сомнения моих клиентов удивили меня до невозможности.

Перед тем как писать Вам это письмо, я прочел Ваше последнее, от 15 ноября, и вновь огорчился его пессимистическим тоном. Но прошло два месяца — и я рисую себе успокоительную картину: заплесневелые стены высохли, электричество засияло, фурункулы испуганно скрылись, и, главное, Вы сели за перо! Очень давно мне не пишет Асафьев. Что Вы о нем слышали? При случае сообщите ему, что я писал

* здесь — горестно-малом, жалком — от *lamentabile (итал.)*.

<стр. 350>

в ноябре и жду известий от него. Вообще из СССР пишут теперь мало. Очень приятно было получить писульку от Держанульки; надеюсь, он получил мой ответ. На днях выходит клавир «Игрока», который немедленно пошлю Вам на Музсектор; но его почему-то французские граверы издали по старой орфографии: надеюсь, что в таможне не придерутся. Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет от жены, также Валентине Яковлевне от нас обоих.

Любящий Вас С. Пркфв

11 января 1931 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

Вы совсем всколыхнули меня своим письмом. Я, правда, начал думать, что долго не получу его от Вас — так закружили Вас успехи фестивалов Ваших. На мое счастье, все благополучно, и Вы не только фестивалите, но и работаете, и не забываете старых калов, прозябающих от Вас за тридевять земель. Я все еще кисну и дохну. И свет, и газ, и кое-какое тепло у меня уже есть, но столько в то же время житейской суеты, что решительно нет никакой охоты сочинять музыку, которая, впрочем, здесь мало и кому нужна (то есть моя музыка, конечно). Такой анекдот (иллюстрация): 19 декабря здесь Армянский (впрочем, очень недурной) квартет сыграл мой 2-й квартетик (с-moll'ный, тот, что с «галопом») ¹ и произвел форменный фурор. Успех был настолько бурный, что публика (опять же преимущественно молодежь, так как «музыканты» были в этот вечер очень заняты!) по окончании требовала повторения всего квартета. Ограничились повторением одного Andante, хотя лучше всего прозвучал финал. В результате на следующий день один из моих бывших учеников в своем классе говорил нашим общим ученикам (у него гармония — у меня сочинение!), что сочинение квартетов теперь с моей стороны это «трагедия большого художника, который не находит путей к широким массам, и пишет для «аудитории Малого зала консерватории». Можно подумать, что я ничего кроме квартетов не пишу и не писал, и вообще, какая-то ерунда. Попишите-ка у нас! Я все-таки очень рад, что услышал квартет, так как оказалось, что все задумано было верно.

Сейчас я нахожусь на некотором рубеже в смысле личных дел. Я хочу покинуть учреждение, где я работал почти 10 лет, именно Музсектор. Теперь это учреждение называется Госуд[арственное] муз[ыкальное] издательство (Музгиз) и возглавляется совсем другими лицами, чем раньше, хотя я и не могу пожаловаться на невнимание ко мне, но работа принимает такой безалаберный и суетливый характер, что мне

<стр. 351>

очень не по себе, кроме того, требуются какие-то идейные планы, в чем я совсем как в лесу. Сперва будет трудно, но думаю, что хоть этот уход толкнет меня на сочинение музыки, пусть даже по заказу — надо же будет чем-нибудь кормиться, консерватория ведь это только так — самое большее на оплату квартиры. Может быть, и поздно становиться на этот путь в моем возрасте, но, кажется, все же будет лучше. В связи с этим (а, впрочем, даже и без всякой связи), не посылайте мне нот на Музгиз, а лучше всего на домашний адрес: Москва 19 и т. д. Почтальон принесет посылку на дом, когда я буду дома, в крайнем случае, сдаст дворнику, с которым у меня прочные отношения. А то последняя посылка Ваша — «вдохновенная» элегия Глазунова — чуть не затерялась, так как новые работники Музгиза (теперь все новое) раньше, чем посмотреть адресат, рвут и выкидывают все обложки — я случайно поймал ноты,

так как не знали, куда их приткнуть!

Я буду ужасно рад «Игроку», так как он мне очень понравился при последнем просмотре. С нетерпением буду ждать и Класс[ическую] симфонию. А где же квинтет? У нас он случайно, между прочим, не пошел — заболел гобоист. Пойдет, верно, 24 января². А 14 января на радио будет полный концерт из Ваших сочинений (8 часов вечера по Моск[овскому времени], килоцикл — 416,6, волна метров — 720, мощность станции КЭГ — 20), можете послушать; дирижирует Голованов, играет Фейнберг³.

Из программ Ваших я усмотрел, что Вы, наконец, рискнете на ор. 45!⁴ Между прочим, какую из моих финтифлюшек Вы играете, кроме быстренькой?

Об исполнении 4-й симфонии своей Вы пишете так, словно она провалилась, а между тем, Асафьев (который недавно целую неделю был в Москве) говорит, что французские журналы совсем захлебываются от восхваления Вас, и будто он редко наблюдал такой тон. Может быть, ближе виднее шипы, а издали, напротив, только цвет, да аромат! Вы, наверное, свою симфонию опять кончили *pp*?! У Вас пошла какая-то мания на такие концы: и симфоньетта, и «Бл[удный] сын и Divertimento. Симфоньетту Вы, по-моему, даже исказили — в первой редакции хоть две части кончались *f*, а теперь все пять — *pp*! Жаль! Но публика действительно любит, чтобы ее, если и не били, то, во всяком случае, поджаривали. Но почему-то мне кажется, что это может быть стимулом только одного — еще тверже быть самим собой и вести свою собственную линию, к чему Вас, впрочем, уговаривать даже смешно.

Обнимаю Вас. Сердечный привет от меня Лине Ивановне, а от сестрицы моей Вам обоим.

Любящий Вас *Н. Мясковский*

11/1 1931. Москва

Приветствуйте Петра Петровича!

<стр. 352>

319. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 января 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

21 января 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

На Ваше письмо от 11 января отвечаю быстро, хотя и коротко. Мне нужны ответы на два вопроса:

Все-таки, где и как получают на прокат материалы Ваших трех оркестровых «Развлечений»?

Вы пишете, что концерт из моих сочинений будет передан по радио 14 января. Нет ли тут ошибки, так как отправляя письмо 12 января, Вы не стали бы сообщать длину волны, которая пронеслась бы задолго до получения Ваших строк.

От Асафьева наконец пришло длиннющее, хотя несколько сумбурное

письмо. Он очень хвалит Ваши квартеты, я же поздравляю Вас с успехом второго из них. Что музыканты в Вашем радостном финале видят «трагедию большого художника», свидетельствует о том, что они сами запутались среди нелегкой ориентации.

Относительно концов 4-й симфонии, сударь, ошиблись: от моей болезни тихих окончаний я временно подлечился — две части заключаются тихо, но зато две другие, в том числе последняя — громко. В квартете тоже из трех частей две кончаются громко. Но вот с новым балетом случился небольшой рецидив: из 12 номеров, 8 тихих концов; надеюсь, в балете остановки между частями не так чувствительны.

Крепко обнимаю Вас. Ноты буду посылать на домашний адрес.

Ваш *С. Пркфв*

Да, еще третий вопрос: что случилось с «ленинградским» Авторским обществом, в которое Вы с Глиэром меня перешли из МОДПИКа? Они мне не ответили ни на одно из трех заказных писем. Уж я не говорю о всяких защитах от перепечатывания, которые они мне сулили, но просто хотелось бы знать, накопились ли какие-нибудь деньги в мою пользу, которые я мог бы передать моим родичам.

320. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

14 февраля 1931 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
все не мог Вам написать — до того завертелся с работой. Музсектор наш превратился в Музгиз (Муз[ыкальное] гос[ударственное] издательство) и такую развел широкоохватную работу, что мне приходится бывать там весьма часто по два раза на дню: и днем, и вечером. Я от

<стр. 353>

этого по старости своей безмерно устаю; кроме того, и консерватория донимает.

Вопросы Ваши ставят меня в довольно затруднительное положение: 1 — голосов к моим сюитам, конечно, еще нет (партитуры двух я сегодня же Вам посылаю) и будут не раньше двух месяцев. Получить можно будет через Universal Edition и, я думаю, непосредственно от нас, если покупать на наличные (мы продаем и партитуры, и голоса); 2 — о концерте из Ваших сочинений — на меня, видимо, нашло какое то затмение, так как все было совершенно точно, и он, действительно, произошел 14 февраля¹, причем Фейнберг превосходно играл Ваш концерт; 3 — хуже всего с третьим вопросом. Дело в том, что у нас теперь нет двух обществ, а только одно «Всероскомдрам» — Всероссийское общество композиторов и драматургов, поглотившее оба. Правление его помещается на Тверском бульваре, 25. Относительно того, состоите ли Вы при реорганизации обществ членом объединенного, мне придется еще выяснить. Боюсь, что новое правление, воспользовавшись Вашим отсутствием и потому отсутствием с Вашей стороны заявления и тому подобных бумажек, которых была уйма, автоматически не

включило Вас в свои недра, тем более что в Музык[альной] секции общества хозяйничают Ваши идейные враги — Ассоц[иация] про лет[арских] музыкантов. Очень боюсь, что положение запутанное, и я не сумею с толком в нем разобраться. ВАПМ — не желает Вам простить, что Вы были с ним пренебрежительны при просмотре «Стального скока» и, кроме того, считают, что «Ст[альной] скок» это насмешка над нашей революцией². В том, что заголовки многих номеров балета теперь звучат бестактно, я, по совести, не могу не согласиться и считаю, что Якулов Вас подвел.

Когда Ваше издательство поумнеет и начнет продавать партитуры своих изданий (в частности Ваши)?! Пайчадзе Ваш весьма наивный человек. Если бы Ваши партитуры поступили в продажу, их купил бы каждый русский дирижер, так как русские дирижеры любят иметь с в о и материалы, а потом купили бы и голоса. Строить коммерцию, не принимая в расчет национальную психологию, глупо. Что хорошо в сквалыжной Европе, то вовсе не характерно для широкой России. Я так зол потому, что желаю видеть и иметь все Ваши новые партитуры — и 2-й симфонии, и 3-й, и Классической. А 4-я печатается? А как с материалами Дивертисмента — можно его получить? Я намекал Персимфансу, да и Радиоцентр охотно его сыграет. Правда, музыкальная жизнь сейчас у нас очень своеобразная, по существу нет ничего: Персимфанс повторяет зады, Софил приглашает каких-то никому неизвестных заграничных дирижеров (на самом деле сапожников), которые играют тоже всякую заваль. Единственным исключением был японец Коноэ, который сыграл «Карт[инки] с выставки» Равеля³. Мне очень многое понравилось, но ничего кроме «Castello» и «Bydlo» не поразило. Остальное хорошо и у Тушмалова⁴, кроме, конечно, недостающего. Между прочим, нельзя ли достать бесселевскую оркестровку какого-то

<стр. 354>

L. Leonardi? Это нужно нам для библиографических целей, так как играть его, конечно, после Равеля никто не станет.

Обнимаю Вас. «Игрока» все что-то не вижу!

Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш всегда Н. Мясковский

14/11 1931. Москва

321. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

31 марта 1931 г., Вена

31 марта 1931

Дорогой НЯМ, жму Вашу лапушку из Вены — играю тут 2-й концерт¹. Вообще заканчиваю турне² и возвращаюсь в Париж. Видел Дзмитровского — при упоминании Вашего имени лицо его расплылось в медную сковороду.

Крепко целую.

Ваш С. Пркфв

Самый сердечный привет от Л[ины] И[вановны].

322. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 апреля 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

15 апреля 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Вы, вероятно, получили «Игрока», посланного Вам 14 марта, а затем мою венскую открытку, из которой знаете, что конец марта и вплоть до начала апреля я был в разъездах. Вернувшись в Париж, не нашел ничего интересного в здешней концертно-музыкальной жизни — и уткнулся в корректуры партитуры Дивертисмента и клавира нового балета, который издательство силится выпустить ко дню премьеры, то есть к концу мая. В промежутках сочиняю материал для безрукого концерта, который по контракту должен быть готов к концу июля¹. Половину гонорара, выплаченную мне авансом, я уже прожил, поэтому надлежит пошевеливаться.

Ваши оба «Развлечения» лежат у меня на рояле, и я их посматриваю и поигрываю с неменьшим удовольствием, чем слушал у Ламма. Другим приятным явлением из СССР была книжка о форме Асафьева². Но я еле успел перелистать ее, как ее стянули — и теперь никак не могу заполучить обратно. Третьим явлением, менее привлекательным, бы-

<стр. 355>

ла «Fonderie d'Acier» Мосолова³ (я уж не знаю, как это сталелитейное произведение называется в оригинале). Здесь этой вещью заинтересовались и сыграли дважды. То есть, я не могу сказать, чтобы партитура была неинтересна, звучит она здорово. Но мне показалось, что в ней ужасно мало материала, да и кроме того, постоянно повторяющиеся такты меня раздражают, хотя я и сам делал это во времена Скифской сюиты.

Я запросил Всероскомдрам, включили ли меня в это общество. и получил ответ, что да, с приложением бланков для заполнения. Посмотрим теперь, согласятся ли они на то, что с Академическими театрами я желаю сноситься помимо них. Держановский на последние два моих письма не ответил. Письмо за ним, а кроме того, я интересуюсь, дошла ли до него в конце концов посылка, отправленная в январе и застрахованная. Если не получил, то время требовать страховку. Кузина уже давно получила мою посылку, отправленную позднее, чем Держановскому.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш всегда С. Пркофв

323. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

25 апреля 1931 г., Москва

25/IV 1931. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
я получил и открытку из Вены, и письмо Ваше, и «Игрока». Последний меня

чрезвычайно привлекает, но я успел очень мало в него внедриться, так как воспользовался появлением переплетчика и отправил его в работу. Вчера только получил обратно. Что там новое — разговор Алексея с Астлеем о Полине? С удовольствием пересмотрел сцену Рулетки — ярко и прочно сделано. Теперь, как только освобожусь немного от кучи консерваторских и других дел, примусь за «Игрока» основательнее. Дзимитровский писал мне¹, что в Вене Вы имели колоссальный успех, венские пианисты потрясены, а Дз[имитровский] со свойственным ему своеобразием выражается, что из современных пианистов Вы «самый великий». 2-го концерта венцы, как докладывает тот же Дз[имитровский], все же не поняли. Это ничего, самое главное, что Вы их основательно хлопнули. Пишет он же, что видел партитуру 3-й симфонии. Напечатанную?!

К сожалению, мы лишены возможности видеть все эти роскошества. Дивертисмент, конечно, тоже не дойдет.

Меня чрезвычайно интересует новый Ваш балет и квартет; какая досада, что этот последний появится только в октябре! И в клавире также? Безручный концерт Вы делаете, верно, для Витгенштейна; его здесь слышали, говорят, он ловко играет². Между прочим, на этих днях я по

<стр. 356>

лучил 5-й квартет Кшенека³ и был возмущен — последняя часть его, «Фантазия» — Adagio! А, кстати, как прошел Ваш квартет? Он сегодня, Кажется, играет⁴. Ко времени получения моего письма Вы уже будете знать что-нибудь. Я очень радуюсь, что мои «Развлечения» Вас развлекают; скоро пришлю Вам и № 2, наиболее популярный. Если хотите, могу заодно послать и книжки Асафьева «о форме» и «о русской музыке»⁵ (эту Вы знаете?). Дз[имитровский] переслал мне копию письма Вашего по поводу заказа книжки Игорю Глебову. Самое письмо он направил правильно в ВОКС, но, к сожалению, я с «воксами» не знаком и не знаю, как в свою очередь помочь делу. [...]

Обнимаю Вас крепко, а, кстати, и поздравляю с 40-летием! Лине Ивановне сердечный привет.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

324. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 мая 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

22 мая 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Весенний сезон в Париже, обыкновенно такой живой, на этот раз бледен до серости. Сегодня иду слушать в Grand Opéra новый балет Русселя «Вакх и Ариадна»¹, но жду мало хорошего, так как я уже кое-что оттуда видел, и это было слабо — в одном месте ни дать ни взять — «Полет шмеля»! Довольно миленькая увертюра Набокова, живая, в меру лирическая, но не очень самостоятельная. Виолончельный концерт молодого Крейна² — то певучий, то

плясовитый, но, в конце концов, еще не уплясавшийся [...] Дукельский, ныне живущий в Нью-Йорке, прислал свои последние рукописи, но он как-то ужасно иссох; а жаль — обещал он много.

В результате я больше сижу дома и «обращаю внимание на фортепианное творчество», то есть делаю ряд концертных переложений из «Блудного сына» и «Шута», а также скерцо симфоньетты и Andante квартета, каковые мне очень не хочется называть переложениями³, дабы не вызывать образов листо-вагнеровских «Тангейзеров»: это совсем другая техника — я стремлюсь получить вещи, которые будут пригодны для концертного исполнения, в то же время вовсе так не выглядя. В связи с тем, что в эту серию попадает Andante из квартета, я решил клавираусцуга последнего не делать, партитура же выйдет к октябрю. Сыграли квартет в Вашингтоне хорошо и с успехом, о чем была телеграмма, но самому мне его до сих пор послушать не удалось. Предполагался здесь в мае симфонический концерт из моих сочинений, в котором в виде новинки хотели сыграть квартет всем

<стр. 357>

струнным составом, но этот концерт отложился на осень⁴. Туда же отодвинулась и постановка балета, который, в виде компенсации за опоздание, пойдет в один вечер с «Апельсинами».

Не понимаю, почему Дзмитровский побеспокоил Вас письмом о книге Асафьева. Конечно, жаль, что за Асафьева все надо делать. Иначе эта книга уже три года, как была бы напечатана. Его книжка о форме у меня, спасибо, есть, а Вашу симфоньетту жду с интересом. С моей стороны, скоро пришлю Вам клavier Классической, которым, наконец, вышел.

В СССР поехал Стоковский, который среди прочих московских диковин, хотел посмотреть на Вас. Напишите мне, был ли он у Вас, и, вообще, как все протекло, и какие вещи он взял играть.

Крепко обнимаю Вас.

Любящий Вас С. Пркфв

325. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 июня 1931 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
своим последним письмом Вы меня чуть-чуть огорчили — значит, квартета целиком для фортепиано не будет? Только одно Andante — что за скупость! А потом, что это за стравинскость делать концертные комбинации из своих оркестровых вещей? Я бы предпочел новые специально фортепианные, хотя бы даже безделушки, и это более подходило бы к Вашей ковычистой фразе — «обращаю внимание на фортепианное т в о р ч е с т в о»!

С нетерпением жду Классическую — до сих пор ее нет, но через две недели я уеду на дачу, где буду два месяца сидеть безвыездно и без роаяля.

Стоковский здесь был. Я с ним виделся на «чае» в ВОКСе, но, конечно, ничего дельного не было. Больше я его не встречал, хотя он и собирался зайти в Музгиз. Симфоньетта моя до сих пор не вышла, хотя готова давно.

Где Вы будете этим летом? Как Ваш «безрукий» концерт? Видели ли Вы подобное же изделие Равеля?¹ Занимательно, хотя и довольно бедно.

Никак не могу заполучить обратно Вашего «Игрока» — все к нему сильно присасываются, как только он куда-либо попадает.

Мне он чрезвычайно нравится — это настоящее разрешение декламационно-интонационной оперы. Задача, поставленная «Женитьбой» и «Каменным гостем»², но только впервые разрешенная музыкально эквивалентно.

Обнимаю Вас. Привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

12/VI 1931. Москва

<стр. 358>

326. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 июля 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

7 июля 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Вы, вероятно, уже в деревне. Где это находится? Как Вы устроились? Над чем работаете? Как проводите время? Успели ли до отъезда получить клавир Классической и два романсишки без опуса¹ и значения? Мы по обыкновению задержались в городе и все еще не решили, куда поедem; может быть, в юго-западный угол Франции, там, где Пиренеи спускаются в Атлантический океан, только боюсь, что будет жарко.

Я кончил эскизы безрукого концерта, но вместо удовлетворения испытал чувство досады от целого ряда мест, которые предстоит еще сгладить. Думаю, убрать его с глаз на неделю, а затем приняться за отделку. Равелевский концерт видел и согласен с Вами, что он сероват; то есть написан, может быть, и добросовестно, но без искры. Шесть моих фортепианных пьес пошли в гравировку под опусом 52. Ну, разумеется, лучше было бы написать шесть новых! Но мое оправдание заключается в том, что я сделал эти переложения между делом, параллельно с работой над безруким концертом, точнее — отдыхая от однорукой техники. Новых я между делом не сделал бы, так как это отняло бы порох от концерта, а потому приходится довольствоваться хоть переложениями, тем более, что они вышли очень фортепианными и как раз «переложения» в них меньше всего. Между прочим, издательство вдруг обнаружило шустрость, предложив по выходе этого опуса разослать наиболее известным пианистам и предоставив мне сделать список последних. Конечно, я хотел бы послать с полдюжины экземпляров советским пианистам; в этот период обмеления симпатий ко мне будет не лишним подогреть отношения удобоиграемыми пьесами. В списке я поставил Фейнберга, Оборина, Нейгауза, Софроницкого и Держановского, последнего в качестве узловой станции. Смее ли я Вас просить сообщить мне в пределах возможности их адреса, а также добавить еще к списку пару полезных имен. Стоит ли послать в

библиотеку Московской консерватории? Когда я приезжал в Москву в последний раз, Пшибышевский расшаркивался за пожертвованные сочинения, а сейчас — не пошлют обратно?

Между делом я тут окончательно отредактировал сюиту из «Стального скока», которая приняла, наконец, стройный вид, а также разметил сюиту из «Игрока»: 1) Алексей, 2) Бабуленька, 3) Генерал, 4) Полина и 5) Развязка². Скомбинировать из отдельных кусочков физиономию каждого персонажа было делом нелегким, но, кажется, все удалось пригнать без швов, хотя предстоит еще повозиться по части переинструментовки и всяческих изукрашиваний, дабы сюита получила вполне симфонический облик.

<стр. 359>

Жаль, что Вы так бегло повидались со Стоковским. Он много интересного и наблюдательного рассказывал про свою поездку в СССР. Кроме музыки Стоковский интересовался постановкой общего образования — тема, на которой помешаны он и его жена, открывающая в Америке разные образцовые школы по системам, которые, между прочим, приняты к сведению и нашим Наркомпросом. Мне очень хотелось, чтобы Стоковский в будущий сезон сыграл в Америке пару Ваших «Развлечений». Сидя у меня, он рассматривал Лирическое концертино, и я думал, что, встретив Вас в Москве, он договорится с Вами о деталях исполнения. Но он сообщил, что Вы были молчаливы и мало доступны. В апреле Стоковский дал в Нью-Йорке и Филадельфии сценические представления «Стального скока»³. Говорят, музыкальная сторона была выполнена блестяще, но сюжет и хореографию перекромсали до неузнаваемости и притом весьма неудачно. Тем не менее на сцене мелькали серп и молот, куски красной материи и другие эмблемы советского быта. Стравинский строчит скрипичный концерт⁴, закончив три части из четырех. Видевшие говорят, что этот новый опус роднится с Каприччио, но проще, сонатинней и... суше. От Асафьева имел письмо, очень грустное и болезненное. Желаю Вам отдохнуть в деревне и жду длинного письма, не две страницы, как в последний раз. Что Вы думаете о проекте новой орфографии и будет ли этот проект введен? Ведь *i* с точкой, это в мою честь!⁵

Крепко обнимаю Вас. Пишите на парижский адрес.

Ваш С. Пркфв

327. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

21 июля 1931 г., Москва

Москва, 21/VII 1931

Дорогой Сергей Сергеевич, я в деревне уже почти 3 недели. Сегодня заехал в Москву и нашел Ваше письмо. Живу в 35 верстах, в Звенигородском уезде дачный кооператив работников науки и искусств 10 верст от станции. Сосновый лес, река Москва, довольно сносное житье, так как живу с Ламм'овым семейством¹, другими словами, ни о чем не думаю, но особенной радости не испытываю. Недалеко дачи Шебалина, Неждановой и т. п.

Не работаю, конечно, ни над чем, и когда вернусь к этому делу, не знаю,— до сих пор нет никаких позывов. Перед самым отъездом на дачу получил и симфонию, и песенки. Песенки сперва удивили вычурностью, а потом начали нравиться, симфонией же наслаждаюсь и злюсь — ну, почему лучше делать двурукое переложение, когда чуть не вся 2-я и 4-я часть идут с глазной строкой?! Не проще ли было бы сделать в 4 руки, и напечатать партитурно, а то теперь пыхтишь, пыхтишь и еле доигрываешься до смысла. Разве эти переложения делаются для

<стр. 360>

виртуозов!? Но я рад, что могу хоть ковыляя играть, хоть в таком виде имеешь эту прелестную музыку, раз Ваше дикое издательство не выпускает из-под себя партитуры.

Относительно рассылки 6 фортепианных пьес ор. 52, я думаю, Вы перечислили всех стоящих пианистов. Не послать ли еще М. Юдиной — это пианистка очень одаренная и умная; а Вашему другу Каменскому? Я его терпеть не могу, но Вам он, кажется, нравился; у нас есть еще мальчик — Берлин — близкий к Ассоциации] прол[етарских] муз[ыкантов], но я сперва его спрошу, будет ли он Вас играть, или же погрязнет навсегда в Бетховене. Тем более, что дело, кажется, не очень спешно? В Московскую консерваторию пока не посылайте. Адресов вполне точных я, по правде говоря, не имею, но надеюсь, в другой свой приезд в Москву кое-что узнать. Пока знаю: Самуил Евгеньевич Фейнберг (проф.), Маросейка, 9, кв. 12; Генрих Густавович Нейгауз, Трубниковский пер., д. 26, кв.? (дойдет и так, так как это дом «научных работников»); Лев Николаевич Оборин — Солянка, 1, кв.? (это надо будет пополнить); Берлин Борис Моисеевич, ул. Огарева, д. 5, кв. 33. Мария Исааковна* Юдина и Каменский — в Ленинграде; Софроницкий Владимир Владимирович, кажется, перебрался в Москву — осенью адрес его постараюсь узнать. Очень меня интересуют Ваши две новые сюиты: и «Ст[альной] скок», и, особенно, «Игрок». Последний мне как-то совсем не рисуется. Со Стоковским я виделся на «чае» в ВОКСе, где былолюдно и очень неуютно, думал увидеть его в Музгизе, куда он собирался зайти, но он почему-то не был там; конечно, разговоры были очень поверхностные и куцые.

О новой орфографии я знаю только как о проекте; боюсь, что принцип — писать как говорить — может завести в дебри. Есть пункты ужасной сложности — можно вполне обезграмотеть. К сожалению, не запомнил особенно жутких деталей.

Теперь Вы, наверное, уже укатили куда-нибудь. Желаю Вам всласть отдохнуть. Обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

328. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 августа 1931 г., Женева

Женева, 1 авг. 1931

Дорогой Ник[олай] Яковлевич.

Перед отъездом получил Ваше письмо и отправил Вам новый балет (корректуру), поглядите ее немножко и пошлите Асафьеву. Сейчас я передвигаюсь с места на место, но адрес мой остается парижский. Спасибо большое за адреса пианистов; при случае дошлите остальных. Крепко обнимаю Вас.

Ваш *С. Пркфв*

* В подлиннике описка, следует читать — Мария Вениаминовна.

<стр. 361>

329. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 сентября 1931 г., Сибур

11 сентября 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Не соображу, за кем письмо, пожалуй, что за мной. Последнее Ваше, от 21 июля, я получил перед отъездом из Парижа, после чего послал Вам корректуру «У Днепра» и открытку из Женевы, каковые Вы получили, так как Асафьев пишет, что он в свою очередь получил корректуру балета. Затем послал Вам открытку из Пиренеев¹, — а от Вас пока что молчок.

Спасибо большое за адреса пианистов. За Вами остались еще номера квартир Нейгауза и Оборина и советы, послать ли Берлину и в консерваторию. Адрес Софроницкого я, пожалуй, узнаю от его жены, оставшейся в Париже, а про Юдину и Каменского спрошу Асафьева. Пьесы выйдут, вероятно, к октябрю.

Если Вы не будете очень бранить меня за то, что делаю двуручные переложения, я Вам скоро пришлю клавир симфоньеты. 3-я строка делается мною с тем расчетом, чтобы при первых проигрываниях на нее вовсе не обращалось внимания; а затем, когда играющий попривыкнет к вещи, он начнет принимать к сведению и 3-ю, глазную. Дело в том, что за границей перестали играть в 4 руки, и четырехручных переложений просто не покупают, поэтому и приходится изворачиваться двумя руками. Но все-таки отдайте мне, пожалуйста, справедливость: хотя мои клавиры и трудноваты, но з в у ч а т прилично.

Напишите, что Вы вынесли из нового балета. Может, Ваше письмо пропало? Но это не оттого, что Вы направили его на парижский адрес: пересылка оттуда писем на дачу налажена очень аккуратно, и каждый день я получаю по несколько штук. Я уже месяц живу близ Биаррица, у испанской границы, и за это время совершил два достижения: выучился плавать и развязался с безруким концертом. Погода здесь, впрочем, довольно скверная, вообще, кажется, вся Западная Европа скоро захлебнется в дождях. Когда же Вы начнете сочинять, и что Вы вообще делали во время каникул, если не сочиняли? Концертный сезон вследствие различных кризисов предвидится

скорее вялым, хотя все же в больших городах буду играть в симфонических концертах — в Лондоне, Брюсселе, Берлине, Праге, Париже². Последний даже объявил две программы из моих сочинений³; в качестве новинок и полуновинок думаю дать сюиты из «Игрока» и «Стального скока», симфоньетту, которая еще не шла в Париже, и переделку квартетного Анданте на симфонический квинтет. Витгенштейн занят учением равелевского концерта и едва ли в этом сезоне выдолбит мой, разве что к весне. Ну вот, все я, да я! Жду с нетерпением письма от Вас и о наших музыкальных

<стр. 362>

друзьях. Едет ли Держановский в Закавказье? Как здоровье Асафьева? — письма от него очень вялые, и я не могу понять, нервничает ли он, или в самом деле чувствует себя плохо. Крепко обнимаю Вас. На нижеуказанном адресе⁴ я остаюсь до 7—8 октября, а затем парижский вступает в силу.

Ваш всегда *С. Пркфв*

330. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

11 сентября 1931 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получил Ваши две открытки и имел в руках корректуру балета. Но, к сожалению, именно только имел в руках. Ноты застали меня, когда я только на один вечер и утро заезжал в Москву с дачи, причем заезжал по неприятнейшим лечебным делам с температурой около 39°. Все же успел проиграть, но, конечно, соответственно своему состоянию очень невнятно. Не знаю, как Вы сами о нем думаете, но мне новый балет показался в какой-то мере родным братом «Блудному сыну». Не то в манере трактовки материала, не то в смысле самого характера техники. По материалу же он мне, пожалуй, даже больше нравится — он как-то глубже и не то мягче, не то теплее. Жаль, что я его так мало и в такую неудачную пору имел. Кое-где, впрочем, красным карандашом отметил мои опечаточные сомнения. Асафьеву послал тогда же, ибо перспектив на Москву и рояль в то время близких не было. Очень надеюсь, что теперь скоро балет появится из печати, и я получу от него полное удовольствие. С таким же нетерпением буду ждать квартет и фортепианные пьесы ор. 52. Между прочим, о последних: Берлину (пианисту) посылать не надо, так как он трус, и на мой категорический вопрос, будет ли он Вас играть публично, что-то начал мямлить. Ну его к Бетховену! Адрес Оборина надо уточнить: Солянка, д. 1, кв. 111 (сто одиннадцать), Софроницкого, Каменского и Юдиной на днях (когда впервые явлюсь на службу) узнаю и пришлю.

Я это лето, несмотря на приличные условия (жил в отличном месте в семье Ламма) и чудесную погоду, провел весьма сомнительно: полтора месяца ушло на изнурительную возню с фурункулезом, завершившимся мерзким карбункулом на лице, от которого я совсем собрался подыхать, но выкарабкался благодаря наскоку живших там же, где и я, профессоров-хирургов. Лишился только (и, верно, надолго) своих величественных украшений — и усов, и бороды! Лечение общее тянется и посейчас

(прививки). Хорошо еще, что начальство мое смиростивилось и на две недели продлило отпуск — как в Музгизе, так и в консерватории. Музыкой, естественно, вовсе не занимался, так как чувствовал себя действительно мерзко и в высшей степени умственно бессильным.

<стр. 363>

Что будет дальше — не знаю. Вчера я вернулся в город, чтобы эти 3 4 дня посвятить прослушиванию своего первого (из новых, конечно) квартета — перед сдачей его в печать. Он оказался трудным и требует зубрежки.

После 15-го я пошлю Вам кое-что из вышедших моих нот: симфоньетту, квартет № 3 и 1-ю симфонию в 4 руки. Между прочим, мне от Вас хочется получить некоторые сведения. Я стал разбираться в Ваших опусах и обнаружил кучу пробелов. Как распределены опуса 5, 6, 7, 8? Ор.[?]
— «Мадалена»? Что под опусом 30? «Огненный ангел» — ор. 37? Затем, что под ор. 44, 46, 47, 48, 49, 50? Что значит «Au Borysthène», и почему нет обозначения номеров и что они изображают? Как поживает однорукий концерт? Какая скука — быть так отрезанным от того, что интересуется. У нас из-за издательского и исполнительского кризиса настоящая музыкальная жизнь совсем замерла.

Всего доброго. Крепко обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*

11/IX 1931. Москва

331. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 сентября 1931 г., Сибур

Villa Croix Basque, Ciboure (Basses Pyrénées), France
19 сентября 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Какая трогательность: после долгого молчания мы одновременно 11 сентября написали друг другу! Теперь опять возникает вопрос, чья очередь, поэтому спешу Вам написать.

Во-первых, как грустно, что Вы проболели все лето, хотя думаю, что без усов и бороды Вы должны быть очень милы. Нельзя ли фотографию, хотя бы любительскую? Во-вторых, Ваше суждение о новом балете правильное, несмотря на 39-градусную температуру при его просмотре. Он, действительно, написан в манере «Блудного сына», но с некоторым дальнейшим смягчением и углублением. Сюжет «У Днепра» незначительный; разрабатывая его с Лифарем, мы сначала имели в виду построить крепко сколоченный хореографический и музыкальный костяк и брали за основу настроение мягко-лирическое, прерываемое бодрыми вспышками. Этим мы надеялись достигнуть стройности. Поэтому и отдельные номера будут носить формальные названия, вроде танец мужчин, женская вариация, pas de deux и т. д. За выуженные ошибки большое спасибо. Так как корректура остается у Асафьева, я пишу ему и прошу прислать список опечаток, отмеченных красным карандашом. Ведь так? А если Вам покажется, что это

недостаточно ясно, то, может быть, Вы ему черкнете пояснительное словцо?

<стр. 364>

Вот список требуемых Вами опусов: ор. 5 — симфоньетта, которая также получает и 48-й опус, то есть выходит 5/48. Пусть говорят, что композитор нагнетает опусы, но произошло это оттого, что симфоньетта всегда была под 5-м опусом, а теперь я ее так перекроил, что нельзя не поставить нового, иначе будет ложное указание на период работы над нею. Ор. 6 — «Сны», но я не думаю, что когда-нибудь выпущу эту пьесу. Ор. 7 — два женских хора с оркестром, может быть, когда-либо приведу их в порядок. Ор. 8 — «Осеннее» — эту вещь тоже можно играть после подчистки. Ор. 13 — «Маддалена». Ор. 30 — некая партитура, которую Вы сами прокорректировали и выпустили в свет. Ор. 37 — «Ангел», ор. 44 — III симфония, ор. 46 — «Блудный сын», ор. 47 — IV симфония, ор. 48 — см. ор. 5, ор. 49 — сюита из «Игрока», которая выйдет под отдельным опусом, потому что по существу это почти новое сочинение, хотя и частично на старый материал. Ор. 50 — квартет, который, между прочим, будет исполняться в Москве 10 октября заезжим ансамблем Броза¹ — его европейское турне организовано американским Coolidge Foundation*, тем самым, которое заказало мне квартет. В Москву он приезжает через ВОКС.

Крепко обнимаю Вас. Жду с большим интересом Ваши ноты: симфоньетта мне всегда нравилась, а первая симфония дорога, как юношеское воспоминание. Поправляйтесь хорошенько и пишите.

Ваш С. Пркфв

332. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

20 сентября 1931 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
Вы уже получили, вероятно, мое письмо, написанное по возвращении в Москву. На кое-какие вопросы теперь от Вас полученного письма я, кажется, ответил. Одновременно с настоящим своим письмом я посылаю Вам партитуры: симфоньетты и квартета № 3 (консерваторского), а также в 4 руки (опять!) 1-ю симфонию.

От Вас жду с жадным нетерпением клавир симфоньетты. У меня тоже теперь кризис — не с кем играть в 4 руки, поэтому усиленно добываю что можно из оркестровой литературы в 2 руки. Классическую] симфонию я с отменным удовольствием разыгрываю. Ужасно досадно, что мало и в плохое время имел Вашего «Борисфена» (почему «У Днепра», а не «На Днестре»? — первое как-то не по-русски звучит) — там есть что-то, что сильно мне запало. В скором времени у меня к Вам будет какое-то деловое письмо — сейчас я еще не знаю, что от Вас хотят.

* Фондом Кулидж (англ.).

<стр. 365>

Атовмян — председатель музыкальной секции Всероскомдрама (бывший МОДПИК) носится с идеей концертов и мечтает получить Ваши сочинения (с материалом, конечно!) и даже Вас самого. Я еще с ним не говорил и потому не знаю, о чем точно писать. Ни Сараджев, ни Держановский в Эривань не поехали. Держ[ановский] сидит в Москве и тихо служит, а Сарадж[ев] получил ангажемент на всю зиму в Воронеж на 32 симфонических концерта. Что из Вас будет играть, не знаю, да и сможет ли вообще, раз нет нот. Про Асафьева я ничего не знаю, кроме того, что он немного переменил адрес. Я себя после лета так погано чувствую, что хочу бросить все — и консерваторию и издательство, а остаться целиком на попечении Всероскомдрама. Пытаюсь ежедневно работать над музыкой хоть по 2 часа, но кроме дряни ничего путного в голову не лезет.

Как завидую я Вам — научиться плавать! Это всегда было моей мечтой, несмотря на глубокое отвращение к водной стихии вообще.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваш *Н. Мясковский*

20/IX 1931. Москва

333. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

20 октября 1931 г., Москва

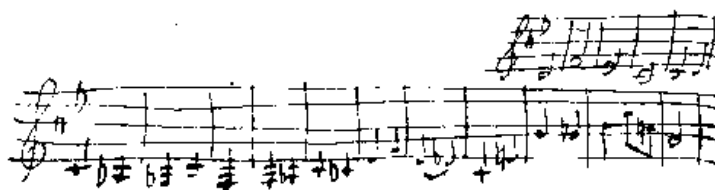
Дорогой Сергей Сергеевич,
я слышал Ваш квартет. Случайно. Концерт был закрытый и не 10-го, а 9-го, и не Броз'ы, а какой-то Рот-квартет, правда, хороший. Получил очень большое удовольствие и настоящее, а не только ошеломляющего порядка, особенно от последней части. Но ведь это же очень мрачно! Меньше мне понравилась 1-я часть, показалась несколько формальной по конструкции и не очень выпуклой во 2-й теме. Но, думаю, что при ближайшем знакомстве впечатление изменится, так как элементы заинтересовывают. Не знаю вина ли это исполнения, или тут есть дефект в замысле, но 2-я часть в концерте несколько проиграла из-за монотонности движения. Вы даете основное движение в восьмых, между тем как 1-я часть имеет ту же базу (в смысле преобладающего рисунка фигурац[ии] длительностей). Рот'ы играли так, что восьмые обеих частей были одной скорости, получилось досадное однообразие. С нетерпением жду нот и переложения. Adagio будет моим коронным номером. Вы-то сами слышали квартет? Давно не имею от Вас письма. Получили ли Вы мои ноты? Сильно бранились на четверорукость?

Я все еще не вполне оправился от летних впечатлений и нудно отделяюсь от последствий сепсиса. Прививки кончил, теперь развлекаюсь через-дневными ваннами, которые меня очень почему-то расслабляют. Благодаря неважному общему самочувствию бросил занятия в

<стр. 366>

консерватории (по крайней мере до весны) и сильно сократил свою занятость в Музгизе. Благодаря этому все утренние часы использую для тебя и регулярно занимаюсь музыкой не менее 2-х часов. Так как тут есть элемент

насильственности, то результаты не так уж блестящи, но все же набросал за последний месяц небольшую симфонию — в 3-х частях, довольно сухую в B-moll-dur¹. Для себя сделал нововведение в том отношении, что последнюю часть написал в виде вариаций — в сонатной форме, на одну, очень неказистую, но довольно удобную тему:

Работа над оркестровкой пойдет, вероятно, хуже, так как требует усидчивости и больше времени, чем сочинение, а я слишком утомляюсь.

Вы сейчас, наверное, уже в Париже — скоро пойдет новый балет?

У нас музыкальная жизнь пока в эмбриональном состоянии: обещаний много, но я мало от них жду. Будет, вероятно, привычная жвачка; а новинки в концертах Всероскомдрама мне в большинстве известны. Интересных заграничных современностей, конечно, не услышать!

Нетерпеливо жду Ваших новинок. Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш душевно *Н. Мясковский*

20/X 1931. Москва

334. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 ноября 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

9 ноября 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Давно Вам не писал, но зато первый экземпляр фортепианных пьес послал Вам. Надеюсь, что Andante квартета не показалось трудным, так как мне хочется, чтобы оно было у Вас в «репертуаре». Это Andante совсем не такое мрачное — мрачным сделали его исполнители, растянувшие, судя по минутации, сообщенной Держановским, всю пьесу до чрезвычайности (Andante должно длиться 8¼ минут). Этим объясняется и общность в движении, примеченная Вами между первыми двумя частями. При правильных темпах она и в голову не придет. Сейчас я кончаю корректировать партитуру квартета, которую смогу послать Вам во второй половине декабря.

<стр. 367>

Присылка клавира Вашей первой симфонии доставила мне много удовольствия, и я не раз самостоятельно проигрывал ее, вспоминая Павловск, Асланова и пр. и постоянно вправляя глаза, вывихнутые от выворачивания на две страницы сразу. Квартет тоже очень мил и ловко сделан. По стилю он

родственен Вашей первой сонате. Но что за бетховенская замашка издавать три квартета под одним опусом, к тому же написанных разновременно! Как это не пришло Вам в голову издать под одним центральным опусом все десять симфоний? Чрезвычайно интересуюсь Вашим новым сочинением. XI симфония или вещь под особым названием? Если Вашу симфоньетту захотят сыграть в Париже, то куда надлежит обращаться за материалом, сдают ли его в Вене напрокат? Когда выйдут остальные два квартета?

Grand Opéra приступила наконец к репетициям моего балета. Дабы потрафить Вашей склонности думать, что всякий человек, несколько лет проведший вне родины, становится малограмотным, балет будет называться «На Днепре», но не потому что «У Днепра» звучит не по-русски (см. «У лукоморья»), а оттого, что в Opéra нашли «Sur le Borysthène» звучнее, чем «Au Borysthène». И, хотя для меня «У Днепра» кажется все-таки более симпатичным, склоняясь перед авторитетом Opéra и Вашим, я решил уступить.

Асафьев сообщил мне отмеченные Вами ошибки, за которые я Вам страшно признателен, так как они оказались важными, и я успел внести их в корректуру. Какой все-таки у Вас феноменальный глаз, «рысий», сказал бы Достоевский. В отместку я хотел выудить что-нибудь в присланных Вами нотах, но это не так просто. На случай второго издания сообщаю Вам то, что попало, однако это все ошибки второстепенные, не меняющие музыки. В клави́ре симфонии: стр. 30, последний такт — лучше поставить бекар к *re*; стр. 35 — цифра 43 не на месте; стр. 35, 9-й такт — нужна лига между двумя *re*; стр. 44, 4-й такт — не нужен бекар к *do*; стр. 46, 5-й и 6-й такты — не нужны бекары к *fa*; то же на стр. 47; стр. 54, 4-й такт с конца — октаву левой руки надо подвинуть вправо; квартет: 1-й такт после цифры 3 — не хватает $\frac{1}{8}$ паузы у первой скрипки.

Вышел скрипичный концерт Стравинского¹, ловко сделанный, но будто суховатый; я Вам все-таки его пришлю. Приветствую Ваше склонение к двуручным клавираусцугам. Если Вас интересуют какие-нибудь заграничные издания — дайте знать, и я с удовольствием пришлю Вам.

Крепко обнимаю Вас и надеюсь, что здоровье Ваше восстановилось вполне. Сердечный привет от жены, также Валентине Яковлевне.

Ваш С. Пркфв

Чем кончилась атака, которую повела «Говорит Москва» против Ас[социации] прол[етарских] музыкантов?²

<стр. 368>

335. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 ноября 1931 г., Москва

15/XI 1931. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, только что получил Ваше письмо и немедленно строчу ответ, так как как раз занялся корреспонденцией — иначе сильно бы

задержался, ибо лень моя стала феноменальной. С того времени, что я не служу нигде и безвыходно сижу дома, я и дома-то провожу время преимущественно лежа. Самочувствие мое оставляет желать много лучшего, кажется, я даже пойду к доктору!

Ваши пьесы¹ я получил уже с неделю тому назад и, сознаюсь в своем преступлении перед Вами,— до сих пор никому их не показывал, не то из ревности, не то из боязни, что попросят Дать, и я не сумею отказать. От Andante таю и играю его на дню раз по пяти, так что скоро совсем научусь, хотя вторая тема — с большими растяжениями — все еще не дается — выразительно. Музыка ужасно западающая, даже царапающее место перед репризой. Между прочим, почему оно здесь? Ведь это нечто из «Огн[енного] ангела» — очень истерическое. Сколько помню, там есть аналогичное место и на тех же нотах, только 8 выше (не помню точно, так как у меня нет клавиров ни «Ог[ненного] анг[ела]», ни «Игрока»). Откуда Вы взяли премилое Scherzino? — я его не знаю, а в то же время что-то знакомое в нем чувствую. Меньше других пьес я остаюсь доволен последней, а почему и сам не знаю. Мне словно жаль первой редакции Scherzo, да и конец у меня совсем не выходит. Но опасаясь, что в надлежаще концертном исполнении это будет самая эффектная пьеса. Вообще, опус вышел лихой, но «Красавицу» я, верно, буду играть «как таковую», хотя здесь многое, особенно в тональном плане, свежее. Мне не терпится получить партитуру квартета. Я хочу посмотреть, как там все сделано. Между прочим, не думаете ли Вы, что как стилистический прием не очень выгодно для ясности рисунка, что широкие ходы в теме сопровождаются такими же в сопровождении, хотя, правда, это способствует большой компактности целого — нет ощущения мелодии с аккомпанементом; неужели так у Вас и в оркестровой редакции? Трудновато.

Что это Вы писали как-то о клави́ре симфоньетты? Всю имели в виду или только скерцо? Неужели умный Пайчадзе так и не выпустит клави́р квинтета?! Если пришлете мне также что-нибудь чужое — буду очень благодарен. Я сейчас, сидя дома, конечно, часто скучаю и начал опять побренкивать на рояле. Стравинского давайте всегда. «Псалмопевный» клави́р не выходил?² Что меня интересует? Конечно, по старой памяти, Равель, от которого я сильно отстал — последнее, что у меня было, это «Болеро» и соната для скрипки³. Кроме того, мне, как завязтому коллекционеру, нужны сочинения презираемых Вами Метнера и Глазунова. Ни 6-го, ни 7-го квартета⁴ последнего я так и не имею, а Метнер, говорят, разрешился опять опусом из Пушкина (ка-

<стр. 369>

жется, ор. 52) и романтической сонатой⁵. Но ведь Вы не станете мне их посылать! А «Межд[ународная] книга» ничего не выписывает больше. Кстати, Симфоньетту мою с материалом д о л ж н ы получить из Вены, так как они от «Книги» получили кучу экземпляров. Спасибо Вам большое за выуженные ошибки — я убедился, что никакой глаз от них не спасает. Я ухитрился, сам корректируя, пропустить в партиях 2-й скрипки 1-й симфонии целую строку! Квартет № 2 должен уже выйти. Квартет № 1 — наиболее сложный, но,

оказывается, отлично и даже виртуозно звучащий (мне его начерно сыграли), только завтра сдаю в печать. Почему один опус? — да только потому, что я их буквально и один присест писал, а № 3 присоединил, так как его больше девать некуда было, а я его совсем не менял, так что нового опуса он не заслужил. Также и 3 сюиты я пустил в один опус, потому что весь материал их был сочинен буквально в один день — залпом. А потом, не все ли равно? То, о чем я Вам писал — 11-я симфония. К сожалению, не оркеструю, так как очень озабочен поисками материала для № 12⁶, который висит на шее с контрактом и сиречь — с известной содержательной установкой, что особенно затрудняет дело. Две части уже намечены, а для 3-й, главной по существу, — не могу ничего хорошего найти.

Атака «Говорит Москвы» кончилась... полным разгромом Радиоцентра. Ассоц[иация] пролет[арских] музыкантов должна была победить и победила, так как покушение было организовано явно негодными средствами.

Обнимаю Вас. Сердечный привет.

Н. М.

336. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 декабря 1931 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

19 декабря 1931

Дорогой Николай Яковлевич.

Время так летит, что я не заметил, как промелькнул месяц со времени получения Вашего последнего письма. В этот промежуток я послал Вам клави́р симфоньетты и скрипичный концерт Стравинского. Последний был исполнен в Париже в первый раз третьего дня. Конечно, как во всех вещах Стравинского, в нем было тьма интересного, и в то же время на душе оставались пустота и досада от отсутствия материала или неразборчивости на него. Первая часть вся звучит занятно и только неожиданно врывается тема из IV симфонии Чайковского. Вторая часть идет гораздо скорее, чем можно было бы подумать из ее заглавия: ария. Я не особенно люблю ее шагающую тему, но эффектно звучит в середине части пиццикато у всех струнных и выдержанные аккорды при подходе к репризе. Третья часть наименее удачная, скучная и мутноватая, раздражает орнаментальностью мелодии. Финал

<стр. 370>

бойкий, но, к сожалению, вся кода сделана под «Весну священную»; Стравинский большой изобретатель концов, а потому можно было надеяться, что он выдумает что-нибудь новое. Лурье пытался доказать, что в четвертой части тематика прокофьевская, но я этого не нашел.

Другой новинкой была сюита из балета «Ребус» Маркевича¹. Маркевич — последняя находка Дягилева, и «Ребус» — тот балет, над которым Дягилев с ним работал перед смертью. Думаю, что под опытным руководством вышло бы стройнее. Маркевич сочиняет по линии Хиндемита. У него есть безусловные способности, но удачные моменты продолжают тонуть в волнах

бекмессеровщины, столь свойственной и многим вещам Хиндемита.

Как Ваши Одиннадцатая и Двенадцатая? Как здоровье и настроение? Очень извиняюсь, что до сих пор не прислал Вам ни Равеля, ни Метнера, ни Глазунова. Обещаю сделать это в ближайшее время. Кстати, седьмой квартет Глазунова лишь на днях поступит в продажу. Как же это Вы в Скерцино не признали одной из песен без слов ор. 35? Ор. 52 я послал Фейнбергу, Нейгаузу, Оборину и всем ленинградцам, о которых Вы мне писали, но ни один анималь мне не ответил. Может, не получили? За последнее время я много возился с корректурами, но между делом почти дооркестровал сюиту из «Игрока» и прикончил сонатинку²; последнюю временно отложил с глаз долой, так как неуверен, стоящий ли опус получился.

Крепко обнимаю Вас. Л[ина] И[вановна] шлет сердечный привет.

Ваш С. Пркфв

337. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 декабря 1931 г., Москва

24/ХП 1931. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

Ваше письмо доставило мне радость, ибо я безнадежно кисну, а с чего и сам не знаю. Правда, тут у меня начался было маленький рецидив фурункульный, на почве, видимо, очень неприятных волнений семейного характера. Я впал уже в панику, но, к счастью, смог отлежаться и гадость не развилась — иммунитет, видно, все же действует. Из-за этих происшествий у меня был сильный упадок духа, и работа над 12-й симфонией приостановилась на целых 3 недели. Все же сейчас я ее в набросках уже прикончил. К сожалению, должен сознаться, что до сих пор ничего гаже, нежели финал этой симфонии, не сочинял. Я совершенно, оказывается, не умею сочинять с «заранее обдуманном намерением», поскольку, тем более, это намерение весьма мало соответствует моему внутреннему складу. Так и оказалось, — несмотря на полное напряжение всей моей доброй воли, ничего в этом финале (да, в сущности, и во всей симфонии, кроме, быть может, кое-чего в 1-й части — очень маленькой притом) кроме банальностей не получилось. Дошел

<стр. 371>

даже до такого падения, что перед репризой сделал было педаль на доминанте с октавными канонами на главной теме!! Сейчас все стараюсь сесть за оркестровку симфонии, но, к сожалению, из-за сроков сдачи я должен приниматься сперва именно за 12-ю, которая мне особенно противна, а ко всему я за три года настолько отвык от оркестрового письма, что в голове у меня полная пустота. К тому же, еще год-два, если не больше, ничего из своих оркестровых сочинений не слышал (симфоньетту не считаю, так как она для струнного оркестра и ни в какой мере меня не стимулирует). Ну, да бог с ними. Авось, как-нибудь справлюсь. Жаль только, что придется целый опус считать как бы не существующим.

Симфоньетту Вашу получил недавно, и хотя сперва поворчал на ее

двоерукость, но когда немного приспособился, то так вошел во вкус, что играю ее беспрерывно и наслаждаюсь непередаваемо, хотя продолжаю утверждать, что обе четные части Вы испортили. Теперь они, быть может, и мудрее и лаконичнее, а 2-я часть и тоньше, но зато в них нет той «напроломности», которая делала их раньше столь действенными. Я бы сказал, что скерцо даже несколько куцо в конце в полном противоречии со всеми нечетными частями, которые имеют длинные и отлично развитые заключения, что их совершенно, тем не менее, не портит. Мне сейчас почему-то очень по душе прищлась 2-я тема финала как это я ее раньше проглядел?! Одним словом, я от сего опуса в восхищении.

Я не помню, писал ли я Вам о концерте Стравинского? Он действительно очень интересен технически и даже может удивлять, но не знаю, способен ли восхитить. Когда сочинение строится на таких жалких и нарочитых идеях, к тому же явно ретроспективного характера, работа мастерской Стравинского дает им только отпечаток подогретости и подчистки, что только еще более подчеркивает их архаичность и заплесневелость. Меня больше всего как-то задевает именно это ощущение плесени. Не знаю, быть может, все это в реальном звучании лучше...

Вы спрашиваете о фортепианных пьесах — получили ли их наши пианисты? Сколько знаю — у Фейнберга они есть, но употреблении из них он пока не делает, так как нигде не выступает и хандрит. Нейгауз получил только первые три пьесы, причем Рондо уже вполне усвоил. Когда будет играть, не знаю. Про Оборина ничего не слыхал. Что они ничего не пишут о получении, это по нашим привычкам вполне понятно. Очень не обижайтесь — слишком суетливо живем. Это только я теперь полный домосед, да и то не написал Вам сразу после получения симфоньетты.

Мне ужасно стыдно, что я обременяю Вас своими нотными жадностями, тем более, что это ведь стоит немало денег. Жаль, что Ваш друг Пайчадзе никак не может раскататься издать мои 9 романсов, которые лежат у него уже около 2-х или 3-х лет, тогда было бы все гораздо проще, и я смело мог бы этими ресурсами оперировать некоторое

<стр. 372>

время для угождения моему дурному вкусу. Я забыл, например, что мне нужна еще метнеровская сюита (не соната!)-вокализ ор. 41, № 2!¹ Ежели Вам что-нибудь нужно от нас, Вы мне напишите тоже, нимало не стесняясь; к сожалению, я давно уже не замечаю никаких интересных изданий, ни нотных, ни даже книжных. А получили Вы асафьевские книжки?

Что собой представляет Маркевич? Ваши описания и привлекают и отталкивают, так как последние изделия Хиндемита (Концерт-музик — для фортепиано с блех-блезерами*)² отвратительны — бекмессеровщина — великолепно найденное Вами определение. Быть может, пришлете из Маркевича что-нибудь наиболее зрелое, интересное и характерное (только не партитуру, а клавиш, так как я ленив стал). Что Вы состряпали из «Стального скока» — какую комбинацию? Переоркестровали тоже? Сведение о

«сонатинке» меня взволновало!!! Если бы это было также и мне доступно!..

Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне от меня и от сестрицы моей.

Ваш *Н. Мясковский*

A Scherzino я вспомнил немедленно по отправке Вам письма! Все-таки непростительно!!

338. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 января 1932 г., Прага

Прага, 11 янв. 1932

Дорогой Николай Яковлевич.

Сегодня будем с Малько разыгрывать 3-й концерт, а затем он — Скифскую. Все время вспоминаем Вас. По возвращении в Париж напишу Вам подробно, а также пришлю только что вышедший концерт Равеля (не одноручный, а двуручный) ¹.

Обнимаю.

Ваш *С. Пркфв*

339. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

25 января 1932 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

25 января 1932

Дорогой Николай Яковлевич.

Получили ли Вы мою открытку из Праги, где Малько и я довольно мило выступали совместно, а затем немало беседовали. У него наст-

* с медными духовыми инструментами — производное от немецкого обозначения инструментов: Blech (Blechinstrument) и Bläser (Blasinstrument).

<стр. 373>

роение бодрое, и ангажементы имеются. Порадовал он меня, сообщим, что уже пять раз играл Ваше Лирическое концертино¹ с неизменным успехом. По возвращении из Праги я выступил здесь с III концертом, затем повторил сыгранное осенью Andante из квартета, переделанное на струнный симфонический состав. Кроме того, местный дирижер продирижировал первым парижским исполнением симфоньетты², партитура и голоса которой только что вышли из печати. Симфоньетта, не смотря на среднее исполнение, звучала мило и пришлась по вкусу слушателям, так что, я надеюсь, она теперь частично заменит Классическую симфонию, слишком за последнее время заигранную. Хотя Вы слышали симфоньетту в Москве и, кроме того, у Вас, кажется, осталась предыдущая ее редакция, а потому Вам все книги в руки,

для того, чтобы сравнивать и в результате в деликатных выражениях поносить, четные части, — все же я думаю, что при последующих прослушиваниях Вы мне их, может быть, простите. Конец скерцо действительно куцеват, но нельзя же в самом деле во всех пяти частях строить длинные коды!

Получили ли две бандероли с нотами, и как Вам понравился концерт Равеля? Последний заявил, что, сочиняя его, он имел в виду воскресить славную традицию Моцарта и Сен-Санса в смысле виртуозного подхода к концертирующему инструменту. Но, во-первых, выбранные им композиторы сами были не без промахов в этом отношении, а во-вторых, своим заявлением Равель никому очков не втёр, ибо известно, что концерт свой он сначала задумал для собственных маленьких средств, но по дороге выяснил, что и того он не сыграет; после этого он стал утруднять фортепианную партию. В результате получился весьма утлый пианизм, но, разумеется, очаровательные звучности в смысле комбинации фортепиано с оркестром, которые настолько искупили дело, что, если не смотреть в ноты, казалось, будто фортепианная партия всерьез концертантная. При первом исполнении концерт имел чрезвычайный успех. Это был один из немногих в Париже случаев, когда зал был до того полон, что желающим отказывали. Между прочим, пикантно, что наверху 5-й страницы тема смахивает на первую сонату Метнера³, а на 20-й странице — чистый Рахманинов (в оркестровой звучности это впечатление еще усиливается).

Другая новинка, опера Мийо «Максимилиан»⁴, оказалась полной сценической и музыкальной неудачей. Не упомяну такого единодушного неодобрения. Я не большой поклонник Мийо, но у него встречаются интересные изобретения, правда, чаще идущие от головы, чем от музыкального чутья. Однако здесь не было и этого: какая-то лопнувшая шина.

Наконец, слышал я симфонию Онеггера⁵, хотя это и не такая новинка, ибо ее уже полтора года назад Кусевицкий играл в Бостоне. В ней, в заключении, мелькает кое-что очень милое, родственное его же виолончельному концерту⁶, но есть скучные страницы, а начало финала откровенно адресуется к «Пульчинелле» Стравинского.

<стр. 374>

Посланное Вам трио Маркевича⁷ не лучшая вещь, но я пришлю еще какой-нибудь его клавир. Квартеты Глазунова достал, но позвольте сначала самому проглядеть их, а затем вышлю Вам. Если Вас не затруднит, то, может быть, Вы мне пришлете продолжение романа Фадеева «Последний из удэге»⁸. Я купил здесь эту книжку, но когда дочитал (и с интересом) до конца, то оказалось, что это лишь конец первой книги. Появилось ли продолжение?

Мне очень грустно, что Вам досаждают семейные неприятности, но неудачам с новыми симфониями не очень доверяю, так как Асафьев после поездки в Москву писал, что НЯМ киснет, но музыку пишет хорошую, светлую и бодрящую. Книгу Асафьева о русской музыке⁹ я получил и показывал ее здесь кое-кому. Кажется, из Парижа будут заказы на нее. Держановскому передайте, пожалуйста, что я благодарю его за театральные переговоры и по

его совету в Михайловский театр написал. Контракт с Большим театром на возобновление «Апельсинов» будет, очевидно, подписан на днях, так как возражений с обеих сторон не встречается.

Крепко обнимаю Вас. Лина Ивановна шлет Вам сердечный привет, также Валентине Яковлевне, к чему присоединяюсь и я.

Ваш С. Пркфв

340. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

30 января 1932 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, с радостью получил и прочел Ваше письмо. Открытку из Праги тоже имел. Очень Вам благодарен за ноты — все исправно получено. Сознаюсь, ни Метнер, ни Рахманинов большой радости мне не доставили. Конечно, кое-что в сонате Рахм[анинова] стало лучше¹, но не стоило огород городить для кое-каких купюр (не всегда удачных) и облегчения техники, которая все равно остается перегруженной. Все равно это сочинение второго сорта. Метнеровские романсы я знал и добывал их для полноты собрания. Тоже тухнет. В особенности ужасна Сюита-вокализ, которую я достал здесь. Маркевича смотрел только глазами — лень почему-то возиться, не тянет. Концерт Равеля по первому впечатлению мне понравился, по второму очень меньше. В сущности, это типично салонная музыка, не очень богатая по изобретению и даже не очень свежая по материалу, хотя очень приятно звучащая. Место, которое Вы отмечаете как рахманиновское, ужасно слабо — все 3 страницы: 18—20. Забавно, что в Adagio попадают обороты из Стравинского, правда, весьма робкие. Что меня раздражает — это ресторанные интонации в финале (стр. 42 [8] и аналогичные). Что-то есть тлетворное в атмосфере современных

<стр. 375>

концертных зал, если даже такой тонкий художник, как Равель, скользит в пошлость. Или, быть может, просто он стареет и боится за успех? Между прочим, обратили Вы внимание, что 1-я тема очень родственна наигрышу к песне Бекмессера?!² Стравинский, несмотря на свою сухотню, все же как-то больше импонирует. Я достал клавир его скрипичного концерта³ и, несмотря на все свое брюзжание, должен сознаться, что там есть неплохие вещи. А кода финала мне положительно нравится. Я рад, что Вы все-таки пришлете мне квартеты Глазунова, а то я думал, что Вы хотите меня уберечь от тлетворного духа его скучной музыки. Говорят, в Ленинграде 7-й квартет игрался и не произвел никакого впечатления⁴. У него, кажется, такая же ребяческая программа, как и в Сюите-вокализ Метнера. Все же мне и эта канитель нужна. На этих днях пошлю Вам партитуру 2-го своего квартета, который, наконец, вышел (с галопадной темкой в финале). Недавно я его опять слышал⁵, и, несмотря на не вполне совершенное исполнение, он все же отлично выходит. Быть может, послать Вам голоса, когда они выйдут? Сунете какому-нибудь не очень спесивому квартету?

«Последний из удэге» Фадеева продолжения еще не имеет. Это, действительно, очень недурная вещь. Читали ли Вы его же «Разлив» и еще один рассказ (вместе)⁶ — тоже недурно. Недавно появился еще очень одаренный писатель, видимо из Алтая — Пермитин. Быть может, Вам попадались на глаза «Когти» и «Капкан»?⁷ Если да, то обязательно прочтите («Капкан», к сожалению, опять не имеет продолжения). Если там у Вас нет, то постараюсь разыскать и pošлю Вам.

Асафьев пишет Вам, что я кисну. Ну, а как же мне не киснуть, когда я не могу выбраться из разных болезней. Только что был нарыв в ухе, из-за чего я наполовину оглох, сейчас начинается грипп, или что-то в этом роде, так как меня сильно лихорадит. Все время мне что-нибудь да мешает. Но все-таки наперекор всему я неустойчиво строчу оркестровку 12-й симфонии. Сперва шло безумно туго (3 года паузы сказались!), теперь ничего. Хотя никаких открытий я не делаю, но надеюсь, что звучать будет неплохо и довольно хлестко, что мне в этой симфонии особенно нужно. Дня через два симфония будет уже готова и сейчас же ляжет на станок к Ламму⁸. Первую часть он уже сделал Получается не плохо. Примусь за вторую.

Теперь я от Вас жду: партитуру квартета и фортепианную сонатину. Надеюсь, она уже гравирована. Симфоньетту Вашу в новом виде я очень люблю и часто играю и, несомненно, скоро привыкну и к концу скерцо, так как нашел уже нужные темповые нюансы.

Когда сделаются доступными партитуры Ваших симфоний?!!!!!

Обнимаю Вас крепко. Сердечный привет Лине Ивановне. Валентина Як[овлевна] тоже просит усердно кланяться.

Душевно Ваш *Н. Мясковский*

30/1 1932. Москва.

<стр. 376>

341. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

18 марта 1932 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

18 марта 1932

Дорогой Николай Яковлевич.

Во-первых, спасибо за квартетик, доставивший мне большое удовольствие. Смотрел его глазами и играл на рояле — нравится и так и этак. Если что не совсем по вкусу, то это в главной партии 2-я половина первого такта и 1-я второго: этот оборот слишком запользованный. Тоже первые такты вступления напоминают Ваши предыдущие сочинения, хотя, с другой стороны, приятно, что первые две ноты темы переставлены на октаву вверх. Остальное в первой части все хорошо, также и во второй, с ее отличной темой. Немножко только страшновато, что альт в начале долго солирует. Кадрильный финал я очень люблю, даже несмотря на ужасающие 2 + 2 и прочие секвентности и квадратности. Передал ли Вам Держановский мою просьбу прислать голоса? Я уверен, что или здесь, или в Брюсселе этот квартет схватят с удовольствием.

Вчера послал Вам, Держановскому и Асафьеву партитуру моего квартета. Издательство тянуло без конца, пока, наконец, выпустило ее в свет. Награвирована партитура прилично, но слишком крупно: Ваш размер я предпочитаю. Две моих сонатины¹ я, наконец, дописал, однако, хочу поддержать с месяц и поиграть домашним образом, дабы сознательно проставить оттенки и лиги. Так что резать можно будет, вероятно, к концу апреля.

В Париже дали клавирабенды Рахманинов² и Метнер³, первый — с большой публикой и большим траляля, второй скромно. Сыграл Рахманинов пять баллад — Грига, Листа, Шопена и две Брамса; играл с чрезвычайным совершенством и блеском, но сухо; тогда, казалось бы, с чего ударяться в романтическую программу? Была и собственная новинка — довольно длинные вариации на тему Корелли⁴, скорее казенные, хорошо, но не изобретательно сделанные, — словом, учебное пособие. Лишь в конце, после технической коды *à grand spectacle**, когда Вам кажется, что уже все закончено, вдруг появляется лирическая пристройка, нечто вроде второй коды — реминисценция добрых старых рахманиновских побочных партий. Будто в его иссохшем мозгу тускло мелькнуло, что он тоже когда-то был талантливым мелодистом.

Игра Метнера оставляла желать лучшего. То есть технически он был безукоризнен, но в звуковом отношении утомителен. Может, он не рассчитал, что рояль был резок, а зал мал. Метнер играл только свои сочинения, на две трети новые; это была такая сушь, архаика, такое тематическое и гармоническое убожество, что казалось, передо мной сидел человек, внезапно сошедший с ума, и, потеряв понятие о време-

* в духе пышного представления (*франц.*).

<стр. 377>

ни, упорствующий в писании на языке Карамзина. Даже его знаменитая и в свое время самостоятельная композиторская техника превратилась в прожевывание уже использованных приемов. Сказки, посвященные Золушке и Иванушке-дурачку⁵, выходили генеральскими островами. Последней новинкой была соната («Грозная») ор. 53, № 2⁶, и, право же, ничего не нахожу, что можно бы о ней сказать. Наоборот, сыгранные в конце программы и на бис опусы довоенного периода не растеряли своей привлекательности. Пикантная подробность: обоим архаическим клавирабендам предшествовали статьи Сабанеева, написанные в тоне почтительнейшего умиления.

Между прочим, в середине «Грозной» сонаты начинается fuga, которая на полдороге рассасывается в обыкновенную фортепианную технику. Я не выдержал и спросил у сидевшего сзади меня Глазунова: «А[лександр] К[онстантинович], это настоящая fuga, или только так?» Глазунов дипломатично промывал что-то вроде того, что два проведения он слышал. На том дело кончилось. Так как он жил за городом и у меня была машина, я после концерта предложил отвезти его домой. Тут, кстати, живописным происшествием было, как он влезал в автомобиль: пробовал и передом, и

задом, и вперед головой, и сначала ногами — выходило приблизительно, как если бы Вас или меня посадить в пианино. Когда, наконец, мы поехали и добрались до его дома, Глазунов вдруг сказал: «А, пожалуй, фуги вовсе и не было». То есть, несмотря на все происшествия, он целый час неотступно думал над этим вопросом и, в конце концов, справедливость поборола дипломатию.

Глазунов говорил, что он писал Вам, прося Вас постараться разыскать и прислать экземпляр партитуры его «Карельской легенды», вышедшей в Беляевском издании и гравированный по военному времени у Юргенсона⁷. Вашего ответа он не получил. Я взялся повторить Вам его просьбу и постарался убедить его, что, вероятно, просто письмо пропало и что, наоборот, Вы как раз недавно интересовались его новыми квартетами.

В прошлую субботу состоялось первое исполнение «Четырех портретов» из «Игрока»⁸. Кажется, вещь удалась и, после нескольких мелких ретушей и переделки конца у «Полины», можно будет ее напечатать. Метод собирания характеристики отдельного лица со всего протяжения оперы и затем использования этого материала для построения самостоятельных симфонических торсеах * оказался удачным.

Напишите мне, что Вам достать еще из музыки. Если Вам нетрудно, то пришлите мне рекомендованные Вами «Когти».

Крепко обнимаю Вас и желаю, чтобы с наступлением весны все Ваши болезни исчезли. Передайте Держановскому, что он по доброму расположению заставил меня написать в Михайловский театр, а оттуда так ничего и не ответили.

Ваш С. Пркфв

* пьес (франц.).

<стр. 378>

342. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

4 апреля 1932 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
на этих днях постараюсь выслать Вам «Когти» Пермитина и голоса моего квартетика. «Когти» в неважном виде, но, к сожалению, их в продаже больше нет, пришлось изъять из знакомых рук мой летний экземпляр. Ваше письмо — с описаниями абендов* прошлого столетия и жанровых сценок с Глазуновым делает сенсацию. Я с удовольствием его цитирую, хотя и полон «благоговения», в частности, перед Метнеровским «высоким искусством», и т. п. Надо сознаться, что в характеристике творчества Метнера последнего периода Вы без промаха бьете и цель: для того чтобы этими изделиями наслаждаться, надо, если не навсегда, то хоть временно впадать в маразм; со мной это изредка случается, и тогда я полощусь в теплой ванне «последнего Метнера». К счастью, я могу принимать противоядие. Одно из них — Ваш квартет. Несмотря на академичность (формы, конечно) первой части, он мне

чрезвычайно нравится, а Andante то и дело становится навязчивой идеей («Durch alle Töne tönet»** и т.д.), как, например, сегодня ни с того ни с сего все утро, пока я часа три бродил по Москве, оно мне звучало до того, что я даже пел его, рискуя попасть под автомобиль от полной невменяемости. Замечательная вещь. Только увидев ноты, я мог разобраться, до чего Ротквартет в нем мало понял, особенно две первые части. В сущности, 2-я часть у них совсем не получилась, хотя ноты были играны безукоризненно. Почему Вы не хотите ставить метроном? Это все-таки может ориентировать.

Не так давно Нейгауз в своем концерте сыграл Rondo (Красавицу) — я бы не сказал, что очень хорошо, как-то слишком выпячивая и так довольно обильные форшлагные арпеджи и не совсем интересно градируя темпы — заключительное *meno mosso* всегда выходило комкано (я его играю всегда по клавиру, мне там больше нравится, чем с арпеджиями; эти последние вносят сюда излишнюю суетливость). Между прочим, Нейгауз жалуется, что получил только 3 пьесы, а как раз Andante нет. Я ему рекомендовал купить в «Книге», где ноты были, но боюсь, что он по лени опоздал. Почему Вы ему не послали всего? В конце концов, из всех пианистов он один отважился играть, хотя бы и один номер из этого опуса. С величайшим нетерпением буду ждать новейших Ваших изделий. Где, между прочим, застрял «Днепр»? Вы спрашиваете, что мне из нот хотелось бы достать? Но у меня такое впечатление, что на «Западе» разучились писать значительную музыку, а делают только побрякушки. Концерт Равеля¹ я иначе назвать никак не могу — он страшно проигрывает при близком знаком-

* вечером — от *der Abend* (нем.).

** «Сквозь все звуки звучащие» (нем.) — первая строка эпитафии (из Ф. Шлегеля) к Фантазии для фортепиано (C-dur, op. 17) Р. Шумана.

<стр. 379>

стве. В конце концов, «музыку» делает только Прокофьев, да еще Стравинский достаточно занимателен. «Псалмы»² его когда-нибудь в каком-нибудь виде выйдут? Я сейчас интересуюсь двоеручием оркестровых вещей Дебюсси — нет ли «Ноктюрнов», «Имажей» (то есть Жиг, Иберия, Рон де Прэнтан) и «Моря»?³ Не печатается ли где-нибудь Юлий Крейн? Или он вполне растворился в парижской суете? Мне ужасно досадно, что нельзя достать партитуры Ваших симфоний, хотя бы Классической. П. А. Ламм жаждет сделать струнное переложение, — а не с чего. Я бы даже потрянул стариной и сварганил бы что-нибудь. Хотя, правда, за мной долг в виде II части 3-й симфонии. Но признаюсь — не могу справиться, ничего не выходит. Я чего-то в ней не улавливаю. Вероятно, надо бы услышать сперва. Сейчас я кончил возню с обеими своими симфониями и мог бы опять поломать голову над Вашей музыкой. Симфонии мои получились не так плохо, как мне казалось. «Октябрьская» — 12-я, конечно, несколько банальна, но иначе и быть не могло, когда ищешь и знаешь наверно, что еще не находишь искомое. 11-я же, кажется, удалась. В 8 рук она звучит недурно⁴. Общее мнение, что это лучшая моя симфония. Я в этом сомневаюсь, так как там есть и излишняя

простота (Andante) и некоторая суховатость от преувеличенной чеканности.

В заключение несколько слов о Глазунове. Письма его я не видел (верно, оно было по старому адресу или на Музгиз, что одинаково скверно, так как я летом там не был вовсе, а теперь бываю очень редко). Но «Кар[ельскую] легенду» кто-то летом уже искал для Глазунова, получил и должен был отправить. Это мне сообщил Юровский. Найти еще экземпляр очень трудно — его нигде больше нет. А при всех наших трансформациях (в частности, юргенсоновской нотопечатни больше нет, она больше года как переведена в другое место и склад тоже реформирован) едва ли удастся что-либо разыскать иначе как случайно. При оказии все-таки спросите его, получил ли он все же партитуру и обижается на меня только за безответность, или действительно, не имеет партитуры. Что я к нему достаточно почтителен, ясно хотя бы из того, что он только благодаря мне получил копию рукописи «Покаянный плач Тангейзера»⁵, так как Беляева в то время в Москве не было, и копию делал из любезности Сергей Сергеевич Попов, которого Глазунов, между прочим, в свое время знал и который весьма сетует, что А[лександр] К[онстантинович] не хочет ему прислать хотя бы 7-й квартет в виде любезного отмаш'а. Я поиски «Карельской канители» не прекращаю. В крайнем случае, остается за мной.

Между прочим, если увидите или услышите, что вышли его виолончельный концерт⁶ и метнеровские плохие сонаты ор. 53 («Грозовая» и «Романтическая») — обязательно снабдите меня этим добром.

Что за слухи ходят по Москве о Ваших письмах на имя наркома просвещения т. Бубнова и, вообще, о Ваших московских планах? Вы действительно к нам собираетесь? Мне говорил об этом что-то наш новый директор консерватории т. Шацкий. Если бы здесь для Вас

<стр. 380>

нашелся пье-да-тер*, было бы восхитительно иметь Вас в среде советских музыкантов. Только боюсь, что все это бредни.

Обнимаю Вас. Поздравляю с наступающей годовщиной 41-летия. Привет Лине Ивановне.

Сердечно Ваш *Н. Мясковский*

4/IV 1932. Москва

343. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

16 апреля 1932 г., Лондон

Лондон, 16 апр. 1932

Дорогой Ник[олай] Яковлевич,
на обороте внутренность аэроплана, на котором я летел сюда из Парижа. Перед отъездом отправил Вам симфонию с хором Стравинского¹. По возвращении в Париж напишу подробнее. Обнимаю.

С. Пркфв

Квартет Ваш забрал Pro Arte, — очень хороший брюссельский ансамбль.

12 мая 1932 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

12 мая 1932

Дорогой Николай Яковлевич.

Чтобы оправдаться в долгом молчании, позвольте сначала перечислить посланное Вам за этот период: открытка из Лондона, симфония с хором Стравинского, вещи Крейна, Пуленка и Риети. Пьесы Крейна средневатого сорта, но Вы ведь ими интересовались; Пуленк же и Риети посланы Вам взамен несуществующих в природе двуручных переложений «Ноктюрнов», «Имажей» и «Моря» Дебюсси. Скоро надеюсь прислать мои поступившие уже к граверу сонатины, которые, льщу себя надеждой, подойдут для Вашего репертуара. Согласно Вашего приказа выставил в них метроном.

Слухи о предстоящем приезде в Москву основаны на моей переписке с некоторыми лицами из Наркомпроса, которая ведется официальным путем через парижское полпредство. Работа рисуется в виде просмотра сочинений теоретиков выпускного курса: для этого я приехал

* pied à terre (франц.) — временное жилище, пристанище.

<стр. 381>

бы осенью на несколько недель и затем на такой же срок весной для просмотра новых работ, вытекших из первого приезда. Весь вопрос, согласятся ли руководящие лица на такое мое шатание, но я думаю, что студенты могли бы извлечь пользу¹. Конечно, подобный проект им ни за что не пришел бы мне в голову, поскольку Вы учили уму-разуму молодых консерваторских композиторов: у Вас на этот счет и больше опытности, и больше терпения. Но после того как Вы написали о Вашем уходе из консерватории, этот план показался возможным. Сейчас я с интересом слежу за всеми переменами на музыкальном фронте.

Спасибо большое за присылку «Когтей»: пока я прочел лишь несколько глав, они чрезвычайно хороши. Партитуру и материал Вашего квартета я вручил бельгийскому ансамблю Pro Arte, пользующемуся отличным именем в западной Европе. Они уехали в Америку и собирались во время турне разучить Ваш квартет, с тем, чтобы с осени включить его в свой репертуар.

Партитура Классической симфонии, кажется, имеется у Асафьева, но он хранит ее под семью замками, поклявшись не выпускать из рук. Все же, думаю, для Вас он может сделать исключение, а я буду чрезвычайно рад, если Вы или Ламм переложите ее для осьминога; только, пожалуй, слишком мало останется для каждого щупальца! А почему бы Ламм не переложил сюиту из «Шута»?²

Страницу Вашего письма, посвященную Глазунову, я прочел лично его степенству, ловко замещая слишком сочные выражения, вроде «Карельской канители», более благопристойными. Глазунов взял адрес, собирался Вам написать и обещал послать 7-й квартет С. С. Попову.

Крепко обнимаю Вас. Очень рад, что Вы, в конечном счете, остались

довольны Вашими новыми симфониями, а то Вы ужасно стонали вначале, чему я, впрочем, верил только из вежливости. Еще раз обнимаю.

Ваш С. Пркфв

345. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 мая 1932 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, я, конечно, по существу свинья, поскольку ничего не написал Вам, несмотря на непрерывно получавшиеся толчки. Все, о чем Вы мне пишете, я исправно получил. Большое спасибо. Стравинский мне понравился¹ (относительно, конечно) в двух первых частях — в них есть характер и эмоциональность, да и материал занимателен; последняя часть, быть может, в хоре и производит впечатление; но уже очень бедна по мыслям и ординарна в своих псалмодиях; возможно, что Es-dur'ный хор заключительный имеет некоторым шарм, но и то с большой натяжкой. Крейн, конечно, среден, лучше —

<стр. 382>

«Танго»². У Риети есть и свежесть, и кровь, но довольно однообразные приемы³. Пуленк — забавная хрестоматия от Рамо до Стравинского⁴. Какой-то дневник неугомонного путешественника по всем страницам музыкальной культуры. Но живо, забавно и с темпераментом (в особенности, середина первой части). Хоть и шут гороховый, но талантливый! Между прочим, на днях обнаружил, что Ваша информация чуть расходится с действительностью — увидел двоеручие дебюссистских «Ноктюрнов» (всех трех) и в обработке Самазейля. Кажется, их у нас собираются контрафакцировать. Думая о программах концертов будущего года, я натолкнулся на мысль: нельзя ли исполнить фортепианный концерт Равеля (как достать материал?) и Ваши — увертюру ор. 42 (для большого оркестра), Дивертисмент и 2-й концерт? Что Вы скажете по сему поводу? Мне бы еще хотелось 3-ю симфонию, но боюсь, что здесь никто не справится с нею. Есть предположение, что будет дирижировать сезоном (в консерватории) Коутс. Особенного тут ничего нет, но среднее качество исполн[ения] все-таки достигнуто будет. Не знаю, впрочем, насколько все эти предположения реальны. Быть может, в таком же роде как и переговоры с Вами. Я что-то не очень верю в возможность достижения каких-либо решений. Идея Вашего класса мне кажется очень приемлемой, — но лишь как идея. Действительность дает очень мало предпосылок для успешного воплощения ее. Дело в том, что как-то так сложилось, что «теоретики выпускного курса» есть лишь весьма смутное понятие сейчас. Я знаю состав учащихся и боюсь, что такого материала, какой мог бы работать по Вашему методу, теперь у нас еще нет. Пожалуй, было бы осуществимо, если бы к этой группе был бы придан еще ассистент, который на основе Ваших осенних директив смог бы направлять студентов в подготовке их весенних работ. К сожалению, при краткости нашего курса (4 года) и недостаточной подготовленности принимаемых на 1-й курс, студенты «выпускные» еще

далеко не умеют работать без регулярного руководства. Но мне лично план Ваш чрезвычайно улыбается — это может до крайности освежить и встряхнуть нашу не только педагогическую, но и творческую атмосферу. Я думаю, Ваш класс будет ломиться просто от любознательных. Мой личный уход из консерватории все еще как-то не удастся. Начальство встречает все мои попытки в штыки, придавая им окраску саботажа, абсолютно не желая верить моим словам, когда я говорю, что педагогику ненавижу, любой «теоретик» принесет на моем месте в 100 раз больше пользы, что я как преподаватель выдохся, что я, наконец, стар и хочу хоть остаток своей жизни немного посочинять и к тому же я, действительно, органически болен, и больше всего беспокойства мне причиняют уши, боли в которых и периодические расстройства слуха почти не прекращаются. Все это — словно об стену горох! Какое-то ведомственное тщеславие — имя, мол. У Глазунова аппетит сильно вырос. Я получил от него письмо⁵, где он спрашивает не только о «Карелии», но еще об органной фуге⁶, и вообще о материалах и т. п. «Легенду» я ему уже послал, больше

<стр. 383>

ничего разыскать не удалось. Написал и письмо. Хозяйство музыкальное у нас сейчас сильно запуталось — ужасно трудно что-либо выяснить.

Как хорошо было бы, если бы Вы все-таки к нам приехали. Сейчас буду с жадностью поджидать Ваши сонатинки хотя бы. Почему бы Ламму не переложить сюиту из «Шута»? Он, я заметил, как-то не очень любит сюиты; даже начатую и не конченную Беляевым Скифскую он не доделал, а не хватает только 4-й части! На Классич[ескую] он очень зарится. Боюсь, что Асафьев не даст партитуры. Попробую ему написать, тем более, что жду его приезда сюда.

Не помню, когда Вам писал. Кажется, уже после того с симфониями моими произошло недоразумение. Проиграв их в 8 рук, я обнаружил, что как раз лучшая—11-я оказалась с дефектами. Спешно пришлось досочинять огромный кусок в разработке финала, конечно, особенно ценного уже не получилось. Со стороны, быть может, и не заметно, но я весьма чувствую неловкий клин — несколько механического порядка. 12-ю мне скоро удастся проверить: 1 июня ее сыграет Коутс с оркестром Большого театра⁷. Между прочим, Коутс хочет где-то за границей наиграть на пластинку мою симфоньетту. Говорят, что нужно будет какой-то контракт заключить. Как это делается? лично или через издательство, поскольку эта вещь напечатана, а нашим представителем за границей является Univ[ersal] Edition; или это относится к области права «исполнения», на которую права издателей не распространяются.

Вам не приходилось с этим иметь дело? Где Вы летом?

Обнимаю Вас крепко.

Ваш *Н. Мясковский*

18/V 1932

Спасибо за квартет и вырезку. Симфоньетта, кажется, хочет пробиться в

свет!

Н. М.

346. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 июня 1932 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

11 июня 1932

Дорогой Николай Яковлевич.

Получил Ваше письмо от 18 мая, а теперь поджидаю от Вас описание первого исполнения двенадцатой симфонии. При наигрывании симфонической вещи на пластинку, контракт заключает обыкновенно издатель при сдаче материала. Кроме того, автор должен состоять чле-

<стр. 384>

ном общества, защищающего его права для механических инструментов. Такое общество есть в Берлине (Amre) и в Париже (Edifo).

В общем же, для нашего брата доход с пластинок ничтожный, и становится он ощутительным, только когда они расходятся в десятках тысяч. Из моих вещей хорошо наиграна Классическая симфония, довольно прилично сюита из «Апельсинов», а в конце июня я поеду в Лондон наигрывать III концерт¹. Это новая эмоция, так как я до сих пор никогда не играл для граммофона, а тут еще большая вещь, да с оркестром. Подумайте, ни чихнуть и ни промазать!

Если моя преподавательская гастроль в Москве не состоится, то я всё равно берегу время для СССР от 15 ноября до 5 декабря. Как Вы думаете, не удастся ли мне сыграть в Москве и Ленинграде мою новую «Музыку для фортепиано с оркестром»², и к кому лучше по этому поводу обратиться? Или Вы кому-нибудь сумеете намекнуть, и мне об этом напишут? Я мог бы с собою также привезти тот или иной оркестровый материал. Относительно материала концерта Равеля я постараюсь, если представится случай, поговорить с самим автором. У Дюрана, где он издан, вероятно, потребуют расплату валютой и залог, а если Равелю захочется, чтобы его концерт был сыгран в Москве, то все дело может выйти проще, только я не уверен, в Париже ли он сейчас.

Относительно фортепианных переложений «Ноктюрнов» Дебюсси Самазейлем не знали у самого Дюрана, куда я ходил справляться. Вероятно, это простая халатность; я справлюсь вторично и если найду самазейлевские переложения, то пришлю Вам.

Получили ли корректурный оттиск моих сонатин, посланный Вам четыре дня тому назад? Умоляю Вас, не находите ошибок, а то теперь уже поздно — доски пошли в печать. Послал я Вам корректурный экземпляр, во-первых, от нетерпения узнать Ваше мнение, а во-вторых, с печатанием здесь часто берутся недели три, и я боялся, что к тому времени Вы уедете на лето куда-нибудь во внефортепианное место.

Крепко обнимаю Вас. Пишите про двенадцатую.

Ваш С. Пркфв

347. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 июня 1932 г., Москва

Москва

18/VI 1932

Дорогой Сергей Сергеевич, на днях получил Ваше письмо (от 11 июня), но все откладывал ответ, пока не вернул к себе способность понимания (и даже слушания) музыки, хотя бы в минимальной степени. Сонатины Ваши застали меня в глубоко лежащем состоянии, и первое мое знакомство с ними было сквозь дымку собственного жара,

<стр. 385>

но и тогда что-то меня чрезвычайно привлекло к Анданте из II сонатины. Но, наконец, — два дня как я уже вернулся к станку и непрестанно переигрываю оба чудесных сочинения, хотя занятие это и из не очень глазоприятных. Несмотря на то, что Вы теперь с величайшим упорством продуцируете свой новый несколько флегматично-постноватый (в вертикальном отношении) стиль, сонатины стоят на полной высоте, а некоторые части, несмотря на свою внешнюю скромность, принадлежат к ряду Ваших лучших изделий. Я пока наименее раскусил финалы, в особенности к 1-й сонатине. Во 2-м — я долго сопротивлялся главной «перечной» теме, но сейчас уже побежден. Отдать предпочтение какой-нибудь из сонатин мне трудно, так как каждая имеет в себе что-нибудь необычайно привлекательное, но, пожалуй, в целом пока меня больше влечет ко 2-й, в 1-й — восхитительная первая часть, немножко Tenebros'ная* с такой типично Вашей — вкрадчиво-томной 2-й темкой и прелестной формой. Adagietto — очень привлекательно своим широтой в сочетании с какой-то странной изысканностью (напоминает «Блудного сына» как и финал); но сейчас довольно неважно у меня звучит, так как строй моего рояля напоминает былой памяти Ваш «Шредер» — никогда не осквернявшийся рукой настройщика. Вторая сонатина нравится мне вся: и 1-я часть с необыкновенно красивой «русской» 2-й темой и неисполнимой для меня разработкой (и всего-то 1 страница!), и финал с необыкновенно для Вас характерной 3-й темой, и в особенности, — я в этом окончательно укрепился, — замечательным Andante, в котором я не знаю что лучше, извилистая ли 1-я тема или жутко-жалобная 2-я; для меня последний эпизод полон образом Ренаты, хотя нет никакого внешнего сходства ни с каким эпизодом «Огн[енного] анг[ела]». Как видите, сонатины Ваши привели меня почти что в раж. В заключение парочку придилок и один вопрос (Вы запретили ловить опечатки, да я их и не обнаружил). Мне казалось бы более целесообразным второй голос (1-я сонатина, финал, стр. 11, строка 4 \sharp , 1-й такт) написать в диезах (также и крайние голоса в предыдущем такте), а то ужасно неловко читать — слух все время сопротивляется глазу. На стр. 15, строка 4, такт 2 (да и 1) *ff* — единственное место во всех сонатинах, где я ощущаю какой-то

стилистический срыв. Наконец, во 2-й сонатине, стр. 8, # # басовой ход имеет, надеюсь, до ♯ ? Это единственное место, где я споткнулся и глазом, и слухом.

Я очень надеюсь, что как только сонатины выйдут из печати, Вы мне пришлете их на белой бумаге, — а то я просто мученик, особенно при моем испорченном зрении, ведь я теперь не могу работать без очков! Куда посылать? Хотя я до 15 июля официально в городе, но все же, быть может, буду исчезать, так как абсолютно сейчас не способен ни к какой работе. Потом дома будет сестра. А, быть может, лучше послать на адрес Держановских? Они, если не ошибаюсь, никуда этим

* мрачная, таинственная — от *tenebroso* (итал.).

<стр. 386>

летом не уезжают. Только обязательно написать на экземпляре: à m. Miaskovsky. Для меня величайшая радость, что Вы все-таки решаете приехать к нам. Нашу музыкальную атмосферу надо озонировать, мы очень зассорились и забыли о музыке. Я только в полном на Вас негодовании: что это за кшенекьянство и хиндемитчина называть свое новое сочинение «Музыка для фортепиано с оркестром»! разве у Вас есть опасение, что Вашу «Музыку» примут за какой-нибудь индустриальный шум? «Се лев, а не собака»?! Если Вы не хотите с а м и выдумать какое-нибудь название (с каких это пор?), то наименьшей претензией будет все же назвать Ваше новое сочинение просто 5-й (или 4-й, однорукий, быть может, не в счет?) концерт. Никогда не думал, что Вы пойдете по одной жердочке с туповатыми немцами! Я думаю, что исполнение «Музыки» можно будет организовать с полной уверенностью, но хотелось бы еще симфонию! Между прочим, у нас на-постоянно приглашен для симфонических концертов Коутс. С моей точки зрения, это далеко не приобретение, но так как разбираться в качествах исполнения у нас давно разучились, то тут ничего не поделаешь. Он, между прочим, говорил, что играл все Ваши симфонии, кроме 4-й. Правда это? Если так, то ему ничего не будет стоить сыграть или 2-ю, или 3-ю, правда?

Я, наконец, удостоился чести быть исполненным «крупным» дирижером. Коутс, этот самый, сыграл 1 июня мою 12-ю симфонию. Перед тем мы ему ее не менее четырех раз сыграли в 8 рук (притом очень прилично и все разы с о в е р ш е н н о одинаково). На первой же репетиции обнаружилось, что все темпы он забыл и играл наоборот: быстрое — осторожно, благодушно, медленное — лихорадочно вздернуто. Я слушал 2 черновых репетиции (было 5) и, извлеки необходимые для себя предпосылки, наметил изменения, но поставил крест на исполнении. На мое счастье, заболел очень нудным гриппом и провалялся (с рецидивом) с 28 мая по 13 июня. Концерт, конечно, пропустил, о чем и не жалею, ибо, как говорят, была сильная чепуха (от части к части шло все хуже, а в финале были даже 2—3 полных замешательства), но симфония в целом звучала хорошо, и все указания на недостатки сошлись с моими наблюдениями на репетициях. Теперь я все исправил и завтра отдаю симфонию в гравировку, так как ее спешат печатать, поскольку она написана

«К XV-летию Октябрьской революции», хотя программу ее мне и пришлось снять, так как получилось не совсем то, что я хотел. Вместе с симфонией в концерте игрался новый фортепианный концерт Фейнберга ¹ — исключительная по красоте музыка, имевшая огромный успех. Притом, не в пример Метнеру, концерт очень недурно оркестрован. Когда здесь был Боровский, я в одном из его концертов (накануне своей болезни) слушал, как он играл 4 Ваших пьесы ор. 52². Надо сознаться, играл мало убедительно. Лучше других — «Красавицу». Очень плохо — Scherzino. [...]

Обнимаю Вас крепко.

Где Вы летом?

Ваш *Н. Мясковский*

<стр. 387>

348. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я- МЯСКОВСКОМУ

8 июля 1932 г., Сарк

Sark, 8 июля 1932

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич], пишу Вам из игрушечного королевства, ибо такие еще существуют на белом свете: это маленький островок в Ламанше, под покровительством Англии, но имеющий собственную королеву, правящую 600 жителями и сидящую во дворце, что на обороте, охраняемом 6-ю пушками. Так было в XVI веке, так по недоразумению осталось до сих пор. Островок живописен, климат мягкий, и многочисленные туристы уменьшают его средневековый характер.

Обнимаю Вас, завтра отправляюсь обратно в Париж.

Ваш *С. Пркфв*

349. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

20 июля 1932 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, заехав на пару дней в Москву, получил Вашу открытку из Сарка. Не мог все же выяснить, получили ли Вы мое длинное письмо по поводу сонатин и воркотни из-за названия нового сочинения для фортепиано с оркестром.

Зайдя к Держановским, нашел сонатины с вставленными бекарамм на *do* (но не понял, чьим почерком) в *Andante* 2-й из них. Я, кажется, доехал уже до понимания обоих финалов. Вообще, обе сонатины меня продолжают восхищать, ни на одну секунду не утомляя. Вчера 2-1 сонатиной я пронял даже К. С. Сараджева, которому, как я заметил, Ваш новый стиль не очень понятен. Между прочим, при чувствительном разыгрывании *Andante* 2-й сонатины я наткнулся на одно место, которое сильно меня смутило; нет ли тут опечатки: стр. 7, такт 14, фигурка на 2-й восьмой

<стр. 388>

верное ли это *до*? Я его не заметил, играя всегда *ми*, но, быть может, это так и нужно, хотя очень неловко для моих пальцев? Если будете мне писать, пишите простым письмом (пока), так как заказное некому принимать, а простое просто опустят ко мне в ящик.

Что случилось с «У Днепра»? Клавир его вышел или так же заморожен, как в свое время двурукий квинтет? Мне почему-то вдруг очень захотелось его вспомнить.

Павел Ламм от огорчения, что не может достать никакой из Ваших партитур симфоний, взял и переложил в 8 рук старую симфоньетту. Я очень рад. Вам это показываться, конечно, не будет.

Чем кончились Ваши переговоры с консерваторией через Наркомпрос? Здесь упорно твердят, — что Вы будете преподавать, и Вас превосходно во всех отношениях обставят; но боюсь, что о всех этих планах Вы узнаете последний, когда уже не сможете располагать временем. Планируются и Ваши концертные участия и т. д. Пролетарские композиторы тоже вдруг воспылали надеждами на благотворность Вашего приезда и весьма к Вам благожелательно настроены. Не знаю, надолго ли.

Для меня же Ваш приезд — утешение величайшее.

Всего доброго. Обнимаю Вас крепко.

Ваш *Н. Мясковский*

20/VII 1932. Москва

350. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 июля 1932 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, пишу по небольшому, но довольно спешному делу. Д. М. Мелких года два тому назад написал очень удачный квартет для 4-х деревяшек (в 3-х, кажется, частях) ¹. Музгиз в свое время отказался его печатать, найдя слишком модернистичным и сумбурным. Последнее, конечно, неверно. Модернизм тоже только кажущийся, ибо сочинение сделано вполне стильно. Недавно оно было через ВОКС послано для исполнения в Интернациональном] фестивале, но опоздало к сроку. Ансерме, бывший в жюри, очень жалел, найдя квартет чрезвычайно удачным, и обещал его исполнить помимо фестиваля. Я вместе с автором обращаюсь к Вам с вопросом — не могло бы его издать Рос[сийское] муз[ыкальное] изд[ательство]? И если да, то на каких условиях? Если не РМИ, то, быть может, Беляевское? Вы Глазунова не видите летом? Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*

23/VII 1932

<стр. 389>

351. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 июля 1932 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

27 июля 1938

Дорогой Николай Яковлевич.

Оба Ваших заказных, от 18 июня и 20 июля, а также открытку получил. Спасибо за интересный обзор сонатин; я тоже предпочитаю средние части, но в Andante второй считаю первую тему гораздо удачнее, чем вторую. За финал первой сонатины должен слегка заступиться: он труднее, но имеет свойство улучшаться при повторном проигрывании. Что это Вы налетели на меня за «постноватый в вертикальном отношении» стиль? Ведь на то они и сонатины, чтобы быть одноэтажными! Как странно, что Сараджев, в свое время бывший живчиком, противится моей новой манере. Вот и Асафьев пишет: «у нас не ценят лиризации твоего творчества последней поры». В чем же дело? — ведь мелодика это то, что легче всего лезет в душу, а форма изложения самая понятная...

Объясните мне причины противления.

За четыре бекара против четырех *до* поклон и благодарность. Я заставил внести в полтысячи экземпляров на складе, а также на доску. На стр. 7, в домажорной фигурации это так-таки есть *до*, а не *ми*. Я, можно сказать, включил вдохновенную деталь, а Вы приняли ее за опечатку.

О квартете для деревянных духовых Мелких я сообщил в РМИ, но там сейчас об этом не хотят и думать, так как предложенный товар не ходкий, а фамилия автора мало известна за границей. К Глазунову я не обращался, потому что в их лавочке вовсе затор: Вы не можете себе представить, какой сейчас кризис у всех здешних музыкальных издательств. Я вошел в постоянное жюри нового камерного общества в Париже, «Тритон», которое с осени открывает свою деятельность; так же меня пригласили рекомендовать вещи для другого подобного общества, «Серенада». В первую голову мне хочется, чтобы сыграли Ваш квартет (с канканом), поэтому прошу Вас прислать еще партитурку, а то присланную раньше бельгийские квартетисты увезли и Америку вместе с материалом. Может быть, Мелких мог бы послать мне копию своей рукописи? Если его ансамбль ответит вкусу вышеозначенных обществ, ее удастся сыграть в Париже. В случае успеха, пожалуй, и РМИ сможет переменить свой взгляд.

Какой все-таки жеребец этот Коутс: до старости будет скакать через все темпы напролом. Меня возмущает, как он обработал Вашу Двенадцатую. Недавно он в Лондоне наиграл весь «Стальной скок» для граммофона, но в некоторых частях закатил такие абсурдные скорости, что я сам не понял, какую музыку воспроизводит диск, и как раз сегодня обращаюсь в Лондон, прося пустить в продажу «Стальной скок» не полностью, купирова загнанные части. Я очень интересовался

<стр. 390>

исполнением Вашей XII симфонии, но ни Держановский, ни другие не догадались написать о нем. По счастью, мне попался номер «Советского искусства» со статьей об исполнении¹, и из этой статьи я смог профильтровать некоторое впечатление, именно, что вещь значительная и чрезвычайно ясно изложенная. Поздравляю Вас и буду ждать ноты. Пока не поздно — постарайтесь заставить награвировать четырехручное переложение партитурно.

Мой приезд в Союз становится все более очевидным, но, как Вы и угадали, все более кратковременным: 18—19 ноября играю в Варшаве², приеду в Москву 21-го, а уеду около 5 декабря, так как 11-го симфонический в Париже³, а затем Америка. Преподавательская причина поездки замещается концертной, хотя постараюсь не загружаться и сыграть раз или два в Москве и столько же в Ленинграде⁴. Как бы хотелось, чтобы в этот период была сыграна одна из Ваших симфоний! Очень пикантно Ваше сообщение о перемене настроений Пролетарских музыкантов по отношению ко мне и о их надеждах на «благотворность» моего приезда. Мне трудно отсюда судить, но по скудным данным, которые я собираю здесь, они, конечно, имеют право на влияние, при условии некоторого выпрямления их линии.

Крепко обнимаю Вас. Мы, кажется, скоро уедем на юг, но Вы пишете на Париж, откуда и простые и заказные будут пересылаться мне немедленно.

Ваш С. Пркфв

352. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 августа 1932 г., Сен-Максим

28 авг. 1932

Maison Sadoul,
Ste Maxime, Var, France

Дорогой Ник[олай] Яковлевич.

На этом адресе, у берега Средиземного моря, мы пробудем числа до 10 октября. Напишите. Я последний раз писал Вам длинным письмом (не заказным) ровно месяц назад; получили ли? Как Ваше лето?

Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

353. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

7 сентября 1932 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
я давно получил Ваше большое письмо и все собирался отвечать, но слишком засуетился с ездой на дачу. Сейчас опять несколько упрочился в городе, так как лечу зубы, и могу Вам на свободе черкнуть пару

<стр. 391>

слов. О Вашей мелодике и понятной форме изложения последней поры... Почему их у нас пока плохо ценят? Это очень сложный вопрос, и я не знаю,

сумею ли вразумительно на него ответить. У меня мысль по этому поводу как-то раздваивается. С одной стороны — Ваши интонационные элементы (как в мелодике, так и в гармонике) никогда не были просты, но в старой манере письма они поглощались, с одной стороны, динамическим напором, а с другой, и благодаря насыщенности письма, большей определенностью звукового комплекса; сейчас — мелодика Ваша стала еще изысканней (и по интонации, и по ритмической структуре, и по большей ее протяженности, и по меньшей квадратности), а стиль изложения становится почти линейным, то есть гармонически гораздо менее определенным (я не говорю неясным). Если суммировать, я бы сказал, что стиль Вашей музыки стал более интеллектуальным, Вы менее отдаетесь творческому потоку, нежели сознательно направляете его в определенное и иногда на первый взгляд более узкое русло. В Вашем творчестве словно появился элемент оглядки, что особенно бросается в глаза в концовках новейших Ваших сочинений, в частности в сонатинах — где я иногда чувствую нарочитость. Не знаю, внятно ли я выражаюсь? Вы, верно, вспомните, что для усвоения Вашей музыки меня часто приходилось поливать из леечки; быть может, и теперь это надо продолжать, и мои рассуждения (правда, как бы по чужому адресу) надо отнести на то, что я просто недостаточно сам еще вошел в Ваш новый стиль. Но все же мне кажется, я не очень ошибаюсь, когда думаю, что [если] раньше у Вас могло бывать намерение ошеломить, то теперь, скорей — удивить, з а и н т е р е с о в а в . А это действует не так непосредственно.

Я очень рад, если осуществится Ваш приезд сюда, мне очень хочется услышать Вашу новую музыку от автора, быть может, все станет ясно. Между прочим, почему Вы не хотите привезти Дивертисмент? Он здесь имеет большой успех. Могу Вас, между прочим, обрадовать и огорчить. Ламм переложил в 8 рук — Классич[ескую] симфонию и Симфоньетту (в первой редакции — исключительно, конечно, для меня). Обе выходят очень мило. Сознаюсь, что новая редакция Симфоньетты лучше старой. Но скерцо 1-й — увлекательнее.

Что касается моих дел, то имею Вам сообщить, что клавир симфонии № 12 выходит в партитурном виде! К сожалению, Жилиев сделал клавир 11-й не партитурно, и я не могу его переписать иначе, а эта симфония куда лучше 12-й. Я жду выхода из печати своего 1-го квартета и тогда pošлю Вам обе партитуры вместе и 1-й, и 2-й.

К настоящему письму прилагаю список опечаток, выуженных Ламмос при переложении в партитуре. Может быть, пригодится. Немного опять о духовом квартете Мелких. Партитура есть у Ансерме. Быть может, можно у него попросить?

Желаю Вам всего доброго. Обнимаю крепко.

Ваш *Н. Мясковский*

7/IX 1932

<стр. 392>

5 октября 1932 г., Сен-Максим

Maison Sadoul, Sainte Maxime, (Var), France

5 октября 1932

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень хотелось бы, чтобы Вы прислали мне партитурку Вашего квартета (с галопом) в Париж до 22 октября, ибо на эту дату назначено программное заседание «Тритона» — нового камерного общества, и жюри которого я нахожусь. Я непременно хочу, чтобы этот квартет был сыгран в одном из первых же концертов. О квартете Мелких я творил Пайчадзе, который в переписке с Ансерме; Пайчадзе написал последнему — и я надеюсь, что рукопись этой вещи удастся получить к 22-му.

Ваш анализ приемов изложения моей музыки, вероятно, правилен. По мере того, как увлекаешься в поисках новой мелодики и новой простоты, начинаешь не замечать, как далеко уплываешь от берега. Если при этом действительно удастся открыть новый язык, то это хорошо; сели же впадаешь в сухость и вычуру — тогда крышка. И в этом отношении Ваше письмо — хороший окрик: можно изобретать, но нельзя терять живой линии. Что касается концов, я пришел к заключению, что их надо сочинять так же, как сочиняется тема или прием разработки. Если в иных концах сонатин Вы чувствуете нарочитость, то это одно из двух: или конец не удался, или наоборот, удалось придумать новое заключение, которое по первому взгляду Вам не кажется таковым. Помните ли Вы конец одной из средних картин «Петрушки»? — труба наверху и два аккорда, кажется, Gis и Fis. Меня он при первом же знакомстве поразил, но притом показалось, что ощущение заключения притянута за волосы. Между тем, сейчас я думаю, что это один из лучших кадансов, изобретенных Стравинским.

Мы провели два месяца у берега Средиземного моря, спасаясь на юге от дождей, которые последние лета лили по всей Франции. Жарко не было, и купанье отличное; я несколько усовершенствовался в плавании, хотя, в общем, немного. Много времени отняла корректура партитуры и партий «Портретов» из «Игрока». Как-никак, эта 24-минутная вещь для большого оркестра, а граверы, взявшиеся делать ее по новой системе, исполнили работу прескверно. Не меньше времени взяло зужение нового концерта, который из поблажки Вашему дурному характеру я в конце концов назвал Пятым концертом, похерив «Музыку для фортепиано с оркестром», хотя, уверяю Вас, что называть музыку музыкой изобрел совсем не Хиндемит, см. хотя бы «Kleine Nachtmusik» Моцарта ¹. Зато, чтобы уж окончательно Вам насолить с «постноватым вертикальным стилем», я написал сонату для двух скрипок ², в которой даже двойных нот и аккордов совсем мало. Когда в Москве ее будут играть на моем камерном вечере, Вам придется выйти из зала.

<стр. 393>

Я очень рад, что Держановский проявляет такую бурную деятельность, и

что мне именно с ним приходится переписываться о деталях, концертов в Москве. Мосфил тоже прислал мне приглашение, но я ответил, что уже веду переговоры с Горкомом композиторов. Только, кажется, мой приезд начинает принимать такой молниеносный облик, если подумаешь о всем, что надо сделать в эти несколько дней, — что я уже начинаю мечтать о второй поездке в апреле, когда можно будет ко всему присмотреться и прислушаться поспокойнее. Вообще пора почаще ездить и подольше оставаться.

Крепко обнимаю Вас. Жду Вашего письма в Париж, где рассчитываю быть числа 15-го, и непременно квартал.

Ваш *С. Пркфв*

Очень благодарю Ламма за список опечаток. Когда же выйдут клавиры XI и XII?

355. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 октября 1932 г., Копенгаген

Копенгаген, 28 ок. 1932

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич], вчера играл здесь с Малько 3-й концерт, но мысли заняты пятым — через 2 дня в Берлине *. Спасибо большое за XII симфонию, но пришла она перед самым отъездом и почти ничего не успел посмотреть. Обнимаю. До очень скорого.

С. П.

356. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

21 декабря 1932 г.

Пароход «Европа», 21 дек. 1932

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич], пишу Вам среди океана, а опущу открытку в Нью-Йорке. По дороге нас немного повалило, но теперь Нептун успокоился и пароход лишь чуть вздрагивает от машины, делая свои 52 километра в час.

Сердечный привет к Новому году от *С. Пркфв'а*.

<стр. 394>

357. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

3 февраля 1933 г., Москва

3 февраля 1933. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
узнав, что скоро Вы возвращаетесь, шлю Вам встречный привет. После Вашего

отъезда я долго был под впечатлением Вашей новой музыки. 5-й концерт ретроспективно нравится мне все больше и больше, досадно, что нет нот. Получил вкус к «сонатинам», но считаю их вещами интимного склада: дома они выигрывают. Сравнительно недавно получил «Борисфена». Есть вещи, которые в нем сразу чрезвычайно нравятся (Вступление, особенно *cis-moll*, который и в Свадьбе замечателен; Сцена; Свадьба; Танец жениха), многие другие номера я еще не могу охватить, и совсем не дается *Pas de deux* — как-то ужасно трудно схватить мелодический рисунок. В семействе Держановских «Борисфена» нашли гениальным. Может быть, они и правы, я еще не вполне раскусил его и не знаю, кому отдать предпочтение — ему или его старшему брату «Блудному сыну». Сейчас мы начинаем с великим удовольствием играть «Шута». Ламм переложил уже несколько номеров, и получается замечательно¹. Можете также и меня поздравить. Я выполнил свое «дело чести» и сделал-таки III часть Вашей симфонии². Сперва, из упрямства, сделал по-своему с максимальным сохранением всех скользящих гармоний; вышло так чудовищно трудно, что у Шебалина заболели руки, а я все время играл по соседним нотам. Тогда я вспомнил Ваш совет взять за основу клавир — и сделал все переложение заново. Правда, клавир Ваш помог только в том смысле, что я уяснил себе, какие звуки для Вас предпочтительнее оставлять, тем более, что в нем есть много расхождений с партитурой (между прочим, в партитуре также есть очень много неясностей, подозреваю опечатки, хотя не всегда даже уверен в этом), а репризу все равно пришлось делать иначе. Остальные части я тоже исправил в соответствии с партитурой, а IV и переделал по Вашему желанию, хотя не всем доволен (трубы *con Sordini* — было лучше играть левой рукой правого партнера, а как теперь — накрест, очень трудно согласовать ритмы разных рук). Ламм после «Шута» тоже, верно, возьмется за 3-ю симфонию, что в 8 рук будет вовсе не очень трудно. Осмелев, надеюсь, сделает он и 2-ю³, хотя пинаюсь, тот экземпляр, который в «Книге» (рукопись), ужасно труден для чтения.

Спасибо Вам за рецензию о 12-й симфонии⁴. Мне кое-что прислали из Вены и ВОКС тоже кое-что добавил. Что меня интересует — это впечатление от 4-й симфонии в Париже. Какой-то бойкий немец Fall (Вы его, будто, должны знать) рискнул ее там сыграть и будто бы имел успех. Я этому не очень-то верю, хотя присланные вырезки из газет довольно снисходительны⁵. Но это все из мелкой прессы. Если доведется спросить кого-нибудь, кто слышал мое детище, быть может, сообщите мне действительное впечатление, причем можете не стесняться красками. 11-я симфония прошла здесь интимно⁶ (в маленьком радио-

<стр. 395>

зале были только музыканты), но с успехом. Звучала прилично, хотя много пришлось подправить. Мне симфония не понравилась — не ощущаю в ней целостной концепции, без чего, по-моему, симфония не симфония. Между прочим, Радиотеатр — закрыт. Значит, «Игрок» опять в нетях. Ужасно досадно. Но Юровский, кажется, переходит в Большой театр, будем давить на него там.

Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*

358. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

18 февраля 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

18 февраля 1933

Дорогой Николай Яковлевич.

Вернувшись из Америки, нашел с большим удовольствием Ваше письмо. Из москвитян Вы оказались единственным приличным человеком, от остальных — молчок: нет ни нот в обмен за прокат моих сочинений, нет ни камерных сочинений советских композиторов для исполнения за границей. Правда, когда я на сборище у Шебалина произвел мой доклад на тему об обмене, композиторы, боясь уронить своё достоинство, блеснули сдержанностью, но все же я убежден, что такой обмен принесет им пользу, прибавив к их местному весу вес заграничный, а кроме того, даст возможность притока из-за границы камерной литературы. Конечно, может быть, было умнее тогда же выбрать какой-нибудь комитет, который принял бы на себя пересылку нот, но я успокоился на том, что с бодрым видом взялся за это дело Атовмян, да и Вы передали мне листок со списком желаемых нот (этот листок я, кстати, разыскал). Но Атовмян ни гу-гу, и на запрос парижских и английских обществ я мог представить только ансамбль Шостаковича и партии септета Попова¹. Партитуру обещали дослать или попросить прислать из Вены, но так ничего и не сделали. Между тем, я завязал сношения с Бостоном, Нью-Йорком и Чикаго и даже привез оттуда ряд американских ансамблей, которые захвачу с собой в апреле в Москву.

Кстати, относительно апреля: надо бы, чтобы мне все-таки из Москвы написали, нужен ли я для консерваторий, московской и ленинградской, и для симфонических концертов². А то, если в одном углу забыли про ноты, то не забыли ли обо мне и во всех остальных учреждениях? Плохо то, что, не получивши нот взамен за пользование материалами моих сочинений, которые я привозил в ноябре, я в апреле не смогу привезти ни III симфонии, ни Дивертисмента, ни других вещей.

Ваша четвертая симфония исполнялась в Париже в мое отсутствие, но на концерте была Лина Ивановна, которая рассказывала, что успех был значительный, и Фаль даже поднимал кланяться оркестр. Тем не менее я считаю, что Фаль дурак, что привез именно IV симфо-

<стр. 396>

нии: в Париже надо было начать с VIII, X, XII, или одной из симфоний, четвертая же симфония произвела невыгодное (квадратность, медлительность) впечатление на многих музыкантов, незнакомых с более современными формами Вашего творчества. Из солидной прессы мне удалось достать пока одну статью средней одобрительности, хотя и написанную не без осторожности. Писавший ее критик — с положением, но не из острых. Я

заказал другие статьи, но так как после исполнения прошло более месяца, то не уверен, достанут ли их. Фаль дирижер скорее второстепенный и имеет постоянное жительство в Брюнне (Чехословакия); но у него родители со средствами, что позволяет ему делать вылеты то в Вену, то в Париж. Так случилось, что и я играл с ним II концерт в Вене³ — предприятие, из которого он выпутался без особого блеска.

В Чикаго Вы обрели горячего поклонника в лице Стока, главного дирижера Чикагской Симфонии: он каждый год жарит не менее двух Ваших симфоний, переиграл, кажется, все, а некоторые по несколько раз. Так и в этом сезоне, после двенадцатой он говорил, что будет играть шестую. Если Вы никому еще не обещали одиннадцатую, то я думаю, хорошо бы поощрить Стока и дать ему первое ее исполнение и Америке. Слышал я в Нью-Йорке третью Шостаковича⁴, но она до некоторой степени разочаровала меня: фрагментарна, да и для упорного двухголосия мелодическая линия не так уж интересна.

Я растроган Вашей победой над моей III симфонией, но как же я буду теперь добиваться ее напечатания: ведь мой издатель четырехручных переложений не варит! «Борисфен» в Париже успеха не имел, хотя ряд музыкантов (Мийо, Стравинский, Риети, Ферру и др.) за него заступились. Я сделал сюиту⁵, которую и постараюсь сыграть здесь в ближайшем будущем для реабилитации безвинно оплеванного опуса. Зато соната для двух скрипок пожинает лавры, и после нескольких хороших исполнений я вижу, как поученически сыграли ее в Москве и Ленинграде⁶. В этом случае пусть уж реабилитируются Цыганов и К^о.

Как же Ваша одиннадцатая? Ваше недовольство ею — кокетство, или в самом деле Вы увидели какой-то недочет? Я этого не заметил, слушая ее в восемь рук.

Крепко обнимаю Вас и жду Ваших писем.

Ваш С. Пркфв

359. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С ПРОКОФЬЕВУ

8 марта 1933 г., Москва

8 марта 1933. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, давно получил Ваше письмо, но не мог отозваться из-за постигшего меня весьма сердитого гриппа; провалялся и постели целых полторы недели с температурой все время возле 39;

<стр. 397>

вчера, наконец, поднялся, но и то с отвратительным самочувствием. Из этих обстоятельств Вы можете видеть, что с большим трудом я мог быть в курсе Ваших дел. Все же совместными усилиями удалось растолкать разный народ, чтобы Вам послали ноты на обмен (дело, кажется, уже слажено, по крайней мере, С. С. Попов вчера ходил в Наркомпрос получать разрешение на вывоз нот старых изданий) и камерную литературу. Что касается консерватории, то,

по-моему, [...] Вы ничего конкретного по этому вопросу не получите, если не напишете А. С. Бубнову самому (посоветовавшись, конечно, предварительно и Полпредстве). Впрочем, я пессимист.

Спасибо за сообщение о 4-й симфонии и за длинную рецензию. Я нисколько не обольщаюсь впечатлением, которое эта симфония могли произвести, но впечатление, вынесенное многими музыкантами, конечно, чисто парижская «вкусовщина». «Медлительность» этой симфонии, между прочим, несвойственна, значит тут был дефект исполнения, а «квадратность»... против этого так же трудно спорить, как против того, что одному нравится, если человек ходит на прямых ногах, а другому, если он колченог. Квадратность плоха, когда она переходит в монотонность, этого в 4-й симфонии нет. Разве оттого, что многие ранние Ваши сочинения до «Шута» имеют квадратность как в ритме, так и в метре, они плохи? Ерунда. И то, что Вы ищете преодоления этого, я не всегда ценю у Вас как достижение. Нарочитая хромоногость современных французско-итальянских изделий Вам далеко не всегда к лицу, так как часто вызывает не впечатление ритмического разнообразия и остроты, а напротив, какого-то, если так можно выразиться, разложения ритма, какой-то катуаровщины¹ (например, быстрые фрагменты в «Борисфене», а иногда и в «Блудн[ом] сыне»). В 5-м концерте мне показалось, что Вы уже преодолели эту предвзятую аритмию.

Что касается присланной Вами критики, то хотя я ее понял из пятого в десятое, так как был очень в жару, но перечитывать не стал, поскольку усвоил главное: критик добросовестно ознакомился со всеми ему обо мне доступными источниками — не его вина, что все это оказалось сабанеевщиной по преимуществу, некоторые наиболее гниlostные фразы из этого оракула взяты даже «en toutes lettres»*, правда, с типично энгелевской оговоркой. В общем, это, конечно, только беллетристика, где я усмотрел только одно меткое замечание, это, что ритм 1-й темы финала *vulgaire*** . Не спорю, так как это раздражает и меня самого. Между прочим, Фаль не виноват в исполнении 4-й симфонии ее ему рекомендовал Дзмитровский, которому эта симфония нравится. Жаль, что в Париже трудно пригласить малоизвестного дирижера, который не может платить за свое выступление денег, а то в Вене живет молодой и даровитый дирижер Карл Бамбергер (он сейчас гастролирует в СССР)², который с большим энтузиазмом выучил мою 10-ю

* полностью, без каких-либо сокращений (*франц.*).

** пошлый, тривиальный (*франц.*).

<стр. 398>

симфонию и, вообще, очень недурно делает музыку модерн и венских классиков (Гайдн, Моцарт).

О 3-й симфонии. Я давно знаю, что Ваш издатель снобический дурачок, которому надо вернуться к торговле ситцем. Что же касается переложения, то его надо печатать партитурно, и тогда оно будет для всех случаев жизни. Я все-таки думаю, что многое в переложении моем слишком трудно, и Вам придется потратить пару дней, чтобы его немного облегчить.

Я уже Вам писал, что Юровский из Радио ушел, я там тоже консультировал,— но с апреля уйду, так что едва ли смогу проводить нужные сочинения.

Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*.

360. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 марта 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

28 марта 1933

Дорогой Николай Яковлевич.

Рад был Вашему письму от 8 марта и рад тому, что Вы поправляетесь: легкая ворчливость тона письма свидетельствует о том, что поправка протекает успешно.

Относительно Вашей защиты квадратуры в сочинениях я буду иметь с Вами «один крупный разговор» по приезде. Беда пошла от Листа, от него заразилась Могучая кучка, а теперешнее поколение изживает ошибки отцов и дедов. Если мою асимметрию Вы не всегда, как Вы мягко выразились, цените, то это значит, что в тех сочинениях мне не удалась форма. Ваша похвала «преодолению предвзятой аритмии» и пятом концерте мне очень приятна, ибо построен он так: 8+8, 7+7, 8, 8+12 и т. д. Главная тема, к которой я часто в нем возвращаюсь, вышла восьмитактной, но она переслоена неквадратными элементами.

Ругая Пайчадзе, Вы забываете, что условия заграничных нотных издателей совершенно отличны от условий советского рынка. Пайчадзе по-своему прав, когда говорит, что недостаточно напечатать вещь, надо чтобы ее еще купили. Иначе говоря: напечатанная, но не купленная вещь равносильна ненапечатанной, ибо, кроме нескольких авторских экземпляров, разосланных друзьям, она не доходит до публики. Что поделаешь с покупателем, если он не спрашивает четырехручных переложений. Раньше играли в четыре руки, теперь покупают граммофонные диски.

Кажется, 11-го я играю в Праге, в таком случае в Москве буду 14-го на день или два и сейчас же уеду в Ленинград, с которого, судя

<стр. 399>

по Атовмяну, начнутся мои концерты. Для Москвы предполагается две симфонические программы¹: первая с третьей симфонией, третьим концертом и Скифской сюитой, а вторая с «Шутом», «Апельсинами», Дивертисментом и еще чем-нибудь. Мне кажется, что первой программой должен дирижировать Голованов, второй же, если это возможно, Сараджев, а тут Держановский с одра болезни неожиданно и категорически заявил мне, что первой программой будет дирижировать Соломон. Я же боюсь, что, во-первых, две такие напряженные вещи, как третья симфония и Скифская сюита, слишком тяжелы для него, а во-вторых, при передаче первенства могут быть недовольства со стороны Голованова и Большого театра. Писать, однако, Держановскому об

этом не смею, так как он опять что-нибудь снесосторожничают, и Сараджев вновь примет это не так, как я хотел бы. Если Вам удобно сделать дипломатический ход, то буду Вам очень благодарен; если же неудобно, то положимся на волю судеб.

Вашу третью сонату играл 14 марта в Лондоне Вюрер², как я слышал — с успехом. Об исполнении Вашей четвертой симфонии в Париже я добыл еще одну статью, которую при сем прилагаю³. А затем крепко жму Вашу руку и радуюсь скоро увидеть Вас. Будьте любезны совершенно поправиться к этому времени. Прозвоните то же пожелание Держануле и передайте ему, что очки для мартышки⁴ заказаны.

Ваш С. Пркфв

361. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 июня 1933 г., Москва

17/VI 1933. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, поскольку Вы уже оправились достаточно после московских переживаний, могу опять напомнить о нас. Сегодня я предложил в издательстве напечатать как переложение 3-й симфонии в 4 руки, так и Шубертовские вальсы в 2-х фортепианном изложении, — предложение мое весьма воодушевило наше почтенное собрание и единогласно принято¹. Скажите, как это дело теперь оформить? Надо Вам направить официальное предложение (по отношению к Вальсам это, конечно, неизбежно, поскольку у меня их нет) или Вы ограничитесь моим письмом, и на его основании сообщите свое согласие директору Музгиза? Как Вы доехали? Не было недоразумений с ковром и кучей книг, какие Вы везли? Между прочим, интересуют Нас вересаевские изложения жизней Пушкина и Гоголя по документам эпохи и личным. Если Вы не видели «Пушкина», то должен Вам сообщить, что это нечто чрезвычайно живое и даже увлекательное. «Гоголь» только что вышел, так что суждения еще не имею. Если Вы захотите иметь, то я с удовольствием достану Вам эти книги (изд. «Аса-

<стр. 400>

demia»). Поручение Ваше насчет сонат выполнил, хотя, сознаюсь, с некоторым опозданием. В день Вашего отъезда я получил от Асафьевского балета гораздо лучшее впечатление, чем на репетиции. Во-первых, превосходно играла во 2-м и 3-м действиях Семенова, затем все шло как-то компактнее, и, наконец, — когда привыкнешь к этой музыкальной почти пресноте, начинаешь даже кое-что различать, а то первое впечатление как перед толпой негров — все на одно лицо. В общем, там независимо от «авторов» много хорошей музыки, хотя, конечно, многое можно было бы сделать острее, другой вопрос — нужно ли было². Я много после Вашего отъезда думал о том, как Вам приезжать осенью, и пришел к твердому, убеждению, что Вы должны приехать непременно с крупным сочинением, написанным специально для нас — СССР, пусть это будет даже симфоническое, но монументальное, яркое и... не пугайтесь, о,

ужас — даже веселое! Как это сочетать, я не знаю, но Вы должны суметь. «Chanson symphonique»³ — не вполне для нас, в нем есть измельченность формы (слишком большая изысканность в этом направлении), ему недостает того, что мы подразумеваем под монументальностью, — известной простоты и широты контуров, к чему Вы чрезвычайно способны, но временно тщательно избегаете. Не сердитесь.

Сегодня я, между прочим, слушал в непосредственном сопоставлении Таджикскую сюиту Книппера и Туркменскую Шехтера⁴; безоговорочно отдаю предпочтение Шехтеру, тут есть творчество, непосредственность и свежесть изобретения и даже звучания, между тем, как там больше кухни и притом не первоклассной. Из этого следует, что я предпочитаю рекомендовать для Рима Шехтера, если не пройдет Фейнберг.

Обнимаю Вас, желаю всего лучшего. Куда Вы укатили на лето? Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

P. S. Вы меня испортили ковром — я начинаю привыкать и тяготеть к комфорту.

362. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

13 июля 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

13 июля 1933

Дорогой Николай Яковлевич.

Получил Ваше письмо от 17 июня и вполне с Вами согласен как относительно сочинения Асафьева, так и относительно моих для осеннего приезда. Недостаточная острота асафьевской трактовки мне стала особенно ясна после того, как я услышал в Париже балет «Школа танцев», сделанный на музыку Боккерини и оркестрованный Жаном Фран-

<стр. 401>

се¹. Хотя в нем было слишком много труб в верхнем регистре и немало ухваток из «Пульчинеллы», но все же это была настоящая творческая оркестровка, которая все время искрилась, как шампанское. Правда, может тут сыграл и итальянский темперамент самого Боккерини, но все-таки я думаю, что взятый Асафьевым материал можно было поднести ярче, даже не покушаясь на гармоническую и контрапунктическую ткань.

Относительно советской пьесы на осень, я сам все время строю проекты, как раз в том плане, как Вы мне рекомендуете. Много уже придумано, но не знаю, поспеет ли к осени: или привезу, или без пяти минут привезу. Симфоническую песнь я пока и не собираюсь играть в Москве. [...]

Из Лондона мне написали, что один из Ваших квартетов они будут играть в сентябре, по-видимому, с передачей по радио. Кроме того, я им послал нонет Щербачева и Восточную сюиту Льва Шварца². В Рим я отправил выработанную с Вами программу с Туркменской сюитой Шехтера, с

объяснениями по поводу Фейнберга и с сообщением, что я имею партитуру Вашей симфоньеты и Третьей Шостаковича, которые могу послать им на просмотр по первому требованию. Возникает возможность такой же программы и в Париже — в ноябре. Я хотел бы чтобы мне прислали партитуры и материалы трио Хачатуряна³ и Восточной сюиты Шварца, и того и другого по два комплекта, так как эти вещи могут быть ходкими. Также я хотел бы еще один комплект Вашего квартета ор. 33, № 2, на случай если посланный в Лондон материал застрянет там для повторного исполнения. Лондон вообще оживился и предложил послать в СССР английских артистов с современной английской камерной программой, в ответ на то же со стороны СССР. Обо всем этом я только что написал Атовмяну, но так как последний иногда растворяется в делах посторонних музыке, то будет хорошо, если Вы его подзудите.

Пайчадзе, наконец, смиловился и разрешил, чтобы партитура III симфонии поступила в Вашу собственность; он просит только, чтобы Вы дали записку, что партитура исключительно для Вашего личного пользования и Вы не будете давать ее для исполнения, переписывания и пр. Зато с вопросом о напечатании ее клавира, а также вальсов Шуберта в Музгизе, он закинулся, находя, что невозможно делить вещь между двумя издательствами, так что этот вопрос придется временно отложить. Однако если Музгиз захотел бы напечатать виолончельную балладу, то к этому препятствий не встречается, так как она в издательском смысле «ничейная». Если они согласны, то пусть пришлют мне контракт, или поступят так, как Вы им посоветуете.

Спасибо большое за предложение прислать Вересаева. «Пушкин» у меня есть (очень здорово), а про «Гоголя» я только слыхал. Но не присылайте его пока, так как раньше осени я едва ли буду его читать. Кстати, возвращаясь к Жану Франсе, должен сказать, что его собственный балет «Beach» («Пляж»), а также его фортепианный септет

<стр. 402>

очень меня разочаровали необыкновенной ничтожностью материала. То есть слушать их интересно, ввиду совершенно невероятной для его двадцатилетнего возраста виртуозности как в инструментовке, так и в общем владении пропорциями. Но ввиду отсутствия материала, за этим ничего не остается.

Крепко обнимаю Вас. Привет сестрице от нас обоих и Вам очень сердечный от Лины Ивановны. На это лето мы никуда закатываться не собираемся, скорее будут короткие выезды с возвращениями в Париж. На днях я, вероятно, уеду недели на две, но вернусь к 1 августа, когда и жду Вашего ответа. Спасибо большое за посылку нот в Батум.

Ваш С. Пркфв

363. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

21 июля 1933 г., Москва

21/VII 1933. Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

я очень рад был получить Ваше письмо, а то думал, что мое — к Вам пропало. Согласно Вашему приказу я сегодня заходил в Союз к Атовмяну проверить насчет нот. Он меня уверил, что все уже удалось достать и на днях посылает. Но я не совсем твердо уверен в его словах, так как некоторых нот уже нет (распроданы и пока не возобновлены).

Гораздо более я раздосадован глупостью Пайчадзе, что за собака на сене! Почему Univ[ersal] Edit [ion] находит для себя выгодным, что клавиш моей 6-й симфонии печатается у нас, поскольку они тяготеют 4-х ручиями; ведь очевидно, они поступают так, так как надеются, что это будет способствовать распространению партитур и исполнению симфонии.

Положение совершенно аналогичное и с Вашей такой трудной 3-й симфонией, которую теперь нельзя даже изучать, а согласитесь, что Вы не такой композитор, который не заслуживает изучения, а только должен служить коммерческим целям. А, главное, я слишком сильно сомневаюсь в широте коммерческого гения г-на Пайчадзе — он просто крохоборствует. Согласитесь, что судьба 2-й симфонии, валяющейся на складе, довольно показательная иллюстрация. Между прочим, пусть Пайч[адзе] распорядится прислать в «Международную книгу» напечатанный экземпляр 2-й симфонии (партитуру), а то Ламму не с чего делать переложение. Дивертисмент уже готов. Между прочим, наше авторское право таково, что разрешает перепечатывать сочинение, изданное за границей. Пока я сидел в городе, я очень мечтал, что получу Вашу скрипучую сонату, — но до сих пор ее нет. На днях я все-таки решил уехать на дачу. До сих пор меня держала работа, которую я изо всех сил торопился набросать. Сегодня я кончил эти эскизы и

<стр. 403>

могу немного отдохнуть и обдумывать еще кое-что¹. Жаль только, что получилась какая-то дрянь; утешаюсь, что легко будет оркестровать, так как все (правда, кроме финала) думалось сразу оркестрово. Еще пока Вы были здесь, я набросал какое-то странное сочинение, которое долго не решался никому показывать, настолько я его сам не понимал, но все же оно оказалось лучше и более моим, чем последняя пятичастная преснятина; в той хоть одна часть (включающая в себя почти все элементы четырехчастной симфонии, кроме финала, который заменен репризой 1-й части) и хватит Вашей партитурной бумаги. Между прочим, для этой штуки каким-то стимулом послужила Ваша Симф[оническая] песнь, хотя ни в чем, конечно, нет сходства, так как Ваша гораздо своеобразнее по форме, да и весь материал моей был придуман еще в феврале, когда я болел. Очень меня интересует, что Вы предпринимаете для нас. Насчет исполнения Симф[онической] песни у нас — я не разделяю Вашего нежелания играть ее здесь. Мне чрезвычайно хочется ее слышать, и я думаю, она будет действительна, но из нее нельзя будет делать события определенного характера.

За Вашим отъездом здесь произошло одно крупное музыкальное событие: была оркестровая проба оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценск[ого] уезда»². Надо сознаться — ошеломляюще здорово, хотя и

мучительно временами. Оркестровка тоже необыкновенная, хотя также, как у Франсе, крикливая (трубы верещат непрерывно).

Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне, то же и от сестрицы моей.

Ваш *Н. Мясковский*

364. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 августа 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
23 августа 1933

Дорогой Николай Яковлевич.

Задержал немного ответ на Ваше письмо от 21 июля, потому что хотел предварительно повидать находившегося в отпуске Пайчадзе, дабы сообщить ему все Ваши ласковости в благодарность за подарок партитуры третьей симфонии (жест исключительного внимания с его точки зрения). Оставив в стороне эмоциональную сторону Вашего письма и моего разговора, — техническое возражение Пайчадзе состояло и том, что Универсаль и Музсектор имели договор о совместном издании, оттого и могли напечатать Вашу Шестую пополам, какового договора РМИ не имеет. Возникает следующий проект: в виду того, что у здешнего издательства скопляются на счету «Международной книги» суммы в советских рублях от проката моих сочинений в СССР, нельзя ли, чтобы клави́р третьей симфонии был награвирован в мастерских Муз-

<стр. 404>

сектора¹, оставаясь собственностью РМИ? Напечатать его можно было бы тоже в Москве, для чего из Парижа прислали бы приличную бумагу. Часть напечатанных экземпляров была бы затем послана в Париж, а другая осталась бы в Музсекторе или в «Международной книге» для продажи на советскую валюту. Если бы этот опыт удался, то можно было бы в дальнейшем распространить его и на некоторые другие вещи.

Ваши сообщения — языком герметическим — о новых Ваших сочинениях несколько прояснились после письма Держановского, который объявил, что Мясковский написал три новые симфонии. Хвастается он или это правда? По Вашему письму я насчитал только две. Кроме того, при свидании Вы проливали такие крокодиловы слезы о том, что ничего не выходит, что совершенно обманули меня. Я за это время успел лишь оркестровать Симфоническую песнь да сделать довольно много корректур. С моей советской вещью задержка не по моей вине — и осенью я не смогу привезти ее, максимум смогу о ней поговорить.

Осенние планы такие: в начале октября концерты в Латвии, Литве и Польше. В Москву предполагаю приехать 18-го. Концерты начнутся, кажется, с Ленинграда. В первых числах декабря надо будет уехать в Италию.

Вы правы, Атовмян пока прислал только подтверждение, что просимые

мною ноты советских композиторов высылаются, но самих нот нету. Впрочем, в пакетах, присланных в издательство в счет покрытия проката привезенных мною в Москву материалов — мелькнул Ваш с-moll'ный квартет, партитура и голоса. Может, это для меня. Из Лондона мне пишут, что кроме исполнения его там в сентябре, предвидится также исполнение в Ливерпуле в январе. [...]

Я, кажется, оставил у Вас материал пятого концерта. Ввиду того, что печатание материала затягивается (я задержал корректуры), может статься, что мне этот материал понадобится для исполнения в Варшаве 13 октября. В таком случае я буду просить Вас прислать его в Варшавскую филармонию. Приложу, однако, все усилия, чтобы устроиться иначе и Вас не беспокоить.

Что с Асафьевым? Он не прислал мне ни одной строки со дня моего отъезда из Москвы, хотя я ему посылал открытки. Здоров ли он? Или казнит меня за неподобающие речи о «Пламени Парижа»?

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

365. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 августа 1933 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, Ваше письмо достигло меня при моем возвращении с дачи — очень кстати, ибо я был в скуке и унынии. Погода все время стояла отвратительная, в особенности последний мой дачный период, когда я не только физически, но и психически освобо-

<стр. 405>

дился от надоевшей мне симфонии. Первые же два моих дачных наезда были довольно мучительны, так как голова все время была занят неудачей с финалом симфонии и необходимостью не только сочинить новый, но и старому найти более или менее приличное помещение. Теперь все уладилось, но за 8 дней я, конечно, не отдохнул, а надо уже приниматься и за консерваторию, и за Союз, и другие скучные повседневности.

Держановский, как всегда, преувеличил. Я набросал полностью две симфонии. Когда я Вам плакался «крокодиловыми» слезами, я корпел над первой, и она мне, действительно, не давалась, да я и сейчас не знаю, что это такое; быть может, просто чепуха, или в лучшем случае, претенциозно-глубокомысленная канитель с потугами на оригинальность. Больше я возился со 2-й штукой, в которой вышло целых 5 частей. Это довольно бесшабашная вещь, иногда с очень плохими темами (3-я часть), не оригинальная, но построенная на эмоциональном сгущении к концу. И тут я сорвался — написал такой «эмоциональный» финал, что он оказался ни к селу и ни к городу — пришлось спешно писать другой. Последний оказался частично лучше и, во всяком случае, больше подходящим. Что же касается первого финала, то он оказался отличной 1-й частью, пришлось добавить только несколько тактов вступления и передвинуть музыку на тон вверх, отчего она стала удобнее для кое-каких оркестровых подробностей. Музыка этой 1-й части, правда, с душком — пахнет гнилью. Существование этой части, верно, и дало повод

Держануле присочинить все остальное и состряпать целую симфонию¹. Есть у меня проект 2-й части, но пока я решил не двигаться дальше, да как-то и потух к своей музыке вообще и стал сильно повторяться в приемах.

В фантастических планах Пайчадзе я сомневаюсь. В Музгизе умер Верхотурский, и теперешнее междуцарствие не дает возможности ни с кем говорить серьезно. Предположение его же, что Univ[ersal] Edit[ion] согласилось на издание Музгизом клавира 6-й симфонии потому, что есть договор о совместных изданиях, ошибочно — такого договора уже давно нет, 6-я симфония — исключительная собственность Univ[ersal] Edit[ion], а в бытность здесь одного из директоров Univ[ersal] Edit[ion], последний делал Музгизу даже предложение отдать нам для печатания доски современных иностранных партитур (карманных), лишь бы делать пропаганду. Посмотрите каталог Эйзенбурга — сколько Вы там найдете карманных партитур сочинений, собственность на которые до сих пор принадлежит другим издательствам! Впрочем, ситцами торговать легче, нежели вести прогрессивное музыкальное издательство. Поблагодарите г-на Пайчадзе от меня за его «исключительное внимание», которое он, впрочем, весьма тактично пытается застраховать путем подписки — ее, кстати, прилагаю.

Чем дальше я ухожу от Вашей Симф[онической] песни, тем более она меня к себе тянет — я жажду ее слышать. Так как «Советская

<стр. 406>

музыка» Вами не кончена, Вы должны будете привезти эту. Над какими корректурами Вы сидите? Концерт был почти готов, соната для скрипок уже должна была выйти (я ее, впрочем, еще не имею), что же еще? Сегодня я видел С. С. Попова, он говорит, что Вы прислали много интересной французской музыки.

Асафьев. Он, кажется, решил вернуться к своему скорописанию времен консерватории и весь полон планов и кипит работой. Я от него тоже ничего не имею, но П. А. Ламм был в Ленинграде и видел его. Рассказывает, что балет «Бахчис[арайский] фонтан» был сочинен в 11 дней, но о музыке говорить уклоняется. А у того в проекте еще «Парижск[ая] Коммуна», «Царь Эдип»² и еще что-то, где же ему писать письма. [...] Материал Вашего 5-го концерта, действительно, обнаружился в пакете. Надеюсь, что особых затруднений с пересылкой не будет — это сделает Союз. Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

29/VIII 1933

366. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

30 сентября 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

30 сентября 1933

Дорогой Николай Яковлевич.

Пишу Вам лаконично — я уже весь в сборах, и впечатление такое, будто

увидю Вас завтра. Впечатление, впрочем, обманчивое, так как хотя я и выезжаю 5-го, но сначала в Ригу, оттуда в Ковно, потом в пару польских трущоб, так что до Москвы доберусь лишь числа 19-го.

С чрезвычайным интересом прочел Ваши подробности о новых симфониях, опуская, разумеется, во время чтения все Ваши вздохи. Но самое главное (для меня): предвидится ли исполнение в течение ноября, то есть во время моего пребывания в СССР? Горю послушать.

Проснувшийся Держановский забросал меня письмами. [...] Из писем Держановского следует, будто я все время остаюсь в Москве, между тем, мне хотелось бы, по крайней мере, недели две провести в Ленинграде. Я просил Держановского, чтобы он прислал мне в Париж к 5 октября подробнейшую телеграмму (за мой счет) об установленных и намеченных датах, и написал бы к 8-му о том же в Ригу: Direktor Reiter (für Serge Prokofieïf), National Oper, Riga. Но если Атовмян боеспособен, то лучше всего, чтобы он сам снесся со мною. Извините, что беспокою Вас, но Вы ведь один из немногих, на кого можно серьезно положиться!

Несколько дней назад послал Вам сонату для двух скрипок; клавир пятого концерта и «Семерых» привезу с собою. Корректуры, над

<стр. 407>

которыми я корпел, — партитура и голоса пятого концерта. Имеющимся у Вас материал этого концерта никуда посылать не надо — я буду по нему играть в Москве¹ и привезу партитуру с собою, а предполагавшееся варшавское выступление переложено на весну. Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

367. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

7 декабря 1933 г., Рим

Рим, 7 дек. 1933

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич], знаете ли, сколько репетиции закатали для нашей римской программы?¹ — Десять! Первая — только Ваша симфоньетта, 2-я и 3-я — концерт, 4-я — симфоньетта и т. д. Ваши пожелания я передал, но на [22] он предпочитает, чтобы тянуло два пульты; лишь перед [5] переставил, Allegro вначале выкинул. Молинари говорит, что так и думал. Вообще у него чувство темпа отличное и хватка дьявольская. Исполнение обещает быть первоклассным.

С.

В Риме тепло, на улицах продают цветы.

368. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 декабря 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
23 декабря 1933

Дорогой Николай Яковлевич.

По моей открытке из Рима Вы уже знаете, с каким вниманием там отнеслись к нашей программе: репетировали пять дней, каждый день в 12 и в 8, итого десять репетиций по два часа с четвертью — такой роскоши нигде, пожалуй, больше не найдешь. Молилари чувствовал темпы и знал партитуры наизубок, доказательством чего являются выуженные им ошибки, не только у меня, но с десятков и у Вас. Правда, выудил он их во время изучения симфоньеты по партитуре первого издания; должно быть, во втором Вы сами их уничтожили. С первым скрипачом я имел дипломатический разговор, сказав ему, что автор особенно интересуется исполнением сольных кусков и даже просил написать ему об этом, на что тот огрызнулся, что пассажи часто неудобны. На репетициях он и врал, но к концерту подучил, и, кроме двух-трех неуверенных нот, все было на месте. Публика приняла симфоньету о ч е н ь х о р о ш о , критика несколько удивилась, что такой благонаме-

<стр. 408>

ренный номер. По-видимому, не всюду следует начинать с «простенького»; иногда «постановка задач» импонирует больше. Я лично очень оценил вторую и третью части, особенно замечательную медленную вариацию. Но, конечно, огорчался каждый раз, когда появлялась Ваша любезная секвенция бородинского типа, которая представлялась выходцем из другого мира. К первой части я отнесся холоднее: там не простота, а скорее обыкновенность приемов. Ваши ноты они получили, но перед тем уже успели выписать материал из Милана, поэтому я получил с них для Вас лишь 50 лир на покрытие почтовых расходов. Ваш материал я позволил себе захватить в Париж, так как тут предполагается концерт из советской музыки, для программы которого намечается также и Ваша симфоньета.

Третью симфонию Молилари сыграл превосходно, то есть это была совсем другая пьеса, чем в Москве! Поэтому и публика разобралась в ней.

Ваша биографическая заметка была переведена и напечатана в программе, каковую прилагаю, а также несколько экземпляров французского перевода заметки, так как она может пригодиться Вам для каких-нибудь других заграничных требований. Разумеется, абзац о симфоньете надо будет отрезать, если требование будет не в связи с ее исполнением.

В Париже в концертном мире мало чего хорошего. Симфонические оркестры, которых по-прежнему семь, продолжают пожирать друг друга, вследствие чего пребывают в бессилии и в полном отсутствии репетиций. Положение настолько скверное, что я просто не решаюсь никуда дать Симфоническую песнь, дабы не угробили. Слышал я саксофонный квартет Глазунова¹. К удивлению, гармонический стиль преобладал над контрапунктическим: сплошная хоральная четырехголосица утомляла. Между тем, было совершенно очевидно, что при более контрапунктическом рисунке и при некоторой заботе о красках и приемах саксофонный ансамбль имеет право на существование и может с честью постоять за себя в серьезной вещи.

Исполнялся квартет на концерте здешней «русской» консерватории; кроме него на программе стояли мои вещи и несколько романсов советских композиторов, исполнение которых, впрочем, не состоялось по болезни певицы. Метнер, почетный профессор консерватории, прислал возмущенное письмо, что, ввиду соседства разрушителей культуры с благородной вещью Глазунова, он вынужден сложить свое почетное звание.

Был я еще на камерном вечере французских новинок, но и квинтет Core, и секстет Пуленка² — оба для смешанного состава — оказались совершенным ничтожеством, и лишь в сюите Мийо неожиданно мелькнула премилая Элегия.

Крепко обнимаю Вас. Вожусь с музыкой для таировского спектакля³; никак не могу заставить себя накатать ее по-халтурному, сплеча, а потому уходит масса времени.

Ваш С. Пркфв

<стр. 409>

369. С. С ПРОКОФЬЕВ— Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

26 декабря 1933 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
26 декабря 1938

Дорогой Николай Яковлевич.

Несколько строк вдогонку моему письму от 23-го. Симфонический концерт советской музыки в Париже, о котором я упоминал Вам, как будто становится реальностью: он предположен на апрель или май, с Orchestre Symphonique de Paris, под управлением Дезормьера и при поддержке некоторых рабочих организаций. Обдумывая программу, я пришел к заключению, что Вам надо в Париже выступить не иначе как с тринадцатой симфонией. Если симфоньетта вызвала в Риме в некоторой части прессы удивление из-за простоты, то тем более в Париже она поведет к неправильному толкованию Вашей физиономии.

Устроители данного концерта хотели бы избежать уплаты за прокат материалов, но если бы Вы дали тринадцатую симфонию, они согласны заплатить триста франков, то есть приблизительно 23 рубля на Торгсин. Не согласитесь ли Вы приготовить партитуру и материал для этого исполнения, после которого и то и другое будет прислано Вам обратно? Все это пока предварительные вопросы. Судьба концерта будет решена около 1 февраля. Если Вы получите от меня окончательное сообщение, скажем, к 10 февраля, то успеете ли Вы приготовить материал, с тем чтобы отправить его не позднее 20 марта, а партитуру немного раньше?

Дезормьер смотрел «Туркмению» Шехтера¹ и «Я — мало» Половинкина², но не одобрил их. Он интересуется, что за фортепианный концерт Мосолова, а также — нельзя ли получить концерт Шостаковича³.

Сердечный привет к Новому году.

Ваш С. Пркфв

370. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

27 декабря 1933 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, после Вашей открытки из Рима не имею от Вас никаких сведений — в чем дело? Я беспокоюсь больше всего знаете о чем? — о квартете имени Комитаса, то есть об Армянском государственном квартете. Ведь время уже бежит, а о приглашении их ни слуху, ни духу¹. Я имел неосторожность написать о возможности такого приглашения Дзмитровскому (это для того, чтобы получить ноты мосоловского квартета, которые теперь уже у меня), а он возьми да и напиши своему лондонскому представителю, а тот адресовался прямо к Кларку, который, естественно, ничего об этом деле не

<стр. 410>

знает, но будто бы «заинтересовался». Я очень боюсь, не зная заграничных нравов, как бы не произошло какое-нибудь недоразумение, и Манжо не отказался бы от своего намерения. Если Вы сейчас не очень заняты, черкните мне пару слов на открытке, двинуто Вами это дело или нет. Армянский квартет в середине января дает концерты в Москве, и потому очень легко будет провести все хлопоты с их отъездом, для которого не будет не только препятствий, но даже прямая поддержка со стороны Наркомпроса Армении (или даже правительства). Играет он сейчас, говорят, блестяще.

На этих днях мы разыграли в 8 рук обе мои новые симфонии². Если первая и оставляет кое-какое впечатление, хотя бы и неопределенное, то вторая не вызывает никаких сомнений в своей полной неудачности и порочности. Вы оказались правы; мои «массовые» опыты имеют определенный вид покушения с весьма негодными средствами. Придется бросить эти затеи.

В последнем номере «Советского искусства» появилась заметочка о Вашем последнем у нас пребывании³. Меня она крайне поразила и весьма обрадовала. Вопреки моим предсказаниям, Ваш новый стиль, кажется, имеет шансы сделаться понимаемым и даже ценимым. Вы получаете «Сов[етское] искусство»? Это в № 59 от 26 декабря. Если у Вас нет, пришлю.

Вы увезли от нас последние остатки тепла; декабрь у нас стоит такой холодный, что на душе противно делается.

Обнимаю Вас. Привет Лине Ивановне.

Сердечно Ваш *Н. Мясковский*

27/ХП 33. Москва

С наступающим Новым годом!

Между прочим, получено будто бы согласие от Стока к нам приехать. Я очень жалею, что не поступил по Вашему предложению еще весной и не послал 11-й симфонии Стоку; Стоковский от нее увильнул, и все мои щепетильности оказались напрасны.

Еще раз Ваш *Н. М.*

371. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 января 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получил оба Ваши письма. Меня особенно обрадовало то место первого из них, где Вы говорите об исполнении 3-й симфонии. Вот что мне хотелось бы слышать в образцовом виде! Нельзя ли как-нибудь заполучить этого Молинали сюда с Вашей симфонией? Или это связано также и с обилием репетиций? Что полу-

<стр. 411>

чилось из так называемого скерцо? Насчет симфоньеты своей я не особенно беспокоился — будет иметь успех — ладно, нет — не надо. Вообще, я чувствую себя как-то слишком уж старым, чтобы особенно интересоваться, как кто-то отнесется к моей физиономии. Если в моих изделиях найдется что-то, что позволит не смешать их с другой музыкой, и тем даст им возможность существовать некоторое время, я буду рад — это естественно; ежели же их постигнет обратная судьба — значит такова заслуженная ими участь. Я немного фаталист и смотрю на свое композиторство скорей как на какую-то неизбежность, нежели как на боевое поприще. Конечно, меня огорчают такие провалы, как 14-я симфония (да и 12-я, по правде говоря), но скорей как какой-то антиморальный проступок перед самим собой, нежели в плане успеха, неуспеха, признания и т. д. Мое несчастье, что когда я работаю, я работаю слишком быстро, не давая отстояться мысли и кидаюсь из-за этого часто не на труднейшее, а напротив, на легчайшее выполнение задачи. Оттого почти в каждом сочинении есть места, которые меня несколько мучают или своей недодуманностью или недоделанностью, а иногда такими бывают целые сочинения, как та же 14-я симфония. Ваша комбинация с выбрасыванием частей для меня никогда не могла бы быть решением, так как для меня всякое сочинение является развитием идеи или характера в каком-то весьма строгом и совершенно закономерном плане, и отойти от этого внутреннего плана я совершенно не могу, и вопрос только в выполнении, которое иногда мне удастся (как, несмотря на все недостатки, в 3-й, 6-й симфониях) или же, как в случае с 14-й симфонией, не только не удастся, но и не поддается уже больше исправлению. Впрочем, к чему все эти ламентации?! Да, вот к чему. Вы хотите, чтобы я дал в Париж 13-ю симфонию, а не что-нибудь менее правильно толкующее мою физиономию, как симфоньета. Я не против того, но боюсь совсем другого. Вы пишете о поддержке концерта рабочими организациями, ежели же предложить такую симфонию, может выйти явное недоразумение. Я-то со своей физиономией буду выглядеть правдоподобно, но лицо советской музыки может оказаться несколько искаженным. Конечно, лучше было бы дать 8-ю симфонию, но, к сожалению, здесь — прокат, другое решение — 12-я симфония, но в ней есть пустозвонство и тривиальность приемов (финал); быть может, 11-я? У меня к ней есть два материала; или же очень трудная 10-я (но там 8 corni и т. п.), в

своей краткости неблагодарная, но зато материал можно получить через Союз. Почему я сомневаюсь в 13-й? Во-первых, ее характер — солипсический и пессимистический, во-вторых, если махнуть рукой на первое, — схватит ли Дезормьер ее сущность, сможет ли ее цел ь н о передать, особенно если Вы к тому времени уже уедете из Парижа? Ежели Вы все же будете настаивать, я особенно перечить не буду, хотя не люблю пускать в обращение еще не опробованные сочинения, так как здесь у меня мало шансов ее поставить. Разве удастся как-нибудь попробовать в Радио на репетиции, если согласится Себастьян или Гаук. Что касается материала, то я сам

<стр. 412>

собираюсь его уже делать и думаю, что месяца на изготовление его хватит, так что независимо от февраля (Ваших извещений) он будет в работе теперь же.

Теперь насчет концертов Мосолова и Шостаковича. 1-й концерт Мосолова¹ принадлежит U[niversal] E[dition]—значит надо платить, 2-й концерт — заново перерабатывается и, кажется, еще не готов. Концерт Шостаковича есть в двух экземплярах, один — в гравировке, другой — у автора. Если увижу Гаука, я спрошу, нельзя ли раздобыть. Переписать его, пожалуй, нетрудно, так как он для слишком маленького оркестра (струнные и труба).

Я все-таки не согласен с Вами, что в Париже нельзя показать «Болт» Шостаковича²; там, кроме явно подражательной музыки (полька, фокстрот, цыганское *appassionato*), есть номера определенно характерные и показательные, а главное, чрезвычайно яркие и вовсе не похожие ни на Стравинского, ни на европейскую кухню. Правда, рядом может потускнеть очень и очень многое, так что программу надо составлять весьма осторожно. Впрочем, Вам виднее.

Вчера во время встречи Нового года в довольно многочисленном обществе моих друзей Вы были весьма тепло помянуты, и меня очень просили передать Вам самые сердечные приветы и новогодние пожелания. Ламм сегодня уже укатил в деревню, захватив с собой партитуру 2-й симфонии Вашей, которую твердо решил исказить на 8 рук, что уже и начал³. Говорит, что будет очень трудно, но сделать будто бы возможно. Я мечтал о своем любимом способе — четвероруком, но, каюсь, перепугался. Смотрел, смотрел, но ничего более или менее складного высмотреть не мог и сложил оружие: дьявольски много нот! Но 4-я симфония все же за Вами, думаю, что с ней я справлюсь.

Всего доброго. Сердечный привет Лине Ивановне.

С нетерпением жду ответа о приглашении квартета имени Комитаса. Обнимаю Вас.

1/І 1934. Москва

Ваш Н. Мясковский

P. S. То, что Вы сообщили о Метнере, чудовищно и по глупости и по бестактности. Но квартет Глазунова Вам все же придется мне прислать! На итальянские лиры!

Н. М.

372. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2 января 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

2 января 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Манжо известил меня, что о приглашении Армянского квартета в Лондон на 20 февраля он послал заказные письма Аркадьеву и Атовмяну. Кроме того, он договорился с Кларком, чтобы Лондонское радио

<стр. 413>

предложило сыграть этому же квартету 18 февраля. Кларк сейчас, им видимому, в Москве. К сожалению, Гусман, обещавший пригласить также Манжо для исполнения скрипичного концерта Гуссенса ¹, под управлением Кларка, не сдержал слова. Самое лучшее, буде Вы пожелали бы помочь делу, это сказать Кларку, чтобы он со своей стороны снесся на предмет Армянского квартета с нужной инстанцией. Может, надо, чтобы он обратился непосредственно в Наркомпрос Армении.

Вы напрасно ругаете Вашу четырнадцатую огулом: три части в ней очень юные и свежие, и к тому же доступные для неискушенного слушателя. Заметку в «Советском искусстве» от 26 декабря я видал, но не оболящаю себя слишком; однако уверен, что если исполнять мои новые вещи систематически, то содержание их постепенно раскроется.

Получили ли мое заказное от 23-го и простое от 26 декабря? В последнем прошу Вас прислать партитуру тринадцатой для концерта советской музыки в Париже. Уверен, что она произведет здесь впечатление.

Я только что закончил музыку для «Египетских ночей» Таирова. Получилась огромная партитура, впрочем, довольно тщательно отделанная. Дней через десять она поедет к Таирову, которого я просил переписать ее и дать один экземпляр Вам, а Вас умоляю (о, не отвергайте!) пойти пару раз на репетиции и направить немножко дирижера, о чем Вас с своей стороны будет умолять и Таиров. Все темпы у меня проставлены по метроному, но важно еще уравновесить звучность. Дело в том, что оркестр будет то под сценой, то за кулисой — и вот здесь-то дирижер и дирекция могут просчитаться. Для этой пьесы я даже приобрел и посылаю в Москву новый инструмент — охотничий рог, для изображения страшных труб римлян. Рог имеет только натуральные ноты и строит in Es на терцию вверх.

Обнимаю.

Ваш С. Пркфв

373. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

14 января 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, спасибо за быстрый ответ о «Комитасах», Манжо и т. д. Письма Манжо, кажется, получены. Одно — достоверно: Атовмяну. О другом сегодня будут справляться в Наркомпросе. Я все же жалею, что Манжо не написал в ВОКС. Дело в том, что Армянский квартет находится в ведении Наркомпроса Армении, а вовсе не РСФСР (то есть Бубнова), между тем, ВОКС есть организация Всесоюзного охвата. Конечно, может случиться, что личное значение Бубнова сыграет роль, если только он не будет задет приглашением не

<стр. 414>

Московского квартета. Хотя, конечно, не он лично, а его дальнейшие помощники. Но Вы, верно, имели свои соображения, когда изменили предположение об адресации в ВОКС. Что касается приглашения Манжо, то здесь какое-то очевидное недоразумение. Я не видел Гусмана, так как на Радио не работаю уже месяца два или полтора, но во втором концерте Кларка стояла на программе (афише) фамилия Манжо как солиста, то есть определенно рассчитывали на его приезд. Очень было бы неприятно, если бы Манжо подумал, что его не хотели пригласить, между тем как здесь совершенно определенное недоразумение. Кларку здесь устроили два концерта¹ — один в Большом зале консерватории, другой — на Радио. Общий голос — «вот каких дирижеров рекомендует С. С. Прокофьев!» И не помогают никакие разъяснения, что Прокофьев рекомендовал, мол, вовсе не дирижера Кларка, а директора Лондонского радио и т. п.; что это нужно для пропаганды советской музыки и Англии...

Кларк, надо отдать ему должное, очень плохой дирижер и никакой — исполнитель. Если еще можно было мириться с его исполнением Эльгара, Делиуса, так как это и само по себе совсем неинтересно и до последней степени нудно, то разыгрывание им Дебюсси, Равеля, Стравинского было ниже всякой критики, просто ребячески плохо. Лучше другого прозвучали (я не говорю, что были исполнены) вещи английской молодежи, Ламберта («Музыка (!) для оркестра», которая хотя и писана от нечего делать, но с изобретательностью и конструктивно крепко), Уолтона («Фасад» — переключка с Шостаковичем, но без эмоциональной силы и напора последнего; все же забавно, хотя мне совершенно чуждая кабарежная музыка), фортепианный концерт Айрленда — тоже недурен, хотя много отзвуков, даже из Вас, и лучше всего безразлично-веселые места при весьма тусклой лирике. Пёрсель — наверно, гениален, но скучен до боли в скулах. Верно, английская потребность в музыкальных гениях очень велика.

Вчера мне сообщил С. С. Попов, что партитура «Египетских ночей» получена, и сегодня он сдает ее в переписку. Мне ужасно досадно, что Вы хотите, чтобы я что-то слушал с какой-то точки зрения. Во-первых, я очень плохо знаком с Таировым (в сущности не знаком вовсе), во-вторых, А. К. Метнер отлично разбирается (не во всякой музыке, конечно) в технической стороне звучания, а я никогда не чувствую себя достаточно компетентным в оценке музыки именно с этой стороны, а не по существу. Впрочем, я думаю

почему-то, что Таиров ко мне и не обратится.

За время каникул Ламм, сидя на даче, занялся переложением 2-й Вашей симфонии. Кряхтел, видимо, изрядно, так как раза по три переделывал многие места. Все же решил работу довести до конца. Вчера мы сыграли то, что им уже сделано — экспозицию и половину разработки. Сперва ничего не поняли, так как все играли *f* и *ff*; второй раз начали выделять темы, а остальное прятать, и пошло лучше. Несколько слишком причудливо мне показалась сделанной 2-я тема (в басах); из-

<стр. 415>

за полной смутности гармоний даже ее очень простая мелодическая сущность очень неотчетливо доходит. Впрочем, тут вина и в крайней трудности переложения. Но общий характер музыки мне чрезвычайно нравится — какой-то режущо-острый и порой могуче-дикий. Даже мрачные места (начало разработки) звучат мужественно и самоутверждающе. Мне кажется, что это замечательная симфония, но ей придется некоторое время пробивать себе дорогу к признанию: она слишком значительна и в то же время эмоционально строга. Действительно, Половинкин прав, когда утверждает, что Вы сейчас единственный представитель строгого стиля в музыке, я бы даже добавил строгого до непримиримости: никакой расслабленности, ничего — кое-как, постоянно напряженнейшая работа мысли и над отточкой малейшей детали. Настоящее искусство высшей марки.

О моих делах. Партитуру 13-й симфонии уже переписали, сейчас делают голоса. Если они даже не понадобятся Парижу — пригодятся здесь. Я же со своей стороны сделал переложение ее же в... 2 руки! Торжествуйте! И ничего не надо играть носом.

Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*

14/I 1934. Москва

374. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 января 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

15 января 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Пользуюсь моим двухдневным возвращением в Париж, чтобы ответить на Ваше письмо от 1 января, полученное мною в Милане.

В Париже к советской музыке предъявляются требования несколько иные, чем в Москве: в Москве требуют прежде всего бодрости, в Париже же в советскую бодрость уже давно поверили, но часто выражают опасения, что позади нее нет глубины содержания. За это надо извинить французов, так как их знакомство с советской музыкой началось с «Завода» Мосолова¹. И вот тут-то Ваша тринадцатая и призвана восполнить получившийся пробел. «Болт» Шостаковича исполнять в Париже как раз нежелательно, так как он родственен упадочным настроениям запада, что еще отметил Ансерме во время своего

пребывания в Москве. Поэтому от Шостаковича я хочу или третью симфонию, или фортепианный концерт.

Итак, если возможно, поскорее пришлите партитуру тринадцатой, а я Вам к половине февраля сообщу, в какую форму выльется концерт и надо ли присылать голоса. Ваш второй квартет объявлен в Ливерпуле

<стр. 416>

на 19 января, в исполнении International String Quartet². Думаю, что это дело Манжо. В Ливерпуле же на днях исполнялась Ваша симфония (Малько?), но не знаю которая³. <5-я!> * Во Фиуме (Италия, на границе Сербии), где я только что давал концерт, есть приличное камерное общество, которое заинтересовалось Вашими квартетами, так что сегодня посылаю им ноты.

В Милане я выступал с Шерхеном, очень прилично продирижировавшим Скифской сюитой и пятым концертом. Весной он будет в Москве, и мы с ним договорились, что он продирижует одной из моих программ, в Радио, со включением третьей симфонии, если не поступит возражения со стороны Гусмана. Напишите мне, что за директорские перемены произошли в Московской и Ленинградской филармониях. Что за люди стали во главе? Шерхен говорил, что во время его последнего пребывания с ним велись переговоры о взятии в его руки Московской филармонии. Он на это шел, но ставил некоторые условия, которые дали бы ему возможность повысить квалификацию оркестра. Разумеется, для [оркестра]** Московской филармонии чрезвычайно нужна крепкая и авторитетная рука, для поднятия его из того жалкого состояния, в котором он находится, и, пожалуй, Шерхен для этого пригоден. Напишите мне Ваше мнение, стоит ли его поддерживать в этом направлении.

«Международная книга», наконец, договорилась с парижским издательством, и первая партия нот на днях отправится в Москву, для продажи на советские деньги. Ваши «Причуды» будут включены в нее. Сообщите интересующимся.

Крепко обнимаю Вас. Сердечный привет от Лины Ивановны.

Ваш С. Пркфв

Держановский пишет, что Москва спала на концерте Кларка. Какой он глупый: клеил-таки Делиуса и Эльгара! С Walton'ом или со стариком Пёрселем дело могло бы обойтись приличней.

375. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 февраля 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, вчера на Ваше имя поехала партитура 13-й симфонии. Голоса в работе, даже если они не понадобятся. Что касается Шостаковича, то дело обстоит так: я думаю, что придется остановиться на 3-й симфонии, хотя это очень трудное в исполнитель-

* <5-я!> — приписка рукой Н. Я. Мясковского.

**** [оркестра] — вставка рукой Н. Я. Мясковского.**

<стр. 417>

ском смысле сочинение и, кроме того, в конце очень неважный хор. Все же там есть интересные штуки. С концертом же трудно что-нибудь сделать; он его постоянно играет, а другой экземпляр в печати. Все же Атовмян обещал уловить момент между исполнениями и снять с концерта копию, боюсь только, что это запоздает. А не мог бы Париж выписать автора? Тогда дело сильно облегчилось бы. Ваше дело с квартетом «Комитас», кажется, приходит к благополучному разрешению, и я думаю, что они во время будут в Лондоне. Ими получены приглашения и от Манжо, и от Лондонского радио. Мой квартет они играют превосходно, — хотя состав их переменялся, но даже к лучшему, так как теперешний 2-й скрипач (прежний утонул этим летом) почти не уступает первому¹. Квартет Мосолова² они учат со скрежетом зубовным, может быть, они могли бы сыграть что-нибудь другое из современно русского-советского?

У Вас какие-то сведения о филармониях мне не вполне ясные. Сколько я знаю, во главе их не произошло никаких изменений: в Москве — Райский, в Ленинграде — Оссовский; правда, в Ленинграде есть какая-то Легран, но Оссовский ведет все художественные дела. С Шерхеном при переговорах вышла довольно нередкая у нас ерунда. Откуда-то прошел слух, что Клемперер прислал телеграмму с предложением своих услуг. Слух этот не был проверен, а переговоры с Шерхеном, шедшие вполне удовлетворительно, были заматы! Клемперер, конечно, оказался чьей-то выдумкой. Так что, я думаю, если бы Вы поддерживали Шерхена, то это было бы не плохо. Хотя, сознаюсь, мне лично он не так уж нравится, и думаю, что мы могли бы получить лучшего дирижера из германских изгнанников. Шерхен, видно, отличный оркестровый педагог, но весьма не всеобъемлющ как артистическая величина. Ему больше всего удастся музыка современно-конструктивного характера. В классике он весьма посредствен, в эмоциональном сдержан больше, чем хотелось бы. Скифскую он мог сделать хорошо, а вот 3-ю симфонию — не знаю. Почему Вы не хотите дать 2-ю? 13-го мы будем играть всю ее в 8 рук. Что-то получится!? Завтра Фительберг будет играть мою 10-ю симфонию³; несмотря на ее грузность и непрактические трудности, я от нее не отрекаюсь — она может отлично и вполне убедительно выходить, хотя она и не доходчива. Фитель знает музыку больше на глаз и по основным линиям, но и то что-то получается. Я думаю, эту симфонию можно было бы без особой боязни играть даже в Париже.

Удастся Вам между Вашим неуёмным концертированием работать над виолончельным концертом? ⁴

Всего доброго. Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский!

6/II 1934. Москва

<стр. 418>

376. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 февраля 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
10 февраля 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Спешу подтвердить получение Вашей тринадцатой симфонии. Получил также Ваше от 14 января, а Вы, надеюсь, тем временем мое от 15-го. Ввиду того, что Дезормьер в течение ближайшей недели занят другими концертами, а Вашей тринадцатой чрезвычайно интересовался Шерхен, посылаю ее ему в Страсбург. Он просил партитуру на два дня и обещал вернуть аккуратно.

Малько сыграл в Ливерпуле Вашу пятую, а в Лондоне седьмую, одновременно с которой шли «Портреты» и сюита из «Носа» Шостаковича¹, что дало повод одной газете ошибиться следующим образом: «Нос Мясковского», муз. Шостаковича. Хотя этот концерт передавался по радио, но я в тот вечер сам играл в радио в Турине. Отыграв, пытался тут же ловить Лондон, но так как концерт продолжался, и туринская станция выбрасывала в воздух собственные звуки, почти ничего не было слышно, а что слышалось, то перебивалось непрерывными щелчками в ухо. Несколько отрывков из «Портретов» мне удалось поймать и убедиться, что Малько играет в правильных темпах. На неделю позднее я был в Лондоне, где мне сказали, что вся программа прошла хорошо и вызвала большой интерес. Видел я и Кларка, который в упоении от Москвы и полон проектов об исполнении советских вещей. Выходит, что Кларка все-таки стоило пустить в наш огород.

Я в страшном негодовании на Вас за Ваше могильно-равнодушное отношение к моему последнему египетскому опусу. Хотя мне очень хотелось принять Ваши слова о второй симфонии за чистую монету, но я начинаю сомневаться, не для заглаживания ли тяжелого впечатления Вы расхвалили ее, ибо легче произнести много слов, чем сделать маленькую услугу. А. К. Метнер, конечно, приличный музыкант, но в том-то и горе, что он уразумевает вещь лишь до известной степени, а дальше пойдет молотить, как попало. Неужели Вы думаете, что если бы тринадцатая симфония шла в Париже, я отсиелся бы дома и не пошел защитить ее перед местным дирижером? Вы просто монструозны. Уверяю Вас, что музыка уж вовсе не такая плохая и может даже немножко понравиться Вам.

Я страшно доволен, что Вы перекладываете тринадцатую в две руки. Посмотрев партитуру с этой точки зрения, мне показалось, что она должна легко этому поддаться. Кстати, в Италии я выучился следующему: *fiati* значит не специально деревянные, а вообще духовые (это Вы подвели меня, вбив мне в голову, что *fiati* деревянные); деревянные — *legni*, а медные — *ottoni*. Конечно, писать *legni* как-то жутко, особенно в пассаже стаккато, но *ottoni*, пожалуйста, примените в Ва-

шем новом клавише, тем более, что у Вас теперь склонность пользоваться инструментами по группам.

Я прочел статью Алявдиной². Некоторые мысли показались мне верными, но вообще это область очень мне чуждая, и, кроме того, и изложение как будто растянуто, с излишними повторениями. Надо ли посылать экземпляр обратно, или можно привезти в апреле?

В ближайшие дни я пошлю на Ваш адрес балладу³ и «Мимолетности», с просьбой передать их в Музсектор. Балладу (парижское издание) я проглядел и внес несколько незначительных поправок карандашом. В «Мимолетности» (московское издание) я поручил, во-первых, внести те незначительные прибавления, которые появились в заграничном издании. Эти прибавления внесены в посылаемый Вам экземпляр красными чернилами; кое-где я их даже отменил, так как, в сущности, не стоит возиться. Кроме того, я теперь еще раз просмотрел весь опус и вписал еще кое-какие мелочи зеленым и черным карандашом. В общем, если внесением этого на доски будет заниматься С. С. Попов, то он сам увидит, что надо внести, а на что можно плюнуть.

Меня огорчает Атовмян, не отвечающий уже на два письма. Во-первых, нужно знать про Шостаковича, в связи с предстоящим Парижским концертом (который, кстати сказать, крепнет и намечается на конец апреля); во-вторых, он не сообщил ни про одно исполнение иностранных композиторов в СССР, что до чрезвычайности затрудняет помещение советских авторов за границей; наконец, Риети ребром поставил вопрос — играют или не играют его симфоньетту⁴. Он ведь единственный рукописный экземпляр, который нужен для исполнения в Италии в апреле. Может быть, Вы все-таки поднажмете, чтобы эту вещь сыграли до 20 марта, а затем послали бы партитуру и материал по следующему адресу: Vittorio Rieti, Via Lutezia, 11, Roma, Italia.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

377. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

25 февраля 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, я с интересом и вниманием прочел Ваше письмо от 10 февраля. Вы напрасно сердитесь на меня за египетский опус. Таиров ничего мне не говорил, партитура еще переписывается, пи от чего я пока не отказывался, а просто ныл, потому что не люблю театралов вообще, совершенно далек с Таириым и сомневаюсь в своей пользе. Но когда еще до этого дойдет дело! Ваши ноты получил и отдал в Музгиз. Все Ваши поправки, кроме одной фальшивой ноты (другая между прочим, Вами пропущена: № 13, такт 2, в последней строке —

<стр. 420>

sol #!) имеют главное значение исполнительских нюансов и, по-моему, очень важны. Я показал Шишову, и он согласился. Когда реализует, не знаю. Меня в Вашем письме больше всего огорчает сетование на Союз за неисполнение

заграничных сочинений. Сетовать есть за что. Но, к несчастью, положение сейчас в Союзе таково, что не знаешь, за какую ниточку потянуть, чтобы что-нибудь наладить. У нас сейчас завелось такое разделение функций, и во главе секторов стоят или бездеятельные люди или, напротив, довольно деятельные, но бюрократы, что я буквально не знаю, куда ткнуться. Атовмян не хочет вмешиваться в чужие дела, а он единственный действительно энергичный и инициативный человек. Держановский совсем оттерт. Единственное, что мне питается сделать, это, связавшись лично с каким-нибудь влиятельным исполнителем, добиться у него чего-нибудь реального. Но Сараджев тоже не у дел. Значит, остается Гаук и Себастьян. Не знаю, подойдет ли Себ[астьяну] Риети, да он и очень занят. Попробую насесть на Гаука. К сожалению, я очень редко с ним встречаюсь. Ведь я на Радио больше не работаю. На этих днях (21-го) должна была идти соната для скрипки и виолончели Онеггера¹ (на Радио), но сорвался концерт по болезни исполнителя. Отложили.

Недавно мы играли (правда, в плохом ансамбле) всю Вашу 2-ю симфонию. Никто ничего не понял; я в том числе. Дьявольски трудное переложение, и безумно замысловатый стиль. Но почему-то я думаю, что постигну, ибо есть там что-то влекущее. В основных элементах 1-й части (1-я тема) есть что-то от «Шута».

Хорошо было бы, если бы Шерхен, не использовав 13-й симфонии за границей, наметил ее для исполнения здесь. Посылаю Вам 3 исправления в партитуре, которые я сделал, проверяя партии. Вы будете недовольны введением струнных на цифре 56, но мне показалось, что не выйдет настоящее *crescendo* и аккорды струнных, как сейчас, прозвучат неожиданно.

Всего доброго. Обнимаю Вас. Привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

25/II 1934. Москва

378. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 марта 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

12 марта 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Ваше письмо от 25 февраля получил и сообщенные Вами поправки в тринадцатой симфонии принял к сведению. Кстати, помните я писал Вам, что Молилари выудил в Вашей симфоньете с десятков ошибок.

<стр. 421>

Учил он партитуру по первому изданию; когда же я достал от него список ошибок и проверил их по второму изданию, то оказалось, что большинство Вы уже сами исправили. Осталось несколько второстепенных:

Первая часть, три такта до 25 — пропущены точки у виолончелей и контрабасов;

Вторая часть, пятый такт после 26 — у контрабасов бекар к *фа*.

Третья часть, пятый такт после 1 — у первых скрипок акцент на второй четверти, по-видимому, предназначался для следующего такта;

Третья часть, шестой такт после 20 — у первых скрипок пропущено *divisi*.

Об этой симфоньетте я говорил с парижским дирижером Гобером из Гранд Опера, который заинтересовался ею, — и я посылаю ему Партитуру. Он обещал сыграть осенью.

Что случилось с Армянским квартетом? Я прочел в газетах, что и участие в Лондоне было объявлено, но в последний момент армяне были заменены самим Манжо с его ансамблем, который с успехом исполнил Ваш квартет¹, квартет же Мосолова был отменен. Манжо мне пока никаких объяснений не сообщил.

Получил письмо от Таирова: «Египетские ночи» запаздывают и едва ли пойдут даже в апреле². Таким образом — ныне отпускаеши Вам. Я очень рад, что, следовательно, попаду на репетиции, так как театральные оркестры играют чаще скверно, а между тем, вещь совсем не такая плохая; теперь же мне удастся их направить. Приеду я в Москву числа 8—9 апреля. Атовмян пишет загадочные фразы, что, может быть, его не будет в Москве. Если он уедет, то, пожалуйста, предупредите меня, чтобы я так и не завяз на вокзале со всеми моими тюками. Об исполнении «Серенады» и симфоньетты Риети и посылке партитуры последней автору в Рим он прислал мне успокоительные телеграммы. Но я никак не могу добиться, можно ли получить Шостаковича для исполнения его концерта в Париже в конце апреля. Лучше самого автора в качестве пианиста, а если нет, то ноты поскорее, дабы поспел их выучить здешний пианист. Я писал об этом Атовмяну еще в декабре и повторял несколько раз — и как в стену горюх!

Я сегодня послал ему партитуру только что оркестрованного Анданте из четвертой сонаты, с просьбой расписать на партии к моему концерту 18 апреля³, а то здесь в Париже до моего отъезда не успеем. Я боюсь затруднять Вас просьбами, но, может, Вы будете милым и одним глазком присмотрите, чтобы Атовмян не забыл. Может, Владимир Владимирович возьмется за дело? А бумагу пусть дадут мне займы я привезу с собою и верну им.

<стр. 422>

Из Парижа я выеду в последних числах марта, сначала в Прагу, потом в Варшаву. В Варшаве буду 5 и 6 апреля и остановлюсь в Hôtel Europe. Это на случай каких-либо экстренных сообщений из Москвы.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

379. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 марта 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, надеюсь еще застать Вас в Париже. Сегодня, наконец, идет Симфоньетта Риети на Радио. Недавно играли очень милую сонату Онеггера для скрипки и виолончели. Также — концерт, фортепианный, Равеля — очень плохо, и вещь мне показалась вполне пустой; весь блеск — зря. Армянский квартет уезжает на днях, так как был болен виолончелист. От Манжо я имел привет из Ливерпуля, где он тоже играл мой квартет¹. Спасибо за дополнительные опечатки в симфоньетте. Вы мне, к сожалению, ничего не пишете о судьбе 13-й симфонии, между тем, голоса ее готовы. Я уже сильно прогорел со своими голосами. 11-я симфония сорвалась в Америке, так как Univ[ersal] Edit[ion] потеряло партитуру! 13-я, видимо, тоже не состоится, поскольку Вы уезжаете из Парижа. Насчет Шостаковича я тоже ничего не могу добиться — он в славе и легкомыслен. Атовмян же хочет уходить из Союза, так как его упорно травят. Насчет Andante поговорю с С. С. Поповым — через его руки идет вся переписка. Всего доброго.

Обнимаю.

Ваш Н. Мясковский

18/III 1934

Постарайтесь, чтобы Вас встретил еще кто-нибудь.

380. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 марта 1934 г., Париж

Париж, 20 мар. 1934

Дорогой Ник[олай] Яковлевич.

Брюссельское радио просит биографию Шебалина на предмет исполнения его симфонии¹. Если бы он прислал мне с обратной почтой короткую заметку о себе и о вещи (как Вы делали для Рима) по-русски, то я бы успел до моего отъезда перевести и послать в Брюссель. Жму лапку.

Ваш С. Пркфв

<стр. 423>

381. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

28 марта 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

28 марта 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Симфонический концерт советской музыки, предполагавшийся в Париже

в конце апреля, запаздывает: он состоится или во второй половине мая, или в начале будущего сезона, то есть в октябре. Из этого, однако, не следует, что шансы его понизились: наоборот, и парижское Полпредство и несколько французских рабочих организаций за это время подтвердили желание поддержать его. Партитуру Вашей тринадцатой я в свое время послал Шерхену, который просмотрел ее и переслал Дезормьеру; у последнего она сейчас и находится. О впечатлениях Шерхена я ничего не знаю, так как он уехал в Стокгольм и в Париже за последнее время не показывался. Материал лучше до моего приезда в Москву не высылайте, так как если концерт состоится осенью, то не стоит, чтобы он без дела трепался за границей. Гобер остался очень доволен Вашей симфоньеттой и пообещал сыграть ее осенью и Париже. Поэтому я решил не привозить в Москву материал ее. Однако если Вы запротестуете, то по приезде в Москву я протелеграфирую, чтобы его дослали.

Манжо мне пишет, что ввиду неприезда Армянского квартета на 20 февраля, он сам со своим ансамблем сыграл Ваш квартет, а теперь надеется, что армяне выступят у него осенью. Между тем, Вы пишете, что этот квартет выезжает в Лондон. К кому же это и на какой ангажемент? Прилагаю Вам программу: после исполнения в Лондоне и Ливерпуле Манжо сыграл Ваш квартет еще раз в Лондоне¹.

Крепко обнимаю Вас. По-прежнему рассчитываю быть в Москве 8-го утром и как будто не предвижу отмены.

Ваш С. Пркфв

382. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

1 мая 1934 г., Одесса

Одесса, 1 мая 1934

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Спасибо большое за пересылку письма: оно было длинное и со всякого рода фаршем в виде фотографий детей и пр. В общем дома все благополучно. Отбыв Харьків и Киев, я наслаждаюсь солнцем и морем Одессы и занимаюсь обыгрыванием в шахматы директора здешней Филармонии. Обнимаю.

Ваш С. Пркфв

<стр. 424>

В Ленинграде буду с 6-го по 13-е, а в Москве, вероятно, 14-го. Это не восточная молельня, а зал, где я буду играть*.

383. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 июля 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

20 июля 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Несколько неожиданно уехал я за границу, подкинув Вам тючок нот. Перед отъездом получил от Асафьева письмо, где он расхваливал Вашу

пятнадцатую, что привело меня в полнейшее негодование по поводу Вашего вероломства: весь конец июня я просидел против Вас на Вашем диване, и Вы глядели на меня честным взглядом, как будто ничего и не сочинили! Это все, конечно, за мое отношение к финалу четырнадцатой — недаром Валентина Яковлевна объясняла, что Вы носите бороду, дабы скрыть злые губы и мстительные складки по сторонам их.

По возвращении в Париж веду себя тихо и еще не решил, куда двинусь отсюда. Во всяком случае, Ваши письма будут мне пересылаться. За Вашу симфоньетту требовал с Варшавы сто злотых (около 22 торгсинских рублей) и получил заверение, что они будут присланы мне в ближайшем будущем. От Стока — благодарность за предоставление ему первого американского исполнения Вашей тринадцатой¹. Кстати, договорилась ли с ним Московская филармония? Вы бы все-таки поговорили об этом с кем-нибудь, а то выходит неловко.

Передайте, пожалуйста, сердечный привет Валентине Яковлевне и благодарность за пересылку письма Л[ины] И[вановны], которое обогнало меня в дороге и ждало в Париже. Обнимаю Вас.

Ваш С. Пркофв

Разыгрываю «Персефону» по клавиру²: много интересного, но вообще жестко и трудно. Как только Пайчадзе вернется из отпуска, достану экземпляр для Вас.

384. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 августа 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, Ваш отъезд ошеломил нас своей внезапностью, хотя мне он представился целесообразным — сидеть летом в Москве — безумие. Правда, я не очень много выигрываю, сидя на Ни-

* Приписка С. С. Прокофьева на обороте открытки, где помещен снимок здания Одесского Горсовета.

<стр. 425>

колиной Горе (там с утра до вечера стук строительства), но все же хотя бы воздух пахнет чем-то благопристойным.

В одну из своих московских бытностей я послал Вам пакетик с открыткой Малько и вырезками. Сейчас накопилось только две вырезки, — я подожду посылать. Получили ли Вы голоса 13-й моей симфонии? Почему-то Бургин, будучи в Вене, решил, что эту симфонию надо предложить Кусевицкому, и я получил из Univ[ersal] Edit[ion] в таком роде письмо¹. Я отвечаю, что распоряжение 13-й симфонией находится в Ваших руках, и Вы, по моей просьбе, отдали премьеру Ам[ерики] Стоку. Пусть Кусевицкий играет, что хочет из остатков. О Стоке. Сейчас нет никого в Филармонии, и я ничего не

мог узнать, а в газетах ничего о нем не пишут. Зато о Дефо пишут вполне определенно, что он будет дирижировать. Так что по отношению к нему Вы развязаны.

Вы здесь оставили все Ваши партитуры: Andante, Симф[оническую] песнь — надо Вам их послать (впрочем, С. С. Попов уехал в отпуск придется отложить это до начала сентября)? С оставленными Вами нотами я совершил преступление: я вскрыл ящик и вложил то, что лежало у меня на рояле, а выудил Мийо «Максимилиана» и какую-то «Мал[енькую] симфонию» Кондрацкого². «Максим[илиан]» мне вовсе не нравится — это нудно и, при невероятной громоздкости, все же очень мелко. «Ария» — четыре жалкие банальные фразки! И так все — куча претензий и вывертов над крохотной идейкой.

Ваши обиды по моему адресу — совсем ни к чему. Я же знаю, что Вам можно показать и что нельзя. И вовсе я на Вас не в обиде за финал 14-й (я не был согласен с охаиванием Скерцо, которое меня удовлетворяло, хотя тему я сам считаю плохой, — но не все в целом), — я сам знаю, что это весьма слабо, но ничего не могу поделать — мне нужен этот характер, а сочинять 3-й финал я больше не в силах. 15-я же — только в самых поверхностных эскизах и до последней степени примитивна, а порой и банальна; в ней есть парочка неплохих идей (это на две части!), но все еще вполне сыро, и я совершенно не знаю, что воспоследует дальше, так что я считаю, что ничего и не сочинил, и взгляд мой не слукавил.

Завтра я опять уезжаю на Ник[олину] Г[ору] и приеду обратно, вероятно, числа 18-го. Хорошо бы, если бы и «Персефона» — явилась к этому времени на свидание. Я очень надеюсь, что теперь Вы быстро приведете в порядок виолончельный концерт³. Судя по каким-то загадочным словам Держановского — сегодня по телефону — Вы оставили здесь уже готового «Кижэ»?!⁴ Быть может, успею еще заглянуть к нему, посмотрю, что там.

Если Вы действительно соберете какие-нибудь суммы для меня, может быть, Вы не будете их пока высылать, а просто привезете с собой в октябре? Оставленные Вами 100 франков вполне заполнят мою кофейную брешь. Всего доброго. Валентина Вам кланяется весьма.

Сердечно Ваш *Н. Мясковский*

1/VIII 1934. Москва

<стр. 426>

385. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 августа 1934 г., Париж

Paris, 15 авг. 1934

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Вашу 13-ю получил (3 руло); также письмо от 1 августа, открытку от Малько и вырезки. Дзимитровский писал, что он имеет возможность поместить 13-ю в Америку; я ответил — 13-я пока обещана Стоку; тогда Дзим[итровский] написал, чтоб я материал передавал не иначе, как через

Univers[al], «чтобы наш друг Мясков[овский] имел возможность заработать на прокате». Вы понимаете наглость? Я чуть не написал ему теплое письмо, что видел я, сколько перепадает на долю нашего друга за прокат! Затем решил, что лучше не ссориться, но материал он увидит как свои уши. Кусев[ицкий] недавно затребовал через Пайчадзе Вашу «Серенаду для струнных» (!) для просмотра. Я выдал все три пьесы ¹, и, если он возьмет играть одну из них, постараюсь с материалом устроиться как для польского дирижера. [...]

Симфоническая песнь, вероятно, пойдет в Париже в начале октября, поэтому необходимо, чтобы С. С. Попов вернул мне к 15 сентября партитуру и материал (сделанные в Париже), оставив в Москве сделанные им копии. Я об этом его предупреждал еще в июне, но Вы будете другом, если напомните. На случай, я буду в отъезде, адресовать лучше так: Serge Prokofieff, aux bons soins Grandes Editions Musicales, 22, rue d'Anjou, Paris VIII.

С Andante спеха нет: пока исполнений не предвидится. Я тут довольно много насочинял, хотя и не то, что нужно. То есть виолончельный концерт по-прежнему в дремоте, но сделан op. 63 «Мысли», три пьесы для фортепиано серьезные и кончен op. 59²: Promenade, Paysage (уже Вам известный) и Sonatine pastorale, последняя в C-dur, в одной части, очень простая — после того, как две другие оказались слишком заумными. Сейчас пишу Танцевальную сюиту в 4-х частях для Гусмана, для оркестра³.

Послал Вам 13-го «Персефону»; когда Стравинский сыграл мне ее и спел, то показалось вполне убедительно; иначе — играть трудновато и жестковато. О Defaud читал хвалебные рецензии в московской французской газете⁴, также он прислал мне открытку с восторгами от СССР. Но это не разрешает вопроса со Стоком, то есть успех Дефо убеждает меня в необходимости добиться появления Стока. Помогите в этом, несмотря на Вашу улиточную породу (pardone!).

Крепко обнимаю Вас, пишите в Париж, — если уеду, перешлю. Сердечный привет Валентине Яковлевне.

Ваш С. Прокфв

<стр. 427>

386. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

7 сентября 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
Ваше поручение насчет голосов и партитуры Симфонической песни я выполнил. Хотя С. С. Попова еще в Москве не было, но «деловая часть» Союза была весьма любезна и в 2 дня все дело провели. Не знаю только, правильно ли все. Надеюсь, что ноты уже получены. Я все еще не окончательно вернулся с дачи, хотя занятия в консерватории уже начал. Случайно попал на концерт с сочинениями и дирижированием Флорана Шмитта ¹ — вот бездарность!

[...] Между прочим, у Шебалина будет очень хорошая 3-я симфония и совершенно замечательный уже есть 2-й струнный квартет².

Я прозябаю в полной бездеятельности. Держановских не вижу и не

слышу. Здесь был польский диригент, которому Вы дали симфоньетту, но говорить подробно мне с ним не пришлось, так как мы не могли сойтись во времени; я его встретил на концерте Фл. Шмитта.

Каким образом играется по Радио музыка к «Египтовским ночам»? Разве Вы уже сделали сюиту?³ Между прочим, будет передаваться 12 сентября.

Спасибо за марки. «Персефона» — не нравится. Там лучше всего вокальная часть, но сопровождение сделано так, словно Стравинский старался сделать нарочно противоестественную гармонизацию, местами же срывался, и попадаются эпизоды тривиально-обыденные с оттенком туповатости. Какое-то странное обеднение и одеревянение мысли. Между прочим — здесь будет Пятигорский⁴, надеюсь, что концерт Ваш к его гастролям будет готов!

Обнимаю. Привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

7/IX 1934

387. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

17 сентября 1934 г., Сен-Максим

Ste Maxime, 17 сен. 1934

Дорогой Ник[олай] Яковлевич].

Очень хорошо, если Вы не поговорили с польским дирижером о симфоньетте: я с ним на эту тему объяснюсь гораздо лучше. Теперь мне нужен другой материал той же симфоньетты для Бостона, где она идет окончательно. Очень прошу Вас разориться и прислать партитуру и 9-8-7-5-5 пультов. Авторские я уже выговорил. Но обязательно по шлите так: S. Prokofieff, Grandes Editions Musicales, 22, rue d'Anjou, Paris VIII.

<стр. 428>

По тому же адресу я просил прислать и Симфоническую песнь, но недавно узнал, что какой-то пакет послан из Москвы на Val[entin] Naïu и сейчас беспокоюсь: дело в том, что ноты проходят через французскую таможенную и, поскольку меня нет в Париже, их трудно оттуда вызволить; я сейчас принимаю всяческие меры, так как боюсь, что пакет отошлют обратно в Москву. Тронут быстротой Союза композиторов, но если это и есть Симфоническая песнь, то как жаль, что не туда послали. Ибо если бы на издательство, то те вызволяют ноты автоматически.

Я только что закончил сюиту из «Египетских» и ничего не понимаю, что за исполнение в Московском радио. Какие ослы, если по театральным отрывкам, да и Таиров, нечего сказать, умен, если дал им, не спросясь. Мог бы хоть по телефону позвонить. Вы, конечно, знаете, что теперь есть с Францией телефонное сообщение, которое из СССР стоит дешево, 7 рублей, а из Франции дорого — 100 франков. По возвращении в Париж жду от Вас обязательно телефонного звонка: мой телефон: Ségur 88—60.

Про Стока пишу Гусману, про Шебалина — Дефо. Что за свинство, со Стоком как нарочно хоровают, когда это крупная фигура и с большими заслугами перед советской музыкой, а всякие Унгеры, Штидри, Зигманы,

Себастьяны так и лезут из всех щелей! Стоку 60 лет, и это совсем не предельный возраст для дирижера. Кстати, и Флоран Шмитт — через кого эта скучная фигура к нам залезла? Правда, он пишет в большой парижской газете¹, и, может быть, с этой точки зрения имело смысл его обласкать. К «Персефоне» Вы придирчивы, при исполнении она выигрывает. По дороге сюда я заезжал к Страв[инскому]: он пишет концерт для 2-х фортепиано без оркестра и книгу о себе², а Нувель о Дягилеве³, в ответ на клеветническую книгу жены Нижинского⁴. У нас здесь гостит Петя, он здорово развил свой тенор, поет «Эдипа» и «Персефону»; шлет Вам привет, я же обнимаю Вас.

Пишите на Париж, где я буду числа 25—27-го.

Ваш С. Пркфв

388. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

18 сентября 1934 г., Сен-Максим

Ste Maxime, 18 сен. 1934

Дорогой Ник[олай] Яковлевич].

В дополнение к моему вчерашнему заказному: из Парижа сообщают, что таможня согласилась выдать ноты, которые и оказались Симф[онической] песней. Повезло: чиновник оказался любителем музыки и что-то слыхивал обо мне.

От Стока письмо: Вашу 13-ю он будет играть в ноябре и просит материал. Отвечаю ему, что возвращаюсь в Париж через неделю, и, тогда немедленно вышлю.

<стр. 429>

Я окончательно разозлился на филармоническую путаницу со Стоком и написал Бубнову, но не надо, чтобы Вы почил на этом. Всего доброго.

Ваш С. Пркфв

389. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 3 октября 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, то, что Вы пишете о пакете из Москвы на домашний адрес, меня очень удивило и даже взволновало. Дело в том, что я дал специально тот адрес, который Вы мне оставили. Племянница моя, которой я поручил организацию отправки, девица весьма педантичного склада, так что я уверен, что поручение она выполнила с полной точностью. Теперь что-нибудь выяснить в Союзе, конечно, трудно, да и бесполезно, поскольку посылка отправлена. Надеюсь все-таки, что это что-нибудь иное. Голоса и партитуру своей симфоньетты я сегодня приобрел и, быть может, завтра отправлю. Как это Куся дошел до жизни такой, что будет играть мое сочинение! Хотя я думаю, и тут сумеет спихнуть его Бургину, если только не почует в симфоньетте возможность выгодного эффекта.

Относительно «Египетских ночей» здесь все время происходят небольшие показы и рассказы о будущей постановке, и вместе с тем

демонстрируется Ваша музыка²; так что это, собственно, не исполнение сюиты — я так полагаю, судя по газетным заметкам, тем более, что радиийных подтверждений не имел.

Кстати, о Радио. Я имел разговор с Гауком по поводу приглашения Стока, указывая на то, что с заграницей важнее организовать связи с влиятельными людьми, нежели через маломощные организация разных «друзей» (как раз на бесплодность последних он, как представитель музыкальной организации, жаловался). У них необыкновенное количество хлама приглашено. Филармония лучше устроилась, у нее Витт[орио] Гуи, Дефо, Штидри, Г. Штейнберг, Коутс и Сенкар (последний приглашается на постоянное руководство). Правда, тоже не бог весть что. Между прочим, филарм[онисты] очень сетуют, что не имеют Вас в числе своих не только солистов, но и авторов. Вы будто все отдали на Радио (подразумевать надо новинки)³. Я на это сказал, что, в конце концов, от них самих зависело завязать с Вами дельные отношения и всегда надо стараться исправить. Пока в одном из концертов Дефо я предложил исполнить «Гадкого утенка» с оркестром⁴. Степанова (хорошая певица) согласилась выучить; я очень надеюсь, что Вы не будете возражать и привезете с собой материалы (правда, это будет только в апреле). А, может быть, Вы согласились бы сыграть концерт? Ну, скажем, 2-й, о чем здесь весьма мечтают?

Чтобы кончить о концертах — помните о Пятигорском!

<стр. 430>

Фл. Шмитт произвел здесь, конечно, отвратное впечатление со своей музыкой и дирижированием (оркестр спасал его раз пять), но сим остался весьма доволен — подарил все свои партитуры и даже оркестровый материал, роздал портреты всем, кто попадался на глаза, и, уезжая, расцеловал всех радиийных барышень. Интересно, что пишет о нас!

Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*

Как Танцев[альная] сюита?⁵

390. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

8 октября 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
8 октября 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

Из моего дополнительного письма Вы уже знаете, что обеспокоивший меня пакет оказался Симфонической песнью, которую мне удалось благополучно получить. Состоялась первая репетиция: и дирижер (Альбер Вольф), и оркестр проявили большую шустрость — и в два часа — привели ее в удобопонятный вид. Виолончели на верхах интонировали правильно со второго раза. А так как предвидятся еще две репетиции, то есть надежда, что сыграют прилично. Будем надеяться, что и в декабре Фитель не ударит лицом в грязь и представит эту пещь москвичам в ясных линиях.

Партитура и материал тринадцатой уехали в Чикаго, где симфония идет в ноябре¹. Дзимитровский прислал уже второе письмо, запрашивая материал для Винтертура, так что мне пришлось в конце концов ответить ему, что я раньше его договорился об этом исполнении с Шерхеном, с которым я предпочитаю вести переговоры непосредственно, дабы автор мог получить все сто процентов гонорара. Впрочем, я тут же прибавил, что если Дзимитровский достанет для этой симфонии другие исполнения, то я готов выплатить с них Универсалию проценты! Шерхену я тоже написал и жду от него ответа, чтобы знать, куда направить материал после чикагского исполнения.

Материал симфоньеты благополучно прибыл и отбыл в Бостон. Авторские я получил.

Вы пишете, что Московская филармония жалуется, будто я отдал все новинки Радио. Но ведь обе сюиты — «Кижэ» и «Египетская» — сделаны мною по заказу Радио². Если Филармония интересуется первыми исполнениями, то для них есть сюита из «Днепра» или Увертюра ор. 42. Может быть, Вы будете добры передать им это. Но если они желают, чтобы я привез материал, то я должен иметь ответ до 25-го. Кроме того, они должны поставить их в программу так, чтобы это

<стр. 431>

произошло во время моего пребывания. Что касается оркестрового исполнения «Гадкого утенка», то есть проект, что его будет петь Лина Ивановна в Московском радио³. Второй концерт пока у меня не в репертуаре; что же касается возможности моего выступления в Филармонии весной, то эта возможность пока не исключена — можно будет поговорить, когда я приеду в ноябре.

Мы задержались на юге до начала октября, поэтому с парижской музыкальной жизнью пока не соприкоснулся. Послезавтра еду в Амстердам, а 19-го взялся продирижировать третью симфонию в Лондоне, от чего сам впал в ужас: как-то выпутаюсь! Числа 25-го тронусь сначала Ковно, Ревель и пр., с тем чтобы около 5 ноября быть в Москве.

Обнимаю Вас. Пишите в Париж.

Ваш С. Пркфв

391. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 октября 1934 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
быть может, мое письмо еще застанет Вас в Париже. Я на днях случайно (пакет пришел на старый адрес, где, видимо, провалялся) получил из Винтертура проспект, где увидел и себя (13-ю симфонию)¹, и Вас (соло) в концерте 4 ноября! Что это такое? Ведь было 13 января. У меня нового материала нет, а парижский уехал в Америку, да и Вы, сколько я понял, уже 5-го будете в Москве. Имеете Вы об этом какие-нибудь сведения, и сделали ли Вы в связи с чепухой головомойку Шерхену? Теперь я понял бомбардировки Дзимитровского. Мне, конечно, важнее исполнение в Америке, но жаль, что

сорвется там, где Вы могли бы услышать и раскритиковать.

Я все время будировал насчет Стока, но оказывается Филармония в его отношении не виновата: он может приехать только в конце мая или в июне, а у них сезон кончается к 15 мая и с этого времени оркестр уже в Баку, значит остается Радио, то есть Гаук, Гусман, Керженцев. Я говорил с Гауком — он делал вид, что понимает меня, но внезапно заболел. Самое лучшее — это Ваше личное воздействие на Керженцева (Платон Михайлович).

Союз имеет к Вам невероятную просьбу: совершенно немыслимо достать клавир «Игрока» («Междун[ародная] книга» бессильна), не подействуете ли Вы на Пайчадзе, чтобы он один экземпляр дал для Союза? Если у Вас есть возможность истратить часть «моих» денег — не купите ли мне «La mer» Дебюсси для 2-х роялей² и все новейшие изделия Метнера после обеих сонат («Грозовой» и «Романтич[еской]» — они у меня есть); там какие-то мелкие фортепианные пьесы, романсы³, затем «Вариации Корелли» Рахм[анинова], виолончельный концерт Глазунова⁴. Больше, наверное, ничего нет. (Равель — кажется, бесплоден?).

<стр. 432>

Почему бы Вам не захватить материал сюиты из «Борисфена»? Я думаю, Мосфил за него ухватится, хотя я еще никого там не видел, поскольку имею нужду уклоняться от встречи.

Обнимаю Вас и жду нестерпением.

Ваш *Н. Мясковский*

15/X 1934. Москва

392. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 октября 1934 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France
24 октября 1934

Дорогой Николай Яковлевич.

С исполнением Вашей 13-й симфонии в Винтертуре Шерхен что-то дико напутал¹. Сначала предполагалось, что и мое выступление и Ваша симфония состоятся 13 января; потом они неожиданно перенесли на ноябрь, но так как в ноябре я еду в СССР, то мое выступление перенесли на 20 января, с другим дирижером. Сейчас я с ними в переписке, так как материал раньше конца декабря не может вернуться из Америки — значит, надо найти другую дату.

О Шебалине Дефо ответил, что он его симфонию не играл, но намерен сыграть в мае 1935. Спрашивает, прислать ли материал или сохранить?

Я собираюсь быть в Москве 6-го со стрелой; маршрут: Ревель — Ленинград — Москва. Требуемые Вами ноты привезу, хотя они стоят довольно дорого — стараюсь получить скидку.

Онеггер по дороге из Испании во Францию перевернулся вместе со своим автомобилем, который затем разбился о дерево. Сам Онеггер отделался сравнительно легко, но его жена, пианистка Ворабур, сильно пострадала. [...]

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

Ваше «Лирическое концертино» пойдет в Парижском радио; партитурой снабдил их я, а материал, пожалуйста, приготовьте: как только я приеду в Москву, мы его отправим.

393. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

5 января 1935 г., Будапешт

Будапешт, 5 янв. 1935 г.

Дорогой Ник[олай] Яковлевич.

Не могу воздержаться, чтобы не послать Вам этой открытки — из-за марки¹. Вот подождите! досочиняетесь и Вы до того, что всякий

<стр. 433>

почтовый чиновник будет лупить Вас штемпелем по физиономии. В Будапеште репетирую 3-й концерт и «Шута»; приятно дирижировать настоящим оркестром, который отвечает удару палочки, как хороший рояль нажиму пальца.

Обнимаю Вас, с Новым годом.

С. Пркфв

О Вашей милости говорил в интервью.

394. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 января 1935 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
посылаю Вам телеграмму из Киевского радиотеатра. Я ее вскрыл, думал за Вас ответить, но, очевидно, что не смог, так как вопрос требует Вашего личного ответа.

Надеюсь, Вы уже в Париже и не страдаете от такого холода, жертвой какого мы стали — до 36°!

После того как я произвел усовершенствования в оркестровки 13-й симфонии, я в ужасе от того, что она уже исполнялась за границей. Если не очень Вас затрудняет, заберите к себе весь материал. Когда покончу, наконец, с партитурой 15-й, которая мне смертельно надоела, подготовлю поправки к заграничному экземпляру партитуры 13-й и пошлю в Париж. Хотя, пожалуй, не стоит возиться — это очень долго: я просидел над исправлением и внесением поправок в партии почти полных двое суток! Лучше прислать все злосчастное изделие сюда, тем более, что едва ли есть смысл исполнять симфонию в сыром виде.

Где Вы успели побывать, что сейчас делаете? Черкните хотя бы открытку. Новогодние приветы — Вам и Лине Ивановне.

Сердечно Ваш Н. Мясковский

6/1 1935 г.

395. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 января 1935 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,

получил Вашу открытку из Будапешта, а с тех пор не имею никаких вестей; неужели Вы все еще плаваете и путешествуете? Как-то я Вам послал какую-то телеграмму из Киевск[ого] радиотеатра. Получили

<стр. 434>

ли? Недавно Ваша кузина принесла мне «Огненного ангела» с русской подтекстовкой, но я решительно забыл, что должен с этим экземпляром делать. Напомните.

Писал я Вам также свои недоумения о том, что делать с заграничным экземпляром моей 13-й симфонии. Вдруг, недавно я получаю партитуру — ее Союз рекомендовал на фестиваль в Карлсбад, куда, видимо, не приняли (взяли 2-ю симфонию Шебалина¹, что, конечно, очень правильно), — а после Жюри прислали не Вам, а непосредственно Союзу. Это оказалось очень удачно, так как я немедленно внес исправления. Но теперь встает вопрос о голосах — не лучше ли и их также сюда направить? Или Вы возьмете на себя неблагодарный труд их привезти? Я не могу решить; их надо исправлять; у меня на это уйдет дня 2—3, у другого — больше; здесь ее играть едва ли будут, за границей — не знаю. Дайте совет. Как она прошла, мне в конце концов неизвестно; в возвращенном экземпляре сплошная мазня с пометками на французском языке (Шерхен?), свидетельствующая о том, что симфония была скорей тактирована, нежели играна, но все же данных нет.

Между прочим, о Шебалине. Жюри Карлсбада требует голоса. Я просил Союз ответить, что голоса у Дефо. Если Вас не очень затруднит, быть может, Вы Дефо об этом напомните, тем более, что он сам был членом этого Жюри.

Здесь в феврале предполагается многочисленное исполнение (Головановым, конечно) «Поручика Киже»². Я рекомендовал его и в концерт для VII съезда Советов — не знаю только, приняли ли.

У меня недавно был Асафьев. Я его расспрашивал о Ваших ленинградских делах. Он пессимистичен. Его мнение то, что в кругах Ленинградского союза (и всюду, где он — союз — может влиять: филармония и, главное, — театры) Вас страшно боятся и будут все делать, чтобы Вас, по возможности, никуда не пускать. Поэтому он считает, что Ваши проекты постановок в б. Мар[иинском] театре построены на песке, а Вы еще портите тем, что настаиваете на постановке разных прежних своих сочинений (например, «Ст[альной] скок»). [...]

Получил письмо от Дзмитровского из Вены, где он похвально, что устроил 11-ю симфонию и Стоку, и Коутсу³. Последнее меня весьма мало восхищает. Как бы мне все-таки отблагодарить Стока? По отзыву, 13-я симфония успеха не имела, но я не знаю, как сам Сток о ней думает. Если неплохо, то не посвятить ли мне ее ему?

Так как я надеюсь, что Вы в Париже немного пробудете, я очень надеюсь, что Вы достанете мне недосланные пьесы Метнера (op. 54 «Esquisses romantiques pour la jeunesse» в 4-х тетрадях), и если еще что вышло. Не напечатана ли новая Фантазия Рахманинова⁴. Нельзя ли достать книгу Рахманинова о себе (кажется, Риземана — по-немецки)⁵ и еще—довершение моей наглости—3 маленькие партитуры Хиндемита (Шотт): 2-е Trio, Philharmonisches konzert и Symphonie

<стр. 435>

«Mathis der Maler»⁶. Не ругайтесь очень! Что делать, если я такой музикафрессер» * (даже «плохой» по-Вашему).

Обнимаю Вас. Сердечный привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

24/I 1935. Москва

Когда будете приезжать сюда, обязательно привезите чернил для вечных перьев. Наши пока очень плохи — сохнут преждевременно

Н. М.

396. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 января 1935 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

24 января 1935

Дорогой Николай Яковлевич.

До Парижа я ехал дольше, чем предполагал, так как концертное турне несколько разрослось. Поэтому Ваше письмо от 6 января получил только 21-го и спешу поблагодарить Вас за пересылку телеграммы от Киевского радиотеатра, которому отвечаю отдельно.

Проездом через Швейцарию узнал, что тринадцатая там не исполнялась, по причине позднего прибытия материала, но что ее предполагают сыграть на фестивалях международной музыки в Карлсбаде, в июне сего года¹. Поэтому я обратился в концертное бюро Шульцес, Цюрих, на имя которого был послан материал из Чикаго, с просьбой переслать его Вам в Москву вместе с партитурой. Возможно, что партитура несколько запоздает, так как по условиям устройства этих фестивалей она должна пройти через какой-то комитет. В Праге я говорил с Малько, который просил прислать ему партитуру на просмотр к апрелю (до того срока он будет в постоянных разъездах); думаю, что таким образом у Вас хватит времени для внесения поправок, чтобы иметь возможность послать партитуру в апреле в Прагу Малько, а материал в июне в Карлсбад, если, разумеется, не представится возможность другого исполнения до июня.

«Лирическое концертино» было сыграно в парижском радио в первой половине января, так что заметки поспели во время и были прочтены перед исполнением. Слышавшие по радио очень хвалили концертино и говорили, что исполнено оно было хорошо. На днях я получу обратно материал и с ним деньги за исполнение.

Я до сих пор не получил клавира «Огненного ангела». Помните¹, перед отъездом я говорил Вам, что поручил одной знакомой, работаю-

* ироническое словообразование Н. Я. Мясковского — *das Musikfresser* (нем.) — музыкальный обжора.

<стр. 436>

щей над вписыванием текстов в клавиры Большого театра, вписать русский текст в мою оперу и затем принести Вам, с тем чтобы Ваш экземпляр вернулся в родной шкаф, а другой экземпляр Вы послали мне в Париж. Может быть, эта отправка встретила с какими-нибудь затруднениями? Или Вам вовсе ничего не принесли?

Перед отъездом из Москвы Острцов говорил, что ему поручили написать брошюру обо мне. К сожалению, я не понял кто поручил: Радиокомитет или Музсектор. Мне очень не хотелось бы, чтобы Острцов занимался этим делом, так как он, по-видимому, не много понимает в моей музыке и не слишком дружелюбно к ней относится. Гораздо естественнее, чтобы брошюру поручили Асафьеву или Держановскому. Пишу Гусману, Вас же очень прошу спросить у Хавенсона, не Музсектор ли дал этот заказ, и если да, то сообщить Хавенсону мою просьбу о передаче работы Держановскому или Асафьеву.

Крепко обнимаю Вас. От морозов я действительно удрал, но в Югославии мой поезд занесло снегами, и с опозданием в 13 часов я прямо из вагона помчался в концертный зал.

Ваш С. Пркфв

397. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

8 февраля 1935 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, если Вы еще не получили, то в самое ближайшее время получите «Огненного ангела». Так как пришлось действовать через Союз и Наркомпрос, вышла некоторая проволочка, но вчера (7 февраля) клавир уже поехал. Извините, что я все это так поздно сделал — совершенно не понимаю, что произошло с моей памятью.

Недавно (3 февраля) слушал в интерпретации Голованова «Киже»¹. Исполнением остался весьма недоволен: все как-то торопливо, излишне шумно (особенно в аккомпанементах) и не всегда вместе с солистом (солист — Головин, правда, весьма неказистый; хотя с приличным голосом, но вполне оперно-слащавый, без малейшей характерности). Но пьеса по-прежнему восхищает; единственно, что мне показалось не совсем «выходящим», это соединение «голубка» у меди с «плясовой» у струнных. Правда, тут виной отчасти Голованов, но я все-таки остаюсь при своем убеждении, что на фоне меди (здесь она все-таки звучит как «фон») струнные без дублировки деревом

звучат слишком сухо и невнятно. А, за исключением самых небольших частностей, мне Ваше исполнение больше по вкусу, и несомненно художественно убедительнее.

Ваше сообщение о том, что 13-я симфония предложена к исполнению на фестивале в Карлсбаде, как-то расходится с сообщением, полученным в ВОКС'е, где имеются сведения только о 2-й симфонии Шеба-

<стр. 437>

лина. Кроме того, я и рукопись симфонии уже получил. О партиях же — нет никаких сведений. Едва ли они посланы, но если по неосторожности посланы простыми бандеролями, могли пропасть, как уже было с рукописью 11-й симфонии.

Последний месяц я что-то не очень ладно себя чувствовал, а две недели перед февралем просто просидел в grippe дома, так что не видел никого из музгизовских воротил, но, по совести говоря, совершенно не думаю, чтобы они заказали брошюру о Вас не только Острецову, но и вообще кому бы то ни было. Тем более, что у них сейчас каша, в связи с идейно-деловым разгромом Музгиза в Союзе. Там теперь внутренние перемены, и Хавенсону не до книжек.

Малько я свою симфонию посылать не буду — к чему? Он все равно не имеет ни возможности, ни желания играть что-либо не могущее ему принести немедленный и большой успех.

Что Вы делаете? Как «Танц-сюита», виолончельный концерт?² Обрисовывается что-нибудь из «1919»?³

Очень все меня интересует.

Обнимаю Вас. Искренний привет Лине Ивановне.

Ваш *Н. Мясковский*

8/II 1935. Москва

398. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

17 февраля 1935 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
посылаю Вам письмо из Чехословакии. С удивлением получил его и боюсь, не делаю ли ошибки, посылая его Вам в Париж. Быть может, Вы дали сами такое распоряжение, но ведь еще только середина февраля, а Вы приезжаете в конце марта?!¹

Надеюсь, «Огненный ангел» уже у Вас. Еще раз извините меня за проволочку с его отсылкой.

На этих днях слушал в исполнении «Глазуновского» квартета Ваш «Quatuor»². Радовался, что имел он большой успех, и еще больше что был отлично сыгран. За исключением побочной темы 1-й части все было очень отчетливо, выпукло, в хороших темпах. Особенно здорово прозвучала 2-я часть, чуточку монотонно (слишком сплошь *espressiv'*-но) 3-я в первой половине. Конец вышел великолепно. Я давно не получал такого удовольствия.

Недавно встретил Себастьяна. Он хвастает, что написал в Париже какой-

то артикль* с высказываниями обо мне, и что получил прочные и обширные ангажементы во Францию и Бельгию, где, между прочим, будет играть несколько моих сочинений. Вам не попадался «артикль» сей?

* article (англ.) — статья.

<стр. 438>

Себастьян очень экспансивен и, кажется, немножко хвастун, хотя мне он очень удобен, так как отлично чувствует мою музыку, и мне с ним легко работать.

К сожалению, из-за трусости Гусмана, сняли ближайшее себаст[ьяновское] исполнение 6-й симфонии, которую недавно весьма провалил Гаук в Ленинграде³.

Оркестровый материал 13-й симфонии я так и не получил из Швейцарии и думаю, если он вернулся к Вам (а не пропал), пусть там и остается. Если понадобится, я пришлю партитуру и попрошу Вас заказать какому-нибудь надежному корректору исправление партий, для чего я пришлю листок с указаниями. Это работа двух-трех дней, не более. Если у Вас еще будут какие-нибудь мои деньги, Вы их на это и истратите.

Простите, что покушаюсь Вас обременять.

Обнимаю Вас. Привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

17/II 1935 г. Москва

399. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

23 февраля 1935 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France.

23 февраля 1935

Дорогой Николай Яковлевич.

Ну и замечательная Вы дуся с «Огненным ангелом»! А я-то собирался сделать новую редакцию второго акта, где как раз нужен был русский текст. Следующий раз, когда буду просить Вас о чем-нибудь, придется прикалывать записочки над Вашей кроватью. Словом, клавир недавно благополучно прибыл в Париж. А пришел ли материал Вашей тринадцатой? Я еще раз написал Шультесу, агенту в Цюрихе, через которого Винтертур получал материал из Чикаго, с просьбой навести точные справки и позаботиться, чтобы материал был Вам выслан. Между прочим, я уверен, что он не потерялся на почте, а просто произошла какая-то неувязка с отправкой. Послать партитуру в апреле Малько, я думаю, все-таки надо. Это правда, что он вынужден заботиться не столько о композиторах, сколько о собственной карьере, но к Вам он относится любовно, и как только представится возможность, наверное, тринадцатую сыграет.

25—26 января Кусевицкий исполнял в Бостоне Вашу симфоньетту одновременно с отрывками из «Шута»¹. Программу я Вам послал на днях. О

том, как симфоньетта была принята, пока еще сведений не получил. Дефо писал, что вторая Шебалина прошла у него отлично.

Конечно, тринадцатую следует посвятить Стоку², — он будет очень польщен, а в конце концов играл он Вас больше и, вероятно, лучше,

<стр. 439>

чем многие из дирижеров, которым Вы посвящали другие симфонии. Если Вы захотите написать ему (можно по-немецки), то вот его адрес: Dr. Frederick A. Stock, 1325 Astor Street, Chicago. Непременно прибавьте в письме, что московские музыканты с нетерпением ждут его приезда: этим Вы немножко выкрутите меня из дурацкого положения, в которое Филармония и Радио поставили меня по отношению к Стоку. Меня несколько смущает, что чикагский оркестр не прислал чека за прокат материала тринадцатой, и я еще не решил, надо ли написать им вторично, или отложить до личного разговора будущей осенью, когда я, кажется, поеду в Америку.

Спасибо за сообщение о разговоре с Асафьевым о моих ленинградских театральных делах — сам Асафьев написать об этом не догадался. В конце концов, все шаги, которые я предпринимал, делались с его ведома и совета, а потому, если он теперь находит, что я построил мое здание на песке, то этот песок и есть Асафьев. Указание на возможность влияния со стороны Ленинградского союза композиторов — несомненно верное. Перетягивал меня туда, собственно, Иохельсон — на мой взгляд человек приличный. Поэтому я, по получении Вашего письма, написал ему, с просьбой выяснить, как же дела с Мариинским театром. Посмотрим, что из этого выйдет.

Ноты Метнера и Хиндемита для Вас заказал. Рапсодия (а не фантазия) Рахманинова еще не вышла. Книжка Рахманинова о себе языком Риземана существует, но не по-немецки, а по-английски, поэтому взять ее не решился. Чернила привезу, если по дороге не выльются в чемодан.

Что до моих личных работ, то за это время я почти ничего не насочинял. Порядочно пришлось повозиться над чисткой оркестровки «Еврейской увертюры», которую милый Держанулькин сдал в довольно плачевном виде³. Исполнение Малькой в Праге послужило на пользу: с одной стороны, я убедился, что она совсем не так плохо оркестрована, как можно было заключить после ужасающего гауковского исполнения⁴, но, с другой стороны, придумал и внес кое-какие улучшения.

Другой работой было наигрывание граммофонных пластинок — вещь ответственная, так как в продолжение 4-х минут, которые длится диск, нельзя зацепить ни одной фальшивой ноты. Вследствие этого пришлось все исполняемые вещи привести в гораздо более безупречный вид, чем для концертного исполнения. «Мимолетности», сонатина-пастораль и кое-какие другие вещи уже наиграны. Завтра иду наигрывать этюд ор. 52 — это будет горячая работа⁵.

«Артикль» Себастьяна мне не попадался, но постараюсь его разыскать; жаль, не сказали, в какой газете и когда. Об его прочных ангажементах во Франции и Бельгии не слыхал. Родзинский с успехом исполнил «Леди Макбет»

в Нью-Йорке⁶, но пресса скорее враждебная.

Крепко обнимаю Вас, в Москве рассчитываю быть числа 12—13 марта.

Ваш С. Пркфв

<стр. 440>

400. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

11 сентября 1935 г., Поленово

Поленово, 11 сент. 1935

Дорогой Ник[олай] Яковлевич.

Получил от Вас 4 заказных и открытку¹, за которые смущенно благодарю (4 хвоста в почтовом отделении). Если у Вас будет милость просмотреть корректуру «Мыслишек», то умоляю сделать это. «Евреи» не приедут, а 2-ю корректуру² просмотрит в Париже человек, которому можно довериться. Я дописал «Ром[ео]» и тотчас же кинулся в оркестровку³. Пока держу скорость около 20 страниц в день (то есть у Ламма из «этого» должно выйти около 20 страниц), но тяжело, и главное, как бы не удариться в асафьевщину, то есть в линию наименьшего сопротивления. Мы собирались приехать в Москву 15-го, но, кажется, попадем лишь 19-го, так что, если что прибыло в смысле почты, то будьте добры переслать.

Крепко обнимаю.

С.

401. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

15 ноября 1935 г., Париж

5, rue Valentin Haüy, Paris XV, France

15 ноября 1935

Дорогой Николай Яковлевич.

От Лины Ивановны знаю об успехе Вашей пятнадцатой симфонии¹. Так жалко, что я ее не услышал целиком — вальсик о ч е н ь мне понравился! По телефону Лина Ивановна сказала, что на днях она была у Вас и встретила Асафьева; затем она начала рассказывать подробности, но телефон вдруг оглох — и я ничего не мог разобрать.

За время пребывания в Париже я ничего не подвинул в моих работах, так как пришлось репетировать с Сетансом концерт, учить с ним же сонату Дебюсси (для африканцев)², бегать по визам и всяким накопившимся парижским делам, а главное, исправлять грязную держановскую работу, чтобы иметь возможность сдать «Кижю» в печать. Детские пьесы уже под ножом³. Исполнение скрипичного концерта в Париже отложено на февраль, так что премьера состоится в Мадриде.

Рене-Батон взял у меня Вашу симфоньетту для исполнения в парижском радио в январе. Приходил также Дезормьер, которому здешнее радио предложило сделать доклад о музыкальной жизни в СССР, а также составить проект двух симфонических программ. Мы наметили Вашу 11-ю, Шебалина 2-

ю, Шостаковича—1-ю или 3-ю⁴, Книппера «Ванч», Штейнберга «Восточные песни с оркестром»⁵.

Завтра еду в Испанию, откуда для коллекции марок получите от меня открытки. Прилагаемую заметку — довольно приличную — пере-

<стр. 441>

дайте Шебалину. Обнимаю Вас. Напишите мне так: Sociedad Daniel I 14 Los Madrazo, Madrid.

Этот адрес годен до 1 декабря и даже немножко позднее.

Ваш С.

402. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

22 ноября 1935 г., Сан-Себастьян

San-Sebastian, 22 ноября 1935

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич],
пока «сделал» 3 города: Мадрид, Барселону и С.-Себастьян. Все очень интересные, да и публика слушает недурно. Соната Дебюсси выходит. [...] Вашу симфоньетту в октябре играли в Мадриде в малом симфоническом оркестре, дирижер Franco говорил, что был успех, и он собирается взять «Лирическое концертино».

Крепкое объятие.

С. П.

403. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 ноября 1935 г., Лиссабон

Лиссабон. 22 ноября 1935

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Португалия — пресимпатичная страна, а в Лиссабоне даже новой музыки не очень боятся. К тому же на улице тепло и зелено, и светит яркое солнце!

Обнимаю Вас.

С. Пркфв

404. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3 декабря 1935 г., Фес

Le Grand Hôtel. Fez * — от названия этого города — фески,

фезки? — шапки. Это не шутка, по французски их называют les fez.

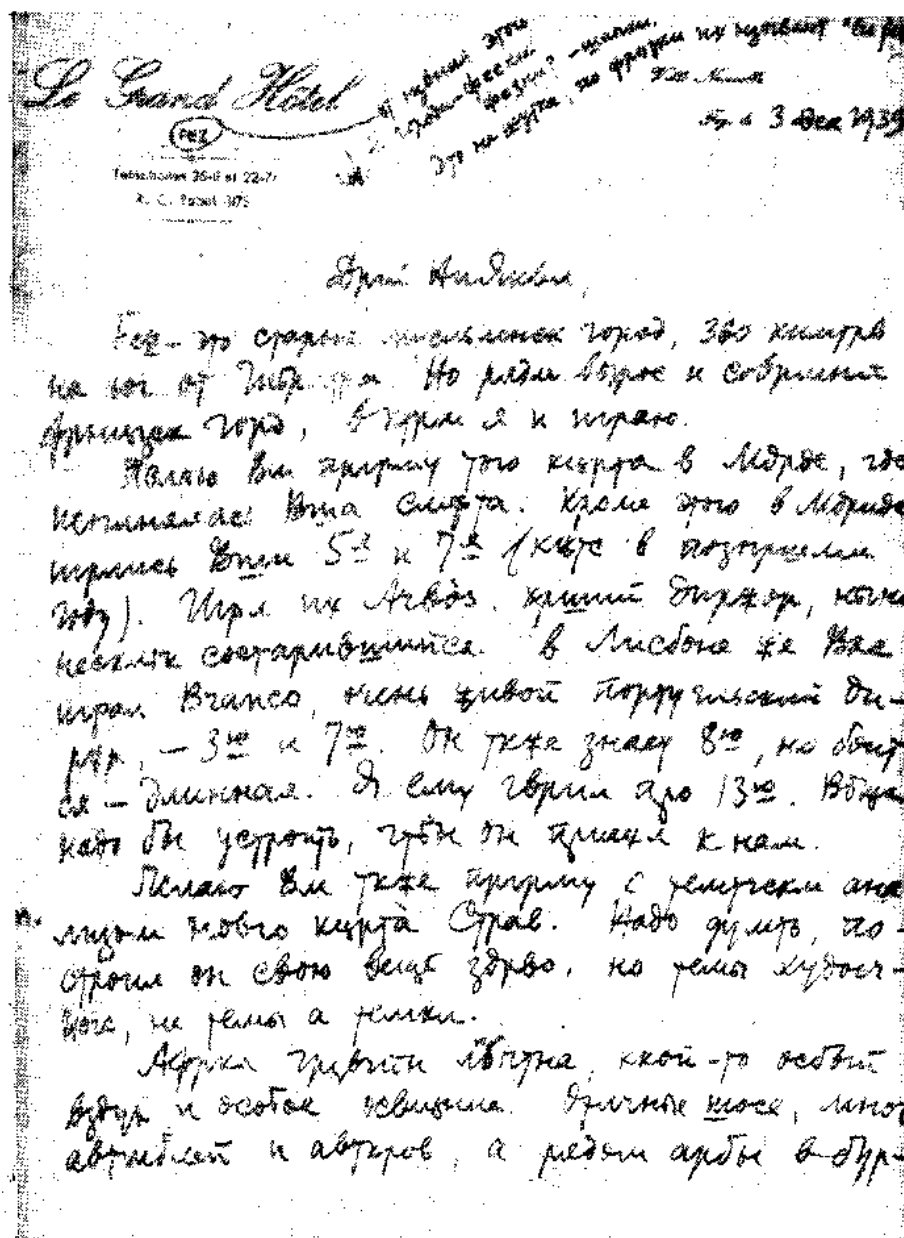
3 дек. 1935

Дорогой Ник[олай] Яковлевич].

Fez — это старый мусульманский город, 360 километров на юг от Гибралтара. Но рядом вырос и современный французский город, в котором я и играю.

* Письмо написано на бланке отеля.

<стр. 442>

Страница письма С. С. Прокофьева
от 3 декабря 1935 года

<стр. 443>

Посылаю Вам программу того концерта в Мадриде, где исполнялась Ваша симфоньетта. Кроме этого в Мадриде игрались Ваши 5-я и 7-я (кажется, в позапрошлом году). Играл их Arbós, хороший дирижер, ныне несколько состарившийся. В Лиссабоне же Вас играл Врансо, очень живой португальский дирижер, — 3-ю и 7-ю. Он также знает 8-ю, но боится — длинная. Я ему говорил про 13-ю. Вообще, надо бы устроить, чтобы он приехал к нам.

Посылаю Вам также программу с тематическим анализом нового концерта Страв[инского] ¹. Надо думать, построил он свою вещь здорово, но

темы худосочные, не темы, а темки.

Африка чрезвычайно любопытна, какой-то особый воздух и особое освещение. Отличные шоссе, много автомобилей и автокаров, а рядом арабы в бурнусах верхом на осле и нетронутые арабские города.

Отчего, сударь, мне не пишете? Лина Ив[ановна] тоже три недели ни одного письма, прислала только две худосочные телеграммы.

Крепко обнимаю Вас. [...]

Ваш С. Пркфв

1 декабря в Мадриде состоялась премьера скрипичного концерта, которая доставила мне полное удовлетворение, так как все звучало даже лучше, чем я думал, когда оркестровал его, изнывая от жары и душном Баку. Концерт вообще как будто удался. Внешний успех тоже был очень большой — музыка как-то сразу дошла. Сейчас я все-таки его пересматриваю и кое-где добавляю детали.

405. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

До 6 декабря 1935 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, я был рад Вашему письму, так как оно немного меня всколыхнуло. После Вашего отъезда ничего интересного не было, музыкальная жизнь идет чрезвычайно тускло. После 15-й симфонии, прошедшей, вопреки ожиданию, вполне благопристойно и имевшей успех¹ (что меня весьма мало радует по причине, для меня вполне ясной, качества этой музыки), Себастьян в закрытой передаче очень здорово (хотя и недоучено) сделал 3-ю симфонию². Потом получил письмо от Дзимитровского с двумя не ругательными рецензиями об исполнении Шерхеном в Винтертуре 13-й симфонии³. Что было на самом деле, я из его письма не узнал.

Во внешнем мире открыто ничего еще не произошло, то есть в концертах, а в композиторских кельях выросли кое-какие плоды: Шебалин

<стр. 444>

кончил, наконец, свою «Перекопскую» симфонию⁴, в которой много интересного, Шостакович кончил грандиозную (30 минут!) 1-ю часть симфонии⁵, по словам Шебалина, оркестрованную ослепительно, Половинкин соорудил, наконец, интересное изделие «Телескоп IV» в 2-х частях⁶, Мосолов разродился «Узбекской пляской» (на А и С — без гармоний, на 32 страницах), концертом для виолончели, концертом для арфы⁷ — кое в чем интересных. Ваш ученик Макаров все еще корпит над Andante своего концерта⁸.

Говорят, на этих днях выступала Лина Ивановна по радио⁹. Я не слышал. Спасибо Вам за хлопоты о моих изделиях. Боюсь только, что Дезормьер пойдет на попятный, когда узнает, что материал 11-й надо извлекать от Univ[ersal] Edit[ion]. Я, правда, напишу (если план его пройдет), чтобы материал отдали подешевле.

Сочинительские мои дела — ниже всякой критики. За 3 месяца не могу состряпать 3-х частей нового симфонического детища¹⁰. Над 3-й частью

корплю уже целый месяц и ни с места. Музыка — ниже всего, что я до сих пор делал.

Обнимаю Вас.

Всегда Ваш *Н. Мясковский*

P. S. Ламм ворчит, что в «Ромео» адски много играет туба!

Н. М.

406. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

12 декабря 1935 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, очевидно, Вы не получили моего письма, направленного в Мадрид. Правда, в нем не было ничего интересного. Лина Ивановна говорила мне, что тоже отправила Вам большое письмо. Все это, очевидно, опоздало, судя по Вашей Фецсской дате.

Писал я Вам, что 15-я симфония моя прошла очень прилично и с бурным успехом, который меня больше огорчил, чем обрадовал, — если идти по такому пути, можно, соблазнившись легким успехом, докатиться до «Светлого ручья» Шостаковича¹. Себастьян очень недурно сыграл (в закрытой передаче) 3-ю симфонию.

Вчера Гаук, наконец, снизошел до моей 9-й симфонии². Кажется, он не разочарован, так как успех был очень хороший и, главное (для него), оркестранты очень охотно и горячо играли. Я скажу, что кое-что ему удалось вполне, как, например, III часть (Andante), хуже прошли быстрые части из-за его мании все торопить: Скерцо летело, как потерявший управление паровоз, а финал из-за быстроты утратил всю легкость и уютность и превратился во что-то весьма мутное и нечистое.

<стр. 445>

Ободренный успехом Гаук захотел даже повторить симфонию в январе, не знаю, удержится ли в нем это желание.

Недавно слушал «Светлый ручей» Шостаковича. До чего это слабо! [...]

Говорят зато, что симфония его (Шост[аковича]) чрезвычайно интересная.

За Ваше отсутствие у нас никаких новинок не исполнялось и вообще довольно скучно. Единственное, что меня обрадовало, это романсы (пушкинские) Шебалина³, которые изумительно выразительно звучат в голосе и необыкновенно тонко гармонизованы в психологическом плане.

Лина Ивановна пела раза два. Я не слышал, но говорят, что несколько страдала интонация. В чем дело не знаю, не имел повода спросить.

Я чрезвычайно рад успеху Вашего скрипичного концерта, в чем я, правда, вперед был уверен, так как он мне казался необыкновенно привлекательным сразу; что он притом прекрасно звучал, меня особенно восхищает. [...]

Я лично прозябаю. В предыдущем письме писал, что набросил черновики (самые поверхностные) 3-х частей какой-то симфонии, С тех пор прошло больше 2-х недель, а финал совсем почти не двигается с места. Все —

очень слабо и неинтересно не только для других, но и для меня. Зачем пишу, сам не понимаю. В конце декабря здесь будет Альбер Вольф⁴ — это парижский?

Всего доброго. Обнимаю Вас.

Ваш *Н. Мясковский*

12/XII 1935. Москва

407. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

16 декабря 1935 г., Алжир

Алжир, 16 дек. 1935

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Путешествие идет к концу — надоело все время играть одно и то же! Хотя вообразите, в Алжире недавно играли мой квинтет и, говорят, неплохо, значит есть какие-то жертвенные исполнители и служители, для которых надо постараться. Но в общем тянет в Москву — пора из сундука вынимать мою шапку.

Лапку жму.

Ваш *С. Пркофв*

<стр. 446>

408. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

20 декабря 1935 г., Карфаген

Карфаген, 20 дек. 1935

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Посылаю Вам пару карфагенских бритв. Тунис, где был мой последний концерт, не так интересен, но очень интересен Карфаген — в нескольких километрах от него, и, право же, впечатлительно, когда показывают, где Аннибал проиграл свою последнюю битву, после чего римляне срыли Карфаген. Вследствие этого — развалины, главным образом, последующего римского происхождения, карфагенского же находят утварь и могилы.

Обнимаю.

С. П.

409. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

20 февраля 1936 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, со дня Вашего отъезда я не имею о Вас никаких известий¹. Как прошел Ваш парижский концерт (Сетанс)?² И что Вы вообще делаете? Где мечетесь? Вышли ли из печати Ваши «Мысли», «Детские пьесы», «Кижэ»? До меня дошли известия, что Рене-Батон 21 февраля играет мою симфоньетту, — это Ваши старания? Спасибо. Здешние мои подвиги

проходят весьма посредственно: Эр. Клейбер ни с того, ни с сего, сыграл мою Серенаду для малого оркестра³ — одновременно и очень хорошо, и довольно плохо (технически — да, по смыслу и характеру — нет), затем Кубацкий дважды начисто испоганил мою 14-ю симфонию, которую в прошлом году играл весьма прилично⁴. Сделал все по-своему и весьма нелепо и не позвал меня даже ни на одну репетицию. Ходят по Москве слухи, что Ваши песни для конкурса «Правды» найдены превосходными и даже какая-то премирована⁵, но официально об этом нигде нет. Быть может, испугались наделавших шума статей в «Правде» о Шостаковиче («Леди» и «Св[етлый] ручей»)⁶. Ну, одним словом, — результатов конкурса все еще нет. Имел мимолетную встречу с Себастьяном — сказал, что у меня для него Ваша увертюра. Он задавал мне какие-то уклончивые вопросы, а когда мы условились встретиться, чтобы я мог ему передать ноты, — он не пришел. Правда, у него медовый месяц — он «ganz ernst geheiratet» *, но все же его поведение мне не совсем понятно. У нас

* всерьез женился (нем.).

<стр. 447>

сейчас стоят такие дьявольские холода, что я почти не вылезаю из гриппа и потому не имел еще чести познакомиться с новым директором Музгиза, неким Гринбергом (не музыкальным рецензентом!). Будет ли это лучше Хавенсона не знаю, но хуже быть едва ли может. В частности, Музгиз — уже в ведении Комитета по делам искусств, то есть П. М. Керженцева (как Вы с ним?).

Жизнь моя протекает в общем тоскливо: в лермонтовских романах остановился на 12⁷, больше не мог — надоело. За оркестровку симфонии⁸ до сих пор не принимался.

Нет ли в Париже каких-нибудь интересных музыкальных новинок? Быть может, вышел Концерт Стравинского? Я не знаю «Дон-Кихотовских» романсов Равеля⁹. Нельзя ли будет справиться, что нового издано из Глазунова и Метнера (последнее, что мне известно, это ор. 55 № 1)¹⁰.

Желаю всего доброго. Сердечный привет. Также — Лине Ивановне. Пишите.

Ваш Н. Мясковский

20/II 1936. Москва

410. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

15 июля 1936 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
сестрица отправила Вам три письма, сегодня отправляю Вам еще одно. «Петя и волк» готов¹, и я его вчера привез с собой (то есть обе партитуры), причем новую просмотрел (правда, мельком). Говорят, в Поленове был Асафьев? Слышал он «Ромео»?

Привет. Также Лине Ивановне.

15/VII 36

411. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 июля 1936 г., Москва.

Дорогой Сергей Сергеевич,
посылаю еще письмо. Так как Ваше на имя В[алентины] Я[ковлевны] застало меня еще здесь, часть поручения Вашего выполняю сам, то есть «Петю и волка» Ярошевскому отправляю, копию оставляю у себя.

Если «Пик[овая] дама» уже здесь, постараюсь сейчас ее получим и свезу Ламму¹, если нет, он возьмет 18—19-го сам.

<стр. 448>

Должен Вам сказать, что на Николину Гору писать бесполезно — там нет почтового отделения и письма идут таким кругом, что достигают назначения едва ли через неделю от обычного срока, а чаще позже.

Сердечный привет.

Ваш *Н. Мясковский*

16/VII 36

412. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

22 июля 1936 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
«Пиковая дама» получена и пишется. Есть надежда, что 25-го будет готова, хотя страниц выходит масса.

Я сейчас в Москве и пробуду пару дней, быть может, даже до 26-го, чтобы проиграть «П[иковую] д[аму]».

Привет.

Ваш *Н. Мясковский*

22/VII 36. Москва

413. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 июля 1936 г., Поленово

Поленово, 24 июля 1936

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Благодарю Вас за заботы о письмах: получил от Вас 2 пакета и столько же от Вал[ентины] Як[овлевны], которой прошу передать сердечную признательность. За «П[етю] и в[олка]» и «П[иковую] д[аму]» Вам особая благодарность, хотя я совсем не имел в виду, чтобы «П[иковая] д[ама]» попадалась в ваши лапы: воображаю, как фыркали! Опус в самом деле не из лучших, хотя с фильмом, вероятно, будет приличней. Зато на «Онегине»¹ (которого кончаю) надеюсь реабилитироваться, в нем много настоящего материала.

Что Вы делаете хорошего? Так же ли у Вас жарко, как в Поленове, где из лесов, вместо свежести, стало тянуть гарью. Кроме работы, играю в теннис и шахматы, купаюсь, читаю... рассказы Куприна. Асафьев здесь, но контакту мало.

Жму лапочку.

Ваш С. П.

<стр. 449>

414. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

26 июля 1936 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
«Пиковая дама» мной получена и телеграмма Вам отправлена (конечно, получена?). Музыка удачная. Почему начальные аккорды увертюры нигде не использованы? Что за расточительность неуместная!

Привет.

Ваш Н. Мясковский

Я досидел в Москве до 26-го из-за корректуры партитуры 16-й симфонии для Сенкара¹.

26/VII 36

Н. М.

415. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

24 декабря 1936 г., Париж

14, rue du Dr. Roux, Paris XV

24 дек. 1936

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

В Брюссель я попал утром в день концерта¹. В течение дня состоялись 2 репетиции, так что кое-как управились, но зато я был мертв от усталости. Затем Бордо, Париж, Лозанна и теперь еду в Прагу², так что не очень спокойная жизнь.

В Париже слышал кое-что интересное, в том числе концерт для 2-х фортепиано Стр[авинского] в исполнении автора³. Воспринимается трудно: много выступенных, друг на друга насакивающих нот, но в общем очень интересно, надо послушать еще раз. Сейчас Страв[инский] с высот «Аполлона» и «Персефоны» свалился в картежный притон и по заказу из Америки написал балет на собственный сюжет: «Игра в карты» в четырех сдачах (вместо картинах)⁴. Я видел только мимоходом несколько страниц— сделано здорово. Сейчас он уехал в Америку дирижировать Моцартом, 3-ей Чайков[ского] и др. (!). Слышал я в концертном исполнении «Колумба» Мийо⁵, оперу-ораторию, написанную до «Максимилиана» и гораздо более значительную, чем этот последний. Очень много хоровой, оркестровой и драматически-сценической изобретательности и кое-где приятный

мелодический материал.

Парижский концерт из моих сочинений⁶ прошел хорошо, хотя репетиций было мало и, как здесь полагается, не доучили. Но, разумеется, Вольф лучше, чем Голова⁷, схватывал темпы и делал тоньше (в пределах, которые позволяли 2 ½ репетиции). Сюита из «Ромео» части парижан понравилась, другие испустили вздохи сожаления о моем опрощении. В Брюсселе, к удивлению, очень здорово сделали самые трудные вещи, то есть «Семеро их» и Ув[ертюру] для 17 инструментов. Ког-

<стр. 450>

да я там дирижировал «Скифс[кую]», я опять-таки понял, как монструозен был Голова. Не то, что я дирижировал хорошо, но ясно стало, как плохо дирижировал он.

Сейчас строчу заметку о Вашей 16-й по просьбе из Полпредства — для рассылки ее в музыкальные журналы: краткий анализ, это здесь принято перед исполнением новой вещи. Сенкаровский концерт состоится здесь 9 января: Ваша 16-я, моя увертюра ор. 72 и концерт Шостак[овича] в исполнении французской пианистки⁸.

Вилермоз оказывается вдрызг обложил «Тихий Дон»: наши собрались было им торговать, а тут только разводят руками. Москвичи пока не подарили меня ни одним письмом. Надеюсь, Вы опомнитесь, я ведь Вам подбирал красивые марки. До 6 января мой адрес, что во главе письма, а затем до 9 февраля: с/о Haensel & Jones, 113 West 57 St., New York, N. Y., U.S.A.

Лина Иван[овна] доехала благополучно и отдыхает от паспортных треволнений. Если придет на Ваше имя бандероль с передачей для моих сынов, позвоните к нам, и за ней пришлют. Крепко обнимаю Вас. Сердечный новогодний привет Вален[тине] Яков[левне] и Вам.

Ваш С. Пркфв

Рахм[анинов] действительно написал новую симфонию⁹. Исполнена Стоковским в Нью-Йорке в присутствии автора, встречена сдержанно. Метнер новых опусов не напечатал, кроме книги¹⁰, которую (скучная) привезу.

416. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 декабря 1936 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
Ваша брань по нашему адресу вполне заслужена, и оправдываться можно только тем, что интересного не было ничего.

После Вашего отъезда был концерт 8 декабря¹, о котором Лина Ивановна Вам, верно, рассказала. Как увертюра Ваша, так и симфония моя прошли весьма посредственно из-за волнений Сенкара, у которого заболел 1-й трубач, и другой играл без репетиции. Зато 9-го, случайно, вместо выпавшего концерта Глазунова, Сенкар неожиданно повторил Вашу увертюру и сделал ее превосходно. Я был очень удовлетворен. Наиболее «грандиозное» событие за

это время было двукратное священнодействие Гаука над симфонией Желобинского² — сочинением весьма посредственным, но написанным с маниакальными претензиями на величие и монументальность: 6 частей (одна другой хуже), огромный оркестр (играющий без передышки tutti) и орган (которого я двукратно так и не услышал!). Плохой материал, плохая форма, хаос в

<стр. 451>

течении мыслей и совсем бесперспективная и не интересная оркестровка. Были еще два концерта из советской музыки, но вовсе не интересных, хотя увертюра Шебалина на марийские темы³ могла бы выделиться, если бы не головановские галопы. [...]

Корректур романсов Ваших мне еще не давали⁴. Последние дни я ни с того ни с сего опять загриппил и чувствую себя омерзительно три дня уже сижу дома; надеялся хоть поработать, но в голову идет такая плоскость, что не хочется даже бумагу пачкать. Пробавляюсь чужой музыкой и к ужасу своему обнаружил отсутствие «Мыслей» и «Пейзажа». [...] Если не пожадничаете, пришлите еще! Еще у меня пропал 7-й квартет Глазунова.

Мое письмо явно опоздает к Новому году, но все же я Вас горячо поздравляю и Лину Ивановну тоже.

Сердечный привет. От Валентины — также.

Ваш *Н. Мясковский*

29/XII 36. Москва

417. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 января 1937 г.

12 янв. 1937

Дорогой Ник[олай] Як[овлевич].

Потрепало нас порядочно, но сейчас мы вышли из плохой полосы, скользим как по озеру и приближаемся к Нью-Йорку¹, где я и опущу это письмо.

Перед отъездом из Парижа, откуда я уехал 6-го, забежал на минутку на репетицию Сенкара и слышал, как читали Вашу симфонию. Она очень выигрывает от повторного слушания, и я испытал настоящее удовольствие от слышанных кусочков, которые, кстати, и звучали отлично. Некоторое ворчание души вызвали чайковидные контрапункты в III части; всякий воспитанный человек должен бы воздержаться от таких приемов. Оркестр читал бойко, точно это третья репетиция, и даже находил описки в голосах. Я поручил собрать всю прессу, которая появится после исполнения, и позднее доставлю ее Вам.

В середине февраля в Париже наклеивается концерт, для которого хотели первое исполнение чего-нибудь Вашего³. Я ломал себе голову что,— и предложил «Лирическое концертино». Думаю, что не очень ошибся, главное же, у меня был материал, а это сразу делало исполнение реальным.

Несмотря на пароходную трепку, я все-таки покорректировал партитуру

скрипичного концерта. А попали ли к Вам Пушкины?⁴ И, может, при случае Вы спросите у Наумыча, гравировать ли они забранные у меня вещи, а то я не удивлюсь, что, вернувшись, я встречу ласковую улыбку со словами: «а вот, С[ергей] С[ергеевич], собираемся и за Ваши вещи приняться».

<стр. 452>

Я буду в Америке до 10 февраля, и мой адрес: S. Prokofieff, c/o Haensel & Jones, 113 West 57 St., New York, N.Y., U.S.A.

А с 15 февраля в Париже, на Dr. Roux. В Москву собираюсь к концу февраля. При случае подгоните, пожалуйста, Ярошевского со 2-й сюитой «Ромео».

Крепко обнимаю Вас.

Ваш С. Пркфв

Благодарю Вас за письмо от 29-го, расхищенные музыки постараюсь восстановить.

418. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

31 января 1937 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, к сожалению, не успеваю написать Вам В Америку, но в Париже мое письмо Вас встретит. У нас, в сущности, за время Вашего отсутствия ничего интересного не было; все эти симфонии Желобинского, декада Грузинской музыки — все это явления довольно посредственные; приезжавший Ансерме тоже ничего не привез¹. Пробавляемся Бетховеном в чудовищных порциях, так что на этом фоне вчерашний концерт Гаука² (и то в Доме ученых) произвел впечатление небесной манны, хотя главным номером стоял нелюбимый Вами Глазунов (6-я симфония); зато оркестр превосходно сыграл Вашу Классическую. [...] Все музыканты прямо таяли от удовольствия.

Ваши страхи за Музгиз необоснованы. Уже вышли детские пьесы (и хорошо); я сделал корректуру романсов (причем позволил себе наглость — кое-что изменил, по-моему, о п и с к у Вашу); к приезду Вашему сборник, верно, уж выйдет³; 3-й концерт, кажется, уже почти готов; скрипичный концерт тоже сдан в работу, Юровский волнуется с «Ромео», хочет в апреле сдать в гравировку⁴; я его успокоил, что все готово. Между прочим, мне кажется, что Гаук лучше справится с 2-й сюитой «Ромео»⁵, нежели Голованов [...], если бы Вы могли слышать, что он тут проделывал со Скрябиным! С самого приезда Сенкара из-за границы я его ни разу не видел, хотя он успел опять дважды сыграть 16-ю симфонию⁶. Я был простужен и уже не был ни на одном исполнении, но говорил с Сенкаром по телефону. Он очень доволен своими парижскими похождениями и говорит, что имел большой успех и в симфонии, и в Вашей увертюре⁷. В последнем я был уверен. Я неожиданно получил восторженное письмо из Парижа от А. Чеснокова⁸. Это для меня, конечно, сильно умеряет ценность этих восторгов, но он, между прочим, замечает, что исполнение, с его точки зрения (как он разбирается в этом, не могу судить), было не на высоте. Поскольку и здесь все последние исполнения были не на

очень большой высоте (по свидетель-

<стр. 453>

ству приятелей), то приходится отнести их за счет нашего общего маэстро.

Меня страшно интересует, удастся ли Вам в промежутках между собственными концертами услышать какую-нибудь яркую новинку в Америке, или хотя бы симфонию Рахманинова. Быть может, она выйдет в издании в клавире?

Я, правда, не теряю надежды, что Вы мне успели черкнуть из Америки. Насчет рекомендации Вами «Лирического концертино» для Парижа: почему бы не предложить сыграть 13-ю симфонию? «Концерт но» игралось Дезормьером, а 13-я никем, между тем, партитуру и материал можно получить из Univ[ersal] Edit[i]on за недорогую цену, так как она им не принадлежит, а только лежит на комиссии.

Я напишу Дзмитровскому, чтобы в случае, если обратятся, не делали бы фокусов. Ваши денежные дела здесь висят будто бы на волоске. В. А. Бурцева чего-то волнуется, хотя уже неделю мне не звонит. Еще есть 400 рублей, но у нее будто бы куча счетов; я, к сожалению, с ней сам не говорил, но мог бы успокоить, ибо мне никакого не будет затруднения дать сколько угодно из своих денег. Ну, да надеюсь, что она перестанет устраивать панику. Видел Мейерхольда — он утверждает, что «Борису»⁹ ничто не угрожает, но раньше пойдет что-то другое.

Мои дела ни шатки, ни валки. То и дело гриппую (говорят, — видел у Мейерх[ольда] — за границей есть чудодейственное средство, — какие-то вливания в нос, — продается ампулами в голубоватых коробках — привезите!), но зато в это время кое-что записываю. Стенографически наметил уже 3 части симфонии в gis-moll!¹⁰ Но буду ли завершать, не знаю: что-то не нравится.

Пока приветствую. Обнимаю.

Ваш Н. Мясковский

31/І 37. Москва

419. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

22 марта 1937 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
посылаю список рукописей Н. Черепнина, хранящихся в «Нотнице» Госуд[арственного] музык[ального] издательства (бывш. архив Юргенсона). Сколько помню, «Эскизы» для духовых с фортепиано издавались и переиздавались, кроме того, была напечатана в клавире и партитуре «Сказка о рыбаке и рыбке»¹, но очень давно — еще при Ламме.

Советую оставить этот списочек при себе или снять копию.

Ваш Н. Мясковский

22/ІІІ 37

<стр. 454>

420. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 января 1938 г.

29 ян. 1938

Дорогой Nicolas-Jacob.

Уф, то есть ни минуты передышки. В Париж попали к последней репетиции, которая, ввиду пропущенных предыдущих, была удвоена во времени — началась в 8 ½ утра и длилась до 2-х. Кой-как выровняли «Джульетту», Русскую увертюру и 1-й фортепианный концерт (я au piano*). Затем от 2-х до 4-х я лежал, а в 4 ½ состоялся концерт — в субботу дневной¹. После концерта обедали со Стравинским, который рассказывал неприличные анекдоты. Нового, кажется, ничего еще не написал. Симфония Рахм[анинова] издана в Америке, но пока без фирхендиша². После Парижа (на другой день) — в Прагу, из Праги через Париж (полтора дня) в Лондон, где репетировали серьезней, и оркестр первый сорт: «Р[омео] и Дж[ульетта]», Кл[ассическая] симфония и 2-й скрипичный [концерт] со Сетансом, который играет умнее Фишмана³ и больше интересуется тем, что происходит в оркестре, но зато не обладает и половиной фишмановского тона. На другой день концерт в Полпредстве, на третий — в англ[ийском] ВОКС'е, на четвертый спешная укладка чемоданов и на пароход⁴. Пишу в вагоне (2 часа до моря) оттого каракули.

Я справлялся у всех полпредов по очереди, кто новый Керженцев, но они точно не знают, может быть, Вы догадались написать мне, а если нет, то царапните так: Mr. S. Prokofieff, c/o Haensel and Jones, 113 West 57 St., New York, N.Y., U.S.A.

Я там во всяком случае до 2 марта. В Лонд[оне] видел Мальку, он много говорил о Вашей 14-й, а я ему о 16-й, 17-й, 18-й⁵. Надеюсь, Кауфман выплатил Вам 3000 с хвостиком, а если нет, напомните ему, пожалуйста.

Крепко обнимаю.

Ваш С. П.

421. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

5 февраля 1938 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получил Ваше письмо и весьма обрадовался, а то даже не знал, как с Вами сноситься. Здесь в газетах проскальзывали заметки о Ваших художественных похождениях. В частности, я имею сведения и об американских (еще до Вас) триумфах 2-го концерта и «Киж»¹.

* за фортепиано (франц.).

<стр. 455>

У нас после Вашего отъезда все как-то тихо. [...] Из музыкальных явлений — 5-я симфония Шостаковича². Я ходил на все репетиции и, кроме частных, не получал большого удовлетворения. Были замечательные

находки, — не только благодаря оркестровке, — но целое казалось пестрым, не всегда отобранным, а конец финала — совсем плоским. На первом концерте впечатление улучшилось, симфония даже увлекла (несмотря на совсем пустой конец; главным образом, благодаря очень значительной третьей части и куче отличных вещей в первой, также и моментам в экспозиции финала. На втором исполнении я опять остался равнодушен, кроме частностей, которых ждешь с нетерпением (остальное проглатываешь заодно), и прекрасной третьей части. Но все же симфония очень интересная с преобладающими влияниями Малера, Хиндемита, Чайковского и... Прокофьева. Больше ничего не было.

О переменах. Кто такой Алексей Иванович Назаров (Алексей Иванович!!! а вдруг — «Игрок» всплывет, не всегда же Достоевский будет пугалом), заменивший Керженцева, никто толком не знает. Был он последнее время зав. Отделом искусств в «Правде».

Ваши дела. От Кауфмана — ничего! Прочел корректуру Вальсов Шуберта³ и натолкнулся на два места, в которых (несмотря на рукопись) усомнился. Боюсь, что Вы не помните, но все же напишу, хотя только по двуручному экземпляру. На стр. 14, строка 4 (а, быть может, стр. 13, строка 4—5 то же самое) в двухрhythмном варианте одно *piano* Вы заставляете делать арпеджио шестнадцатыми, строго блюдя шубертовскую гармонию, и только в такте 6-м появляется септаккордовое *re* в фигурации, думаю, что это — *mi*

Дальше (стр. 13, строка 6) у Вас очень изысканные контрапункты в одной из рук, но всегда гармонически очень чисто сделанные, и вдруг в такте 4 так:

<стр. 456>

— совершенно мне не понятный *соль* #, когда в гармонии *соль* ♯, но имеющий вид намеренного, поскольку дальше в левой руке поставлен *соль* ♯. Не понимаю.

Я пока задержал корректуру, но не знаю, надолго ли это удастся. В

остальном все по-старому. Веранда⁴ плакалась, что куча возни с детьми из-за закрытия английской школы.

О нотах. Союз скорбит, что «Книга» не может ничего выписать Вашего, все будто распродано. Партитуры «Киж», «Портретов», 2-го концерта для скрипки и еще что-то (Дивертисмента), я забыл. У меня по-прежнему нет «Paysage» и «Мысли»!!! 3-ю симфонию Рахманинова Вы все же должны достать, наверно, есть Stud[ie]—Part[itur]. Клавир мы сами сделаем! А нет ли еще мелочей?

Обнимаю Вас. Привет Лине Ивановне.

Ваш Н. Мясковский

5/II 1938. Москва

422. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

2 марта 1938 г., Голливуд

2 мар. 1938

Дорогой НЯМушка.

Бурно обрадовался Вашему письменишу. Я ведь 1½ месяца без вестей с музыкальных полей Союза. Ползло оно долговато, но тут уж моя вина, так как я забрался к берегам Тихого океана, которые, для наглядности, отстают во времени на 11 часов от берегов Москвы-реки, то есть когда у Вас 9 часов вечера, тут еще 10 утра. Впрочем, не один я виноват... «а то я не знал, как с Вами сноситься»,— звучит трогательно в своей беспомощности,— потому что догадаться, что наш адрес у Веранды, было трудно.

После ряда концертов по Америке¹, я решил задержаться немного дольше, чем предполагал, по сумме трех причин: продиржировать двумя концертами в Бостоне; несколько концертов политического характера; неожиданный интерес, который выразил ко мне Холивуд. Хотя по последней линии Вы немного пофыркаете, но это область очень современная, имеющая много разнообразных возможностей и тьму занятного в своем окружении. Словом, так: из Америки мы выедем 30 марта, 15 Париж приедем 4 апреля, пробудем там дня 3², и числа 9-го вернемся на родной Земл[яной] вал³.

До дней же оных умоляю Вас поддержать мое голодающее потомство, и в дополнение выдать кузине 200 рублей (через Веранду, сверх тех 200, которые я Вас просил передать ей в феврале через Александра

<стр. 457>

Александровича). Я возмущен Кауфманом, не сдержавшим слова. Мне уже приходило в голову, что он надует, и если я до сих пор не написал ему проборции, то потому, что думал, не слетел ли он при перемене начальства. Будьте добры переслать прилагаемое письмо и при плюньте во след ему. Не удивлюсь, если Гринберг тоже не сдержал слова, то есть не гравирует обещанных партитур, а Гаук не учит кантаты⁴.

В вальсиках можно оставить, а можно изменить. Sol[#] наложенное на Sol

¶ —это даже довольно мило, неужели я догадался так выдумать? Но если Вы, по чистоте душевной, убрали \sharp , то туда ему и дорога.

Интересных музык слышал здесь мало, так как все время передвигался и сам играл. Спал на 2-й Сибелиуса и веселился на Гретри в переложении Мотля⁵ (это тебе не Осафьев). Слышал Тосканини, который играл белиберду, но как! Мою Рус[скую] ув[ертюру] он начал учить, затем чего-то испугался и отложил (я в это время не был в Н[ью]-Йорке и не знаю подробностей). 3-ю Рах[манинова] попытаюсь достать, хотя, говорят, скверноватая. Поименованные Вами мои партитуры не распроданы, но их не продают неизвестно кому (Союзу же композиторов продадут). «Межд[ународная] книга», вероятно, затребовала через третьих лиц, надо же обратиться прямо в Cr[andes] Editions Musicales, 22 rue d'Anjou, Paris (которые все время выписывают ноты от «Межд[ународной] книги») и объяснить, что это для библиотеки ССК, тогда партитуры найдутся. Известно, что в «Книге» сидят люди не способные, но зачем же до бесчувствия!

Крепко обнимаю Вас, сестричке привет. Лина Ив[ановна] в Н[ью]-Йорке, но на днях жду ее сюда. Здесь ужасно тепло, цветут миндали и деревья ломаются от апельсинов.

Ваш С. Пркфв

423. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

18 марта 1938 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, сегодня получил Ваше голливудское письмо. Пишу Вам ответ на Париж, так как едва ли он успеет в Америку до Вашего выезда. Дело с Кауфманом уладилось 7 марта—он, оказывается, просто забыл, а я как-то совсем не умею пользоваться телефоном, особенно, когда надо их искать.

За свое семейство можете очень не беспокоиться, надеюсь, что оно не умрет с голоду и на улице. Вер[оника] Александровна], навер-

<стр. 458>

но, писала, как наладилась жизнь и учеба Вашего потомства. Кажется, там все обстоит вполне благополучно.

Что касается Ваших издательских и концертных дел, то я не очень в курсе. Впрочем, не думаю, чтобы Гринберг надувал. Он теперь вернулся только на издательское поприще, так что сможет и сам руководить. «Ромео» пока еще из печати не появился; вышли 6 пьес ор. 52¹ неважно напечатанные — слепо и грязно. Вальсы сданы, причем диет и еще одну поправку сделал не я, а редактор². Но я ему обещал, что если Вы заартачитесь, я за свой счет попрошу сделать вкладку с поправкой. О других партитурах ничего не знаю, так как в издательстве почти не бываю. Там теперь очередное помешательство — немедленно печатать 5-ю симфонию Шостаковича. Правда, это очень

хорошо, но есть и другие сочинения не хуже.

Гаук едва ли учит кантату. Он все время с симфонией Шостаковича — сыграл ее раз десять³, кроме того провел концерт из сочинений Глинки — новая симфония, замечательно законченная Шебалиным и т. д.⁴, готовится к Танееву и, наверное, не думает о Вашей кантате. [...] На днях я видел у Ламма Вашего «Гамлета»⁵, там есть чудесная музыка: нее песни Офелии, явление тени отца, и даже марш Фортинбраса будет, вероятно, хлестко звучать. Между прочим, не отложил ли Тосканини Вашу увертюру из-за 5-й симфонии Шостаковича. У нас ходили слухи, что он ее играет в начале марта. Это для него подходящее сочинение: очень экономно написанное, наглядное по фактуре, психологически незамысловатое и ясное по течению мыслей, хотя и длинное — 50 минут.

Наша музыкальная жизнь абсолютно лишена малейшего интереса. Декада русской классической музыки проходит безобразно-халтурно. Все дирижеры и оркестры состязаются в том, кто хуже сыграет. [...] Новинки никаких. Асафьев мне показал два своих балета⁶: «Кавказский пленник» — неинтересно, кроме парочки «кавказских» моментов, «Иван Болотников» — много лучше, особенно, в «русской» части. Русский песенный диатонизм Асафьева, хотя и пресноват, но все же интереснее, чем его попытки «просто музыки», где он не брезгует банальностями, а гармонические «изысканности» звучат ни к селу, ни к городу. Спасает отчасти непосредственность, наивность и уж, конечно, дансантизм.

Вот и все. Когда будете в Париже, заберите в издательстве «Мысли» и «Пейзаж», — я их не могу получить от Ю. Крейна, а безумно без них скучаю.

3-ю симфонию Рахманинова, наверное, просто не могут оценить на Западе, хотя я тоже особенного от нее не жду, но Рахм[анинов] все-таки Рахм[анинов], и у него всегда найдется за что уцепиться. Между прочим, я очень не люблю обработки Мотля Гретри, Люлли и еще кого-то. Это так вычурно и назойливо, но деревянно звучит.

Как несчастная Австрия?⁷ Бедняжка Дзимитровский тоже, наверно, пострадает, если уже не пострадал.

<стр. 459>

Сердечный привет. Также Лине Ивановне. Обнимаю Вас и непременно жду обратно.

Ваш *Н. Мясковский*

18.3.38. Москва

Письмо Кауфману не передаю, не к чему теперь, а кантату едва ли учат.

424. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

29 июня 1942 г., Алма-Ата

Алма-Ата, Красноармейская 81,
Гостиница Дом Советов, комн. 143
29 июня 1942

Дорогой Nicolas-Jacob.

Фро¹, вероятно, потому, что я играл «Золото Рейна» по экземпляру, доставшемуся от Шейблера, оказал нам милость в пути через пустыню: в Красноводске пошел дождь, который прекратился перед Алма-Атой, так что в поезде не было жарко, а по ночам иногда тянулись за пальто. Алма-Ата² («отец яблок» или «яблочный отец») оказалась приятным местом с правильными, широкими улицами, тонущими в зелени — тополя в несколько рядов: скорее дачное место, если бы не асфальт, во всяком случае, на дачу отсюда не тянет. Гостиница вроде нальчиковской, и комната тоже вроде.

Мне привезли пианино, лимонное, без фабрики, но приятного звука. Я соркестровал все, что можно в «Войне и мире»,³ то есть все картины, кроме трех народных. Не найдя письма от Храп[ченко], телеграфировал и получил ответ, что письмо с пожеланиями поправок высылается авиапочтой. Иначе говоря, эти беззаботные птенчики, получив клавиш в апреле, не удосужились направить мне свои пожелания до конца июня. С Ламмом дело не так просто, так как здесь не хватает комнат и карточек в столовую, без чего, конечно, его вызывать нельзя⁴. К тому же он прислал письмо, из которого неясно, приедет ли он или не приедет, буде мне удалось обломать это дело. В отчаянии пробую приучать местного полудирижера к расшифровке моей партитуры, чтобы не сесть окончательно на мель, если с Ламмом дело лопнет.

Как Ваша Увертюра?⁵ Кончили? Не начали? Взялись за что-нибудь другое? Здесь знакомых композиторов мало или вовсе нет; это и зависимости от того, считать ли Н. Крюкова за такового. О вызове сюда Шапо⁶ и Нечаева говорил, и это приняли к сведению. Обнимаю Вас крепко. Сердечный привет Валентине и Евг[ени] Яковлевнам. С удовольствием вспоминаю, как мы ходили к Вам за молочком. С меньшим — Тимура⁷. Пишите.

Ваш С.

<стр. 460>

425. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

14 июля 1942 г., Тбилиси

Дорогой Сергей Сергеевич, наконец-то получил от Вас весточку. Имели маленькое сообщение от Миры Алекс[сандровны]¹, но нам всем его показалось мало, так как о Вашей поездке там не было ни слова.

Теперь пробел заполнен. Наша жизнь без вас обоих очень как-то стала сера, тем более, что и музыкальные интересы ничем не питаются извне. Концертов нет, в опере появились только «Сказки Гофмана»! На днях мы действительно получили развлечение, но из Армении. Она вызвала целую кучу здешних музыкантов в Ереван на исполнение 7-й симфонии Шостаковича². Мы там провели четыре отличных дня: 3 раза слушали симфонию, бродили по галереям (картинная — прелесть!) и, наконец, съездили на Севан, катались по озеру и ели форель. [...] Симфония по материалу и стилю ровнее, чем другие, но и 5-я и 6-я³ в разных отношениях лучше. Сараджев очень жалел, что Вы не

могли быть, так как прожили мы там 4 дня очень мило.

Свою работу я кончил, даже оркестровал увертюру⁴, но музыка получилась весьма посредственная и трафаретная. Хуже всего, что она Комитету не понадобилась, а я-то ухлопал на нее почти 2 месяца.

Что касается до приезда в Алма-Ату Ламма, то я сомневаюсь в этой возможности — его слишком держат консерваторские обязательства. Быть может, обстановка повлияет, но что мы можем сами сказать??

Желаю Вам всего лучшего. Все наши Вам и Мире Алекс[андровне] кланяются. Привет Мире Алекс[андровне] и от меня.

Сердечно Ваш *Н. Мясковский*

14.VII 1942

426. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 сентября 1942 г., Фрунзе

Дорогой Сергей Сергеевич, третьего дня, после 21-дневных мытарств, приехали во Фрунзе. Встречены весьма нелюбезно,— я еще лучше других. Ламм тоже здесь, но принимать не хотят. Нельзя ли ему поехать в Алма-Ату. Живу (один, семья в другом месте) — без малейших удобств в гостинице. Жизнь так же дорога, как и в Тбилиси, но условия в сто раз хуже. Только что получил открытку от Держановского¹, что в Москве играли Ваш 2-й квартет² и он произвел отличное впечатление, даже «скифская» (его слова) 1-я часть и пестрый финал.

<стр. 461>

Я не твердо уверен, что останусь здесь. Напишите пару строк. Сердечный привет от меня и всех наших Мире Александровне. Крепко обнимаю.

Ваш *Н. Мясковский*

23/IX 1942

427. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

3 октября 1942 г., Алма-Ата

Алма-Ата, 3 октября 1942

Дорогой Николая-Жакоб.
Наконец-то Вы нашлись. Месяца два назад сведущие люди уже видели в Ташкенте «тбилисскую группу» проездом куда-то и даже насчитали в ней 18 человек, поэтому я не знал, где же Вы, и послал на всякий случай телеграмму с запросом в Тбилиси, а тут Вы нашлись совсем рядом. Ведь отсюда до Фрунзе по прямой линии два шага, но нас разделяет хребет, поэтому железная дорога делает большую петлю. Фрунзе, говорят, вроде малой Алма-Аты или, с Вашей точки зрения, Алма-Ата вроде великого Фрунзе.

Но, судя по тону Вашей открытки, Вы приняты с не очень

распростертыми объятьями, поэтому я пошел в дирекцию объединенной Киностудии и информировал ее, что во Фрунзе прибыла пачка композиторов¹ из золотого фонда — не нужен ли кто-нибудь. Для пущей важности даже заявил, что говорю как зам-пред МССК². Не зная, вся ли группа во Фрунзе, я напирал на Вас, на Нечаева, поскольку он интересовался фильмами, и упомянул о Шапопо (хотя фотографию он мне так и не прислал — жаль — мне приятно было с Вами, остальных можно было отрезать). Дирекция сказала, что фильмов намечается достаточно и привлечение композиторов желательно, но все упирается в жилплощадь. Это разрешится на днях: или киностудия получит квартиры, — тогда дело возможно, или не получит, — тогда и свои работники! И частью останутся на головах друг у друга. Габриэль Попофф, например, приехал сюда месяц назад без вызова и, хотя получил фильм, должен был жить три недели впятером, то есть он, жена и трое чужих, из которых один пьяный. Наконец он достал комнату, но через день его оттуда выселили. Сегодня он гордо говорил, что, кажется, ему удастся выселить выселившего его.

Пока дирекция разрешит вопрос, напишите мне или лучше телеграфируйте, кто приехал бы сюда, и прежде всего приехали бы Вы? Пора бы Вам решиться: фильмовая работа занятная, доходная и не требует творческого перенапряжения, а Алма-Ата приятный город и при деньгах сытный. Я, кроме фильмов, пишу небольшую драматическую кантатку³ и выпросил у Москвы заказ на сонату для флейты и фортепиано⁴. Несвоевременно, но приятно. Вашими последними симфониями⁵ интересо-

<стр. 462>

вался Госоркестр в лице заходившего ко мне Шульмана. Они писали Вам в Тбилиси на ССК, но письмо вернулось обратно. Сейчас Госоркестр с Шульманом в Свердловске в оперном театре. Если хотите, напишите им на основании моего сообщения.

Жду известий, узнаю Вас, привет сестрицам и друзьям. Мирочка тоже шлет привет и пишет Валентине Яковлевне.

Ваш С. Пркфв

Насчет Ламма хуже. Часть работы все еще ждет его (один акт оперы и кантата), но под каким соусом отвоевать жилплощадь?

С неделю назад кто-то звонил мне из Фрунзе в 8 часов утра. Но я вернулся домой в 6 часов утра после ночной записи фильма, телефон где-то в коридоре, из Фрунзе я ничего интересного не ждал и поэтому не пошел на вызов. Получив Вашу открытку, пожалел.

СП.

428. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 октября 1942 г., Фрунзе

6/X 1942

Дорогой Сергей Сергеевич, после Вашей телеграммы все жду и жду письма. Мы начинаем здесь обывать, но жильем почти никто не устроен. Ламм пытался Вам звонить, но сказали (8 часов утра), что Вы больны. Что было с Вами? Я живу в гостинице, мои — в адресе на обороте. У них — пол, стены, потолок, чемоданы, один стол и купили одну раскладушку. Удобств никаких, но зато рядом, в кухне, живет пианистка Курис, и я трижды в неделю по три часа могу предаваться обузданному творчеству на ее пианино. И то хлеб. Я имел несчастье соблазниться кантатной темой¹ и теперь расплачиваюсь — это мучительная работа, да еще в мои годы. С трудом выколачиваю вступление и 1-й номер (хоры и соло). Еще предстоят три, да больших. Когда все кончу,— ума не приложу. Завидую Вашему пианино в номере. Пишите. Как Мира Александровна? Привет обоим от меня и всех наших.

Ваш сердечно *Н. Мясковский*

429. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ-С. С. ПРОКОФЬЕВУ

21 октября 1942 г., Фрунзе

21/X 42

Дорогой Сергей Сергеевич, все не мог собраться известить Вас о получении Вашего долгожданного письма.

Ваша пропаганда киномузыки пока на меня не действует. Работая над Кантатой, я убедился, что у меня нет иллюстративного воображе-

<стр. 463>

ния, а без этого какая же киномузыка. Работаю я с крайним напряжением и сделал пока только Вступление, 1-й, 2-й и половину 3-го хора, осталось самое трудное — вторая половина 3-го номера и 4-й (финальный). Все эти хоры, солисты, фактура оркестра, боже, до чего это трудно! Вчера, совсем случайно узнал, что умер Вл[адимир] Вл[адимирович] Держановский¹. Ни от кого об этом не было никаких вестей. Случилось это, вероятно, в конце сентября, а я только что от него получил открытку с восхвалением Вашего 2-го квартета² (В. П. Ширинский мне пишет³, что этот квартет будет репертуарным). Желаю Вам всего лучшего. Как Вы много насочиняли, ужас! Что это за драматическая кантата? Напишите поподробнее о своих работах. Привет Мире Алекс[андровне].

Искренно Ваш *Н. Мясковский*

430. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

16 ноября 1942 г., Фрунзе

Дорогой Сергей Сергеевич, пишу Вам еще из Фрунзе, так как отъезд из-за разных перевранных телеграмм все откладывается. Да я не особенно и тороплюсь. Быть может, уеду вместе с Вал[ентиной] Яковл[евной] 21-го в субботу (надеюсь)¹. Пишу же я Вам вот по какому поводу. Здесь живет и много работает композитор Владимир

Георгиевич Фере, так называемый основоположник киргизской культурной музыки. Несмотря на все основоположничество, его здесь больше нагружают административной работой, а не творческой, а для этой последней у него просто не остается времени, так как он занят с 8 часов утра до 5 часов дня и с 5 часов дня до 8 часов вечера. Когда же сочинять?! Я его надоумливаю переключиться вовсе на творческую работу и бросить все административное. Но для этого надо иметь твердый заработок. Так как я помню из Вашего письма, что на 1943 год запроектировано много фильмов, надо непременно найти место и для Фере, тем более, что он отличный музыкант и вполне технически оснащенный (он кончил у меня в 1929 году). Я только не знаю, как это осуществить, чтобы ему дали киноработу. Быть может, Вы разрешите ему списаться с Вами? Ему можно написать на адреса: Фрунзе, Киргизия, ул. Панфилова, Киргизск[ая] госуд[арственная] филармония (там он — зам. директора), или в Управление по делам искусств. Его личный адрес я сейчас забыл, но постараюсь Вам дослать. Непременно устройте это.

Как здоровье Миры Александровны? Какие у Вас планы в связи с оперой? В Москве не будете? Хотя я свою кантату кончил еще в кон-

<стр. 464>

це октября, но только на днях сделал окончательно клавиш; как удастся оркестровать в московских условиях, не могу догадаться.

Буду ждать от Вас хоть небольшой весточки уже в Москве, так как сюда ничего не успеет.

Обнимаю Вас. Привет Мире Александровне и от всех наших обоим.

Ваш *Н. Мясковский*
Фрунзе

16/XI 1942

431. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

27 февраля 1943 г., Алма-Ата

Алма-Ата, 27 фев. 1943

Дорогой Nicolas-Jacob.

Вот уже 3-я неделя, как мы в «Отце яблок», пытаюсь вновь приноровиться к его климатическим придурям¹. Впрочем, бывают и улыбки, а именно от полудня до трех, когда солнышко греет, журчат ручьи и пахнет весной, словом, в те моменты, когда Вы нам завидуете. Но солнце юркнет за облака, воздух сразу станет резким и начнутся всякие выходы природы.

В смысле работы я пока сделал меньше, чем рассчитывал, так как вмешалось выключение электричества, и по вечерам я вынужден был закрыть мою лавочку, завидуя тем, у которых сняты электрические лимиты. Не помню, успел ли я Вам сказать, что незадолго до отъезда из Москвы меня все-таки уговорили переключить финал «Войны и мира», сделав его, как это полагается, более апофеозным. Я сначала упирался, но потом мне пришла в голову мысль

написать хор, поющий быстро на фоне банды, излагающей уже известный раньше материал, но в новом качестве; а затем хор начинает петь широко, банда продолжает свое, а быстрое движение переходит от хора в оркестр, играющий без медных. В общем, вся эта затея как будто вышла, хотя и удлинила финал минуты на 2, на 3.

В остальном мы живем здесь тихо и приятно, но (или, если хотите, и) вдалеке от музыки и музыкантов: самый крупный, с которым мне приходится встречаться, это Крюков (Н. Н.), а самая яркая новинка — «Суворов»², на которую никак не могу заставить себя пойти. Так что будьте благотворителем и напишите, что творится в музыкальном мире.

Крепко обнимаю Вас, целую обе ручки сестрице. Мирочка шлет привет Вам обоим.

Ваш С. Пркфв

<стр. 465>

432. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 марта 1943 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич.

Посылаю телеграмму Гаука.

Еще раз поздравляю адски горячо. Самое главное — пробита брешь в заговоре молчания и незамечания. В остальном есть небольшая наша вина: мы упустили Рихтера (он где-то в далекой поездке) и для высокого начальства Вашу сонату играл Вальтер!¹ Это, наверно, было типичное «не то». Обнимаю Вас. Скоро напишу письмо в ответ на Ваше с разными сообщениями о московской музыкальной жизни, которая пока, впрочем, довольно жалка. 21-го бетховенцы немного наспех сыграли 8-й квартет², который произвел некоторое впечатление. Та часть, которая не нравилась Вам (Adagio), несмотря на «крайнюю выразительность», не понравилась и мне самому; оказывается, я в ней не узнал самого себя. Это довольно красиво, но «не мое».

Сердечный привет Мире Александровне. Зачем Вы выбросили в Московской картине «В[ойны] и мира» песенки французов? Это для «оперы» очень было необходимое пятно. Я ругаюсь с Шлифштейном по этому поводу³.

Ваш Н. Мясковский

Обнимаю Вас.

23/1П 1943

433. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 марта 1943 г., Москва

24 марта 1943 г.

Дорогой Сергей Сергеевич, сегодня отправил Вам заказное письмо с

поздравительной телеграммой от Гаука, который, видно, вообразил, что Вы в Москве. Я очень рад, что дело с премиями кончилось в какой-то мере благополучно: важно было растопить лед, кажется, он тронулся. Я не особенно доволен работой нашего Комитета, мы кое-что скомкали, и получилось так, что Вашу сонату пленум Комитета не слышал, иначе она имела бы другой резонанс, а в высоких инстанциях ее играл не Рихтер, а Вальтер [...]. Ну, да я доволен и тем, что есть. Славянский квартет Висс[ариона] Шебалина¹, конечно, очень удачное (особенно для него) сочинение — колоритное, эмоциональное, но, в сущности, простоватое и много меньше Вашей сонаты. Здешняя музыкальная жизнь все еще как-то не наладилась, но ожидается кое-какое оживление. Приехал Госоркестр с Рахлиным во главе. Было уже два его концерта оба не слишком хорошие. 7-ю Шостаковича он играл недурно², но не больше. Дальше пошел, конечно, Чайковский. [...]. Но планы строятся

<стр. 466>

объемные, быть может, что-нибудь в них и просочится хорошее. 31 марта Рахлин с Юдиной, кажется, играют Ваш 2-й концерт³. С апреля и ежемесячно Союз устраивает симфонические концерты, где будут играть новинки. В первом — 4-я симфония Желобинского⁴, во втором — 3-я симфония Голубева⁵ и отрывки из «Войны и мира» (?), в третьем — 3-я симфония Шебалина⁶, кроме того, разные мелочи. Меня собираются терзать 17-й симфонией (Кондрашин)⁷, 6-й симфонией (Рахлин) и, быть может, 23-й (Кабардинской — тоже Рахлин). Пока это все, что я знаю. Кантата моя⁸, видимо, никого особенно не интересует, да и я ее не слишком подталкиваю. Так как мой 8-й квартет (исполнявшийся бетховенцами на днях)⁹ очень понравился, то его собираются повторить в апреле вместе с Вашим 2-м¹⁰. Последнее меня сильно интересует, так как до сих пор я его не слышал. Сейчас у меня с Шлифштейном назревает беседа по поводу «Войны и мира». Я смотрел «Бородинскую» сцену — мне все понравилось, но сокращать «Пьера» я бы не хотел. «Московская» сцена меня меньше удовлетворила. Вы так урезали Рамбаля и Бонэ, что они стали совсем лишние. Я считаю, что нельзя было выбрасывать песенок ихних, и буду с Шлифшт[ейном] из-за этого ссориться. Вообще, вся эта картина получилась какая-то пассант'ная *. Других переделанных картин еще не видел. Живем мы в Москве, в общем, по-прежнему (как при Вас), суетливо и как-то бесплодно: я до сих пор ничего не могу начать толком. Начну и сейчас же бросаю, так все получается плоско и неинтересно. Очень много времени истратил на заседания Сталинского комитета, а теперь Союз, Музгиз, Комитет искусств и консерватория берут уйму времени. Мечтаю, куда бы то ни было уехать. Приедете Вы на получение диплома?¹¹ Очень бы хотелось повидаться. Сердечный привет от нас обоих Мире Александровне. Обнимаю Вас крепко.

Ваш Н. Мясковский

434. С. С. ПРОКОФЬЕВ — В. Я. МЕНЬШИКОВОЙ и Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

4 апреля 1943 г., Алма-Ата

Дорогая Валентина Яковлевна и ее дорогой родственник!

Очень тронут Вашей совместной телеграммой и благодарю за нее. Дорогого родственника, кроме того, благодарю особо, потому что он, вероятно, работал в мою пользу, иначе почему бы дали за такую путаную вещь, тогда как за более простые и ясные не давали. А что такое (это уже вопрос к родственнику) за Славянский квартет Шебалина?

* проходная — от *passant* (франц.).

<стр. 467>

Точнее говоря, в каком отношении он стоит к любимому мною 3-му квартету и нелюбимому 4-му? ¹ Среди других поздравительных телеграмм была и от Атовмяна, отправленная 21-го в 6 часов утра, из чего я понял, что в предшествующую ее отправке ночь Роню где-то пропивали. Я сейчас подбираю всякий казахский материал для одной довольно большой вещи². Как там много интересного, целое нетронутое море! Ходил я на концерт оркестра казахских инструментов — звучит довольно занятно и приятно-фальшивовато как только взлетают во 2-ю октаву. Но о какой-нибудь обработке музыкального материала пока нет речи, все это в зачаточном состоянии.

А что случилось с переложениями симфоний Жакоба? Ламм в одном письмишке, между прочим, упомянул, что несколько переложении затерялось, и автор вынужден их восстанавливать. Что это за симфонии, и как они могли пропасть? И вообще, что этот Жакоб делает нового, интересного и приятного?

Целую Ваши ручки, дорогая Валентина Яковлевна, Вашу душистую бородку, дорогой Николай Яковлевич, и сажусь писать отдел мим-письмо Екат[ерине] Васильевне.

Обоих Ваш С. Пркфв

4 апр. 1943

435. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

24 апреля 1943 г., Москва

24 апреля 1943. Москва

Примите поздравление, запоздалое, с днем 52-х летия!!

Дорогой Сергей Сергеевич, получили совместно Ваше совместное письмо и были весьма обрадованы этим фактом, а то что-то мало о Вас последнее время слышали. Наша жизнь хотя и продолжает течь в привычно тихих формах, но кое в чем упрочнилась (продовольственно) и кое-как обновилась (начались симфонические концерты, которые идут как-то комками — штуки по четыре подряд). Из интересного по музыкальной части была парочка симфонических концертов и не более — камерных. Очень пошел в ход

мой 8-й квартет (fis) ¹, где, в особенности, всем нравится Adagio (Вам — как раз — меньше). Дирижер Кондрашин довольно мило сыграл 17-ю симфонию², после чего я догадался сделать кое-какие полезные изменения. Вася Нечаев где-то журчит мою сонатину, но публично ее скрывает³. Очень здорово недавно прошел Ваш 2-й квартет⁴ и 7-я соната (опять — Рихтер). Квартет звучит просто чудовищно, даже «кошмарно» интересно. Мне все же продолжают больше нравиться две последние части. Масса совсем новых и чрезвычайно «уместных» эффектов. Не совсем меня по звучности удовлетво-

<стр. 468>

рило только одно место — последняя тема III части во время утробных упражнений виолончели и суэта V[ioli]no II и V[io]la со своими протянутыми нотами, хотя и очень высоко, но не четко звучит; нельзя понять что у нее — тема или только педаль. В симфоническом концерте (19 апреля) Рахлин вполне прилично сыграл «1941 год»⁵, который прозвучал ярко и свежо (даже «баховское» место в IV части звучало интересно); несколько прозаично вышла только II часть — педальное мерцание скрипок в середине звучало как-то механично-размеренно. Но сочинение в целом мне показалось несколько скучноватым — можно было шире развернуться. Очень занимательно вышли трубы (as) в I части, только мало. В том же концерте игрались «Героические поэмы» Чемберджи и Иванова-Радкевича, причем обеими Вы бы остались недовольны, хотя и по разным причинам. Обе хорошо звучат, импозантно и иногда даже колоритно, но на обеих отпечаток какой-то ординарности и мелкости мысли. У Чемберджи более свежие мысли, но менее складная форма и пребанальные кадансы, у Ив[анова]-Радк[евича] — мысли весьма академичны и бесцветны, зато все слажено прочно, но также никому не нужно. Более интересно прозвучал даже Глиэр с тремя отрывками из новой оперы «Рашель», это хоть и совсем «общо» по материалу, но зато действительно здорово сделано, а кое в чем и интересно оркестровано. Такие «союзные» концерты у нас будут каждый месяц. В «Русском» концерте 28 апреля идет Ваш 2-й концерт с М. Юдиной⁶. Остальные концерты: Глинка (плохо), Чайковский, Рахманинов (очень плохо) и, конечно, Шостакович (7-я) ⁷. Вот пока и все. В театре мы не бывали. В. О. Массал[итинова], как всегда, надувает с билетами, но обещает после премьеры «Нашествия»⁸, где она играет няньку (и безумно злится на автора), свести нас на «Последние дни» («Пушкин» — Булгакова)⁹. В Союзе интересного пока ничего не было, хотя пишут массу музыки — симфоний, кантат и т. д.

29 апреля — пойдет квартет Ан[атолия] Александрова новый — тбилисский ¹⁰. Вас удивили результаты премий? Я думаю, будь в Москве Рихтер или Вы сами, результаты были бы иные. Вашу сонату в высотах играл почти с листа Вальтер! Могу себе представить, что это было. Славянский квартет Шебалина имеет № 5. Он значительно менее индивидуален, нежели и 3-й, и 4-й, но ловко и достаточно колоритно, а местами с изрядным драматизмом (II и IV части) сделан, хотя все 5 частей довольно коротенькие (что, быть может, и еще лучше?). Материал — разно-славянский: и русский, и

украинский, и чешский, и польский, и югославский и т. д.

В Комитете по премиям он прошел на 2-ю, а Ваша соната на 1-ю. Выше—решили наоборот. Я абсолютно ни в чью пользу не работал, держал себя скромно и всецело разделял точку зрения своего министра изящных искусств¹¹. Только не отказывался отвечать на прямые вопросы. Атовмян в своей телеграмме прав — действительно, «лед тронулся». Не забывайте, какой отклик имеют сейчас Ваши сочинения у наших союзников, сейчас и это имеет значение.

<стр. 469>

О переложениях моих симфоний я Вам говорил еще здесь. У меня куда-то затерялись и 13-я, и 21-я, — пришлось сделать вновь, потом и переделал 23-ю и сделал 17-ю¹², которой вообще не было.

Нового пока вообще ничего не пишу, — ничего не идет в голову, между тем, на шее 3 договора: на квартет, симфонию и сонату для скрипки¹³. Когда справлюсь — ума не приложу! Между прочим, Шебалин, по-моему, никуда ехать не собирается.

Желаю Вам всего лучшего. Привет Мире Александровне.

Всем сердцем Ваш *Н. Мясковский*

От сестрицы привет — Вам обоим.

436. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 мая 1943 г., Алма-Ата

Алма-Ата, 9 мая 1943

Н. Я. Мясковскому

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень тронут Вашим согласием прокорректировать сонату и пьесы¹. Они награвированы не с оригинала, а с копии, и хотя копия была мною проверена, все же в нее могли вкрасться описки. Поэтому при сем посылаю оригиналы, с которых и прошу Вас корректировать, а после корректуры сохранить у себя, не отдавая в Музгиз.

Обнимаю Вас.

Ваш *С. Прокфв*

437. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

6 июня 1943 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич, получил, наконец, Ваши рукописи и корректуру по ним сделал. Правда, я сделал ее еще по копиям, но там было много описок, которые я почти все, кроме одной в Мефисто, расшифровал. Теперь, надеюсь, все в порядке, хотя мне пришлось кое в чем уточнить и Ваши рукописи. Не помню, писал ли я Вам, что ваш Кабардинский квартет имеет

здесь весьма буйный успех. Мне очень импонируют последние две части. Финал в смысле инструментовки и фактуры сделан сногшибательно, хотя временами звучит как-то очень

<стр. 470>

по-Стравинскому. Что Вы поделываете? Кончили «Кантату о Мальчике»? ! Она меня post-factum очень заинтересовала. «1941-й год» играл Рахлин² — так себе. Как-то материально звучала 2-я часть. Очень здорово — As-dur'ный эпизод в 1 части и гораздо интереснее баховское место в финале. Я недавно соорудил 9-й квартет в d-moll³. Ойстрах и Юдина играли Ваши вторые концерты⁴. Юдина — плохо, Ойстрах — лучше. Аккомпанемент в обоих случаях был очень плох. Обнимаю Вас. Привет Мире Александровне. Вален [тина] кланяется Вам обоим.

Ваш *Н. Мясковский*

6/VI 1943

438. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

12 июня 1943 г., Алма-Ата

Алма-Ата, 12 июня 1943

Дорогой Николай Яковлевич.

Очень интересное пришло от Вас письмо от 24 апреля, хотя потребовалось повозиться, чтобы разобрать все прилагательные, сокрытые красотами Вашего почерка. У нас тут музыкальных впечатлений извне нет никаких, если не считать нескольких до ужаса примитивных опер Брусиловского¹, которые я заставил себя высидеть по обязанности композитора, собирающегося писать на казахский материал.

Центральным событием, вокруг которого мы сейчас вращаемся, является наш предстоящий выезд в Молотов-областной * для оканчивая «Золушки»², которую кировцы обещают начать ставить уже с августа, с тем, чтобы выпустить премьеру до Нового года³. Так как первые два акта у меня худо ли, хорошо ли набросаны, кажется, я смогу задушить эту красавицу в нужный для театра срок. Поедем мы в ближайшие дни через Куйбышев, где местная дирекция Большого театра обещает посадить на пароход, идущий прямо в Молотов. Едва ли эта часть пути будет ужасно комфортабельной, но Волга остается Волгой, а Кама Камой, и я, как говорят американцы, «с удовольствием гляжу вперед» на это путешествие.

Был чрезвычайно растроган Вашим согласием прокорректировать сонату и мелкотушки. Розанов хотел ускорить этим дело⁴, но боюсь, что только затянул, так как, зная, как в Музгизе марают рукописи во время гравирования, я им сдал копии, в которые, конечно, могли вкрасься описки. На посылку же из Алма-Ата оригиналов потребовалось время. Надеюсь все же, что Вы их получили, что корректура не очень утомила Вас, что какие-нибудь мои несуразности не поставили Вас в тупик (в таком случае надо было править по Вашему вкусу) и что, наконец,

* Ныне — Пермь.

<стр. 471>

по окончании корректуры Вы не отдали Музгизу моих манускриптов. Между прочим, Розанов оказался более приятным в обращении, чем точным в работе: обещал заказать Ламму двухручное переложение «Здравицы»⁵, а затем отложил это дело в долгий ящик, тем поставив меня в глупое положение, так как я написал Ламму и получил ответ, что он охотно займется переложением. При случае напомните Розанову, чтобы он постарался исправить эту неловкость.

Очень мне хочется услышать по-настоящему Ваш 8-й квартет — мне и в фортепианном изложении он показался ярким и со множеством красивых гармоний: у струнников это все, конечно, будет звучать совсем иначе. Интересно, как это Вы будете одолевать звучности скрипичной сонаты; я начал таковую же уже давно, но никак не соберусь продолжить: трудно⁶.

Жду от Вас такого же подробного и интересного письма, как Ваше предыдущее, по адресу: Молотов-областной, главный почтамт, до востребования. Крепко обнимаю Вас, а нашу обожаемую сестричку целую в ручки.

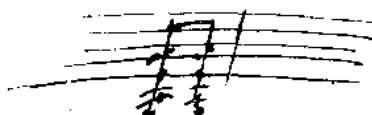
Ваш С. Пркфв

439. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

29 июня 1943 г., Москва

29 июня 1943

Дорогой Сергей Сергеевич, получил Ваше письмо от 12 июня и отвечаю уже в Молотов. Не помню, не послал ли я Вам открытки о корректуре 7-й сонаты и фортепианных пьес? Но могу повторить. Поправки я сделал уже во второй корректуре, так как первую я сделал по догадке (когда бывали недоумения в копиях). В общем, я ошибся только в одном месте (Мефисто-вальс), не угадав способ исправления все же явной ошибки. Кроме того мне пришлось кое-что уточнить и в Вашей рукописи сонаты, где Вы пропустили кое-какие «само собою разумеющиеся» бекары, но которые педант мог бы не захотеть играть. Одно место в сонате, я, вопреки рукописи, сделал иначе. В финале у Вас есть такой аккорд:

Везде в нем наверху секунда *g-a*, а один раз вдруг нет *соль*. Я пытался объяснить это себе тонкостями пианизма, так как дальше скачок на октаву

всего комплекса, но через такт обнаружил такой же скачок, а

<стр. 472>

аккорд перед тем весь полностью с секундой. Я позволил себе наглость и вставил *соль* и туда. Рукописи я в Музгиз не сдал, конечно, и даже не показал, а пристроил в библиотеку Союза композиторов. Тут как-то игрались Ваши вторые концерты Ойстрахом и Юдиной¹. Первый — хорошо и очень музыкально, финал лучше, чем Фишман, но аккомпанемент был плох (Аносов). Вторая — все забыла, что делала с Вами, и играла как с Розенштоком. [...] Недавно Рихтер в своем концерте в Большом зале сыграл 4-ю и 7-ю сонаты Ваши². 4-ю так себе, а 7-ю отлично, особенно *Adagio*. На 4-ю ему не хватило зрелости, потому она вышла клочковато. Сейчас у нас здесь делает сенсацию 3-я симфония Рахманинова, которую весьма сумбурно играет наш друг Коля Голованов³. Я слушал два раза и ко второму разу уговорил его проявить больше сдержанности в темпах и нюансах. Получилось много лучше, и симфония произвела сильнейшее впечатление (главным образом 1-я и 2-я части; финал — меньше; он какой-то клочковатый, с плохой кодой). На днях прослушал ее же на пластинке самого автора. Не очень понравилось. Старательно, местами очень ярко, отчетливо, иногда с настроением, но в общем — не цельно, как-то не по-дирижерски, а словно лекционно. Хорошо — 2-я часть. Финал — четко и остро (фугато), но кода тоже не вышла. Играли по нотам, полученным из Америки. Оттуда же прислали его Симф[онические] танцы⁴ и пластинки Вашего «Пети и волка». Еще не слышал пока. Мне удалось недавно придушить, как Вы говорите, еще один струнный квартет в *d-moll*⁵ (это к юбилею-то!) в 3-х частях, со скерцо, втиснутым в *Adagio* — по-Рахманинову. Еще не слышал. Взявшись за что-то другое, запутался и теперь не знаю, что писать: биться ли через силу над тем же, или наброситься на скрипичную сонату, куда меня вовсе не тянет. Живем мы все время в Москве, и, кажется, никуда я отсюда не поеду, хотя Хачатурян тянет в наш «птичий» совхоз возле Иванова. Сейчас, когда продовольственная жизнь наладилась, не хочется ее нарушать, и думается, все же здесь легче будет работать, чем там, где, наверное, будут жить еще какие-нибудь знаменитые композиторы.

О наших музыкальных делах мало что можно сообщить утешительного [...]. Совсем на днях вместе с симфонией Желобинского (4-й!, а есть уже и 5-я!)⁶ Кондрашин сыграл 2-ю сюиту «Ромео». Надо сознаться — плохо, по-детски. Какие у Вас сведения о «Войне и мире»? Что-то мне Самосуд подозрителен⁷, а между тем, на эту оперу огромный спрос за границей (Америка) и Шнеерсону все приходится отписываться⁸, так как до постановки здесь давать куда-либо не хотят. Вы что-нибудь об этом знаете? Мы скоро ждем Ламма здесь⁹, так что надеюсь, что со «Здравицей» все уладится¹⁰. Я уже достал ему партитуру и хотел послать, но пока придержал.

Обнимаю Вас. Сердечный привет Мире Алекс[андровне]. От сестрицы привет обоим Вам.

Ваш Н. Мясковский

<стр. 473>

440. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

10 июня 1944 г., Иваново

Дорогой Nicolas-Jacob.

Вчера мы приехали в совхоз и остались премного довольны этим местом¹. Пишу Вам, чтобы Вы как можно скорее плюнули на все и тоже приехали сюда. Комната, предназначенная для Вас, большая, спокойная, угловая. Кормят замечательно — свежо, вкусно, обильно. Лес не хуже никологорского, а сейчас, при юной листве прямо-таки чудесный. Не понимаю, какого ч... Вам надо торчать в городе!

Обнимаю Вас.

Сестрицам по привету и всем прочим от Мирочки.

Ваш С. Пркфв

10 июня 1944

441. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

19 августа 1945 г., Иваново

Иваново, 19 августа 45

Дорогой Николай Яковлевич.

Пользуюсь любезностью Веры Яковлевны¹, чтобы направить Вам несколько строк из Иванова, где мы пребываем вот уже почти два месяца, в общих чертах получая удовольствие от пребывания. Правда, покрикивают милые детки, но воздух чудный, кормят вкусно, и я порядочно поправился, во всяком случае, голова болит лишь по редким дням. Час или полтора в день работаю², набросал «Оду на окончание войны»³ и почти две части 6-й симфонии⁴. Сейчас хочу сесть за инструментовку оды, а окончание симфонии пока отложу. Как Вам живется на Никол[иной] Горе? Я очень люблю это место и с удовольствием вспоминаю разные уголки и полянки. Приветствуйте семейство Ламмов. Надеюсь, Павлу Александровичу удалось восстановить из праха свой шато *. Что Вы написали, как чувствуете себя?

Мирочка сердечно приветствует Вас, я же крепко обнимаю.

Привет сестричкам от нас обоих.

Ваш С. Пркфв

* le château (франц.) — замок; здесь — дача.

<стр. 474>

ПРОКОФЬЕВ
Сергей Сергеевич

Москва, Можайское шоссе, д. 11/13, кв. 210

Тел. № 5-10-20, доб. 25

Иваново, 19. Ав. 45

Дружбный Николай Иванович,
Пользуясь любовью Веры.
Ивановна, удачи и правды Вн.
Несколько строк из Иванова, где
ма предвещает вот уже почти
два месяца, в общих чертах по-
лучая удовольствие от предвещания.
Привет, покрикивают милое
дети, но воздух гудит, кормит
вкусно, и я периодически поправляю
себя, во всем силе жизни боюсь
мне по редким дням. Так
мне тыра в день работы, на-
брала оду на оканчивающей и

погн две таси в ъ смирни.
Сейге хощу сест за икарток оди,
а окитни смир пок оѣлху.

Кк Вм живете на Никол Горе?
Д от лобно э меер и с убви-
срвием вопинато разное члел-
ки и полянки. Павеу сраиате
смитсрв Ламинв. Надероов,
Лвм Андрву удалоа ветровиз
из праха свѣи шато. Ур Вѣ
натчан, кк гвербуеете седе?

Мирн. срдн првте срдѣт
Ве, я те кржк обнимаю. Прн-
вет сестриникм от но обѣих.

Вм С. С. Прокофьев

Письмо С. С. Прокофьева от 19 августа 1945 года

<стр. 476>

442. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 апреля 1946 г., Москва

Дорогой Сереженька!

Примите мое самое жаркое поздравление с днем Вашего рождения. Больше всего хочу, чтобы голова перестала мешать Вашему творчеству — больше всего нужного всем нам.

Любящий Вас Н. Мясковский

23/IV 1946

443. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

7 июня 1947 г.

Дорогой Сереженька!

Примите мое горячее поздравление с 5-й премией¹. Обнимаю Вас крепко.

Привет Мире Александровне.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

7/VI 47

444. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

5 ноября 1947 г., Москва

Дорогой Сергей Сергеевич,
горячо поздравляю Вас с «Народным артистом»¹, для меня же — все-народным. Обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда *Н. Мясковский*

5/XI 47

445. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 апреля 1948 г., Москва

Дорогой Сереженька!

Примите наше горячее поздравление с Вашим 57-ми летием. Шлем сердечный привет Вам и Мире Александровне.

Ваш *Н. Мясковский* и другие

23/IV 48

<стр. 477>

Дорогой Сереженька, поздравляю Вас
 с 28-летием! Желаю Вам счастья и
 успехов в работе и в личной
 жизни. В будущем году
 желаю Вам счастья, здоровья, успехов
 во всем, и конечно же счастья
 в личной жизни. Пусть все
 будет хорошо. С любовью
 Ваш Н. Я. Мясковский

23/IV 1950

Он выделен в войска!

Последнее письмо Н. Я. Мясковского к С. С. Прокофьеву
 от 23 апреля 1950 года

<стр. 478>

446. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 апреля 1949 г., Москва

Дорогой Сереженька!
 Примите мое вулканическое поздравление ко дню Вашего 28-летия (с
 Вас довольно!).
 Обнимаю Вас.

Ваш Н. Мясковский

23/IV 49

447. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

1 января 1950 г., Москва

Сердечно поздравляем все семейство Новым годом, желаем всякого
 благополучия, успехов, главное — здоровья.

448. М. А. и С. С. ПРОКОФЬЕВЫ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

9 марта 1950 г., Москва

Горячо поздравляем премией за превосходную сонату¹.

Мира, Сэрж Прокофьевы

449. Н. Я. МЯСКОВСКИЙ — С. С. ПРОКОФЬЕВУ

23 апреля 1950 г., Москва

Дорогой Сереженька, поздравляю Вас с 59-летием! Горячо Вас обнимаю и мечтаю увидеть вскоре на Николином Пригорке в цветущем состоянии.

Извините за посылку, быть может, она Вам будет не по вкусу, но мне почему-то приглянулась.

Мы все были в восторге от Вашего «Костра»¹.

Сердечный привет Мире Александровне.

Ваш всей душой *Н. Мяковский*

23/1V 1950

От Чиндереллы * в восторге!²

* Cinderella (англ.) — Золушка.

<стр. 479>

450. С. С. ПРОКОФЬЕВ — Н. Я. МЯСКОВСКОМУ

16 мая 1950 г., Николина Гора

Дорогой Николай Яковлевич.

Обнимаю Вас от всей души. Всеми мыслями с Вами. Приезжайте скорее на Николину Гору.

Ваш *СП.*

16 мая 50

451. С. С. ПРОКОФЬЕВ — В. Я. МЕНЬШИКОВОЙ

9 августа 1950 г., Николина Гора

9 августа 1950

Дорогая Валентина Яковлевна. Каждую минуту сейчас я, конечно, с Вами. К великому сожалению, мне нельзя приехать проводить Колечку¹.

Пожалуйста, приезжайте, дорогая, на Николину Гору.

Ваш *Серезжа*

<стр. 480>

<стр. 481>

КОММЕНТАРИИ

<стр. 482>

<стр. 483>

К письму 1

¹ Собачками С. С. Прокофьев называл свои ранние фортепианные пьесы. Рукописи пьес 1907 г. не сохранились.

² Возможно, имеется в виду замысел симфонической притчи «Молчание» по Э. По, ор. 9 Н. Я. Мясковского, написанной в 1909 г.

³ Одночастная соната f-moll для фортепиано С. С. Прокофьева (по консерваторскому счету № 2) в 1909 г. переработана и издана в 1911 г. как Первая соната, ор. 1, с посвящением В. М. Моролёву.

⁴ Сонatina для фортепиано С. С. Прокофьева не сохранилась.

⁵ «Ундина», опера на либретто М. Г. Кильштетт по поэме Ф. де Ламотт Фуке в переводе В. А. Жуковского, начата С. С. Прокофьевым в 1904 г. Сохранился автограф третьего и четвертого действий (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 2).

К письму 2

¹ Миме — действующее лицо тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга».

² Первая соната для фортепиано (по консерваторскому счету № 3) d-moll, ор. 6, две части ее написаны Н. Я. Мясковским в 1907 г., в 1909 г. дописаны медленная часть и финал. Издана фирмой П. Юргенсона в 1910 г.

³ Летом 1907 г. Н. Я. Мясковским написаны двенадцать пьес для фортепиано, составившие четвертую тетрадь сборника пьес под названием «Flofion». В эту тетрадь вошли: «Preludiette», «Danse burlesque», «Valse», «Berceuse», «Bouderie», «Aux champs», «Pensée», «Désespoir», «Marche lent», «L'oiseau», «Barcarolle», «Scherzo».

⁴ Семь романсов ор. 1 Н. Я. Мясковского, написанные в июле 1907 г., изданы в 1922 г. Музсектором под названием «Размышления», с посвящением Б. В. Асафьеву.

К письму 3

¹ Романс А. Н. Кобылянского «Распустилась ветка черемухи» неизвестен.

² Вторая детская опера Б. В. Асафьева «Снежная королева» на либретто С. М. и В. М. Мартыновых по сказке Х.-К. Андерсена написана в период с 20 июня по 11 августа 1907 г.

³ Первая детская опера Б. В. Асафьева «Золушка» на либретто Л. А. Левандовской по сказке Ш. Перро написана летом 1906 г.

К письму 4

¹ Имеется в виду Соната H-dur Н. Я. Мясковского, написанная в 1907 г.;

переработана в 1944 г. и в 1946 г. издана Музгизом под оп. 64, № 1.

² В 1907 г. Б. В. Асафьевым написано одиннадцать романсов; какой из них упоминает Н. Я. Мясковский — неизвестно.

<стр. 484>

К письму 5

¹ Имеются в виду пьесы из сборника «Floſion», см. комм. 3 к письму 2.

К письму 6

¹ См. комм. 2 к письму 2.

² См. комм. 1 к письму 4.

³ Соната для фортепиано G-dur, одночастная (по консерваторскому счету № 2), сочинённая Н. Я. Мясковским в 1907 г., в 1909 г. переделана в Увертюру для небольшого оркестра. Позже автором сделана вторая редакция Увертюры: в 1948 г. — клавир, в 1949 — партитура; это сочинение осталось без опуса.

⁴ В 1907 г. Н. Я. Мясковским написан струнный квартет F-dur, переработанный в 1945 г. и ставший Десятым квартетом, оп. 67, № 1.

⁵ Соната a-moll для фортепиано C: С. Прокофьева написана в 1907 г., переработана в 1917 г. и издана фирмой А. Гутхейля в 1918 г. под названием Третья соната, оп. 28 (Из старых тетрадей).

К письму 7

¹ См. комм. 1 к письму 4.

К письму 8

¹ 9 декабря 1907 г. в седьмом симфоническом концерте, организованном владельцами фортепианной фабрики в Петербурге — Шредерами, исполнялись: Л. Бетховен — Третья симфония и Четвертый концерт для фортепиано с оркестром (солист Л. Годовский), Р. Штраус — Сцена любви из оперы «Feuersnoth»; дирижировал Г. Вецлер.

² Упомянутые фортепианные пьесы не сохранились. Впоследствии, по-видимому, в 1949 г. С. С. Прокофьев восстановил по памяти «Снежок» (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 230).

К письму 9

¹ В учебном 1907/08 г. С. С. Прокофьев проходил инструментовку в классе Н. А. Римского-Корсакова, где инструментовались фортепианные пьесы.

К письму 10

¹ 25 апреля 1908 г. на экзамене по классу специального фортепиано А. А.

Винклера, у которого учился С. С. Прокофьев, он играл: И. Кесслер — Концертный этюд f-moll; И.-С. Бах — Фуга c-moll из второго тома «Wohltemperiertes Klavier»; Р. Шуман — «Traumeswirren», № 7 из оп. 12.

К письму 11

¹ Экзамены по классу фуги в Петербургской консерватории состоялись 6, 7 и 8 мая 1908 г. С. Прокофьев получил на экзамене 4+.

² Летом 1908 г. в Сонцовке С. С. Прокофьев сочинял трехчастную симфонию e-moll, закончив ее в сентябре того же года. Симфония не сохранилась (см. комм. 3 к письму 38).

³ Первая симфония c-moll, оп. 3 Н. Я. Мясковского написана летом 1908 г. К 1 июля закончена в эскизе первая часть, к 8 июля — финал, к 27 июля — вторая часть larghetto. Инструментовка начата 3 августа и закончена 8 сентября того же года.

К письму 13

¹ См. комм. 3 к письму 11.

² См. комм. 2 к письму 11.

<стр. 485>

К письму 14

¹ В 1908 г. С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский и А. И. Канкарович задумали коллективно написать Сонату для скрипки и фортепиано. С. С. Прокофьев написал первую часть — сонатное аллегро, музыкальные темы которой он воспроизводит в Автобиографии (с. 479). Так как замысел коллективного сочинения не был осуществлен, С. С. Прокофьев использовал тему побочной партии в опере «Маддалена».

² «Мейстерзингеры» («Нюрнбергские мастера пения»), опера Р. Вагнера. Имеется в виду соединение двух тем в увертюре к этой опере.

³ Имеется в виду финал Седьмой симфонии А. К. Глазунова, о чем С. С. Прокофьев рассказывает в Автобиографии (с. 508).

К письму 19

¹ 18 декабря 1908 г. на «Вечере современной музыки» С. С. Прокофьев впервые выступил публично, сыграв по рукописи следующие сочинения: «Сказка» (в переработанном виде, оп. 3, № 1), «Снежок» (см. комм. 2 к письму 8), «Воспоминания», «Порыв» (в переработанном виде, оп. 4, № 1 и № 2), «Мольбы» (рукопись не сохранилась), «Отчаяние», «Наваждение» (в переработанном виде, оп. 4, № 3 и № 4). В этом же концерте по рукописи были исполнены три стихотворения З. Н. Гиппиус для голоса с фортепиано, оп. 4 Н. Я. Мясковского: «Луна и туман», «Противоречия», «Кровь», а также сочинения Э. Грига, И. И. Витоля, С. И. Танеева, Н. Н. Черепнина и А. Г. Чесноова.

² Известны четыре отзыва на «Вечер современной музыки» в газетах: «Слово», 1908, 20 дек., № 656 (за подписью *Н. Сем.*); «Речь», 1908, 22 дек., № 315 (записью *Г. Т.* [Г. Н. Тимофеев]); «Петербургский листок», 1908, 24 дек., № 354 (без подписи); «St. Petersburg Zeitung», 1908, 24 дек., № 357 (за подписью *А. W.* [А. А. Винклер]).

К письму 20

¹ Общедоступные симфонические концерты графа А. Д. Шереметева давались в Петербурге с 1898 г. 31 декабря 1908 г. состоялась репетиция к 135 концерту 2 января 1909 г. под управлением А. К. Глазунова. В программе: А. Г. Лемба — Симфония; М. О. Штейнберг — «Русалка», кантата на слова М. Ю. Лермонтова; Н. А. Соколов — Четыре романса из ор. 41; Н. Д. Николаев — Концерт для фортепиано с оркестром (исп. автор) и симфоническая поэма «Из мира сего» (под управлением автора).

К письму 21

¹ Речь идет о переложениях для фортепиано в четыре руки Пятой и Шестой симфоний А. К. Глазунова.

К письму 23

¹ Речь идет о переложениях для фортепиано в четыре руки симфоний А. К. Глазунова.

² Для предстоящего весной 1909 г. экзамена по классу форм И. И. Витоля С. С. Прокофьев подыскивал сюжет для оперного отрывка. Он остановился на «Пире во время чумы» А. С. Пушкина.

К письму 24

¹ Н. Я. Мясковский помогал С. С. Прокофьеву в проверке оркестровых партий его Симфонии e-moll, расписываемой к предстоящему исполнению 23 февраля 1909 г. на закрытой репетиции Придворного оркестра под управлением Г. И. Варлиха.

<стр. 486>

К письму 25

¹ С. С. Прокофьев жил на Садовой улице, 90 (Сенной площади) вблизи церкви «Покрова пресвятыя Богородицы».

² Лямер — «La mer». Под таким названием известны два сочинения: «La mer», три симфонических эскиза К. Дебюсси и «Море», фантазия для оркестра А. К. Глазунова.

К письму 26

¹ С. С. Прокофьев уехал из Петербурга в Сонцовку на пасхальные каникулы.

² Н. Я. Мясковский намеревался переложить для фортепиано в четыре руки вторую часть Симфонии е-moll С. С. Прокофьева.

³ Возможно, что Н. Я. Мясковский имеет в виду замысел оперы «Идиот» по роману Ф. М. Достоевского, возникший у него в 1908 г.

К письму 27

¹ *хе и ве...* — Христос воскрес! — пасхальное приветствие-поздравление.

² Симфониетта А-dur, op. 5 С. С. Прокофьева сочинена в 1909 г.; переработана в 1914 г. В 1929 г. автор сделал новую (третью) редакцию для малого оркестра, помеченную op. 48.

³ На выпускных экзаменах весной 1909 г. С. С. Прокофьев получил по истории музыки и по эстетике отметку 5.

⁴ Н. Я. Мясковский интересовался сочинениями П.-Б. Шелли в связи с подысканием сюжета для нового симфонического произведения.

К письму 28

¹ Проездом из Петербурга в Сонцовку, где С. С. Прокофьев проводил лето 1909 г., он остановился в Москве и в магазине П. Юргенсона (Жюржансона) увидел Пятую сонату, op. 53 А. Н. Скрябина.

² См. комм. 2 к письму 26.

К письму 29

¹ В Симфониетте, op. 5, С. С. Прокофьева пять частей: 1. Allegro giocoso, 2. Andante, 3. Интермеццо, Vivace, 4. Скерцо. Allegro risoluto, 5. Allegro giocoso. С. С. Прокофьев посылал Н. Я. Мясковскому третью часть Интермеццо.

² Речь идет о Второй сонате е-moll, op. 75, для фортепиано А. К. Глазунова.

³ См. комм. 2 к письму 26. Возможно, что Н. Я. Мясковский намеревался сделать также переложение для фортепиано в четыре руки Симфониетты, op. 5 С. С. Прокофьева.

⁴ С. С. Прокофьев готовился к первому уроку у А. Н. Есиповой, в класс специального фортепиано которой он перешел с осени 1909 г., уйдя от А. А. Винклера.

К письму 30

¹ Возможно, что имеется в виду романс «Ты был кроток и зол» С. С. Прокофьева. В письме от 13 января 1909 г. С. С. Прокофьев благодарит Е. Н. Эше за присылку текстов для романсов и пишет: «Единственно, что я у Вас откопал — это «Ты был кроток и зол...» (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 382, л.

2—2 об.; черновик). Романс неизвестен. Автора текста установить не удалось.

² В Интермеццо из Симфониетты С. С. Прокофьева в одном месте тема проводится в тональностях С, потом А, и снова повторяется в таком же порядке. Это и дало возможность Н. Я. Мясковскому это место назвать С—А—С—А (Ца—ца).

³ См. комм. 2 к письму 23.

<стр. 487>

К письму 31

¹ Сонаты для фортепиано, ор. 111 и ор. 53, Л. Бетховена.

² «Молчание», симфоническая притча по Э. По, ор. 9 Н. Я. Мясковского написана летом 1909 г. и инструментована в январе 1910 г.

К письму 32

¹ С. С. Прокофьев предлагал А. И. Канкаровичу, стажировавшемуся в Воронеже, вместе с Симфониеттой, исполнение которой было согласовано, включить в программу концерта также Симфонию е-moll. Концерт в Воронеже не состоялся.

К письму 33

¹ Имеется в виду Рихард Штраус.

К письму 34

¹ Намерение С. С. Прокофьева переложить для фортепиано в четыре руки Первую симфонию, ор. 3 Н. Я. Мясковского не было осуществлено. Переложение сделано автором в 1929 г.

К письму 35

¹ Письмо А. И. Канкаровича (Абрашка) к С. С. Прокофьеву из Воронежа от 9 июля 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 559, л. 4—5).

² Летом 1909 г. С. С. Прокофьевым написаны Четыре этюда для фортепиано, ор. 2, посвященные А. А. Винклеру и изданные фирмой П. Юргенеона в 1912 г. Тогда же написана Мазурка для фортепиано, после переработки вошедшая под № 4 в ор. 12, посвященная «Колечке Мясковскому».

³ Зимой 1909/10 г. Р. Штраус (безумный страус) в Россию не приезжал.

К письму 37

¹ В этом письме дается разбор первой части Симфониетты, ор. 5 С. С. Прокофьева.

² См. комм. 2 к письму 35. Вся Мазурка написана квартами.

К письму 38

¹ См. комм. 3 к письму 1.

² См. комм. 1 к письму 34.

³ В архиве Н. Я. Мясковского сохранилось переложение для фортепиано в четыре руки только Andante из Симфонии e-moll С. С. Прокофьева (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 50).

К письму 39

¹ См. комм. 1 к письму 34.

К письму 40

¹ Имеется в виду «Сонет Микеланджело» в переводе Ф. И. Тютчева для голоса с фортепиано, написанный Н. Я. Мясковским 27 апреля 1909 г. Издан РМИ в 1910 г. Это первое напечатанное произведение Н. Я. Мясковского.

К письму 42

¹ Сохранился черновик письма С. С. Прокофьева к А. Н. Есиповой от 8 сентября 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 384, л. 36—36 об.).

² См. комм. 2 к письму 35.

<стр. 488>

К письму 44

¹ В симфоническом концерте учащихся Петербургской консерватории 6 ноября 1909 г. исполнялись: Ф. Шуберт — Неоконченная симфония (первой частью дирижировал С. С. Прокофьев, второй — А. И. Орлов); А. С. Даргомыжский — Хор волшебных дев из неоконченной оперы «Рогдана» (дирижировал М. О. Штейман); К. Вебер — увертюра к опере «Оберон» (дирижировал А. И. Канкарович).

К письму 45

¹ Для очередного музицирования С. С. Прокофьев просил принести ноты Седьмой симфонии А. К. Глазунова и, вероятно, «Ученика чародея» П. Дюка и «Бурлеску» для фортепиано с оркестром Р. Штрауса.

² В 1909—1910 гг. С. С. Прокофьевым были написаны Два стихотворения для женского хора и оркестр на слова К. Д. Бальмонта, ор. 7: «Белый лебедь» и «Волна».

К письму 46

¹ По упомянутому в письме адресу жил Э. М. Кек — переписчик нот.

² См. комм. 2 к письму 27.

К письму 47

¹ Домашняя симфония («Доместика») Р. Штрауса.

К письму 48

¹ См. комм. 2 к письму 45.

К письму 50

¹ 21 февраля 1910 г. С. С. Прокофьев впервые публично выступил в Москве со своими сочинениями на тринадцатой «Музыкальной выставке», организованной М. А. Дейша-Сионицкой. Он исполнил: Первую сонату и три этюда №№ 1, 2 и 4 из ор. 2.

² «Мадригал», сюита для голоса с фортепиано на слова К. Д. Бальмонта, ор. 7 Н. Я. Мясковского написана в 1909—1910 гг. Произведения Н. Я. Мясковского на «Музыкальных выставках» в Москве не исполнялись.

К письму 51

¹ В газете «Русское слово» (1910, 23 февр., № 43) Н. Д. Кашкин писал: «Совсем еще молодой, почти юный, С. С. Прокофьев выступил в качестве пианиста со своими четырьмя пьесами: сонатным аллегро и тремя этюдами. Во всех этих сочинениях видны талантливость и вполне серьезное отношение к делу. Во всем много юношеской отваги, но в то же время видна и солидная подготовка. Г-н Прокофьев оказался также и хорошим пианистом».

К письму 54

¹ Опера Р. Вагнера «Гибель богов» в Мариинском театре в 1910 г. шла 4, 7 и 9 апреля.

К письму 55

¹ «Сны», симфоническая картина, ор. 6 С. С. Прокофьева написана в 1910 г. и посвящена А. Н. Скрябину.

² В деревне Батово около станции Сиверская Варшавской ж. д. летом 1910 г. жил Н. Я. Мясковский.

<стр. 489>

К письму 56

¹ «Сны» С. С. Прокофьева исполнены впервые в Москве только 1 июля 1911 г. в симфоническом концерте на Сокольническом кругу, под управлением К. С. Сараджева, а не Э. А. Купера.

² Вторая симфония *cis-moll*, ор. 11 Н. Я. Мясковского была задумана в 1910 г. и завершена 22 июня 1911 г. Инструментовка ее закончена к 9 октября 1911 г.

К письму 57

¹ Письмо А. И. Зилоти к С. С. Прокофьеву из Выборга от 29 июля 1910 г. (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 546, л. 1).

² Намерение Б. С. Захарова сделать фортепианное переложение «Снов» С. С. Прокофьева не было осуществлено.

К письму 58

¹ С 9 по 18 августа 1910 г. в Петербурге состоялся пятый всемирный конкурс пианистов и композиторов имени А. Г. Рубинштейна.

² Имеются в виду «Поганый пляс Кашеева царства» из балета «Жар-птица» И. Ф. Стравинского и «Танец амазонки», ор. 65 А. К. Лядова.

³ Письмо А. И. Зилоти к Н. Я. Мясковскому из Выборга от 22 июля 1910 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 150, л. 1—2).

⁴ По-видимому, Н. Я. Мясковский имеет в виду Струнный квартет d-moll, написанный в 1910 г. В 1930 г. он был переработан автором и издан Музгизом в 1931 г. под ор. 33, № 3.

⁵ См. комм. 2 к письму 56.

⁶ Первый концерт Des-dur для фортепиано с оркестром, ор. 10 С. С. Прокофьева, начатый в 1910 г., завершён в 1911 г. Фирмой П. Юргенсона издано переложение автора для двух фортепиано в 1913 г., а партитура в 1915 г.

К письму 59

¹ «Осеннее», симфонический эскиз для малого оркестра, ор. 8 С. С. Прокофьева написан летом 1910 г. Впервые исполнен в Москве 19 июля 1911 г. в симфоническом концерте на Сокольническом кругу под управлением А. К. Метнера.

² Упомянутые струнные квартеты Н. Я. Мясковского известны в переработанном виде. Квартет F-dur (1907) переработан в 1945 г. и издан Музгизом в 1946 г. под ор. 67, № 1; Квартет f-moll (1909) переработан в 1937 г. и издан издательством «Искусство» в 1938 г. под ор. 33, № 4; Квартет d-moll (1910) — см. комм. 4 к письму 58. Возможно, что именно эти квартеты Н. Я. Мясковский посылал на конкурс «Петербургского общества любителей камерной музыки». Ни один из квартетов Н. Я. Мясковского не получил премии.

³ В двухчастном квартете d-moll (1910) вторая часть — тема с вариациями, заимствована из «Колыбельной» для фортепиано, ор. 66, № 7 Э. Грига. Поэтому С. С. Прокофьев называет квартет *Эдвардом*.

⁴ Соната C-dur, ор. 53, для фортепиано Л. Бетховена, так называемая «Аврора». Некоторые сонаты Л. Бетховена получили названия, отсутствующие у автора. А. А. Алышванг так объясняет название «Аврора»: «Из многочисленных сюжетных толкований этой сонаты можно признать более или менее удачным следующее. Начало — первая часть — оживленный, кипучий, шумный день. Интродукция ко второй части — тихая ночь. И, наконец, вторая,

финальная часть — разгорающаяся заря нового благоухающего утра. Отсюда и название сонаты — «Аврора» (Заря)» (А л ь ш в а н г А. Бетховен. Очерк жизни и творчества. Изд. 4-е. М., 1970, с. 207).

К письму 60

¹ Речь идет о В. М. Моролёве.

<стр. 490>

К письму 61

¹ Намерение Н. Я. Мясковского сделать переложение для фортепиано в четыре руки «Осеннее» С. С. Прокофьева осталось неосуществленным.

² «Фейерверк», фантазия для оркестра И. Ф. Стравинского.

К письму 62

¹ См. комм. 3 к письму 1 и комм. 2 к письму 35.

² По-видимому, С. С. Прокофьев, рассерженный отказом РМИ, собирался издать Первую сонату, ор. 1 и Четыре этюда, ор. 2 сам, минуя всяких Иванычичей, то есть наследников Петра Ивановича Юргенсона. Тем не менее, указанные сочинения были изданы фирмой П. Юргенсона.

К письму 63

¹ С. С. Прокофьев, будучи в Москве, хотел показать свои сочинения — «Сны» и «Осеннее» В. В. Держановскому и К. С. Сараджеву.

² Название симфонического эскиза «Осеннее», как видно из комментируемого письма, было найдено не сразу.

К письму 64

¹ 22 ноября 1910 г. в концерте учащихся Петербургской консерватории памяти Л. Н. Толстого С. С. Прокофьев исполнял Первую сонату и дирижировал симфонической картиной «Сны».

К письму 65

¹ «Сказка», то есть «Молчание» Н. Я. Мясковского, впервые исполнена в Москве 31 мая 1911 г. в симфоническом концерте на Сокольническом кругу под управлением К. С. Сараджева.

² М. Н. Ренквист.

³ См. комм. 1 к письму 56 и комм. 1 к письму 59.

К письму 67

¹ «Маддалена», опера в одном действии на либретто М. Ливен (М. Г. Орловой), ор. 13 С. С. Прокофьева написана в 1911 г.; в 1913 г. сделана вторая

редакция оперы. Н. Я. Мясковский, ознакомившись с этой оперой, писал В. В. Держановскому 26 сентября 1911 г.: «Чувствуется, как вырос его талант. [...] Не говоря о совершенно необычном и местами поразительном по свежести и мрачной силе гармоническом письме, поражает вулканичность его темперамента. По напряженности стиля опера напоминает Р. Штрауса, только без пошлости того» (ГЦММК, ф. 3, ед. хр. 3, 237/8).

К письму 68

¹ Симфониетта A-dur, op. 10, в трех частях для малого оркестра Н. Я. Мясковского написана в конце 1910 г. и инструментована в 1911 г. В 1925 г. автором сделана вторая редакция, а в 1943 г. — третья.

² Отзывы на исполнение в Москве «Молчания» Н. Я. Мясковского напечатаны в газетах: «Русские ведомости», 1911, 2 июня, № 125 (Гр. П[рокофьев]); «Утро России». 1911, 2 июня, № 125 (Ф. [В. В. Держановский]); «Голос Москвы», 1911, 3 июня, № 126 (Л. Сабанеев); «Московские ведомости», 1911, 3 июня, № 124 (Г. Ч [ерешнев]).

³ В. В. Яковлев, женатый на сестре Н. Я. Мясковского Вере Яковлевне.

⁴ Н. Я. Мясковский окончил Петербургскую консерваторию весной 1911 г.

<стр. 491>

К письму 69

¹ Речь идет о Первой сонате для фортепиано Н. Я. Мясковского. Предлагаемые С. С. Прокофьевым исправления не были приняты автором.

² *Фуга* — первая часть Первой сонаты Н. Я. Мясковского.

К письму 70

¹ Дивертисмент для оркестра Н. Я. Мясковского в окончательном виде получил наименование Симфониетты. См. комм. 1 к письму 68.

² Первая соната D-dur для виолончели и фортепиано, op. 12, в двух частях Н. Я. Мясковского написана летом 1911 г. Издана фирмой П. Юргенеона в 1913 г.

³ Танеев С. Подвижной контрапункт строгого письма. Лейпциг, 1909.

К письму 71

¹ См. предыдущее письмо. Первую сонату для фортепиано Н. Я. Мясковский первоначально посвятил С. С. Прокофьеву, но при издании посвящение снял и посвятил Сонату Н. Л. Гофман.

² См. комм. 2 к письму 56 и письмо 58.

К письму 72

¹ См. комм. 1 к письму 59.

К письму 73

¹ По-видимому, речь идет о балетной интерпретации «Карнавала» Р. Шумана, доставленного впервые М. М. Фокиным для благотворительного спектакля в Петербурге 20 февраля 1910 г. Эта постановка прошла в «Русском балете Сергея Дягилева» в Берлине и Париже, а 6 февраля 1911 г. была осуществлена на сцене Мариин-ского театра в Петербурге.

² Симфониетта С. С. Прокофьева в Москве не исполнялась.

К письму 74

¹ В связи с предстоящим 25 июня 1912 г. исполнением в Москве Первого концерта для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева, редакция журнала «Музыка» предполагала поместить авторский тематический разбор этого произведения.

² См. комм. 1 к письму 73.

К письму 75

¹ Ньетточкой С. С. Прокофьев называл Симфониетту, ор. 5.

² Токката C-dur для фортепиано, ор. 11 С. С. Прокофьева написана в 1912 г.; издана фирмой П. Юргенеона в 1913 г.

К письму 76

¹ См. комм. 1 к письму 74.

К письму 77

¹ Вторая симфония Н. Я. Мясковского впервые исполнялась в Москве 11 июля 1912 г. в Алексеевском народном доме под управлением К. С. Сараджева.

К письму 78

¹ Упоминаемое письмо С. С. Прокофьева к В. В. Держановскому неизвестно.

<стр. 492>

К письму 79

¹ 25 июля 1912 г. в Москве в Алексеевском народном доме (который С. С. Прокофьев в письме от 15 июля 1912 г. называет *maison publique*) состоялся двенадцати симфонический концерт под управлением К. С. Сараджева. В программе кроме Первого концерта С. С. Прокофьева: Ю. Л. Вейсберг — Симфония g-moll, ор. 4 (в первый раз); М. О. Штейнберг — Драматическая фантазия, ор. 9; А. И. Юрасовский — «В лунном свете», симфонический отрывок, ор. 6 (в первый раз).

К письму 80

¹ *Титулованным одноименцем* С. С. Прокофьев называет критика Г. П. Прокофьева, подписывавшегося *Гр. Пр.* На исполнение Второй симфонии Н. Я. Мясковского в Москве появились следующие отзывы в газетах: «Раннее утро», 1912, 13 июля, № 161, (Н. Куров); «Русские ведомости», 1912, 13 июля, № 161 (*Гр. Пр[окофьев]*); «Голос Москвы», 1912, 13 июля, № 161 (без подписи); «Утро России», 1912, 13 июля, № 161 (Г. Конюс); «Московские ведомости», 1912, 15 июля, № 164 (без подписи); журн. «Студия», 1912, 21 июля, № 40—41 (Ф. Китцер). Так как Л. Л. Сабанеев сотрудничал в газете «Голос Москвы», то С. С. Прокофьев приписывает ему упомянутый отзыв без подписи.

² ... *maison publique* ... — см. комм. 1 к письму 79.

К письму 81

¹ «Аластор», симфоническая поэма по П.-Б. Шелли, ор. 14 Н. Я. Мясковского» написана в 1912—1913 гг. Эскиз поэмы, с музыкальными темами которой познакомился С. С. Прокофьев, был закончен к 1 декабря 1912 г.

К письму 82

¹ Вторая соната d-moll для фортепиано, ор. 14, в четырех частях С. С. Прокофьева написана в период с марта 1912 г. по 28 августа того же года. Издана фирмой П. Юргенсона в 1913 г.

К письму 85

¹ Первое исполнение отрывков из балета И. Ф. Стравинского «Петрушка» в Петербурге состоялось 13 января 1913 г. в седьмом симфоническом концерте под управлением С. А. Кусевицкого.

² Соната e-moll для фортепиано, ор. 25, № 2 Н. К. Метнера написана в 1911 г., впервые в Петербурге исполнена автором 21 января 1913 г. в третьем камерном концерте Зилоти из произведений Н. К. Метнера.

³ Авторское переложение для фортепиано в четыре руки «Аластора» Н. Я. Мясковского издано Музсектором в 1927 г.

К письму 86

¹ Приглашение на ученический концерт 10 марта 1913 г., посвященный столетию со дня рождения А. С. Даргомыжского, где учащиеся консерваторий исполнили его сочинения. С. С. Прокофьев выступил в качестве дирижера; под его управлением шли: «Чухонская фантазия», «Малороссийский казачок» и романс «Свадьба» (в инструментовке А. К. Глазунова).

К письму 87

¹ См. комм. 2 к письму 70.
<стр. 493>

К письму 88

¹ Летом 1913 г. С. С. Прокофьев совершил первую заграничную поездку, побывав во Франции, Англии и Швейцарии.

² 28 мая 1913 г. А. К. Глазунов дирижировал в Павловске симфоническим концертом из своих произведений: Шестая симфония, Вступление и Пляска Саломеи к драме О. Уайльда «Саломея», Балетная сюита, ор. 52.

³ О Первом концерте, ор. 10, см. комм. 6 к письму 58. Второй концерт g moll, ор. 16, для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева написан в 1913 г. Партитура его пропала, и в 1923 г. автор восстановил ее, сделав новую редакцию. А. К. Глазунов (*толстый Шуренок, Сашика*), поддерживавший С. С. Прокофьева в его ученические годы, не понял могучего таланта композитора, буйно развивавшегося и поражавшего современников новизной и остротой музыкального языка. В 1914 г. С. С. Прокофьев окончил Петербургскую консерваторию по классу фортепиано проф. А. Н. Есиповой и на выпускном экзамене 22 апреля исполнил свой Первый концерт (на втором фортепиано аккомпанировал В. А. Дранишников). А. К. Глазунов оказался в числе профессоров, голосовавших против присуждения С. С. Прокофьеву премии имени А. Г. Рубинштейна. Эти премии были установлены фортепианной фирмой Шредера для победителя конкурса среди лучших выпускников консерватории. С. С. Прокофьев, среди пяти лучших учеников выпуска 1914 г., оказался победителем конкурса и ему была присуждена премия — рояль фирмы Шредера.

⁴ Намечавшееся на 2 августа 1913 г. первое исполнение С. С. Прокофьевым Второго концерта состоялось в Павловске 23 августа 1913 г. под управлением А. П. Асланова; в этом же концерте исполнялись: «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова и Сюита из оперы «Князь Серебряный» Г. А. Казаченко под управлением автора.

⁵ С. С. Прокофьев делал безуспешную попытку устроить исполнение своих произведений в Русских симфонических концертах, основанных М. П. Беляевым в 1885 г. и часто называвшихся Беляевскими концертами. После смерти Митрофана Петровича Беляева и Н. А. Римского-Корсакова черты академизма возобладали в их программах, что дало повод Прокофьеву назвать их *Митрофаньевским кладбищем*.

⁶ Баллада c-moll для виолончели и фортепиано, ор. 15 С. С. Прокофьева написана в 1912 г.; вступление и начало главной партии построены на материале Скрипичной сонаты 1903 г. Баллада издана фирмой П. Юргенсона в 1915 г.

⁷ Исполнение в Павловске под управлением А. П. Асланова Второй симфонии Н. Я. Мясковского и сочинений А. И. Юрасовского: «В лунном свете», симфонический отрывок, ор. 6 и «Фантомы», симфоническая поэма, ор. 8, состоялось в одном концерте 28 июня 1913 г. Из-за невозможности

обеспечить увеличенный состав оркестра, предполагавшееся 2 августа 1913 г. исполнение «Снов» С. С. Прокофьева не состоялось.

К письму 89

¹ Имеются в виду балет «Весна священная» И. Ф. Стравинского и его романсы «Из японской лирики». Изданы РМИ.

² Письмо Б. Л. Яворского к Н. Я. Мясковскому из Москвы от 31 мая 1913 г. (ГЦММК, ф. 146, № 1054).

К письму 91

¹ С. С. Прокофьев называет балеты, показанные в Париже в июне 1913 г. «Русским балетом Сергея Дягилева»: «Петрушка» и «Жар-птица» И. Ф. Стравинского «Нарцис» Н. Н. Черепнина, «Дафнис и Хлоя» М. Равеля, «Трагедия Саломеи» Ф. Шмитта, «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова, «Карнавал» Р. Шумана в инструментовке русских композиторов (см. комм. 1 к письму 73), Половецкие пляски из оперы «Князь Игорь» А. П. Бородина.

² С. С. Прокофьев имеет в виду разучивание своего Второго концерта ор. 16.

К письму 92

¹ См. комм. 7 к письму 88.

<стр. 494>

К письму 93

¹ В. В. Держановский, издававший в Москве еженедельник «Музыка», настойчиво приглашал С. С. Прокофьева сотрудничать в журнале. На предложение Н. Я. Мяковского в комментируемом письме С. С. Прокофьев не ответил.

² См. комм. 7 к письму 88.

³ См. комм. 1 к письму 77.

⁴ Рецензия Н. Д. Бернштейна («Петербургская газета», 1912, 5 авг., № 213) на первое исполнение Первого концерта С. С. Прокофьева в Павловске 3 августа 1912 г. под управлением А. П. Асланова.

⁵ Рецензия Н. Д. Бернштейна («Петербургская газета», 1913, 30 июня, № 176) на исполнение Второй симфонии Н. Я. Мяковского.

К письму 95

¹ 22 января 1914 г. в Москве состоялся четвертый «Вечер современной музыки», организованный В. В. Держановским, Е. В. Колосовой и К. С. Сараджевым, в котором С. С. Прокофьев исполнил свои сочинения: Вторую сонату, ор. 14 (впервые). Этюд № 3 из ор. 2, «Сказку» и Марш из ор. 3, Прелюд, Ригодон и «Легенду» из ор. 12 (впервые), «Отчаяние» и «Наваждение» из ор. 4

и совместно с виолончелистом Е. Я. Белоусовым Балладу для виолончели и фортепиано ор. 15 (впервые). Из произведений Н. Я. Мясковского, Е. Я. Белоусов и П. А. Ламм исполнили Первую сонату для виолончели и фортепиано, ор. 12 (впервые) и несколько романсов на слова З. Н. Гиппиус и Вяч. Иванова в сопровождении П. А. Ламма спела Е. В. Колосова.

2 Речь идет об оркестровых партиях Второго концерта, ор. 16 С. С. Прокофьева.

К письму 97

¹ Письмо В. В. Держановского к Н. Я. Мясковскому из Москвы от 26 июля 1913 г. (ГЦММК, ф. 71, № 168).

² Речь идет об одноактном балете Б. В. Асафьева «Белая лилия», написанном в 1910 г. Н. Я. Мясковский помогал Б. В. Асафьеву в подготовке к изданию переложения балета для фортепиано в две руки, вышедшего в издательстве Ю. Г. Циммермана в 1914 г.

³ По-видимому, имеется в виду финал «Аластора» Н. Я. Мясковского (см. комм. 1 к письму 81).

⁴ См. комм. 7 к письму 88.

К письму 99

¹ Письмо В. В. Держановского к С. С. Прокофьеву из Москвы от 11 августа 1913 г. (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 525, лл. 5—6).

² Вторая соната *fis-moll* для фортепиано, ор. 13, Н. Я. Мясковского написана в 1912 г. и посвящена Б. С. Захарову. Издана фирмой П. Юргенсона в 1914 г. и удостоена Глинкинской премии в 1916 г. Приглашение Б. С. Захарова к участию в «Вечерах современной музыки» в Москве не состоялось. Об исполнении им Второй сонаты Н. Я. Мясковского см. комм. 1 к письму 135.

К письму 100

¹ К предстоящему исполнению в Москве (см. комм. 1 к письму 95) в журнале «Музыка» (1914, № 165, 18 янв.) помещен тематический разбор Второй сонаты для фортепиано и Баллады для виолончели и фортепиано С. С. Прокофьева, а также Первой сонаты для виолончели и фортепиано, ор. 12 Н. Я. Мясковского.

<стр. 495>

К письму 101

¹ После первого исполнения 23 января 1914 г. Баллады для виолончели и фортепиано С. С. Прокофьева, автор намеревался ее несколько переделать.

² Вторая симфония Н. Я. Мясковского была предложена для издания РМИ и отклонена последним.

К письму 102

¹ По-видимому, С. С. Прокофьев имеет в виду «Предчувствия», шесть набросков на слова З. Н. Гиппиус для голоса с фортепиано, ор. 16 Н. Я. Мясковского, написанные в 1913—1914 гг. Они были изданы фирмой П. Юргенсона в 1916 г. с добавлением двух набросков: «Нескорбному учителю» и «В гостинной», написанных в 1904—1906 гг., под названием «Из З. Н. Гиппиус», восемь набросков.

² С. С. Прокофьев предлагал свой Второй концерт для фортепиано с оркестром для исполнения в концертах Зилоти. Последний не включил его в программу концертов, в которых отводил много места произведениям современных французских композиторов. Упомянутое письмо А. И. Зилоти к С. С. Прокофьеву от 10 апреля 1914 г. (ЦГАЛИ, ф. 1929. оп. 1, ед. хр. 546, л. 3-3 об).

К письму 103

¹ Н. Я. Мясковский, выступавший в печати под псевдонимом Мизантроп или М-ъ, поместил в журнале «Музыка» (1914, № 178, 18 сент.) небольшую, но довольно резкую статью «Петербургские туманы», обвинив в ней А. И. Зилоти в невнимательном отношении к новой русской музыке.

К письму 104

¹ Поездка С. С. Прокофьева в Англию была подарком от матери «за хорошее окончание консерватории».

К письму 105

¹ Н. Я. Мясковский заканчивал партитуру Третьей симфонии a-moll, ор. 15, начатой в 1913 г.

² «Соловей», опера И. Ф. Стравинского по сказке Х.-К. Андерсена, впервые была поставлена в «Русском балете Сергея Дягилева» в Париже 26 мая 1914 г. Постановка А. Н. Бенуа и А. А. Санина, художник А. Н. Бенуа, балетмейстер Б. Г. Романов, дирижер П. Монте. «Золотой петушок», опера Н. А. Римского-Корсакова по сказке А. С. Пушкина, впервые как балет с пением поставлена в «Русском балете Сергея Дягилева» в Париже 21 мая 1914 г. Постановка М. М. Фокина, художник Н. С. Гончарова, дирижер Э. А. Купер. С. С. Прокофьев видел эту постановку в Лондоне.

³ В сеансах одновременной игры, которые Х.-Р. Капабланка давал в Петербургском шахматном собрании 11, 13 и 15 мая 1914 г., С. С. Прокофьев выиграл последнюю партию, проиграв две первые. С. С. Прокофьев гордился своей победой и много говорил о ней, чем и вызвана ироническая реплика Н. Я. Мясковского.

⁴ 10 июля 1914 г. в Москве в концерте на Сокольническом кругу под управлением А. И. Юрасовского исполнялись: Н. Я. Мясковский — Первая симфония (впервые в Москве); А. И. Юрасовский — «Фантомы» и антракт из оперы «Трильби»; С. С. Прокофьев — «Сны»; А. А. Шеншин — «Паутинки».

⁵ См. комм. 2 к письму 99.

⁶ В 1914 г. Р. М. Глиэр стал директором Киевской консерватории и руководителем симфонических концертов Русского музыкального общества в Киеве.

⁷ 17 июня 1914 г. в Павловске в концерте под управлением А. К. Глазунова исполнялись его произведения: Баллада для оркестра, ор. 78; Первый концерт для фортепиано с оркестром, исп. Н. Г. Плещеева; Пятая симфония. По-видимому, Н. Я. Мясковский ошибочно написал про концерт «вчера», так как этот концерт был третьего дня.

<стр. 496>

К письму 106

¹ «Свадебка» И. Ф. Стравинского была закончена и поставлена только в 1923 г.

² По заказу С. П. Дягилева в 1914 г. С. С. Прокофьев начал работу над балетом «Ала и Лоллий» на либретто С. М. Городецкого. Во изменение планов С. П. Дягилева балет не был завершен и на основе музыки балета в 1915 г. С. С. Прокофьев написал Скифскую сюиту «Ала и Лоллий», ор. 20.

³ Первоначальный замысел оперы «Игрок» по повести Ф. М. Достоевского возник у С. С. Прокофьева в 1914 г. К сочинению оперы он приступил только в 1915 г.

⁴ См. комм. 2 к письму 27 и комм. 2 к письму 139.

⁵ См. комм. 2 к письму 105. Постановка «Золотого петушка» как балета с пением вызвала протест со стороны наследников композитора Н. А. Римского-Корсакова, добившихся запрещения постановки.

⁶ «Мидас», вторая картина музыкально-мимического триптиха «Метаморфозы» по Овидию ор. 11 М. О. Штейнберга, либретто Л. С. Бакста и композитора. Впервые поставлен в «Русском балете Сергея Дягилева» в Париже 2 июня 1914 г. Постановка М. М. Фокина, художник М. В. Добужинский.

⁷ Балеты И. Ф. Стравинского «Жар-птица» и «Петрушка» впервые поставлены М. М. Фокиным в «Русском балете Сергея Дягилева» в Париже: «Жар-птица» — 25 июня 1910 г. (художник А. Я. Головин, дирижер Г. Пьерне), «Петрушка» — 13 июня 1911 г. (художник А. Н. Бенуа, дирижер П. Монте).

⁸ «Нарцис», балет Н. Н. Черепнина на либретто Л. С. Бакста и композитора, поставлен впервые М. М. Фокиным в Монте-Карло 26 апреля 1911 г. (художник Л. С. Бакст, дирижер автор). О «Соловье» см. комм. 2 к письму 105. «Легенда об Иосифе», балет Р. Штрауса на либретто Г. фон Гофмансталя и Г. Кеслера, впервые поставлен М. М. Фокиным в «Русском балете Сергея Дягилева» в Париже 14 мая 1914 г. (художники Л. С. Бакст и Х. Серт, дирижер автор).

К письму 107

¹ Н. Я. Мясковский в начале Первой мировой войны был мобилизован и находился в действующей армии. К сочинению Четвертой симфонии он приступил только в 1917 г.

К письму 108

¹ Указанные сочинения были новинками, только что вышедшими из печати.

К письму 109

¹ См. комм. 8 к письму 106 и комм. 2 к письму 105.

² См. комм. 2 к письму 106.

³ Б. С. Захаров учил Второй концерт, ор. 18 С. В. Рахманинова и сыграл его в девятом концерте Придворного оркестра 25 января 1916 г.

К письму 110

¹ «Аластор» и Третья симфония Н. Я. Мясковского впервые исполнены в Москве: «Аластор» (см. комм. 1 к письму 81) 5 ноября 1914 г. во втором симфоническом концерте под управлением С. А. Кусевицкого; Третья симфония (см. комм. 1 к письму 105) 14 февраля 1915 г. в седьмом симфоническом собрании РМО под управлением Э. А. Купера.

² А. К. Лядов умер 14 августа 1914 г. В 1910—1913 гг. он работал над русалией (балетом) «Лейла и Алалей», либретто А. М. Ремизова, сценарный план которого разработал В. Э. Мейерхольд (см. — ЦГАЛИ, ф. 998). Работа не была завершена и, по

<стр. 497>

свидетельству современников, композитор незадолго до смерти сжег все музыкальные материалы. Сохранилась лишь нотная тетрадь с надписью автора: «Всякая чертовщина для балета «Лейла» 1911—1912», на шести страницах которой самые первые наброски музыки балета. Две страницы тетради факсимильно воспроизведены в «РМГ», 1915, № 47—48, с. 755—756.

³ Еженедельный журнал «Музыка», издававшийся в Москве В. В. Держановским с 1910 г., во время войны выходил нерегулярно; последний номер — 255 вышел 23 апреля 1916 г.

⁴ Начиная с лета 1914 г. нотографические заметки Н. Я. Мясковского в журнале «Музыка» были помещены в номерах 190, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 199. Этими заметками закончилось его сотрудничество в этом журнале. Упоминаемые заметки о Первом концерте С. С. Прокофьева и балете «Белая лилия» Б. В. Асафьева были помещены в № 194 от 25 октября и № 193 от 2 августа 1914 г.

К письму 111

¹ См. комм. 2 к письму 27.

² Речь идет о С. М. Городецком, писавшем либретто балета «Ала и Лоллий».

³ Речь идет о корректурах Баллады для виолончели и фортепиано и партитуры Первого концерта для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева, вышедших в свет в 1915 г.

⁴ *Белоуска* — Е. Я. Белоусов.

К письму 112

¹ Десять пьес для фортепиано, ор. 12 С. С. Прокофьева написаны в 1913 г и изданы фирмой П. Юргенсона в 1914 г.

К письму 113

¹ Дворянское собрание в Петербурге, где устраивались концерты Зилоти, во время войны было занято под госпиталь, поэтому концерты в нем были отменены. Позже концерты Зилоти проходили в Мариинском театре.

² «Гадкий утенок», сказка Х.-К. Андерсена для голоса с фортепиано, ор. 18 С. С. Прокофьева написана осенью 1914 г. и издана фирмой А. Гутхейля в 1917 г.

К письму 115

¹ *Держихвостов* — В. В. Держановский.

К письму 116

¹ Первое исполнение «Аластора» Н. Я. Мясковского в Петрограде состоялось 12 ноября 1914 г. во втором симфоническом концерте под управлением С. А. Кусевицкого.

² См. комм. 1 к письму 110.

³ 24 января 1915 г. в Петрограде в шестом симфоническом собрании РМО под управлением Н. А. Малько С. С. Прокофьев исполнял свой Второй (а не Первый) концерт для фортепиано с оркестром.

⁴ См. комм. 2 к письму 106.

К письму 119

¹ *Суковицкий* — С. А. Кусевицкий. См. комм. 1 к письму 116.

К письму 120

¹ Первый симфонический концерт С. А. Кусевицкого в Петрограде состоялся 29 октября 1914 г.

<стр. 498>

² См. комм. 1 к письму 110.

³ Редакция журнала «Музыкальный современник», возглавлявшаяся А. Н.

Римским-Корсаковым при ближайшем участии Ю. Л. Вейсберг и П. П. Сувчинского. с осени 1914 г. устраивала в Петрограде «Вечера современной русской музыки». Б. С. Захаров играл посвященную ему Вторую сонату Н. Я. Мясковского не в феврале 1915 г., а только 14 декабря 1916 г. в третьем «Вечере».

⁴ Парафразы на гимны союзных держав, ор. 96 А. К. Глазунова написаны в 1914 г. в двух редакциях: для оркестра, и для двух фортепиано в четыре руки; в последней редакции они исполнялись 29 октября 1914 г. в первом камерном концерте Петроградской консерватории.

К письму 124

¹ Рецензия В. Г. Каратыгина на исполнение «Аластора» Н. Я. Мясковского в газ. «Речь», 1914, 14 ноября, № 308.

² См. комм. 3 к письму 110.

К письму 125

¹ В «РМГ», 1914, № 47, 23 ноября помещена рецензия Н. П. Малкова на исполнение «Аластора» Н. Я. Мясковского.

² Статья Б. В. Асафьева (псевдоним *Игорь Глебов*) «Аластор» Мясковского» напечатана в журнале «Музыка», 1914, № 198, 22 ноября. С. С. Прокофьев имеет в виду следующую фразу из этой статьи: «Музыка конца поэмы достигает такой глубины, озаренности и дивной трепетности, что невольно весь отдаешься ее чарующему угасанию и застываешь в созерцании поэтического облика, только что воплощенного в звуках и теперь бесследно улетевшего».

³ В связи с войной, из репертуара Мариинского театра были изъяты оперы Р. Вагнера. Взамен их, начиная с января 1915 г., был осуществлен цикл из пяти опер Н. А. Римского-Корсакова: «Садко», «Снегурочка», «Майская ночь», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Сказка о царе Салтане», чему посвящена статья Б. В. Асафьева «Наконец-то! (Корсаковский цикл)» в журнале «Музыка», 1914, № 201, 13 дек.

⁴ 29 ноября 1914 г. в Петрограде во втором «Вечере современной русской музыки» исполнялись сочинения И. Ф. Стравинского, М. О. Штейнберга, В. Г. Каратыгина, Ю. Л. Вейсберг и С. С. Прокофьева, который исполнил Вторую сонату ор. 14 и пьесы из ор. 12: «Легенда», Прелюд, Ригодон, Каприччио, Марш, Скерцо.

⁵ *Дешевовское скерцо* — Скерцо для фортепиано № 10 из ор. 12 С. С. Прокофьева, посвященное В. В. Дешевову.

К письму 126

¹ «Маска красной смерти», хореодрама в одном действии по Э. По, ор. 42 Н. Н. Черепнина написана в 1914—1915 гг.

² «Русалка», опера А. С. Даргомыжского в ученическом спектакле

Петроградской консерватории поставлена 14 декабря 1914 г. под управлением В. А. Дранишникова.

К письму 127

¹ См. комм. 3 к письму 116.

К письму 128

¹ «Азбука в картинках», 14 эскизов для фортепиано, ор. 38 Н. Н. Черепнина и его же Шесть музыкальных иллюстраций для фортепиано к сказке «О рыбаке и рыбке», ор. 41 изданы фирмой П. Юргенсона в 1914 г.

<стр. 499>

К письму 130

¹ См. комм. 1 к письму 103.

² 17 января 1915 г. в пятом «Вечере современной русской музыки» А. Г. Жеребцова-Андреева впервые исполнила «Гадкого утенка» С. С. Прокофьева, аккомпанировал автор.

³ См. комм. 3 к письму 120.

⁴ 13 января 1915 г. группа друзей (Н. Н. Черепнин, Л. В. Николаев, Б. С. Захаров, Ф. С. Акименко, Г. Фительберг и др.) отправила Н. Я. Мясковскому в действующую армию коллективную открытку и посылку.

К письму 131

¹ Упомянутый концерт состоялся 7 марта (н. ст.) 1915 г. под управлением Б. Молиари; кроме Второго концерта для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьев сыграл Этюд из ор. 2 и Прелюд, Ригодон и Марш из ор. 12.

² Поездка С. С. Прокофьева к И. Ф. Стравинскому не состоялась.

К письму 134

¹ 13 апреля 1915 г. в Петрограде состоялся двенадцатый симфонический концерт Придворного оркестра под управлением Г. И. Варлиха, в программе которого, кроме авторского исполнения Второго концерта для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева, были: Ф. А. Гартман — Сюита из балета «Аленький цветочек»; П. А. Петров-Бояринов — «Северная легенда» для оркестра и романсы для голоса с фортепиано, исп. Е. Г. Форест, а также упомянутые в письме сочинения И. Ф. Стравинского.

² 6 апреля 1915 г. в Петрограде в симфоническом концерте Придворного оркестра под управлением Г. И. Варлиха были исполнены Вторая симфония и «Молчание» Н. Я. Мясковского.

³ Балет «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» в шести картинах на собственное либретто по сказкам А. Н. Афанасьева, ор. 21,

написан С. С. Прокофьевым в течение весны и лета 1915 г.

К письму 135

¹ Намерение С. С. Прокофьева разучить и играть в концертах Первую сонату для фортепиано Н. Я. Мяковского не было осуществлено. Третий камерный «Вечер современной русской музыки», где исполнялись сочинения Н. Я. Мяковского, состоялся 14 декабря 1916 года: Вторую сонату для фортепиано (впервые) исполнил Б. С. Захаров; романсы для голоса и фортепиано на слова З. Н. Гиппиус — «Кровь», «Внезапно», «Так ли?» и «Заклинание» — пела О. А. Слободская в сопровождении М. А. Бихтера; Первую сонату для виолончели и фортепиано сыграли Е. В. Вольф-Израэль и Б. С. Захаров. В этом же вечере исполнялись: Струнный секстет № 2, ор. 7 Р. М. Глиэра и романсы С. С. Богатырева и Д. В. Морозова.

² Этот слух оказался неверным. После смерти А. Н. Скрябина, последовавшей в Москве 14 апреля 1915 г., С. В. Рахманинов в сезоне 1915/16 г. выступил с концертами из его произведений в Петрограде и Москве.

³ *Ляпун* — С. М. Ляпунов.

К письму 137

¹ См. комм. 1 к письму 134.

К письму 138

¹ См. комм. 1 к письму 148.

² Упомянутый концерт состоялся в Сестрорецке 27 мая 1915 г.

³ «Сарказмы», пять пьес для фортепиано, ор. 17 С. С. Прокофьева написаны в 1912—1914 гг. и изданы фирмой П. Юргенсона в 1916 г.

<стр. 500>

К письму 139

¹ 7 июля 1915 г. в Павловске под управлением Г. Фительберга исполнялись сочинения С. С. Прокофьева: «Сны» и Первый концерт для фортепиано с оркестром; солист — автор.

² Первое исполнение Симфонии, ор. 5 С. С. Прокофьева во второй редакции состоялось в концертах Зилоти 24 октября 1915 г. под управлением автора.

³ Нотопечатня РМИ находилась в Лейпциге. В связи с войной печатание нот было перенесено в Москву, в нотопечатню издательства П. Юргенсона. *Способ приема рукописей* в РМИ оставался прежним. Утверждение С. С. Прокофьева о том, что издательство *отменило присылку в жюри*, вызвано тем, что в 1914 г. С. А. Кусевитский приобрел основанное в Москве в 1859 г. издательство А. Гутхейля, где, сохранив его название, стал единоличным хозяином, тогда как в принадлежащем ему же РМИ (основано им в Москве в

1909 г.) он был лишь главным пайщиком и возглавлял Художественный совет (жюри).

⁴ 6 июня 1915 г. в деревне Дюдьково под Звенигородом умер С. И. Танеев.

К письму 140

¹ Н. Я. Мясковский в период до 1917 г. предлагал РМИ для издания многие свои сочинения разных жанров, но были приняты только романсы: в 1910 г. — «Сонет Микеланджело» (см. комм. 1 к письму 40) и в 1913 г. «Три наброска на слова Вяч. Иванова», ор. 8.

² Об исполнении Третьей симфонии (*Амалии*) Н. Я. Мясковского см. комм. 4 к письму 147.

³ После женитьбы в 1906 году И. Ф. Стравинский выстроил в Устилуге Волынской губернии в имении жены собственный дом, и, как он сам вспоминает, «с 1907 г., когда постройка дома была закончена, и вплоть до 1914 г., когда война отрезала меня от России, я проводил там хотя бы часть каждого лета» (Стравинский И., Диалоги. Л., 1971, с. 22). В сентябре 1915 г. появилось сообщение о том, что усадьба Устилуг, принадлежащая композитору Игорю Стравинскому, «подверглась разгрому во время наступления австро-германцев в августе» («РМГ», 1915, № 37—38, с. 565).

⁴ См. комм. 3 к письму 134.

⁵ См. комм. 3 к письму 138.

К письму 141

¹ Вторую сонату для фортепиано С. С. Прокофьев играл в Павловске 21 июня 1915 г.

К письму 142

¹ *Достоевщина* — намек на работу С. С. Прокофьева над оперой «Игрок». См. комм. 3 к письму 106.

² См. комм. 2 к письму 139. На исполнение Симфониетты были следующие отзывы: «Новое время», 1915, 26 окт., № 14235 (без подписи); «День», 1915, 27 окт., № 296 (В. Коломийцов); «Петроградская газета», 1915, 25 окт., № 293 (Н. Бернштейн); «Петроградский листок», 1915, 25 окт., № 293 (Ю. Курдюмов); «Вечернее время», 1915, 25 окт., № 1280 (А. Дзбановский); «Биржевые ведомости», 1915, 26 окт., № 15171 (без подписи); «Петроградский курьер», 1915, 27 окт., № 633 (М. Гольденблум); «Речь», 1915, 27 окт., № 296 (В. Каратыгин); «Петроградские ведомости», 1915, 27 окт., № 240 (Н. Бернштейн); «Обозрение театров», 1915, 28 окт., № 29.14 (А. Григорьев); «Хроника журнала «Музыкальный современник», 1915, 31 окт., № 5 (В. Каратыгин); «РМГ», 1915, № 44, 1 ноября (Б. Тунеев); «Театр и искусство», 1915, № 47, 22 ноября (П. Малков); «Аполлон», 1915, дек. (Е. Браудо).

<стр. 501>

К письму 143

¹ 16 января 1916 г. в Петрограде в седьмом симфоническом концерте Зилоти впервые исполнена Скифская сюита «Ала и Лоллий», ор. 20 С. С. Прокофьева под управлением автора.

К письму 144

¹ Имеются в виду оперы «Маддалена», «Игрок» и балет «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» С. С. Прокофьева.

² Речь идет о проверке оркестровых партий Скифской сюиты «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева.

К письму 145

¹ На концерте 16 января 1916 г. (см. комм. 1 к письму 143) Н. Я. Мясковский присутствовал.

К письму 147

¹ См. комм. 1 к письму 135.

² Упомянутые статьи были напечатаны: «Речь», 1916, 18 янв., № 17; «Хроника журнала «Музыкальный современник», 1916, 24 янв., № 15; «День», 1916, 19 янв., № 18.

³ Камерный концерт из произведений С. С. Прокофьева состоялся 27 ноября 1916 г. Автор впервые исполнил Токкату и «Сарказмы», вместе с Е. В. Вольф-Израэлем Балладу для виолончели с фортепиано. Впервые было исполнено Скерцо для четырех фаготов, ор. 12, исп. Э. Ф. Котте, М. С. Путырский, В. Я. Халип, М. А. Плотников. Романсы в сопровождении автора исполняли И. А. Алчевский — «В моем саду» и «Кудесник», ор. 23; Е. И. Попова — «Есть другие планеты» и «Отчалила лодка», ор. 9, «Доверься мне» и «Серое платье», ор. 23 (впервые).

⁴ Упомянутые сочинения были исполнены в 1916 г. во внеабонементных концертах Зилоти: Скифская сюита «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева — 29 октября под управлением автора; Третья симфония Н. Я. Мясковского — 26 ноября под управлением Э. А. Купера.

К письму 148

¹ Третья симфония Н. Я. Мясковского исполнялась под управлением А. П. Асланова в Павловске 14 июня 1916 г. В этом же концерте С. С. Прокофьев сыграл Второй концерт для фортепиано с оркестром.

² См. письмо 147.

³ См. комм. 3 к письму 147.

⁴ 9 марта 1916 г. в шестом «Вечере современной русской музыки» Н. К. Метнер исполнил: Сонату-балладу, ор. 27, Сонату a-moll, ор. 30 (по рукописи), Сказки, ор. 8, Стихотворения для голоса и фортепиано из ор. 29 и ор. 32,

исполняли А. М. Ян-Рубан и автор.

К письму 149

¹ «Аластор» и Симфониетта, ор. 10 Н. Я. Мясковского.

² Имеется в виду замысел оперы «Идиот».

К письму 150

¹ Об исполнении Третьей симфонии Н. Я. Мясковского см. комм. 1 к письму 148. Исполнение А. П. Аслановым Второй симфонии в Москве не состоялось.

² Скифская сюита «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева была включена в программу пятого симфонического концерта С. А. Кусевицкого в Москве 12 декабря 1916 г.

<стр. 502>

Исполнение не состоялось. Второй «Вечер современной музыки» в Москве 5 февраля 1917 г. был составлен из произведений С. С. Прокофьева. Автор исполнил: Вторую сонату, Токкату, «Сарказмы». Совместно с Е. В. Вольф-Израэлем — Балладу для виолончели и фортепиано. Вокальные сочинения исполняли: О. Н. Бутомо-Названова — «Гадкий утенок», «Отчалила лодка», ор. 9 и «Серое платье», ор. 23; З. Н. Артемьева — «Доверься мне», ор. 23, «Есть другие планеты», ор. 9, «Пять стихотворений Л. Ахматовой», ор. 27 (впервые). Аккомпанировал автор.

К письму 151

¹ См. комм. 1 к письму 149.

² *Придвошка* — Придворный оркестр; *Соломон* — К. С. Сараджев.

К письму 152

¹ *Лашка* — А. П. Асланов.

² Об исполнении Третьей симфонии Н. Я. Мясковского см. комм. 1 к письму 148; Симфониетта С. С. Прокофьева исполнялась 16 августа 1916 г.; об исполнении Второй симфонии Н. Я. Мясковского см. комм. 1 к письму 150.

К письму 153

¹ Имеется в виду исполнение Третьей симфонии Н. Я. Мясковского. См. комм. 4 к письму 147.

² С. С. Прокофьев усиленно работал над партитурой оперы «Игрок», которую закончил в октябре 1916 г.

К письму 154

¹ 8 октября 1916 г. в Петрограде в первом симфоническом концерте

Зилоти С. С. Прокофьев дирижировал симфоническим эскизом «Осеннее» (впервые в новой редакции).

К письму 155

¹ 22 октября 1916 г. в Петрограде во втором симфоническом концерте Зилоти, под его управлением, исполнялись: В. В. Щербачев — Первая симфония c-moll (впервые); Ю. П. Базилевский — «Из тысячи и одной ночи» для голоса с оркестром (впервые), исп. И. А. Алчевский; М. Ф. Гнесин — «Червь победитель», поэма для голоса и фортепиано, ор. 12, исп. И. А. Алчевский и М. А. Бихтер; Ю. Л. Вейсберг — «Король Гаральд», баллада для оркестра (впервые); С. В. Рахманинов — Третий концерт для фортепиано с оркестром, исп. автор; Н. А. Римский-Корсаков — «Светлый праздник» («Воскресная увертюра») ор. 34.

² На исполнение «Осеннего» в Петрограде были следующие отзывы: «Петроградская газета», 1916, 9 окт., № 278 (без подписи); «Вечернее время», 1916, 9 окт., № 1626 (А. Дзбановский); «Речь», 1916, 10 окт., № 279 (В. Каратыгин); «Биржевые ведомости», 1916, 10 окт., № 15852 (А. Коптяев); «День», 1916, 10 окт., № 279 (В. Коломийцов); «Новое время», 1916, 10 окт., № 14583 (М. Иванов); «Хроника журнала «Музыкальный современник», 1916, 15 окт., № 3 (Игорь Глебов); «РМГ», 1916, 16 окт., № 42 (без подписи); «Театр и искусство», 1916, 16 окт., № 42 (Н. Малков); «Аполлон», 1916, окт. (Е. Браудо).

³ 18 ноября 1916 г. С. С. Прокофьев играл Первый концерт для фортепиано с оркестром в Киеве в симфоническом концерте РМО под управлением Р. М. Глиэра.

К письму 156

¹ В октябре 1916 г. в Мариинском театре начались репетиции оперы «Игрок» С. С. Прокофьева. Партии были распределены: Алексей — И. А. Алчевский, И. В. Ершов; Полина — Е. И. Попова, М. Б. Черкасская; Бабуленька — А. И. Панина,

<стр. 503>

Е. И. Збруева; Генерал — Г. А. Боссе. Дирижер А. К. Коутс, режиссер Н. Н. Боголюбов, художник А. Я. Головин.

² «Зинки» — наброски для голоса и фортепиано на слова З. Н. Гиппиус, ор. 16 См. комм. 1 к письму 102 и комм. 7 к письму 164.

К письму 157

¹ 2 февраля 1917 г. в Саратове в четвертом музыкальном собрании РМО из про изведений С. С. Прокофьева автор исполнил: Первую сонату; Четыре пьесы, ор. 3; Четыре этюда, ор. 2; Четыре пьесы, ор. 4; Марш, Гавот, Ригодон, Каприччио, «Легенда», Прелюд, Юмористическое скерцо из ор. 12; Токкату; Вторую сонату; «Сарказмы».

² Первая оркестровая репетиция оперы «Игрок» С. С. Прокофьева в

Мариинском театре состоялась 28 января 1917 г. Первое представление оперы намечалось на весну 1917 г., но назначенное после Февральской революции новое руководство театром отменило постановку.

К письму 158

¹ «Мимолетности», двадцать пьес для фортепиано, ор. 22 С. С. Прокофьева написаны в 1915—1917 гг. Изданы фирмой А. Гутхейля в 1917 г.

² Первый концерт для скрипки с оркестром D-dur, ор. 19 С. С. Прокофьева задуман в 1915 г. и завершен в партитуре в 1917 г. Фирмой А. Гутхейля издан в 1921 г. клавир, а в 1924 г. — партитура.

³ Клавир оперы «Игрок» С. С. Прокофьева был отлитографирован в Мариинском театре в количестве ста экземпляров.

К письму 159

¹ В мае-июне 1917 г. С. С. Прокофьев совершил путешествие на пароходе по Волге и Каме.

² Классическая симфония D-dur, ор. 25 С. С. Прокофьева написана в 1916—1917 гг. Партитура ее закончена 10 сентября 1917 г. Впервые исполнена в Петербурге 21 апреля 1918 г. в семнадцатом симфоническом концерте под управлением автора.

³ Имеется в виду факт исполнения А. П. Аслановым Третьей симфонии Н. Я. Мясковского в Павловске ранее исполнения этой симфонии Э. А. Купером в Петрограде.

К письму 160

¹ Имеется в виду освобождение от воинской повинности.

² В июле 1917 г. С. С. Прокофьев выехал в Ессентуки, осень и зиму 1917/18 г. он провел в Кисловодске, где лечилась его мать, и только в марте 1918 г. вернулся в Петроград. 12 августа 1917 г. в Кисловодске С. С. Прокофьев участвовал в симфоническом концерте под управлением В. Бердяева, исполнив Первый концерт для фортепиано с оркестром, а также Первую сонату; Гавот, Марш, Прелюд из ор. 12.

³ Вероятно, «Суэта» — название одной из восемнадцати пьес для фортепиано Н. Я. Мясковского, написанных в 1917 г. и впоследствии, в значительной части, использованных в позднейших произведениях. Пьесы под названием «Суэта» в рукописях Н. Я. Мясковского нет.

К письму 161

¹ Об исполнении Классической симфонии см. комм. 2 к письму 159. Камерный концерт в Москве не состоялся; концерты в Петрограде, намеченные на 15 и 19 ноября 1917 г., состоялись 15 и 17 апреля 1918 г.

К письму 162

¹ 7 мая 1918 г. С. С. Прокофьев выехал из Петрограда, через Владивосток в Японию, в Америку, куда и приехал в начале сентября того же года.

² В декабре 1917 г. Н. Я. Мясковский был переведен из действующей армии в Морской генеральный штаб в Петрограде, а в 1918 г. вместе со штабом переехал в Москву. В эти годы он вернулся к активной творческой деятельности.

<стр. 504>

К письму 163

¹ «Причуды», шесть штрихов для фортепиано, ор. 25, написаны Н. Я. Мясковским в 1917—1922 гг. и изданы РМИ в 1924 г. В основу этого цикла положены пьесы из восьмой тетради «Flofion» (см. комм. 3 к письму 2), написанной в 1917—1919 гг. В тетради «Flofion» они имеют заглавия и даты написания, отсутствующие в «Причудах»: № 1—«Сказочка» (12 июля 1917 г.), № 2 — «Странное шествие» (27 июля 1917 г.), № 3 — «Неудовлетворенность» (7 июля 1917 г.), № 4 — «Безотчетное» (3 июля 1917 г.), № 5 — «Шутка» (22 июля 1917 г.), № 6 — «Эпилог» (23 июня 1919 г., Москва). Предложение С. С. Прокофьева об издании «Причуд» и замене второй и шестой пьес было принято Н. Я. Мясковским, о чем см. в письмах 164, 168 и 169.

² РМИ и издательство А. Гутхейля, собственником которых был С. А. Кусевицкий (см. комм. 3 к письму 139), после Октябрьской революции перенесли свою деятельность из Москвы в Берлин, а в 1924 г. — в Париж. Переговоры С. С. Прокофьева с С. А. Кусевицким об издании «Причуд» Н. Я. Мясковского увенчались успехом, однако они были напечатаны в РМИ, а не в издательстве А. Гутхейля.

³ Пять стихотворений для голоса и фортепиано, ор. 23 С. С. Прокофьева: № 1 — «Под крышей», слова В. И. Горького, № 2 — «Серое платице», слова З. Н. Гиппиус, № 3 — «Доверься мне», слова Б. Верина, № 4 — «В моем саду», слова К. Д. Бальмонта, № 5—«Кудесник», слова Н. Я. Агнивцева. Написаны летом 1915 г. и изданы фирмой А. Гутхейля в 1917 г. В 1922 г. переизданы Музсектором.

⁴ «Семеро их», халдейское заклинание на слова К. Д. Бальмонта, для драматического тенора, смешанного хора и большого оркестра, ор. 30, написано С. С. Прокофьевым в 1917—1918 гг. Партитура находилась в издательстве А. Гутхейля в Москве и после национализации поступила в Музсектор, который и издал ее в 1922 г. Корректуру издания держал Н. Я. Мясковский. «Семеро их» оказалось первым произведением С. С. Прокофьева, выпущенным советским издательством.

⁵ «Аластор» Н. Я. Мясковского был исполнен Г. Вудом 2 октября 1923 г. в Лондоне.

⁶ «Полный месяц встал над лугом», романс Н. Я. Мясковского (см. комм. 5 к письму 164).

К письму 164

¹ Письмо С. С. Прокофьева к В. В. Держановскому от 23 ноября 1922 г. (ГЦММК, ф. 3, № 871).

² Седьмая симфония h-moll, op. 24 Н. Я. Мясковского задумана в 1921 г. Начата в августе 1922 г. и закончена в декабре того же года. Инструментовка симфонии завершена в 1923 г. Издана в Вене Universal Edition: партитура в 1926 г., авторское переложение для фортепиано в четыре руки в 1927 г.

³ Шестая симфония es-moll, op. 23, для хора с оркестром Н. Я. Мясковского начата в 1921 г. и закончена в августе 1922 г. Инструментовка симфонии завершена летом 1923 г. Партитура издана Universal Edition в 1926 г.

⁴ Третья соната c-moll для фортепиано, op. 19 Н. Я. Мясковского написана в 1920 г. и издана Музсектором в 1921 г. Соната посвящена Н. А. Орлову. Впервые исполнена в Москве 27 апреля 1922 г. С. Е. Фейнбергом. В 1939 г. автор сделал вторую редакцию сонаты, изданную Музгизом в 1941 г.

⁵ Шесть стихотворений А. А. Блока для голоса и фортепиано, op. 20: № 1 — «Полный месяц встал над лугом», № 2 — «Ужасен холод вечеров», № 3 — «Милый друг», № 4 — «Медлительной чредой нисходит день осенний», № 5 — «Встану я в утро туманное», № 6 — «В ночь молчаливую», написаны Н. Я. Мясковским в 1920 г. Романсы написаны для певца-любителя М. Г. Губе (которому и посвящены), впервые исполнившего их в сопровождении П. А. Ламма в Москве 27 апреля 1922 г. Изданы Музсектором в 1926 г.

⁶ «На склоне дня», три наброска на слова Ф. И. Тютчева для голоса с фортепиано, op. 21: № 1 — «Нам не дано предугадать», № 2 — «Нет боле искр живых...», № 3 — «Как ни тяжел последний час», написаны Н. Я. Мясковским в 1921 г. и посвящены Е. В. Копосовой-Держановской. Изданы Музсектором в 1923 г.

<стр. 505>

⁷ «На грани», девять пьес «Из 3. Н. Гиппиус» для голоса с фортепиано, op. 22, написаны Н. Я. Мясковским в 1904—1906 гг.: № 1 — «Пиявки» (февраль 1904 г.), № 2 — «Ничего» (май 1904 г.), № 3 — «Пауки» (ноябрь 1904 г.), № 4 — «Надпись на книге» (январь 1904 г.), № 5 — «Страна уныния» (март 1905 г.), № 6 «Надпись на конверте» (апрель 1905 г.), № 7 — «Цветы ночи» (март 1906 г.), № 8 — «Мгновение» (февраль 1905 г.), № 9 — «Пыль» (февраль 1906 г.). Цикл «На грани» издан Музсектором в 1922 г. Позднее, в 1926 г. автор под op. 22 издал «Венок поблекший», цикл из восьми стихотворений А. А. Дельвига для голоса с фортепиано, написанный в 1924—1925 гг. Романсы на слова 3. Н. Гиппиус в окончательном списке сочинении Н. Я. Мясковского включены в op. 4, op. 5 и op. 16. Н. Я. Мясковский называет их *Зинками* по имени автора текстов Зинаиды Николаевны Гиппиус.

⁸ См. комм. 4 к письму 163.

⁹ См. комм. 2 к письму 158.

¹⁰ В 1918 г. С. С. Прокофьевым написаны Четыре пьесы (Танец, Менуэт, Гавот, Вальс) для фортепиано, op. 32 и «Сказки старой бабушки», четыре пьесы для фортепиано, op. 31. Оба цикла изданы фирмой А. Гутхейля в 1922 г.

¹¹ Пять песен без слов для голоса с фортепиано, op. 35, написаны С. С.

Прокофьевым в 1920 г. и посвящены Н. П. Кошиц, впервые исполнившей их вместе с автором в Нью-Йорке 27 марта 1921 г. Изданы фирмой А. Гутхейля в 1922 г.

¹² О «Сказке про шута, семерых шутов перешутившего» см. комм. 3 к письму 134. В 1920 г. С. С. Прокофьев переработал и инструментовал балет, который был издан фирмой А. Гутхейля: в 1921 г. — партитура, а в 1922 г. — переложение автора для фортепиано в две руки. «Любовь к трем апельсинам», опера в четырех действиях на собственное либретто, ор. 33, написана С. С. Прокофьевым в 1919 г. В 1914 г. в Петрограде в журнале «Любовь к трем апельсинам» (№ 1), издававшемся В. Э. Мейерхольдом, был напечатан дивертисмент К. А. Вогака, В. Э. Мейерхольда и В. Н. Соловьева на сюжет одноименной сказки К. Гоцци. По тексту этого дивертисмента С. С. Прокофьев написал либретто для своей оперы. Опера была впервые поставлена в Чикаго 30 декабря 1921 г. под управлением автора. В 1922 г. фирмой А. Гутхейля был издан клави́р оперы и партитура Сюиты из оперы. Увертюра на еврейские темы для фортепиано, кларнета, двух скрипок, альты и виолончели, ор. 34, написана С. С. Прокофьевым в 1919 г. и издана фирмой А. Гутхейля в 1922 г.

¹³ См. комм. 3 к письму 88. Фирмой А. Гутхейля в 1925 г. было издано авторское переложение для двух фортепиано Второго концерта, ор. 16 С. С. Прокофьева в новой редакции.

¹⁴ Четвертая соната с-moll (из старых тетрадей) для фортепиано, ор. 29, написана сана С. С. Прокофьевым в 1917 г. В основу ее первой части и финала положен музыкальный материал Пятой юношеской сонаты 1908 г., а вторая часть является переработкой медленной части из Симфонии e-moll. Соната издана фирмой А. Гутхейля в 1918 г.

К письму 165

¹ 7 февраля 1923 г. С. С. Прокофьев выехал из Этталя в концертное турне. Он выступал в Барселоне, Париже, Антверпене, Брюсселе и Лондоне.

² Пять стихотворений К. Д. Бальмонта, ор. 36, для голоса и фортепиано: № 1 — «Заклинание воды и огня», № 2 — «Голос птиц», № 3 — «Бабочка», № 4 — «Помни меня», № 5 — «Столбы» написаны С. С. Прокофьевым в 1921 г. и посвящены Лине Любера.

³ См. комм. 5 к письму 163.

⁴ Баллада с-moll, ор. 15. О Второй сонате, ор. 14, см. комм. 1 к письму 82. Третья соната а-moll (из старых тетрадей) для фортепиано, ор. 28 С. С. Прокофьева написана весной 1917 г. В основу ее положен музыкальный материал Третьей юношеской сонаты 1907 г. Соната издана фирмой А. Гутхейля в 1918 г. О Токкате см. комм. к письму 75.

⁵ «Петухи», стихотворение З. Н. Гиппиус, для голоса и фортепиано Н. Я. Мясковского написано в 1914 г. и издано фирмой П. Юргенсона в 1917 г. в серии восьми набросков «Из З. Н. Гиппиус».

К письму 166

¹ Семейство Держановских — В. В. Держановский, Е. В. Копосова-Держановская и Е. В. Звягинцева.

К письму 168

¹ См. комм. 1 к письму 163.

К письму 169

¹ При издании «Причуд» обозначение opus'a 25 было сохранено, а посылаемое в письме исправление в третьей пьесе внесено в издание.

² Третий концерт C-dur, op. 26, для фортепиано с оркестром написан С. С. Прокофьевым в 1921 г. Значительная часть тем Концерта записана в 1911, 1913, 1916—1918 гг. Концерт был издан фирмой А. Гутхейля: в 1922 г. — партитура и в 1923 г. — переложение автора для двух фортепиано. О Скифской сюите см. комм. 2 к письму 106. Партитура ее издана фирмой А. Гутхейля в 1923 г. в большом и карманном форматах.

³ См. комм. 1 к письму 105. Партитура Третьей симфонии Н. Я. Мясковского издана Музсектором в 1927 г.

К письму 170

¹ Пятая симфония D-dur, op. 18 Н. Я. Мясковского написана в 1918 г. Замысел ее относится к 1914 г. Партитура и авторское переложение для фортепиано в четыре руки изданы Музсектором в 1923 г. Впервые исполнена в Москве 18 августа 1920 г. под управлением Н. А. Малько.

² Пятая соната C-dur для фортепиано, op. 38 С. С. Прокофьева написана в 1923 г. в Эттале и издана фирмой А. Гутхейля в 1925 г.

³ См. комм. 12 к письму 164.

К письму 171

¹ В августе 1923 г. в Зальцбурге состоялись концерты камерной музыки первого празднества «Международного общества современной музыки», в программы которых были включены Третья соната, op. 19 Н. Я. Мясковского и Увертюра на еврейские темы С. С. Прокофьева. Однако Соната Н. Я. Мясковского не исполнялась.

² Упомянутые сочинения Ан. Н. Александрова: Сонаты для фортепиано — Первая fis-moll, op. 4 (изд. в 1922 г.), Вторая d-moll, op. 12 (изд. в 1922 г.), Третья fis-moll, op. 18 (изд. в 1924 г.), Четвертая C-dur, op. 19 (изд. в 1924 г.). Романсы для голоса с фортепиано: Три стихотворения Гафиза в переводе А. А. Фета, op. 2 (изд. в 1917 г.), Четыре стихотворения К. Д. Бальмонта и И. Северянина, op. 5 (изд. в 1917 г.), Два стихотворения Реми де Гурмона, op. 11 (изд. в 1918 г.), Два стихотворения А. С. Пушкина, op. 13 (изд. в 1922 г.), Три стихотворения В. Александрова, op. 14 (изд. в 1922 г.), Три стихотворения Е. А.

Баратынского, ор. 15 (изд. в 1922 г.), Из «Александрийских песен» М. А. Кузмина: первая серия (4), ор. 8 (изд. в 1917), вторая серия (4), ор. 20 (изд. в 1923 г.). Сочинения для фортепиано: Шесть прелюдий, ор. 1 (изд. в 1916 г.), Две пьесы, ор. 3 (изд. в 1922 г.), «Былая одержимость», четыре отрывка, ор. 6 (изд. в 1922 г.), Поэма, ор. 9 (изд. в 1922), Четыре прелюдии, ор. 10 (изд. в 1926 г.).

³ Упоминаемые сочинения С. Е. Фейнберга для фортепиано: Фантазия № 1 Es-dur, ор. 5 (изд. в 1922 г.), Фантазия № 2 e-moll, ор. 9 (изд. в 1922 г.), Четыре прелюдии ор. 8 (изд. в 1922 г.), Сюита (четыре пьесы в форме этюдов), ор. 11 (изд. в 1923 г.), Сонаты: Первая A-dur, ор. 1 (изд. в 1922 г.), Вторая a-moll, ор. 2 (изд. в 1922 г.), Третья gis-moll, ор. 3 (не издана), Четвертая es-moll, ор. 6 (изд. в 1923 г.), Пятая (moll), ор. 10 (изд. в 1924 г.).

⁴ Упоминаемые сочинения Г. А. Крейна: Струнный квартет F-dur, ор. 18 (изд. в 1924 г.), Соната № 1 G-dur для скрипки и фортепиано, ор. 11 (изд. в 1921 г.).

⁵ «Героическая поэма» для фортепиано, скрипки и виолончели, ор. 7, закончена С. В. Евсеевым в 1924 г. и издана Музсектором в 1925 г.

<стр. 507>

К письму 173

¹ Письмо С. С. Прокофьева к В. В. Держановскому от 12 июля 1923 г. (ГЦММК, ор. 3, № 881).

² «La Revue Musicale», французский музыкальный журнал, издававшийся в Париже в 1920—1940 гг. под редакцией А. Прюньера.

³ См. комм. 2 к письму 169.

⁴ Сюита из балета «Шут», ор. 21 bis, в двенадцати частях, составлена С. С. Прокофьевым в 1922 г. Издана фирмой А. Гутхейля в 1924 г. в партитуре и в авторском переложении для фортепиано в две руки.

К письму 174

¹ В. В. Держановский работал в основанном в 1923 г. акционерном обществе «Международная книга» для экспорта и импорта издательской продукции. В. В. Держановский прилагал много усилий для ввоза в СССР нотных новинок из-за рубежа, что и отмечает Н. Я. Мясковский.

² «К новым берегам», журнал музыкального искусства, издавался в 1923 г. в Москве Музсектором под редакцией В. М. Беляева и В. В. Держановского. Вышло всего три номера. Н. Я. Мясковский под псевдонимом А. Версилов напечатал в этом журнале нотографические заметки о сочинениях С. С. Прокофьева: «Мимолетности» (№ 1), Два стихотворения, ор. 9, «Гадкий утенок», ор. 18, Пять стихотворений, ор. 27 (№ 3), Третья соната, ор. 28 (№ 3).

³ Чемодан с рукописями С. С. Прокофьева, после его отъезда в 1918 г. в за границу, хранился в издательстве А. Гутхейля, а после национализации издательства — в Музсекторе.

⁴ Переложение Шестой симфонии Н. Я. Мясковского для двух фортепиано в восемь рук сделано П. А. Ламмом. У П. А. Ламма по средам собирались композиторы и музыканты и проигрывали многие симфонические произведения в четыре руки и в восемь рук. В первой половине 1920-х гг. постоянными исполнителями в восемь рук были: Н. Я. Мясковский, С. С. Попов, П. А. Ламм и А. А. Ефременков. Большинство симфоний Н. Я. Мясковского переложено П. А. Ламмом для двух фортепиано в восемь рук.

К письму 175

¹ В 1922 г. по инициативе профессора Московской консерватории Л. М. Цейтлина в Москве был создан Первый симфонический ансамбль Моссовета (Персимфанс). Этот ансамбль, выступавший без дирижера, просуществовал до 1932 г. и играл заметную роль в музыкальной жизни Москвы. В частности, по инициативе Персимфанса, состоялся в 1927 г. приезд в СССР С. С. Прокофьева.

² См. комм. 2 к письму 171. Соната № 5 gis-moll, op. 22, для фортепиано Ан. Н. Александрова издана Universal Edition в 1925 г.

³ Три стихотворения А. А. Блока, op. 7, для голоса с фортепиано С. Е. Фейнберга изданы Музсектором в 1923 г. О сочинениях для фортепиано С. Е. Фейнберга см. комм. 3 к письму 171.

К письму 176

¹ Седьмая симфония Н. Я. Мясковского впервые исполнена в Москве 8 февраля 1925 г. под управлением К. С. Сараджева.

² В концерте 5 ноября 1923 г. впервые в Париже С. С. Прокофьев исполнил №№ 1, 5 и 4 из цикла «Причуды» Н. Я. Мясковского.

³ Авторское переложение для фортепиано в четыре руки Симфонииетты, op. 5 С. С. Прокофьева неизвестно.

<стр. 508>

К письму 177

¹ Четвертая симфония e-moll, op. 17, написана Н. Я. Мясковским в 1917—1918 гг. Издана Музсектором в 1926 г. в партитуре и авторском переложении для фортепиано в четыре руки. Впервые исполнена в Москве 8 февраля 1925 г. под управлением К. С. Сараджева.

² Об исполнении симфоний Н. Я. Мясковского на двух роялях в восемь рук см. комм. 4 к письму 174.

³ Цинциннат — римский полководец и государственный деятель; сложив с себя общественные обязанности, вел тихую сельскую жизнь.

⁴ Возможно, что имеются в виду изменения в руководстве Музсектором после ухода П. А. Ламма и, соответственно, изменения курса на издания произведений современных композиторов.

К письму 178

¹ Пятая симфония Н. Я. Мясковского под управлением Н. А. Малько была исполнена в Харькове 7 февраля 1926 г.

² 29 марта 1925 г. в четвертом симфоническом концерте АСМ под управлением К. С. Сараджева С. Е. Фейнберг исполнил впервые в Москве Третий концерт для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева.

³ «Семеро их» С. С. Прокофьева в Москве впервые было исполнено только 29 октября 1968 г. под управлением Г. Н. Рождественского.

⁴ Соната для скрипки и виолончели М. Равеля написана в 1920—1922 гг. и издана фирмой А. Durand в Париже.

⁵ См. комм. 1 к письму 174.

К письму 179

¹ Заметка, анонсирующая Променадные концерты сезона 1923/24 г. под управлением Г. Вуда, где среди других новинок намечено первое исполнение в Лондоне Пятой симфонии Н. Я. Мясковского, напечатана в газете «Daily Telegraph» 15 сентября 1923 г.; упомянутая вырезка сохранилась в архиве Н. Я. Мясковского (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 216, л. 22). Исполнение симфонии, намечавшееся на 8 марта 1924 г., не состоялось.

² См. комм. 5 к письму 163.

К письму 180

¹ 24 ноября 1923 г. в Лондоне С. С. Прокофьев исполнил свой Третий концерт под управлением Г. Вуда.

² Партитура Классической симфонии С. С. Прокофьева была издана РМИ только в 1925 г.

К письму 181

¹ В заметках, появившихся 5 октября 1923 г. в газетах: «Daily Chronicle», «Pall Malls Globe» и «Westminster Gazette», откликнувшихся на исполнение «Аластора» Н. Я. Мясковского 4 октября 1923 г., это сочинение отмечено как прекрасное по технике и оркестровке, которому, однако, не достаёт поэтичности и символики, присущей поэме П.-Б. Шелли. Вырезки из упомянутых газет и из ноябрьского номера журнала «Musical Opinion» сохранились в архиве Н. Я. Мясковского (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 216, л. 19—21, 23).

² Балет «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» С. С. Прокофьева впервые поставлен «Русским балетом Сергея Дягилева» в Париже 17 мая 1921 г., в Лондоне 9 июня 1921 г. Постановщики М. Ф. Ларионов и Т. Славянский, художник М. Ф. Ларионов, дирижер автор.

³ См. комм. 2 к письму 174.

<стр. 509>

К письму 182

¹ Упомянутые сочинения С. С. Прокофьева были исполнены: 4 октября 1923 г. (четвертая выставка «Международной книги») Четвертая соната, исп. С. Е. Фейнберг; 19 октября 1923 г. (восьмая выставка) Первая соната, исп. М. М. Мирзоева, Баллада для виолончели и фортепиано, исп. С. М. Шпильман и В. Р. Шор, «Сказки старой бабушки», исп. К. Н. Игумнов; 21 октября 1923 г. (десятая выставка), Первый скрипичный концерт, исп. Н. М. Мильштейн в сопровождении фортепиано (В. Горовиц).

² 24 октября 1923 г. на одиннадцатой музыкальной выставке «Международной книги» были исполнены произведения С. С. Прокофьева: Увертюра на еврейские темы, исп. К. Н. Игумнов, С. В. Розанов, Д. М. Цыганов, В. П. Ширинский, В. В. Борисовский, С. П. Ширинский; Вторая и Третья сонаты, четыре пьесы из цикла «Мимолетности», исп. В. Р. Шор; «Заклинание воды и огня», «Голос птиц», «Столбы» из цикла «Пять стихотворений К. Д. Бальмонта» для голоса и фортепиано, исп. Е. В. Копосова и П. А. Ламм; Четыре пьесы, ор. 32, исп. Г. Г. Нейгауз; Третий фортепианный концерт, исп. на двух фортепиано Л. Н. Миронов и К. Н. Игумнов.

³ После прекращения издания журнала «К новым берегам» Музсектор выпускал с 1 июля 1924 г. журнал «Музыкальная культура» под редакцией Н. А. Рославца, где Н. Я. Мясковский помещал нотографические заметки.

⁴ Во второй цикл «Александрийских песен», ор. 20 Ан. Н. Александрова входят песни: 1. «Как песни матери», 2. «Что ж делать», 3. «Солнце, солнце», 4. «Ах, покидаю я Александрию».

К письму 183

¹ См. комм. 2 к письму 176.

К письму 184

¹ В. М. Беляев сделал переложение для двух фортепиано в восемь рук только трех первых частей Скифской сюиты «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 2, ед. хр. 72).

² См. комм. 1 к письму 177.

К письму 185

¹ Упомянутый концерт в Женеве состоялся 7 декабря 1923 г.

² См. комм. 1 к письму 180.

³ Четырехручное переложение Пятой симфонии Н. Я. Мясковского было напечатано по старой системе: Primo и Secondo на отдельных страницах.

⁴ Первый концерт для скрипки С. С. Прокофьева впервые исполнен в Париже 18 октября 1923 г. М. Дарье под управлением С. А. Кусевицкого.

⁶ С. С. Прокофьев намекает на Концерт D-dur, ор. 35, для скрипки с оркестром П. И. Чайковского, первоначально посвященный Л. С. Ауэру.

Последний, найдя Концерт слишком трудным, отказался от его исполнения. В связи с этим, П. И. Чайковский посвятил Концерт первому исполнителю А. Д. Бродскому. Позднее Л. С. Ауэр включил Концерт П. И. Чайковского в свой репертуар и неоднократно играл его, но в своей редакции.

⁶ Речь идет о первом исполнении Е. В. Колосовой романса С. С. Прокофьев «Столбы»; об ор. 36 см. комм. 2 к письму 165.

⁷ Речь идет о закрытии журнала «К новым берегам», см. комм. 2 к письму 174.

К письму 186

¹ Намечавшееся С. С. Прокофьевым исполнение в Париже Первой сонаты для виолончели Н. Я. Мясковского не состоялось.

<стр. 510>

К письму 187

¹ Шестая симфония Н. Я. Мясковского впервые исполнена в Москве 4 мая 1924 г. в концерте оркестра Большого театра под управлением Н. С. Голованова. Кантата С. И. Танеева «По прочтении псалма», ор. 36 в этих концертах не исполнялась.

² См. комм. 2 к письму 165.

³ См. комм. 1 к письму 184.

⁴ «Огненный ангел», опера в пяти действиях на собственное либретто по одноименному роману В. Я. Брюсова, ор. 37, задуманная еще в 1919 г. была завершена С. С. Прокофьевым только в 1927 г.

⁵ О Пятой сонате С. С. Прокофьева см. комм. 2 к письму 170.

⁶ «Интернациональное общество современной музыки» (в дальнейшем дается общепринятое название «Международное общество современной музыки») основано в 1922 г. в Зальцбурге. На ежегодных фестивалях общества исполнялись произведения современных композиторов. Ни на первом фестивале в 1923 г. (см. комм. 1 к письму 171), ни на втором в 1924 г. произведения Н. Я. Мясковского не исполнялись.

К письму 188

¹ Резкое высказывание С. С. Прокофьева о музыке А. К. Глазунова исторически вполне понятно. Творчество А. К. Глазунова опиралось на многие достижения русской классики XIX века, но не наметило дальнейших путей развития русской музыки. Являясь представителем старшего поколения русских композиторов, А. К. Глазунов, как известно, совершенно не понял и не принял бунтарское в своей новизне творчества молодого С. С. Прокофьева.

К письму 189

¹ В первой половине 20-х годов страна переживала пору всевозможных

трудностей, вызванных годами гражданской войны, интервенции.

² Восьмая симфония A-dur, op. 26 Н. Я. Мясковского сочинена в 1924 г. и инструментована в 1925 г. Партитура издана Universal Edition в 1929 г.

К письму 190

¹ Намечавшееся исполнение Пятой симфонии Н. Я. Мясковского в Париже не состоялось.

² Упоминаемый концерт состоялся 21 января 1924 г.

К письму 191

¹ 24 февраля 1924 г. в Москве в концерте оркестра Большого театра под управлением Э. А. Купера, кроме Пятой симфонии Н. Я. Мясковского и Первого концерта для фортепиано С. С. Прокофьева, была исполнена Первая симфония Es-dur И. Ф. Стравинского.

² См. комм. 1 к письму 175.

³ См. комм. 2 к письму 165.

⁴ Ассоциация современной музыки (АСМ) — творческая и музыкально-общественная организация, возникшая в Москве в 1924 г. и прекратившая существование в 1931 г., была отделением «Международного общества современной музыки». АСМ организовывала камерные и симфонические концерты. АСМ была и в Ленинграде. Исполнение отрывков из «Маддалены» С. С. Прокофьева не состоялось.

К письму 193

¹ В своих концертах в Париже 9 марта и в Марселе 21 марта 1924 г. С. С. Прокофьев играл №№ 1, 5, 4 и 6 из «Причуд» Н. Я. Мясковского, а в Париже исполнил впервые свою Пятую сонату.

<стр. 511>

² См. комм. 1 к письму 190.

³ Октет для духовых инструментов (флейта, кларнет, два фагота, две трубы, два тромбона) написан И. Ф. Стравинским в 1922—1923 гг. и впервые исполнен в Париже 18 октября 1923 г. в концертах С. А. Кусевицкого под управлением автора.

В 1924 г. С. С. Прокофьев написал Квинтет g-moll, op. 39, для гобоя, кларнета, скрипки, альты и контрабаса, в котором использовал музыкальный материал своего балета «Трапедия», о чем см. в письме С. С. Прокофьева от 15 июля 1924 г. (№ 199) и в комм. 3 к нему. Квинтет издан в партитуре и голосах фирмой А. Гутхейля в 1927 г.

К письму 194

¹ Четвертую сонату С. С. Прокофьева К. Н. Игумнов играл в своих концертах 16 февраля в Москве и 11 мая 1926 г. в Одессе.

² См. письмо 182.

³ Пятая симфония Н. Я. Мясковского под управлением Л. Стоковского была исполнена в Филадельфии 2 и 4 января и в Нью-Йорке 5 января 1926 г.

⁴ В концертах Персимфанса Четвертая симфония Н. Я. Мясковского не исполнялась.

⁵ Исполнение Шестой симфонии Н. Я. Мясковского состоялось не 13 апреля, а 4 мая 1924 г. См. комм. 1 к письму 187.

⁶ Партитуры упоминаемых произведений И. Ф. Стравинского изданы фирмой Chester в Лондоне: *Солдат* — «Сказка о беглом солдате и черте», читаемая, играемая и танцуемая, написана в 1917—1918 гг. и издана в 1924 г.; *Renard* — «Байка про Петуха, Кота да Барана», веселое представление с пением и музыкой, написана в 1915—1916 гг. и издана в 1917 г.; «Свадебка», русские хореографические сцены с пением и музыкой, написаны в 1914—1923 гг. и изданы в 1923 г.

К письму 195

¹ С. С. Прокофьев ошибается. Л. Стоковский — американский дирижер польско-ирландского, а не австрийского происхождения.

² Скифская сюита «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева под управлением Ф. Рюльмана исполнялась в Брюсселе в первой половине января 1923 г.

³ 30 марта 1924 г. в Лионе С. С. Прокофьев исполнил: Прелюдию и фугу d-moll Д. Букстехуде в своей обработке, Вальсы Ф. Шуберта в своей обработке, отрывки из «Картинок с выставки» М. П. Мусоргского, №№ 1, 6, 4 и 5 из «Причуд» Н. Я. Мясковского и свои произведения — Пятую сонату, две пьесы из «Мимолетностей», Скерцо и Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам», «Наваждение».

⁴ Второй концерт для фортепиано С. С. Прокофьева во второй редакции впервые исполнен автором в Париже 8 мая 1924 г. под управлением С. А. Кусевицкого.

⁵ «Променады», десять пьес для фортепиано Ф. Пуленка, написаны в 1924 г. Его же балет «Les biches» («Лани») написан в 1923 г. и впервые поставлен в Париже в мае 1924 г. «Русским балетом Сергея Дягилева».

К письму 196

¹ Й. Сигети исполнил впервые в СССР с оркестром Первый концерт для скрипки С. С. Прокофьева в Ленинграде 8 октября 1924 г. под управлением В. Бердяева, в Москве 19 октября под управлением А. Б. Хессина.

² В. П. Ширинский играл Первый концерт для скрипки С. С. Прокофьева с сопровождением фортепиано на выпускном экзамене 15 мая 1924 г.

³ См. комм. 11 к письму 164.

⁴ Н. Я. Мясковский напечатал в Universal Edition, начиная с 1925 г.: «Мадригал» (сюита на слова К. Д. Бальмонта для голоса с фортепиано, ор. 7), «Предчувствия» (шесть набросков на слова З. Н. Гиппиус для голоса с

фортепиано, ор. 16), партитуры симфонической притчи «Молчание», ор. 9, Шестой, Седьмой, Восьмой и Девятой

<стр. 512>

симфоний, Четвертую сонату c-moll для фортепиано, ор. 27 и «Воспоминания» (шесть пьес для фортепиано, ор. 29).

⁵ «Причуды» Н. Я. Мясковского впервые исполнил К. Н. Игумнов в Москве 16 февраля и в Одессе 11 мая 1926 г.

К письму 197

¹ «Тематический разбор Шестой симфонии ор. 23 (es-moll) Н. Я. Мясковского» напечатан в апрельском номере журнала «Современная музыка» за 1924 г.

² «Pacific 231» для симфонического оркестра А. Онеггера написан в 1923 г. и впервые исполнен в Париже 8 мая 1924 г. под управлением С. А. Кусевицкого.

³ См. комм. 5 к письму 195.

⁴ Концерт для фортепиано с духовыми инструментами, контрабасами и литаврами написан И. Ф. Стравинским в 1923—1924 гг. и впервые исполнен автором в Париже 22 мая 1924 г. под управлением С. А. Кусевицкого.

⁵ Об исполнении Второго концерта для фортепиано С. С. Прокофьева см. комм. 4 к письму 195. «Семеро их», халдейское заклинание, ор. 30 С. С. Прокофьева было впервые исполнено в Париже 29 мая 1924 г. под управлением С. А. Кусевицкого. Партию тенора соло исполнил А. Фабер. Перевод текста К. Д. Бальмонта на французский язык сделан Л. Лалуа.

⁶ А. В. Оссовский был директором Ленинградской филармонии в 1923—1925 гг. и в 1933—1935 гг.

К письму 198

¹ О журнале «Музыкальная культура» см. комм. 3 к письму 182. В № 2 (сентябрь 1924 г.) этого журнала в разделе «Зарубежная хроника» напечатана информация об исполнении в Париже Второго концерта для фортепиано И «Семеро их» С. С. Прокофьева.

² Об издании партитуры «Семеро их» С. С. Прокофьева в СССР см. комм. 4 к письму 163.

К письму 199

¹ Первый приезд С. С. Прокофьева в СССР состоялся в январе 1927 г.

² Балет С. С. Прокофьева «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» в Ленинграде не ставился.

³ Имеется в виду балет, сочиненный в 1924 г. по заказу балетмейстера Б. Г. Романова и получивший название «Трапедия». Музыка балета, написанная для пяти инструментов, задумана С. С. Прокофьевым как шестичастный квинтет (см. комм. 3 к письму 193), который, по истечении срока договора с Б.

Г. Романовым, включен автором в список сочинений как камерное сочинение — ор. 39. В 1925 г. по просьбе балетмейстера С. С. Прокофьев «дописал» для балета еще два номера. Об этом см. в публикуемом письме Н. Я. Мясковскому от 4 августа 1925 г. (№ 211) и в письме Б. В. Асафьеву от 14 августа 1925 г., где С. С. Прокофьев пишет: «Романов репетирует «камерный балет» — квинтет в шести частях, к которым для балета пришлось приписать еще два номера. Один из них — Матлот; для него в виде образца Романов дал мне твой Матлот из «Дара Феи», говоря, что танцевальной твоего Матлота написано не было» (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 669, л. 16—16 об.).

⁴ Вторая симфония d-moll, ор. 40, начата С. С. Прокофьевым 17 августа 1924 г. и завершена в партитуре 19 мая 1925 г.; посвящена С. А. Кусевицкому.

К письму 200

¹ У Н. Я. Мясковского было довольно много романсов, написанных еще до революции и оставшихся неизданными. В 1950 г. он составил из них сборник (15 романсов) «За многие годы», ор. 87.

<стр. 513>

² Девятая симфония e-moll, ор. 28, задуманная Н. Я. Мясковским в 1924 г., написана в 1926 г. Инструментовка завершена в 1927 г. Партитура издана Uni I Edition в 1930 г.

³ 1 и 6 ноября 1924 г. в Вене состоялись два камерных концерта из произведений советских композиторов, организованные АСМ, совместно с Музсектором. В концертах Ф. Вюрером была исполнена Третья соната для фортепиано Н. Я. Мясковского. В. М. Беляев ездил в Вену и отчет об этих концертах поместил в журнале «Современная музыка», 1924, VI, декабрь.

К письму 201

¹ См. комм. 2 к письму 189.

² См. комм. 1 к письму 182, комм. 1 и 2 к письму 196.

³ Д. М. Цыганов играл Первый концерт для скрипки С. С. Прокофьева в концертах Персимфанса 8 и 15 февраля 1926 г.

К письму 202

¹ См. комм. 4 к письму 199.

² В 1924 г. Л. Стоковский в Москву не приезжал.

³ 15 и 16 ноября 1924 г. впервые в Брюсселе под управлением Ф. Рюльмана С. С. Прокофьев исполнил свой Третий концерт для фортепиано и была также сыграна Сюита из балета «Шут».

⁴ «Круги» — третий номер из цикла «Из З. Гиппиус», три пьесы для голоса и фортепиано Н. Я. Мясковского. Романс написан в январе 1906 г. и издан РМИ в 1913 г.

К письму 203

¹ О. Клемперер выступал в Москве не в феврале, а осенью 1925 г.; Г. Абендрот в январе 1925 г., а В. Фуртвенглер в Москву не приезжал.

² Четвертая соната c-moll для фортепиано, ор. 27, написана Н. Я. Мясковским в 1924 г. Издана Universal Edition в 1925 г. Впервые исполнена в Москве 13 января 1926 г. С. Е. Фейнбергом. В 1945 г. автор сделал вторую редакцию сонаты, изданную Музгизом в 1947 г.

³ См. комм. 2 к письму 178.

⁴ В Ленинграде Третий концерт для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева впервые был исполнен 12 мая 1925 г. Н. Н. Позняковской под управлением Х. Унгера.

К письму 204

¹ Концерты в Варшаве состоялись: 15 января 1925 г. С. С. Прокофьев под управлением Г. Фительберга, впервые в этом городе, исполнил Третий концерт для фортепиано, а также Прелюд из ор. 12 и «Наваждение» из ор. 4; 20 января 1925 г. в клавирабенде С. С. Прокофьев исполнил: Вторую сонату; двенадцать «Мимолетностей»; Четвертую сонату; Марш и Скерцо из оперы «Любовь к трем апельсинам» три гавота из ор. 12, 25 и 32; Этюд, ор. 2, № 1; «Наваждение» из ор. 4; Прелюд из ор. 12; Токкату, ор. 11.

К письму 205

¹ Э. А. Купер дирижировал Пятой симфонией Н. Я. Мясковского 25 сентября 1922 г. и 24 февраля 1924 г.

² См. комм. 1 к письму 176 и комм. 1 к письму 177.

<стр. 514>

К письму 206

¹ Тематические разборы Четвертой и Седьмой симфоний Н. Я. Мясковского напечатаны в журнале «Современная музыка», 1925, № 8.

² См. комм. 2 к письму 178.

³ Во время гастролей в СССР зимой 1926 г. П. Монте исполнил впервые в Москве: 21 февраля — Сюиту из балета «Шут» С. С. Прокофьева, 28 февраля — «Песнь соловья» И. Ф. Стравинского.

⁴ Упомянутое С. С. Прокофьевым исполнение состоялось в Мангейме 18 июня 1924 г.

⁵ Опера «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева была поставлена в Кёльне 14 марта 1925 г. Режиссер-постановщик и художник Г. Штробах, дирижер Э. Сенкар.

⁶ О Второй симфонии С. С. Прокофьева см. комм. 4 к письму 199.

⁷ Соната для фортепиано написана И. Ф. Стравинским в 1924 г.

К письму 207

¹ Имеется в виду первое исполнение Четвертой и Седьмой симфоний Н. Я. Мясковского. См. комм. 1 к письму 176 и комм. 1 к письму 177.

² Альпийская симфония, ор. 64 Р. Штрауса исполнялась впервые в Москве в концертах оркестра Большого театра под управлением Г. Брехера 15 и 29 апреля 1923 г.

К письму 208

¹ См. комм. 2 к письму 178.

К письму 209

¹ Первое исполнение Второй симфонии С. С. Прокофьева состоялось в Париже 6 июня 1925 г. под управлением С. А. Кусевицкого.

К письму 210

¹ О Восьмой симфонии Н. Я. Мясковского см. комм. 2 к письму 189.

² Переложение для двух фортепиано в восемь рук Восьмой симфонии Н. Я. Мясковского сделано П. А. Ламмом.

К письму 211

¹ Авторское переложение «Песен без слов» С. С. Прокофьева (см. комм. 11 к письму 164) получило название — Пять мелодий для скрипки и фортепиано, ор. 35 bis.

² В 1920 г. в Америке С. С. Прокофьев сделал Сюиту из Вальсов Ф. Шуберта для фортепиано в две руки, изданную фирмой А. Гутхейля в 1923 г. В 1925 г. автор подготовил редакцию этой Сюиты для двух фортепиано в четыре руки, изданную Музгизом в 1938 г.

³ О балете «Трапедия» см. комм. 3 к письму 199.

⁴ «Стальной скок», балет в двух действиях на либретто Г. Б. Якулова и автора музыки, ор. 41, написан С. С. Прокофьевым в 1925 г. Впервые поставлен «Русским балетом Сергея Дягилева» в Париже 7 июня 1927 г. Балетмейстер Л. Ф. Мясин, художник Г. Б. Якулов, дирижер Р. Дезормьер. Партитура и авторское переложение для фортепиано в две руки изданы РМИ в 1928 г.

⁵ И. В. Экскузович, управляющий академическими театрами Ленинграда и Москвы, вел переговоры о постановке оперы «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева. Опера была поставлена в Ленинграде 18 февраля 1926 г. режиссером С. Э. Радловым, художник В. В. Дмитриев, балетмейстер В. И. Вайнонен, дирижер В. А. Дранишников. О постановке в Москве см. комм. 3 к письму 246.

⁶ «Зефир и Флора», балет В. Дукельского на либретто Б. П. Кохно, написан в 1924 г. Впервые поставлен «Русским балетом Сергея Дягилева» в Монте-Карло 28 апреля 1925 г. Постановщик Л. Ф. Мясин, художник Ж. Брак.

<стр. 515>

⁷ «Матросы», балет Ж. Орика на либретто Б. П. Кохно написан в 1925 г. Впервые поставлен «Русским балетом Сергея Дягилева» в Париже 17 июня 1925 г. Постановщик Л. Ф. Мясин, художник П. Прюна.

⁸ Концертино для фортепиано с оркестром А. Онеггера написано в 1994 г. и издано в Париже фирмой М. Senart в 1925 г. в партитуре и в переложении для фортепиано. Впервые исполнено в Париже 23 мая 1925 г. пианисткой Л. Ворабур под управлением С. А. Кусевицкого.

⁹ Соната для фортепиано И. Ф. Стравинского (см. комм. 7 к письму 206) впервые исполнена автором в июле 1925 г. на Донауэшингенском фестивале.

¹⁰ Концерт для пяти духовых инструментов с оркестром В. Рieti написан в 1924 г. Партитура издана Universal Edition в 1924 г.

¹¹ См. комм. 5 к письму 206.

¹² Восьмая симфония Н. Я. Мясковского впервые исполнена в Москве в 1926 г. под управлением К. С. Сараджева.

К письму 212

¹ Отзыв об исполнении Второй симфонии С. С. Прокофьева в Париже помещен в журнале «Le Courrier Musical» от 15 июня 1925 г.

² См. комм. 7 к письму 164.

³ Речь идет о Симфонииетте A-dur, op. 10 Н. Я. Мясковского.

К письму 213

¹ Имеется в виду Шестая соната для фортепиано, op. 13 С. Е. Фейнберга, изданная Universal Edition в 1925 г.

² См. комм. 1 к письму 217.

К письму 214

¹ Упоминаемое исполнение Седьмой симфонии Н. Я. Мясковского в Ленинграде состоялось 28 октября 1925 г.

² Упоминаемое исполнение Скифской сюиты «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева в Ленинграде состоялось 4 ноября 1925 г.

³ 26 октября 1925 г. в Москве в концерте Персимфанса были исполнены: Пятая симфония Н. Я. Мясковского и Первый концерт для скрипки с оркестром С. С. Прокофьева, солист Я. И. Рабинович.

К письму 215

¹ «Причуды» Н. Я. Мясковского С. С. Прокофьев играл в Стокгольме 5 ноября 1925 г.

К письму 216

¹ В концерте 4 декабря 1925 г. в Страсбурге С. С. Прокофьев, кроме своих

сочинений, играл «Причуды» Н. Я. Мясковского.

² Первое исполнение Сюиты из оперы «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева состоялось в Париже 29 ноября 1925 г. под управлением Ф. Гобера.

К письму 217

¹ 14 декабря 1925 г. состоялся концерт Персимфанса из произведений С. С. Прокофьева: Увертюра на еврейские темы (исп. Ю. В. Брюшков, С. П. Бессмертный и увеличенный состав струнного квартета); Первый концерт для фортепиано с оркестром (исп. С. Е. Фейнберг); Скифская сюита «Ала и Лоллий» (впервые в Москве).

² Упоминаемое исполнение Седьмой симфонии Н. Я. Мясковского — ее первое исполнение за рубежом.

³ Намечавшееся в Москве исполнение симфонических произведений С. С. Прокофьева в концертах АСМ не состоялось.

<стр. 516>

К письму 218

¹ Речь идет о «Причудах» Н. Я. Мясковского, которые С. С. Прокофьев играл в своем концерте в Амстердаме 19 декабря 1925 г.

² О приезде П. Монте в Москву см. комм. 3 к письму 206.

К письму 219

¹ Об исполнении Пятой симфонии Н. Я. Мясковского в Филадельфии см. комм. 3 к письму 194.

К письму 220

¹ Упоминаемый концерт Персимфанса, состоявшийся 8 февраля 1926 г., был повторен 15 февраля. Исполнителем Первого концерта для скрипки С. С. Прокофьева был Д. М. Цыганов, Третьего концерта для фортепиано — С. Е. Фейнберг.

² 31 января 1926 г. в Москве под управлением О. Фрида впервые был исполнен Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева.

³ Письмо Ф. Кузевицкого-Севицкого к Н. Я. Мясковскому из Филадельфии от 4 января 1926 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 169, л. 1—4 об.).

⁴ 24 января 1926 г. в Праге в первом симфоническом концерте современной русской музыки под управлением К. С. Сараджева впервые за рубежом были исполнены Седьмая и Шестая симфонии Н. Я. Мясковского. Исполнению предшествовало вступительное слово З. Неедлы.

К письму 221

¹ С. С. Прокофьев играл «Причуды» Н. Я. Мясковского в своих концертах в Америке: 8 января 1926 г. в Сент-Поле, 12 января в Денвере, 15 января в Портленде, 17 января в Сан-Франциско, 22 января в Канзас-Сити, 26 января в Нью-Йорке.

² С. С. Прокофьев играл свой Третий концерт для фортепиано с Бостонским оркестром под управлением С. А. Кусевицкого: 29 и 30 января 1926 г. в Бостоне, 4 и 6 февраля в Нью-Йорке, 5 февраля в Бруклине, 11 февраля в Кембридже, 16 февраля в Провиденсе. 27 февраля 1926 г. он сыграл этот же Концерт в Сиракузах под управлением В. Савича.

³ См. комм. 3 к письму 206.

⁴ См. комм. 1 к письму 220.

К письму 222

¹ См. комм. 5 к письму 196.

² Симфоническая сюита «Шут» С. С. Прокофьева под управлением П. Монте исполнялась в Москве 21 февраля, а в Ленинграде 3 марта 1926 г.

³ Письмо Б. В. Асафьева к Н. Я. Мясковскому от 19 февраля 1926 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 1, ед. хр. 96, л. 36—37).

⁴ Упомянутый Н. Я. Мясковским концерт оркестра Большого театра под управлением Н. А. Малько состоялся 16 мая (а не 15 апреля) 1926 г. В нем исполнялись Седьмая симфония Н. Я. Мясковского, Скерцо и Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева. Скифская сюита «Ала и Лоллий» не исполнялась.

⁵ «Воспоминания о Скрябине» Л. Л. Сабанеева изданы Музсектором в 1925 г.

⁶ См. комм. 4 к письму 220. Во втором симфоническом концерте Современной русской музыки в Праге 31 января 1926 г. под управлением К. С. Сараджева были исполнены: Третья симфония c-moll, ор. 30 А. Ф. Гедике; «Эпитафия», ор. 7 Д. М. Мелких; Сюита «Сказки гипсового Будды», ор. 1 Л. К. Книппера. Шестая симфония Н. Я. Мясковского под управлением К. С. Сараджева исполнялась в Вене 1 марта 1926 г.

⁷ См. письмо 217 и комм. 2 к нему.

<стр. 517>

К письму 223

¹ Б. В. Асафьевым написан ряд статей о творчестве С. С. Прокофьева и отдельных его произведениях. В 1927 г. в ленинградском издательстве «Тритон» вышел его очерк «Сергей Прокофьев».

К письму 224

¹ Речь идет о балете «Стальной скок» С. С. Прокофьева, см. комм. 4 к письму 211. Оркестровка балета завершена в 1926 г. В «Краткой автобиографии» С. С. Прокофьев пишет: «Во время турне я не прекращал

работы над оркестровкой балета, а так как очаги Pro-Musica были разбросаны по всем Штатам вплоть до Сан-Франциско и много дней пришлось провести в вагоне, я старался использовать это время для инструментовки. Тряска мешала писанию партитуры, поэтому я решил делать в вагоне всю предварительную работу, при этом не только придумывать, какой инструмент будет играть ту мелодию или этот аккомпанемент, но дорабатывать каждый такт до самого дна, до каждого удвоения, до распределения инструментов в аккордах, до последнего штриха, акцента или оттенка, с тем, чтобы, выйдя на твердую почву, оставалось лишь механически выписать на партитурный лист все, что в вагоне было обдумано и карандашом размечено в клавире. Сначала казалось немыслимым разметить в клавире все решительно инструменты, но после некоторого навыка это удавалось без труда. К тому же между акколадами у меня всегда была свободная строка, на которой можно было выписать дополнительные голоса или ударения. Если же и тут все не уместилось, я делал ссылку на отдельный лист, где и выписывал какие-нибудь сплетения или сложные аккорды струнных. Этот метод в дальнейшем оказал большие услуги» (С. С. Прокофьев, с. 176—177). Этим методом записи разметки инструментовки С. С. Прокофьев впоследствии пользовался при сочинении многих своих произведений.

К письму 225

¹ Дирижером в упомянутых концертах во Франкфурте 26 и 28 марта 1926 г. был К. Краус.

² Концерт C-dur для фортепиано с оркестром В. Дукельского написан в 1924 г. и посвящен А. Рубинштейну. Переложение для двух фортепиано издано в Париже фирмой «Menestrel» в 1926 г.

³ Оперы: «Сват», в двух действиях по комедии А. Н. Островского «Бедность не порок», Н. Н. Черепнина (*отца*) написана в 1925 г., клавиры изданы фирмой М. П. Беляева в 1930 г.; «Оль-Оль», по пьесе Л. Н. Андреева «Дни нашей жизни», ор. 35 А. Н. Черепнина (*сына*) написана в 1925 г. и поставлена в Веймаре в 1928 г.

⁴ Вторая симфония С. С. Прокофьева исполнялась в Париже 6 мая 1926 г. под управлением В. Старама.

⁵ См. комм. 4 к письму 222 и комм. 2 к письму 217.

К письму 226

¹ В апреле 1926 г. С. С. Прокофьев выступал в городах Италии. 7 апреля в Риме, под управлением М. Росси, он исполнил Третий концерт для фортепиано и сыграл Третью сонату, Прелюд из ор. 12, Гавот из ор. 25 и Токкату ор. 11. В городах: Рим — 9 апреля, Сиена — 11 апреля, Генуя — 12 апреля, Флоренция — 17 апреля состоялись камерные концерты с участием Л. Любера, которая исполнила, среди других вокальных произведений, романс Н. Я. Мясковского «Круги», а С. С. Прокофьев играл также № 1, 4 и 5 из «Причуд»

Н. Я. Мясковского. Последний, дневной, концерт состоялся в Неаполе 20 апреля 1926 г. В программе: Третья соната; три гавота из ор. 12, 25 Вторая соната; Марш и Скерцо из оперы «Любовь к трем апельсинам»; Прелюд из ор. 12; «Мимолетности»; Токката, ор. 11 С. С. Прокофьева, а также «Прогулка», «Быдло», «Два еврея» из «Картинок с выставки» М. П. Мусоргского и № 1, 4 и 5 из «Причуд» Н. Я. Мясковского.

<стр. 518>

К письму 227

¹ Письмо В. Рейнхардта к Н. Я. Мясковскому от 20 апреля 1926 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 229, л. 1—2).

² См. комм. 5 к письму 211.

К письму 228

¹ См. комм. 4 к письму 222.

² См. комм. 12 к письму 211.

К письму 229

¹ Пятая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась впервые в Чикаго в первой половине 1926 г. под управлением Ф. Стока.

² Б. Л. Яворский был в Париже в качестве представителя РСФСР на открывшемся 3 мая 1926 г. Международном съезде театральных и музыкальных критиков.

³ «Музыка и революция», общественно-политический журнал музыкального искусства выходил в Москве в 1926—1929 гг. под редакцией Л. В. Шульгина. Издавался Музсектором.

К письму 230

¹ Письмо Б. Л. Яворского к В. В. Держановскому из Парижа от 15 мая 1926 г. (ГЦММК, ф. 3, № 1302).

² См. комм. 4 к письму 222.

³ См. комм. 12 к письму 211.

К письму 231

¹ С. А. Кусевицкий не исполнял Седьмой симфонии Н. Я. Мясковского ни в Бостоне, ни в Нью-Йорке.

² Первый концерт для фортепиано с оркестром А. Тансмана, написанный в 1925 г., впервые исполнен автором в Париже 27 мая 1926 г. под управлением С. А. Кусевицкого.

³ Возможно, имеется в виду Танцевальная симфония по мотивам балета «Грог» А. Копленда, написанная в 1925 г.

⁴ См. комм. 4 к письму 211.

⁵ «Русским балетом Сергея Дягилева» были впервые поставлены балеты: «Пастораль» Ж. Орика (1925) в Париже 18 мая 1926 г., постановщик Дж. Баланчин; «Бара-бау» В. Риети (1925) в Лондоне 11 декабря 1925 г., постановщик Дж. Баланчин, художник М. Утрилло; «Ромео и Джульетта» К. Ламберта (1926) в Монте-Карло 4 мая 1926 г., постановщик Б. Ф. Нижинская, художники М. Эрнст и Ж. Миро.

К письму 232

¹ Классическая симфония и Сюита из оперы «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева были исполнены в Москве под управлением К. С. Сараджева 27 февраля 1927 г. во втором симфоническом концерте АСМ.

² В марте 1927 г. отмечалось столетие со дня смерти Л. Бетховена. В Вене был учрежден Международный комитет по организации бетховенских торжеств, в котором представителями от СССР были А. К. Глазунов, Н. Я. Мясковский, Б. В. Асафьев, М. В. Иванов-Борецкий и К. С. Сараджев. Самые торжества происходили в Вене с 26 по 31 марта 1927 г. В состав советской делегации входили: О. Д. Каменева, Б. Л. Яворский, М. В. Иванов-Борецкий и Л. Н. Лебединский.

<стр. 519>

К письму 233

¹ А. А. Переселенцев, владелец издательства АМА, печатал преимущественно легкую танцевальную музыку. По-видимому, он хотел издать облегченное переложение Марша из оперы «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева.

² По предложению Б. Вальтера, руководителя Городской оперы в Берлине, намечалась постановка «Огненного ангела» С. С. Прокофьева, но не состоялась. Оркестровка оперы была закончена только в 1927 г.

³ Увертюра В-dur для камерного оркестра, ор. 42 С. С. Прокофьева написана летом 1926 г. В 1928 г. автором сделана редакция для симфонического оркестра. Увертюра осталась неизданной.

К письму 234

¹ Четвертая соната для фортепиано Н. Я. Мясковского была исполнена и 23 июня 1926 г. В. Гизекингом во втором камерном концерте Международного общества современной музыки.

К письму 235

¹ Имеется в виду балет «Стальной скок». См. комм. 4 к письму 211.

² См. комм. 2 к письму 232.

К письму 236

¹ См. комм. 2 к письму 233.

² Концертная поездка С. С. Прокофьева в СССР по приглашению Персимфанса в Ленинградской филармонии состоялась в 1927 г. с 19 января по 20 марта; он выступил в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе в семи симфонических и в тринадцати камерных концертах и клавирабендах.

К письму 237

¹ См. комм. 1 к письму 229.

² Письмо Л. Стоковского к Н. Я. Мясковскому из Филадельфии от 20 апреля 1926 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, Он. 2, ед. хр. 251, л. 2).

³ О. Клемперер не исполнял в Нью-Йорке Седьмой симфонии Н. Я. Мясковского.

⁴ Речь идет о Девятой симфонии Н. Я. Мясковского. См. комм. 2 к письму 200

К письму 239

¹ Пятая соната для фортепиано была написана Н. Я. Мясковским только в 1944 г.

² Письмо С. С. Прокофьева к Б. Л. Яворскому от 30 октября 1926 г. (Б. Яворский. Статьи, воспоминания, переписка, т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1972, с. 365—367).

К письму 240

¹ В ноябре 1926 г. Н. Я. Мясковский вместе с Б. Л. Яворским ездил в Варшаву на открытие 14 ноября памятника Ф. Шопену. Оттуда он проехал в Вену для переговоров с А. И. Дзимитровским, директором Universal Edition, по поводу издания своих произведений. Это была единственная поездка Н. Я. Мясковского за границу.

² В дневнике от 9 сентября 1926 г. Н. Я. Мясковский записал: «Наметил три «деревенские концерта» разного оркестрового состава (Es, h, G). Темы и форма —

<стр. 520>

ясны» (Н. Я. Мясковский, т. 2., с. 442). Этот замысел был осуществлен только в 1928 и 1929 гг. в виде Серенады Es-dur для малого оркестра, ор. 32, № 1; Симфониетты h-moll для струнного оркестра, ор. 32, № 2; Лирического концертино G-dur для малого оркестра, ор. 32, № 3. Общее название всех трех пьес—«Развлечения».

³ См. комм. 7 к письму 164.

К письму 241

¹ Шестая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Филадельфии в ноябре 1926 г., а в Нью-Йорке 30 ноября 1926 г. В этих же концертах

исполнялась Скифская сюита «Ала и Лоллий» С. С. Прокофьева.

² См. комм. 2 к письму 236.

К письму 242

¹ Н. Я. Мясковский работал над Десятой симфонией f-moll, op. 30, и завершил ее 29 декабря 1927 г. Партитура издана Музсектором в 1929 г., а в 1930 г.— переложение для фортепиано в четыре руки В. Н. Крюкова.

К письму 243

¹ Репетиции балета «Стальной скак» С. С. Прокофьева. См. комм. 4 к письму 211«

² «Царь Эдип», опера-оратория в двух действиях на либретто Ж. Кокто в переводе на латинский язык Ж. Даниелу, написана И. Ф. Стравинским в 1926—1927 гг. Первое концертное исполнение состоялось в Париже 30 мая 1927 г. под управлением автора. Переложение автора для пения с фортепиано издано РМИ в 1927 г.

³ Сестры Н. Я. Мясковского: В. Я. Яковлева, В. Я. Меншикова и Е. Я. Федоровская.

К письму 244

¹ О Квинтете С. С. Прокофьева см. комм. 3 к письму 193. Квинтет был исполнен впервые в Москве 6 марта 1927 г. Исполнители: Н. В. Назаров, И. Н. Майоров, Д. М. Цыганов, В. В. Борисовский, И. Ф. Гертович.

² Классическая симфония С. С. Прокофьева исполнялась 11 и 18 апреля 1927 г.

³ В феврале—марте 1927 г. в Москву приезжал Н. К. Метнер. Он выступал с исполнением своих произведений в симфонических и камерных концертах.

К письму 245

¹ 7 мая 1927 г. в Берлине был поставлен балет на музыку Скифской сюиты С. С. Прокофьева. Постановщик М. Терпис, дирижер Дж. Сэлл. В «Краткой автобиографии» С. С. Прокофьев пишет: «7 мая 1927 года в Берлине балет на «Алу и Лоллия», шедший под названием «Die Erlösten». Концертируя рядом в Магдебурге, я заехал инкогнито на премьеру, но балет шел так плохо, что я уехал, не раскрыв инкогнито» (С. С. Прокофьев, с. 181).

К письму 246

¹ Письмо А. И. Дзимитровского к Н. Я. Мясковскому из Вены от 20 мая 1927 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 140, л. 29—29 об.).

² В. Фуртвенглер дирижировал Седьмой симфонией Н. Я. Мясковского в Нью-Йорке в начале 1927 г.

³ Опера «Любовь к трем апельсинам» С. С. Прокофьева была поставлена в Большом театре в Москве 19 мая 1927 г. Режиссер-постановщик А. Д. Дикий, художник И. М. Рабинович, дирижер Н. С. Голованов. Партии исполняли: Король Треф — В. Р. Петров, Принц — В. П. Исаков, Принцесса Клариче — Н. А. Обухова, Леандр —

<стр. 521>

Б. Н. Бугайский, Труффальдино — Н. М. Барышев, Панталоне — А. К. Минеев, Маг Челий — А. С. Пирогов, Фата-Моргана — Л. Г. Рудницкая, Аннета — А. А. Лорина, Николетта — Г. В. Жуковская, Нинетта — А. В. Нежданова, Кухарка — В. В. Осипов, Фарфарелло — В. А. Малышев. Смеральдина — Н. К. Штанге, Церемониймейстер — В. Д. Наумов, Герольд — А. А. Яхонтов. См. комм. 5 к письму 211.

⁴ Подчеркнуто отрицательная оценка Н. Я. Мясковским А. В. Неждановой вызвана, вероятно, тем, что роль принцессы Нинетты мало соответствовала данным певицы. Как рассказывает Д. Б. Кабалевский (в письме составителям этой книги) «А. В. Нежданова в самом деле пела принцессу очень невыразительно. Возможно, что такому впечатлению способствовало уже первое ее появление на сцене: появлялись 3 апельсина, из коих один был раза в полтора больше двух других. Из двух крайних вылезали две изящные девушки, а из среднего — огромного — выходила А. В. Она была намного больше, выше и шире двух других, но голос был самый хрупкий и нежный. И это производило очень комическое впечатление... И вообще вся роль абсолютно не подходила для А. В.».

К письму 247

¹ См. комм. 1 к письму 241.

² Восьмая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Бостоне 30 ноября и 1 декабря 1928 г. под управлением не С. А. Кусевицкого, а его ассистента Р. Бургина. В Париже С. А. Кусевицкий симфонию не исполнял.

³ См. комм. 4 к письму 211.

⁴ См. комм. 2 к письму 243.

К письму 248

¹ Н. Я. Мясковский работал над инструментовкой Девятой симфонии.

К письму 249

¹ Септет для флейты, кларнета, фагота, трубы, скрипки, виолончели и контрабаса, ор. 2 Г. Н. Попова написан в 1927 г. и издан Музсектором в 1928 г.

К письму 250

¹ Упомянутые сочинения С. С. Прокофьева впервые исполнялись в Париже: Увертюра для камерного оркестра — 28 мая 1927 г. под управлением

С. А. Кусевицкого; Квintет — 12 апреля 1927 г. в концертной ассоциации «Revue Musicale». Исполнители: Дарье, Паскье, Буссаголь, Бонно, Годо.

² «Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, ор. 29, написаны Н. Я. Мясковским летом 1927 г. В цикл входят: № 1 «Напев», № 2 «Шутка», № 3 «Безнадежность», № 4 «Воспоминание», № 5 «В бессонницу», № 6 «Снежная жуть». Последнюю пьесу имеет в виду Н. Я. Мясковский, «написанную тридцать вторыми секундами». В «Воспоминаниях» использована музыка из четвертой и пятой тетрадей «Flofion», написанных в 1907—1908 гг. Изданы Universal Edition в 1928 г.

³ Статья Л. Л. Сабанеева «Stravinsky's «Oedipus»» в журнале «The Chesterian», 1927, № 64 (июль — август).

К письму 252

¹ Опера «Игрок» С. С. Прокофьева в первой редакции была написана в 1915—1916 гг. Летом 1927 г. автор приступил к ее переработке, о чем писал в «Краткой автобиографии»: «Ленинград, после успеха «Апельсинов», собрался поставить «Игрока», в связи с чем я решил его пересмотреть. Десять лет, отделявших от сочинения его, дали возможность ясно увидеть, что было музыкой, а что рамплиссажем, прикрывавшимся страшными аккордами. Эти места я выкидывал и замещал новыми, построенными главным образом на том материале «Игрока», который я оценивал как

<стр. 522>

удавшийся. Еще я обратил внимание на то, чтобы упорядочить вокальные партии и облегчить инструментовку. В Ленинграде мне выдали партитуру, и теперь, по окончании «Огненного ангела», я на другой же день засел за «Игрока» (С. С. Прокофьев, с. 181).

² Речь идет о фортепианных сочинениях, изданных Музсектором в 1926—1927 гг. и посланных С. С. Прокофьеву: Л. Н. Оборин. Четыре пьесы, ор. 2; Ю. Г. Крейн. Первая соната, ор. 7; Д. Д. Шостакович. Первая соната, ор. 12; А. В. Мосолов. Первая соната c-moll, ор. 3, Вторая соната h-moll, ор. 4; Ан. Н. Александров. Шестая соната G-dur, ор. 26.

³ «Аполлон Мусагет», балет в двух картинах для струнного оркестра на собственное либретто, написан И. Ф. Стравинским в 1927—1928 гг. Впервые поставлен в Вашингтоне 27 апреля 1928 г. Хореография А. Больма, художник Н. Ремизов, дирижер Г. Киндлер.

⁴ Первая симфония В. Дукельского написана в 1927—1928 гг. и впервые исполнена в Париже 14 июня 1928 г.

⁵ Сонатина для фортепиано, ор. 7 Н. Лопатникова посвящена К. Аррау и издана РМИ в 1928 г.

⁶ Оратория «Ода, или Размышления о ночи» на слова М. В. Ломоносова написана Н. Набоковым в 1927—1928 гг. В «Русском балете Сергея Дягилева» в Париже поставлена как балет 12 июня 1928 г. Хореография Дж. Баланчина, художник А. Бошан.

К письму 253

¹ Десятая симфония Н. Я. Мясковского была впервые исполнена в Москве Персимфансом 2 и 9 апреля 1928 г.

² Имеется в виду заметка «Новый балет» С. Прокофьева в журнале «Музыка и революция», 1927, № 7—8, с. 46.

³ Письмо Л. И. Прокофьевой к Е. В. Копосовой-Держановской от 12 августа 1927 г. (ГЦММК, ф. 3, До 1448).

⁴ В журнале «Музыка и революция», 1927, № 7—8 были напечатаны статьи Л. Л. Сабанеева: «Письмо из Парижа» и «Новая опера Стравинского «Царь Эдип».

⁵ Б. В. Асафьев принимал участие в редактировании работы П. А. Ламма по восстановлению авторской редакции оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». В 1927 г. он работал над серией статей об этой опере, вошедших в сборник «К восстановлению «Бориса Годунова» Мусоргского», изданный Музсектором в 1928 г., а также над книгой «Русская музыка от начала XIX столетия», законченной в 1928 г. и выпущенной издательством «Academia» в 1930 г.

К письму 254

¹ Намечавшаяся в 1928 г. постановка оперы «Игрок» С. С. Прокофьева в Государственном академическом театре оперы и балета (Акопера) в Ленинграде, которую должен был осуществить В. Э. Мейерхольд, не состоялась.

² Сюита из балета «Стальной скок» С. С. Прокофьева была исполнена впервые в Бостоне 21 и 22 октября 1927 г. под управлением С. А. Кусевицкого.

³ См. комм. 4 к письму 252.

⁴ См. комм. 3 к письму 252.

К письму 255

¹ Девятая симфония Н. Я. Мясковского впервые в Ленинграде была исполнена под управлением Н. А. Малько только 14 апреля 1929 г.

² Н. Я. Мясковский вступил в жилищно-строительный кооператив и получил квартиру в доме № 4 по Сивцеву-Вражку, а не в Кисловском переулке (см. письмо 257), в которой и прожил до смерти в 1950 г.

<стр. 523>

³ «Концертино» для струнного квартета И. Ф. Стравинского написано в 1920 г., издано в партитуре фирмой Ганзена в 1923 г. и в переложении для фортепиано в две руки А. С. Лурье в 1925 г.

⁴ Третий струнный квартет Д. Мийо написан в 1916 г. и издан фирмой А. Durand только в 1956 г.

К письму 256

¹ См. комм. 1 к письму 253.

² Об издании балета «Стальной скок» С. С. Прокофьева см. комм. 4 к письму 211

³ Опера «Игрок» С. С. Прокофьева в Большом театре в Москве впервые поставлена только 7 апреля 1974 г.

⁴ О Первой симфонии Н. Я. Мясковского см. комм. 3 к письму 11. Она была впервые исполнена в Павловске 20 мая 1914 г. под управлением А. П. Асланова. В 1929 г. Музсектором была издана партитура, а в 1931 г. авторское переложение для фортепиано в четыре руки.

К письму 258

¹ Восьмая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась впервые в Ленинграде 27 февраля 1927 г. под управлением П. А. Малько.

² Вторая симфония С. С. Прокофьева исполнялась в Париже 16 февраля 1928 г. под управлением В. Старама, о чем композитор писал в «Краткой автобиографии»: «Звучала она яснее. Но мне придется однажды вернуться к ней с тем, чтобы попытаться изложить те же мысли более ясным путем» (С. С. Прокофьев, с. 181)

³ См. комм. 5 к письму 252.

⁴ Вторая поездка С. С. Прокофьева в СССР состоялась в ноябре 1929 г.

К письму 259

¹ См. комм. 1 к письму 253.

² В 1928 г. в связи со столетием со дня смерти Ф. Шуберта был организован международный конкурс на сочинение симфонического произведения. Все страны разбиты на десять зон для проведения предварительного конкурса в каждой из зон. Для проведения конкурса в СССР было создано жюри под председательством А. К. Глазунова. В состав жюри входили: М. О. Штейнберг, Н. Я. Мясковский, Р. М. Глиэр, И. В. Прибик. Секретарь жюри — Г. М. Римский-Корсаков. Первой премии по СССР удостоена Третья симфония М. М. Чернова.

³ Первое исполнение Девятой симфонии Н. Я. Мясковского в Москве в упомянутом концерте состоялось под управлением К. С. Сараджева; к предстоящему исполнению в журнале «Современная музыка», № 28 за 1928 г. был напечатан тематический разбор симфонии, сделанный В. М. Беляевым.

К письму 262

¹ См. комм. 1 к письму 244.

² С. С. Прокофьев ездил в Испанию, где впервые в Барселоне 8 мая исполнил свой Третий концерт для фортепиано с оркестром под управлением П. Казальса.

³ В архиве Н. Я. Мясковского сохранилась программа концертов Бостонского оркестра от 20 и 21 апреля 1928 г. под управлением С. А.

Кусевицкого. В ней объявлена Восьмая симфония Н. Я. Мясковского, но исполнение не состоялось. См. письмо 263.

⁴ В журнале «Жизнь искусства» № 17 от 24 апреля 1928 г. помещено объявление о концерте в Ленинграде 25 апреля 1928 г. под управлением Н. А. Малько. Впервые исполнялась Десятая симфония Н. Я. Мясковского.

⁵ Отрывки из балета «Стальной скок» С. С. Прокофьева впервые в Москве исполнились 27 мая 1928 г. в концерте АСМ под управлением В. Савича.

<стр. 524>

К письму 264

¹ По поводу исполнения отрывков из балета «Стальной скок» С. С. Прокофьева А. Н. Дроздов писал: «Исполненные фрагменты из балета Прокофьева «Стальной скок» совершенно неожиданно успеха не имели; чувствовалось, как будто, некоторое разочарование. Причин, думается, несколько: невыгодно влияло соседство ярких вещей Респиги, вредила оторванность от сценической обстановки; возможно, неудачен был подбор отрывков; и, наконец, возможно, наступила некоторая реакция против крайностей «прокофьевизма». Отрывки остроумны обычным Прокофьевским остроумием (может быть, несколько более обычного), но все же чувствуется некоторая замкнутость мысли, некоторая «самоповторяемость» («Музыка и революция», 1928 № 5—6, с. 46).

² Исполнялись следующие отрывки из балета «Стальной скок»: 1. Явление участников; 2. Поезд с мешочниками; 3. Матрос в браслете и работница; 4. Перестройка декораций; 5. Фабрика; 6. Заключительная сцена.

³ См. комм. 3 к письму 259.

⁴ Третья симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Москве 22 апреля 1928 г. в концерте АСМ под управлением Ст. Штрассера. К этому исполнению в журнале «Современная музыка», 1928, № 27 был помещен ее тематический анализ.

К письму 265

¹ Концертное исполнение второго действия «Огненного ангела» С. С. Прокофьева в Париже состоялось 14 июня 1928 г. под управлением С. А. Кусевицкого при участии Н. П. Кошиц.

² С. С. Прокофьев знал В. Савича, с которым выступал в концертах в Америке. См. комм. 2 к письму 221.

³ Балет И. Ф. Стравинского «Аполлон Мусагет» издан РМИ в партитуре и клавире в 1928 г. Впервые в Париже поставлен «Русским балетом Сергея Дягилева» 12 июня 1928 г. Постановщик Дж. Баланчин, художник А. Бошан.

⁴ «Поцелуй феи», балет-аллегория в четырех картинах по сказке Х.-К. Андерсена написан И. Ф. Стравинским в 1928 г. на темы П. И. Чайковского.

⁵ См. комм. 4 к письму 255.

К письму 267

¹ См. комм. 1 к письму 265.

² В 1928 г. С. С. Прокофьев написал «Вещи в себе», две пьесы для фортепиано ор. 45, изданные РМИ в том же году.

³ Третья симфония c-moll, ор. 44, написана С. С. Прокофьевым в 1928 г. Партитура издана РМИ в 1931 г.

⁴ В июле—августе 1928 г. Б. В. Асафьев ездил в Зальцбург вместе с оперной студией Ленинградской консерватории, художественным руководителем которой он был. После Зальцбурга он был во Франции в гостях у С. С. Прокофьева.

К письму 268

¹ Имеется в виду музыкальная картина «Садко», ор. 5 Н. А. Римского-Корсакова и его же одноименная опера-былина.

² «Пожелтевшие страницы», семь незатейливых вещиц для фортепиано, ор. 31 Н. Я. Мясковского написаны летом 1928 г. В их основу положены пьесы из разных тетрадей «Flofion» (см. комм. 3 к письму 2). Изданы Музсектором в 1930 г.

³ Два концерта под управлением Э. Ансерме в Москве состоялись 28 апреля и 6 мая 1929 г.; Симфония В. Дукельского не исполнялась.

<стр. 525>

К письму 270

¹ Исполнение Второй симфонии Н. Я. Мясковского в Москве состоялось 2 декабря 1928 г. под управлением К. С. Сараджева.

² См. комм. 2 к письму 240.

³ Н. Я. Мясковский осуществил свое намерение и сделал четырехручное переложение Третьей симфонии С. С. Прокофьева в 1929 г. В переложении Скерцо из симфонии принял участие В. Я. Шебалин. Переложение осталось неизданным (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 51, 52).

К письму 271

¹ Имеется в виду «Поцелуй феи» («Le Baiser de la Fée»), балет И. Ф. Стравинского.

² 7 и 14 января 1929 г. концерты Персимфанса были посвящены произведениям С. С. Прокофьева; в программе: Сюита из балета «Стальной скок»; Третий концерт для фортепиано с оркестром, исп. С. Е. Фейнберг; Сюита из балета «Шут».

³ Второй сын С. С. Прокофьева Олег родился 14 декабря 1928 г.

⁴ См. комм. 2 к письму 240.

К письму 272

¹ «Блудный сын», балет в трех действиях, ор. 46, на либретто Б. Кохно, написан С. С. Прокофьевым в 1928 г. и завершен в партитуре в 1929 г. Авторское переложение для фортепиано в две руки издано РМИ в 1929 г.

² Соната Es-dur для фортепиано В. Дукельского издана РМИ в 1928 г.

К письму 274

¹ МОДПИК — Московское общество драматических писателей и оперных композиторов.

² Упомянутый балет С. С. Прокофьева «Шут» был поставлен в Киеве 27 января 1928 г. на основе Сюиты из этого балета и шел под украинским названием «Блазень». Балетмейстер М. С. Дысковский, художник И. Г. Курочка-Армашевский, дирижер А. И. Орлов.

³ Сестра матери С. С. Прокофьева — Е. Г. Раевская.

К письму 275

¹ См. комм. 2 к письму 247.

К письму 276

¹ См. комм. 1 к письму 253.

К письму 277

¹ Четвертая симфония C-dur, ор. 47, написана С. С. Прокофьевым в 1929-1930 гг. В «Краткой автобиографии» С. С. Прокофьев пишет: «Бостонский оркестр, один из лучших мировых оркестров, готовясь праздновать 50-летие своего существования, заказал мне и Стравинскому по симфонии. У меня возникла мысль сделать симфонию на материале «Блудного сына» (С. С. Прокофьев, с. 184). Впервые симфония была исполнена в Бостоне 14 ноября 1930 г. под управлением С. А. Кусевицкого. В 1947 г. С. С. Прокофьев сделал вторую редакцию симфонии, партитура которой издана «Советским композитором» в 1962 г. Во второй редакции симфония впервые была исполнена в Москве 5 января 1957 г. под управлением Г. Н. Рождественского.

<стр. 526>

К письму 279

¹ «Блудный сын» С. С. Прокофьева был поставлен «Русским балетом Сергея Дягилева» в Париже 21 мая 1929 г. Постановщик Дж. Баланчин, декорации и костюмы Ж. Руо, дирижер автор.

К письму 280

¹ В журнале «Пролетарский музыкант» (орган АПМ), издававшемся в 1926—1932 гг., помещен ряд статей с резкой критикой творчества С. С.

Прокофьева.

² Первая постановка оперы «Игрок» С. С. Прокофьева состоялась в Брюсселе 29 апреля 1929 г. в театре De la Monnaie под управлением К. де Торана.

³ Н. Я. Мясковский не делал переложения для фортепиано в четыре руки Четвертой симфонии С. С. Прокофьева.

⁴ В 1930 г. Музсектором выпущен «Сборник для кинопианистов. Юмор». Составитель М. Л. Старокадомский. В него включены и произведения С. С. Прокофьева: № 10 и № 11 из «Мимолетностей» и Скерцо из ор. 12.

К письму 281

¹ Письмо С. С. Прокофьева к В. В. Держановскому от 8 апреля 1929 г. (ГЦММК, ф. 3, № 923).

² См. комм. 3 к письму 259.

³ Дивертисмент для оркестра, ор. 43, частично написан С. С. Прокофьевым в 1925 г. и завершен в 1929 г. Партитура и авторское переложение для фортепиано и две руки изданы РМИ в 1930 г.

⁴ См. комм. 4 к письму 258.

К письму 282

¹ См. комм. 1 к письму 255.

² В 1928 г. Universal Edition выпустило «Предчувствия», шесть набросков на слова З. Н. Гиппиус для голоса с фортепиано, ор. 16 Н. Я. Мясковского. Написаны в 1913—1914 гг. См. комм. 1 к письму 102.

К письму 283

¹ Н. Я. Мясковским написано всего 27 романсов на слова З. Н. Гиппиус. Упоминаемые три пьесы для голоса с фортепиано: 1. «Противоречия», 2. «Однообразие», 3. «Круги» изданы под ор. 5 РМИ в 1913 г. Романсы «Луна и туманы» и «Кровь» изданы Музсектором в 1921 г. В 1946 г. Н. Я. Мясковский составил сборник «На грани», ор. 4, из 18 романсов на слова З. Н. Гиппиус, в который включил многие из ранее напечатанных романсов. Запись в дневнике 15 февраля 1946 г.: «Весь день потратил на составление сборника Гиппиусовских романсов (наподобие Бальмонтских) из 18 штук, включив туда и никогда не печатавшиеся (6). Кажется, после усовершенствования получается складно» (Н. Я. Мясковский, т. 2, с. 457—458). Об отдельных романсах на слова З. Н. Гиппиус см. комм. 1 к письму 102, комм. 7 к письму 164, комм. 5 к письму 165, комм. 4 к письму 202, комм. 2 к письму 282.

² См. комм. 1 к письму 255.

К письму 284

¹ См. комм. 7 к письму 164.

К письму 286

¹ См. комм. 2 к письму 280.

<стр. 527>

² Третья симфония С. С. Прокофьева исполнялась впервые в Париже 17 мая 1929 г. под управлением П. Монте.

³ См. комм. 1 к письму 279.

⁴ См. комм. 2 к письму 247.

К письму 287

¹ Письма Н. Я. Мясковскому из Парижа от Общества Гаво от 8 июня 1929 г. и от Ecole Normale de Musique de Paris от 12 июня 1929 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 335, л. 1, 2).

К письму 288

¹ См. комм. 2 к письму 240.

К письму 291

¹ Летом 1929 г. Н. Я. Мясковский сделал переложение для фортепиано в четыре руки своей Первой симфонии, изданное Музгизом в 1931 г.

К письму 292

¹ С. С. Прокофьев приехал в СССР 30 октября 1929 г. и пробыл до 19 ноября.

² Летом 1929 г. С. С. Прокофьев сделал третью редакцию Симфониетты A-dur op. 5, написанной в 1909 г. и переделанной в 1914 г. Третья редакция Симфониетты получила op. 48 и была издана РМИ в 1931 г. в партитуре и в авторском переложении для фортепиано в две руки.

³ См. комм. 3 к письму 281.

⁴ Речь идет о Каприччио для фортепиано с оркестром И. Ф. Стравинского, написанном в 1928—1929 гг. и впервые исполненным автором в Париже 6 декабря 1929 г. под управлением Э. Ансерме. Издано РМИ в 1930 г.

К письму 293

¹ Струнный квартет a-moll, op. 33, № 1 Н. Я. Мясковского написан в 1930 г. Издан Музгизом в 1932 г. в партитуре и голосах.

² 7 и 14 октября 1929 г. в концертах Персимфана в Москве впервые исполнялись Серенада для малого оркестра, op. 32, № 1 и Лирическое концертно, op. 32 № 3 Н. Я. Мясковского.

³ См. комм. 2 к письму 247.

⁴ См. комм. 3 к письму 194 и комм. 1 к письму 241.

К письму 294

¹ Предполагавшееся исполнение Третьей симфонии С. С. Прокофьева в Бостоне не состоялось.

К письму 295

¹ См. комм. 1 к письму 292.

К письму 298

¹ Описывая в «Краткой автобиографии» свое пребывание в Москве в ноябре 1929 г., С. С. Прокофьев пишет: «Большой театр решил поставить «Стальной скок, который уже трижды исполнялся в Москве концертно. На одном из проигрываний и обсуждений довольно резко выступили против «Стального скока» представители Ассоциации пролетарских музыкантов. Я отвечал им. Большой театр заколебался, постановка в конце концов не состоялась и пока мне пришлось удовлетвориться тою ролью, которую «Стальной скок» сыграл за границей» (С. С. Прокофьев, с. 185), Особенным нападкам подвергался С. С. Прокофьев и его балет «Стальной скок» в статьях разных авторов, помещенных в журнале «Пролетарский музыкант», 1929, № 6, 7—8.

<стр. 528>

² Ни С. С. Прокофьев, ни Н. Я. Мясковский фортепианного переложения Четвертой симфонии С. С. Прокофьева не делали. О переложении Дивертисмента С. С. Прокофьева см. комм. 3 к письму 281.

³ О своей поездке в Америку С. С. Прокофьев пишет в «Краткой автобиографии»: «В начале 1930 года я сделал большое турне по Америке, состоявшее из 12 симфонических концертов и 11 камерных, в которых приняла участие также моя жена[...] Кроме Соединенных Штатов от одного берега до другого, я побывал в Канаде и на Кубе» (С. С. Прокофьев, с. 185—186).

⁴ *Приструнили Сараджева* — шутивное напоминание о просьбе К. С. Сараджева привезти ему струны для скрипки. См. письмо 299.

К письму 300

¹ «Круги» Н. Я. Мясковского Л. Любера исполняла в концертах С. С. Прокофьева 23 января и 2 февраля 1930 г.

² В интервью — «Prokofieff Finds Russia's Music Thriving» («Прокофьев о расцвете русской музыки»), опубликованном в журнале «Musical America» (1930, 10 янв., с. 42) С. С. Прокофьев дает высокую оценку творчеству Н. Я. Мясковского, особо отмечая его новое сочинение — три оркестровые пьесы для малого оркестра (ор. 32: № 1 — Серенада, № 2 — Симфониетта, № 3 — Лирическое концертино), которые он слышал во время своего пребывания в Москве в переложении для двух фортепиано в 8 рук. Вырезка из журнала сохранилась в архиве Н. Я. Мясковского (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 3, ед. хр. 109, л.

15).

³ С. С. Прокофьев выступил в семи симфонических концертах: 9 и 11 января 1930 г. в Кливленде под управлением Р. Рингволла исполнил Первый концерт для фортепиано с оркестром и продирижировал Сюитой из балета «Стальной скок»; 31 января и 1 февраля в Бостоне, 6 февраля в Бруклине, 7 и 8 февраля в Нью-Йорке исполнил с Бостонским оркестром под управлением С. А. Кусевицкого впервые в Америке свой Второй концерт для фортепиано с оркестром. Четыре камерных концерта С. С. Прокофьева состоялись: 6 января 1930 г. в Нью-Йорке с участием Н. П. Кошиц, где впервые были исполнены «Вещи в себе», ор. 45 и обработки для голоса с фортепиано двух русских народных песен. 23 января в Веллеслей колледже и 2 февраля в Бостоне в концертах участвовала Л. Любера; 24 января в Филадельфии — клавирабенд.

⁴ Первый струнный квартет h-moll, ор. 50 С. С. Прокофьева написан в 1930 г. по заказу Рукописного отдела Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, где на средства американской меценатки-миллионерши Э. Кулидж был учрежден специальный денежный фонд (Coolidge Foundation). По условиям заказа авторский манускрипт поступал в собственность библиотеки. Партитура квартета издана РМИ в 1932 г.

⁵ Е. В. Звягинцева.

К письму 301

¹ В Чикаго С. С. Прокофьев выступил в симфонических концертах под управлением Э. де Ламартера 25 и 28 февраля, 1 марта 1930 г., исполнив Первый и Второй концерты для фортепиано с оркестром и продирижировав Дивертисментом и Сюитой из балета «Стальной скок». В Калифорнии С. С. Прокофьев выступал 13 и 14 февраля в Лос-Анджелесе, исполнив под управлением А. Родзинского Третий концерт для фортепиано с оркестром, 18 февраля в Филадельфии под управлением А. Хертца он исполнил этот же Концерт и продирижировал Сюитой из оперы «Любовь к трем апельсинам». Камерные концерты состоялись: 19 февраля в Лос-Анджелесе, 2 марта в Детройте, 10 и 13 марта в Гаване, 20 марта в Монреале, 23 и 24 марта в Чикаго. В этих концертах, кроме своих произведений, С. С. Прокофьев играл «Причуды» Н. Я. Мясковского, а Л. Любера пела его же «Круги».

² Упомянутое исполнение Шестой симфонии Н. Я. Мясковского состоялось в Лос-Анджелесе 30 января 1930 г.; вырезки из американских газет с рецензиями на этот концерт сохранились в архиве Н. Я. Мясковского (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 359, л. 145—154).

<стр. 529>

К письму 302

¹ См. письмо 241 и комм. 1 к нему.

² О *пролетарских музыкантах* см. комм. 2 к письму 311.

³ «Нос», опера Д. Д. Шостаковича, написана в 1927—1928 гг. В Большом

театре в Москве не ставилась. В концерте 28 марта 1930 г. в Москве под управлением В. Савича, кроме Симфонии d-moll С. Франка, исполнялись произведения А. Вивальди, Р. Вагнера и О. Респиги.

⁴ В 1930 г. Н. Я. Мясковский написал струнные квартеты: a-moll, op. 33, № I и c-moll, op. 33, № 2, изданные Музгизом в 1932 и 1931 гг.

⁵ Театр имени Вс. Мейерхольда в июне — июле 1930 г. совершил гастрольную поездку по городам Германии и дал 7 спектаклей в Париже.

К письму 303

¹ Об исполнении С. С. Прокофьевым пьес из цикла «Причуды» Н. Я. Мясковского см. комм. 1 к письму 301.

² Из упомянутых исполнений в Чикаго симфоний Н. Я. Мясковского под управлением Ф. Стока удалось установить дату исполнения только Восьмой симфонии 12 марта 1929 г.

³ В концерте Филадельфийского оркестра под управлением Л. Стоковского в Нью-Йорке 4 апреля 1930 г., кроме упомянутых в письме сочинений, исполнялась «Траурная ода памяти В. И. Ленина», op. 40 А. А. Крейна.

К письму 304

¹ Речь идет об обработке для голоса с фортепиано народных песен: «Снежки белые» и «На горе-то калина», впоследствии включенные С. С. Прокофьевым в сборник обработок двенадцати русских песен, op. 104, изданный Музфондом в 1945 г.

² Симфониетта, op. 32 № 2 Н. Я. Мясковского впервые исполнена по радио в Москве 9 мая 1930 г. под управлением Г. И. Швидлера.

³ В 1930 г. Н. Я. Мясковский написал два военных марша для духового оркестра: «Торжественный» и «Драматический»; изданы Музгизом в 1930 и 1931 гг.

К письму 305

¹ В 1930 г. В. Л. Кубацкий был заведующим музыкальной частью и членом художественного совета Большого театра.

² См. комм. 3 к письму 270.

³ Симфония псалмов для хора и оркестра И. Ф. Стравинского написана в 1930 г. по просьбе С. А. Кусевицкого к пятидесятилетию Бостонского симфонического оркестра и исполнена впервые в Брюсселе 13 декабря 1930 г. под управлением Э. Ансерме. Переложение Симфонии для пения с фортепиано издано РМИ в 1930 г.

К письму 306

¹ Письмо С. С. Прокофьева к В. В. Держановскому из Милана от 21

апреля 1930 г. (ГЦММК, ф. 3, № 929).

² Вернувшись из Америки в самом конце марта 1930 г., С. С. Прокофьев совершил концертную поездку по Европе. Он выступал: 5, 6 и 8 апреля в Брюсселе, 11 апреля в Турине, 16 апреля в Монте-Карло, 20 апреля в Милане, 23 апреля в Варшаве.

³ См. комм. 2 к письму 304.

⁴ См. комм. 3 к письму 304.

⁵ В 1930 г. распался Квартет имени Страдивариуса, в последний состав которого входили: Б. М. Симский, П. А. Бондаренко, Г. С. Гамбург, В. Л. Кубацкий.

⁶ См. комм. 3 к письму 270.

<стр. 530>

К письму 307

¹ См. комм. 4 к письму 292.

² См. комм. 2 к письму 267.

³ У композитора XIX века Н. Я. Афанасьева имеется 13 струнных квартетов, один из которых написан в тональности «in H». Первый струнный квартет H-dur, op. 2 В. П. Ширинского написан в 1923 г. Издан Музсектором в 1925 г.

⁴ Симфониетта, op. 32 № 2 Н. Я. Мясковского была исполнена 7 июля 1930 г. на концерте в Сокольниках под управлением Г. И. Шейдлера.

К письму 308

¹ Письмо С. С. Прокофьева к В. В. Держановскому от 12 июля 1930 г. (ГЦММК, ф. 3, № 930).

² Об издании Десятой симфонии Н. Я. Мясковского см. комм. 1 к письму 242.

К письму 309

¹ В России четырехручные переложения для фортепиано гравировались на отдельных страницах партии Primo и Secondo. Французская фирма A. Durand гавировала обе партии одна под другой, как бы в виде партитуры.

К письму 311

¹ «На Днепре» («Sur le Borysthène»), балет в двух картинах С. С. Прокофьева на либретто композитора и С. Лифаря, написан в 1930 г. и издан в авторском переложении для фортепиано в две руки РМИ в 1932 г. Впервые поставлен в Grand Opéra и Париже 16 декабря 1932 г. Постановка С. Лифаря, декорации и костюмы М. Ф. Ларионова и Н. С. Гончаровой, дирижер Ф. Гобер.

² Пролетарские композиторы, пролетарские музыканты — так в конце 20-х и начале 30-х годов именовались члены ВАПМа.

³ «Ода» для сопрано, мужского хора и малого оркестра И. Маркевича на стихи Ж. Кокто написана в 1930 г. Впервые исполнена в Париже 4 июня 1930 г.

К письму 312

¹ Кроме двух струнных квартетов ор. 33, №№ 1 и 2 (см. комм. 4 к письму 302), Н. Я. Мясковский включил в ор. 33 под № 3 Квартет d-moll (редакцию Квартета, сочиненного в 1910 г.); издан Музгизом в 1931 г.

К письму 313

¹ В упомянутом концерте в Берлине дирижировал Б. Зейдлер-Винклер.

² До 1 января 1931 г. С. С. Прокофьев выступал в симфонических концертах: 15 октября 1930 г. в Берлине, 15 ноября в Льеже, 21 ноября в Варшаве, 18 декабря в Париже, 27 декабря в Генте. 11 декабря в Брюсселе в камерном концерте С. С. Прокофьева участвовала Л. Льюбера, исполнявшая «Круги» Н. Я. Мясковского, а 18 декабря в Антверпене в клавирабенде С. С. Прокофьев исполнил две пьесы из «Причуд» Н. Я. Мясковского.

³ М. Г. Прокофьева умерла 13 декабря 1924 г. в Бельвю.

К письму 314

¹ Упомянутое исполнение в Кенигсберге по радио состоялось 16 октября 1930 г. Первая симфония А. М. Веприка написана в 1930 г.

² Квintет ор. 39 С. С. Прокофьева был исполнен студентами Московской консерватории класса камерного ансамбля С. В. Розанова: Ю. И. Янкелевичем, В. К. Ста-

<стр. 531>

роверовым, И. А. Елизаровым, С. Красиковым, Н. А. Гавриловым 4 февраля 1931 г.

³ См. комм. 5 к письму 306.

⁴ Третий струнный квартет Н. Я. Мясковского был впервые исполнен в Москве 17 марта 1926 г. Квартетом имени Страдивариуса в составе: Б. М. Симский, Б. Я. Виткин, Г. С. Гамбург, В. Л. Кубацкий.

К письму 315

¹ О постановке балета «На Днепре» см. комм. 1 к письму 311.

² См. комм. 2 к письму 313.

К письму 316

¹ «Протей», музыка к драме П. Клоделя написана Д. Мийо в 1913—1919 гг.

² Элегия для струнного квартета памяти М. П. Беляева, ор. 105 А. К. Глазунова написана в 1928 г., Шестой квартет B-dur, ор. 106, написан в 1920—1921 гг. Оба произведения изданы фирмой М. П. Беляева в 1929 г.

³ См. комм. 1 и 2 к письму 313.

К письму 317

¹ См. комм. 2 к письму 313.

² Первый квартет, ор. 50 С. С. Прокофьева исполнялся в Вашингтоне 25 апреля, а не 24 апреля 1931 г., Квартетом Броза в составе: А. Броза, Д. Визе, Л. Рубенса, А. Пини.

³ Исполнение Четвертой симфонии С. С. Прокофьева в Бостоне состоялось 14 и 15 ноября 1930 г.

К письму 318

¹ Второй квартет Н. Я. Мясковского был впервые исполнен 19 декабря 1930 г. Квартетом имени Комитаса в составе: А. К. Габриэлян, Л. М. Оганджян, М. Н. Тэриан, С. З. Асламазян.

² См. комм. 2 к письму 314.

³ В программу упомянутого концерта 14 января 1931 г. входили произведения С. С. Прокофьева: Классическая симфония, Третий концерт для фортепиано с оркестром, Сюита из балета «Шут».

⁴ Ор. 45 — «Вещи в себе», сочиненные С. С. Прокофьевым в 1928 голу, впервые были им сыграны в концерте 6 января 1930 г. в Нью-Йорке.

К письму 320

¹ Указывая дату концерта 14 февраля, Н. Я. Мясковский описался. См. комм. к письму 318.

² См. комм. 1 к письму 298.

³ 25 января 1931 г. в Москве под управлением Х. Коноэ были исполнены сочинения: «Праздничная прелюдия» и «Этенраку», старинная японская мелодия IX века в переложении для современного оркестра, а также «Дон-Жуан» Р. Штрауса, «Послеполуденный отдых Фавна» К. Дебюсси и «Картинки с выставки» М. П. Мусоргского в инструментовке М. Равеля (впервые в Москве).

⁴ Первая по времени инструментовка М. М. Тушмаловым «Картинок с выставки» М. П. Мусоргского исполнена впервые по рукописи в Петербурге 30 ноября 1891 г. под управлением Н. А. Римского-Корсакова. В нее вошли не все части цикла. Партитура издана фирмой В. Бесселя.

<стр. 532>

К письму 321

¹ 1 апреля 1931 г. в концерте Венского симфонического оркестра под управлением Ф. Фалля, кроме авторского исполнения Второго концерта для фортепиано С. С. Прокофьева, были сыграны Скерцо и Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам».

² 10 марта 1931 г. С. С. Прокофьев выступил в Страсбурге, сыграв свою Вторую сонату, Увертюру на еврейские темы и проаккомпанировав Л. Любера свои романсы и обработки русских народных песен. 11 марта в Страсбурге С. С. Прокофьев исполнил Третий концерт для фортепиано с оркестром под управлением Ш. Мюнша. 21, 25, 27 и 28 марта в Будапеште состоялся клавирабенд и камерные концерты С. С. Прокофьева и Л. Любера, в которых исполнялись также две пьесы из «Причуд» и «Круги» Н. Я. Мясковского.

К письму 322

¹ Четвертый концерт В-dur, op. 53, для фортепиано (для левой руки) с оркестром С. С. Прокофьева написан в 1931 г. по заказу одnorукого австрийского пианиста П. Витгенштейна. Партитура напечатана издательством «Музыка» в 1966 г., а переложение для двух фортепиано издано Музгизом в 1963 г.

² Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1, М., Музсектор. 1930.

³ «Fonderie d'Acier» — «Завод», музыка машин для оркестра, op. 19 А. В. Мосолова, является первой частью Сюиты из балета «Сталь», написанной в 1927 г. Партитура «Завода» издана Музсектором в 1929 г.

К письму 323

¹ Письмо А. И. Дзимитровского к Н. Я. Мясковскому от 11 апреля 1931 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 141, л. 37-37 об.).

² П. Витгенштейн выступал в Москве в симфонических концертах в Сокольниках 7 и 10 июля 1930 г.

³ Пятый струнный квартет Э. Кшенека написан в 1930 г. и издан Universal Edition в 1931 г.

⁴ См. комм. 2 к письму 317.

⁵ Книга Б. В. Асафьева «Русская музыка от начала XIX столетия». М. — Л., 1930.

К письму 324

¹ «Вакх и Ариадна», балет А. Русселя написан в 1930—1931 гг. Впервые поставлен в Grand Opéra в Париже 22 мая 1931 г.

² Концерт для виолончели с оркестром, op. 25 Ю. Г. Крейна написан в 1929 г. и впервые исполнен в Париже 22 мая 1931 г. М. Эйзенбергом под управлением А. Корто. Переложение Концерта для виолончели и фортепиано издано РМИ в 1934 г.

³ В 1930—1931 гг. С. С. Прокофьевым были созданы Шесть пьес для фортепиано, op. 52. Они являются творческой переработкой отдельных номеров из его прежних произведений: 1. Интермеццо, 2. Рондо, 3. Этюд — все три из балета «Блудный сын»; 4. Скерцино — из Песен без слов, op. 35; 5. Анданте — из Квартета, op. 50; 6. Скерцо — из Симфонии, op. 48. Изданы

РМИ в 1931 г.

⁴ Первый квартет, ор. 50 С. С. Прокофьева впервые в Париже исполнен 26 октября 1931 г. Квartetом Броза. 26 ноября 1931 г. в Париже в симфоническом концерте из произведений С. С. Прокофьева под управлением Р. Дезормьера исполнялись: Классическая симфония; Первый концерт для фортепиано с оркестром (исп. автор); Четвертая симфония; Анданте из Первого квартета в переложении для струнного оркестра (в первый раз, под управлением автора); Сюита из балета «Стальной скок».

<стр. 533>

К письму 325

¹ Концерт d-moll для фортепиано (для левой руки) с оркестром М. Равеля написан в 1929—1931 гг. по заказу П. Витгенштейна, которому и посвящен. Издан в Вене фирмой Georg Kugel в 1931 г.

² «Женитьба», речитативная опера М. П. Мусоргского на неизменный текст комедии Н. В. Гоголя. «Каменный гость», опера того же жанра А. С. Даргомыжского на неизменный текст маленькой трагедии А. С. Пушкина. Обе оперы являются образцами музыкально-декламационного стиля в русской опере.

К письму 326

¹ Имеются в виду обработки двух русских народных песен: «На горе-то калина» и «Снежки белые» для голоса с фортепиано С. С. Прокофьева, изданные РМИ в 1931 г.

² Сюита из оперы «Игрок» была завершена С. С. Прокофьевым в 1931 г. и получила название «Четыре портрета и развязка из оперы «Игрок», симфоническая сюита, ор. 49. Партитура издана фирмой А. Гутхейля.

³ 21 и 22 апреля 1931 г. в Нью-Йорке в Метрополитен-опера в сопровождении Филадельфийского оркестра под управлением Л. Стоковского был поставлен балет «Стальной скок» С. С. Прокофьева. Постановщик Л. Симонсон, хореограф Э. Стробридж.

⁴ Концерт для скрипки с оркестром И. Ф. Стравинского написан в 1931 г. и издан фирмой Б. Шотта в том же году. Впервые исполнен в Берлине 23 октября 1931 г. С. Душкиным под управлением автора.

⁵ В проекте новой орфографии русского языка рассматривался вопрос о написании буквы *и*, как *и* с точкой (*i*). С. С. Прокофьев всегда писал *i*, чем и объясняется восклицание: *Это в мою честь!*

К письму 327

¹ Каждое лето с 1931 г. Н. Я. Мясковский жил на даче П. А. Ламма на Николиной Горе под Москвой.

К письму 329

¹ Открытка С. С. Прокофьева к Н. Я. Мясковскому от 9 августа 1931 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 220, л. 29).

² В сезоне 1931/32 г. С. С. Прокофьев исполнял в симфонических концертах Первый концерт: 18 и 19 октября 1931 г. в Брюсселе под управлением Д. Дефо 26 ноября в Париже под управлением Р. Дезормьера, 12 марта 1932 г. в Париже под управлением Ф. Рюльмана; Третий концерт: 3 ноября 1931 г. в Мангейме под управлением Ф. Ледерера, 11 января 1932 г. в Праге под управлением Н. А. Малько, 23 января в Париже под управлением П. Коппола, 28 января в Амстердаме под управлением П. Монте, 24 февраля в Берлине под управлением О. Фрида, 13 апреля в Лондоне под управлением Г. Вуда.

³ В сезоне 1931/32 г. в Париже состоялись три симфонических концерта из произведений С. С. Прокофьева: 26 ноября 1931 г. под управлением Р. Дезормьера, 23 января 1932 г. под управлением П. Коппола, 12 марта под управлением Ф. Рюльмана.

⁴ Письмо написано на бланке. Адрес см. в письме 331.

К письму 331

¹ Первый квартет, ор. 50 С. С. Прокофьева был исполнен впервые в Москве 9 октября 1931 г. не Квartetом Броза, а венгерским Квartetом Рота в составе: Ф. Рот, И. Антал, Ф. Мольнар, А. ван Дурн.

<стр. 534>

К письму 333

¹ Одиннадцатая симфония b-moll, ор. 34 Н. Я. Мясковского написана в 1931—1932 гг., издана Музгизом: партитура в 1934 г., переложение для фортепиано в четыре руки Н. С. Жилыева в 1938 г. Симфония впервые исполнена в Москве 16 января 1933 г. под управлением К. С. Сараджева.

К письму 334

¹ См. комм. 4 к письму 326.

² В августе — сентябре 1931 г. в газете «Говорит Москва» был помещен ряд статей с критикой песен В. А. Белого и А. А. Давиденко — членов АПМ. В № 25 от 10 сентября напечатан ответ Ассоциации пролетарских музыкантов «Письмо в редакцию».

К письму 335

¹ См. комм. 3 к письму 324.

² См. комм. 3 к письму 305.

³ Соната для скрипки и фортепиано М. Равеля написана в 1923—1927 гг. и издана фирмой А. Durand в 1927 г.

⁴ Седьмой струнный квартет C-dur, ор. 107 А. К. Глазунова написан в

1930 г. и издан фирмой М. П. Беляева в 1932 г.

⁵ Сочинения Н. К. Метнера: Семь песен на стихотворения А. С. Пушкина, ор. 52 и «Романтическая соната» для фортепиано, ор. 53, № 1, — изданы фирмой В. Циммермана в Лейпциге в 1931 и 1932 гг.

⁶ Двенадцатая симфония g-moll, ор. 35 Н. Я. Мясковского написана в 1931 г. и завершена в партитуре 31 января 1932 г. Издана Музгизом в 1932 г. в партитуре и в переложении Д. Б. Кабалецкого для фортепиано в четыре руки. Впервые исполнена в Москве 1 июня 1932 г. оркестром Большого театра под управлением А. К. Коутса.

К письму 336

¹ Сюита из балета «Ребус» И. Маркевича, написанного в 1931 г., впервые исполнена в Париже 15 декабря 1931 г. под управлением автора.

² Первая сонатина e-moll для фортепиано, ор. 54 С. С. Прокофьева написана в 1931 г.; издана РМИ в 1932 г.

К письму 337

¹ Сюита-вокализ для голоса и фортепиано, ор. 41, № 2 Н. К. Метнера написана в 1927 г. и издана фирмой В. Циммермана в Лейпциге в 1931 г.

² «Kammermusik № 2» для фортепиано и 12 духовых инструментов, ор. 36, № 1 П. Хиндемита написан в 1924 г. и издан в партитуре фирмой Б. Шотта в том же году.

К письму 338

¹ Концерт G-dur для фортепиано с оркестром М. Равеля написан в 1929—1931 гг. и посвящен М. Лонг, впервые ею исполнен в Париже 14 января 1932 г. под управлением автора; издан в партитуре и в авторском переложении для двух фортепиано фирмой А. Durand в 1932 г.

К письму 339

¹ «Лирическое концертино», ор. 32, № 3 Н. Я. Мясковского было исполнено под управлением Н. А. Малько 12 сентября 1931 г. в Братиславе, 19 сентября в Оломоу-

<стр. 535>

це, 20 сентября в Моравской Острове, 21 сентября в Брно. Пятое исполнение установить не удалось.

² Концерт состоялся в Париже 23 января 1932 г. под управлением П. Коппола. В нем впервые была исполнена Симфониетта С. С. Прокофьева.

³ Первая соната f-moll для фортепиано, ор. 5 Н. К. Метнера написана в 1902—1903 гг. и издана фирмой М. П. Беляева в 1904 г.

⁴ «Максимилиан», опера Д. Мийо по Ф. Верфелю написана в 1930 г., впервые поставлена в Grand Opéra в Париже 4 января 1932 г. Клави́р издан

Universal Edition в 1936 г.

⁵ Первая симфония А. Онеггера написана в 1929—1930 гг. и впервые исполнена в Бостоне 13 февраля 1931 г. под управлением С. А. Кусевицкого. В Париже исполнялась 2 июня 1931 г. под управлением В. Страрама.

⁸ Концерт для виолончели с оркестром А. Онеггера написан в 1929 г. и посвящен М. Марешалю, впервые исполнившему Концерт в Бостоне 17 февраля 1930 г. под управлением С. А. Кусевицкого. Партитура издана в Париже фирмой Maurice Senart в 1931 г.

⁷ Возможно, что имеется в виду «Серенада» для скрипки, кларнета и фагота И. Маркевича, написанная в 1930 г. и изданная фирмой Б. Шотта.

⁸ «Последний из удэге», незаконченный роман А. А. Фадеева. Первые четыре части романа опубликованы издательством ГИХЛ в 1931 г.

⁹ См. комм. 5 к письму 323.

К письму 340

¹ Вторая соната b-moll для фортепиано, ор. 36 С. В. Рахманинова написана в 1913 г. В 1931 г. автор сделал вторую редакцию, изданную фирмой А. Гутхейля в том же году.

² Из оперы «Нюрнбергские мастера пения» Р. Вагнера.

³ См. комм. 4 к письму 326.

⁴ Седьмой квартет А. К. Глазунова исполнялся впервые в Ленинграде 12 января 1932 г. квартетом в составе: Ю. И. Эйдлин, А. Г. Сосин, И. Л. Левитин, А. Я. Штример.

⁵ Второй квартет Н. Я. Мясковского был исполнен в Москве 28 января 1932 г. в концерте Квартета имени Бетховена в составе: Д. М. Цыганов, В. П. Ширинский, В. В. Борисовский, С. П. Ширинский. На репетиции концерта 27 января присутствовал автор.

⁸ Рассказы А. А. Фадеева «Разлив» и «Против течения» выпущены издательством «Федерация» в 1931 г.

⁷ Роман Е. М. Пермитина «Когти» вышел в издательстве «Федерация» в 1931 г., «Капкан» — в 1930 г.

⁸ П. А. Ламмом сделано переложение двенадцатой симфонии Н. Я. Мясковского для двух фортепиано в восемь рук.

К письму 341

¹ Вторая сонатина G-dur для фортепиано, ор. 54 С. С. Прокофьева написана в 1932 г. Обе сонатины (о первой см. комм. 2 к письму 336) ор. 54 изданы РМИ в 1932 г.

² Клавирабенд С. В. «Рахманинова в Париже 10 марта 1932 г.

³ В авторском клавирабенде Н. К. Метнера в Париже 3 марта 1932 г. были исполнены: «Три гимна труду», ор. 49; Четыре сказки: a-moll, fis-moll, A-dur, d-moll из ор. 51; «Грозовая соната», ор. 53, № 2 (впервые); Дифирамбический танец из ор. 40; Новелла G-dur из ор. 17; «Русская сказка» из ор. 42; Сказки: e-

moll op. 34, b-moll и h-moll op. 20.

⁴ Вариации на тему Корелли для фортепиано, op. 42 С. В. Рахманинова написаны в 1931 г. и впервые исполнены автором в Нью-Йорке 7 ноября того же года; изданы фирмой ТАИР в 1931 г.

<стр. 536>

⁵ Имеются в виду Шесть сказок для фортепиано, op. 51 Н. К. Метнера, написанные в 1928 г. и изданные фирмой В. Циммермана в Лейпциге в 1930 г. Все сказки «Посвящаются Золушке и Иванушке-дурачку».

⁶ «Грозная соната» для фортепиано, op. 53, № 2 Н. К. Метнера написана в 1931 г. и издана фирмой В. Циммермана в Лейпциге в 1933 г.

⁷ «Карельская легенда», музыкальная картина для оркестра, op. 99 А. К. Глазунова написана в 1916 и издана фирмой М. П. Беляева в 1918 г. Во время войны с Германией лейпцигская фирма М. П. Беляева с 1914 г. печатала свои издания в Москве в нотопечатне П. Юргенсона.

⁸ «Четыре портрета и развязка из оперы «Игрок» С. С. Прокофьева впервые исполнены в Париже 12 марта 1932 г. под управлением Ф. Рюльмана.

К письму 342

¹ См. комм. 1 к письму 338.

² См. комм. 3 к письму 305.

³ «Images» К. Дебюсси в переложении для фортепиано в две руки изданы фирмой А. Durand в 1908 г.

⁴ Одиннадцатая симфония Н. Я. Мясковского переложена для двух фортепиано в восемь рук П. А. Ламмом.

⁵ «Покаянная песнь Тангейзера» — обработка для голоса с фортепиано песни XIII века, сделанная А. К. Глазуновым, по-видимому, в 1918 г. Не издана и местонахождение автографа ее неизвестно.

⁶ Концерт-баллада C-dur для виолончели с оркестром, op. 108 А. К. Глазунова написан в сентябре 1931 г. и издан фирмой М. П. Беляева в 1932 г. в переложении для виолончели и фортепиано.

К письму 343

См. комм. 3 к письму 305.

К письму 344

¹ По инициативе директора Московской консерватории С. Т. Шацкого С. С. Прокофьев был приглашен профессором-консультантом композиторского факультета. В этой должности он проработал с 27 октября 1933 г. по 1 декабря 1937 г. Его учениками были Б. М. Трошин, В. Р. Энке, К. Д. Макаров-Ракитин. Его консультациями пользовались многие студенты композиторского факультета. Позднее у него занимался А. Э. Спадавеккиа.

² П. А. Ламмом переложены для двух фортепиано в восемь рук Классическая симфония и Сюита из балета «Шут» С. С. Прокофьева.

К письму 345

¹ Имеется в виду Симфония псалмов И. Ф. Стравинского.

² Танго для фортепиано Ю. Г. Крейна написано в 1930 г., издано РМИ.

³ Имеются в виду фортепианные сочинения В. Рieti, изданные в Париже: «Due studi» в 1924 г. и «Tre preludi» в 1932 г.

⁴ Имеются в виду «Пасторальный концерт» для клавесина с оркестром Ф. Пуленка, написан в 1928 г. по просьбе клавесинистки Ванды Ландовска; издан в Париже в 1929 г.

⁵ Письмо А. К. Глазунова к Н. Я. Мясковскому от 3 апреля 1932 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 126, л. 4—4 об.).

⁶ Прелюдия и fuga e-moll для фортепиано А. К. Глазунова написана в 1926 г. и посвящена Л. В. Николаеву. В 1929 г. автор сделал обработку фуги для органа, изданную в Нью-Йорке в 1930 г.

⁷ См. комм. 6 к письму 335.

<стр. 537>

К письму 346

¹ Третий концерт для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьев записал на пластинку с Лондонским симфоническим оркестром под управлением П. Коппола.

² Речь идет о Пятом концерте G-dur для фортепиано с оркестром, ор. 55 С. С. Прокофьева, написанном в 1932 г. Впервые исполнен автором в Берлин 31 октября 1932 г. под управлением В. Фуртвенглера. Издан РМИ в 1933 г. в партитуре и в переложении автора для двух фортепиано.

К письму 347

¹ Первый концерт C-dur для фортепиано с оркестром, ор. 20 С. Е. Фейнберга написан в 1931 г.; издан Музгизом: партитура в 1934 г., переложение автора для двух фортепиано в 1935 г.

² В концерте 25 мая 1932 г. А. К. Боровский впервые в Москве исполнил: Скерцо, Скерцино, Рондо («Красавица») и Этюд из ор. 52 С. С. Прокофьева.

К письму 350

¹ Квартет для флейты, гобоя, кларнета и фагота в трех частях, ор. 19 Д. М. Мелких написан в 1929 г. Издан Музгизом в партитуре только в 1934 г.

К письму 351

¹ Имеется в виду статья Д. Б. Кабалеvского «Симфония борьбы» в газете «Советское искусство», 1932, 15 июня, № 27.

² 18 ноября 1932 г. в Варшаве в концерте из произведений С. С. Прокофьева под управлением Г. Фительберга исполнялись: «Четыре портрета и развязка» из оперы «Игрок» (впервые в Варшаве); «Гадкий утенок» для голоса

с оркестром исп. Л. Любера; Пятый концерт для фортепиано с оркестром исп. автор (впервые в Варшаве); Сюита из балета «Шут».

³ 10 декабря 1932 г. в Париже в концерте из произведений С. С. Прокофьева под управлением А. Вольфа исполнялись: Симфониетта, ор. 48; Первый концерт для скрипки с оркестром исп. Ж. Готье; Сюита из балета «Шут»; Пятый концерт для фортепиано с оркестром исп. автор (впервые в Париже); Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам».

⁴ В симфонических концертах из произведений С. С. Прокофьева 25, 26 ноября. 5 декабря 1932 г. в Москве под управлением Н. С. Голованова и 1 декабря в Ленинграде под управлением В. А. Дранишникова исполнялись: «Четыре портрета и развязка» из оперы «Игрок» (впервые в СССР); Пятый концерт для фортепиано с оркестром исп. автор (впервые в СССР); Классическая симфония; Сюита из балета «Стальной скок» (под управлением автора). В камерных концертах из произведений С. С. Прокофьева 27 ноября в Москве и 3 декабря 1932 г. в Ленинграде исполнялись: Первый квартет исп. в Москве Квартет имени Бетховена, в Ленинграде Квартет имени Глазунова; Пьесы для фортепиано исп. автор: шесть «Мимолетностей»; Марш, Ригодон, Аллеманда из ор. 12; №№ 2 и 3 из «Сказок старой бабушки»; «Наваждение» из ор. 4; Вторая сонатина, ор. 54¹ (впервые и только в Москве); Соната C-dur двух скрипок, ор. 56 (впервые в СССР) исп. в Москве Д. М. Цыганов и В. П. Ширинский, в Ленинграде С. И. Панфилов и П. А. Сергеев; Баллада для виолончели и фортепиано исп. Д. Я. Могилевский и автор (только в Ленинграде); Увертюра на еврейские темы исп. в Москве автор, А. В. Володин, Квартет имени Бетховена, в Ленинграде автор, В. И. Генслер, Квартет имени Глазунова.

К письму 354

¹ «Eine kleine Nachtmusik», серенада для струнного оркестра В.-А. Моцарта.

² Соната C-dur для двух скрипок, ор. 56 С. С. Прокофьева написана в 1932 г.; издана РМИ в том же году. О первом исполнении см. комм. 4 к письму 351.

<стр. 538>

К письму 355

¹ См. комм. 2 к письму 346.

К. письму 357

¹ См. комм. 2 к письму 344.

² См. комм. 3 к письму 270.

³ П. А. Ламмом сделаны переложения для двух фортепиано в восемь рук Второй и Третьей симфоний С. С. Прокофьева.

⁴ Двенадцатая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась 22 и 23 декабря

1932 г. в Чикаго под управлением Ф. Стока. В архиве Н. Я. Мясковского сохранились рецензии на это исполнение из «Musical Leader», 1932, 22 дек. и из «Musical Courier». 1933, 7 янв. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 359, лл. 223—224).

⁵ Четвертая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Париже под управлением Ф. Фалля 8 января 1933 г. В архиве Н. Я. Мясковского сохранились рецензии на это исполнение, помещенные в газетах: «Le Figaro» (30 янв.); «Ami du Peuple» (10 янв.); и машинописные выписки из газет: «Le petit Journal» (9 янв.); «Comoedia» (9 янв.); «Le Journal» (10 янв.); «Petit Marseillaise» (11 янв.) (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 359, л. 36—38).

⁶ См. комм. 1 к письму 333.

К письму 358

¹ Речь идет о камерных произведениях, изданных Музсектором в 1928—1929 гг.: Прелюд d-moll и Скерцо g-moll для струнного октета, ор. И. Д. Д. Шостаковича и Септет, ор. 2 Г. Н. Попова.

² В Москве С. С. Прокофьев выступал в двух авторских концертах. В программе камерного концерта 22 апреля 1933 г.: Первый квартет исп. Квартет имени Бетховена; Вторая соната для фортепиано исп. автор; Пять мелодий для скрипки и фортепиано, ор. 35 bis исп. Д. М. Цыганов и автор; Пьесы для фортепиано: Сарказм № 5 из ор. 18, Andante amabile из Второй сонатины, ор. 54 № 2 и № 3 из «Сказок старой бабушки», Менуэт и Гавот из ор. 32, Этюд № 4 из ор. 2, Токката, ор. 11, исп. автор; Ф. Шуберт — С. С. Прокофьев — Вальсы, выбранные и объединенные в сюиту для двух фортепиано, исп. автор и С. Е. Фейнберг. В симфоническом концерте 27 апреля 1933 г. под управлением К. С. Сараджева исполнялись: Третья симфония (впервые в Москве); Третий концерт для фортепиано с оркестром исп. автор; Скифская сюита «Ала и Лоллий». В Ленинграде С. С. Прокофьев участвовал в камерном концерте из своих произведений 19 апреля 1933 г., а 21 апреля в симфоническом концерте под управлением В. А. Дранишникова сыграл свой Третий концерт для фортепиано с оркестром. В этом же концерте впервые в Ленинграде была исполнена Третья симфония.

³ См. комм. 1 к письму 321.

⁴ Третья симфония Es-dur «Первомайская» для хора с оркестром на слова С. И. Кирсанова, ор. 20 Д. Д. Шостаковича написана в 1929 г.; партитура издана Музгизом в 1932 г.

⁵ Сюита из балета «На Днепре» (в шести частях), ор. 51 bis составлена С. С. Прокофьевым в 1933 г. Партитура напечатана впервые издательством «Музыка» в 1972 г.

⁶ Соната для двух скрипок С. С. Прокофьева исполнена С. Душкиным и Р. Сетансом впервые в Париже 16 декабря 1932 г. в концерте общества «Тритон». Об ее исполнении в Москве и Ленинграде см. комм. 4 к письму 351.

К письму 359

¹ Под *катуаровициной* Н. Я. Мясковский подразумевал сильно усложненный ритмический рисунок, свойственный многим произведениям Г. Л. Катуара.

² Австрийский дирижер К. Бамбергер впервые гастролировал в Москве в декабре 1932 г. В феврале-марте 1933 г. он снова выступал в Москве.

<стр. 539>

К письму 360

¹ В Москве в апреле 1933 г. был только один симфонический концерт из произведений С. С. Прокофьева. См. комм. 2 к письму 358.

² На упомянутое исполнение Третьей сонаты для фортепиано Н. Я. Мясковского, состоявшееся 15 марта 1933 г. (а не 14-го, как пишет С. С. Прокофьев), Откликнулись газеты: «Daily Mail» (16 марта), «Times» (17 марта), «Daily Telegraph» (17 марта) «Easton Daily Press» (17 марта), «Manchester Gardian» (18 марта) и «Sunday Times» (19 марта); вырезки сохранились в архиве Н. Я. Мясковского (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 358, л. 283-286).

³ См. комм. 5 к письму 357.

⁴ *Мартышка* — шутовское прозвище Е. В. Звягинцевой.

К письму 361

¹ См. комм. 3 к письму 270. Вальсы Ф. Шуберта, выбранные и объединенные в сюиту С. С. Прокофьевым в редакции для двух фортепиано, изданы Музгизом только в 1938 г.

² Балет Б. В. Асафьева «Пламя Парижа» (первоначальное название «Триумф Республики»), написанный в 1931—1932 гг. на либретто Н. Д. Волкова и В. В. Дмитриева, имеет подзаголовок—«сочинение и реконструкция музыки по музыкальным материалам Французской революции». В балете использованы французские народные песни и танцы, а также музыка разных композиторов XVIII века. Н. Я. Мясковский был на спектакле в Большом театре в Москве, где балет был поставлен балетмейстером В. И. Вайноненом; художник В. В. Дмитриев, дирижировал Ю. Ф. Файер, в главной роли — балерина М. Т. Семенова. Премьера — 6 апреля 1933 г.

³ «Симфоническая песнь» (в трех частях), ор. 57, написана С. С. Прокофьевым в 1933 г. Сочинение осталось неизданным.

⁴ Таджикская сюита «Ванч», третья тетрадь таджикских записей в обработке для оркестра, ор. 29 Л. К. Книппера написана в 1932 г. Туркменская сюита для оркестра Б. С. Шехтера написана в 1932 г. Обе партитуры изданы Музгизом в 1933 г.

К письму 362

¹ «Школа танцев», балет на музыку Л. Боккерини и либретто Л. Ф. Мясина по К. Гольдони написан Ж. Франсе в 1933 г. Впервые поставлен труппой «Русского балета Монте-Карло» в 1933 г. Балетмейстер Л. Ф. Мясин.

² Нонет для женского голоса, флейты, арфы, фортепиано, двух скрипок, альты, виолончели, исполнительницы пластической партии, ор. 10 В. В. Щербачева написан в 1918—1919 гг. Партитура издана Музгизом в 1930 г. «Восточная сюита» для флейты, гобоя, кларнета, фагота и ударных Л. А. Шварца написана в 1931 г. Партитура издана Музгизом в 1932 г.

³ Трио для фортепиано, скрипки и кларнета А. И. Хачатуряна написано в 1932 г., издано Музгизом в 1933 г.

К письму 363

¹ В 1933 г. Н. Я. Мясковский работал над Тринадцатой, Четырнадцатой, первой частью Пятнадцатой симфонии. Тринадцатая симфония b-moll (в трех частях), ор. 36, закончена в партитуре 20 октября 1933 г. Четырнадцатая симфония C-dur (в пяти частях), ор. 37, закончена в партитуре 11 октября 1933 г. Партитура Тринадцатой симфонии издана Музгизом только в 1945 г., Четырнадцатой — Музгизом в 1937 г.

² Опера Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова») на либретто А. Г. Прейса и композитора по Н. С. Лескову написана в 1930—1932 гг. Поставлена в Москве 24 января 1934 г. в Музыкальном театре имени Вл. И. Немировича-Данченко. Руководитель постановки Вл. И. Немирович-Данченко, режиссер Б. А. Мордвинов, художник В. В. Дмитриев, дирижер Г. А. Столяров. По-видимому Н. Я. Мясковский был на оркестровой репетиции оперы.

<стр. 540>

К письму 364

¹ См. комм. 3 к письму 270.

К письму 365

¹ Пятнадцатая симфония d-moll, ор. 38 Н. Я. Мясковского начата в 1933 г., завершена в партитуре 29 ноября 1934 г. Партитура издана Музгизом в 1937 г.

² «Бахчисарайский фонтан», балет-поэма на либретто Н. Д. Волкова по поэме А. С. Пушкина написан Б. В. Асафьевым в эскизах 2—3, 6—11 июня 1933 г. Клавир написан в период с 21 июня по 12 августа того же года. Инструментован балет в 1934 г. с 22 февраля по 17 марта. Замыслы балетов «Парижская коммуна» и «Царь Эдип» остались неосуществленными.

К письму 366

¹ С. С. Прокофьев играл свой Пятый концерт для фортепиано с оркестром в Москве 30 октября 1933 г. под управлением Н. С. Голованова. В этом же концерте исполнялись Четвертая симфония (впервые в Москве) и Скифская сюита «Ала и Лоллий». 25 и 26 ноября 1933 г. он сыграл Третий

концерт для фортепиано с оркестром под управлением Н. С. Голованова. В этих концертах исполнялись также Симфониетта, ор. 5/48 и Скифская сюита «Ала и Лоллий».

К письму 367

¹ 10 декабря 1933 г. в Риме в симфоническом концерте современной русской музыки под управлением Б. Молиари впервые в этом городе исполнялись: Н. Я. Мясковский — Симфониетта для струнного оркестра, ор. 32, № 2; С. С. Прокофьев — Третья симфония и Пятый концерт для фортепиано с оркестром, исп. автор. В программах концерта были напечатаны краткая биографическая справка о Н. Я. Мясковском и тематический разбор Симфониетты.

К письму 368

¹ Квартет В-dur для четырех саксофонов, ор. 109 А. К. Глазунова написан в 1932 г. в Париже и посвящен артистам Республиканской гвардии. Впервые исполнен в Париже 14 декабря 1933 г. артистами Республиканской гвардии. Издан фирмой М. П. Беляева в Бонне в 1959 г.

² «Камерный дивертисмент» для флейты, кларнета, альты, контрабаса и фортепиано А. Соре написан в 1931 г. Секстет для флейты, гобоя, кларнета, фагота, валторны и фортепиано Ф. Пуленка написан в 1930—1932 гг.

³ С. С. Прокофьев написал в 1933 г. музыку для спектакля «Египетские ночи» в Камерном театре в Москве. Спектакль являлся композицией из «Цезаря и Клеопатры» Б. Шоу, «Египетских ночей» А. С. Пушкина и «Антония и Клеопатры» В. Шекспира. Спектакль был поставлен 14 декабря 1934 г. Постановщик А. Я. Таиров, художник В. Ф. Рындин, дирижер А. К. Метнер. В роли Клеопатры — А. Г. Коонен.

К письму 369

¹ См. комм. 4 к письму 361.

² Сюита из балета «Я — мало, Мы — сила» Л. А. Половинкина написана в 1931 г. для малого оркестра и издана Музгизом в 1933 г.

³ Второй концерт С-dur на киргизские темы для фортепиано с оркестром ор. 34 А. В. Мосолова написан в 1932 г. Впервые исполнен автором в Москве 21 апреля 1932 г. под управлением Л. А. Половинкина. Концерт не издан. Первый концерт с-moll для фортепиано с оркестром, ор. 35 Д. Д. Шостаковича написан в 1933 г. и впервые исполнен автором в Ленинграде 15 октября 1933 г. под управлением Ф. Штидри. Партитура и авторское переложение для двух фортепиано изданы Музгизом в 1934 г.

<стр. 541>

К письму 370

¹ Намечавшаяся поездка Квартета имени Комитаса в Англию в 1934 г. не состоялась. В это время в состав квартета входили: А. К. Габриэлян, Г. С. Срабьян, М. Н. Тэриан, С. З. Асламазян.

² Тринадцатая и Четырнадцатая симфонии Н. Я. Мясковского переложены Н. А. Ламмом для двух фортепиано в восемь рук.

³ В упоминаемой заметке за подписью А. А. «Летопись концертной жизни» отмечались концерты С. С. Прокофьева в Москве. Автор заметки очень высоко оценил его пианистическое мастерство, а по поводу симфонических новинок писал: «Первое исполнение IV симфонии и Дивертисмента для оркестра — вещей характера сюиты, необычайно четко построенных, с короткими, завершенными как бы обрезанными эпизодами, скорее напоминающими балетно-театральную музыку, чем симфоническую. Оркестровая звучность этих вещей — характерно стальная, как бы металлическая, отполированная. Ничего от крикливой балаганности «Шута» и пронзительности финала Скнфской сюиты» («Советское искусство», 1933, 26 дек., № 59).

К письму 371

¹ Первый концерт а-молл для фортепиано с оркестром, оп. 14 А. В. Мосолова написан в 1926—1927 гг.; издай Universal Edition в 1927 г.

² «Болт», балет на либретто В. Смирнова, оп. 27 Д. Д. Шостаковича написан в 1930—1931 гг. Впервые поставлен в Ленинграде в Государственном академическом театре оперы и балета 8 апреля 1931 г. Постановка и режиссура Ф. В. Лопухова, декорации и костюмы по эскизам Т. Г. Бруни и Г. Н. Коршикова, дирижер А. В. Гаук. В 1931 г. автор сделал Сюиту из музыки к балету в восьми частях. Музыка балета и Сюита не изданы.

³ См. комм. 3 к письму 357.

К письму 372

¹ Очевидно, «Лирическая поэма» для скрипки с оркестром, оп. 35 Е. Гуссенса, написанная в 1921 г.

К письму 373

¹ Упоминаемые концерты под управлением Э. Кларка в Москве состоялись 10—12 января 1934 г. В первом исполнялись: Э. Эльгар — увертюра «В Лондоне» (впервые), Д. Айрленд — Концерт для фортепиано с оркестром исп. М. В. Юдина (впервые) Ф. Делиус — Вариации на английские народные темы (впервые); Л. К. Книппер — «Ванч»; К. Дебюсси — «Послеполуденный отдых фавна»; М. Равель — «Вальс». Во втором: Г. Перселл — Фантазия для струнного оркестра (впервые); К. Ламберт — Музыка для оркестра (впервые); В. Уолтон — «Фасад», сюита из балета (впервые). Б. С. Шехтер — Туркменская сюита; И. Ф. Стравинский — Сюита из балета «Жар-птица».

К письму 374

¹ См. комм. 3 к письму 322.

² 12 января (а не 19 января) 1934 г. в Ливерпуле исполнялся Второй квартет Н. Я. Мясковского квартетом в составе: А. Манжо, Ховард, В. Прис, А. Пини. В этом же концерте исполнялась Соната для двух скрипок С. С. Прокофьева.

³ Пятая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Ливерпуле 10 января 1934 г. под управлением Н. А. Малько.

<стр. 542>

К письму 375

¹ Речь идет о Г. С. Срабьяне, заменившем Л. М. Оганджяна.

² Первый струнный квартет, ор. 24 А. В. Мосолова написан в 1926 г., издан Universal Edition в 1927 г.

³ 7 февраля 1934 г. в Москве была исполнена Десятая симфония Н. Я. Мясковского под управлением Г. Фительберга. Об этом исполнении А. А. О[стрецов] писал: «Исполнение 10-й симфонии Мясковского было недостаточно продумано и скомкано. Движение (особенно в разработке) носило чрезмерно шумный и сбивчивый, торопливый характер» («Советская музыка», 1934, № 4, с. 97).

⁴ Концерт e-moll для виолончели с оркестром в трех частях, ор. 58, начатый С. С. Прокофьевым в 1933 г., был закончен только в 1938 г.

К письму 376

¹ Указанная программа концерта под управлением Н. А. Малько была исполнена в Лондоне в январе 1934 г.

² Возможно, что имеется в виду статья А. А. Алявдиной «К проблеме фортепианной техники», напечатанная в журнале «Советская музыка», 1934, № 2.

³ Баллада для виолончели и фортепиано С. С. Прокофьева была переиздана Музгизом в 1936 г.

⁴ Симфониетта — Третья симфония В. Рieti написана в 1932 г.

К письму 377

¹ Сонатина (а не Соната) для скрипки и виолончели А. Онеггера написана в 1932 и издана в Париже фирмой Senart в 1932 г.

К письму 378

¹ См. комм. 1 к письму 370. 20 февраля 1934 г. в Лондоне исполнялся Второй квартет Н. Я. Мясковского.

² См. комм. 3 к письму 368.

³ 14 (а не 18) апреля 1934 г. в Москве в симфоническом концерте из

произведений С. С. Прокофьева под управлением А. В. Гаука исполнялись: «Симфоническая песнь», ор. 57 (впервые); Первый концерт для фортепиано с оркестром исп. автор; «Четыре портрета и развязка из оперы «Игрок». Andante из Четвертой сонаты в транскрипции для симфонического оркестра не исполнялось.

К письму 379

¹ См. комм. 2 к письму 374.

К письму 380

¹ Вторая симфония cis-moll, ор. 11 В. Я. Шебалина написана в 1929 г., издана Музгизом в 1934 г. В упомянутом концерте брюссельского радио в феврале 1935 г. Симфония исполнялась под управлением Д. Дефо.

К письму 381

¹ См. комм. 1 к письму 378 и комм. 2 к письму 374. Вторично в Лондоне Второй квартет Н. Я. Мясковского исполнялся 25 марта 1934 г.

К письму 383

¹ Тринадцатая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Чикаго 15 и 16 ноября 1934 г. под управлением Ф. Стока.

<стр. 543>

² «Персефона», мелодрама в трех частях по А. Жиду для чтения, тенора, смешанного хора и оркестра И. Ф. Стравинского написана в 1933—1934 гг. Клавир издан РМИ в 1934 г.

К письму 384

¹ Упоминаемое письмо от Universal Edition к Н. Я. Мясковскому неизвестна.

² См. комм. 4 к письму 339. Маленькая гуральская симфония М. Кондрацкого написана в 1931 г.

³ См. комм. 4 к письму 375.

⁴ В 1933 г. С. С. Прокофьев написал музыку к кинофильму «Поручик Киже», поставленному Л. М. Файнциммером по сценарию Ю. Н. Тынянова, в основу которого положен исторический рассказ «Подпоручик Киже». В 1934 г. С. С. Прокофьев из этой музыки составил Сюиту «Поручик Киже», ор. 60, партитура которой издана фирмой А. Гутхейля в 1935 г.

К письму 385

¹ Из трех оркестровых пьес, ор. 32 Н. Я. Мясковского С. А. Кусевицкий исполнил только Симфониетту для струнного оркестра впервые в Бостоне 25 и

26 января 1935 г. и в Нью-Йорке 2 февраля. В концертах в Бостоне исполнялась Сюита из балета «Шут» С. С. Прокофьева.

² Упомянутые С. С. Прокофьевым сочинения: «Мысли», ор. 62 (а не 63); ор. 59 — Три пьесы («Прогулка», «Пейзаж», «Пасторальная сонатина») для фортепиано. Оба опуса изданы РМИ в 1935 г.

³ Танцевальная сюита для оркестра, над которой С. С. Прокофьев работал в 1934 г., писалась по заказу Всесоюзного радио (Б. Е. Гусман). В нее входили четыре части: Полонез, Танец, Мазурка, Полонез. По-видимому, она была завершена значительно позже. В копии партитуры в библиотеке Всесоюзного радио в сюите четыре номера, но другие: Танец (из оперы «Дуэнья»), Серенада (из «Летней ночи»), Менуэт, Полонез. В этом виде она неоднократно исполнялась по радио. К партитуре приложено письмо редактора радио Б. А. Чайковского от 27 июня 1950 г.: «В нотную библиотеку ВРК. Прошу изъять из «Танцевальной сюиты» С. С. Прокофьева для большого симфонического оркестра две части: «Мазурка» и «Полонез-Шествие» (на 4/4), как отклоненные после прослушивания в оркестре. Партитуры этих частей вернуть автору. Вместо изъятых частей включить «Серенаду» и «Менуэт» С. Прокофьева (партитура)». Из четырех частей окончательной редакции Танцевальной сюиты музыка первых трех взята из оперы «Обручение в монастыре» («Дуэнья»). Только последняя часть «Полонез» не связана с музыкой этой оперы. В 1950 г. С. С. Прокофьев включил «Серенаду» и «Менуэт» из Танцевальной сюиты в новую Сюиту «Летняя ночь», напечатанную в партитуре издательством «Музыка» в 1965 г. В том же году и в том же издательстве напечатана партитура пятой части «Танец» под заглавием «Танец масок».

⁴ В газете «Le Journal de Moscou» (1934, 14 авг., № 14) напечатана заметка без подписи «Un maitre belge à Moscou. Désiré Defaud».

К письму 386

¹ Упомянутый концерт состоялся 6 сентября 1934 г. В первом отделении исполнялись сочинения Д. Д. Шостаковича под управлением А. В. Гаука: Сюита из балета «Болт», ор. 27а и Первый концерт для фортепиано с оркестром, ор. 35, в исполнении автора; во втором — сочинения Фл. Шмитта: «Musique de pleine air», ор. 44; «Трагедия Саломеи», ор. 50; «Un semaine du petit elfe Ferme-l'oeil», ор. 58; «Антоний и Клеопатра», ор. 69.

² Третья симфония С-dur, ор. 17 В. Я. Шебалина написана в 1934—1935 гг. и посвящена Д. Д. Шостаковичу. Партитура издана Музгизом в 1946 г. Второй струнный квартет В-dur, ор. 19 В. Я. Шебалина написан в 1934 г. Партитура издана Музгизом в 1936 г.

<стр. 544>

³ Сюита «Египетские ночи» в семи частях, ор. 61 сделана С. С. Прокофьевым в 1934 г.; партитура издана фирмой А. Гутхейля в том же году. В 1935 г. Н. Я. Мясковский сделал переложение Сюиты для фортепиано в четыре руки. Не издано.

⁴ Гастроли Г. П. Пятигорского в Москве в сезоне 1934/35 г. не состоялись.

К письму 387

¹ Флоран Шмитт в 1919—1939 гг. был музыкальным критиком парижской газеты «Le Temps».

² Концерт для двух фортепиано соло И. Ф. Стравинского, начатый в 1931 г., был завершен в Париже 9 ноября 1935 г. Издан фирмой Б. Шотта в 1936 г. «Chroniques de ma vie», автобиография И. Ф. Стравинского издана в Париже в 1935 г. На русском языке «Хроника моей жизни» издана Музгизом в 1963 г.

³ Очевидно, имеется в виду книга «Diaghileff, his artistic and private life by Arnold Haskell. In collaboration with Walter Nouvel». London, Victor Gollanez Ltd., 1935.

⁴ Nijinsky by Romola Nijinsky, his wife. Foreword by Paul Claudel. New York, Simon and Schuster, 1934.

К письму 389

¹ М. В. Меньшикова, дочь сестры Н. Я. Мясковского Валентины Яковлевны.

² См. комм. 3 к письму 368.

³ 30 ноября 1934 г. в Москве в симфоническом концерте оркестра Всесоюзного радио под управлением А. В. Гаука из произведений С. С. Прокофьева композитор исполнил Второй концерт для фортепиано с оркестром; в этом же концерте впервые в Москве исполнялись: Увертюра на еврейские темы в редакции для симфонического оркестра, ор. 34 bis и Вторая симфония.

⁴ Концерты Д. Дефо в Москве состоялись 4, 5 и 7 апреля 1935 г. «Гадкий утенок» С. С. Прокофьева в них не исполнялся.

⁵ См. комм. 3 к письму 385.

К письму 390

¹ См. комм. 1 к письму 383.

² 21 декабря 1934 г. в Москве впервые по радио были исполнены под управлением С. С. Прокофьева сюита «Поручик Киже» и сюита «Египетские ночи».

³ «Гадкий утенок» С. С. Прокофьева в редакции для голоса с оркестром был исполнен Л. Любера в Москве по радио 20 ноября 1937 г. под управлением автора.

К письму 391

¹ Тринадцатая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась в Винтертуре только 16 октября 1935 г. под управлением Г. Шерхена.

² Переложение А. Carlet для двух фортепиано в четыре руки «La mer» К.

Дебюсси издано фирмой А. Durand в 1905—1909 гг.

³ Ко времени написания комментируемого письма у Н. К. Метнера были напечатаны для фортепиано, после двух сонат ор. 53, «Романтические эскизы для юношества», ор. 54 и «Тема с вариациями», ор. 55. Оба опуса изданы фирмой В. Циммермана в Лейпциге в 1932 и 1934 гг. Последние романсы Н. К. Метнера, ор. 61 изданы посмертно фирмой М. П. Беляева в 1954 г.

⁴ См. комм. 6 к письму 342.

К письму 392

¹ См. комм. 1 к письму 383.

К письму 393

¹ Марка с изображением Ф. Листа.

<стр. 545>

К письму 395

¹ Вторая симфония В. Я. Шебалина исполнялась на фестивале Международного общества современной музыки, но не в Карлсбаде, а в Праге 2 сентября 1935 г. под управлением О. Иеремиаша.

² 3 и 7 февраля 1935 г. в Москве в симфонических концертах под управлением Н. С. Голованова исполнялась Сюита «Поручик Киж» С. С. Прокофьева. Романс «Стонет сизый голубочек» пел Д. Д. Головин.

³ Письмо Л. И. Дзимитровского к Н. Я. Мясковскому от 5 января 1935 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, он. 2, ед. хр. 143, л. 1—2).

⁴ Имеется в виду Рапсодия на тему Паганини для фортепиано с оркестром, ор. 43 С. В. Рахманинова, написанная в 1934 г.; издана в Париже фирмой ТАИР в том же году.

⁵ Книга о С. 15. Рахманинове издана на английском, а не на немецком языке под названием: «Rachmaninoff's recollections». Astold to Oskar von Riesenmann. N. Y., 1934.

⁶ Произведения П. Хиндемита написаны: Второе струнное трио для скрипки, альты и виолончели в 1933 г., «Филармонический концерт» для оркестра в 1932 г., Симфония «Матис-художник» в 1934 г., — и все они изданы фирмой Б. Шотта.

К письму 396

¹ См. комм. 1 к письму 391. В Карлсбаде Тринадцатая симфония Н. Я. Мясковского не исполнялась.

К письму 397

¹ См. комм. 2 к письму 395.

² См. комм. 3 к письму 385 и комм. 4 к письму 375.

³ Роман Дж. Дос Пассоса «1919», вышедший в русском переводе в 1933 г. отдельной книгой, был предложен С. С. Прокофьеву в качестве возможного сюжета для оперного либретто Б. В. Асафьевым, которому 9 февраля 1935 г. он написал: «Дос Пассоса я прочел: любопытно, но маловато материала. К этому вопросу надо будет вернуться будущей осенью, когда я поеду в Америку и смогу разрабатывать сюжет с автором» (ЦГАЛИ, ф. 2658, новое поступление). Очевидно, что С. С. Прокофьев не вернулся к этому сюжету ни осенью 1936 г., как намеревался, ни позже, так как никаких других упоминаний ни в его архиве, ни в литературе о Прокофьеве нет.

К письму 398

¹ С. С. Прокофьев приехал в Москву 15 марта 1935 г.

² 12 февраля 1935 г. в Москве в концерте Квартета имени А. К. Глазунова исполнялся Первый квартет С. С. Прокофьева.

³ Шестая симфония Н. Я. Мясковского под управлением А. В. Гаука исполнялась в Ленинграде 6 февраля 1935 г.

К письму 399

¹ См. комм. 1 к письму 385.

² Ни в автографе, ни в печатной партитуре Тринадцатой симфонии Н. Я. Мясковского указания на посвящение симфонии Ф. Стоку нет.

³ По-видимому, В. В. Держановский подготавливал к изданию партитуру Увертюры на еврейские темы в редакции для симфонического оркестра С. С. Прокофьева. Она была издана РМИ в 1935 г.

⁴ См. комм. 3 к письму 389.

<стр. 546>

⁵ В 1935—1937 гг. С. С. Прокофьев записал на пластинку ряд своих фортепианных пьес, в том числе: «Наваждение», «Пейзаж», «Пасторальную сонатину», Этюд из ор. 52, «Сказки старой бабушки», два гавота, ряд «Мимолетностей».

⁶ Опера Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» была поставлена в Нью-Йорке в Метрополитен-опере 5 февраля 1935 г. под управлением А. Родзинского.

К письму 400

¹ Упомянутые четыре письма и открытка Н. Я. Мясковского к С. С. Прокофьеву неизвестны.

² Имеются в виду корректуры пьес для фортепиано «Мысли» и оркестровой редакции партитуры Увертюры на еврейские темы.

³ «Ромео и Джульетта», балет в четырех действиях и десяти картинах, ор. 64 С. С. Прокофьева написан в 1935—1936 гг. Либретто С. Э. Радлова, А. И. Пиотровского, Л. М. Лавровского и композитора по В. Шекспиру. Балет был завершён в клавире 8 сентября 1935 г. Расшифровка партитуры балета сделана

П. А. Ламмом. Переложение для фортепиано в две руки Л. Т. Атовмяна издано Музфондом в 1944 г. и переиздано Музгизом в 1946 г. Партитура издана Музгизом в 1961 г.

К письму 401

¹ Пятнадцатая симфония Н. Я. Мясковского впервые исполнена в Москве 28 октября 1935 г. под управлением Л. М. Гинзбурга.

² По поводу Второго концерта g-moll для скрипки с оркестром, ор. 63 С. С. Прокофьев пишет в «Краткой автобиографии»: «В 1935 году группа поклонников французского скрипача Сетанса (Soëtans) предложила мне написать для него скрипичный концерт, с тем чтобы он в течение года имел исключительное право его исполнения. [...] Писался концерт в самых разных странах, отражая тем мою кочевую концертную жизнь: главная партия первой части написана в Париже, первая тема второй части — в Воронеже, инструментовка закончена в Баку, первое исполнение состоялось в декабре 1935 года в Мадриде. С этим исполнением связана интересная концертная поездка совместно с Сетансом по Испании, Португалии, Марокко, Алжиру и Тунису. Во время турне мы, кроме моих сочинений, играли сонату Дебюсси и сонату Бетховена» (С. С. Прокофьев, с. 193). Второй концерт для скрипки с оркестром издан: партитура фирмой А. Гутхейля в 1937 г., переложение автора для скрипки с фортепиано Музгизом в 1938 г.

³ «Детская музыка», двенадцать легких пьес для фортепиано, ор. 65 написаны С. С. Прокофьевым летом 1935 г. и изданы Музгизом в 1936 г.

⁴ Первая симфония f-moll, ор. 10 Д. Д. Шостаковича написана в 1925 г.; партитура издана Музсектором в 1927 г. О Третьей симфонии см. комм. 4 к письму 358.

⁵ М. О. Штейнбергом сделаны четыре тетради свободных обработок песен народов СССР и зарубежных стран для низкого голоса с оркестром, ор. 19, 22, 23 и 27. Изданы Музгизом в партитуре в 1932, 1936 и 1941 гг. Во всех тетрадях есть песни восточных народов СССР.

К письму 404

¹ См. комм. 2 к письму 387.

К письму 405

¹ См. комм. 1 к письму 401.

² 4 ноября 1935 г. в Москве в концерте по радио из произведений Н. Я. Мясковского под управлением Г. Себастьяна исполнялись: Третья симфония; Серенада ор. 32, № 1; фрагменты из Одиннадцатой симфонии.

³ Письмо А. И. Дзимитровского к Н. Я. Мясковскому из Вены от 31 октября 1935 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 143, л. 22—22 об.). Рецензии на исполнение в

<стр. 547>

Винтертуре были в газетах: «Winterthurer Tagblatt» и «Neue Züricher Zeitung» (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 359, л. 235). См. комм. 1 к письму 391.

⁴ Четвертая симфония В-dur, op. 24 В. Я. Шебалина написана в 1935 г. и «Посвящается героям Перекопа». В 1961 г. автор сделал новую редакцию, напечатанную издательством «Советский композитор» в 1963 г.

⁵ Четвертая симфония с-moll, op. 43 Д. Д. Шостаковича написана в 1935—1936 гг. Партитура напечатана издательством «Советский композитор» в 1962 г.

⁶ «Телескоп IV», пьеса для оркестра Л. А. Половинкина написана в 1933—1935 гг. Не издана.

⁷ «Узбекская пляска» для оркестра А. В. Мосолова написана в 1935 г. Концерт для виолончели с оркестром завершен в 1945—1946 гг., а Концерт для арфы с оркестром в 1939 г.

⁸ Концерт для фортепиано с оркестром К. Д. Макарова-Ракитина завершен в 1937 г. и впервые исполнен в Москве 15 января 1938 г. А. Л. Иохелесом под управлением Г. А. Столярова,

⁹ Л. Любера выступала по Московскому радио 21 и 30 ноября 1935 г. в передаче «Народные песни в обработке советских композиторов» и 23 ноября в сольном концерте.

¹⁰ Шестнадцатая симфония F-dur, op. 39 Н. Я. Мясковского написана в 1935 г. и инструментована в 1936 г. Партитура напечатана издательством «Искусство» в 1939 г.

К письму 406

¹ «Светлый ручей», балет на либретто Ф. В. Лопухова и А. И. Пиотровского, op. 39 Д. Д. Шостаковича написан в 1934—1935 гг. В Москве в Большом впервые поставлен 30 ноября 1935 г. Постановка Ф. В. Лопухова, художник В. В. Дмитриев, дирижер Ю. Ф. Файер.

² Девятая симфония Н. Я. Мясковского под управлением А. В. Гаука исполнялась в Москве 11 декабря 1935 г.

³ Двенадцать стихотворений А. С. Пушкина для голоса с фортепиано, op. 23 В. Я. Шебалина написаны в 1935 г. и изданы Музгизом в 1938 г.

⁴ 28 декабря 1935 г. в Москве состоялся симфонический концерт под управлением А. Вольфа.

К письму 409

¹ В начале 1936 г. С. С. Прокофьев совершил концертную поездку по Европе. Он выступал в симфонических концертах как пианист и дирижер, в камерных — с исполнением своих фортепианных произведений и совместно со скрипачом Р. Сетансом. Выступления С. С. Прокофьева состоялись: 30 января в Страсбурге, 31 января в Антверпене, 2 и 3 февраля в Брюсселе, 5 февраля в Пуатье, 9 и 17 февраля в Париже, 21 и 24 февраля в Праге, 26 февраля в Будапеште, 1 марта в Софии, 5 и 6 марта в Варшаве.

² 15 февраля 1936 г. впервые в Париже под управлением Ш. Мюнша Р. Сетанс исполнил Второй концерт для скрипки с оркестром С. С. Прокофьева.

³ «Серенада», ор. 32, № 1 Н. Я. Мясковского под управлением Э. Клейбера исполнялась в Москве 6 и 10 февраля 1936 г.

⁴ Четырнадцатая симфония Н. Я. Мясковского исполнялась под управлением В. Л. Кубацкого в Москве 11 и 14 февраля 1936 г. Упомянутое исполнение прошлого года состоялось 24 февраля 1935 г.

⁵ Из четырех песен С. С. Прокофьева, представленных на конкурс газеты «Правда»: «Партизан Железняк» на слова М. Голодного, «Анютка» на народные слова и две песни на слова А. Н. Афиногенова «Растет страна» и «Сквозь снега и туманы» — вторую премию получила песня «Анютка» (первая премия не присуждалась), песня «Растет страна» удостоена похвального отзыва.

⁶ Редакционные статьи в «Правде»: «Сумбур вместо музыки» (1936, 27 января) и «Балетная фальшь» (1936, 6 февраля).

<стр. 548>

⁷ Двенадцать романсов на слова М. Ю. Лермонтова, ор. 40 Н. Я. Мясковского написаны в декабре 1935 г. и в январе 1936 г. Романсы изданы Музгизом в 1937 г.

⁸ Речь идет о Шестнадцатой симфонии Н. Я. Мясковского. См. комм. 10 к письму 405.

⁹ «Дон Кихот и Дульцинея», три песни для голоса с оркестром М. Равеля написаны в 1934 г. и изданы фирмой А. Durand в том же году.

¹⁰ Концерт Es-dur для саксофона с оркестром А. К. Глазунова написан в 1931 г., издан фирмой Alphonse Leduc в Париже в 1936 г. Ко времени написания комментируемого письма у Н. К. Метнера не было издано других произведений, кроме упомянутых в комм. 3 к письму 391.

К письму 410

¹ «Петя и волк», симфоническая сказка для детей, ор. 67 С. С. Прокофьева написана весной 1936 г. Расшифровку партитуры производил П. А. Ламм, живший вместе с Н. Я. Мясковским на даче на Николиной Горе. «Петя и волк» был издан Музгизом в 1937 г. в переложении автора для фортепиано и в 1940 г. партитура.

К письму 411

¹ «Пиковая дама», музыка к незавершенному кинофильму М. И. Ромма, ор. 70 С. С. Прокофьева написана в 1936 г. Сохранился авторский клавир с разметками инструментовки (24 номера) и незавершенная партитура (20 номеров) рукой П. А. Ламма, который расшифровывал клавир (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 93).

К письму 413

¹ «Евгений Онегин», музыка к неосуществленному спектаклю Московского Камерного театра (пьеса А. Д. Кржижановского по А. С. Пушкину, предполагаемая постановка А. Я. Таирова), ор. 71 С. С. Прокофьева написана в 1936 г. Сохранился авторский клавиш с разметками инструментовки (44 номера) (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 85). Партитура напечатана издательством «Советский композитор» в 1973 г.

К письму 414

¹ См. комм. 10 к письму 405. Н. Я. Мясковский корректировал после переписки партитуру Шестнадцатой симфонии для предстоящего первого исполнения под управлением Э. Сенкара в Москве 24 октября 1936 г. На это исполнение С. С. Прокофьев откликнулся статьей «Новая советская симфония» в газете «Советское искусство», 1936, 29 окт., № 50.

К письму 415

¹ 2 декабря 1936 г. в Брюсселе в радиоконцерте из произведений С. С. Прокофьева под его управлением исполнялись: Увертюра, ор. 42; Второй концерт для скрипки с оркестром, исп. Р. Сетанс; Скифская сюита «Ала и Лоллий»; Заклинание «Семеро их»; Сюита из балета «Шут».

² В декабре 1936 г. С. С. Прокофьев выступал в симфонических концертах как пианист и дирижер, и в камерных концертах с исполнением своих произведений. Выступления состоялись: 4 декабря в Бордо, 19 декабря в Париже, 21 октября в Лозанне, 29 декабря в Праге.

³ См. комм. 2 к письму 387. Концерт впервые был исполнен в Париже 21 ноября 1935 г. автором и С.-С. И. Стравинским.

⁴ «Игра в карты», балет в трех сдвхах на либретто автора в сотрудничестве с М. Малаевым написан И. Ф. Стравинским в 1936 г. Партитура издана фирмой Б. Шотта в 1937 г.

<стр. 549>

⁵ «Христофор Колумб», опера Д. Мийо (первая часть оперной трилогии, вторая — «Максимилиан», третья — «Боливар») написана в 1928 г. Клавиш издан Universal Edition в 1930 г.

⁶ 19 декабря 1936 г. в Париже в симфоническом концерте из произведений С. С. Прокофьева под управлением А. Вольфа исполнялись: Увертюра на еврейские темы в редакции для симфонического оркестра (впервые под управлением автора); Первый концерт для скрипки с оркестром, исп. А. Москошьяк; Первая сюита из балета «Ромео и Джульетта» (впервые); Третий концерт для фортепиано с оркестром, исп. автор; Сюита из балета «Стальной скок»; Сюита из оперы «Любовь к трем апельсинам».

⁷ Речь идет о первом исполнении Первой сюиты из балета «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева под управлением Н. С. Голованова в Москве 24 ноября 1936 г., где также исполнялись: Скифская сюита «Ала и Лоллий» и Третий концерт для фортепиано с оркестром, исп. автор.

⁸ 9 января 1937 г. под управлением Э. Сенкара впервые в Париже исполнялись: Шестнадцатая симфония Н. Я. Мясковского; Первый концерт для фортепиано с оркестром Д. Д. Шостаковича, исп. Я. Вейль; Русская увертюра С. С. Прокофьева. Русская увертюра C-dur, op. 72 С. С. Прокофьева написана (первая редакция) в 1936 г. и впервые исполнена в Москве 29 октября 1936 г. под управлением Э. Сенкара. В 1937 г. автор сделал вторую редакцию увертюры. Партитура издана Музгизом в 1946 г.

⁹ Третья симфония a-moll, op. 44 С. В. Рахманинова написана в 1935—1936 гг., впервые исполнена в Филадельфии 6 ноября 1936 г. и в Нью-Йорке под управлением Л. Стоковского. Партитура издана фирмой ТАИР в 1937 г.

¹⁰ Книга Н. К. Метнера «Муза и мода (защита основ музыкального искусства)» выпущена в Париже фирмой ТАИР в 1935 г.

К письму 416

¹ В концерте 8 декабря 1936 г. в Москве под управлением Э. Сенкара исполнялись: С. С. Прокофьев — Русская увертюра, op. 72; П. И. Чайковский — Первый концерт для фортепиано с оркестром, исп. Я. В. Флиер; Н. Я. Мясковский — Шестнадцатая симфония.

² Драматическая (третья) симфония h-moll, op. 17 В. В. Желобинского написана в 1936 г. и впервые исполнена в Москве 17 и 20 декабря 1936 г. под управлением А. В. Гаука.

³ Увертюра на марийские темы, op. 25 В. Я. Шебалина написана в 1936 г. и впервые исполнена в Москве 18 декабря 1936 г. под управлением Н. С. Голованова.

⁴ Речь идет о романсах на слова А. С. Пушкина для голоса с фортепиано, op. 73 «Сосны», «Румяной зарею», «В твою светлицу», написанных С. С. Прокофьевым в 1936 г.; изданы Музгизом в 1937 г. в сборнике «А. С. Пушкин в романсах и песнях советских композиторов». Н. Я. Мясковский держал корректуру этих романсов.

К письму 417

¹ Концерты в Америке, где исполнялись произведения С. С. Прокофьева, состоялись: 21 и 22 января 1937 г. в Чикаго под управлением Г. Ланге — Первая сюита из балета «Ромео и Джульетта», Третий концерт для фортепиано с оркестром исп. автор; 5 и 6 февраля в Бостоне под управлением С. А. Кусевицкого — Скерцо и Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам», Третий концерт для фортепиано с оркестром исп. автор, Скифская сюита «Ала и Лоллий»; 8 февраля в Вашингтоне в Советском посольстве С. С. Прокофьев исполнил: Andante из Четвертой сонаты, три гавота из op. 12, op. 25, op. 32, несколько пьес из «Детской музыки».

² См. комм. 8 к письму 415.

³ В концерте 20 февраля 1937 г. в Париже под управлением А. Вольфа исполнялись: Н. Я. Мясковский — Лирическое концертино, op. 33, № 3; С. С.

Прокофьев —

<стр. 550>

Третий концерт для фортепиано с оркестром, исп. автор, сюита «Поручик Киже», Скифская сюита «Ала и Лоллий».

⁴ См. комм. 4 к письму 416.

К письму 418

¹ В концертах под управлением Э. Ансерме в Москве 3 и 5 января 1937 г. исполнялись: Г. Берлиоз — Симфония «Гарольд в Италию» и И. Ф. Стравинский — «Петрушка», потешные сцены.

² В программе концерта 30 января 1937 г. под управлением А. В. Гаука, кроме упомянутых Н. Я. Мясковским сочинений, исполнялись Три отрывка из балета «Жар-птица» И. Ф. Стравинского.

³ См. комм. 4 к письму 416.

⁴ В 1936 г. С. С. Прокофьевым были сделаны Первая и Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта», ор. 64 bis и ор. 64 ter., изданы в партитуре Музгизом в 1938 г.

⁵ Первые исполнения Второй сюиты из балета «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева состоялись под управлением автора: 15 апреля 1937 г. в Ленинграде и 20 ноября 1937 г. в Москве.

⁶ Упомянутые исполнения Шестнадцатой симфонии Н. Я. Мясковского в Москве состоялись 21 и 23 января 1937 г.

⁷ См. комм. 8 к письму 415.

⁸ Письмо А. Г. Чеснокова к Н. Я. Мясковскому из Парижа без даты — почтовый штемпель получения «11 января 1937 г.» (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 268, л. 1—1 об.).

⁹ «Борис Годунов» — несостоявшаяся постановка трагедии А. С. Пушкина в театре имени Вс. Мейерхольда, для которой в 1936 г. С. С. Прокофьев написал музыку, ор. 70 bis. Сохранился авторский клавир (24 номера) и незавершенная партитура (14 номеров) рукой П. А. Ламма, который расшифровывал клавир (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 87). Партитура напечатана издательством «Советский композитор» в 1973 г.

¹⁰ Семнадцатая симфония gis-moll, ор. 41 Н. Я. Мясковского написана в 1936—1937 гг., партитура издана Музгизом в 1947 г.

К письму 419

¹ Сочинения Н. Н. Черепнина: Двенадцать эскизов для духовых инструментов с фортепиано, ор. 45 и «Сказка о рыбаке и рыбке», шесть музыкальных иллюстраций, ор. 41 были изданы фирмой П. Юргенсона и переизданы Музсектором в 1921 и 1924 гг. Рукописи их в архиве издательства П. Юргенсона хранятся в ЦГАЛИ (ф. 952, оп. 1, ед. хр. 777, 786, 787, 788, 790).

К письму 420

¹ Упомянутый концерт в Париже под управлением С. С. Прокофьева состоялся в январе 1938 г.

² См. комм. 9 к письму 415. Переложение симфонии для фортепиано в четыре руки Г. В. Киркора издано Музгизом в 1949 г.

³ Б. С. Фишман играл Второй концерт для скрипки с оркестром С. С. Прокофьева в Москве 20 ноября 1937 г. под управлением автора.

⁴ Это была последняя зарубежная концертная поездка С. С. Прокофьева. Он выступал в Париже, Праге, Лондоне и Америке. Концерты в Лондоне состоялись: 26 января 1938 г. симфонический, 27 января в Советском посольстве, 28 января в обществе Великобритании—СССР.

⁵ Восемнадцатая симфония C-dur, op. 42 Н. Я. Мясковского написана в 1937 г., партитура издана Музгизом в 1940 г.

<стр. 551>

К письму 421

¹ Сюита «Поручик Киже» С. С. Прокофьева в Америке была исполнена Бостонским оркестром под управлением С. А. Кусевицкого 16 и 17 ноября 1937 г. в Бостоне и 20 ноября в Нью-Йорке.

² Пятая симфония d-moll, op. 47 Д. Д. Шостаковича написана в 1937 г. Впервые исполнена в Ленинграде 21 ноября 1937 г. под управлением Е. А. Мравинского; в Москве — 29 января и 2 февраля 1938 г. под управлением А. В. Гаука. Партитура издана Музгизом в 1939 г.

³ См. комм. 1 к письму 361. Корректуру Вальсов Ф. Шуберта — С. Прокофьева держал Н. Я. Мясковский.

⁴ *Веранда* — В. А. Бурцева.

К письму 422

¹ С. С. Прокофьев выступал в Америке в симфонических концертах в Детройте 11 февраля 1938 г. (дирижировал Классической симфонией и играл Первый концерт для фортепиано с оркестром под управлением В. Колара), в Денвере 18 февраля (та же программа, дирижер Э. Тюреман); в камерных концертах из своих сочинений в Нью-Йорке 6 февраля, в Денвере 20 февраля; в авторских клавирабендах в Чикаго 15 февраля, в Денвере 21 и 23 февраля.

² В Париже 6 апреля 1938 г. С. С. Прокофьев выступал в Советском посольстве.

³ С. С. Прокофьев вернулся в Москву 16 апреля 1938 г. Его квартира в Москве была на улице Земляной вал в доме № 14/16.

⁴ «Кантата к двадцатилетию Октября» для двух смешанных хоров, симфонического и военного оркестров, оркестра аккордеонов и шумовых инструментов на тексты из сочинений Маркса, Ленина, Сталина, op. 74 С. С. Прокофьева написана в 1936—1937 гг. Кантата осталась неизданной. Впервые исполнена в Москве (не полностью) 5 апреля 1966 г. под управлением К. П. Кондрашина.

⁵ Ф. Мотль сделал свободную обработку для концертного исполнения трех отрывков из балета «Цефал и Прокрис» А. Гретри под названием Балетная сюита.

К письму 423

¹ Шесть пьес для фортепиано, ор. 52 С. С. Прокофьева (см. комм. 3 к письму 324) переизданы Музгизом в 1938 г.

² Издательским редактором Музгиза, выпустившим Вальсы Ф. Шуберта — С. Прокофьева в редакции для двух фортепиано в четыре руки, был Е. К. Голубев.

³ Н. Я. Мясковский имеет в виду многократное исполнение А. В. Гауком Пятой симфонии Шостаковича в начале 1938 г.: 29 января и 2 февраля (см. комм. 2 к письму 421), 11 и 18 февраля, 1 и 4 марта, 11 апреля.

⁴ Упомянутый концерт состоялся 14 марта 1938 г. В программе: Симфония на две русские темы, восстановленная В. Я. Шебалиным; Испанское болеро; «Память дружбы», ноктюрн И. Гуммеля в инструментовке М. И. Глинки; «Коса», цыганская песня для голоса, хора и оркестра, исп. Ф. С. Петрова (все эти сочинения исполнялись впервые); «Арагонская хота»; «Камаринская»; «Ночь в Мадриде»; Увертюра к опере «Руслан и Людмила».

⁵ «Гамлет», музыка к трагедии В. Шекспира для малого симфонического оркестра, ор. 77 С. С. Прокофьева написана в 1937—1938 гг. для спектакля ленинградского Театра-студии под руководством С. Э. Радлова. Спектакль состоялся 15 мая 1938 г. в постановке С. Э. Радлова, художник В. В. Дмитриев. Сохранился авторский клавиш с разметками инструментовки (10 номеров) (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 90). По-видимому, П. А. Ламм делал расшифровку партитуры. Партитура напечатана издательством «Советский композитор» в 1973 г.

<стр. 552>

⁶ «Кавказский пленник», балет-поэма, либретто Н. Д. Волкова по поэме А. С. Пушкина, написан Б. В. Асафьевым в 1936 г. и инструментован в 1937 г. Впервые поставлен в Ленинграде 14 апреля 1938 г. под управлением П. Э. Фельдта, в Москве 20 апреля 1938 г. под управлением Ю. Ф. Файера. «Иван Болотников», героический балет, либретто М. М. Габовича, написан Б. В. Асафьевым в феврале 1938 г., но не был инструментован.

⁷ В марте 1938 г. гитлеровские войска вошли в Австрию, произошел так называемый аншлюс, то есть присоединение Австрии к нацистской Германии.

К письму 424

¹ Фро, бог света и радуги — действующее лицо в опере «Золото Рейна» Р. Вагнера.

² В начале августа 1941 г. по решению Правительства группа крупнейших деятелей советского искусства, в том числе Н. Я. Мясковский и С. С. Прокофьев с семьями, были эвакуированы из Москвы в Нальчик. В ноябре

1941 г. вся группа переехала в Тбилиси. В июне 1942 г. С. С. Прокофьев переехал в Алма-Ату, где С. М. Эйзенштейн снимал фильм «Иван Грозный», для которого С. С. Прокофьев писал музыку. 31 августа 1942 г. Н. Я. Мясковский вместе с П. А. Ламмом выехал из Тбилиси во Фрунзе.

³ «Война и мир», опера С. С. Прокофьева на либретто М. А. Мендельсон-Прокофьевой и композитора по одноименному роману Л. Н. Толстого, ор. 91, написана в первой редакции в 1941—1942 гг.

⁴ С. С. Прокофьев хотел добиться переезда П. А. Ламма в Алма-Ату для работы над расшифровкой партитуры оперы «Война и мир».

⁵ Драматическая увертюра g-moll для духового оркестра, ор. 60 Н. Я. Мясковского написана в 1942 г. Партитура издана Музгизом в 1946 г.

⁶ Ю. А. Шапорин.

⁷ *Тимур* — собака у хозяев дома в Тбилиси, где жил Н. Я. Мясковский.

К письму 425

¹ Мира Александровна Прокофьева (урожд. Мендельсон), вторая жена композитора, соавтор либретто его опер: «Война и мир», «Повесть о настоящем человеке», балета «Сказ о каменном цветке».

² Седьмая симфония C-dur, ор. 60 Д. Д. Шостаковича написана в 1941 г. Впервые исполнена в Куйбышеве 5 марта 1942 г. под управлением С. А. Самосуда, в Ереване исполнялась 11, 12 и 14 июля 1942 г. под управлением М. А. Тавризиана. 14 июля 1942 г. в № 164 ереванской газеты «Коммунист» Н. Я. Мясковский в заметке «Философская симфония» писал: «Дмитрий Шостакович один из крупных современных композиторов и его музыка всегда привлекает к себе всеобщее внимание. Его новая симфония, удостоенная Государственной премии, — сочинение философского плана. Трагические события наших дней придали его музыке особую содержательность и силу.

Еще в Пятой симфонии Шостакович простился со своей молодостью — пришла творческая зрелость, его замыслы приобрели глубину. В Седьмой симфонии эта зрелость особенно очевидна. Перед нами цельное и значительное произведение искусства.

Очень трудная концепция симфонии правильно понята дирижером. Колоссальная работа, проделанная оркестром под управлением М. А. Тавризиана, увенчалась настоящим успехом». Партитура Седьмой симфонии издана Музгизом в 1942 г.

³ О Пятой симфонии Д. Д. Шостаковича см. комм. 2 к письму 421. Шестая симфония h-moll, ор. 54 Д. Д. Шостаковича написана в 1939 г.; впервые исполнена в Ленинграде 5 ноября 1939 г. под управлением Е. А. Мравинского. Партитура издана Музгизом в 1941 г.

⁴ См. комм. 5 к письму 424.

<стр. 553>

К письму 426

¹ Открытка В. В. Держановского Н. Я. Мясковскому из Москвы от 9 сентября 1942 г. (ГЦММК, ф. 71, № 483).

² Второй струнный квартет (на кабардинские темы) F-dur, op. 92 С. С. Прокофьева написан в 1941 г.; впервые исполнен в Москве 5 и 10 сентября 1942 г., Квартетом имени Бетховена. Партитура издана Музгизом в 1944 г.

К письму 427

¹ В группе московских музыкантов, приехавших из Тбилиси во Фрунзе, вместе с Н. Я. Мясковским были: Аи. Н. Александров, Е. М. Гузиков, П. А. Ламм, С. А. Малявин, В. В. Нечаев, С. Е. Фейнберг с семьями.

² В феврале 1940 г. С. С. Прокофьев был избран заместителем председателя правления Московского Союза советских композиторов.

³ «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», кантата на слова П. Г. Антокольского для солистов, хора и оркестра, op. 93 С. С. Прокофьева написана в Алма-Ате летом 1942 г. и закончена в партитуре в 1943 г. Сохранился авторский клавир с разметками инструментовки и партитура рукой П. А. Ламма, который расшифровывал этот клавир (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 256—259). Не издана.

⁴ Соната D-dur, для флейты и фортепиано, op. 94 С. С. Прокофьева написана в 1942—1943 гг. по заказу Комитета по делам искусств СССР.

⁵ Имеются в виду Двадцать вторая и Двадцать третья симфонии Н. Я. Мясковского. Двадцать вторая симфония-баллада h-moll, op. 54 написана в 1941 г. в Нальчике. Партитура издана оркестротеккой СК СССР в 1944 г. Двадцать третья симфония a-moll (на кабардино-балкарские темы), op. 56 написана в Нальчике и Тбилиси в 1941 г. Партитура издана Музгизом в 1946 г.

К письму 428

¹ «Киров с нами», поэма-кантата на слова Н. С. Тихонова для солистов, хора и оркестра, op. 61 Н. Я. Мясковского написана в Тбилиси и во Фрунзе в 1942 г. Издано Музгизом в 1945 г. авторское переложение для пения с фортепиано, в 1956 г. — партитура.

К письму 429

¹ В. В. Держановский скончался в Загорске 19 сентября 1942 г. Его памяти Н. Я. Мясковский посвятил Двадцать четвертую симфонию.

² См. комм. 2 к письму 426.

³ Письмо В. П. Ширинского к Н. Я. Мясковскому из Москвы от 18 сентября 1942 г. (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 2, ед. хр. 277, л. 3—3 об.).

К письму 430

¹ Н. Я. Мясковский выехал из Фрунзе 7 декабря 1942 г. и 16 декабря приехал в Москву.

К письму 431

¹ В декабре 1942 г. С. С. Прокофьев выезжал в Москву, где показывал первую редакцию оперы «Война и мир» и Седьмую сонату для фортепиано в Комитете по делам искусств, после чего в феврале 1943 г. возвратился в Алма-Ату.

² «Суворов», опера на либретто С. Д. Кржижановского, ор. 101 С. Н. Василенко написана в 1941—1942 гг. В Алма-Ате была поставлена 23 февраля 1943 г.

<стр. 554>

К письму 432

¹ 19 марта 1943 г. С. С. Прокофьев был удостоен Государственной премии второй степени за Седьмую сонату для фортепиано. Эта соната, задуманная еще в 1939 г., была завершена весной 1942 г. и издана Музгизом в 1943 г. Седьмая соната исполнялась С. Т. Рихтером в Москве 14 января 1943 г. в закрытом концерте Совинформбюро. Публично впервые была исполнена в Москве С. Т. Рихтером 18 января 1943 г. и повторена 23 января в первом концерте цикла «Выставки советской музыки». Н. Я. Мясковский был членом комитета по Государственным премиям СССР (в 1939—1961 годах назывался Комитетом по Сталинским премиям, поэтому Н. Я. Мясковский и называет его Сталинским комитетом) и потому сообщал, что для показа Седьмой сонаты Комитету был приглашен Н. Г. Вальтер.

² Восьмой струнный квартет *fis-moll*, ор. 59 Н. Я. Мясковского написан в Тбилиси в 1942 г. Партитура издана Музгизом в 1944 г.

³ С. И. Шлифштейн работал в 1939—1945 гг. старшим консультантом по вопросам музыки в Комитете по делам искусств. Через него осуществлялись заказы композиторам. В 1942 г. он ездил в Тбилиси для переговоров с С. С. Прокофьевым по поводу первой редакции оперы «Война и мир». В декабре 1942 г. в Москве в Комитете по делам искусств Шлифштейн присутствовал на показе и обсуждении оперы. У него были разногласия с Н. Я. Мясковским по поводу отдельных мест оперы.

К письму 433

¹ Пятый «славянский» струнный квартет *F-dur*, ор. 33 В. Я. Шебалина написан в 1942 г. и впервые исполнен в Москве 21 ноября 1942 г. Квartetом имени Бетховена. Партитура издана Союзом советских композиторов в 1943 г. Квartet удостоен Государственной премии первой степени за 1942 г.

² Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича под управлением Н. Г. Рахлина исполнялась в Москве 18 марта 1943 г.

³ Упомянутое исполнение М. В. Юдиной Второго концерта для фортепиано с оркестром С. С. Прокофьева состоялось в Москве 28 апреля (а не 31 марта) 1943 г.

⁴ Четвертая симфония *G — C-dur*, ор. 37 В. В. Желобинского написана в

1942 г.; впервые исполнена 26 мая 1943 г. под управлением К. П. Кондрашина. В этом же концерте исполнялась Вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева.

⁵ Третья симфония е-moll, op. 21 Е. К. Голубева написана в 1943 г.; впервые исполнена в Москве 30 июля 1943 г. под управлением Н. П. Аносова. Отрывки из оперы «Война и мир» С. С. Прокофьева в этом концерте не исполнялись.

⁶ Третья симфония, op. 17 В. Я. Шебалина впервые исполнена в Москве 11 февраля 1944 г. под управлением Н. П. Аносова.

⁷ Семнадцатая симфония Н. Я. Мясковского под управлением К. П. Кондрашина исполнялась в Москве 4 апреля 1943 г.

⁸ Кантата Н. Я. Мясковского «Киров с нами» впервые была исполнена в Москве по радио 25 сентября 1943 г. под управлением А. М. Ковалева.

⁹ Восьмой струнный квартет Н. Я. Мясковского, впервые исполненный в Москве Квartetом имени Бетховена 21 марта 1943 г., был повторен 27 марта и 2 апреля.

¹⁰ Второй струнный квартет С. С. Прокофьева исполнялся в Москве 17 апреля 1943 г. Квartetом имени Бетховена.

¹¹ Диплом на получение Государственной премии второй степени за Седьмую сонату для фортепиано С. С. Прокофьева.

К письму 434

¹ Третий струнный квартет е-moll, op. 28 В. Я. Шебалина написан в 1938 г. Партитура издана Музгизом в 1941 г. Четвертый струнный квартет g-moll, op. 29 В. Я. Шебалина написан в 1940 г. Партитура издана оркестротеккой ССК в 1941 г.

² Речь идет о неосуществленном замысле оперы «А у шаха есть рога» («Хан-Бузай»), о чем С. С. Прокофьев писал: «Мне захотелось написать лирико-комическую оперу на казахском народном музыкальном материале, очень свежем и красивом,

<стр. 555>

заинтересовавшем меня еще в 1927 году, когда я познакомился со сборниками казахского фольклора, составленными Затаевичем, в которых записано 1750 народных музыкальных напевов и тем. Я проделал большую работу по отбору из этих сборников необходимого материала для оперы, которую я собираюсь писать, придерживаясь нового метода, разбив либретто на отдельные моменты, подобные кадрам кино, и подбирая к каждому такому кадру музыкальный материал, кажущийся мне подходящим именно к данному моменту. Либретто мы пишем вместе с Мирой Мендельсон, используя для него сказки, легенды, пословицы казахского народа. Опера подвигается медленно, потому что меня отвлекли от нее Пятая и Шестая симфонии, «Ода на окончание войны» и ряд других работ, задуманных одновременно с нею. Поэтому мне приходится пока ограничиться распределением богатейшего материала из сборника Затаевича по кадрам. Как только позволит время, я приступлю непосредственно к

написанию оперы и, надеюсь, работа пойдет быстро, так как весь материал будет уже в основном подготовлен» (С. С. Прокофьев, с. 661).

К письму 435

¹ См. комм. 9 к письму 433.

² См. комм. 7 к письму 433.

³ Сонатина e-moll для фортепиано, ор. 57 Н. Я. Мясковского написана в Тбилиси в марте 1942 г.; впервые в Москве исполнена В. В. Нечаевым 16 июля 1943 г. Издана Музгизом в 1943 г.

⁴ См. комм. 10 к письму 433.

⁵ «1941-й год», симфоническая сюита в трех частях, ор. 90 С. С. Прокофьева написана в 1941 г.; впервые в Москве исполнена 19 апреля 1943 г. под управлением Н. Г. Рахлина. Партитура выпущена издательством «Музыка» в 1973 г. В этом же концерте впервые прозвучали фрагменты из оперы «Рашель» Р. М. Глиэра в исполнении Н. П. Рождественской и П. М. Норцова.

⁶ См. комм. 3 к письму 433.

⁷ Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича под управлением Н. Г. Рахлина исполнялась 13 апреля 1943 г.

⁸ «Нашествие», пьеса Л. М. Леонова, поставлена в Малом театре в Москве 27 мая 1943 г. И. Я. Судаковым, художник Я. З. Штоффер.

⁹ «Последние дни», пьеса М. А. Булгакова, поставлена в Художественном театре в Москве 10 апреля 1943 г. Постановщики В. Я. Станицын и В. О. Топорков, художник П. В. Вильямс.

¹⁰ 8 мая 1943 г. в Москве в ССК состоялось прослушивание Второго струнного квартета cis-moll, ор. 54 Ан. Н. Александрова, написанного в Тбилиси в 1942 г. Исполнял Квартет имени Бетховена. 21 мая (а не 29 апреля) Квартет впервые был исполнен публично. Партитура издана Музгизом в 1947 г.

¹¹ *Министр изящных искусств* — председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко.

¹² Н. Я. Мясковским сделаны переложения симфоний: Тринадцатой для фортепиано в две руки (издано ССК в 1947 г.); для фортепиано в четыре руки Семнадцатой (не издано), Двадцать первой (издано ССК в 1941 г.), Двадцать третьей (не издано).

¹³ Девятый струнный квартет d-moll, ор. 62 Н. Я. Мясковского написан в 18 Партитура издана Музгизом в 1945 г. Двадцать четвертая симфония f-moll, ор. 63 Н. Я. Мясковского написана в 1943 г. Партитура издана Музгизом в 1946 г. Соната F-dur, для скрипки и фортепиано, ор. 70 Н. Я. Мясковского написана только в 1946—1947 гг. Издана Музгизом в 1948 г.

К письму 436

¹ Н. Я. Мясковский держал корректуры сочинений С. С. Прокофьева: сонаты и пьес для фортепиано ор. 95 и ор. 96, изданных Музгизом в 1943 г.

<стр. 556>

К письму 437

¹ См. комм. 3 к письму 427.

² См. комм. 5 к письму 435.

³ См. комм. 13 к письму 435.

⁴ Д. Ф. Ойстрах исполнил Второй концерт для скрипки с оркестром С. С. Прокофьева 2 мая 1943 г. под управлением Н. П. Аносова; о М. В. Юдиной см. комм. 3 к письму 433.

К письму 438

¹ В Алма-Ате были поставлены оперы Е. Г. Брусиловского: «Айман-Шолпан» на либретто М. О. Ауэзова (1938 г.), «Золотое зерно» («Алтынастык») на либретто С. Муканова (1940 г.), «Гвардия, вперед!» на либретто С. Муканова (1942 г.).

² «Золушка», балет в трех действиях на либретто Н. Д. Волкова, ор. 87 С. С. Прокофьева начат в 1940 г. по заказу Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Работа над балетом продолжалась в 1941 г. и до начала войны было написано два действия. В июне 1943 г. композитор переехал в Пермь (бывш. Молотов), где находился Ленинградский театр, и там завершил работу над балетом. Оркестровка балета окончена летом 1944 г. Партитура балета издана Музгизом в 1959 г.

³ «Золушка» была поставлена Ленинградским театром оперы и балета имени С. М. Кирова только 8 апреля 1946 г. Постановщик К. М. Сергеев, художник Б. Р. Эрдман, дирижер П. Э. Фельдт.

⁴ В. А. Розанов был заместителем директора Музгиза.

⁵ «Здравица», кантата для смешанного хора с оркестром на народные тексты ор. 85 С. С. Прокофьева написана в 1939 г. Партитура издана Музгизом в 1941 г., переложение для пения с фортепиано, сделанное Л. Т. Атовмяном (а не П. А. Ламмом), издано Музгизом в 1946 г.

⁶ Первая соната f-moll для скрипки и фортепиано, ор. 80 С. С. Прокофьева написана в 1938—1946 гг. Издана стеклографией Музфонда в 1947 г.

К письму 439

¹ См. комм. 4 к письму 437.

² Четвертую и Седьмую сонаты С. С. Прокофьева С. Т. Рихтер играл в концерте 23 июня 1943 г.

³ Третья симфония С. В. Рахманинова под управлением Н. С. Голованова впервые в Москве исполнялась 11 и 13 июня и 9 июля 1943 г.

⁴ «Симфонические танцы», ор. 45 С. В. Рахманинова написаны в 1940 г.; впервые исполнены в Филадельфии 3 января 1941 г. под управлением Ю. Орманди. В Москве впервые исполнены 25 ноября 1943 г. под управлением Н. С. Голованова.

⁵ См. комм. 13 к письму 435.

⁶ См. комм. 4 к письму 433. Пятая симфония «Ленинградская» с хором В. В. Желобинского закопчена в 1944 г. и впервые исполнена в Москве 31 января 1944 г. под управлением Н. Г. Рахлина.

⁷ С. А. Самосуд готовил концертное исполнение оперы «Война и мир» (в первой редакции) С. С. Прокофьева, состоявшееся в Москве только 7 июня 1945 г.

⁸ Г. М. Шнеерсон заведывал в 1942—1948 гг. музыкальным отделом ВОКСа, через который осуществлялись все музыкальные связи с зарубежными странами. О пересылке произведений С. С. Прокофьева за границу Г. М. Шнеерсон пишет в своих воспоминаниях «Встречи с Прокофьевым» в сборнике «Сергей Прокофьев. Статьи и материалы». Изд. 2-е. М., 1965, с. 252—280.

⁹ П. А. Ламм с семьей вернулся в Москву из эвакуации 17 августа 1943 г.

¹⁰ О «Здравице» см. комм. 5 к письму 438.

К письму 440

¹ Лето 1944 г. С. С. Прокофьев проводил в Доме творчества ССК, который был организован на базе большого птицеводческого совхоза вблизи города Иванова.

<стр. 557>

К письму 441

¹ В. Я. Яковлева, сестра Н. Я. Мяковского.

² Зимой 1945 г. С. С. Прокофьев упал на улице и с сотрясением мозга лежал в больнице. Весну он провел в санатории Барвиха, а летом в Доме творчества под Ивановом. В связи с заболеванием часы его работы были ограничены.

³ «Ода на окончание войны» для восьми арф, четырех фортепиано, оркестра духовых и ударных инструментов и контрабасов, ор. 105 С. С. Прокофьева написана летом 1945 г.; впервые исполнена в Москве 12 ноября 1945 г. под управлением С. А. Самосуда. Партитура напечатана издательством «Музыка» в 1969 г.

⁴ Шестая симфония es-moll, ор. 111 С. С. Прокофьева написана в 1945—1947 гг.; впервые исполнена под управлением Е. А. Мравинского в Ленинграде 11 октября 1947 г., в Москве — 25 декабря 1947 г. Партитура издана «Leads music corporation» в 1949 г., а Музгизом в 1960 г.

К письму 443

¹ С. С. Прокофьев был шесть раз удостоен Государственной премии: 19 марта 1943 г. (премия второй степени) за Седьмую сонату для фортепиано, 26 января 1946 г. (премия первой степени) за Пятую симфонию и Восьмую сонату для фортепиано, 26 января 1946 г. (премия первой степени) за музыку к первой серии кинофильма «Иван Грозный», 26 июля 1946 г. (премия первой степени)

за балет «Золушка», 6 июля 1947 г. (премия первой степени) за Первую сонату для скрипки и фортепиано, 14 марта 1951 г. (премия второй степени) за сюиту «Зимний костер» на слова С. Я. Маршака для чтецов, хора мальчиков и оркестра, ор. 122 и ораторию «На страже мира» на слова С. Я. Маршака для чтецов, смешанного хора, хора мальчиков и оркестра, ор. 124. 22 апреля 1957 г. за Седьмую симфонию, ор. 131 С. С. Прокофьев был удостоен (посмертно) Ленинской премии.

К письму 444

¹ 5 ноября 1947 г. С. С. Прокофьеву было присвоено почетное звание Народного артиста РСФСР.

К письму 448

¹ Текст телеграммы публикуется по черновику, сохранившемуся в приложении к записке, которую С. С. Прокофьев написал жене из больницы 9 марта 1950 г.: «Дорогая Мирочка, посылаю бумажку с наметками для поздравит[ельных] телеграмм...» (ЦГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 394. л. 25).

Речь идет о Сонате № 2 для виолончели и фортепиано, а-moll, ор. 81, написанной Н. Я. Мясковским в 1948—49 гг., изданной Музгизом в 1949 г. и 7 марта 1950 г. удостоенной Государственной премии (второй степени).

Н. Я. Мясковский пять раз был удостоен Государственной премии: кроме упомянутой выше, 15 марта 1941 г. (первой степени) за Двадцать первую симфонию; 26 января 1946 г. (первой степени) за Квартет № 9; 26 июня 1946 г. (первой степени) за Концерт для виолончели с оркестром; 14 марта 1951 г. (первой степени) за Двадцать седьмую симфонию и Квартет № 13 — посмертно.

К письму 449

¹ «Зимний костер», ор. 122 С. С. Прокофьева написан осенью 1949 г. и завершен в партитуре в январе 1950 г. В марте того же года исполнен по радио под управлением С. А. Самосуда. Публично «Зимний костер» был исполнен в Москве 19 декабря 1950 г. под управлением С. А. Самосуда. Партитура издана Музгизом в 1951 г.

² Восторженная реплика Н. Я. Мясковского, по-видимому, вызвана получением партитуры Первой симфонической сюиты из балета «Золушка», ор. 107, составленной С. С. Прокофьевым в 1946 г. и в 1949 г. изданной в «Anglo-Soviet Music».

К письму 451

¹ 8 августа 1950 г. в Москве скончался Н. Я. Мясковский. Письмо адресовано его сестре.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИИ С. С. ПРОКОФЬЕВА

«А у шаха есть рога» — см. «Хан Бузай».

«Ала и Лоллий», балет, неосуществленный замысел: 13, 116, 119, 121, 122, 124, 125, 128—133, 495—497.

«Ала и Лоллий», скифская сюита для симфонического оркестра, ор. 20: 138, 139, 141 — 143, 156, 158, 162, 164, 166, 170, 176, 180, 190, 194, 197, 213, 223, 226, 228, 232, 233, 235, 236, 257, 259, 275, 355, 372, 383, 399, 416, 417, 450, 460, 496, 501, 505, 509, 511, 515, 516, 520, 538, 540, 541, 548—550.

Аллеманда — см. Десять пьес для фортепиано, ор. 12 № 8.

Анданте для симфонического оркестра — см. Andante из Четвертой сонаты, ор. 29 bis.

Анданте, Andante из квартета — см. Шесть пьес для фортепиано, ор. 52 № 5.

Анданте из квартета, переложение для струнного оркестра (квинтета), ор. 50 bis: 361, 373, 532.

Andante из Четвертой сонаты, транскрипция для симфонического оркестра, ор. 29 bis: 421, 425, 549.

«Анютка» — см. Песни для конкурса «Правды».

«Апельсины» — см. «Любовь к трем апельсинам».

«Аранжемент вальсов Шуберта» — см. «Вальсы Шуберта», без опуса.

«Бабочка» — см. Пять стихотворений К. Бальмонта, ор. 36 № 3.

«Бабушкины сказки» — см. «Сказки старой бабушки».

Баллада для виолончели и фортепиано, c-moll, ор. 15: 105, 106, 109—111, 113, 114, 121, 153, 173, 176, 401, 419, 420, 493—495, 497, 501, 502, 505, 509, 537, 542.

«Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», кантата, ор. 93: 24, 461—463, 470, 553.

Бальмонтовские романсы, бальмонты — см. Пять стихотворений К. Бальмонта, ор. 36.

Безручный концерт — см. Концерт для фортепиано № 4, ор. 53.

«Белый лебедь» — см. Два стихотворения на слова К. Бальмонта, ор. 7 № 1.

«Блазень» («Шут»), балетный спектакль на музыку сюиты из балета «Шут»: 298, 525.

«Блудный сын», балет, ор. 46: 290, 298, 301, 302, 304, 306, 307, 309—311, 313, 321, 323, 346, 351, 356, 362—364, 385, 394, 397, 525, 526, 532.

Сюита для симфонического оркестра, ор. 46 bis: 298, 525.
«Борис Годунов», музыка к спектаклю, ор. 70 bis: 21, 453, 550.
«Борисфен» («Au Borysthène») — см. «На Днестре».

«В моем саду» — см. Пять стихотворений для голоса с фортепиано, ор. 23 № 4.

«В твою светлицу» — см. Три романса на слова А. С. Пушкина, ор. 73 № 3.

Вальс — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32 № 4.

«Вальсы Шуберта», аранжированные и объединенные в сюиту С. С. Прокофьевым, без опуса:

для фортепиано в 2 руки: 216, 511, 514;

<стр. 559>

для двух фортепиано в 4 руки: 216, 399, 401, 455, 457, 458, 514, 538, 539, 551.

«Великан», детская, доопусная опера: 3, 22.

«Вещи в себе», две пьесы для фортепиано, ор. 45: 284, 288, 292, 319, 324, 330, 336, 351, 524, 528, 531.

«Война и мир», опера, ор. 91: 23, 24, 459, 462—466, 472, 552—554, 556.

«Волна» — см. Два стихотворения на слова К. Бальмонта, ор. 7 № 2.

«Воспоминания» — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 4 № 1.

Гавот из Классической симфонии, ор. 25, в переложении для фортепиано: 513, 517, 549.

Гавот — см. Десять пьес для фортепиано, ор. 12 № 2.

Гавот — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32 № 3.

«Гадкий утенок», сказка для голоса с фортепиано, ор. 18: 122, 131, 497, 498, 502, 507;

для голоса с оркестром: 428, 431, 537, 544.

«Гамлет», музыка к спектаклю, ор. 77: 458, 551.

«Голос птиц» — см. Пять стихотворений К. Бальмонта, ор. 36 № 2.

Дантовский балет — «Die Erlösten» — на музыку скифской сюиты «Ала и Лоллий»: 257, 520.

Danza (Танец) — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32 № 1. Два стихотворения для женского хора и оркестра на слова К. Бальмонта, ор. 7: 163, 166, 229, 232, 364. 488.

1. «Белый лебедь»: 79, 229, 488.

2. «Волна»: 81, 82, 166, 229, 232, 488.

Два стихотворения для голоса и фортепиано, ор. 9: 501, 502, 507.

«Есть другие планеты»: 501, 502.

«Отчалила лодка»: 501, 502.

Две сонатины для фортепиано, ор. 54: 21, 376, 380, 383—385, 387, 389, 391, 394, 534, 535, 537, 538.

1. Сонатина e-moll: 21, 370, 372, 375, 385, 387, 389, 534, 535.
 2. Сонатина G-dur: 21, 385, 387, 389, 535, 537, 538.
- Десять пьес для фортепиано, op. 12: 487, 494, 497—499, 503, 513, 517, 526, 537, 549.
1. Марш: 498, 499, 503, 537.
 2. Гавот: 503, 513, 517, 545, 549.
 3. Ригодон: 494, 498, 499, 503, 537.
 4. Мазурка: 73, 75, 487.
 5. Каприччио: 498, 503.
 6. Легенда: 494, 498, 503.
 7. Прелюд: 494, 498, 499, 503, 513, 517.
 8. Аллеманда: 537.
 9. Юмористическое скерцо: 503.
 10. Скерцо: 129, 498, 526.
- «Детская музыка», двенадцать пьес для фортепиано, op. 65: 21, 440, 446, 452, 546, 549.
- Дешевовское скерцо — см. Скерцо — Десять пьес для фортепиано, op. 12 № 10.
- Дивертисмент для оркестра, op. 43: 303—305, 320, 337, 338, 343—346, 351, 353—355, 382, 391, 395, 399, 402, 456, 526—528, 541.
- «Die Erlösten» — см. Дантовский балет.
- «Доверься мне» — см. Пять стихотворений для голоса с фортепиано, op. 23 № 3.
- Драматическая кантатка — см. «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», op. 93.
- «Дуэнья» — см. «Обручение в монастыре».
- «Евгений Онегин», музыка к спектаклю, op. 71: 21, 448.
- Еврейская увертюра — см. Увертюра на еврейские темы, op. 34.
- «Египетские ночи», музыка к спектаклю, без опуса: 21, 408, 413, 414, 418, 419, 421, 427—429, 540.
- Сюита для симфонического оркестра, op. 61: 427—430, 544.
- Переложение для фортепиано в 4 руки, сделанное Н. Я. Мясковским: 544.
- «Есть другие планеты» — см. Два стихотворения для голоса с фортепиано, op. 9 № 1.
- «Заклинание воды и огня» — см. Пять стихотворений К. Бальмонта, op. 36 № 1.
- «Здравица», кантата, op. 85: 471, 472, 556.
- «Зимний костер», сюита, op. 122: 22, 478, 557.
- «Золушка», балет, op. 87: 470, 556.
- Первая симфоническая сюита, op. 478, 557.

«Иван Грозный» музыка к кинофильму, ор. 116: 552, 557.

<стр. 560>

«Игрок», опера, ор. 24: 116, 138, 139, 142, 144, 146, 147, 265, 267—271, 273, 274, 290, 301, 303—309, 312, 320, 322, 350—352, 355, 357, 358, 395, 431, 455, 495, 500—503, 521—523, 526, 533.

Сюита из оперы — см. «Четыре портрета и развязка из оперы «Игрок».

Интермеццо — см. Шесть пьес для фортепиано, ор. 52 № 1.

Кабардинский квартет — см. Квартет № 2, ор. 92.

Казахская опера — см. «Хан Бузай».

Кантата к Двадцатилетию октября, ор. 74: 21, 457, 458, 459, 551.

Каприччио — см. Десять пьес для фортепиано, ор. 12 № 5.

«Карнавал» — пьеса (собачка) для фортепиано, доопусная: 39, 45.

Квартет № 1, h-moll, ор. 50: 326, 327, 329, 330, 336—338, 340—342, 347—349, 352, 355—357, 361, 362, 364—366, 375, 376, 378, 437, 528, 531—533, 537.

Квартет № 2 (на кабардинские темы), F-dur, ор. 92: 23, 460, 463, 467, 469, 553, 554.

Квинтет для гобоя, кларнета, скрипки, альты и контрабаса, g-moll, ор. 39: 200, 204, 210, 211, 216, 251, 256, 259—263, 267, 270, 272, 273, 275, 276, 291, 317, 321, 330, 337, 343, 345, 351, 388, 445, 511, 512, 520, 521, 530.

«Киже» — см. «Поручик Киже», ор. 60.

Классическая симфония — см. Симфония, ор. 25.

Концерт для виолончели с оркестром, e-moll, ор. 58: 10, 417, 425, 426, 437, 542.

Концерт для левой руки — см. Концерт № 4 для фортепиано с оркестром, ор. 53.

Концерт № 1 для скрипки с оркестром, D-dur, ор. 19: 147, 151, 173, 176—178, 180, 188—191, 199, 203—207, 209, 226, 233, 275, 331, 503, 509, 511, 513, 515, 516, 549.

Концерт № 2 для скрипки с оркестром, g-moll, ор. 63: 21, 440, 443, 445, 452, 454, 456, 470, 472, 546—548, 550, 556.

Концерт № 1 для фортепиано с оркестром, Des-dur, ор. 10: 85, 89, 100—102, 105, 109, 120, 121, 124, 134, 145, 164, 165, 169, 185, 186, 207, 454, 489, 491—494, 497, 500, 502, 503, 510, 515, 528, 532, 533, 537, 542, 551.

Концерт № 2 для фортепиано с оркестром, g-moll, ор. 16: 105, 108—111, 114, 116, 130—133, 135—137, 143, 151, 152, 164, 177, 178, 189, 191 — 193, 195, 196, 198, 200, 214, 216, 217, 223, 228, 233, 241, 344, 354, 355, 382, 396, 429, 454, 466, 468, 470, 471, 492—495, 497, 499, 501, 505, 511, 512, 528, 532, 544, 554.

Концерт № 3 для фортепиано с оркестром, C-dur, ор. 26: 156, 158, 160, 162, 164—166, 169, 171, 173, 176—178, 185, 188, 196, 205—211, 213, 214, 218, 228, 233, 234, 238, 279, 288, 353, 372, 373, 384, 393, 399, 433,

452, 506, 508, 513, 516, 517, 523, 525, 528, 531—533, 536, 538, 540, 549, 550.

Концерт № 4 для фортепиано с оркестром (для левой руки), B-dur, op. 53: 354, 355, 357, 358, 361, 363, 364, 386, 532.

Концерт № 5 для фортепиано с оркестром, G-dur, op. 55: 384, 386, 387, 392—394, 397, 404, 406, 407, 537, 540.

«Костер» — см. «Зимний костер», op. 122.

«Красавица» — см. Рондо — Десять пьес для фортепиано, op. 52, № 2.

«Кудесник» — см. Пять стихотворений для голоса с фортепиано, op. 23 № 5.

«Лебедь» — см. «Белый лебедь», Два стихотворения на слова К. Бальмонта, op. 7 № 1.

«Легенда» — см. Десять пьес для фортепиано, op. 12 № 6.

«Летняя ночь», симфоническая сюита, op. 123: 543.

«Любовь к трем апельсинам», опера, op. 33: 151, 156, 158, 159, 167, 210, 211, 217, 218, 228, 233, 235—240. 258, 260, 261, 329, 331, 342, 357, 374, 505, 514, 520, 521

Симфоническая сюита, op. 33 bis: 228, 239, 243, 245, 253, 260, 270, 272, 273, 384, 399, 505, 515, 518, 528, 549.

Марш и Скерцо из симфонической сюиты, op. 33 bis № 3 и № 4: 233, 239, 243, 246, 279, 516, 532, 537, 549.

Марш и Скерцо, транскрипция для фортепиано, op. 33 ter № 1 и № 2: 243, 511, 513, 517, 519.

«Маддалена», опера, op. 13: 91—93, 99, 101, 109—111, 116, 117, 126, 139, 186, 188. 189, 216, 218, 363, 364, 485, 490, 501, 510.

Мазурка — см. Десять пьес для фортепиано, op. 12 № 4.

Мазурчики для Винклера — см. Мазурка, op. 12 № 4.

Марш — см. Десять пьес для фортепиано, op. 12 № 1.

<стр. 561>

Марш — см. Четыре пьесы для фортепиано, op. 3 № 3.

Менуэт — см. Четыре пьесы для фортепиано, op. 32 № 2.

Мефисто-вальс (из кинофильма «Лермонтов») для фортепиано, op. 96 № 3: 469, 471.

«Мимолетности», двадцать пьес для фортепиано, op. 22: 147, 173, 176. 310, 419, 420, 439, 503, 507. 509, 511, 513, 517, 526, 537.

«Мольбы», пьеса для фортепиано, доопусная: 485.

Музыка для фортепиано с оркестром — см. Концерт № 5 для фортепиано с оркестром, op. 55.

«Мысли», три пьесы для фортепиано, op. 62: 426, 446, 151, 466, 468. 543, 546.

«На горе-то калина», обработка народной песни, op. 104, тетрадь 1, № 3: 358, 359, 529, 533.

«На Днепре», балет, ор. 51: 341—344, 347, 349, 352, 354, 355, 357, 358, 361—364, 366, 378, 388, 394, 396, 397, 530, 531.

Симфоническая сюита, ор. 51 bis: 396, 430, 432, 538.

«На страже мира», оратория, ор. 124: 22, 557.

«Наваждение» — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 4 № 4.

Ньетточка — см. Симфоньетта, ор. 5/48.

«О, для чего», романс, доопусный: 67.

Обработка русских народных песен, ор. 104, тетрадь 1: 328, 330, 528.

«Обручение в монастыре» («Дуэнья»), опера, ор. 86: 543.

«Огненный ангел», опера, ор. 37: 7, 180, 183, 184, 189, 191, 199, 200, 208, 218, 247, 249—251, 257, 258, 261, 263, 264, 267, 268, 271—279, 281—285, 287, 291, 322, 363, 364, 385, 434—438, 510, 519, 522, 524.

Симфоническая сюита, неосуществленный замысел: 284, 285, 287.

«Ода на окончание войны», ор. 105: 473, 555, 557.

Однорукий концерт — см. Концерт № 4 для фортепиано с оркестром, ор. 53.

Оперная сцена — см. «Пир во время чумы».

Органная прелюдия и fuga d-moll, Д. Букстехуде в обработке для фортепиано, без опуса: 511.

«Осеннее», пьеса для фортепиано, доопусная: 50.

«Осеннее», симфонический эскиз для малого оркестра, ор. 8: 85—90, 93, 98, 99, 145, 146, 169, 170, 241, 244, 245, 322, 364, 489, 490, 502.

«Отчалила лодка» — см. Два стихотворения для голоса с фортепиано, ор. 9 № 2.

«Отчаяние» — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 4 № 3.

«Партизан Железняк» — см. Песни для конкурса «Правды».

«Пасторальная сонатина» (Sonatine pastorale) — см. Три пьесы для фортепиано, ор. 59, № 3.

«Пейзаж» (Paysage) — см. Три пьесы для фортепиано, ор. 59 № 2.

Песни без слов — см. Пять песен без слов для голоса и фортепиано, ор. 35.

Песни без слов для скрипки и фортепиано — см. Пять мелодий для скрипки и фортепиано, ор. 35 bis.

Песни для конкурса «Правды»: «Партизан Железняк», «Анютка», «Растет страна» и «Сквозь снега и туманы», ор. 66: 21, 446, 547.

«Петя и волк», симфоническая сказка, ор. 67: 21, 22, 447, 448, 472, 548.

«Пиковая дама», музыка к кинофильму, ор. 70: 21, 447—449, 548.

«Пир во время чумы», оперная сцена, доопусная: 63, 65, 67, 485.

«Повесть о настоящем человеке», опера, ор. 117: 552.

«Под крышей» — см. Пять стихотворений для голоса с фортепиано, ор. 23 № 1.

«Помни меня» — см. Пять стихотворений К. Бальмонта, ор. 36 № 4.

«Портреты» — см. «Четыре портрета и развязка из оперы «Игрок».

«Поручик Киж» — музыка к кинофильму, без опуса: 21, 543.

Симфоническая сюита, ор. 60: 425, 430, 434, 436, 440, 446, 454, 456, 543—545, 550, 551.

Прелюд — см. Десять пьес для фортепиано, ор. 12 № 7.

«Прогулка» (Promenade)—см. Три пьесы для фортепиано, ор. 59 № 1.

Пьесы для фортепиано, ор. 95 и ор. 96: 24, 469—471, 555.

Пять мелодий для скрипки и фортепиано, ор. 35 bis: 216, 514, 538.

Пять песен без слов для голоса с фортепиано, ор. 35: 151, 192, 216, 370, 505, 514, 532.

Пять стихотворений А. Ахматовой для голоса и фортепиано, ор. 27: 502, 507

<стр. 562>

Пять стихотворений для голоса с фортепиано, ор. 23: 149, 151, 215, 218, 242, 501, 502, 504.

1. «Под крышей»: 504.

2. «Серое платье»: 501, 502, 504.

3. «Доверься мне»: 501, 502, 504.

4. «В моем саду»: 501, 504.

5. «Кудесник»: 501, 504.

Пять стихотворений К. Бальмонта для голоса с фортепиано, ор. 36: 151, 152, 173, 176, 178, 180, 186, 188, 191—193, 196, 197, 204, 207, 505, 509.

1. «Заклинание воды и огня»: 505, 509.

2. «Голос птиц»: 180, 505, 509.

3. «Бабочка»: 186, 505.

4. «Помни меня»: 505.

5. «Столбы»: 178, 180, 505, 509.

«Растет страна» — см. Песни для конкурса «Правды».

Ригодон — см. Десять пьес для фортепиано, ор. 12 № 3.

Романсишки без опуса — см. «На горе-то калина» и «Снежки белые».

Романсы на слова Пушкина — см. Три романса на слова А. С. Пушкина, ор. 73.

«Ромео и Джульетта», балет, ор. 64: 21, 440, 444, 447, 545.

Первая симфоническая сюита, ор. 64 bis: 449, 454, 458, 549, 550.

Вторая симфоническая сюита, ор. 64 ter: 452, 458, 472, 550, 554.

Рондо («Красавица») — см. Шесть пьес для фортепиано, ор. 52 № 2.

«Румяной зарею» — см. Три романса на слова А. С. Пушкина, ор. 73 № 2.

Русская увертюра для симфонического оркестра, ор. 72: 21, 450, 452, 454, 457—459.

Русские песни — см. Обработка русских народных песен, ор. 104.

«Сарказмы», пять пьес для фортепиано, ор. 17: 138, 196, 197, 499, 501—

- 503, 538.
- «Семеро их», заклинание, ор. 30: 149, 151, 168, 169, 173, 178, 193, 195, 196, 198, 202, 215, 218, 229, 234, 249, 270, 363, 364, 406, 447, 504, 508, 512, 548.
- «Серое платье» — см. Пять стихотворений для голоса с фортепиано, ор. 23 № 2.
- Симфоническая песнь для большого оркестра, ор. 57: 400, 401, 403—406, 408, 425—428, 430, 539, 542.
- Симфония, е-moll, юношеская, доопусная: 51—61, 63—66. 68, 70, 71, 76, 77, 139, 484, 485, 487, 505.
- Симфония (Классическая симфония) D-dur, ор. 25: 10, 147, 148, 171, 188, 191, 200, 207, 210, 216, 226, 228, 229, 232, 242, 245, 249, 256, 260, 272, 273, 275, 280, 288, 328, 343, 345, 349, 351, 353, 357—360, 364, 373, 379, 381, 383, 384, 386, 391, 452, 454, 503, 508, 518, 520, 531, 532, 536, 537, 551.
- Симфония № 2, d-moll, ор. 40: 17, 20, 200, 201, 204, 206, 211, 212, 214—216, 219, 222—228, 239, 241—243, 246—249, 265, 268, 271—273, 275, 283, 288, 290, 301, 305, 319, 321, 324, 325, 328, 343, 353, 386, 394, 402, 412, 414, 415, 417, 418, 420, 512, 514, 515, 517, 523, 538, 544.
- Симфония № 3, c-moll, ор. 44: 284, 285, 287, 288, 290—294, 297—302, 304, 305, 312, 313, 319—323, 328, 329, 331, 332, 343, 353, 355, 364, 379, 382, 386, 394—396, 398, 399, 401, 403, 404, 408, 410, 416, 431, 524, 525, 527, 538, 540.
- Переложение для фортепиано в четыре руки, сделанное Н. Я. Мясковским: 288, 319, 321, 322, 329, 331, 332, 379, 394, 396, 398, 399, 402, 417, 425.
- Симфония № 4, C-dur, ор. 47: 301—305, 310, 313, 325, 329, 337, 338, 345, 349, 351—353, 364, 386, 412, 525, 526, 528, 531, 532, 540, 541.
- Симфония № 5, B-dur, ор. 100: 23, 555, 557.
- Симфония № 6, es-moll, ор. 111: 473, 555, 557.
- Симфония № 7, cis-moll, ор. 131: 557.
- Симфоньетта для малого оркестра, A-dur, первая редакция, без опуса: 7, 8, 10, 13, 65—68, 70—77, 79, 81, 82, 89, 100, 101, 486, 487, 491, 527.
- Вторая редакция, ор. 5: 7, 10, 116, 117, 119, 121, 134, 136, 138, 166, 169, 170, 235—237, 240—245, 247, 272, 273, 320, 322, 351, 364, 373, 388, 391, 486, 487, 491, 500, 527.
- Третья редакция, ор. 48: 273, 320, 322, 324, 351, 356, 361, 364, 369, 371, 373, 391, 486, 507, 527, 532, 535, 537, 540.
- «Сказ о каменном цветке», балет, ор. 118: 552.
- «Сказка» — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 3 № 1.
- «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего», балет, ор. 21: 133, 136, 138, 139, 142, 151, 156, 158, 159, 162, 169, 172, 188, 199, 200, 202, 213, 214, 217, 218, 237, 356, 397, 499, 501, 505, 508, 512.
- Симфоническая сюита — см. «Шут», ор. 21 bis.

<стр. 563>

«Сказки старой бабушки», четыре пьесы для фортепиано, ор. 31: 151, 173, 176, 505, 509, 537, 538, 546.

«Сквозь снега и туманы» — см. Песни для конкурса «Правды».

Скерцино — см. Шесть пьес для фортепиано, ор. 52 № 4.

Скерцо для четырех фаготов — см. Юмористическое скерцо для четырех фаготов, ор. 12 bis.

Скерцо — см. Десять пьес для фортепиано, ор. 12 № 10.

Скерцо — см. Шесть пьес для фортепиано, ор. 52 № 6.

Скифская сюита — см. «Ала и Лоллий», скифская сюита, ор. 20.

Скрипичная соната, детская, доопусная (1903): 494.

«Снежки белые», обработка народной песни, ор. 104, тетрадь 1, № 4: 358, 359, 529, 533.

«Снежок» («Снег»), пьеса для фортепиано, без опуса: 50, 62, 484, 485.

«Сны», симфоническая картина, ор. 6: 83—85, 87—91, 93, 98—100, 105, 136, 137, 163, 241, 322, 364, 488—490, 493, 495, 500.

Собачки (фортепианные собачки), пьесы для фортепиано, доопусные: 37, 39, 41—43, 45—47, 483.

Соната для двух скрипок C-dur, ор. 56: 392, 396, 402, 406, 537, 538, 541.

Соната для скрипки и фортепиано, неосуществленный замысел коллективного сочинения, 1908 г.: 55, 485.

Соната № 1 для скрипки и фортепиано, f-moll, ор. 80: 471, 556, 557.

Соната для флейты и фортепиано, D-dur, ор. 94: 24, 461, 553.

Сонаты для фортепиано, доопусные, по консерваторскому счету: 49.

Вторая, f-moll: 37, 41, 43, 45, 76, 78, 163, 483.

Третья, a-moll: 47, 48, 50, 166, 484, 505.

Пятая, c-moll: 505.

Соната № 1 для фортепиано, f-moll, ор. 1 (см. также доопусную Вторую сонату): 78, 86, 88, 89, 121, 146, 169, 173, 192, 483, 488, 490, 503, 509.

Соната № 2 для фортепиано, d-moll, ор. 14: 103, 104, 112, 121, 129, 138, 153, 168, 169, 173, 192, 229, 492, 494, 498, 500, 502, 503, 505, 509, 513, 517, 532, 538.

Соната № 3 для фортепиано, a-moll, ор. 28 (см. также доопусную Третью сонату): 153, 162, 166, 168, 169, 173, 192, 484, 505, 507, 509, 517.

Соната № 4 для фортепиано, c-moll, ор. 29: 164, 165, 168, 169, 173, 189, 192, 229, 472, 505, 509, 511, 513, 549, 556.

Соната № 5 для фортепиано, C-dur, ор. 38: 159, 180, 183, 184, 187—189, 191, 193, 198, 200, 201, 204, 207, 209—212, 217, 228, 229, 506, 510, 511.

Соната № 7 для фортепиано, B-dur, ор. 83: 24, 465, 467—469, 471, 472, 553—557.

Соната № 8 для фортепиано, B-dur, ор. 84: 557.

Сонатина для фортепиано, доопусная: 37, 41—43, 48, 483.

Сонатина для фортепиано, e-moll — см. Две сонатины, ор. 54 № 1.

Сонатина для фортепиано, G-dur — см. Две сонатины, ор. 54 № 2.

«Сосны» — см. Три романса на А. С. Пушкина, ор. 73 № 1.
«Стальной скок», балет, ор. 41: 20, 217, 238, 244, 248, 256—260, 267, 268, 270, 271, 273, 275, 279—283, 289—292, 298—300, 304, 317, 324, 325, 327, 353, 359, 372, 434, 514, 517, 519, 520, 522—524, 527, 528, 533.

Симфоническая сюита, ор. 41 bis: 279—283, 288, 289, 309, 358, 360, 361, 372, 389, 522, 525, 528, 532, 537, 549.

«Столбы» — см. Пять стихотворений К. Бальмонта, ор. 36 № 5.

«Стонет сизый голубочек», романс из музыки к кинофильму «Поручик Киже», ор. 60 bis № 1: 436, 545.

Таировский спектакль — см. «Египетские ночи».

Танец — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32 № 1.

«Танец масок», для симфонического оркестра, ор. 123 № 5: 543.

Танцевальная сюита, для симфонического оркестра, без опуса: 426, 430, 437, 543.

Токката для фортепиано, C-dur, ор. 11: 100, 153, 491, 501—503, 505, 513, 517, 538.

«Трапедия», балет: 200, 211, 216, 217, 511, 512, 514.

«Три апельсина» — см. «Любовь к трем апельсинам», опера.

Три пьесы для фортепиано, ор. 59: 425, 543.

1. «Прогулка» (Promenade): 426, 543.

2. «Пейзаж» (Paysage): 426, 451, 456, 458, 543, 545.

3. «Пасторальная сонатина» (Sonatina pastorale): 426, 439, 543, 545.

Три романса для голоса с фортепиано, слова А. С. Пушкина, ор. 73: 451, 452, 549.

<стр. 564>

1. «Сосны»: 549.

2. «Румяной зарею»: 549.

3. «В твою светлицу»: 549.

«Ты был кроток и зол», романс, доопусный: 66, 67, 486. с 1919», опера, неосуществленный замысел: 437.

«1941 год», симфоническая сюита, ор. 90: 23, 468, 470, 555.

«У Днепра» — см. «На Днестре», ор. 51.

Увертюра, ор. 72 — см. Русская увертюра, ор. 72.

Увертюра для камерного оркестра (для 17 инструментов), B-dur, ор. 42: 247—250, 284, 285, 288, 328, 449, 519, 521, 548.

Версия для симфонического оркестра, ор. 42 bis: 284, 285, 288, 328, 329, 344, 382, 430, 446, 519.

Увертюра на еврейские темы для кларнета, двух скрипок, альты, виолончели и фортепиано, c-moll, ор. 34: 151, 156, 158, 161, 168, 169, 173, 176, 189, 262, 345, 505, 506, 509, 515, 532, 537.

Версия для симфонического оркестра, ор. 34 bis: 439, 440, 544—546, 549.

«Унди́на», опера, доопусная: 37, 42, 483.
«Уте́нок» — см. «Гадкий утенок».

Фоньетта — см. Симфоньетта, ор. 5/48.
Фортепианные собачки — см. Собачки.
Фуга, экзаменационная: 51.

«Хан Бузай» («А у шаха есть рога», «У хана есть рога»), опера, неосуществленный замысел: 467, 554.
Хор, хоры — см. Два стихотворения К. Бальмонта, ор. 7.

«Четыре портрета и развязка из оперы «Игрок» для симфонического оркестра», ор. 49: 358, 360, 361, 364, 370, 377, 392, 418, 456, 533, 536, 537, 542.

Четыре пьесы для фортепиано, ор. 3: 485, 494, 503.

1. Сказка: 485, 494.

3. Марш: 494.

Четыре пьесы для фортепиано, ор. 4: 485, 494, 503, 513.

1. «Воспоминания»: 62, 485.

2. «Порыв»: 485.

3. «Отчаяние»: 62, 485, 494.

4. «Наваждение»: 62, 485, 494, 511, 513, 537, 546.

Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32: 151, 164, 165, 176, 505, 509, 513, 517, 538, 549.

1. Танец: 151, 505.

2. Менуэт: 505, 538.

3. Гавот: 151, 505, 513, 517, 538, 549.

4. Вальс: 165, 168, 505.

Четыре танцевальных пьесы — см. Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32.

Четыре этюда для фортепиано, ор. 2: 73, 79, 88, 285, 487, 488, 490, 494, 499, 503, 513, 538.

Chanson symphonique — см. Симфоническая песнь. Шесть пьес для фортепиано, ор. 52: 356—358, 360, 362, 366, 370, 371, 378, 386, 532, 537, 546, 551.

1. Интермеццо: 532.

2. Рондо: 371, 378, 386, 532, 537.

3. Этюд: 439, 532, 537, 546.

4. Скерцино: 368, 370, 372, 386, 532, 537.

5. Анданте: 356, 357, 366, 378, 532.

6. Скерцо: 356, 532, 537.

«Шут», балет — см. «Сказка про шута семерых шутов перешутившего».

«Шут», симфоническая сюита, ор. 21 bis: 162, 166, 168—171, 188, 205,

209—214, 228, 235—237, 279, 298, 381, 383, 394. 399, 420, 433, 438, 507, 513, 514, 516, 525, 531, 536, 537, 541, 548.

Этюд — см. Шесть пьес для фортепиано, op. 52 № 3.

Этюды, этюды для Винклера — см. Четыре этюда для фортепиано, op. 2.

Юмористическое скерцо — см. Десять пьес для фортепиано, op. 12 № 9.

Юмористическое скерцо для четырех фаготов, op. 12 bis: 501.

Литературные произведения С. С. Прокофьева:

«Автобиография»: 27, 33, 485.

«Краткая автобиография»: 33, 517, 520— 523, 525, 527, 528, 546.

«Новая советская симфония», статья: 548.

«Станчинский А. Эскизы для фортепиано», нотографическая заметка: 12.

Статьи, заметки, рецензии, интервью: 12, 149, 325, 450, 528, 554, 555.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИИ Н. Я. МЯСКОВСКОГО

«Аластор», симфоническая поэма, ор. 14: 15, 22, 31, 103, 104, 110, 120, 123, 124, 126—129, 144, 149, 152, 157, 170—173, 201, 217, 492, 494, 496—498, 501, 504, 508.

Амалия, Амашка — см. Симфония № 3, a-moll.

«Aux champs» («В полях») — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 6.

«Barcarolle» (Баркарола) — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 11.

«Безнадежность» — см. «Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, ор. 29 № 3.

«Безотчетное» — см. Flofion, Восьмая тетрадь, Мс 10.

«Berceuse» (Колыбельная) — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 4.

Блоковские романсы — см. Шесть стихотворений А. Блока, ор. 20.

«Bouderie» («Каприз», «Недовольство») — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 5.

«В бессонницу» — см. «Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, ор. 29 № 5.

«В гостиной», романс — см. «На грани», ор. 4 № 3.

«В ночь молчаливую», романс — см. Шесть стихотворений А. Блока, ор. 20 № 6.

«Valsette» (Вальс)—см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 3.

«Венок поблекший», восемь стихотворений А. Дельвига для голоса и фортепиано, ор. 22: 253, 505.

«Внезапно», романс — см. «Предчувствия», ор. 16 № 5.

«Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, ор. 29: 262, 322, 512, 521.

1. «Напев»: 521.

2. «Шутка»: 521.

3. «Безнадежность»: 521.

4. «Воспоминание»: 521.

5. «В бессонницу»: 521.

6. «Снежная жуть»: 521.

«Встану я в утро туманное», романс — см. Шесть стихотворений А. Блока, ор. 20 № 5.

«Danse burlesque» — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 2.

Двенадцать романсов на слова М. Лермонтова для голоса и фортепиано, ор. 40: 548.

Демолька — см. Соната № 1 для фортепиано.

«Деревенские концерты» — см. «Развлечения».

«Désespoir» («Уныние», «Безнадежность») — см. Flofion, Четвертая

тетрадь, № 8.

Дивертисмент — см. Симфоньетта, A-dur, op. 10.

Драматическая увертюра для духового оркестра, g-moll, op. 60: 23, 24, 459, 460, 552.

«За многие годы», цикл романсов, op. 87: 512.

«Закливание», романс — см. «На грани», op. 16 № 4.

<стр. 566>

Зинки — см. «На грани», op. 4, «Из 3. Гиппиус» op. 5, «Предчувствия», op. 16.

«Идиот», опера, неосуществленный замысел: 13, 22, 64, 120, 486, 501.

«Из Дельвига» — см. «Венок поблекший», op. 22.

«Из 3. Гиппиус», три пьесы для голоса и фортепиано, op. 5: 152, 215, 221, 305, 309, 495, 513.

1. «Противоречия»: 62, 306, 308, 485, 526.

2. «Однообразие»: 306, 308, 526.

3. «Круги»: 206, 229, 239, 306, 308, 325, 328, 513, 517, 526, 528, 530, 532.

«Как ни тяжел последний час», романс — см. «На склоне дня», op. 21 № 3.

Кантата, кантатная тема — см. «Киров с нами».

«Касторка» — см. «Аластор». Квартеты, доопусные:

Квартет, F-dur, 1907 г. (см. также Квартет № 10): 46, 51, 61, 85, 88, 484.

Квартет, f-moll, 1909 г. (см. также Квартет № 4): 85, 88.

Квартет, d-moll, 1910 г. (см. также Квартет № 3): 85, 88, 345, 530.

Квартет № 1, a-moll, op. 33 № 1: 321, 327—329, 331—334, 337, 343, 345, 348, 352, 363, 369, 391, 527, 529, 530.

Квартет № 2, c-moll, op. 33 № 2: 327—329, 331, 334—338, 343, 345, 348, 350, 352,

369, 375, 376, 378, 380, 381, 383, 389, 391—393, 401, 404, 415—417, 421—423, 529—531, 535, 541, 542.

Квартет № 3 («Григовский»), d-moll, op. 33 № 3: 85, 88, 343, 345, 348, 352, 363, 364, 369, 489, 530, 531.

Квартет № 4, f-moll, op. 33 № 4: 85, 88, 489.

Квартет № 8, fis-moll, op. 59: 24, 465, 467, 471, 554.

Квартет № 9, d-moll, op. 62: 469, 470, 472, 555, 557.

Квартет № 10, F-dur, op. 67 № 1: 46, 51, 61, 85, 88, 484, 489.

Квартет № 13, a-moll, op. 86: 559.

«Киров с нами», поэма-кантата, op. 61: 23, 162, 463, 464, 466, 553, 554.

Колыбельная («Berseuse») — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 4.

Концерт для виолончели с оркестром, c-moll, op. 66: 557.

«Concertino lirico» — см. Лирическое концертино, op. 32 № 3.

«Король Лир», опера, неосуществленный замысел: 22.

«Кровь», романс — см. «На грани», op. 4 № 17.

«Круги», романс — см. «Из З. Гиппиус», op. 5 № 3.

«L'oiseau» («Птица») — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 10.

Лермонтовские романсы — см. Двенадцать романсов на слова М. Лермонтова, op. 40.

«Луна и туман», романс — см. «На грани», op. 4 № 13.

«Мадригал», сюита для голоса с фортепиано на слова К. Бальмонта op. 7: 10, 82, 196, 199, 201, 488, 511.

«Marche lent» (Марш) — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 9.

Марши для военного (духового) оркестра: 1. Торжественный, 2. Драматический, без опуса: 329, 331, 337, 339, 340, 529.

«Мгновение» романс — см. «На грани», op. 4 № 7.

«Медлительной чредой нисходит день осенний», романс — см. Шесть стихотворений А. Блока, op. 20 № 4.

«Милый друг», романс — см. Шесть стихотворений А. Блока, op. 20 № 3.

«Молчание» («Сказка»), симфоническая притча, op. 9: 10, 22, 37, 41, 68—71, 73, 76—78, 89, 128, 133, 135, 196, 198—201, 209, 245, 483, 487, 490, 499, 511.

«На грани», восемнадцать романсов на слова З. Гиппиус, op. 4 (первоначально было: девять пьес, op. 22): 151, 308, 505.

1. «Пиявки»: 308, 505.

2. «Ничего»: 308, 505.

3. «В гостинной»: 308, 495.

4. «Заклинание»: 499.

5. «Пауки»: 308, 505.

6. «Надпись на книге»: 308, 505.

7. «Мгновение»: 308, 505.

8. «Страны унынья»: 308, 505.

13. «Луна и туман»: 62, 306, 308, 485.

14. «Пыль»: 308, 505.

15. «Цветы ночи»: 308, 505.

16. «Нескорбному учителю»: 308, 495.

17. «Кровь»: 62, 306, 308, 485, 499.

<стр. 567>

«На пороге», op. 2 — первоначальное название цикла романсов, вошедших в опус 4 — «На грани»: 308.

«На склоне дня», три наброска на слова Ф. Тютчева для голоса и

фортепиано, ор. 21: 151, 162, 504.

1. «Нам не дано предугадать»: 504.

2. «Нет боле искр живых»: 504.

3. «Как ни тяжел последний час»: 504.

«Надпись на книге», романс — см. «На грани», ор. 4 № 6.

«Надпись на конверте», романс на слова З. Н. Гиппиус: 505.

«Нам не дано предугадать», романс — см. «Па склоне дня», ор. 21 № 1.

«Напев» см. «Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, ор. 29 № 1.

«Нескорбному учителю», романс — см. «На грани», ор. 4 № 16.

«Нет боле искр живых», романс — см. «На склоне дня», ор. 21 № 2.

«Неудовлетворенность» — см. Flofion, Восьмая тетрадь, № 13.

«Неявное» — первоначальное название цикла романсов «Из З. Гиппиус», ор. 5: 308.

«Ничего», романс — см. «На грани», ор. 4 № 2.

«Однообразие», романс — см. «Из З. Гиппиус», ор. 5 № 2.

Оперная сцена — см. «Идиот».

Оркестровые морсо (причуды), неосуществленный замысел: 148, 152, 182.

«Пауки», романс — см. «На грани», ор. 4 № 5.

«Pensée» («Мысль») — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 7.

«Первая девушка», опера, неосуществленный замысел: 22.

«Петухи», романс — см. «Предчувствия», ор. 16 № 6.

«Пиявки», романс — см. «На грани», ор. 4 № 1.

«Пожелтевшие страницы», семь незатейливых вещиц для фортепиано, ор. 31: 285, 524.

«Полный месяц встал над лугом», романс—см. Шесть стихотворений А. Блока, ор. 20 № 1.

Поэма для оркестра — см. «Молчание».

«Предчувствия», шесть набросков на слова З. Гиппиус для голоса и фортепиано, ор. 16: 113, 137, 146, 153, 305, 495, 503, 506, 511, 526.

3. «Так ли?»: 499.

5. «Внезапно»: 499.

6. «Петухи»: 153, 505.

«Preludiette» — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 1.

«Причуды для оркестра» — см. Оркестровые морсо.

«Причуды», шесть набросков для фортепиано, ор. 25: 11, 15, 148—150, 152—155, 157—159, 165—167, 173—176, 181—183, 186—189, 191, 194, 207, 217, 223, 227, 231, 232, 234, 235, 237, 239, 251, 312, 327, 337, 343, 349, 351, 416, 504, 507, 510—512, 515—517, 528—530, 532.

«Противоречия», романс — см. «Из З. Гиппиус», ор. 5 № 1.

«Пыль», романс — см. «На грани», ор. 4 № 14.

«Развлечения», три пьесы для малого оркестра, op. 32: 252, 254, 255, 288—296, 298, 300, 303—306, 309, 312, 315, 317, 318, 320, 321, 326, 328, 342, 343, 349, 352—354, 356, 359, 369, 426, 519, 520.

1. Серенада для малого оркестра, Es-dur (op. 32 № 1): 289, 294, 205, 315, 318, 321, 342, 352, 426, 520, 527, 528, 543, 546, 547.

2. Симфоньетта для струнного оркестра, h-moll (op. 32 № 2): 289, 290, 295, 298, 300, 307, 315, 318, 321—325, 328, 331, 336, 338—340, 349, 352, 356, 357, 363, 364, 369, 371, 383, 395, 396, 401, 407—409, 411, 420—424, 427, 429, 430, 438, 440, 441, 443, 446, 520, 528—530, 540, 543.

3. Лирическое концертино для малого оркестра, G-dur (op. 32 № 3): 290, 296, 307, 309, 313, 315, 318, 321, 339, 340, 342, 345, 352, 359, 373, 432, 435, 441, 451, 453, 520, 527, 528, 543, 549.

«Размышления», семь стихотворений Е. Баратынского для голоса с фортепиано, op. 1: 41, 43, 483.

Романсы (без упоминания названий): 62, 64, 150, 245, 254, 305, 306, 308, 309, 311, 312, 315—318, 323, 324, 343, 344, 371, 494, 512.

Романсы на слова Е. А. Баратынского — см. «Размышления», op. 1 и «За многие годы», op. 87 № 7 и № 8.

Романсы на слова А. А. Дельвига — см. «Венок поблекший», op. 22.

Романсы на слова М. Ю. Лермонтова — см. Двенадцать романсов на слова М. Лермонтова, op. 40.

<стр. 568>

Симфония: 122, 211, 231, 232, 254, 255, 315.

Симфония № 1, c-moll, op. 3: 9, 10, 51—55, 57, 58, 61, 72, 73, 76, 77, 84, 269, 271, 284, 286, 287, 319, 328, 363, 364, 369, 484, 487, 495, 523, 527.

Симфония № 2, cis-moll, op. 11: 83, 85, 88, 89, 92—94, 99, 101, 102, 108, 109, 113, 143, 144, 248, 287, 298, 301, 328, 489, 491, 493—495, 499, 501, 502, 525.

Симфония № 3, a-moll, op. 15: 6, 31, 115, 117, 119, 120, 122—124, 127, 135—138, 142—144, 147, 156, 157, 161, 164, 175, 181, 183, 185, 190, 197, 199, 201, 202, 263, 280, 282, 283, 328, 411, 443, 444, 495, 496, 501—503, 506, 524, 546.

Симфония № 4, e-moll, op. 17: 117, 168, 169, 177, 184, 190, 191, 195, 197, 199, 201, 209, 210, 212, 235, 237, 238, 253, 254, 261, 328, 394—397, 399, 496, 508, 511, 514, 538.

Симфония № 5, D-dur, op. 18: 18, 19, 157, 159—164, 166, 168—171, 173, 175—179, 181 — 190, 192, 196, 200, 205, 208, 217, 226, 231—234, 238, 242, 250, 254, 321, 328, 337, 416, 418, 443, 506, 508—511, 513, 515, 516, 518, 541.

Симфония № 6, es-moll, op. 23: 150, 153, 155, 159, 160, 163, 168, 175, 177, 179, 182, 184, 190—192, 194, 196—199, 201, 202, 209, 213, 215, 217, 221, 227—229, 234, 236, 245, 252, 255, 257—259, 262, 321, 326—328, 402, 403, 405, 411, 437, 466, 504, 507, 510—512, 516, 520, 528, 545.

Симфония № 7, h-moll, op. 24: 150, 152, 159—161, 163, 165—168, 174—179, 182—187, 191, 192, 197, 199, 201, 209, 210, 212, 225, 227, 229, 234—236, 238—245, 248, 250, 251, 255, 257—259, 328, 419, 443, 504, 507, 511, 514—516, 518—520.

Симфония № 8, A-dur, op. 26: 15, 19, 184, 188, 191, 201—204, 207, 209, 212, 215, 218, 221, 240, 241, 243—246, 248, 252, 253, 255, 259, 261—263, 265, 268, 272, 276, 277, 280, 287, 298, 299, 301, 302, 313, 314, 321, 328, 396, 411, 443, 510, 511, 514, 515, 521, 523, 529.

Симфония № 9, e-moll, op. 28: 201, 250—252, 255, 256, 259—263, 269, 270, 280, 286, 287, 301, 303, 305, 307, 308, 313, 318, 320, 321, 444, 445, 511, 513, 519, 521—523.

Симфония № 10, f-moll, op. 30: 19, 255, 256, 260—263, 265, 266, 268—272, 274—276, 285, 286, 288, 300, 301, 307, 313, 318, 320, 321, 328, 329, 331, 338—341, 343—346, 348, 396, 397, 398, 411, 417, 520, 522, 523, 530, 542.

Симфония № 11, b-moll, op. 34: 366, 367, 369, 370, 374, 379, 381, 383, 391, 393—396, 410, 411, 422, 434, 440, 534, 536, 546.

Симфония № 12, g-moll, op. 35: 19, 20, 369—371, 374, 375, 379, 381, 383, 384, 386, 389—391, 393, 394, 396, 411, 534, 535, 538.

Симфония № 13, b-moll, op. 36: 19, 20, 402—406, 409—413, 415, 416, 418, 420, 422—426, 428, 430—438, 443, 453, 469, 539, 541, 542, 544, 545, 555.

Симфония № 14, C-dur, op. 37: 403—406, 410, 411, 413, 424, 425, 446, 454, 539, 541, 547.

Симфония № 15, d-moll, op. 38: 22, 403—406, 424, 425, 433, 440, 443, 444, 539, 540, 546.

Симфония № 16, F-dur, op. 39: 16, 444, 445, 447, 449—452, 454, 547—550.

Симфония № 17, gis-moll, op. 41: 453, 454, 466, 467, 469, 550, 554, 555.

Симфония № 18, C-dur, op. 42: 454, 550.

Симфония № 21, fis-moll, op. 51: 469, 555, 557.

Симфония-баллада № 22, h-moll, op. 54: 22, 23, 461, 553.

Симфония-сюита № 23, a-moll, op. 56: 23, 461, 466, 469, 553, 555.

Симфония № 24, f-moll, op. 63: 469, 555.

Симфония № 27, c-moll, op. 85: 5, 6, 557.

Симфоньетта, A-dur, op. 10: 92, 98, 143, 144, 221, 235, 236, 291, 490, 491, 501, 515.

Симфоньетта, h-moll, op. 32 № 2 — см. в цикле «Развлечения» № 2.

«Сказка» — см. «Молчание».

«Сказочка» — см. Flofion, Восьмая тетрадь, № 14.

«Scherzo» — см. Flofion, Четвертая тетрадь, № 12.

«Снежная жуть» — см. «Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, op. 29 № 6.

Соната для виолончели и фортепиано № 1, D-dur, op. 12: 98, 105, 109, 147, 179, 185, 187, 189, 491, 494, 499, 509.

Соната для виолончели и фортепиано № 2, a-moll, op. 81: 478, 557.

Соната для скрипки и фортепиано, неосуществленный замысел коллективного сочинения, 1908 г.: 485.

Соната для скрипки и фортепиано, F-dur, op. 70: 469, 471, 555.

Сонаты для фортепиано, доопусные, по консерваторскому счету: 45, 47, 149.

Вторая соната, G-dur: 44, 46, 48, 484.

Третья соната, d-moll: 41, 45—47, 50, 483.

Четвертая соната (сонатина) H-dur: 43, 45—50, 483.

<стр. 569>

Соната № 1 для фортепиано, d-moll, op. 6 (см. также доопусную Третью сонату): 10, 94—99, 129, 133, 136, 137, 261, 263, 265, 306, 483, 491, 499.

Соната № 2 для фортепиано, fis-moll, op. 13: 112, 115, 117, 123—125, 131, 136, 137, 141, 161, 266, 494, 498, 499.

Соната № 3 для фортепиано, c-moll, op. 19: 150, 160—162, 182, 211, 222, 399, 504, 506, 513, 539.

Соната № 4 для фортепиано, c-moll, op. 29: 151, 207, 213, 215, 217, 221, 222, 226, 227, 246, 256, 512, 513, 519.

Соната № 5 для фортепиано, H-dur, op. 64 № 1 (см. также доопусную Четвертую сонату): 261, 262, 483, 519.

Сонатина для фортепиано, c-moll, op. 57: 467, 555.

«Сонет» (Микеланджело — Ф. Тютчева) для голоса с фортепиано, op. 87 № 10: 78, 215, 221, 309, 487, 500.

«Странное шествие» — см. Flofion, Восьмая тетрадь, № 6.

«Страны уныния», романс — см. «На грани», op. 4 № 8.

Струнный квартет, F-dur, 1907 г., доопусный — см. Квартет № 10, op. 67 № 1.

Струнный квартет, d-moll, 1910 г., доопусный — см. Квартет № 3, op. 33 № 3.

«Суэта», пьеса для фортепиано: 147, 503.

Сюита на слова К. Д. Бальмонта — см. «Мадригал», op. 7.

«Так ли?», романс — см. «Предчувствия», op. 16 № 3.

Три наброска на слова Вяч. Иванова для голоса и фортепиано, op. 8: 215, 217, 221, 229, 232, 309, 500.

Три наброска на слова Ф. Тютчева — см. «На склоне дня», op. 21.

Увертюра — см. Драматическая увертюра.

Увертюра для небольшого оркестра, без опуса: 484.

«Ужасен холод вечеров», романс — см. Шесть стихотворений А. Блока, op. 20 № 2.

«Уныние» — см. «Désespoir» — Flofion, Четвертая тетрадь, № 8.

Flofion (флофион, флофионы, флофиончики) — пьесы для фортепиано, доопусные:

41—46, 50, 153, 171, 207, 287. 483, 4М, 504, 521, 524.

Четвертая тетрадь, 12 пьес:

1. «Preludiette»: 44, 483.
2. «Dansa burlesque»: 44, 483
3. «Valsette»: 44, 45. 483.
4. «Berceuse»: 44, 46, 483.
5. «Bouderie»: 44, 46, 483.
6. «Aux champs»: 44—46, 483.
7. «Pensée»: 44, 483.
8. «Désespoir»: 44, 46, 483.
9. «Marche lent»: 44, 45, 483.
10. «L’oiseau»: 44—46, 483.
11. «Barcarolle»: 45, 46, 50, 483.
12. «Scherzo»: 45, 46, 483.

Восьмая тетрадь, 18 пьес:

6. «Странное шествие»: 504.
10. «Безотчетное»: 504.
13. «Неудовлетворенность»: 504.
14. «Сказочка»: 504.
15. «Шутка»: 504.
16. «Эпилог»: 504.

Фортепианные обрывки, собачки, щеночки — см. Flofion.

«Холод вечеров» — см. «Ужасен холод вечеров», ор. 20 № 2.

«Цветы ночи», романс — см. «На грани», ор. 4 № 15.

Шесть стихотворений А. Блока для голоса и фортепиано, ор. 20: 150, 152, 504.

1. «Полный месяц встал над лугом»: 149. 504.
2. «Ужасен холод вечеров»: 150, 504
3. «Милый друг»: 504.
4. «Медлительной чредой нисходит день осенний»: 504.
5. «Встану я в утро туманное»: 504.
6. «В ночь молчаливую»: 150, 504.

«Шутка» — см. Flofion, Восьмая тетрадь, № 15.

«Шутка» — см. «Воспоминания», шесть пьес для фортепиано, ор. 29 № 2.

«Эпилог» — см. Flofion, Восьмая тетрадь, № 16.

Переложение произведений С. С. Прокофьева для фортепиано в четыре руки:

«Египетские ночи», сюита: 544.

<стр. 570>

Симфония № 3: 288, 290—294, 297, 298, 300, 319, 321, 322, 329, 331, 332, 379, 394, 396, 398, 399, 402, 417, 425.

Литературные произведения Н. Я. Мясковского (в том числе под псевдонимами: *Мизантроп*, *М—ъ*, *Версилов*):

«Автобиографические заметки о творческом пути»: 11, 22.

«Ан. Александров», статья: 12.

«Бетховен и Чайковский», статья: 12.

«Летопись провинции», статья: 12.

Нотографические заметки в журнале «Музыка»: 120, 497.

Нотографические заметки в журнале «К новым берегам»: 507.

«Петербургские туманы», фельетон: 114, 131, 495.

«Философская симфония», заметка: 12, 552.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. W. — см. Винклер А. А.

Абендрот (Abendroth) Герман (1883—1956) — немецкий дирижер: 207, 211, 213, 218, 513.

Абрамский Александр Савватьевич (р. 1898) — композитор: 300.

Абрашка — см. Канкарович А. И.

Августовская Любовь Павловна — жена командира роты И. И. Августовского, знакомая Н. Я. Мясковского: 128.

Агнивцев Николай Яковлевич (1888—1933) — поэт: 504.

Айрленд (Ireland) Джон (1879—1962) — английский композитор: 414, 541.

Концерт для фортепиано с оркестром: 541.

Акименко (Якименко) Федор Степанович (1876—1945) — композитор, пианист: 51, 141, 499.

Александр Николаевич — см. Кобылянский А. Н.

Александров Анатолий Николаевич (р. 1888) — композитор: 6, 12, 160, 161, 165, 168, 169, 171, 172, 174, 182, 210, 211, 222, 257, 265, 468, 506, 507, 509, 522, 553, 555.

«Александрийские песни» — см. «Из Александрийских песен».

«Былая одержимость», четыре отрывка для фортепиано, ор. 6: 506.

Два стихотворения А. С. Пушкина для голоса и фортепиано, ор. 13: 506.

Два стихотворения Р. де Гурмона для голоса и фортепиано, ор. 11: 506.

Две пьесы для фортепиано, ор. 3: 506. «Из Александрийских песен»
М. Кузмина для голоса и фортепиано: 160, 165, 172, 174, 506, 509.

Тетрадь № 1, ор. 8: 160, 506.

Тетрадь № 2, ор. 20: 160, 165, 172, 174, 506, 509.

Квартет № 2, *cis-moll*, ор. 54: 468, 555.

Поэма для фортепиано, *f-moll*, ор. 9: 506.

Пьесы для фортепиано: 160, 606.

Романсы: 160, 165, 210, 506.

Сонаты для фортепиано: 160, 165, 210, 506.

Соната № 1, *fis-moll*, ор. 4: 506.

Соната № 2, *d-moll*, ор. 12: 165, 174, 506.

Соната № 3, *fis-moll*, ор. 18: 165, 174, 250, 257, 506.

Соната № 4, *C-dur*, ор. 19: 165, 172, 174, 506.

Соната № 5, *gis-moll*, ор. 22: 165, 172, 222, 507.

Соната № 6, *G-dur*, ор. 26: 265, 522.

Три стихотворения Гафиза в переводе А. Фета для голоса и фортепиано ор. 2: 506.

- Три стихотворения на слова В. Александрова для голоса и фортепиано, ор. 14: 165, 506.
- Три стихотворения на слова Е. Баратынского для голоса и фортепиано ор. 15: 165, 506.
- Четыре прелюдии для фортепиано, ор. 10: 506.
- Четыре стихотворения для фортепиано, ор. 5: 506.
- Шесть прелюдий для фортепиано, ор. 1: 506.
- Александров Владимир Николаевич (1890—1958) — поэт-любитель: 506.
- Александровский Сергей Васильевич (1864—1937) — директор ГАБТ, по образованию юрист: 327.
- <стр. 572>**
- Алчевский Иван Алексеевич (1876—1917) — певец (драматический тенор): 142, 501, 502.
- Альшванг Арнольд Александрович (1898—1960) — музыковед: 489.
- «Бетховен», книга: 489.
- Алявдина (рожд. Розанова) Агния Алексеевна (1877—1962)—пианистка, педагог: 419, 542.
- «К проблемам фортепианной техники», статья: 542.
- Андерсен (Andersen) Ханс Кристиан (1805—1875): 122, 281, 483, 495, 497, 524.
- «Гадкий утенок»: 212, 497.
- «Снежная королева»: 483
- «Соловей»: 495.
- Анджело — см. Микеланджело.
- Андреев Леонид Николаевич (1871 —1919) — писатель, драматург: 517.
- «Дни нашей жизни», пьеса: 517.
- Андреев Николай Васильевич (ум. 1919) — певец (баритон): 130.
- Аннибал (Ганнибал) (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец: 446.
- Аносов Николай Павлович (1900—1962) — дирижер, педагог: 472, 554, 556.
- Ансерме (Ansermet) Эрнест (1883—1969) — швейцарский дирижер: 161, 178, 284, 286, 308, 388, 391, 392, 452, 524, 529, 550.
- Антал (Antal) Иено — венгерский скрипач, участник Рот-квартета: 533.
- Антокольский Павел Григорьевич (р. 1896) — поэт: 553.
- Апухтин Алексей Николаевич (1841—1893) — поэт: 63, 79.
- Арбос (Arbos) Энрике Фернандес (1863—1939) —испанский скрипач, дирижер, композитор: 443.
- Аркадьев Михаил Павлович (р. 1896) — театральный деятель: 412.
- Аррау (Arrau) Клаудио (р. 1904) — чилийский пианист: 522.
- Артемова Зинаида Николаевна — певица: 502.
- Арцыбушев Николай Васильевич (1858—1937)—юрист, композитор: 131.

Асафьев (лит. псевдоним *Игорь Глебов*) Борис Владимирович (1884—1949) — музыкальный писатель, композитор, ученый; соученик Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 37, 39, 41—43, 110, 114, 120, 128, 135, 137, 149, 153, 202, 214, 233, 236, 237, 239, 259—261, 263, 266, 267, 277, 281, 284, 286, 287, 297, 304, 305, 307, 308, 313, 317, 328, 349, 351, 352, 354, 356, 357, 359—363, 365, 367, 372, 374—376, 381—383, 389, 400, 401, 404, 406, 424, 434, 436, 439, 440, 447, 448, 457, 458, 483, 494, 497, 498, 502, 512, 516—518, 522, 524, 532, 539, 540, 545, 552.

«Аластор» Мясковского», статья: 498.

«Бахчисарайский фонтан», балет: 406, 540.

«Белая лилия», балет: 110, 120, 494, 497.

Вторая детская опера — см. «Снежная королева».

«Дар Феи», балет: 512.

«Золушка», опера: 42, 483.

«Иван Болотников», балет, не завершен: 458, 552.

«К восстановлению «Бориса Годунова» Мусоргского», сборник статей: 522.

«Кавказский пленник», балет: 458, 552.

«Лилия» — см. «Белая лилия».

«Музыкальная форма как процесс», книга: 353, 356, 357, 532.

«Наконец-то! (Корсаковский цикл)», статья: 498.

«Парижская коммуна», балет, неосуществленный замысел: 406, 540.

«Пламя Парижа», балет: 400, 401, 404, 539.

Романсы: 43, 483.

«Русская музыка от начала XIX столетия», книга: 356, 374, 522, 532.

«Сергей Прокофьев», очерк: 517.

«Снежная королева», опера: 42, 43, 483.

«Царь Эдип», балет, неосуществленный замысел: 406, 540.

Асламазян Сергей Захарович (р. 1897) — виолончелист, участник Квартета им. Комитаса: 531, 541.

Асланов Александр Петрович (1874—1960) — дирижер, с 1921 г. жил за границей: 31, 102, 103, 105, 109—111, 114, 135, 136, 138, 139, 142—144, 147, 367, 492—494, 501 — 503, 523.

Асланчиков, Асланиди, Асланий — см. Асланов А. П.

Атовмян (Атовмьян) Левон Тадевосович (1901 —1973) — музыкально-общественный деятель, композитор: 31, 365, 395, 399, 401, 402, 406, 412, 413, 417, 419—422, 467, 468, 546, 556.

Ауи (Найю) Валентин (1745—1822) — изобретатель грамоты для слепых: 339, 344.

Ауэр Леопольд Семенович (1845—1930) — скрипач, дирижер, педагог: 120, 131, 178, 509.

Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871)—этнограф, собиратель и исследователь русского фольклора: 499.

Афанасьев Николай Яковлевич (1820— 1898) — скрипач, композитор, автор пер-

<стр. 573>

вого русского струнного квартета «Волга»: 336, 530.

Струнный квартет (in H): 336, 530.

Афиногенов Александр Николаевич (1904— 1941) — писатель, драматург: 547.

Ахматова Анна Андреевна (1889—1966) — поэт: 502.

Ахрон Исидор Юльевич (1892—1948) — пианист, соученик С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории; с 1922 г. жил за границей: 78, 79.

Базилевский Юрий (Георгий) Петрович — композитор: 145, 146, 502.

«Из тысячи и одной ночи», для голоса с оркестром: 502.

Бакс (Вах) Арнолд (1883—1953) — английский композитор: 193.

Бакст (Розенберг) Лев Самойлович (1866—1924) — художник: 496.

Баланчин (Balanchine) Джордж (Баланчивадзе Георгий Мелитонович) (р. 1904) — американский балетмейстер, уроженец Петербурга; с 1924 г. живет за границей: 518, 522, 524, 526.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942)—поэт, переводчик; 151, 488, 504—506, 509, 511, 512, 526.

Бамбсргер (Bamberger) Карл (р. 1892) — американский дирижер, австрийского происхождения: 397, 398, 538.

Баратынский Евгений Абрамович (1800— 1844) —поэт: 41, 165, 506.

Барток (Bartok) Бела (1881 —1845) — венгерский композитор, пианист: 169, 193.

Барышев Никифор Михайлович (1879—1944)—певец (тенор): 258, 521.

Батон — см. Рене-Батон.

Бах (Bach) Иоганн Себастьян (1685—1750): 195, 218, 268, 468, 470, 484.

Фуга, c-moll, для фортепиано: 484.

Белоуска — см. Белоусов Е. Я.

Белоусов Евсей Яковлевич (1881 —1945) — виолончелист, с 1922 г. жил за границей: 109, 110, 118, 121, 494, 497.

Белый Виктор Аркадьевич (р. 1904)—композитор, музыкальный деятель: 534.

Беляев Виктор Михайлович (1888—1968) — музыковед: 165, 176, 180, 189, 202, 219, 271, 273—275, 304, 379, 383, 507, 509, 513, 523.

Беляев Митрофан Петрович (1836—1903) — музыкальный деятель, меценат: 106, 493, 531.

Бенкендорф Константин — флейтист, с 1925 г. жил за границей: 221.

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960)—художник, историк искусств, критик: 223, 331, 495, 496.

Бердяев Валериан (1885—1956) — дирижер, в 1908—1925 гг. работал в Рос сии: 503.

Берлин Борис Моисеевич (р. 1906) — пианист, педагог: 360, 362.

Берлиоз (Berlioz) Гектор Луи (1803—1869): 43, 249, 550.
 «Гарольд в Италии», симфония: 550.
 «Tristia» — три пьесы для хора и оркестра: 43.

Бернштейн Николай Давыдович (1876—1938) — музыкальный писатель, рецензент: 109, 494, 500.

Бессмертный Сергей Петрович (1925—1969) — кларнетист: 515.

Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770—1827): 8, 49, 66, 85, 188, 207, 222, 226, 246—248, 345, 360, 362, 452, 484, 487, 489, 518, 546.
 «Аврора» — см. Соната № 21, op. 53.
 Концерт № 4 для фортепиано с оркестром, G-dur, op. 58: 484.
 Симфония № 3 («Героическая»), Es-dur, op. 55: 345, 484.
 Симфония № 5, c-moll, op. 67: 345,
 Соната для скрипки и фортепиано: 546.
 Сонаты для фортепиано: 66, 222.
 Соната № 21 («Аврора»), C-dur, op. 53: 10, 68, 85, 487, 489.
 Соната № 32, c-moll, op. 111: 68, 222, 487.

Бик Герман (р. 1896)—композитор, пианист, дирижер; с 1920 г. живет за границей: 168.

Бихтер Михаил Алексеевич (1881—1947) — пианист, дирижер: 499, 502.

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт: 504, 507.

Богатырев Семен Семенович (1890—1960) — композитор: 499.
 Романсы: 499.

Богданов Николай Владимирович (р. 1906) — писатель: 22.
 «Первая девушка», повесть: 22.

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — писатель: 331.

Боголюбов Николай Николаевич (1870—1951) — режиссер: 503.

Боккерини (Boccherini) Луиджи (1743—1805) — итальянский композитор: 400, 401, 539.

Болеслав, Болеслав Леопольдович — см. Яворский Б. Л.

<стр. 574>

Большм Адольф Рудольфович (1884—1951)— лицевщик и балетмейстер; с 1916 г. жил в США: 522.

Бондаренко Петр Абрамович (р. 1903) — скрипач, участник Квартета им. Страдивариуса: 529.

Бонно (Bonnot) — французский гобоист: 521.

Боречка, Борюся — Захаров Б. С.

Борисовский Вадим Васильевич (1900— 1972) — альтист, педагог, участник Квартета им. Бетховена: 509, 520, 535.

Боровский Александр Константинович (1889—1968) — пианист, с 1920 г. жил за границей: 181, 187, 189, 211, 223, 266, 317, 386, 537.

Бородин Александр Порфирьевич (1833— 1887): 493.
 «Князь Игорь», опера: 49, 107, 493.
 «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь», балет: 107, 493.

Боссе Гуальтьер Антонович (1877—1953) — певец (бас): 503.

Бошан (Bauchant) Андре (1873—1958) — французский художник: 522, 524.

Брайль (Braille) Луи (1809—1852) — изобретатель точечного шрифта для слепых: 344.

Брак (Braque) Жорж (1882—1963) — французский художник: 514.

Брамс (Brahms) Иоханнес (1833—1897): 71, 73, 77, 376.

Баллады для фортепиано из оп. 10 — № 1 d-moll и № 2 D-dur: 376.

Бранко (Bragosa) Фрейташ П. — португальский дирижер: 443.

Браудо Евгений Максимович (1882—1940) — музыкальный и художественный критик, историк музыки: 233, 500, 502.

Брекер (Brecher) Густав (1879—1940) — немецкий дирижер и композитор: 514.

Бродский Адольф Давидович (1851—1929) — скрипач, педагог: 509.

Броза (Brosa) Антонио — скрипач, основатель Квартета Броза: 364, 365, 531—533.

Бруни Татьяна Георгиевна (р. 1902) — и игральный художник: 541.

Брусиловский Евгений Григорьевич (р. 1905) — композитор: 470, 556.

Оперы: «Айман-Шолпан», «Золотое зерно», «Гвардия, вперед!»: 470, 556.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, писатель: 510.

«Огненный ангел», роман: 510.

Брюшков Юрий Васильевич (1903—1971) — пианист, педагог: 515.

Бубнов Андрей Сергеевич (1883—1938) — советский партийный и государственный деятель: 379, 397, 413, 414, 429.

Бугайский Борис Николаевич (1889—1961) — певец (бас): 521.

Букстехуде (Buxtehude) Дитрих (1637— 1707) — немецкий композитор, органист: 511.

Прелюдия и fuga d-moll: 511.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891— 1940) — писатель, драматург: 468, 555.

«Последние дни» («Пушкин»), пьеса: 468, 555.

Бургин Рихард (р. 1892) — американский дирижер, польского происхождения: 314, 318, 425, 429, 521.

Бурцева Вероника Александровна — родственница С. С. Прокофьева: 453, 456, 457, 551.

Буссаголь (Boussagol) — французский контрабасист: 521.

Бутомо-Названова Ольга Николаевна (1888—1960)—камерная певица (меццо-сопрано): 502.

Вагнер (Wagner) Рихард (1813—1883): 8, 11, 57, 61, 68, 77, 83, 281, 283, 284, 356, 483, 485, 488, 498, 529, 535, 552.

«Гибель богов», опера: 29, 83, 488.

«Золото Рейна», опера: 459, 552.

- «Кольцо нибелунга», тетралогия: 483.
 «Лоэнгрин», опера: 206.
 «Мейстерзингеры» («Нюрнбергские мастера пения»), опера: 55, 284, 485, 535.
 «Тангейзер», опера: 356.
 «Фауст», увертюра для оркестра: 61.
 Вайнонен Василий Иванович (1898—1964) — балетмейстер: 514, 539.
 Валентина Яковлевна — см. Меньшикова В. Я.
 Вальтер (Walter) Бруно (1876—1962) — немецкий дирижер: 268, 519.
 Вальтер Наум Геннадьевич (р. 1902) — пианист: 465, 468, 554.
 Варлих Гуго Иванович (1856—1922) — скрипач, дирижер: 133, 135, 485, 499.
 Василенко Сергей Никифорович (1872—1956) — композитор, дирижер, педагог: 149, 150, 154, 553.
 «Суворов», опера: 464, 553.
 Васильев Кузьма Васильевич — валторнист, переписчик нот: 110.
 Вебер (Weber) Карл Мария фон (1786—1826): 336, 488.
 «Оберон», опера: 79, 488.
<стр. 575>
 Вейль (Weill) Янина — французская пианистка: 450, 549.
 Вейсберг Юлия Лазаревна (1879—1942) — композитор: 102, 125, 140, 145, 492, 498, 502.
 Симфония, g-moll, op. 4: 102, 492.
 «Король Гаральд», баллада для оркестра: 502.
 Веллеш (правильнее Веллес: Wellesz) Эгон (1885—1974) — австрийский композитор, музыковед: 169.
 Веприк Александр Моисеевич (1899—1958) — композитор, музыковед: 5, 345, 530.
 Симфония № 1: 345, 530.
 Траурная песня, для оркестра, op. 21:5.
 Вера Яковлевна — см. Яковлева В. Я.
 Веранда, Вероника Александровна — см. Бурцева В. А.
 Верди (Verdi) Джузеппе (1813—1901): 192.
 Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (1867—1945) — писатель: 399, 401.
 «Гоголь в жизни»: 399, 401.
 «Пушкин в жизни»: 399, 401.
 Верин (Башкиров) Борис Николаевич — друг юности С. С. Прокофьева, поэт; с 1920 г. жил за границей: 151, 504.
Версилов — литературный псевдоним Н. Я. Мясковского.
 Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862) — композитор.
 «Аскольдова могила», опера: 43.
 Верфель (Werfel) Франц (1890—1945) — австрийский писатель: 535.
 Верхотурский (Гайсинский) Адольф Григорьевич (1870—1933) —

директор Музгиза: 405.

Вецлер (Wetzler) Герман Ганс (1870— 1943)—американский дирижер, композитор; выходец из Германии: 484.

Вивальди (Vivaldi) Антонио (1678—1741) — итальянский композитор, скрипач: 529.

Визе (Wise) Давид — скрипач, участник Квартета Броза: 531.

Вилермоз (правильнее Вюйермоз; Vuillermoz) Эмиль (1878—1960) — французский музыкальный писатель, критик: 450.

Вильямс Петр Владимирович (1902— 1947) — театральный художник: 555.

Винклер Александр Адольфович (1865— 1935) — пианист, композитор, критик, педагог: 62, 115, 484—487.

Виноградов Мстислав Всеволодович (р. 1892) — пианист: 78.

Витгенштейн (Wittgenstein) Пауль (1887— 1961)—австрийский пианист: 355, 361, 532, 533.

Виткин Борис Яковлевич (р. 1888)—скрипач, участник Квартета им. Страдивариуса, дирижер: 531.

Витоль Иосиф Иванович (Витолс Язеп Янович; 1863—1948)—латышский композитор, музыкальный критик, педагог: 63, 485.

Владимир Владимирович — см. Держановский В. В.

Вогак Константин Андреевич — драматург: 505.

Волков Николай Дмитриевич (1894—1965) —критик, искусствовед, драматург: 539, 540, 552, 556.

Володин Александр Владимирович (1897—1966) —кларнетист: 537.

Вольф (Wolff) Альбер (1884—1970) —французский дирижер и композитор: 185, 187, 196, 200, 208, 430, 445, 447, 537, 547, 549.

Вольф-Израэль Евгений Владимирович (1874—1956) — виолончелист: 499, 501, 502.

Ворабур (Vaurabourg) Андрэ (р. 1894) —французская пианистка: 432, 515.

Вуд (Wood) Генри Джозеф (1869—1944) —английский дирижер: 15, 149, 152, 157, 160, 187, 190, 504, 508, 533.

Вюрер (Wührer) Фридрих (р. 1900) — австрийский пианист: 399, 513.

Г. Ч. — см. Черешнев Г. Я.

Габович Михаил Маркович (1905— 1965) —танцовщик, балетмейстер: 552.

Габриэлян Авет Карпович (р. 1899) — скрипач, участник Квартета им. Комитаса: 531, 541.

Гаврилов Николай Алексеевич (р. 1901) — кларнетист: 531.

Гайдн (Haydn) Иозеф (1732—1809): 398.

Гамбург Григорий Семенович (1900—1967)—альтист, участник Квартета им. Страдивариуса, дирижер: 529, 531.

Ганзен Цецилия (р. 1897) — скрипачка, жена Б. С. Захарова; с 1921 г.

живет за границей: 191.

Гартман Фома Александрович (1885—1956)—композитор, дирижер; с 1921 г. жил за границей: 133, 499.

«Аленький цветочек», сюита из балета: 499.

Гаук Александр Васильевич (1893—1963) —дирижер, педагог: 6, 411, 412, 420, 429, 431, 438, 444, 445, 450, 452, 457, 458, 465, 541, 542, 544, 545, 549—551.

Гафиз (правильнее Хафез) Шемседдин-Мухаммед (1320—1389) — таджико-персидский поэт: 506.

<стр. 576>

Гедике Александр Федорович (1877—1957)—композитор, пианист, органист, педагог: 138, 165, 516.

Симфония № 3, c-moll, op. 30: 516.

Гендель (Händel) Георг Фридрих (1685—1759): 195, 257.

Генслер Владимир Иванович (1906—1963) — кларнетист: 537.

Гертович Иосиф Францевич (1887—1953) — контрабасист: 520.

Гизекинг (Giesecking) Вальтер (1895— 1956)—немецкий пианист, композитор, дирижер: 519.

Гинзбург Лео Морицевич (р. 1901) —дирижер, педагог: 546.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1867—1945) — поэтесса: 215, 221, 305, 308, 309, 485, 494, 495, 499, 503—505, 511, 513, 526.

Глазунов Александр Константинович (1865—1936) —композитор, дирижер, профессор и директор Петербургской (Ленинградской) консерватории: 18, 37, 52, 58, 61—64, 66, 79, 81, 88, 89, 105, 111, 115, 126, 131, 171, 181—183, 206, 212, 222, 231, 256, 288, 289, 348, 349, 351, 368, 370, 374, 375, 377—379, 381, 382, 388, 389, 408, 412, 431, 447, 450—452, 485, 486, 488, 492— 495, 498, 510, 518, 523, 531, 534—536, 540.

Балетная сцена, для оркестра, op. 52: 492.

Баллада для оркестра, F-dur, op. 78: 115, 495.

Виолончельный концерт — см. Концерт-баллада для виолончели с оркестром.

«Карельская легенда», музыкальная картина для оркестра, a-moll, op. 99: 377, 379, 381, 382, 536.

Квартет № 6, B-dur, op. 106: 348, 349, 368, 374, 375, 377, 531.

Квартет № 7, C-dur, op. 107: 368, 374, 375, 377, 379, 381, 451, 534, 535.

Квартет для четырех саксофонов, B-dur, op. 109: 408, 412, 540.

Концерт для саксофона с оркестром, Es-dur, op. 109: 548.

Концерт для скрипки с оркестром, a-moll, op. 82: 540.

Концерт № 1 для фортепиано с оркестром, f-moll, op. 92: 88, 89, 495.

Концерт-баллада для виолончели с оркестром, C-dur, op. 108: 379, 431, 536.

«Море» («Лямер»), фантазия для оркестра, op. 28: 64, 486.

Органная fuga — см. Прелюдия и fuga.

«Парафразы на гимны союзных держав» для двух фортепиано, op. 96: 125, 126, 498.

«Покаянный плач Тангейзера», обработка песни XIII века для голоса с фортепиано, без опуса: 379, 536.

Прелюдия и fuga e-moll для фортепиано в авторской обработке для органа: 382, 536.

«Саломея», музыка к драме О. Уайльда, op. 90: 105, 492.

«Свадьба», инструментовка романса А. С. Даргомыжского: 492.

Симфония № 3, D-dur, op. 33: 81.

Симфония № 5, B-dur, op. 55: 63, 256, 485, 495.

Симфония № 6, c-moll, op. 58: 63, 64, 105, 452, 486, 492.

Симфония № 7, F-dur, op. 77: 55, 63, 485, 488.

Симфония № 8, Es-dur, op. 83: 63, 222.

Соната № 2 для фортепиано, e-moll, op. 75: 66, 486.

Элегия для струнного квартета («Памяти Беляева»), d-moll, op. 105: 348, 349, 351, 531.

Глазентоф — см. Глазунов А. К.

Глинка Михаил Иванович (1804—1857): 264, 458, 468.

«Арагонская хота», испанская увертюра: 551.

Испанское болеро, для оркестра: 551.

«Камаринская», фантазия для оркестра: 551.

«Коса», цыганская песня: 551.

«Ночь в Мадриде», испанская увертюра: 551.

«Памяти дружбы», инструментовка ноктюна F-dur И. Гуммеля: 551.

«Руслан и Людмила», увертюра к опере: 551.

Симфония на две русские темы, окончена и доинструментована В. Я. Шебалиным: 551.

Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874—1956) — композитор, дирижер, педагог: 115, 217, 352, 468, 495, 502, 523, 555.

«Рашель», опера: 468, 555.

Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957) — композитор, органист: 145, 502.

«Червь победитель» поэма для голоса и фортепиано, op. 12: 502.

Гобер (Gaubert) Филипп (1879—1941) — французский дирижер и композитор: 421, 423, 515, 530.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 399, 533.

«Женитьба», пьеса: 533.

Годо (Godeau) — французский кларнетист: 521.

<стр. 577>

Годовский (Godowsky) Леопольд (1870—1938) — польский пианист, композитор: 484.

Голова — см. Голованов Н. С.

Голованов Николай Семенович (1891— 1958)—дирижер, композитор: 169, 258, 327, 351, 399, 434, 436, 447, 449—452, 472, 510, 520, 537, 540, 545, 549, 556.

Головин Александр Яковлевич (1863— 1930)—театральный художник, живописец, портретист: 496, 503.

Головин Дмитрий Данилович (1894— 1966) — певец (баритон): 436, 545.

Голодный (Эпштейн) Михаил Семенович (1903—1949) — поэт: 547.

Голубев Евгений Кириллович (р. 1910) — композитор, в 1936—1940 годах редактор Музгиза: 488, 466, 681. 884.

Симфония № 3, e-moll, op. 21: 466, 554.

Гольденблум Мориц Арнольдович (1862— 1919)—дирижер, музыкальный критик: 500.

Гольденвейзер Александр Борисович (1875—1961) — пианист, композитор, педагог: 176.

Гольдони (Galdoni) Карло (1707—1793) — итальянский драматург: 539.

Гончарова Наталья Сергеевна (1881—1962) — театральный художник, живописец; с 1914 г. жила в Париже: 495, 530.

Горовиц (Horowitz) Владимир (р. 1904) — американский пианист, выходец из России; с 1925 г. живет за границей: 509.

Городевич — см. Городецкий С. М.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, переводчик: 119, 121, 122, 125, 496, 497.

Горянский Валентин Иванович — поэт: 504.

Горький (Пешков) Алексей Максимович (1868—1936): 240.

Готье (Gautier) Жанна — французская скрипачка: 537.

Гофман Надежда Людвиговна — пианистка, знакомая Н. Я. Мясковского: 491.

Гофмансталь (Hofmannsthal) Хуго фон (1874—1929)—австрийский поэт и драматург: 496.

Гр. П., Гр. Пр. — см. Прокофьев Г. П.

Гретри (Gretry) Андре Эрнест Модест (1741 —1813) — бельгийский композитор: 457, 458, 551.

«Цефал и Прокрис», балет: 551.

Гречанинов Александр Тихонович (1864—1956) — композитор; с 1922 г. жил за границей: 252, 282.

Григ (Grieg) Эдвард (1843—1907): 114, 345, 376, 485, 489.

Баллада для фортепиано, g-moll, op. 24: 376.

«Колыбельная», пьеса для фортепиано, op. 66 № 7: 489.

Григорьев А. — музыкальный обозреватель: 500.

Гринберг Моисей Абрамович (1904—1968) —музыкальный деятель; в 1936—1938 гг. директор Музгиза: 447, 457, 458.

Гришин Федор Иванович — служащий Музгиза: 168.

Грош (правильнее Грос; Grosz; 1894—1939) — австрийский композитор и дирижер; с 1921 г. жил в Лондоне: 169.

Губе Максим Григорьевич (1877—1965) — певец-любитель: 156, 158, 159, 162, 504.

Гузилов Евгений Михайлович (1887—1972) —скрипач, педагог: 553.

Гуи (Gui) Витторио (р. 1885) — итальянский дирижер и композитор: 429.

Гуно (Gounod) Шарль (1818—1893) — французский композитор: 281.

Гурмон (Gourmont) Реми де (1858—1915) — французский поэт: 506.

Гурьев — переписчик нот: 110.

Гусман Борис Евсеевич (1892—1944) — критик, музыкальный деятель: 325, 327, 328, 331, 413, 414, 416, 426, 428, 431, 436, 438, 543.

Гуссенс (Goussens) Юджин (1893—1962) — английский композитор и дирижер: 185, 193, 413, 541.

Лирическая поэма для скрипки с оркестром, ор. 35 (Скрипичный концерт): 541.

Guynnet — домовладелица в Руая (Франция), где жил С. С. Прокофьев: 105, 108.

Давиденко Александр Александрович (1899—1934)—композитор: 534.

Дамрош (Damrosch) Вальтер (1888—1950) — американский дирижер и композитор: 244, 246, 248.

Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869): 488, 492, 498, 533.

«Каменный гость», опера: 357, 533. «Малороссийский казачок», фантазия для оркестра: 492.

«Рогдана», опера (неоконченная): 79, 488.

«Русалка», опера: 129, 498.

«Свадьба», романс в инструментовке А. К. Глазунова: 492.

«Чухонская фантазия» для оркестра; 30, 104, 492.

<стр. 578>

Дарье (Darrieux) Марсель — скрипач, концертмейстер: 178, 509, 521.

Дебюсси (Debussy) Клод Ашиль (1862— 1918): 64, 257, 259, 261, 379, 380, 382, 384, 414, 431, 440, 441, 486, 531, 536, 541, 544, 546.

«Имажи» («Images») для оркестра и в переложении для фортепиано в 4 руки: 379, 380, 536.

«La mer» («Море»), три симфонических эскиза: 431, 486, 544. Ноктюрны для оркестра и в переложении для фортепиано: 379, 380, 382, 384.

«Послеполуденный отдых фавна», симфонический прелюд: 531, 541. Соната для скрипки и фортепиано: 440, 441, 546.

Дезормьер (Desormière) Роже (1898 — 1963)—французский дирижер: 20, 409, 411, 418, 423, 440, 444, 453, 514, 532, 533.

Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (1859—1932) —певица (драматическое сопрано), музыкально-общественный деятель: 488.

Делиб (Delibes) Лео (1836—1891) — французский композитор: 281.

Делиус (правильнее Дилиус; Delius; 1862— 1934) — английский

композитор: 414, 416, 541.

Вариации на английские народные темы, для оркестра: 541.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт: 253, 308, 505.

Демидова (Химиченко) Софья Семеновна — певица: 62.

Держанелли, Держануля, Держихвостов — см. Держановский В. В.

Держановский (лит. псевдоним: *Ф.*, *Флорестан*) Владимир Владимирович (1881— 1942)—критик, музыкальный деятель: 31, 92, 102, 109—112, 123, 124, 137, 149, 150, 153, 156, 161, 162, 166, 169, 172—174, 176—178, 189, 191, 193, 197—199, 207, 210, 211, 216, 218, 219, 223, 229, 232, 233, 242, 243, 245, 246, 250, 259, 260, 263, 264, 266—269, 271, 273, 274, 277, 279, 281, 283, 286, 288, 290, 294, 303, 323, 330, 337, 333, 342, 347, 350, 355, 358, 362, 365, 366, 374, 376, 377, 385, 387, 389, 393, 399, 404—406, 416, 420, 421, 425, 436, 439, 440, 460, 463, 490, 491, 494, 497, 504, 506, 507, 526, 529, 530, 545, 553.

Держановские — В. В. Держановский и Е. В. Копосова-Держановская: 92, 185, 188, 200, 256, 326, 387, 394, 427, 506.

Дефо (Defaud) Дезире (1885—1960) — бельгийский дирижер: 425, 426, 429, 432, 533, 542—544.

Дешевов Владимир Михайлович (1889—1955) —композитор; соученик С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 129, 261, 263, 498.

Дзбановский Александр Тихонович (1870— 1938)—композитор, музыкальный критик: 500, 502.

Дзержинский Иван Иванович (р. 1909) — композитор.

«Тихий Дон», опера: 450.

Дзимитровский (Dzimitrowsky) Абрам Исаакович — директор-распорядитель «Универсального издательства» в Вене: 232, 257—259, 261, 265, 320—322, 354—357, 397, 409, 426, 430, 431, 434, 443, 453, 458, 519, 520, 532, 545, 546.

Дикий Алексей Денисович (1889—1955) — режиссер, актер: 520.

Директор консерватории — см. Глазунов А. К.

Дмитриев Владимир Владимирович (1900— 1948)—театральный художник: 514, 539, 547, 551.

Добужинский Мстислав Валерианович» (1875—1958) — живописец, график, театральный художник; с 1926 г. жил за границей: 496.

Дос Пассос (Dos Passos) Джон (1896— 1970) — американский писатель: 545.

«1919», роман: 545.

Достоевский Федор Михайлович (1821 — 1881): 13, 22, 312, 367, 455, 486, 496, 500.

«Игрок», повесть: 496.

«Идиот», роман: 13, 22, 486.

Драбер (H. W. Draber) 180, 199, 201. Дранншннков Владимир Александрович (1893—1939)—дирижер: 129, 226, 258, 304, 493, 498, 514, 537, 538. Дроздов Анатолий Николаевич (1883— 1950)—пианист,

композитор, музыкальный критик: 524.

Дукельский (Dukelsky) Владимир (р. 1903) — американский композитор, русского происхождения: 217, 218, 221, 223, 239, 241, 242, 266, 268, 270, 280, 282—284, 286, 292, 356, 514, 517, 522, 524, 525.

«Зефир и Флора», балет: 217, 218, 239, 241, 242, 292, 317, 514.

Концерт для фортепиано с оркестром, C-dur: 239, 241, 242, 291, 517.

Симфония № 1: 266, 268, 282—284, 286, 522, 524.

Соната для фортепиано, Es-dur: 292, 525.

<стр. 579>

Дурн ван (van Doorn) Альберт — виолончелист, участник Рот-квартета: 533.

Душкин (Dushkin) Самюэл (р. 1891) — американский скрипач, выходец из России: 533, 538

Дысконский Михаил Григорьевич — балетмейстер: 525.

Дюка (Ducas) Поль (1865—1935)—французский композитор: 79, 488.

«Ученик чародея», симфоническое скерцо: 488.

Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — музыкальный и художественный деятель, антрепренер: 12—14, 107, 116—119, 125, 130—133, 135, 142, 161, 181, 191, 195, 217, 244, 256, 257, 266, 268, 281, 283, 290, 304, 313, 370, 428, 495, 544.

Евгения Яковлевна см Федоровская Е. Я.

Евсеев Сергей Васильевич (1894—1956) — композитор, пианист: 160, 165, 506.

«Героическая поэма» для фортепиано, скрипки и виолончели, ор. 7: 160, 506.

Екатерина Васильевна — см. Копосова-Держановская Е. В.

Елизаров Иван Алексеевич (р. 1904) — контрабасист: 531.

Емцова — см. Полоцкая-Емцова С. С.

Ершов Иван Васильевич (1867—1943) — певец (драматический тенор): 502.

Есипова Анна Николаевна (1851 —1914) — пианистка, педагог С. С. Прокофьева: 66, 68, 78, 88, 486, 487, 493.

Ефременков Алексей Александрович — поэт, переводчик, пианист-любитель: 507.

Жакоб — см. Мясковский Н. Я.

Желобинский Валерий Викторович (1913—1946) — композитор, пианист: 450, 452, 466, 472, 546, 554, 556.

Симфония № 3 («Драматическая») h-moll, ор. 17: 450—452, 549.

Симфония № 4, G-C-dur, ор. 37: 466, 472, 554.

Симфония № 5 («Ленинградская»): 475, 556.

Жеребцова А. Г. — см. Жеребцова-Андреева А. Г.

Жеребцова-Андреева Анна Григорьевна (1868—1944) — камерная

певица (меццо-сопрано): 131, 499.
 Жид (Gide) Андре (1869—1951)—французский писатель: 543.
 Жилиев Николай Сергеевич (1881—1938) — композитор, музыкальный критик, текстолог: 165, 169, 198, 200, 237, 348, 391, 534.
 Жуковская Глафира Вячеславовна (р. 1898) — певица (лирико-колоратурное сопрано): 521.
 Жуковский Василий Андреевич (1783—1952) — поэт, переводчик: 483, 521.
 Жюржансон — см. Юргенсон.

Затаевич Александр Викторович (1869—1936) — музыковед-этнограф, композитор: 555.
 Захарий, Захарочка, Захарыч, Захаропупов, Захаркин — см. Захаров Б. С.
 Захаров Борис Степанович (1887—1942) пианист; товарищ Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 30, 37, 38, 42, 45, 50, 64, 66, 76—79, 81, 84, 85, 87, 89, 98, 112, 118, 119, 121, 123—128, 130, 131, 135, 138, 141, 191, 489, 494, 496, 498, 499.
 Збруева Евгения Ивановна (1867—1936) певица (контральто): 503.
 Звягинцева Елена Венедиктовна — родственница Е. В. Копосовой-Держановской 326, 506, 528, 539.
 Зейдлер-Винклер (Seidler-Winkler) Бруно (1880—1960) — немецкий дирижер.
 Зибелиус — см. Сибелиус Я.
 Зигман — дирижер: 428.
 Зизи Лотти — см. Зилоти А. И.
 Зилоти Александр Ильич (1863—1945) пианист, дирижер, музыкальный деятель, с 1920 г. жил за границей: 31, 84, 88, 114, 120, 122, 131, 135—139, 142, 143, 145, 148, 171, 189, 191, 196, 205, 208—210, 217, 231, 238, 241, 242, 244—246, 250, 489, 495, 502.
 Зять Мясковского Н. Я. — см. Яковлев В. В.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, историк искусств: 215, 217, 221, 229, 232, 240, 309, 494, 500.
 Иванов М. — см. Иванов-Борецкий М. В.
 Иванов-Борецкий Михаил Владимирович (1874—1936) — историк музыки, композитор, музыкально-общественный деятель: 502, 518.
 Иванов-Радкевич Николай Павлович (1904—1962) — композитор: 468.
 «Героическая поэма» для симфонического оркестра: 468.
 Игнатьева (рожд. Раевская) Екатерина Александровна — кузина С. С. Прокофьева: 355, 434.
Игорь Глебов, И. Глебов—см. Асафьев Б. В.

<стр. 580>

Игумнов Константин Николаевич (1873—1948) — пианист, педагог: 173, 176, 189, 509, 511, 512.

Йеремиаш (Jeremias) Отакар (1892—1962)—чешский композитор, дирижер: 545.

Иохелес Александр Львович (р. 1912) — пианист: 547.

Иохельсон Владимир Ефимович (1904—1941)—заведующий литературной частью Малегота: 439.

Ирецкая Наталья Александровна (1845—1922) —певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог: 134.

Исаков Владимир Петрович (р. 1889) — певец (тенор) : 521.

Итолиз — см. Зилоти А. И.

Кабалевский Дмитрий Борисович (р. 1905) — композитор, педагог, музыкальный и общественный деятель: 3—24, 521, 534,537.

Переложение для фортепиано в четыре руки Симфонии № 12 Н. Я. Мясковского: 534.

«Симфония борьбы», статья: 537.

«Чудесная дружба», статья: 3—24.

Казальс (Casals) Пабло (1876—1971) — испанский виолончелист, дирижер, композитор: 523.

Казаченко Григорий Алексеевич (1858— 1938)—композитор, дирижер: 492.

«Князь Серебряный», опера: 492.

Казелла (Casella) Альфредо (1883—1947)—итальянский композитор, пианист, дирижер, критик: 193, 219, 231.

Каменева Ольга Давыдовна (1883—1941) — театральный деятель: 518.

Каменский Александр Данилович (1900—1952) — пианист, педагог: 360—362.

Каминский (Kaminski) Генрих (1886—1946) — немецкий композитор, польского происхождения: 219.

Канкарович Анатолий Исаакович (1885—1956) — дирижер, композитор, критик; соученик С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 37, 38, 72, 79, 91, 485, 487, 488.

Соната для скрипки и фортепиано, неосуществленный замысел коллективного сочинения: 485.

Капабланка (Capablanca) Хосе-Рауль (1888—1942) — кубинский шахматист, чемпион мира: 115, 495.

Капле (Caplet) Андре (1879—1925) — французский дирижер, композитор: 544.

Карамзин Николай Михайлович (1766— 1826) — писатель, историк: 377.

Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875— 1925) —музыкальный критик, композитор, педагог: 61, 62, 113, 128, 142, 171, 233, 498, 500, 502.

Кариус Нина — певица: 306.

Карсавина Тамара Платоновна (р. 1885) — балерина: 116.

Катуар Григорий Львович (1861—1926) — композитор, музыковед, педагог: 138, 397, 538.

Кашкин Николай Дмитриевич (1839—1920)—музыкальный критик: 82, 233, 488.

Кауфман Лазарь Григорьевич — работник Всесоюзного комитета по радиовещанию: 454, 455, 457—459.

Кек Эдуард Михайлович — флейтист, переписчик нот: 81, 488.

Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940) — историк, общественный деятель, с 1936 г. — председатель Всесоюзного комитета по делам искусств СССР: 431, 447, 452, 455.

Кеслер (Kessler) Гарри фон (1868—1937)— немецкий писатель: 496.

Кесслер (Kessler) Йозеф (1800—1872) — немецкий композитор, пианист: 484.

Концертный этюд для фортепиано, f-moll: 484.

Кильштетт (рожд. Весёлкова) Мария Григорьевна (1'861—?)—поэтесса, беллетрист: 483.

Кимонт-Яцына Марцелина Ивановна (р. 1884) — пианистка: 126.

Киндлер (Kindler) Ганс (1892—1949) — американский дирижер: 522.

Киркор Георгий Васильевич (р. 1910)— композитор: 550.

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт: 538.

Кириш — домовладельцы в Ессентуках, где жил С. С. Прокофьев: 101.

Китцер Федор Максимович — музыкальный критик: 492.

Кларк (Klark) Эдуард (1888—1962) — английский композитор, дирижер, музыкальный деятель: 409, 412—414, 416, 418, 541.

Клейбер (Kleiber) Эрих (1890—1956) — австрийский дирижер: 446, 547.

Клемперер (Klemperer) Отто (1885—1973) — немецкий дирижер, композитор: 207, 234, 235, 417, 513, 519.

Клинг (Kling) Отто — директор лондонского музыкального магазина фирмы «Брейткопф и Хертель»: 117.

<стр. 581>

Клодель (Claudé) Поль (1868—1955) — французский поэт: 531.

Книппер Лев Константинович (1898—1974) — композитор: 15, 300, 400, 440, 516, 539, 541.

«Ванч», таджикская сюита для оркестра, ор. 29: 400, 440, 539, 541.

«Сказки гипсового Будды», для оркестра, ор. 1: 516.

Кобылянский Александр Николаевич (1881—1942) — композитор, пианист; соученик Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 8, 41—44, 77, 483.

Романсы: 41, 42.

«Распустилась ветка черемухи», романс: 42, 483.

Ковалев Алексей Матвеевич (р. 1907)—дирижер: 554.

Кокто (Cocteau) Жан (1889—1963) — французский поэт: 520, 530.

Колар (Kolar) Виктор — американский дирижер: 551.

Коломийцов Виктор Павлович (1868— 1936) — музыкальный критик, переводчик: 142, 500, 502.

Кондрацкий (Kondracki) Михал (р. 1902) — польский композитор, живет

в Америке: 425, 543.

Маленькая гуральская симфония: 425, 543.

Кондрашин Кирилл Петрович (р. 1914) — дирижер: 6, 466, 467, 551, 554.

Коноэ (Коное) Хидэмаро (р. 1898) — японский дирижер и композитор: 353, 531.

Праздничная прелюдия для оркестра: 531.

«Этенраку» для оркестра: 531.

Константин Соломонович — см. Сараджев К. С.

Конюс Георгий Эдуардович (1862—1933) — музыкальный критик, теоретик, композитор, педагог: 233, 492.

Коонен Алиса Георгиевна (1889—1974) — актриса: 540.

Копленд (Copland) Аарон (р. 1900) — американский композитор, пианист, дирижер: 244, 518.

Танцевальная симфония по мотивам балета «Грог»: 244, 518.

Копосова (Копосова-Держановская) Екатерина Васильевна (1877—1959)—певица (сопрано), жена В. В. Держановского: 173, 176, 178, 180, 467, 494, 504, 506, 509, 522.

Коппола (Coppola) Пьеро (1888—1971) — итальянский дирижер: 533, 535, 537.

Коптяев Александр Петрович (1868—1941)—музыкальный критик, композитор: 502.

Корбе — домовладельцы в Перьясе (Латвия), где жил Н. Я. Мясковский: 115

Корсаков, Корсанька — см. Римский-Корсаков Н. А.

Корто (Cortot) Альфред (1877—1962) — французский пианист, дирижер: 314, 532.

Корчинская (по мужу Бенкендорф) Мария Александровна (Люциановна) (р. 1805) — арфистка: 221.

Коршиков Георгий Несторович (1899—1941)—театральный художник: 541

Котте Эрнест Федорович (1862—1930) —фаготист: 501.

Коутс (Coates) Алберт (1882—1953) — английский дирижер, композитор; в 1911—1919 гг. работал в России: 145, 223, 382, 383, 386, 389, 429, 434, 503, 534.

Кохно Борис Петрович (р. 1904)— либреттист, секретарь С. П. Дягилева, балетовед: 515, 525.

Кошиц Нина Павловна (1894—1965) — певица (сопрано); с 1921 г. жила за границей: 149, 505, 524, 528.

Красиков С: 531.

Красин Борис Борисович (1884—1936) —музыкально-общественный деятель; с 1928 г. член Правления Софила: 217, 235.

Краус (Krauss) Клеменс (1893—1954) — австрийский дирижер, пианист: 517.

Крейн Александр Абрамович (1883—1951) — композитор: 529.

«Траурная ода памяти В. И. Ленина», ор. 40: 529.

Крейн Григорий Абрамович (1879—1955), композитор: 15, 160, 161, 165, 211.

Квартет № 1, F-dur, ор. 18: 160, 506.

Соната № 1 для скрипки и фортепиано, G-dur, ор. 11: 160, 506.

Крейн Юлиан Григорьевич (р. 1913) — композитор, музыкальный писатель, музыковед: 265, 356, 379—381, 522, 532, 536.

Концерт для виолончели с оркестром, ор. 25: 356, 532.

Соната № 1 для фортепиано, ор. 7: 522.

Танго для фортепиано: 382, 536.

Крейцер Леонид Давыдович (1884—1953) пианист, дирижер: 85.

Кржижановский Сигизмунд Доминикович (1887—1950)—писатель, переводчик, драматург: 548, 553.

Крыжановский Иван Иванович (1867—1924)—музыкальный деятель, композитор, педагог: 233.

<стр. 582>

Крюгер (Krueger) Карл (р. 1894)—американский дирижер: 282.

Крюков Владимир Николаевич (1902—1960)—композитор: 300, 520.

Переложение для фортепиано в четыре руки Симфонии № 9 Н. Я. Мясковского: 520.

Крюков Николай Николаевич (1908— 1961)—композитор, автор музыки для кино: 459, 464.

Кубацкая (рожд. Атовмян) Сирануш Тадевосовна (1890—1952)—певица (сопрано): 303.

Кубацкий Виктор Львович (1891—1970) — виолончелист, дирижер, музыкальный деятель: 329, 331, 446, 529, 531, 547.

Кузина — см. Игнатьева Е. А.

Кузмин Михаил Алексеевич (1875—1936) — поэт, композитор: 506.

Кулидж (Coolidge) Элизабет Спраг (1864—1953)—американская меценатка, музыкальный деятель: 364, 528.

Купер Эмиль Альбертович (1877—1960) — оперный и симфонический дирижер; с 1924 г. жил за границей: 83, 84, 144, 146, 147, 186, 189, 209, 223, 229, 489, 495, 496, 501, 503, 510, 513.

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — писатель: 448.

Курдюмов Юрий Владимирович (1859—1936) — музыкальный критик, композитор: 500.

Курис Александра (Сарра) Марковна (р. 1912)—пианистка: 462.

Куров Николай Николаевич (р. 1882) — музыкальный критик: 492.

Курочка-Армашевский Иван Григорьевич (р. 1896)—театральный художник: 525.

Кусевицкая (рожд. Ушакова) Наталья Константиновна (1881—1942) — жена С. А. Кусевицкого: 268.

Кусевицкий Сергей Александрович (1874— 1951) — дирижер, музыкальный деятель, издатель: 15, 31, 85, 120, 123—127, 137, 143, 145,

152, 155—157, 159, 161, 163, 166, 170, 171, 175, 178, 181, 183, 187, 195, 198, 200, 214, 216, 219, 226, 227, 234, 236, 238, 241—244, 250, 251, 258, 259, 261, 262, 265, 268, 271, 273, 276, 277, 281, 282, 284, 299, 313, 317, 318, 320—322, 349, 373, 425, 426, 429, 438, 492, 496, 497, 500, 501, 504, 509, 511, 512, 514—516, 518, 521—525, 528, 529, 535, 543, 549, 551.

Кусевицкий-Севицкий — см. Севицкий Ф.

Куся, Куськин — см. Кусевицкий С. А.

Кшенек (правильнее Кршенек; Křenek) Эрнст (р. 1900)—австрийский композитор; с 1938 г. живет в США: 31, 169, 219, 356, 386, 532.

Квартет № 6: 356, 532.

Лавровский Леонид Михайлович (1905—1967) —балетмейстер: 546.

Лалиберте (Laliberté) Альфред Жозеф Франсуа (1882—1952)—канадский пианист, композитор: 31, 149.

Лалуа (Lalou) Луи (1874—1944) — французский музыковед, критик: 267, 512.

Ламартер (Lamarter) Эрик де — американский дирижер: 528.

Ламберт (Lambert) Констант (1905— 1951)—английский композитор, дирижер, критик: 244, 414, 518, 541.

«Ромео и Джульетта», балет: 242, 518.

«Музыка для оркестра»: 414, 541.

Ламм Павел Александрович (1882—1951) — пианист, педагог, музыковед-текстолог: 150, 165, 168, 173, 176, 193, 287, 288, 301, 302, 354, 359, 362, 375, 381, 383, 388, 391, 393, 394, 402, 406, 412, 414, 440, 444, 447, 458—460, 462, 467, 471—473, 494, 504, 507—509, 514, 522, 533, 535, 536, 538, 541, 546, 548, 550—553, 556.

Переложения для двух фортепиано в восемь рук симфоний Н. Я. Мясковского:

Симфония № 6: 167, 507.

Симфония № 8: 215, 514.

Симфония № 11: 396, 536.

Симфония № 12: 375, 535.

Симфония № 13: 410, 541.

Симфония № 14: 410, 541.

Переложения для двух фортепиано в восемь рук сочинений С.С. Прокофьева:

Дивертисмент, ор. 43: 402.

Классическая симфония: 381, 391, 536.

Симфония № 2: 324, 394, 402, 412, 414, 415, 538.

Симфония № 3: 394, 538.

Симфоньетта, орр. 5 (вторая редакция): 388, 391.

«Шут», сюита из балета: 331, 383, 394, 420, 536.

Ланге (Lange) Ганс (1884—1960) — американский скрипач, дирижер: 549.

Ландовска (Landowska) Ванда (1879—1959) — польская клавесинистка и пианистка: 536.

Ларионов Михаил Федорович (1881 — 1964) — художник, с 1914 г. жил за границей: 508, 530.

Лашка — см. Асланов А. П.

<стр. 583>

Лебединский Лев Николаевич (р. 1904) — музыковед: 518.

Левандовская Лидия Александровна — либреттистка: 183.

Левитин Исаак Леонтьевич (1901—1954)— альтист, скрипач: 535.

Легар (Lehár) Ференц (1870—1948)—венгерский композитор.

«Веселая вдова», оперетта: 205.

Легран Ольга Владимировна — служащая Ленинградской филармонии: 417.

Ледерер (Lederer) Феликс (1877—1957) — немецкий дирижер 533.

Леля — см Звягинцева Е. В.

Лемба Артур Густавович (1885—1963) — пианист, композитор, критик, педагог: 62, 126, 485.

Симфония № 1: 62, 485.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924): 551.

Леонарди (L. Leonardl) — автор оркестровки «Картинок с выставки» М. П. Мусоргского: 352—353.

Леонов Леонид Максимович (р. 1899) — писатель, драматург: 555.

«Нашествие», пьеса: 468, 555.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841): 485, 548.

Лесков Николай Семенович (1831 —1895): 539.

Ливен М., бар. — см. Орлова М. Г.

Лившиц Раиса (Ревекка) Михелевна (р. 1898) — пианистка: 134.

Лина Ивановна — см. Прокофьева Л. И.

Лист (Liszt) Ференц (1811 —1886) : 151, 164, 199, 238, 356, 376, 398, 544.

Баллада для фортепиано, h-moll: 376.

Лифарь Серж (Сергей Михайлович) (р. 1905) — французский танцовщик и балетмейстер русского происхождения: 363, 530.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — ученый, поэт: 266, 522.

Лонг (Long) Маргерит (1874—1966) — французская пианистка, педагог: 534.

Лопатников (Lopatnikoff) Николай (р. 1903) —американский композитор русского происхождения: 266, 273, 280, 522.

Сонатина для фортепиано, ор. 7: 266, 273, 280, 522.

Лопухов Федор Васильевич (1866—1973) — балетмейстер: 541, 547.

Лорина (Карташева) Анна Арнольдовна — певица (сопрано) : 521.

Лоуренс (Laurence) Ф. — заведующий нотной частью Променадных концертов в Лондоне: 168—169.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933)—государственный и общественный деятель; в 1917—1929 гг. — народный комиссар

просвещения РСФСР: 14, 234, 260.

Лурье Артур Сергеевич (1892—1966) — композитор, с 1922 г. жил за границей: 151, 153, 273, 370, 523.

Переложение для фортепиано Концертино И. Ф. Стравинского: 273, 523.

Люлли (Lully) Жан Батист (1632—1687) — французский композитор, скрипач, дирижер: 458.

Любера Лина — см. Прокофьева Л. И.

Ляда — см. Лядов А. К.

Лядов Анатолий Константинович (1855—1914) — композитор, дирижер, педагог; в его классе композиции Петербургской консерватории учились Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьев: 4, 11, 37, 41, 55, 58, 61, 67, 68, 76, 78, 109, 120, 489, 496, 497.

«Лейла и Алалей», балет, неосуществленный замысел: 120, 496, 497.

«Танец амазонки» для оркестра, ор. 65: 84, 489.

Лямот-Фуке (La Motte-Fouqué) Фридер (1777—1843) — немецкий писатель: 483.

«Ундина», поэма: 483.

Ляпун — см. Ляпунов С. М.

Ляпунов Сергей Михайлович (1859—1924) — композитор, пианист, дирижер, педагог: 134, 499.

Майоров Иван Никитич (1896—1955) — кларнетист: 520.

Макаров — см. Макаров-Ракитин К. Д.

Макаров-Ракитин Константин Дмитриевич (1912—1941)—композитор: 444, 536, 547.

Концерт для фортепиано с оркестром: 444, 547.

Малаев М. — соавтор И. Ф. Стравинского в либретто балета «Игра в карты»: 548.

Малер (Mahler) Густав (1860—1911) — австрийский композитор, дирижер: 207.

Малиновская Елена Константиновна (1875—1942) — общественный и театральный деятель; в 1920—1924 и 1930—1935 — директор московского Большого театра: 327.

Малипьеро (Malipiero) Джан Франческо (1882—1973)—итальянский композитор, музыковед, критик: 219.

Малков Николай Петрович (1882—1942) музыкальный критик: 498, 500, 502.

Малько Николай Андреевич (1883—1961) дирижер, педагог, с 1928 г. жил за гра-

<стр. 584>

-ничей: 131, 136, 168, 169, 225, 228, 241, 243, 245, 246, 269, 282, 305, 321, 372, 393, 418, 425, 426, 435, 437—439, 452, 497, 506, 507, 516, 522, 523, 533, 534, 541, 542.

Малышев Владимир Алексеевич (1882— 1967) —певец (бас): 521.

Малявин Савелий Анатольевич (1892— 1967) —режиссер: 533.

Мама, маменька — см. Прокофьева М. Г.

Манжо (Mangeot) Андре (р. 1883) — скрипач, основатель Квартета Манжо: 410, 412, 416, 417, 421—423, 541.

Марешаль (Maréchal) Морис (1892—1964) — французский виолончелист: 535.

Маркевич (Markevich) Игорь (р. 1912) — французский дирижер, композитор русского происхождения: 341, 370, 372, 374, 530, 534, 535.
 Ода для солиста, хора и оркестра: 341, 530.
 «Ребус», сюита из балета: 370, 534.
 Серенада для скрипки, кларнета и фагота (трио) : 374, 535.

Маркс Карл (1818—1883): 551.

Мартьяновы В. М. и С. М. — либреттистки оперы Б. В. Асафьева «Снежная королева»: 483.

Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) — поэт, переводчик, драматург: 557.

Марья Григорьевна — см. Прокофьева М. Г.

Массалитинова Варвара Осиповна (1878— 1945) —драматическая актриса: 468.

Медем Александр Давыдович (1871— 1927)—пианист, композитор, педагог: 113—114.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874— 1940)—режиссер, театральный деятель: 156, 159, 165, 166, 168, 245, 269, 301, 308, 327, 329, 339, 341, 453, 496, 505, 522.

Мелких Дмитрий Михеевич (1885—1943) — композитор: 165, 300, 388, 389, 391, 392, 516, 537.
 Квартет для флейты, гобоя, кларнета и фагота, ор. 19: 388, 389, 391, 392, 537.
 «Эпитафия» для оркестра, ор. 7: 516.

Менгельберг (Mengelberg) Виллем (1871— 1951)—голландский дирижер: 234.

Мендельсон М. А., Мендельсон-Прокофьева М. А. — см. Прокофьева М. А.

Меньшикова (рожд. Мясковская) Валентина Яковлевна (1886—1965) — сестра Н. Я. Мяковского: 24, 30, 118, 256, 271, 326, 339, 340, 342, 343, 347, 348, 350, 351, 367, 372, 373, 375, 385, 402, 403, 424—426, 447, 448, 450, 451, 459, 463, 466, 467, 470— 473, 479, 520, 544, 557.

Меньшикова Марианна Владимировна (1906—1943) — племянница Н. Я. Мяковского: 429, 544.

Метнер Александр Карлович (1877—1961) — скрипач, дирижер; заведующий музыкальной частью и главный дирижер с 1918 г. московского Камерного театра: 414, 418, 489, 540.

Метнер Николай Карлович (1879—1951) — композитор, пианист,

педагог; с 1921 г. жил за границей: 104, 138, 142, 157, 165, 171, 176, 182, 207, 255, 368, 370, 372—379, 386, 408, 412, 431, 434, 439, 447, 450, 492, 501, 520, 534—536, 544, 548, 549.

«Грозовая соната» — см. сонаты для фортепиано op. 53 № 2.

«Дифирамбический танец», пьеса для фортепиано, op. 40 № 6: 535.

«Муза и мода», книга: 450, 549.

Новелла, пьеса для фортепиано, op. 17 № 1: 535.

«Романтическая соната» — см. сонаты для фортепиано op. 53 № 1.

«Романтические эскизы для юношества» («Esquisses romantiques pour la jeunesse») для фортепиано: 434, 544.

Романсы, op. 61: 431, 544.

Семь песен на стихотворения А. С. Пушкина, op. 52: 368, 369, 374, 534.

«Сказки», пьесы для фортепиано:

op. 8: 501.

op. 20: 535.

op. 34 № 2: 535.

op. 42: 535.

op. 51: 377, 535, 536.

Сонаты для фортепиано:

Соната № 1 f-moll, op. 5: 373, 535.

Соната e-moll, op. 25 № 2: 104, 492.

Соната a-moll, op. 30: 143, 501.

Сонаты, op. 53 № 1 и № 2: № 1

«Романтическая соната»: 369, 379, 431, 534, 544. № 2

«Грозовая соната»: 377, 379, 431, 535, 536, 544.

Соната-баллада для фортепиано, op. 27: 501.

Стихотворения для голоса и фортепиано, op. 29 и op. 32: 501.

Сюита-вокализ для голоса и фортепиано, f-moll, op. 41 № 2: 372, 374, 375, 534.

Тема с вариациями для фортепиано, cis-moll, op. 55 № 1: 447, 544.

«Три гимна труду» для фортепиано, op. 49: 535.

Мещерские — петербургские знакомые С. С. Прокофьева: 114.

<стр. 585>

Мизантроп, М-ъ — литературный псевдоним Н. Я. Мясковского.

Мийо (Milhaud) Дариус (1892—1974) — французский композитор, дирижер, критик: 31, 189, 193, 219, 270, 271, 282, 348, 373, 396, 408, 425, 449, 523, 531, 535, 549.

«Боливар», опера: 549.

Квартет № 3: 270, 271, 282, 523.

«Максимилиан», опера: 373, 425, 449, 535, 549.

«Протей», музыка к драме: 348, 531.

Сюита для оркестра: 408.

«Христофор Колумб», опера: 449, 549.

Микеланджело (Michelangelo) Буонарроти; другая транскрипция — Микель Анджело (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, поэт: 215, 487, 500.

Мильштейн Натан Миронович (р. 1904) — скрипач; с 1925 г. живет за границей: 173, 176, 177, 180, 203, 509.

Минеев Анатолий Константинович (1883—1951)—певец (баритон): 521.

Минкус (Minkus) Людвиг (1826—1917) — австрийский композитор, скрипач, дирижер: 281, 336.

Мира Александровна, Мира, Мирочка — см. Прокофьева М. А.

Мирзоева Мария Моисеевна (р. 1896) — пианистка: 509.

Миро (Miro) Жоан (р. 1893)—испанский художник: 518.

Миронов Лев Николаевич (р. 1896) — пианист: 173, 176, 177, 509.

Могилевский Давид Яковлевич (р. 1893) — виолончелист: 537.

Молинари (Molinari) Бернардино (1880— 1952) — итальянский дирижер: 407, 408, 410, 420, 421, 499, 540.

Мольнар (Molnar) Ференц — венгерский скрипач, участник Рот-квартета: 533.

Монте (Monteux) Пьер (1875—1964) — французский дирижер: 211—213, 231, 235, 236, 239, 312, 349, 495, 496, 514, 516, 527, 533.

Мордвинов Борис Аркадьевич (1899— 1953)—режиссер: 539.

Морель Альфред — швейцарский виолончелист русского происхождения: 187, 189.

Море (Moreux) Серж — французский музыкальный критик: 14.
«Глазами друга», воспоминания: 14, 15.

Морозов Дмитрий В. — композитор: 499.
Романсы: 499.

Моролёв Василий Митрофанович (1880— 1949)—ветеринарный врач, друг С. С. Прокофьева: 86, 483, 489.

Москошак А. — скрипач: 549.

Мосолов Александр Васильевич (1900—1973) — композитор: 261, 263, 265, 266, 297, 300, 355, 409, 412, 415, 417, 421, 444, 522, 532, 540—542, 547.

«Завод» («Fonderie d'Acier»), музыка машин для оркестра, ор. 19: 355, 415, 532.

Квартет № 1, ор. 24: 409, 417, 421, 542.

Концерт для арфы с оркестром: 444, 547.

Концерт для виолончели с оркестром: 444, 547.

Концерт № 1 для фортепиано с оркестром, a-moll, ор. 14: 412, 541.

Концерт № 2 для фортепиано с оркестром, C-dur, ор. 34: 409, 412, 540.

Соната для фортепиано: 265.

Соната № 1, c-moll, ор. 3: 522.

Соната № 2, h-moll, ор. 4: 522.

«Узбекская пляска» для оркестра: 444, 547.

Мотль (Mottl) Феликс (1856—1911) — немецкий дирижер и композитор: 551.

«Балетная сюита» Гретри: 551

Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей (1756—1791): 373, 392, 398, 447, 537.

«Eine kleine Nachtmusik» — Маленькая ночная серенада для струнных инструментов: 392, 537.

Мравинский Евгений Александрович (р. 1903)—дирижер: 551, 552.

Мусоргский Модест Петрович (1839—1881): 156, 166, 167, 182, 228, 264, 511, 517, 522, 531, 533.

«Борис Годунов», опера: 167, 264, 267, 522.

«Женитьба», опера: 357, 533.

«Картинки с выставки», сюита для фортепиано, ор. 11: 182, 511, 517.

«Картинки с выставки» в инструментовке Л. Леонарди: 353, 354.

«Картинки с выставки» в инструментовке М. Равеля: 182, 353, 354, 531.

«Картинки с выставки» в инструментовке М. М. Тушмалова: 353, 531.

«Хованщина», опера: 264.

Мюнш (Münch) Шарль (1891—1968) — французский дирижер: 532, 547.

Мясин Леонид Федорович (р. 1895) — танцовщик и балетмейстер: 117, 514, 515, 539.

Мясковский Яков Константинович (1847—1919) — военный инженер, генерал, отец Н. Я. Мяковского: 85, 124.

Мясковские — семья Н. Я. Мяковского: 131.

<стр. 586>

Н. Сем. — музыкальный рецензент: 485.

Набоков Николай (р. 1903)—композитор, с 1919 г. живет за границей: 266, 349, 356, 522.

«Ода или Размышление о ночи», оратория; балетный спектакль: 266, 522.

Увертюра для оркестра: 356.

Назаров Алексей Иванович (1905—1968) — общественный деятель: 455.

Назаров Николай Владимирович (1885—1942) —гобоист: 520.

Направник Эдуард Францевич (1839—1916)—композитор и дирижер: 152.

Наумов Вячеслав Дмитриевич (р. 1893) — певец (тенор): 521.

Наумыч — см. Юровский А. Н.

Неедлы (Nejedly) Зденек (1878—1962) — чешский ученый, историк музыки, общественный и государственный деятель: 516.

Нежданова Антонина Васильевна (1873—1950)—певица (колоратурное сопрано): 259, 359, 521.

Нейгауз Генрих Густавович (1888—1964): пианист, музыкальный писатель, педагог: 165, 168, 176, 358, 360, 361, 370, 371, 378, 509.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — театральный деятель, режиссер, драматург: 539.

Нечаев Василий Васильевич (1895—1956) — пианист, композитор, педагог: 459, 461, 467, 553, 555.

Нижинская Бронислава Фоминична (1891—1972) — балерина, балетмейстер: 518.

Нижинская (рожд. де Пульски) Ромола (р. 1891)—балерина, жена В. Ф. Нижинского: 428, 544.

«Nijinsky by Romola Nijinsky, his wife», книга: 428, 544.

Нижинский Вацлав Фомич (1890—1950) — танцовщик, балетмейстер: 116, 428, 544.

Николаев Леонид Владимирович (1878—1942)—пианист, композитор, педагог: 62, 81, 121, 499, 536.

Николаев Николай Дмитриевич (1869—?) — композитор, дирижер: 485.

«Из мира сего», симфоническая поэма: 485.

Концерт для фортепиано с оркестром: 485.

Норцов Пантелеймон Маркович (р. 1900) — певец (баритон): 555.

Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — музыкант-дилетант, друг и соратник С. П. Дягилева: 116, 129, 223, 428, 544.

«Diaghileff his artiste and private life», книга (в соавторстве с А. Хаскелом): 428, 544.

Нурок Альфред Павлович (1860—1919) — музыкальный критик, библиофил: 129.

Оборин Лев Николаевич (1907—1974) — пианист, композитор, педагог: 265, 266, 358, 361, 362, 370, 371, 522.

Четыре пьесы для фортепиано, ор. 2: 522.

Обухов (Obuchov) Николай (1892—1954) — французский композитор русского происхождения: 223.

Обухова Надежда Андреевна (1886—1961)—певица (меццо-сопрано): 520.

Овидий (43 г. до н.э.— 17 г. н.э.)—римский поэт: 496.

Оганджян Левон Матвеевич (1906— 1933) — скрипач, участник Квартета им. Комитаса: 531, 542.

Ойстрах Давид Федорович (1908—1974) — скрипач, дирижер: 470, 472, 556.

Онеггер (Honegger) Артюр (1892—1955) — французский композитор: 169, 193, 195, 217, 219, 373, 420, 422, 432, 512, 515, 535, 542.

Концерт для виолончели с оркестром: 373, 535.

Концерт для фортепиано с оркестром: 217, 515.

«Пасифик» («Pacific 231») для симфонического оркестра: 195, 512.

Симфония № 1: 373, 535.

Сонатина для скрипки и виолончели: 420, 422, 542.

«Царь Давид», оратория: 219.

Орик (Auric) Жорж (р. 1899) — французский композитор: 217, 219, 244, 515, 518.

«Матросы», балет: 217, 515.

«Пастораль», балет: 244, 518.

Орлов Александр Иванович (1873—1948) — дирижер: 79, 488, 525.

Орлов Николай Андреевич (1892—1964) — пианист; с 1922 г. жил за границей: 161, 187, 189, 191, 504.

Орлова (псевдоним — *бар. М. Ливен*) Магда Густавовна — писатель-беллетрист: 490.

Орманди (Ormandy) Юджин (р. 1899) — американский дирижер: 556.

Осафьев — см. Асафьев Б. В.

Осипов Василий Васильевич (1879—1942) — певец (бас) : 521.

Оссовский Александр Вячеславович (1871—1957) — музыковед, музыкальный деятель,

<стр. 587>

в 1923—1925 и в 1933—1936 годах директор Ленинградской консерватории: 113, 196, 417, 512.

Острецов Александр Андреевич (1903— 1964) музыкальный критик: 436, 437, 542.

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — драматург: 517.

«Бедность не порок», пьеса: 517.

Оффенбах (Offenbach) Жак (1819—1860) — французский композитор.

«Сказки Гофмана», опера: 460.

Павлов Евгений Павлович — композитор: 165.

Пайчадзе Гавриил Григорьевич — директор РМИ с 1925 г.: 251, 252, 254, 305, 306, 309, 315, 317—319, 321—325, 328, 342, 343, 353, 368, 371, 392, 398, 401—403, 405, 424, 426, 431.

Пазовский Арий Моисеевич (1887—1953) — дирижер: 169.

Панина (Панафутина) Антонина Ивановна — певица (меццо-сопрано) : 502.

Панфилов С. И. — скрипач: 537.

Паскье (Pasquier) — французский альтист: 521.

Переписчик нот — см. Кек Э. М.

Переселенцев А. А. — возглавлял нотоиздательство АМА: 246, 519.

Пермитин Ефим Николаевич (1895—1971) — писатель: 375, 378, 535.

«Когти», роман: 375, 377, 378, 381, 535.

«Капкан», роман: 375, 535.

Перро (Perrault) Шарль (1628—1703) — французский писатель: 483.

Пёрсель (правильнее Пёрселл; Purcell) Генри (1659—1695) — английский композитор, органист: 414, 416, 541.

Фантазия для струнного оркестра: 541.

Петр Петрович, Петя — см. Сувчинский П. П.

Петров Василий Родпоноич (1875—1937) — певец (бас): 258, 520.

Петров-Бояринов Петр Алексеевич (ум. 1922) — композитор: 133, 499.
«Северная легенда» для оркестра: 499.
Романсы: 499.

Петрова Фаина Сергеевна (1890—1975) — певица (контральто): 551.

Пини (Pini) Антони — виолончелист, участник Квартетов Броза и Манжо: 531, 541.

Пиотровский Адриан Иванович (1898—1938) — критик, театровед, драматург: 546, 547.

Пирогов Александр Степанович (1899—1964) — певец (бас): 521

Плещеева (Плещеева-Рябчинская) Нина Георгиевна (р. 1883) — пианистка: 495.

Плотников Михаил Александрович (р. 1883) — фаготист: 501.

По (Рое) Эдгар Аллан (1809—1849) — американский писатель, поэт, критик: 68, 483, 498.
«Молчание», сказка: 68, 483, 487.

Поздняковская Наталья Николаевна (р. 1889) — панистка: 513.

Половинкин Леонид Алексеевич (1894—1949) — композитор, педагог: 15, 300, 409, 415, 444, 540, 547.
«Телескоп IV», пьеса для оркестра: 444, 547.
«Я — мало, Мы — сила», сюита из балета для оркестра: 409, 540.

Полоцкая-Емцова Софья Семеновна (1878—1957) — пианистка: 61.

Попов Гавриил Николаевич (1904—1972) — композитор: 15, 261, 263, 395, 521, 538.
Септет для флейты, кларнета, фагота, трубы, скрипки, виолончели и контрабаса, ор. 2: 261, 395, 521, 538.

Попов Сергей Сергеевич (1887—1942) — музыковед, редактор Музгиза: 163, 165, 287, 379, 381, 397, 406, 414, 419, 422, 425—427, 461, 507.

Попова Евгения Ивановна (1889—1962) — певица (сопрано): 142, 501, 502.

Прейс Александр Германович (1906—1942) — драматург: 539.

Пресс Иосиф Исаакович (1881—1924) — виолончелист: 142.

Прибик Иосиф Вячеславович (1855—1937) — дирижер, композитор, педагог.

Прис (Price) Вальтер — участник Квартета Манжо: 541.

Прокофьев Григорий Петрович (1883—1962)—пианист, методист, музыкальный критик: 102, 490, 492.

Прокофьев Олег Сергеевич (р. 1928) — сын (младший) С. С. Прокофьева: 289, 290, 347, 423, 450, 456, 457, 458, 525.

Прокофьев Святослав Сергеевич (р. 1924) —сын (старший) С. С. Прокофьева: 249, 347, 423, 450. 456, 457, 458.

Прокофьев Сергей Алексеевич (1846—1910)—ученый-агроном, отец С. С. Прокофьева: 27, 84.

Прокофьева (рожд. Кодина) Лина Ивановна (р. 1897)—певица (артистический псевдоним — Лина Льюбера), первая жена С. С.

Прокофьева: 250, 257, 258, 260, 262, 263, 267, 268, 270—273, 275, 277, 280,

<стр. 588>

282, 283, 285—291, 296, 298, 301—306, 309, 313, 315, 320, 322—329, 332, 336, 338—340, 343, 347, 348, 350, 351, 354, 356, 357, 366, 367, 370, 372, 373, 375, 380, 395, 400, 402, 403, 406, 410, 416, 417, 420, 424, 427, 431, 433, 435, 437, 438, 440, 443—445, 447, 450, 451, 456, 457, 459, 505, 517, 522, 528, 530, 532, 537, 544, 547.

Прокофьева (рожд. Житкова) Мария Григорьевна (1855—1924) — мать С. С. Прокофьева: 76, 90, 109, 110, 135, 138, 139, 143—145, 1'83, 191, 344, 503, 525, 530.

Прокофьева (рожд. Мендельсон) Мира Александровна (1915—1968) — либреттист, поэт; вторая жена С. С. Прокофьева: 28, 30, 460—466, 469, 470, 472, 473, 476, 478, 552, 555, 557.

Прюна (Prima) Педро (р. 1904) — испанский художник: 515.

Прюньер (Prunières) Анри (1886—1942) — французский музыковед, основатель журнала «La Revue Musicale»: 161. 507

Пуленк (Poulenc) Франсис (1899—1963) — французский композитор, пианист: 169, 189, 191, 193, 195, 380, 382, 408, 511, 536, 540.

«Les biches» («Лани»), балет: 191, 195, 511.

«Пасторальный концерт» для клавесина с оркестром: 536.

«Променады», пьесы для фортепиано: 191, 511.

Секстет для флейты, гобоя, кларнета, фагота, валторны и фортепиано: 408, 540.

Пуччини (Puccini) Джакомо (1858—1924) — итальянский композитор.

«Тоска», опера: 327.

Путырский Михаил Станиславович (1876—1942) — фаготист: 501.

Пушкин Александр Сергеевич (1799— 1837): 79, 331, 368, 399, 445, 451, 485, 495, 506, 533, 534, 540, 547—550, 552.

«Бахчисарайский фонтан»: 540.

«Борис Годунов»: 453, 550.

«Евгений Онегин»: 548.

«Египетские ночи»: 540.

«Золотой петушок»: 495.

«Кавказский пленник»: 552.

«Каменный гость»: 533.

«Медный всадник»: 331.

«Пир во время чумы»: 485.

Пишибышевский Болеслав Станиславович (р. 1892) — музыковед, музыкально-общественный деятель: 327, 358.

Пьерне (Pierné) Габриель (1863—1937) — французский композитор и дирижер: 496.

Пятигорский Григорий Павлович (р.1903) — виолончелист, с 1921 г. живет за границей: 427, 429, 544.

Рабинович Исаак Моисеевич (1894—1961) — театральный художник: 520.

Рабинович Яков Ильич (р. 1900) — скрипач, педагог: 331, 515.

Равель (Ravel) Морис (1875—1937): 18, 169, 182, 219, 336, 341, 342, 353, 354, 357, 358, 361, 368, 370, 372—375, 378, 382, 384, 414, 422, 431, 447, 493, 508, 531, 533, 534, 541, 548.

«Вальс» для симфонического оркестра: 541.

«Болеро» для симфонического оркестра: 336, 337, 341—343, 368.

«Дафнис и Хлоя», балет: 107, 493.

«Дон Кихот и Дульцинея», три песни для голоса с оркестром: 447, 548.

«Картинки с выставки», инструментовка фортепианных пьес М. П. Мусоргского: 182, 353, 531.

Концерт для фортепиано (для левой руки) с оркестром, d-moll: 357, 358, 361, 372, 533.

Концерт для фортепиано с оркестром, G-dur: 372—374, 378, 382, 384, 422, 534.

Соната для скрипки и виолончели: 169, 508, 534.

Соната для скрипки и фортепиано: 368.

Радлов Сергей Эрнестович (1892—1958) — режиссер: 514, 546, 551.

Раевская (рожд. Житкова) Екатерина Григорьевна (1857—1929) — тетка (сестра матери) С. С. Прокофьева: 298, 301, 304, 525.

Разин Степан Тимофеевич (ум. 1671) — вождь крестьянского восстания: 219.

Райский Назарий Григорьевич (1875—1958) — певец (тенор), педагог, музыкальный деятель: 417.

Рамо (Rameau) Жан-Филипп (1683—1764)—французский композитор: 382.

Рахлин Натан Григорьевич (р. 1905) — дирижер: 465, 466, 468, 470, 554, 555.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873— 1943): 5, 113, 118, 119, 134, 166, 176, 207, 256, 264, 325, 373, 374, 376, 431, 434, 439, 450, 453, 454, 456—458, 468, 472, 496, 499, 502, 535, 545, 549, 556.

Вариации на тему Корелли для фортепиано, ор. 42: 376, 431, 535.

«Композитор как интерпретатор», статья: 5.

<стр. 589>

Концерт № 2 для фортепиано с оркестром, c-moll, ор. 18: 119, 256, 496.

Концерт № 3, для фортепиано с оркестром, d-moll, ор. 30: 502.

Рапсодия на тему Паганини для фортепиано с оркестром, ор. 43: 434, 545.

Симфонические танцы для оркестра, ор. 45: 5, 472, 556.

Симфония № 3, a-moll, ор. 44: 5, 450, 453, 454, 456—458, 472, 549,

556.

Соната № 2 для фортепиано, b-moll, op. 36: 118, 374, 535.

«Судьба», романс, op. 21 № 1: 264.

Ребиков Владимир Иванович (1866 —1920) композитор, пианист: 66.

Регер (Reger) Макс (1873—1916) — немецкий композитор, пианист, органист, дирижер: 81.

Симфоньетта для оркестра: 81.

Рейнхарт (Reinhardt) Вернер кларнетист-любитель, меценат, музыкальный деятель: 229, 236, 238, 240, 241, 251, 518.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957)—писатель, драматург, с 1921 г. жил за границей: 496.

Ремизов (наст. фам. Васильев; псевдоним — *Ре-ми*) Николай Владимирович (1887— ?) — художник, умер в США: 522.

Рене-Батон (René-Baton) (1879—1940) — французский дирижер: 298, 440, 446.

Ренквист (рожд. Голубева) Мария Николаевна— мать жены Р. М. Глиэра: 89, 490.

Респиги (Respighi) Отторино (1879—1936) — итальянский композитор: 524, 529.

Риети (Rieti) Витторио (р. 1898) — итальянский композитор: 218, 244, 349, 380—382, 396, 419—422, 515, 536, 542.

«Барабао», балет: 244.

Концерто-гроссо — Концерт для пяти духовых инструментов с оркестром: 218, 515.

Серенада для оркестра: 421.

Симфоньетта — Симфония № 3: 419, 421, 422, 542.

Фортепианные пьесы — «Due studi», «Tre preludio»: 536.

Риземан (Riesemann) Оскар (1880—1934) немецкий музыковед, критик, дирижер: 434, 439, 545,

«Rachmaninoff's recollections», книга: 434, 439, 545.

Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878—1940), музыковед: 125, 142, 498.

Римский Корсаков Георгий Михайлович (1901—1965) — музыковед, композитор: 523.

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) : 4, 11, 18, 44, 52, 64, 92, 129, 145, 150, 171, 182, 264, 484, 492—496, 498, 502, 524, 531.

Воскресная увертюра «Светлый праздник» для оркестра, op. 34: 145, 502.

«Из Гомера», прелюдия-кантата, op. 60: 264.

«Золотой петушок», опера: 495.

«Золотой петушок», балетный спектакль с пением: 115, 116, 495, 496.

Концерт для фортепиано с оркестром, cis-moll, op. 30: 52.

«Летопись моей музыкальной жизни», автобиография: 64.

«Майская ночь», опера: 498.
 «Полет шмеля» из оперы «Сказка о царе Салтане»: 356.
 «Садко», музыкальная картина, ор. 5: 285, 524.
 «Садко», опера-былина: 285, 524.
 «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» («Китеж»), опера: 92, 498.
 «Сказка о царе Салтане», опера: 498.
 «Снегурочка», опера: 344, 345, 498.
 «Шехеразада», симфоническая сюита, балетный спектакль: 107, 493.
 Рингволл (Ringwall) Рудольф (р. 1891) — американский дирижер: 528.
 Рихард — см. Штраус Р.
 Рихтер Святослан Теофилович (р. 1915) — пианист: 465, 467, 468, 472, 554, 556.
 Рогожина — домовладелица в Боровичах, где жил Н. Я. Мясковский: 120.
 Родзинский (Rodzinski) Артур (1894—1958) — американский дирижер, польского происхождения: 31, 253, 326—329, 439, 528, 546.
 Рождественская Наталья Петровна (р. 1900)—певица (сопрано): 555.
 Рождественский Геннадий Николаевич (р. 1931) — дирижер: 508, 525.
 Розанов Виктор Алексеевич (1899—1972) — пианист, заместитель директора Музгиза: 470, 471, 556.
 Розанов Сергей Васильевич (1870—1937) — кларнетист, педагог: 173, 176, 189, 509, 530.
 Розеншток Илья Михайлович — дирижер: 471.
 Романов Борис Георгиевич (1891—1957) — танцовщик, балетмейстер; с 1918 г. жил за границей: 200, 211, 216, 217, 304, 495, 512.
 Ромм Михаил Ильич (1901—1971) — режиссер, кинодраматург: 548.
 Роня — см. Шебалин В. Я.
<стр. 590>
 Рославец Николай Андреевич (1880—1944) — композитор и музыкальный деятель: 160, 509.
 Росси (Rossi) Марио (р. 1902) — итальянский дирижер: 517.
 Рот (Roth) Ференц (1899—1969) — венгерский скрипач, основатель Рот-квартета: 365, 378, 533.
 Рубенс (Rubens) Леонард — альтист, участник Квартета Броза: 531.
 Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — пианист, композитор, дирижер, музыкальный деятель: 11, 84, 489, 492.
 Рубинштейн (Rubinstein) Артур (р. 1889) — американский пианист, польского происхождения: 517.
 Рудницкая Людмила Григорьевна (р. 1894) — певица (меццо-сопрано): 521.
 Рузские — семья виолончелиста Н. П. Рузского (ум. 1927), петербургские знакомые С. С. Прокофьева: 104.
 Руо (Rouault) Жорж (1871 —1958) — французский художник: 526.
 Руссель (Roussel) Альбер (1869—1937) — французский композитор: 356,

532.

«Вакх и Ариадна», балет: 356, 532.

Рындин Вадим Федорович (1902—1974) — театральный художник: 540.

Рюльман (Ruhlmann) Франс (1868—1948) — французский дирижер: 190, 205, 511, 513, 533, 536.

Сабанеев Леонид Леонидович (1881—1968) — музыковед, критик; с 1926 г. жил за границей: 92, 236—239, 243, 252, 262, 264, 267, 281, 397, 490, 492, 516, 521, 522.

«Воспоминания о Скрябине», книга: 233, 236—238, 516.

Савич (Chavitch) Владимир (1888—1947) — американский дирижер: 279, 281, 282, 289, 327, 516, 523, 524, 529.

Самазейль (правильнее Самазей; Samazeuilh) Гюстав (1877—1967) — французский композитор: 382, 384.

«Ноктюрны» К. Дебюсси — переложение для фортепиано: 382, 384.

Саминский (Saminsky) Лазарь Иосифович (1882—1959) — американский композитор, музыковед и дирижер, выходец из России; соученик Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 8, 39, 43, 45, 51, 77, 141, 217, 290.

Самосуд Самуил Абрамович (1884—1964) — симфонический и оперный дирижер: 472, 552, 556, 557.

Санин (Шенберг) Александр Акимович (1869—1956) — режиссер: 495.

Сараджев (Сараджян) Константин Соломонович (1877—1954) — дирижер, педагог: 31, 89—92, 98, 101, 102, 110, 111, 115, 137, 144, 165, 178, 180, 187, 206, 209, 212, 213, 219, 229, 234, 236, 241, 243, 255, 280, 287, 324, 325, 365, 387, 389, 399, 420, 460, 489—492, 494, 502, 507, 508, 515, 516, 518, 523, 525, 534, 538.

Сараджини — см. Сараджев К. С.

Сарабьян (Срабьян) Григорий Срапионович (р. 1907) — скрипач, участник Квартета им. Комитаса: 541, 542.

Сафонов Василий Ильич (1852—1918) — пианист, дирижер, педагог, музыкальный деятель: 121.

Сашка — см. Глазунов А. К.

Светланов Евгений Федорович (р. 1928) — дирижер и композитор: 6.

Свидерский Алексей Иванович (1878 — 1933) — начальник Главискусства, член коллегии Наркомпроса: 316.

Себастьян (Sebastian) Георг (р. 1903) — венгерский дирижер; в 1931 — 1937 гг. жил и работал в Москве: 31, 411, 420, 428, 437—439, 443, 444, 446, 546.

Северянин (Лотарев) Игорь Васильевич (1887—1942) — поэт: 506.

Севицкий (Sevittzky; наст. фам. Кусевитский) Фабий (1891—1967) — американский дирижер, выходец из России: 233, 516.

Сэлл (Szell) Джордж (или Георг Дьердь Сцелл) (р. 1897) — американский дирижер, пианист и композитор; по национальности венгр: 520.

Семенова Марина Тимофеевна (р. 1908) — балерина: 400, 539.

Сен-Санс (Saint-Saëns) Камилл (1835—1921) — французский композитор, пианист, дирижер, критик: 373.

Сенкар (Szenkar) Эутен (р. 1891)—венгерский дирижер; в 1934—1937 гг. жил и работал в Москве: 31, 216, 429, 449—453, 514, 548, 549.

Сергеев Константин Михайлович (р. 1910) — танцовщик, балетмейстер: 556.

Сергеев Павел Артемьевич (1900—?) — скрипач: 537.

Сергей Иванович — см. Танеев С. И.

Серетти (Seretti) Жозе — французский пианист: 149.

Серт (Sert) Хосе-Мария (1876—1947) — испанский художник: 496.

Сестра, сестрица — см. Меньшикова (Мясковская) Вал. Я.

<стр. 591>

Сетанс (Soëtens) Роберт (р. 1897) французский скрипач: 446, 452, 538, 546—548.

Сибелиус (Sibelius) Ян (1865—1957) — финский композитор, дирижер: 7, 67, 457.

Симфония № 2, D-dur, op. 43: 457.

Сигети (Szigeti) Жозеф (Йожеф) (р. 1892) — венгерский скрипач: 192, 194, 196, 203, 204, 226, 231, 275, 511.

Симонсон (Simonson) Ли — американский художник-декоратор: 533.

Симский Борис Моисеевич (р. 1904) — скрипач, участник Квартета им. Страдивариуса: 529, 531.

Скрябин Александр Николаевич (1871—1915): 44, 65, 66, 68, 70, 71, 83, 134, 151, 207, 215, 233, 236—238, 452, 486, 488, 499, 516.

«Поэма экстаза» (симфония № 4), op. 54: 63, 68, 70.

Симфония № 2, c-moll, op. 29: 83.

Соната № 4 для фортепиано, Fis-dur, op. 30: 70.

Соната № 5 для фортепиано, op. 53: 65, 66, 68, 70, 486.

Соната № 10 для фортепиано, op. 70: 134.

«Экстаз» — см. «Поэма экстаза».

Славинский (Slawinski) Теодор (1901—1945) — польский балетмейстер: 508.

Слободская Ода Абрамовна — певица, с 1922 г. живет за границей: 499.

Смецкие — супруги: Николай Николаевич и Ольга Юрьевна—друзья матери С. С. Прокофьева: 51, 85.

Смирнов В. В. — автор либретто балета «Болт» Д. Д. Шостаковича: 540.

Соге (Sauguet) Анри (р. 1901)—французский композитор: 408, 540.

«Камерный дивертисмент» — квинтет для флейты, кларнета, альты, контрабаса и фортепиано: 408, 540.

Соколов Николай Александрович (1859—1922) — композитор, педагог: 485.

Романсы, op. 41: 485.

Соловьев Владимир Николаевич (1888—1941) — режиссер, драматург,

историк театра: 505.

Соломон — см. Сараджев К. С.

Сосин Арон Григорьевич (1892—1970) — скрипим, альтист: 535.

Софроницкий Владимир Владимирович (1901 —1961) — пианист, педагог: 358, 360—362.

Спадавеккиа Антонио Эммануилович (р. 1907) — композитор: 536.

Срабьян Г. С. — см. Сарабьян Г. С.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953): 551.

Станицын Виктор Яковлевич (1897—1976) — актер, режиссер: 555.

Староверов Владимир Кузьмич (1907—1967) — скрипач: 530, 531.

Старокадомский Михаил Леонидович (1901—1954) — композитор, органист: 526.

Станчинский Алексей Владимирович (1888—1914) — композитор: 12.

Эскизы для фортепиано, ор. 1: 12.

Степанова Елена Андреевна (р. 1892) — певица (лирико-колоратурное сопрано): 429.

Сток (Stock) Фредерик (1872—1942) — американский дирижер и композитор: 31, 250, 254, 327, 328, 396, 410, 424—426, 428, 429, 431, 434, 438, 439, 529, 538, 542, 545.

Стоковский (Stokowski) Леопольд (р. 1882) — американский дирижер: 189, 190, 196, 200, 205, 207—210, 231, 233, 234, 244, 246, 248, 250, 252, 254, 259, 318, 320, 321, 326—329, 331, 357, 359, 380, 410, 450, 511, 513, 519, 529, 533, 549.

Столярков Григорий Арнольдович (1892—1963) — дирижер: 539, 547.

Стравинский Игорь Федорович (1882—1971) — композитор, дирижер, пианист; с 1910 г. жил за границей: 16—18, 93, 106, 107, 116—119, 132, 133, 138, 181, 182, 188, 190, 191, 195, 197, 199, 206, 207, 209, 211, 217—219, 221, 223, 237, 256, 257, 259, 263, 264, 266, 268, 270—272, 281, 283, 288, 289, 291, 292, 313, 320, 326, 330, 336, 337, 341, 343, 347, 349, 357, 359, 367—369, 371, 373—375, 379—382, 392, 396, 412, 414, 426—428, 443, 447, 449, 454, 470, 489, 490, 492, 493, 495, 496, 498—500, 510—512, 514, 515, 520, 522—525, 527, 529, 533, 536, 541, 543, 544, 548, 550.

«Аполлон Мусагет», 270—273, 281, 283, 284, 288, 289, 291, 326, 449, 522, 524.

«Байка про лису, петуха, кота да барана», балет с пением: 190, 511.

«Бэзэ» — см. «Поцелуй феи».

«Весна священная», балет: 106, 194, 197, 211, 213, 370, 498.

«Жар-птица», балет и сюита из балета: 16, 92, 107, 116, 117, 489, 493, 496, 541, 550.

«Игра в карты», балет: 449, 548.

«Из японской лирики» — см. Три стихотворения из японской лирики.

Каприччио для фортепиано и оркестра: 320, 336, 337, 359, 527.

Концерт для двух фортепиано соло: 17, 428, 443, 447, 449, 548.
Концерт для скрипки с оркестром: 17, 359, 367, 369, 371, 375, 533.
Концерт для фортепиано и духовых инструментов: 195, 209, 211, 320, 512.
«Concertino» — Концертино для струнного квартета: 270—272, 523.
Октет для духовых инструментов: 188, 211, 511.
«Персефона», мелодрама: 17, 424—428, 449, 543.
«Песня соловья», симфоническая поэма на материале оперы «Соловей»: 211, 213, 514.
«Петрушка», потешные сцены: 16, 17, 104, 107, 116—119, 178, 341, 392, 492, 493, 496, 550.
«Пляска поганых» («Поганый пляс Кашеева царства») из «Жар-птицы»: 84, 489.
«Поцелуй феи», балет: 281, 288, 289, 291, 317, 524, 525.
«Прибаутки», песни для голоса и восьми инструментов: 132.
«Псалмы» — см. Симфония псалмов.
«Пульчинелла», балет с пением: 373, 401.
«Renard» — см. «Байка про лису».
«Свадебка», хореографические сцены с пением: 116, 190, 211, 496, 511.
Симфония № 1, Es-dur: 510.
Симфония псалмов для хора и оркестра: 330, 347, 368, 379—381, 529, 536.
«Сказка о беглом солдате и черте» («История солдата»), читаемая, играемая и танцуемая: 190, 191, 511.
«Соловей», опера: 115, 117—119, 495, 496.
Соната для фортепиано, fis-moll: 211, 217, 218, 514, 515.
Три стихотворения из японской лирики для голоса и девяти инструментов: 106, 493.
«Фавн и пастушка», сюита для голоса с оркестром: 133.
Фантастическое скерцо для оркестра: 133, 207.
«Фейерверк», фантазия для оркестра: 87, 490.
«Хроника моей жизни» («Chroniques de ma vie»), автобиография: 428, 544.
Фортепианный концерт — см. Каприччио для фортепиано с оркестром.
«Царь Эдип», опера-оратория: 256, 257, 259—264, 265—268, 283, 347, 428, 520, 522.
Японские романсы — см. Три стихотворения из японской лирики.
Стравинский Святослав-Сулима Игоревич (р. 1910) — пианист: 341, 548.
Старам (Straram) Вальтер (1876—1933) — французский дирижер: 239, 242, 243, 517, 523, 535.
Стробридж (Strawbridge) Эдвин — американский хореограф: 533.

Струве Николай Густавович (ум. 1920) — композитор, секретарь РМИ: 113, 114.

Сувчинский Петр Петрович (р. 1892)—музыкальный критик; с 1927 г. живет за границей: 125, 223, 226, 266, 267, 281, 283, 349, 351, 428, 498.

Судаков Илья Яковлевич (1890—1969) — режиссер: 555.

Сук Вячеслав Иванович (1861—1933) — дирижер: 169.

Суковицкий — см. Кусевицкий С. А.

Тавризиан Михаил Арсеньевич (1907— 1957) — армянский дирижер: 552.

Тайфер (Tailleferre) Жермена (р. 1892) — французский композитор: 31, 189, 191, 193.

Таиров Александр Яковлевич (1885— 1950) — основатель и руководитель московского Камерного театра, режиссер, театральный деятель: 408, 413, 414, 419, 421, 428, 540, 548.

Танеев Сергей Иванович (1856—1915): 11, 83, 97—99, 137, 179, 458, 485, 491, 500, 510.

«По прочтении псалма», кантата, ор. 36: 179, 510.

«Подвижной контрапункт строгого письма», книга: 98, 99, 491.

Симфония № 1, c-moll, ор. 12: 83.

Тансман (Tansman) Александр (р. 1897) — польский композитор, пианист; с 1919 г. живет за границей: 244, 518.

Концерт для фортепиано с оркестром: 244, 518.

Терпис (Terpis) Макс — немецкий режиссер (балетмейстер): 520.

Тетка — см. Раевская Е. Г.

Тибо (Thibaud) Жак (1880—1953)—французский скрипач: 314.

Тимофеев Григорий Николаевич (1866— 1919)—музыкальный писатель, критик: 485.

Титулованный одноименец — см. Прокофьев Г. П.

Тихонов Николай Семенович (р. 1896) — поэт: 553.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910): 490, 552.

«Война и мир»: 552.

<стр. 593>

Топорков Василий Осипович (1889—1970) — актер, режиссер: 555.

Торан (Thoran) Корнейль де — бельгийский оперный дирижер: 526.

Тосканини (Toscanini) Артуро (1867— 1957) — итальянский дирижер, с 1928 г. жил в США.

Трошин Борис Михайлович (1909—1941) — композитор: 536.

Тупшалов М. Д. (ум. 1896) — композитор, дирижер: 353, 531.

«Картинки с выставки», инструментовка фортепианных пьес М. П. Мусоргского: 353, 531.

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943) — писатель: 543

«Подпоручик Киже», рассказ: 543.

«Поручик Киже», киносценарий: 543.

Тэриан Михаил Никитович (р. 1905) — альтист и дирижер; участник Квартета им. Комитаса: 531, 541.

Тюнеев Борис Дмитриевич (1883—1934) — музыковед, рецензент: 500.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — поэт: 151, 487, 504.

Тюреман (Tureman) Гораций Э. — американский дирижер: 551.

Унгер (Unger) Хейнц (1895—1965) — немецкий и канадский дирижер, в 1934—1936 гг. жил и работал в Ленинграде: 428, 513.

Уолтон (Walton) Уильям Тернер (р. 1902) — английский композитор: 413, 415, 541.

«Фасад», симфоническая сюита из балета: 414, 541.

Утрилло (Utrillo) Морис (1883—1955) — французский художник: 518.

Ушаковы — домовладельцы в Пятигорске, где жил С. И. Танеев: 97.

Ф. — см. Держаиовский В. В.

Фабер (Fabert) Анри — французский певец (тенор): 512.

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — писатель: 374, 375, «Последний из удэге», роман: 374, 375, 535.

«Разлив», «Против течения», рассказы: 375, 535.

Файер Юрий Федорович (1890—1971) — дирижер балета 539, 547, 552.

Файнциммер Александр Михайлович (р. 1906) — кинорежиссер: 543.

Фаль (Фалль; Fall) Фриц (р. 1901) — австрийский дирижер: 394—397, 532, 538.

Федоровская (рожд. Мясковская) Евгения Яковлевна (1890—1976) — сестра Н. Я. Мясковского: 459, 473, 520.

Фейнберг Самуил Евгеньевич (1890—1962) — композитор, пианист: 15, 151, 160, 161, 164, 165, 168, 169, 172—174, 182, 187, 207—210, 212, 213, 218, 222, 228, 229, 241, 265, 351, 353, 358, 360, 370, 371, 386, 400, 401, 504, 506—509, 513, 515, 516, 525, 537, 538, 553.

Концерт № 1 для фортепиано ром, C-dur, op. 20: 386, 537.

Прелюдии — Четыре предюдии для фортепиано, op. 8: 160, 506.

Сонаты для фортепиано: 160, 172, 208.

Соната № 1, A-dur, op. 1: 160, 165, 506.

Соната № 2, a-moll, op. 2: 160, 165, 506.

Соната № 3, gis-moll, op. 3: 506.

Соната № 4, es-moll, op. 6: 160, 165, 172, 174, 506.

Соната № 5, c-moll, op. 10: 506.

Соната № 6, op. 13: 208, 210, 222, 515.

Соната для фортепиано, op. 11: 160, 165, 174, 506.

Три стихотворения А. Блока для голоса с фортепиано, op. 7: 165, 507.

Фантазия № 1 для фортепиано, Es-dur, op. 5: 160, 506.

Фантазия № 2 для фортепиано, e-moll, op. 9: 160, 165, 174, 506.

Фельдт Павел Эмильевич (1908—1960) — дирижер: 552, 556.

Феодоров — композитор: 292.
 Фере Владимир Георгиевич (1903—1971) — композитор: 463.
 Ферру (Ferroud) Пьер Октан (1900—1936) — венгерский композитор, критик, с 1923 г. жил в Париже: 396.
 Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт: 506
 Фитель — см. Фительберг Г.
 Фительберг (Fitelberg) Гжегож (1879—1953) — польский дирижер, в 1914—1921 гг. жил и работал в Петрограде: 30, 131, 156, 157, 161, 163, 164, 180, 183, 185, 190, 197, 199, 202, 208, 209, 223, 241, 417, 430, 499, 500, 513, 537, 542.
 Фишман Борис Семенович (1906—1965) — скрипач: 454, 472, 550.
 Флиер Яков Владимирович (р. 1912) — пианист: 549.
 Фокин Михаил Михайлович (1880—1942) — танцовщик и балетмейстер: 491, 495, 496.
 Форест Е. Г. — певица: 489
 Франк (Franck) Сезар (1822—1890) —
 <стр. 594>
 французский композитор, органист: 327, 529.
 Симфония d-moll: 327, 592.
 Франко (Franco) Хосе — испанский дирижер: 441.
 Франсе (François) Жан (р. 1912)—французский композитор: 400—403, 539.
 «Школа танцев», балет: 400, 401, 539.
 «Пляж» («Beach»): балет: 401.
 Фортепианный септет: 401, 402.
 Фрид (Fried) Оскар (1871—1941) — немецкий дирижер и композитор, с 1934 г. жил и работал в Москве: 233, 516, 533.
 Фуртвенглер (Furtwängler) Вильгельм (1886—1954)—немецкий дирижер, композитор, музыкальный писатель: 207, 234, 258, 261, 513, 520, 537.

 Хавенсон Александр Соломонович — заведующий Музгизом: 436, 437, 447.
 Халип Владимир Яковлевич (1877—1951)— фаготист: 501.
 Хаскел (Haskell) Арнольд Лайонел (р. 1903) — английский историк балета: 544.
 «Diaghileff his artiste and private life», книга (в соавторстве с В. Нувелем): 544.
 Хачатурян Арам Ильич (р. 1903) — композитор, педагог, музыкальный и общественный деятель: 7, 15, 401, 539.
 Концерт для скрипки и оркестра, d-moll: 7.
 Танцевальная сюита для оркестра: 7.
 Трио для кларнета, скрипки и фортепиано: 7, 401, 539.
 Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — писатель, поэт, драматург: 331.

Хертц (Hertz) Альфред (1872—1942) — американский дирижер: 528.

Херцка (Hertzka) Эмиль (1869—1932) — директор венского «Универсального издательства»: 262, 277.

Хессин Александр Борисович (1869—1955) — дирижер: 204, 207, 511.

Хиндемит (Hindemith) Пауль (1895—1963) — немецкий композитор: 169, 219, 327, 370, 372, 386, 392, 434, 439, 455, 534, 545.

Второе струнное трио (2 Trio): 434, 545.

Концерт (Kammermusik № 2) для фортепиано и духовых инструментов, op. 36 № 1: 372, 534.

«Матис-художник» («Mathis der Maler»), симфония: 434, 435, 545.

Филармонический концерт («Philharmonisches Konzert») для оркестра: 434, 545.

Ховард (Howard) — скрипач, участник Квартета Манжо: 541

Храпченко Михаил Борисович (р. 1904) — литературовед, председатель Комитета по делам искусств СССР: 459, 555.

Цейтлин Лев Моисеевич (1881—1952) — скрипач, организатор (в 1922 г.) Персим-фанса: 228, 272, 507.

Цинциннат (Cincinnatus) Луций Квинкий (р. ок. 519 г. до н. э.) — римский полководец и политический деятель: 168, 508.

Цыганов Дмитрий Михайлович (р. 1903) — скрипач, с 1923 г. возглавляет Квартет им. Бетховена: 204, 207, 396, 509, 513, 516, 520, 535, 537, 538.

Чайкин — см. Чайковский П. И.

Чайковский Петр Ильич (1840—1893): 18, 49, 113, 152, 178, 182, 264, 289, 348, 369, 449, 451, 455, 465, 468, 509, 524, 549.

Концерт для скрипки с оркестром, D-dur, op. 35: 509.

Концерт № 1 для фортепиано с оркестром, b-moll, op. 23: 549.

Симфония № 2, c-moll, op. 17: 49, 348.

Симфония № 3, D-dur, op. 29: 449.

Симфония № 4, f-moll, op. 36: 369.

Симфония № 5, e-moll, op. 64: 113.

Чемберджи Николай Карпович (1903—1948) — композитор: 468.

«Героическая поэма» для симфонического оркестра: 468.

Черепнин Александр Николаевич (р. 1899) — композитор и пианист, с 1921 г. живет за границей: 189, 219, 239.

«Оль-Оль», опера: 239, 517.

Черепнин Николай Николаевич (1873—1945) — композитор, дирижер, педагог; с 1921 г. жил за границей: 117, 121, 129, 130, 223, 239, 453, 485, 493, 496, 498, 499, 517, 550.

«Азбука в картинках», 14 эскизов для фортепиано, op. 38: 130, 498.

«Маска красной смерти», хореодрама: 129, 498.

«Нарцис», балет: 107, 117, 118, 493, 496.

«Рыбка» — см. «Сказка о рыбаке и рыбке».

«Сват», опера: 239, 517.

«Сказка о рыбаке и рыбке», шесть музыкальных иллюстраций, ор. 41: 130, 453, 498, 550.

<стр. 595>

Эскизы (двенадцать) для духовых инструментов с фортепиано, ор. 45: 453, 550.

Черешнев Григорий Яковлевич (1874—?) — музыкальный рецензент: 490.

Черкасская Марианна Борисовна (1876— 19.41)—певица (драматическое сопрано): 502.

Чернов Михаил Михайлович (1879—1938) — композитор, педагог: 523.
Симфония № 3: 523.

Чесноков Александр Григорьевич (1880—?) — композитор, с 1920-х годов жил за границей: 452, 485, 550.

Чефранов Борис Петрович (1879—?) — композитор, соученик Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 39, 43, 45.

Шавич — см. Савич В.

Шандаровская Зинаида Оскаровна (р. 1892) — пианистка: 134.

Шапорин Юрий Александрович (1887— 1966)—композитор, педагог: 459, 461, 552.

Шапо, Шапопо — см. Шапорин Ю. А.

Шацкий Станислав Теофилович (1878—1934)—педагог, директор Московской консерватории: 379, 536.

Шварц Лев Александрович (1898—1962) — композитор: 15, 401, 539.
«Восточная сюита»: 401, 539.

Шебалин Виссарион Яковлевич (1902—1963) — композитор, педагог: 15, 297, 300, 329, 331, 359, 394, 395, 422, 427, 428, 432, 434, 436—438, 440, 441, 443, 451, 458, 465—469, 425, 542, 543, 545, 547, 549, 551, 554.

Двенадцать стихотворений А. Пушкина для голоса и фортепиано, ор. 23: 445, 547.

Квартет № 2. В-dur, ор. 19: 427, 543.

Квартет № 3 e-moll. ор. 28: 407, 468, 554.

Квартет № 4, g-moll, ор. 2!): 467, 468, 554.

Квартет № 5 (на славянские темы), F-dur, ор. 33: 465, 466, 468, 554.

Романсы (пушкинские)—см. стихотворений А. Пушкина, ор. 23.

Симфония № 2, cis-moll, ор. 11: 422, 432, 434, 436, 438, 440, 542, 544.

Симфония № 3, C-dur, ор. 17: 427, 466. 543, 554.

Симфония № 4 («Героям Перекопа»), В-dur, ор, 24: 444, 547.

Симфония на две русские темы М. И. Глинки, оконченная и доинструментованная В. Я. Шебалиным: 458, 551.

Славянский квартет см Квартет № 5.

Увертюра на мариинские темы для оркестра, ор. 25: 451, 549.

Шейблер Трувор Карлович (1900—1960) —композитор, дирижер: 459/

Шейдлер Георгий (Георгий-Отокар) Иосифович (1874—1932) —
дирижер: 529, 530.

Шекспир (Shakespeare) Вильям (1564—1616): 22, 540, 546, 551.

«Антонин и Клеопатра»: 540

«Гамлет»: 551.

«Король лир»: 22.

«Ромео и Джульетта»: 546.

Шелли (Shelley) Перси Биши (1792—1822)—английский поэт и
драматург: 65, 486, 492, 508..

Шеншин Александр Алексеевич (1890—1944) —композитор, педагог:
165, 495.

«Паутинки», пьесы для оркестра: 495.

Шёнберг (Schönberg) Арнольд (1874—1951) —австрийский композитор,
педагог: 16, 19, 169, 207, 219, 266.

Шереметев Александр Дмитриевич (1859—1919) — музыкальный
деятель, дирижер, организатор оркестра и концертов: 62, 485.

Шерхен (Scherchen) Герман (1891—1966) — немецкий дирижер, педагог:
161, 229, 238, 339, 340, 345, 416, 417, 420, 423, 430—432, 434, 443, 544.

Шехтер Борис Семенович (1900—1961) —композитор: 15, 399, 400, 408,
539, 541.

«Туркменская сюита» для симфонического оркестра: 400, 401, 409,
539, 541.

Шимановский (Szymanowski) Кароль (1882—1937) — польский
композитор, пианист, педагог: 169, 173, 176.

Концерт для скрипки с оркестром ор. 35: 173, 176.

Ширинский Василий Петрович (1901—1965) — композитор, скрипач,
дирижер; участник Квартета им. Бетховена: 192, 203, 211, 336, 463, 509,
511, 530, 535, 537, 553.

Квартет, H-dur, ор. 2: 336, 530.

Ширинский Сергей Петрович (1903—1974)—виолончелист, участник
Квартета им. Бетховена: 509, 535.

Шишов Иван Петрович (1888—1947) — композитор, с 1930 г. редактор
Музгиза: 420.

<стр. 596>

Шлёцер Борис Федорович (1884—1969) — музыкальный критик,
переводчик: 208, 241.

Шлифштейн Семен Исакович (1903—1975) — музыковед: 32, 465—467,
554.

Шмит (Schmitz) Робер (1889—1942)— французский пианист: 234.

Шмитт (Schmitt) Флоран (1870—1958) — французский композитор,
дирижер, критик: 31, 107, 427, 428, 430, 493, 543, 544.

- «Антоний и Клеопатра», симфонические эпизоды, op. 50: 543.
«Musique de pleine air», op. 44: 543.
«Трагедия Саломеи», мимодрама: 107, 493, 543.
«Un semaine du petit elfe Ferme-l'oeil», балет, op. 58: 543.
- Шмуллер (Schmuller) Александр (1880 — 1933)—скрипач, профессор Амстердамской консерватории: 231.
- Шнеерсон Григорий Михайлович (р. 1901) — музыковед: 472, 556.
«Встречи с Прокофьевым», воспоминания: 556.
- Шнеефогт (Schneevoigt) Георг (1872— 1947)—финский виолончелист и дирижер; в 1912—1914 гг. жил и работал в Петербурге: 164.
- Шопен (Chopin) Фридерик (1810—1849): 44, 191, 376, 519.
Баллада № 3 для фортепиано, As-dur, op. 47: 376.
- Шор Владимир Романович — пианист: 173, 509.
- Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906— 1975) — композитор, пианист, музыкальный и общественный деятель, педагог: 5, 6, 12, 15, 265, 345, 395, 396, 401, 403, 407, 412, 414—419, 421, 422, 440, 444—446, 450, 455, 458, 460, 465, 468, 522, 529, 538—541, 543, 546, 547, 549, 551, 552, 554, 555.
Ансамбль, октет — см. Две пьесы, op. 11.
«Болт», балет, op. 27 и симфоническая сюита, op. 27-а: 412, 415, 541, 543.
Две пьесы (Прелюд d-moll и Скерцо g-moll) для струнного октета, op. 11: 395, 538.
Квintет для фортепиано, двух скрипок, альты и виолончели, g-moll, op. 57: 5.
Концерт № 1 для фортепиано с оркестром, c-moll, op. 35: 409, 415, 417, 421, 450, 540, 543, 549.
«Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина Измайлова»), опера, op. 29: 403, 439, 446, 539, 545.
«Нос», опера, op. 15 и сюита для солистов и оркестра, op. 15-а: 327, 418, 529.
«Светлый ручей», балет, op. 39: 6, 444, 446, 547.
Симфония № 1, f-moll, op. 10: 440, 546.
Симфония № 3 («Первомайская»), Es-dur, op. 20: 396, 401, 415—417, 440, 538, 546.
Симфония № 4, c-moll, op. 43: 444, 445, 547.
Симфония № 5, d-moll, op. 47: 455, 458, 460, 551, 552.
Симфония № 6, h-moll, op. 54: 460, 552.
Симфония № 7, C-dur, op. 60: 12, 460, 465, 468, 552, 554, 555.
Соната № 1 для фортепиано, op. 12: 265, 522.
- Шоу (Shaw) Бернارد Джордж (1856—1950) — английский драматург, критик, публицист: 540.
«Цезарь и Клеопатра»: 540.
- Шпильман Семен М. (р. 1884)—виолончелист: 509.

Шредер Иван Карлович (1848—1935) — владелец петербургской фортепианной фабрики «К. М. Шредер», устроитель концертов: 50, 112, 121, 484.

Штанге Наталья Карловна (1902—1927) — певица: 258, 521.

Штейман Михаил Осипович (ум. 1949) — дирижер: 79, 488.

Штейнберг Максимилиан Осеевич (1883—1946) — композитор, педагог: 62, 100, 171, 172, 174, 226, 238, 440, 485, 492, 496, 498, 523, 546.

«Восточные песни» для оркестра: 440, 546.

Драматическая фантазия для оркестра, ор. 9: 492.

«Метаморфозы», триптих для оркестра, ор. 11: 172, 496.

«Мидас», балет: 116, 118, 496.

«Русалка», кантата: 485.

Симфония № 2, b-moll, ор. 8: 172.

Штейнберг (Steinberg) Ганс-Вильгельм — немецкий дирижер: 429.

Штембер Николай Викторович (р. 1892) — пианист: 134.

Штидри (Stiedry) Фриц (1883—1968) — австрийский дирижер; в 1933—1937 гг. жил и работал в Ленинграде: 428, 429.

Штоффер Яков Зиновьевич (1906—1951) — театральный художник: 555.

Штрассер (Strasser) Стефан (о. 1888) — венгерский дирижер: 280, 283, 286, 524.

<стр. 597>

Штраус (Strauß) Рихард (1864—1949) — немецкий композитор, дирижер: 64, 71, 111, 172, 213, 347, 348, 484, 487, 488, 490, 496, 514, 531.

«Альпийская симфония» для оркестра и органа, ор. 64: 213, 514.

«Бурлеска» для фортепиано с оркестром, d-moll: 79, 488.

«Доместика» («Домашняя симфония»), ор. 53: 81, 488.

«Дон Жуан», симфоническая поэма, ор. 20: 531.

«Заратустра» — см. «Так говорил Заратустра».

«Иосиф» — см. «Легенда об Иосифе».

«Кавалер роз» («Розенкавалер»), сюита для оркестра: 111.

«Легенда об Иосифе», балет: 117, 118, 120, 172, 496.

«Макбет», симфоническая поэма: 111.

«Так говорил Заратустра», симфоническая поэма, ор. 30: 127.

«Фёйерснот» («Feuersnot. Ein Sinngedicht»), поэма для пения с оркестром, ор. 50: 111, 484.

Штример Александр Яковлевич (1888—1961)—виолончелист, педагог: 535.

Штробах (Strohbach) Ганс — немецкий режиссер и художник: 514.

Шуберт (Schubert) Франц (1797—1828): 50, 79, 132, 150, 216, 217, 274, 399, 401, 455, 488, 511, 514, 523, 538, 539, 551.

Вальсы: 216, 399, 401, 455, 511, 514, 538, 539, 551.

Grand duo, C-dur, пьеса для фортепиано в четыре руки, ор. 140: 51.

Неоконченная симфония, h moll: 79, 488.

Шульгин Лев Владимирович (1890—1968)—композитор, музыкальный

деятель: 518.

Шульман Натан Борисович (р. 1906) — пианист, дирижер, композитор: 462.

Шультес (правильнее Шультхесс; Schulthess) Вальтер (р. 1894) — швейцарский дирижер, композитор, организатор и руководитель концертного общества и Цюрихе: 436, 438.

Шуман (Schumann) Роберт (1810—1856): 100, 150, 249, 484, 491, 493.

«Карнавал», для фортепиано, ор. 9; здесь — оркестровая версия фортепианных пьес и балетный спектакль: 100, 107, 491, 493.

«Traumeswigen», пьеса для фортепиано, № 7 из ор. 12: 484.

Шуренок — см. Глазунов А. К.

Щербачев Владимир Владимирович (1899—1952) — композитор, педагог: 15, 145, 146, 160, 161, 261, 263, 401, 502, 539.

Нонет, ор. 10: 401, 539.

Симфония № 1, c-moll: 145, 502.

Эберг Эрнест Александрович (ум. 1925) — директор РМИ и издательства А. Гутхейля: 152, 175, 183, 200, 205, 215, 217, 221, 229, 232.

Эйдлин Юлий Ильич (1895—1958) — скрипач: 535.

Эйзенберг (Eisenberg) Морис (1902—1972) — виолончелист: 532.

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1896—1948) — кинорежиссер, теоретик, деятель кино: 552.

«Иван Грозный», кинофильм: 552.

Экскузович Иван Васильевич (1883—1942) — театральный деятель, управляющий академическими театрами Ленинграда и Москвы: 217, 268, 514.

Эльгар (правильнее Элгар; Elgar) Эдуард Уильям (1857—1934) — английский композитор и дирижер: 414, 416, 541.

«В Лондоне», увертюра для оркестра: 541.

Элькан Евгений Вениаминович (р. 1887) — соученик Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 39, 43, 45.

Энгель Юлий Дмитриевич (1868—1927) — критик, композитор, переводчик; с 1920-х годов жил за границей: 233, 397.

Энке Владимир Робертоинч (р. 1908) — композитор: 536.

Эрдман Борис Робертович (1899—1960) — театральный художник: 556.

Эрнст (Ernst) Макс (1891 — 1976) — немецкий художник: 518.

Эше Елизавета Николаевна — пианистка, соученица С. С. Прокофьева по Петербургской консерватории: 486.

Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — пианистка, педагог: 360—362, 466, 468, 470, 472, 541, 554, 556.

Юлия — см. Вейсберг Ю. Л.

Юрасович — см. Юрасовский А. И.

Юрасовский Александр Иванович (1890—1922) — композитор и дирижер 105, 115, 122, 123, 125, 492, 493, 495.

«В лунном свете», симфонические отрывки, ор. 6: 492, 493.

<стр. 598>

«Трильби», опера: 495.

«Фантомы», симфоническая поэма, ор. 8: 493, 495.

Юргенсон Иосиф Иванович (1829—1910) — музыкальный издатель и владелец магазина в Петербурге: 65, 486.

Юргенсон Петр Иванович (1836—1903) — основатель музыкального издательства в Москве: 490.

Юргенсоны — Борис Петрович (1868— 1935) и Григорий Петрович (1872— 1936)—сыновья П. И. Юргенсона и совладельцы музыкального издательства и магазина в Москве: 105, 115, 121, 137, 146, 308, 490.

Юровский Александр Наумович (1882— 1952) — пианист, в 1922—1944 гг. заведующий и главный редактор Музсектора Госиздата, Музгиза: 250, 270, 271, 300, 319, 324, 325, 379, 395, 398, 451, 452.

Яворский Болеслав Леопольдович (1877—1942)—музыковед, пианист, теоретик, педагог, музыкальный и общественный деятель: 106, 159, 167, 168, 198, 221, 241—243, 246—248, 250—254, 329, 493, 518, 519.

Яковлев Василий Васильевич (1880—1957) — музыковед, зять Н. Я. Мясковского: 92, 279, 490.

Яковлева (рожд. Мясковская) Вера Яковлевна (1884—1965)—сестра Н. Я. Мясковского, жена В. В. Яковлева: 473, 490, 520, 557.

Яковлевы — В. В. Яковлев и его жена Вера Яковлевна: 129.

Якулов Георгий Богданович (1884—1928)— художник: 217, 353, 514.

Ян-Рубан Анна Михайловна (ум. 1955) — певица (сопрано): 501.

Янкелевич Юрий Исаевич (1909—1973) — скрипач, педагог: 530.

Яновский Борис Карлович (1875—1933) — композитор, дирижер, критик: 75.

Вальс: 75.

Ярошевский Адольф Адольфович (1863— 1910) — пианист, педагог: 447, 452.

Яхонтов Анатолий Александрович (1891— 1951) — певец (бас): 521.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Б. Кабалевский. Чудесная дружба</i>	3
Предисловие	25
Письма	35
Комментарии.....	481
Указатель произведений С. С. Прокофьева	558
Указатель произведений Н. Я. Мясковского.....	565
Указатель имен и названий произведений.....	571

<стр. 600>

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ
и НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ МЯСКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

Составление и подготовка текста
Миральды Георгиевны Козловой и Нины Романовны Яценко

Редактор А. Сеславинская Художник Ю. Копылов
Худож. редактор Л. Рабенау Техн. редактор Л. Мотина
Корректор Л. Юровская

Сдано в набор 23/III 1976 г. Подп. к печ. 28/IV 1977 г. А-04519
Форм. бум. 70х90 ¹/₁₆ Печ. л. 37,62 (Условные 44)
Уч.-изд. л. 42,05 (с вкл.) Тираж 13 000 экз. Изд. № 3476 Зак. 1855
Цена 3 р. 23 к. Бумага № 1

Всесоюзное издательство «Советский композитор»,
103006, Москва, К-6, Садовая-Триумфальная ул., 14—12.
Московская типография № 6 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.